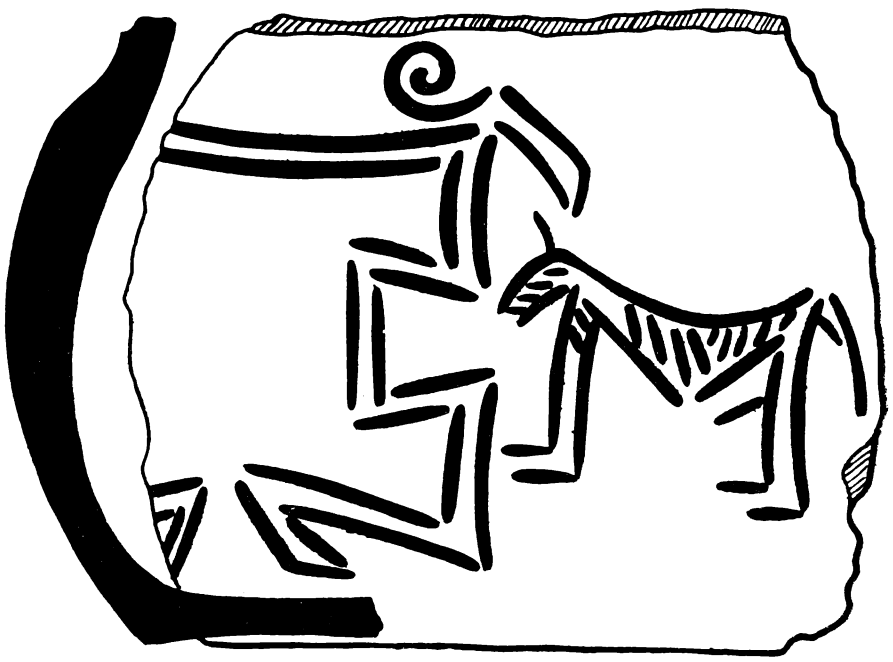
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

И 39

Р. М. МУНЧАЕВ

КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Неолит, энеолит, ранняя бронза

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Книга посвящена изучению культурно-исторического развития Кавказа в V—III тысячелетиях до н. э., в период неолита, энеолита и раннего бронзового века. Анализ свидетельствует о развитии на Кавказе в эпоху неолита земледелия и скотоводства. В монографии охарактеризованы раннеземледельческие комплексы, а также культуры Кавказа эпохи ранней бронзы — куро-аракская и майкопская. Раскрывается общая картина культурно-хозяйственного прогресса племен, населявших Кавказ в III тысячелетии до н. э.

Отделение
ИНИОН АН СССР
при Институте археологии
879

М 10602—160
042(02)-75 131-75

© Издательство «Наука», 1975 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Светлой памяти учителя
Евгения Игнатьевича КРУПНОВА
посвящаю

Введение

Последние два-три десятилетия ознаменовались крупными открытиями в области археологии Старого Света. В данном случае речь идет прежде всего о тех широко известных в настоящее время исследованиях в Малой и Передней Азии, которые существенным образом изменили наши представления о времени сложения производящих форм хозяйства и уровне развития древнейших оседлых земледельческо-скотоводческих культур. Убедительным свидетельством тому служат результаты раскопок поселений Хаджилар и Чатал-Гуюк в Южной Турции [1], некоторых весьма ранних памятников в Иране [2] и ряда археологических объектов в других областях Старого Света, включая Европу [3].

Еще исследованиями Р. Брейдвуда поселения Джармо на севере Ирака были получены надежные данные в пользу глубокой древности развития в Передней Азии производительной экономики — земледелия и скотоводства [4]. В настоящее время представляется, что к VII тыс. до н. э., а может быть, и раньше, племена, обитавшие в предгорьях и на равнинах ряда областей Старого Света и прежде всего Ближнего Востока, перешли к производящим формам хозяйства и создали первые культуры, основанные уже на земледельческо-скотоводческой экономике [5].

Процесс перехода человеческих коллективов от присвоения продуктов природы к их непосредственному производству и формирование ранних

[1] *G. Mellaart.* Earliest civilizations of Near East. London, 1965; *он же.* Hacilar, v. I—II. London, 1970; *он же.* Çatal Hüyük. A neolithic town in Anatolia. London, 1967.

[2] Это поселение Сараб в районе Керманшаха, а также Али Кош, Сабз и другие в Хузистане. См.: *R. J. Braidwood, B. Howe* and *C. Reed.* The Iranian prehistoric project. «Science», v. 133, № 3469, 1961; *Fr. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neely.* Prehistory and Human ecology of the Deh Luran Plain. An Early village sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969; *R. H. Dyson.* On the Origins of the Neolithic revolution. «Science», 8 may, 1964, v. 144.

[3] В настоящее время хорошо известны также работы Мак Нейша по изучению раннеземледельческих культур и Нового Света. См., например: *R. S. MacNeish.* Ancient Mesoamerican civilization. «Science», v. 143, № 3606. Washington, 1964, p. 531—537; *он же.* The origins of New World civilization. «Scientific American», v. 211, N 5. N. Y., 1964, p. 29—37.

[4] *R. J. Braidwood* and *B. Howe.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.

[5] *Sayid Abdul Qadir Al-Tikriti.* Archaeological evidence for the neolithic revolution in the Near East [рукопись диссертации, защищенной автором в Лондонском университете в 1965 г.; хранится в библиотеке Департамента древностей Ирака. Т. I — текст, стр. 1—189; т. II — иллюстрации].

форм земледельческо-скотоводческого хозяйства, составляющие содержание так называемой неолитической революции, протекал, естественно, далеко не равномерно и по-разному в различных областях и продолжался длительное время. Механизм и динамика этого процесса пока неясны еще в достаточной степени. И это понятно. Но следует подчеркнуть, что на изучение его, как и всей проблемы неолитической революции, обращается в науке большое и серьезное внимание. Хотя история исследований по данной проблематике охватывает небольшой отрезок времени, тем не менее мы имеем уже определенное количество как общих, так и частных работ, посвященных изучению неолитической революции [6]. Едва ли уместно делать здесь историографический экскурс и останавливаться на известных трудах Г. Чайльда, который впервые ввел в научный обиход понятие «неолитическая революция», и Р. Брейдвуда, положившего после своих раскопок поселения Джармо начало углубленному и широкому изучению формирования и развития первоначальных форм земледелия и скотоводства и сложения и распространения ранних земледельческих культур Старого Света [7]. Мы отметим только, что в отдельных областях нашей страны за минувшее 20-летие получены чрезвычайно важные свидетельства в пользу глубокой древности развития здесь земледелия и скотоводства и оседлых культур, основанных на производящем хозяйстве. Мы имеем в виду прежде всего открытие на юге Туркменистана ряда оседлоземледельческих памятников эпохи неолита. Эти памятники, характеризующие так называемую джейтунскую культуру, отражают наиболее ранний этап развития оседлоземледельческой культуры в Средней Азии [8]. Тщательное изучение их и памятников последующих этапов развития местной культуры, равно как и материалов соответствующих памятников всего Переднего Востока, позволило В. М. Массону создать широкую картину развития «неолитической революции» в южном поясе Старого Света. На наш взгляд, ему удалось убедительно показать на археологическом материале полицентрический

---

[6] Из общих работ мы укажем только исследования Р. Брейдвуда (см.: *R. J. Braidwood.* Prehistoric Man. Illinois, 1967) и С. Коул (см.: *S. Kole.* The neolithic revolution. London, 1963). Значительно больший интерес представляет работа американских исследователей, посвященная изучению процесса становления и развития земледелия и скотоводства в одной локальной области Переднего Востока, в частности в долине Дех Лурана в Хузистане (Иран) (см.: *Fr. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neely.* Указ. соч.). Из трудов советских исследователей следует выделить работы по данной проблематике прежде всего В. М. Массона и С. А. Семенова (см.: *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964; *он же.* Поселение Джейтун. МИА, № 180, 1971; *С. А. Семенов.* Происхождение земледелия. М.— Л., 1974; и др.).

[7] *В. М. Массон.* Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии. ВИ, 1970, № 6, стр. 73—89.

[8] *В. М. Массон.* Джейтунская культура. «Труды ЮТАКЭ», т. X, 1960; *он же.* Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. Изв. АН ТССР, Серия общественных наук, № 1, 1960; *он же.* Средняя Азия и Древний Восток; *он же.* Поселение Джейтун; *Г. Ф. Коробкова.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969; *О. К. Бердыев.* Южная Туркмения в эпоху неолита. Ашхабад, 1971; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966, стр. 76—148.

характер происхождения земледелия и скотоводства и развития ранних оседлоземледельческих культур [9].

В своих работах В. М. Массон справедливо выделил три древнейших очага развития земледелия и скотоводства на территории нашей страны [10]. Первый из них локализуется на юге Средней Азии, в пределах Туркменистана, и характеризуется, с точки зрения историко-археологической, джейтунской культурой. Другим древнейшим очагом развития производящих форм хозяйства является Кавказ и в особенности Закавказье. И, наконец, третий очаг расположен в Северо-Западном Причерноморье, в частности на территории Молдавии и правобережной Украины.

О среднеазиатском очаге земледелия мы имеем в настоящее время достаточно широкое представление. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии представлен сейчас группой выразительных памятников, частично подвергнутых специальному исследованию, а наиболее известный — Джейтунское поселение в предгорьях Копет-Дага — полностью раскопан и монографически исследован [11].

Значительные успехи достигнуты и в изучении неолитических и энеолитических памятников Молдавии и Украины, благодаря чему получена возможность для суждения о путях и особенностях развития западнопричерноморского очага земледелия и скотоводства. В этой связи нельзя не отметить тот факт, что буквально за минувшее десятилетие вышли в свет специальные труды, посвященные неолиту и энеолиту Украины [12], а также Молдавии [13].

Что же касается кавказского очага древнейшего земледелия и скотоводства, то степень изученности раннеземледельческих памятников Закавказья и Северного Кавказа и соответствующего научного обобщения накопленного материала оставляет желать много лучшего. Указывать на слабую изученность неолита Кавказа стало, можно сказать, традицией в историко-археологической литературе. Между тем с разработкой данной проблемы связано решение целого ряда кардинальных вопросов древнейшей истории не только Кавказа, но и всей Юго-Восточной Европы. Несмотря на то, что материалы по неолиту отдельных областей Кавказа известны, пока еще не сделано попытки собрать их воедино и дать обобщенную характеристику.

Неолитические памятники открыты уже во всех республиках Закавказья и во многих районах Северного Кавказа. Даже самое общее зна-

---

[9] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 82—122.

[10] См., в частности: *В. М. Массон.* Древние земледельцы на территории СССР. В кн.: Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, стр. 67—99.

[11] *В. М. Массон.* Поселение Джейтун.

[12] *Д. Я. Телегин.* История племен днепро-донецкой культуры. Автореф. докт. дисс. М., 1967; *он же.* Среднестоговская культура эпохи меди. Киев, 1973 (на украин. языке с русским и английск. резюме); *В. Н. Даниленко.* Неолит Украины. Киев, 1969; *он же.* Энеолит Украины. Киев, 1974; *В. Г. Збенович.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.

[13] *В. И. Маркевич.* Неолит Молдавии. Автореф. канд. дисс. М., 1968; *он же.* Памятники эпох неолита и энеолита. В кн.: Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2. Кишинев, 1973; *он же.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.

комство с ними позволяет отметить их своеобразие, определенные локальные особенности развития отдельных областей Кавказского перешейка в неолитическую эпоху. Совершенно очевидно в настоящее время и то, что неолит Кавказа развился в значительной степени на основе местной позднепалеолитической и мезолитической культуры. Более того, сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что в ту эпоху на Кавказе, в особенности в Закавказье, наблюдается уже развитие производящих форм хозяйства, так же как в Средней Азии и в Северо-Западном Причерноморье. Свести воедино известные неолитические памятники Кавказа и дать их культурно-историческую интерпретацию в свете новых данных — такова одна из задач настоящей монографии.

Кавказ с точки зрения физико-географических условий — чрезвычайно сложный и разнообразный край. Ограниченный с запада Черным, а с востока Каспийским морями, он представляет собой обширный перешеек. Колоссальная горная система Большого Кавказа с его величественными хребтами — Эльбрусом, Казбеком и др., идущая диагонально от Черного моря к Каспию, делит перешеек на две большие области — Закавказье и Предкавказье, или Северный Кавказ. Кавказ на юге буквально примыкает к Передней Азии, в частности он находится в непосредственной близости от Загроса, который считается одним из самых древнейших очагов возникновения и развития мирового земледелия [14]. На севере же предкавказские районы смыкаются со степями Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья. Потому-то Кавказ часто называют мостом, который связывал с древнейших времен Переднюю Азию с причерноморскими степями и всей Юго-Восточной Европой. Горная система Большого Кавказа, как установлено ныне, никогда, включая эпоху палеолита, не являлась непроходимой преградой для древнейшего населения края. Более того, имеется основание предполагать, что именно через Кавказ еще в эпоху раннего палеолита началось заселение каспийско-черноморских степей [15], а в эпоху мезолита уже возникла культурная близость населения степей и Кавказа [16]. Что же касается последующего периода культурно-исторического развития и в частности неолита и энеолита, то Кавказ считается одним из важнейших очагов, откуда проникла в Северное Причерноморье и Поволжье культура земледелия [17]. Начиная с III и почти до середины II тыс. до н. э. основным источником, снабжавшим металлом степное население Юго-Восточной Европы, являлся, как это теперь общепризнанно, Кавказ [18].

Кавказ отличается исключительным богатством и разнообразием своих природных ресурсов. Здесь в обилии имеются высококачественный кремень, а также достаточно много вулканического стекла — обсидиана.

---

[14] *В. М. Массон.* Проблема неолитической революции..., стр. 75 и др.

[15] *С. Н. Бибиков.* Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, № 4.

[16] *А. А. Формозов.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[17] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. М., 1968.

[18] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

Древнейшие обитатели Закавказья и Северного Кавказа не испытывали недостатка в материале для производства орудий труда и изготовления оружия. Возможности для производящей экономики на Кавказе и в особенности в Закавказье были самые широкие. Мягкий климат, обилие лесов, где много съедобных дикорастущих плодов и кореньев, богатая фауна — все это способствовало процветанию здесь жизни человека с палеолита, а в эпоху неолита, возможно, под определенным влиянием с юга и юго-запада положило начало формированию здесь производящей экономики, т. е. земледелия и скотоводства. Если с этой точки зрения провести сравнение Кавказа со Средней Азией и Северным Причерноморьем, то окажется, что первый находится несравненно в более выгодном положении. Действительно, здесь, главным образом в Закавказье, произрастают в диком виде пшеница и ячмень в большом сортовом разнообразии, а в фауне представлены такие животные, как дикий бык, дикий баран, кабан и др. Еще В. Л. Комаров отмечал, что ни в одной стране мира не существует столь большого числа видов пшеницы, как в Грузии и Армении [19]. При этом в Грузии ботанический состав пшеницы представлен в основном видами пленчатой пшеницы и древнеколхидской полбы, которые эволюционно занимают промежуточное положение между дикими и культурными видами. Выяснено, что по многим биологическим свойствам эти виды ближе стоят к своим диким сородичам, чем к современным культурным видам [20]. Отсюда понятно, почему в первичном центре происхождения культурной пшеницы Кавказу отводится ведущая роль в формировании пшеницы [21], а для понимания генезиса хлебных злаков Кавказ, как указывал еще Н. И. Вавилов, представляет исключительное явление [22].

Таким образом, на Кавказе в целом и в Закавказье в особенности имелись чрезвычайно благоприятные природные условия для раннего возникновения и развития здесь производящих форм хозяйства, прежде всего земледелия и скотоводства. И, конечно, совершенно закономерным является открытие в Закавказье целой серии раннеземледельческих памятников, датируемых V—IV тыс. до н. э. Весьма важно, что близкий к ним в культурно-историческом отношении памятник выявлен и к северу от Закавказья — на Северо-Восточном Кавказе. Разбросанные по долинам больших и малых рек, на плодородных участках, удобных для возделывания злаковых и придомного содержания и разведения скота, эти памятники дают характерные для раннеземледельческих поселений комплексы орудий труда и бытового инвентаря, сохраняя при этом свой самобытный облик. Открытие и исследование их — крупнейшее достижение археологии Кавказа послевоенного времени. Это не только значительно расширило наши знания и представления о древнейшей истории края, но и внесло существенные коррективы в периодизацию культур-

---

[19] *В. Комаров.* Происхождение культурных растений. М.— Л., 1938.
[20] *В. Л. Менабде.* К истории культуры пшеницы. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.
[21] *В. Л. Менабде.* К истории культуры пшеницы.
[22] *Н. Вавилов.* Мировые ресурсы зерновых культур и льна. М.— Л., 1957.

но-исторического развития Кавказа на заре бронзового века. Еще совсем недавно, всего 10—15 лет назад считалось, можно сказать, общепризнанным, что древнейшими земледельческо-скотоводческими культурами Кавказа являются куро-аракская и майкопская, относящиеся в основном к III тыс. до н. э. и характеризующие начальный этап бронзового века Закавказья и Северного Кавказа. Сейчас же древность развития производящих форм хозяйства на Кавказе и возникших на их основе культур углубляется на целых два тысячелетия и приближается по времени к возникновению раннеземледельческих культур Передней и Малой Азии.

Чтобы достаточно широко и глубоко охарактеризовать древнейший очаг земледелия и скотоводства на Кавказе и попытаться выяснить вопросы, связанные с его происхождением и дальнейшим развитием, необходимо обратиться, с одной стороны, к изучению всех известных данных по неолиту Кавказа, а с другой — к обобщению накопленных данных по раннебронзовому веку Закавказья и Северного Кавказа, представленному двумя упомянутыми уже яркими археологическими культурами — куро-аракской и майкопской. Материалы по этим культурам чрезвычайно значительны. Их исследованию посвящена уже большая специальная литература, включающая как обобщающие исследования по отдельным республикам и областям Кавказа, так и монографические публикации некоторых памятников. Но до настоящего времени еще нет сводной общей работы, посвященной изучению эпохи ранней бронзы всего Кавказа, исследованию взаимосвязей отдельных областей Кавказа между собой на заре бронзового века и выяснению закономерностей их культурно-исторического развития. Необходимость же такого важного исследования не приходится доказывать. При этом важно иметь в виду и то обстоятельство, что по сопредельным территориям такие исследования уже выполнены. Речь идет, в частности, о Средней Азии [23], а также о древнеямной культурно-исторической общности, детально изученной Н. Я. Мерпертом [24].

На первый взгляд может показаться, что объединение и рассмотрение в одном труде двух таких различных культур, как куро-аракская и майкопская, в значительной степени искусственны. Между тем проблема раннебронзового века Кавказа, несмотря на резкое своеобразие характеризующих ее культур, является общей для Закавказья и Предкавказья с точки зрения культурно-исторического развития края в данную эпоху. Укажем хотя бы некоторые из них.

Прежде всего здесь следует, видимо, отметить вопрос о древнейшей металлургии Кавказа. В настоящее время считается установленным тот факт, что в III — первой половине II тыс. до н. э. Кавказ в целом (а не Закавказье или Северный Кавказ в отдельности) выступает как крупнейший на территории Старого Света центр металлопроизводства, обеспечивавший своей продукцией древние племена многих областей Европы.

---

[23] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток.
[24] *Н. Я. Мерперт.* Указ. соч.

С этой темой в значительной степени связан и вопрос о культурно-исторических связях Кавказа в изучаемую эпоху с Малой и Передней Азией, с одной стороны, и Северным Причерноморьем и Поволжьем — с другой. Иными словами, без выяснения общей картины культурно-исторического развития Закавказья и Северного Кавказа на заре бронзового века нельзя установить подлинное значение Кавказа как моста, связывавшего Ближний Восток и Юго-Восточную Европу.

С изучением культур рассматриваемой эпохи связывается в значительной степени также и исследование такой важнейшей проблемы кавказоведения, как возникновение и развитие кавказской этнической общности, резко отличной от индоевропейской, семитской и других этнолингвистических общностей мира. Кстати, эта проблема была поставлена впервые на основании археологических данных лишь после раскопок поселения эпохи ранней бронзы у с. Мужичи (бывшее с. Луговое) Первомайского района Чечено-Ингушской АССР. Именно результаты раскопок этого памятника, широко известного теперь под названием Лугового поселения, в котором органически сочетаются элементы как майкопской, так и куро-аракской культур, побудили нас более 15 лет тому назад заняться углубленным изучением данных культур.

Куро-аракская и майкопская культуры весьма своеобразны по всем своим важнейшим атрибутам. Заметно отличаясь от синхронных культур сопредельных областей, они, как сейчас устанавливается, развивались не в изоляции друг от друга, а в постоянных взаимосвязях. На территории отдельных областей они вплотную подходили друг к другу и сталкивались, в результате чего сложились в конечном итоге такие синкретические памятники, как отмеченное Луговое поселение. Следовательно, только рассмотрев куро-аракскую и майкопскую культуры одновременно, можно всесторонне изучить и понять своеобразие и особенности раннебронзового века Кавказа и определить место и значение последнего в древнейшей истории нашей страны и древневосточного мира.

Надо сказать, что с начала раскопок Лугового поселения в полевой и исследовательской деятельности автора основное место всегда занимало изучение раннебронзового века Кавказа — куро-аракской и майкопской культур. За это время нами проработаны обширные коллекции материалов по ранней бронзе Кавказа и предшествующей эпохе, хранящиеся в музеях Закавказья и Северного Кавказа, Москвы и Ленинграда, изучена многочисленная литература по данной теме и исследован на Северном Кавказе, в Дагестане и главным образом в Чечено-Ингушетии ряд памятников, относящихся к III тыс. до н.э.

Отмечу также, что мне представилась возможность ознакомиться в музеях Ирака (Багдадском и Мосульском), Ирана (Тегеранском) и Англии (Британском, Ашмолинском и Манчестерском) с некоторыми переднеазиатскими материалами, интересными с точки зрения разрабатываемой темы. Кроме того, в течение нескольких сезонов я принимал непосредственное участие в исследованиях раннеземледельческих поселений на севере Месопотамии, где добыт материал для сравнительного анализа. По мере возможности некоторые из этих материалов включены или в той или иной степени использованы в настоящем исследовании.

Таким образом, для выполнения этого первого общего сводного труда, посвященного изучению культурно-исторического развития Кавказа в целом на протяжении большого исторического периода от неолита до эпохи ранней бронзы включительно, был использован в основном весь наличный материал, включая и ряд неопубликованных комплексов как из моих раскопок, так и любезно предоставленных мне моими коллегами-кавказоведами. Разумеется, подготовка этого труда была бы крайне затруднена или даже просто невозможна, если бы не были накоплены и изучены столь обширные материалы, если бы не были изданы ценные монографические публикации отдельных памятников и некоторые обобщающие исследования.

Глава I

История и состояние изучения древнейших культур Кавказа

(эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы)

В монографии, посвященной исследованию культуры Северо-Восточного Кавказа в III тыс. до н. э., был дан краткий сводный очерк истории изучения древнейших памятников Закавказья и Северного Кавказа[1]. Со времени ее издания прошло совсем немного времени, и сейчас, казалось бы, можно было к данному вопросу, связанному с историографией изучаемой проблемы, не возвращаться. Однако за это короткое время в исследовании археологии Кавказа как III тыс. до н. э., так и предшествующей эпохи достигнуты такие значительные результаты и произошли столь существенные сдвиги, что они не только углубляют и расширяют наши знания, но в некоторых важных вопросах коренным образом меняют представления о характере и уровне развития культуры и хозяйства населения Кавказа на заре бронзового века.

Это касается в первую очередь культурно-исторического осмысления памятников Кавказа, относящихся к III тыс. до н. э. Еще недавно памятники Закавказья этого времени считались энеолитическими (культура так называемого куро-аракского энеолита), характеризующими древнейшую земледельческо-скотоводческую культуру Южного Кавказа и некоторых сопредельных областей. То же следует сказать о памятниках III тыс. до н. э. Северного Кавказа, объединяемых в майкопскую культуру. В настоящее время вполне очевидно, что и куро-аракская и майкопская культуры характеризуют не энеолит Кавказа, а следующий этап историко-культурного развития — эпоху ранней бронзы. Больше того, за последнее десятилетие в Закавказье открыта большая группа памятников, неоспоримо свидетельствующих о том, что еще задолго до развития культуры «куро-аракского энеолита» на данной территории бытовала более древняя земледельческо-скотоводческая культура. Последняя и рассматривается сейчас как представляющая собственно энеолит Закавказья.

Минувшее десятилетие ознаменовалось поистине огромными успехами в области изучения культур раннебронзового века Кавказа: во многих районах Закавказья и Северного Кавказа открыты и исследованы в значительном числе новые памятники, добыто большое количество разнообразных археологических источников, издана обширная литература.

---

[1] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 9—19.

В результате новых исследований представляется возможным углубить почти на целое тысячелетие историю кавказской металлургии и еще более убедительно обосновать вывод о том, что уже в III тыс. до н. э. Кавказ становится одним из важнейших центров металлопроизводства Старого Света.

Стало очевидным, что эпохи энеолита и ранней бронзы (V—III тыс. до н. э.) — это один из наиболее интересных и важных периодов в культурно-историческом развитии Кавказа. Этот период крайне важен и с точки зрения изучения этногенеза коренных народов края. Поэтому не удивительно, что проблема энеолита и раннебронзового века Кавказа приобрела сейчас такую остроту, что к ней оказалось прикованным внимание не только археологов, но историков, этнографов, антропологов и лингвистов.

Все это заставляет нас сейчас снова обратиться к историографии изучаемой темы.

Почти до 30-х годов нашего столетия в научных кругах господствовало представление о неожиданном появлении на Кавказе, откуда-то со стороны, в «готовом виде», культуры бронзового века, причем позднего этапа ее развития.

Несмотря на очевидные признаки существования памятников эпохи бронзы подвергалась сомнению возможность бытования на Кавказе культур бронзового века. Поэтому собственно вплоть до установления советской власти на Кавказе по сути дела не предпринимались сколько-нибудь серьезные попытки к выявлению и изучению памятников ранних эпох.

Систематическое изучение памятников археологии Кавказа началось примерно в 70-х годах XIX в. Хотя ни один из исследователей и многочисленных дилетантов не ставил перед собой специальной задачи выявления древнейших памятников, тем не менее в процессе их работ, а иногда случайно, эти памятники стали обнаруживать уже на заре археологического изучения Кавказа.

Любопытно, что впервые памятники раннебронзового века Закавказья (куро-аракской культуры) и Северного Кавказа (майкопской культуры) были открыты в 1869 г. в Гянджинской области Азербайджана. На Загликских квасцовых разработках тогда были вскрыты, по-видимому, разновременные могилы, в одной из которых находились два типичных для куро-аракской культуры глиняных сосуда [2].

В том же 1869 г. на Северном Кавказе, у ст. Царская (ныне ст. Новосвободная) полковник Н. Л. Комаров вскрыл один курган с оригинальной каменной гробницей, содержавшей погребение майкопской культуры [3].

---

[2] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВМГ, XIII-В. Тбилиси, 1944, стр. 91, рис. 49.

[3] *Н. Каменев.* Попытка археологических разведок в Кубанской области. «Кубанские войсковые ведомости», № 47. Екатеринодар, 1870; *Е. Д. Фелицын.* Западнокавказские дольмены. МАК, IX. М., 1904, стр. 24; *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 301—310; *Т. Б. Попова.* Дольмены станицы Новосвободная. М., 1963, стр. 15, рис. 6.

С тех пор началось стихийное и медленное накопление материалов по древнейшей истории Кавказа. В 1879 г. керамика куро-аракской культуры была обнаружена А. С. Уваровым в Армении (Армавир-блур). А через восемь лет характерная керамика была найдена близ с. Мечетли в Карсской области [4].

Особо следует отметить находки в конце 70-х — начале 80-х годов неолитических орудий в Шамхорском р-не Азербайджана, у колонии Анненфельд. Здесь обнаружена коллекция из 40 кремневых ножевидных пластин, часть которых в 1884 г. была опубликована Р. Вирховом [5].

Что же касается Северного Кавказа, то и здесь в 70-х и 80-х годах случайно были открыты памятники раннебронзового века. Так, в 1878 г. В. Г. Тизенгаузен к западу от ст. Варениковской раскопал курган с погребением майкопской культуры [6]. К этой же культуре относится и подкурганное погребение у ст. Раевской, исследованное в 1886 г. В. И. Сизовым [7].

В те же годы (1880 г.) А. А. Русовым были обследованы в Дагестане курган в Катарагач-тапа и поселения раннебронзового века на холмах у с. Великент и у хут. Мамай-Кутан [8].

Ряд интересных памятников был открыт на Кавказе в 90-е годы. Так, в 1893 г. на западном склоне Арагаца Н. Я. Марр раскопал погребение раннебронзового века [9]. А в 1897 г. погребальные памятники III тыс. до н. э. были исследованы Э. Реслером в Нагорном Карабахе [10].

Укажем также, что в конце XIX в. в Ганджачайском р-не (Восточное Закавказье) стали случайно находить каменные желобчатые орудия, относящиеся к неолиту и более позднему времени [11].

Но наиболее важные открытия в конце XIX столетия были сделаны на Северном Кавказе и связаны с именем Николая Ивановича Веселовского. Начиная с 1894 г. в течение 20 лет Н. И. Веселовский вел обширные по масштабам того времени раскопки курганов главным образом в Прикубанье. Он раскопал в 1897 г. знаменитый Майкопский курган [12], давший название культуре раннебронзового века Северного Кавказа.

---

[4] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 93, табл. XVII, *2, 3.*

[5] *R. Virchov.* Bilsigen geschlagenen Spahn aus Feurstein aus Transkaukasien. «Zeitschrift für Ethnologie (Verhandlungen)». Berlin, 1884, S. 195, Tabl. III.

[6] ОАК за 1878/1879 г., стр. VI—VII.

[7] *В. И. Сизов.* Восточное побережье Черного моря, археологические экскурсии. МАК, II. М., 1889, стр. 94—97.

[8] *А. А. Русов.* Отчет о летних и осенних работах в южном Дагестане. «Пятый археологический съезд в Тифлисе, I. Труды предварительных комитетов». М., 1882, стр. 515, 592—595, 601—605, табл. XXXIII.

[9] *Н. Я. Марр.* Ани. М.— Л., 1934, табл. VII, рис. 8. Сосуд хранится в Государственном Эрмитаже.

[10] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 39; *К. Х. Кушнарева.* Памятники медного века Нагорного Карабаха. СА, XX, стр. 165—179.

[11] См.: *И. Г. Нариманов.* Археологические памятники Ганджачайского района. Баку, 1958, стр. 22—30 (на азербайджанском языке).

[12] ОАК за 1897 г., стр. 21—22. В том же 1897 г. Н. И. Веселовский раскопал еще один курган майкопской культуры между станицами Тульской и Севастопольской. См. ОАК за 1897 г., стр. 21, рис. 76.

А в 1898 г. Н. И. Веселовский вскрыл курганы с дольменами у ст. Новосвободной [13]. В эти и последующие годы он раскопал много погребальных памятников эпохи ранней бронзы, составивших группу «больших кубанских курганов». Это курганы у ст. Псебайской (1895 г.) [14], ст. Андрюковской (1896 г.) [15], ст. Костромской [16], в Ульском ауле [17] и у станиц Воздвиженской и Ново-Лабинской (1899) [18], на участке Зиссермана (1900 г.) [19], близ ст. Казанской (1901) [20], в Армавире [21] и ст. Тифлисской (1902 г.) [22], ст. Келермесской (1904 г.) [23], ст. Белореченской (1907 г.) [24] и др.

С упомянутой группой памятников в культурном и хронологическом отношении связан и ряд других комплексов, открытых на Северном Кавказе в дореволюционные годы. Прежде всего укажем на клад с золотыми предметами и различными украшениями, обнаруженный в 1897 г. в ст. Старомышастовской [25]. Интересны также комплекс металлических вещей, найденный в 1910 г. в ст. Апшеронской [26], и курганные погребения в с. Летницком (исследовано в 1898 г. С. А. Соловьевым) [27], ст. Махошевской (1904 г.) [28] и ст. Ярославской (1910 г.) [29].

К сожалению, раскопки перечисленных памятников велись методически слабо и по существу не сопровождались какой-либо документацией. Н. И. Веселовский ограничился лишь публикацией довольно кратких отчетов о ежегодно проводимых им раскопках на Кубани и не дал научной публикации ни одного исследованного им комплекса, включая Майкопский курган и дольмены у ст. Новосвободной, а также не попытался сделать какие-либо обобщения по итогам своих раскопок. Эти и другие недостатки в деятельности Н. И. Веселовского, как и других дореволюционных исследователей, справедливо отмечены в литературе [30]. Однако значение проведенных Н. И. Веселовским раскопок следует признать огромным. Благодаря его энергичной и целенаправленной деятельности было исследовано большое число памятников раннебронзового века Северного Кавказа, тогда же привлекших к себе внимание как в России, так и за рубежом.

---

[13] ОАК за 1898 г., стр. 33—35.
[14] ОАК за 1895 г., стр. 134.
[15] ОАК за 1896 г., стр. 54.
[16] ОАК за 1897 г., стр. 15—16.
[17] ОАК за 1899 г., стр. 41—42.
[18] Там же, стр. 43—47.
[19] ОАК за 1900 г., стр. 42.
[20] ОАК за 1901 г., стр. 67.
[21] ОАК за 1902 г., стр. 88—89.
[22] Там же.
[23] ОАК за 1904 г., стр. 95.
[24] ОАК за 1907 г., стр. 86.
[25] ОАК за 1897 г., стр. 64—65.
[26] *А. А. Иессен.* К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950.
[27] ОАК за 1898 г., стр. 53—54.
[28] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.— Л., 1935, стр. 83—84, рис. 4.
[29] ИАК, прибавление к вып. 37, стр. 154—155.
[30] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 4.

Еще до революции выдающиеся русские археологи А. А. Спицын [31], Д. Я. Самоквасов [32], В. А. Городцов [33], Б. В. Фармаковский [34] и М. И. Ростовцев [35] делают попытки осмыслить в культурно-хронологическом отношении кубанские курганы, раскопанные Н. И. Веселовским, и установить их место в ряду древностей юга России. Нельзя не отметить также, что в 1909 г. выходит в свет фундаментальный свод-каталог Я. И. Смирнова, в котором впервые были воспроизведены все 14 целых золотых и серебряных сосудов из Майкопского кургана [36].

Наконец, в 1911 г. появляется работа А. М. Тальгрена, в которой впервые группа памятников Северо-Западного Кавказа, включающая курганы в Майкопе, Новосвободной и Костромской, объединены под названием «больших кубанских курганов» [37]. Интерес к «большим кубанским курганам» еще более усилился в последующие годы и породил обширную литературу, где в большинстве случаев речь идет о блестящем инвентаре Майкопского кургана и некоторых других памятников. Мы попытаемся лишь в самых общих чертах отразить эти интересные страницы в истории изучения майкопской культуры.

Вернемся, однако, к Закавказью. Там в конце XIX — начале XX в. не было сделано таких важных открытий, как на Северном Кавказе, но тем не менее были собраны интересные материалы и обследованы памятники изучаемой эпохи. В конце XIX в. Ж. де Морган собрал на склонах Арагаца в Армении обсидиановые орудия ранненеолитического типа [38], а в 1903 г. Э. Реслер раскопал у с. Голицыно в Азербайджане курган с неолитическим погребением [39].

Особо следует сказать о работах Е. Лалаяна. С его именем связано открытие выдающегося памятника древнейших культур Закавказья — Нахичеванского Кюль-тепе I. В 1904 г. он впервые обследовал этот зольный холм и собрал там ценный материал, в том числе относящийся к куро-аракской культуре. В 1913 г. Е. Лалаян обследовал другой памятник этой же культуры — поселение Шреш-блур в Армении [40]. В Нухинском р-не Азербайджана и на западном берегу Севана им была собрана интересная коллекция керамики III тыс. до н. э.[41]

---

[31] *А. А. Спицын.* Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, XI, 1—2. СПб., 1899, стр. 55—57, 85—86.

[32] *Д. Я. Самоквасов.* Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 66—67.

[33] *В. А. Городцов.* Бытовая археология. М., 1910, стр. 259—260.

[34] *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России. II. Майкоп. МАР, XXXIV. СПб., 1914, стр. 50—76.

[35] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 23—25. Здесь же М. И. Ростовцев публикует золотые и серебряные предметы, а также золотые, серебряные, лазуритовые и сердоликовые бусы из Старомышастовского клада (см. табл. IV, *1—4*).

[36] *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. СПб., 1909, табл. 1, 2, 130.

[37] *A. M. Tallgren.* Die Kupfer und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. SNYA, XXV. Хельсинки, 1911, стр. 88—90, 200—204.

[38] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 27.

[39] Там же, стр. 30.

[40] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 90 и сл.

[41] *Е. А. Лалаян.* Раскопки в с. Ниж и Варташен Нухинского уезда. «Известия Кавказского Отделения МАО», вып. V. Тифлис, 1919, стр. 38, 43—44.

АН СССР

Ценные материалы по куро-аракской культуре были добыты в это же время (1914 г.) на Игдырском участке у южной подошвы Арарата [42].

Этим, собственно, ограничиваются все археологические работы на Кавказе в дореволюционные годы [43]. Если кубанские курганы пытались уже тогда осмыслить в культурно-хронологическом отношении, то закавказские материалы долгое время оставались еще без внимания.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции и завершения гражданской войны созданные на местах научные и музейные учреждения приступают к археологическому изучению Кавказа. Так, в 1923 г. Е. Г. Пчелина раскапывает в Кикетах (Грузия) погребение куро-аракской культуры [44].

Близкая к куро-аракской керамика была обнаружена в 1924 г. в поселении Кирбет-Керак [45].

В 1927—1928 гг. обследуется ряд памятников III тыс. до н. э. в Армении. Это открытые в районе Эчмиадзина поселение Кюль-тапа и Эларское поселение [46].

Интересные находки были сделаны и в Грузии (1928 г.) [47]. В Тбилиси, в местности Дидубе, в 1930 г. было открыто поселение куро-аракской культуры (работы Г. К. Ниорадзе) [48].

На Северном Кавказе на территории г. Нальчика в 1922 г. был раскопан один из курганов в «Садках», содержавший погребение майкопской культуры [49]. А в следующем году М. И. Ермоленко проводит первые раскопки Нальчикского могильника. В том же году он обследует неолитическое поселение под названием Агубековское близ г. Нальчи-

---

[42] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 1, 73—85.

[43] Из случайных находок, сделанных в эти годы, следует отметить также найденные в 1911 г. у с. Дивичи в Азербайджане два сосуда, близкие по форме и орнаменту, как отмечает В. А. Городцов, обнаруженным в Новосвободненских дольменах. Они вместе с вислообушным топором находились в частной коллекции Б. В. Петрова в Петровске (ныне г. Махачкала) и, к сожалению, бесследно исчезли; не сохранились даже их рисунки (см.: *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи Средней России. «Отчет Российского Исторического музея за 1914 г.». М., 1926, стр. 160, 162).

Укажем также, что в 1914 г. Российскому Историческому музею Н. Н. Ерамов принес в дар бронзовые долотцо и тесловидный топор (обломок), найденные, по-видимому, в одном погребении в Прикубанье (см. «Отчет Российского Исторического музея за 1914 г.», стр. 8).

[44] *Е. Г. Пчелина.* Археологическая разведка в районе Триалетского холма близ г. Тифлиса. «Bulletin du Muzeum de Georgie», t. V. Тифлис, 1929, стр. 156—159.

[45] Подобная керамика, чуждая местной культуре, встречена позже во многих поселениях раннебронзового века. Поэтому она, как и культура, представленная ею, вошла в науку под названием «кирбет-керакская керамика» или «культура кирбет-керакской керамики».

[46] *Е. А. Байбуртян.* Псевдонеолитические памятники Армении. «Проблемы ГАИМК», 1933, № 1—2.

[47] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 10—11, рис. 6, *7а*.

[48] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 106—107; *Д. Л. Коридзе.* Археологические памятники Тбилиси, ч. 1. Тбилиси, 1955, стр. 6—73 (на грузинском языке).

[49] Подробно об этих работах см.: *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 12—14, 17—18, рис. 2, *5, 6*.

ка [50]. С именем М. И. Ермоленко связаны открытие и первые раскопки Долинского поселения в г. Нальчике. Отметим, что это первый из исследованных бытовых памятников майкопской культуры. Отметим также раскопки известного Соломенского кургана (1926 г.) [51] и еще одного подкурганного погребения майкопской культуры в «Садках» (1928 г.) [52].

Наиболее существенные результаты с точки зрения разрабатываемой проблематики были получены стационарными раскопками некоторых памятников, в частности Агубековского [53] и Долинского [54] поселений (1930, 1932—1933 гг.), а также Нальчикского могильника (1929—1930 гг.) [55]. Добытые здесь материалы до сих пор служат ценным источником для изучения древнейшей культуры Центрального Предкавказья. Исследованию этих памятников, как и многих других, мы обязаны экспедициям ГАИМК, в течение десяти лет (1924—1933 гг.) проводившим здесь под руководством А. А. Миллера систематические археологические изыскания. Результаты работ этих экспедиций нашли отражение в ряде статей [56] и главным образом в специальном томе [57]. В одном из отчетов об итогах работ экспедиции ГАИМК А. А. Миллер выступил со своей схемой о трех стадиях в культурно-историческом развитии древнего населения Северного Кавказа [58]. Первые две стадии его схемы отражают в значительной степени как раз тот период, который является предметом нашего исследования [59]. Надо сказать, что схема А. А. Миллера, несмотря на недостатки, имела для того времени положительное значе-

---

[50] *М. И. Ермоленко.* Неолитическая стоянка. Нальчик, 1929; *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 12—15.

[51] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 17—18, рис. *2, 3, 4.*

[52] *Л. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 193—196, 212.

[53] *Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов.* Неолитическое поселение близ г. Нальчика. Там же, стр. 51—66.

[54] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение..., стр. 147—212.

[55] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 67—146.

[56] *А. А. Миллер.* Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции Академии истории материальной культуры в 1924—1925 гг. «Сообщения ГАИМК», 1926, № 1, стр. 73—83; *он же.* Северокавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. «Сообщения ГАИМК», 1931, № 3, стр. 26—30; *он же.* Десять лет работы ГАИМК в Северокавказском крае. «Сообщения ГАИМК», 1932, № 9/10, стр. 63—67; *он же.* Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. «Проблемы истории материальной культуры», № 1/2. Л., 1933, стр. 47—51.

[57] «Материалы по археологии Кабардино-Балкарии». МИА, № 3, 1941.

[58] *А. А. Миллер.* Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г., стр. 49—51.

[59] Следует отметить, что еще до этого А. В. Шмидтом была сделана попытка создать общую периодизацию памятников Северного Кавказа доскифского времени. В его трехчленной периодизации Майкопский, Новосвободненские и другие известные тогда курганы майкопской культуры отнесены к первой раннекубанской группе памятников (*A. V. Schmidt.* Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV, 1929, стр. 9—21); А. В. Шмидт, собственно, отнес к ранней группе памятников медно-бронзового века Северного Кавказа курганы майкопской культуры вслед за А. М. Тальгреном (см.: *A. M. Tallgren.* La Pontide prescythique. ESA, II, 1926, стр. 80—85).

ние. Неудивительно, что она была положена в основу ряда работ, посвященных древней истории и археологии Северного Кавказа.

30-е годы ознаменовались открытиями многих интересных бытовых и погребальных памятников изучаемого времени и в других областях Кавказа. Так, в 1935 г. экспедицией ГИМ и ИИМК АН СССР были открыты в Северной Осетии два поселения и грунтовое погребение, относящиеся к III тыс. до н. э.[60]

Древнейшие памятники были выявлены и в Западном Закавказье, например энеолитические поселения Сатаплия и особенно Тетрамица в г. Кутаиси. Обследование их было начато еще в 1924 г. П. И. Чабукиани. Вплоть до 1932 г. он производил на холме Тетрамица сбор подъемного материала, позже опубликованного Н. З. Киладзе [61].

В 1933—1936 гг. было раскопано поселение Наохваму в Колхиде, нижние слои которого характеризуют культуру раннего металла Западной Грузии (работы А. А. Иессена, А. И. Амиранишвили, С. И. Макалатия и Б. А. Куфтина) [62]. С этим памятником связано и поселение у Анаклии, обследованное в 1935—1936 гг.[63]

В 1936 г. А. Н. Каландадзе открыл неолитическое местонахождение у с. Одиши в Зугдидском районе [64]. Близкий по характеру материала памятник — Кистрик — обследовал в 1940 г. А. Л. Лукин [65]. Отметим также, что в 1936 г. А. П. Красновым впервые выявлены около с. Казачий Брод на р. Мзымте памятники, содержащие в инвентаре характерные для Сочи-Адлерского района каменные тяпкообразные мотыжки [66].

В середине 30-х годов Л. Н. Соловьев и М. М. Иващенко раскопали поселение раннебронзового века у Очемчирского порта в Абхазии (1935—1936 гг.) [67]. Этот интересный памятник остается до сих пор одним из важнейших источников по изучению культуры Абхазского Причерноморья в III тыс. до н. э.

Отметим также, что в 1930—1937 гг. М. М. Иващенко [68], Б. А. Куфти-

---

[60] *Е. И. Крупнов.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 24—28; *он же.* Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. «Труды ГИМ», VIII, 1938, стр. 39—56.

[61] *Н. З. Киладзе.* Памятник нового каменного века из Тетрамица. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 29. Тбилиси, 1951, стр. 237, 264 (на грузинском языке с русским резюме).

[62] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 113—116.

[63] Там же.

[64] *А. Н. Каландадзе.* Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. Известия Института языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР», вып. IV-3. Тбилиси, 1939, стр. 363—371 (на грузинском языке). Сведения о месте хранения обнаруженного здесь материала и публикаций его см.: *А. А. Формозов.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 124, примеч. 3.

[65] *А. Л. Лукин.* Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 247—286.

[66] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 128.

[67] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. «Материалы по истории Абхазии», т. I. Сухуми, 1939, стр. 5—55.

[68] *М. М. Иващенко.* Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тбилиси, 1935.

ным [69] и А. Л. Лукиным [70] в Абхазии был исследован ряд дольменов эпохи ранней бронзы.

Еще более значительные успехи в исследовании памятников интересующего нас времени в эти годы были достигнуты в Закавказье.

Усиление и расширение в предвоенные годы археологических работ было вызвано рядом причин, важнейшей из которых является, безусловно, общее развитие науки и культуры в ходе активного социалистического строительства в нашей стране. Но прежде, чем сказать об исследованных в эти годы на Кавказе памятниках древнейшей культуры, следует особо отметить такой важный факт, как выход в свет в середине 30-х годов книги А. А. Иессена [71]. Это выдающееся исследование, в котором убедительно доказана самобытность и глубокая древность металлургии меди на Кавказе,— одна из ярких страниц в развитии кавказоведения и советской археологии. Рассмотрев на основании всего накопившегося к тому времени материала все существенные вопросы, связанные с проблемой древней металлургии Кавказа, А. А. Иессен выделил три периода в ее развитии. Первый из них, датированный им тогда концом III — началом II тыс. до н. э.[72], охватывает период бытования на Кавказе майкопской и куро-аракской культур. Основные положения своего труда А. А. Иессен повторил в докладе, сделанном им в 1936 г. в Ленинграде на Международном конгрессе по иранской археологии и искусству [73]. Все дальнейшее изучение истории древнейшей кавказской металлургии проходило под знаком обогащения новыми фактами, конкретизации и углубления выводов А. А. Иессена, а также решения многих из тех вопросов и задач, которые намечены в его трудах.

Какие же исследования были осуществлены в Закавказье в 1935—1940 гг. по изучению древнейших памятников края? Прежде всего следует указать на открытие в Закавказье ряда памятников куро-аракской культуры. Так, например, в Армении, на территории г. Еревана были исследованы два поселения этой культуры. Это, во-первых, холм Муханат-тапа, раскопанный в 1935—1936 гг. [74] На Муханат-тапе четко было установлено стратиграфическое положение памятника, содержащего материалы куро-аракской культуры.

Значительно же больший интерес представляет, бесспорно, Шенгавитское поселение, раскапывавшееся в 1936—1938 гг. Е. А. Байбуртяном [75].

---

[69] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949.

[70] *А. Л. Лукин.* Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. «Труды Отделения истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа», т. I. Л., 1941.

[71] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.

[72] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 80—92.

[73] *А. А. Иессен.* Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады, 1935 г.». М.— Л., стр. 91—103.

[74] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 44; *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 20.

[75] *Е. А. Байбуртян.* Культовый очаг из Шенгавитского поселения. ВДИ, 1938, № 4; *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., 113—120; *Б. Б. Пиотровский.* Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949.

Это поселение — один из наиболее ярких памятников куро-аракской культуры. Хотя раскопки его были возобновлены в 1958 г. и продолжены в течение десяти сезонов, наши представления о нем до сих пор основываются почти исключительно на материалах, собранных Е. А. Байбуртяном.

В предвоенные годы ряд памятников куро-аракской культуры был открыт и на территории Грузии. К ним относятся погребения у с. Тквиави Горийского района [76] и некоторые курганы в Сачхери [77].

Более существенными результатами ознаменовались большие работы в Триалети в 1936—1940 гг., проведенные Б. А. Куфтиным. Всемирную известность получили знаменитые цалкинские курганы эпохи средней бронзы. Но экспедицией Б. А. Куфтина были обследованы тогда на Цалкинском плоскогорье и памятники куро-аракской культуры. Это остатки поселений в нижнем слое Ахылларской крепости, около с. Бешташени и в двух других пунктах у того же селения [78], а также два погребения в каменных ящиках [79]. Здесь, как и в Муханат-тапе, было определено стратиграфическое положение куро-аракского слоя.

Что же касается Азербайджана, то в предвоенные годы и на его территории были исследованы памятники рассматриваемой эпохи. Их изучение связано с именем Я. И. Гуммеля. В течение 1930—1940 гг. он провел значительные работы в Нагорном Карабахе и особенно в Ганджачайском районе [80]. Я. И. Гуммелем были раскопаны в районе Ханлара мастерская (78) по изготовлению массивных каменных орудий, нижний слой которой относится к неолиту [81], и стоянка (133) той же эпохи [82], а также ряд древнейших погребальных памятников в том же Ханларском районе [83] и у г. Степанакерта в Нагорном Карабахе (курганы 119 и 125) [84]. Эти памятники свидетельствуют о своеобразии развития древнейшей культуры в Восточном Закавказье.

В 1939 г. Северо-Кавказской экспедицией ИИМК АН СССР под руко-

---

[76] *С. И. Макалатия.* Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиави. «Труды Горийского историко-этнографического музея». Тбилиси, 1943, стр. 9—55 (на грузинском языке с русским резюме).

[77] *Б. А. Куфтин.* К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 8—22; *он же.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 14.

[78] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 106—118.

[79] Там же, стр. 117—118.

[80] См. об этом подробно: *Т. А. Бунятов.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 17; *И. Г. Нариманов.* Археологические памятники Гянджачайского района, стр. 18—19.

[81] *Я. И. Гуммель.* Археологические разведки на Каликдаге. «Известия Азербайджанского ФАН СССР», 1938, № 2; *он же.* Памятники древности в окрестностях Киликдага. «Известия Азербайджанского ФАН СССР», 1942, № 2.

[82] *Я. И. Гуммель.* Раскопки поселения № 1 на запад от г. Ханлара (1939—1941 гг.). КСИИМК, вып. XXIII, 1948.

[83] Речь идет, в частности, о погребении (139), открытом на площади стоянки 133 и относящемся к энеолиту. См.: *Я. И. Гуммель.* Раскопки поселения № 1..., стр. 76—77.

[84] *Я. И. Гуммель.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 15—19; *он же.* Раскопки в НКАО в 1938 г. «Известия Азербайджанского ФАН СССР», 1939, № 4, стр. 86.

водством А. П. Круглова впервые произведены раскопки поселения III тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе. Это поселение на холме у с. Каякент в Дагестане [85].

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны почти во всех областях Кавказа были открыты памятники III тыс. до н. э. и даже более раннего времени. На многих из них были добыты ценные источники для характеристики культурно-исторического развития Кавказа на заре бронзового века. Это нашло соответствующее отражение в макете первого тома «Истории СССР», изданном в 1939 г.[86]

Раскопки Шенгавитского поселения в Армении, с одной стороны, и изучение материалов, добытых в Грузии,— с другой, позволили выделить в Закавказье целый культурно-хронологический пласт, относящийся к эпохе раннего металла. С ним оказались связанными те из памятников, которые были открыты в Закавказье до середины 30-х годов, но не были до этого осмыслены в культурно-историческом отношении (Заглик, Армавир-блур, погребение на Арагаце, Шреш-блур, Кюль-тепе, Кикети, Дидубе и др.). Некоторые изданные материалы этих памятников оказались включенными в одну группу с предметами эпохи поздней бронзы и раннего железа (материалы из Норбаязетского района [87], керамики из Шреш-блура [88]) или римского времени (сосуды из Дидубе) [89]. На эти факты обратил внимание еще Б. А. Куфтин [90].

Словом, к началу 40-х годов весь этот разрозненный материал получил свое место в качестве определенного культурно-хронологического и исторического пласта в системе закавказских древностей. Важная заслуга в его систематизации и научной интерпретации принадлежит прежде всего Б. А. Куфтину.

Справедливо считая важнейшей задачей всей кавказской археологии выяснение культур, предшествующих кобанской и синхронной ей закавказской бронзе, Б. А. Куфтин провел большие полевые работы и тщательно изучил местные музейные фонды. Одним из результатов этого явился доклад, прочитанный им в 1940 г. в ИИМК и в том же году опубликованный [91]. Он выделил ряд памятников Закавказья, содержащих необычную чернолощеную керамику с «розовой подкладкой», и отнес их к началу металлической эпохи — энеолиту. Однородный для всего Центрального Закавказья слой с такой керамикой Б. А. Куфтин определил как «культуру нижнего слоя зольных холмов и древнейших циклопических крепостей Закавказья» [92]. Он показал, что элементы этой куль-

---

[85] *А. П. Круглов.* Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 66; *он же.* Северо-Восточный Кавказ в II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 20—30.

[86] «История СССР», ч. 1—2 (на правах рукописи). М.— Л., 1939, стр. 114.

[87] *Е. А. Лалаян.* Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван, 1931, рис. 49, 84 и 198 (на армянском языке).

[88] *Е. А. Байбуртян.* Псевдонеолитические памятники Армении, стр. 39—40.

[89] *Г. К. Ниорадзе.* Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940, стр. 49, рис. 60 (на грузинском языке).

[90] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 106—107.

[91] *Б. А. Куфтин.* К вопросу о ранних стадиях..., стр. 5—35.

[92] Там же, стр. 20.

туры в виде керамики проникают не только в Западную Грузию, но и в Дагестан [93].

В 1941 г. издается капитальный труд Б. А. Куфтина «Археологические раскопки в Триалети», в котором дается исследование не только знаменитых курганов Триалети, но и других разновременных памятников Цалкинского плоскогорья, в том числе относящихся к III тыс. до н. э. Он обосновывает в нем сделанный им уже по существу в докладе вывод о принадлежности последних к одному древнему культурному слою, сохраняющему поразительную однородность на значительной территории Южного Кавказа, от Арарата и до Тбилиси, от Нахичевани и Степанакерта до Триалети и даже далее до Западной Грузии [94]. «На всем этом пространстве,— отмечал далее Б. А. Куфтин,— нижний раннеметаллический пласт выказывает один и тот же основной характер керамики, не столько с территориально-областными, сколько, по-видимому, с функционально-бытовыми, а также и хронологическими вариантами, сходными между собой в удаленных районах» [95]. Принципиально важное значение имело заключение Б. А. Куфтина о том, что на территории куро-аракского двуречья обособляется особая культура зольных холмов с прекрасной художественной керамикой особого стиля, относящаяся к эпохе раннего металла [96].

После издания «Археологических раскопок в Триалети» Б. А. Куфтин занялся специально изучением памятников Закавказья III тыс. до н. э. и создал первый сводный труд о культуре Южного Кавказа раннеметаллической эпохи [97]. Им был установлен факт высокого подъема культуры в Закавказье в эпоху первого появления металла, аналогичного тем, какие были изучены в Верхней Месопотамии, Сирии и Малой Азии, при значительном в то же время своеобразии и самобытности южнокавказского очага [98]. Он охарактеризовал памятники Закавказья III тыс. до н. э. как представляющие древнейшую земледельческо-скотоводческую культуру края, резко отличную от синхронных культур с расписной керамикой Ближнего Востока. Б. А. Куфтин выделил и охарактеризовал основные типы и орнаментальные мотивы керамики этой культуры, отметив при этом, что «гончарные мастерские Южного Кавказа развили из опыта простой полировки и желобчато-лощеного рисунка вогнуто-рельефные мотивы украшения, совершенно до сих пор не обнаруженные в таком виде на территории Передней Азии» [99].

Учитывая, что в рассмотренных им комплексах металл представлен в крайне ограниченном количестве и архаическими формами, Б. А. Куфтин осмыслил данную культуру как энеолитическую. Он назвал ее культурой «куро-аракского энеолита», поскольку все известные ему тогда памятники этой культуры концентрировались в междуречье Куры и Арак-

---

[93] *Б. А. Куфтин.* К вопросу о ранних стадиях..., стр. 24.
[94] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 114.
[95] Там же, стр. 115.
[96] Там же, стр. 123.
[97] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»...
[98] Там же, стр. 107.
[99] Там же, стр. 126.

са [100]. Правда, уже тогда, рассматривая вопрос о границах «куро-аракского энеолита», Б. А. Куфтин прозорливо заметил элементы данной культуры на Северо-Восточном Кавказе — в Дагестане [101]. Еще раньше им были сопоставлены с «куро-аракским энеолитом» некоторые находки из Западной Грузии [102]. Указывая на неопределенность еще южных границ выделенного им в Закавказье культурного очага эпохи раннего металла, Б. А. Куфтин подчеркивал, что как бы эти границы в дальнейшем не определились, ни в коем случае нельзя ожидать, что он окажется лишь простым отпрыском северомесопотамской цивилизации, поскольку художественный облик открывшейся в куро-аракском двуречье культуры отличается крайне своеобразными чертами, полностью отсутствующими во всех известных памятниках Месопотамии, Сирии и Малой Азии [103].

Б. А. Куфтин пришел к выводу об определенной связи «куро-аракского энеолита» с малоазийским и всем восточносредиземноморским культурным миром [104]. Он наметил также хронологию «куро-аракского энеолита» (не позднее III тыс. до н. э.) [105] и сделал выводы, касающиеся уровня развития хозяйства и социального строя населения Южного Кавказа на заре бронзового века.

В 1945 г. Б. А. Куфтин написал новую работу, посвященную изучению энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии [106]. Рассмотрев в ней материалы из Земо-Авчальского района, добытые в 1923—1924 гг., и особенно комплекс керамики, обнаруженный в 1944 г. С. И. Надимашвили в районе г. Цхинвали (б. Сталинир), в местности Згудрис-Гверда, он показал, что куро-аракская культура распространялась до южных склонов Большого Кавказа. Более же существенным было сделанное им заключение о тесной связи и относительной одновременности поздних стадий «куро-аракского энеолита» (Внутренней Картли) с культурой «больших кубанских курганов» типа Новосвободной, Костромской и синхронных им поселений (Долинское) [107]. При этом он подчеркивал, что «можно в данном случае говорить не только о взаимодействии разделенных Главным хребтом южных и северных областей центрального Кавказа, но и о некоем общем их древнейшем культурном субстрате, тесно связаннном не только с переднеазиатским югом, но и с севером» [108].

Забегая вперед, отметим, что и в послевоенные годы Б. А. Куфтин продолжал плодотворные исследования по данной проблематике и выпу-

---

[100] Там же, стр. 125 (карта), рис. 79.
[101] Там же, стр. 126.
[102] *Б. А. Куфтин.* В вопросу о ранних стадиях..., стр. 13—14.
[103] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 126.
[104] Там же, стр. 118, 127. Позже, в 1948 г., Б. А. Куфтин более подробно аргументировал этот вывод (*Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 28—29, 36, 44).
[105] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 125.
[106] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии. ВМГ, XIV-В. Тбилиси, 1947, стр. 47—88.
[107] Там же, стр. 77.
[108] Там же, стр. 77—78.

стил ряд важных работ, в которых много страниц уделено изучению культуры Кавказа раннебронзового века [109].

Таким образом, вклад Б. А. Куфтина в дело изучения культурно-исторического развития Кавказа, особенно Закавказья, на заре бронзового века поистине огромен, хотя некоторые из выводов, содержащихся в его работах и касающихся таких существенных вопросов, как хронологизация и ареал культуры, уровень экономического и социального развития ее носителей и др., в настоящее время устарели и потеряли свое значение. Необходимо помнить, что для своего времени они имели исключительно большое значение. Поэтому не будет преувеличением сказать, что работы Б. А. Куфтина представляют собой важный этап в истории изучения археологии Кавказа.

Работы по исследованию памятников древнейших культур Кавказа были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной. Сразу же после окончания войны с новой силой развернулись археологические изыскания по всей стране и в частности на Кавказе.

В 1945—1946 гг. С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина открыли по склонам Арагаца остатки мастерских эпохи раннего неолита [110].

Обширные работы были начаты в связи со строительством Мингечаурской ГЭС в Азербайджане. Здесь экспедицией АН АзССР под руководством С. М. Казиева с 1945 до 1949 г. было исследовано огромное количество археологических памятников, в том числе несколько погребений и поселений куро-аракской культуры [111].

Важные материалы получены и на территории Грузии. Организованная в 1945 г. Б. А. Куфтиным экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию обследовала поселения Кулбакеби и Згудрис-Гверда в окрестностях г. Цхинвали [112], выявленные ранее С. И. Надимашвили. Эти памятники Б. А. Куфтин посетил и в 1949 г., а в 1950 г. здесь произвел разведки В. П. Любин [113]. Тогда же экспедицией АН ГрузССР у г. Цхинвали раскопано многослойное поселение Нацар-гора [114].

В 1947 г. Б. А. Куфтин в с. Гуниа Цалкинского района раскопал несколько погребений и часть поселения куро-аракской культуры [115].

---

[109] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Цалкинском районе; *он же.* Археологическая маршрутная экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949; *он же.* Материалы к археологии Колхиды, т. I.

[110] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 27.

[111] *С. М. Казиев.* Об археологических памятниках Мингечаура. «Труды Объединенной научной сессии по общественным наукам». Баку, 1957, стр. 354—355; *Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 21—39.

[112] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 64—72.

[113] *В. П. Любин.* Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинира. КСИИМК, вып. 60, стр. 14—22. Здесь же укажем, что В. П. Любиным открыты материалы куро-аракской культуры в пещерах Кударо I и Кударо III в Юго-Осетии.

[114] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Холм Нацар-гора близ Сталинира. Мимомхилвели, т. II. Тбилиси, 1951 (на грузинском языке). К сожалению, этот интересный памятник, на который часто ссылаются специалисты, до сих пор не опубликован в должном объеме.

[115] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 26—44.

В те же годы слои раннебронзового века выявлены в ряде древних и средневековых городов-крепостей Закавказья, в частности в Гарни и Двине (Армения) [116], Дманиси (Грузия) [117] и др.

Особо следует подчеркнуть открытие памятников куро-аракской культуры к югу и западу от Закавказья. Речь идет об исследовании поселения Караз близ Эрзурума в Восточной Анатолии (Турция), начатом еще в годы второй мировой войны [118]. Важное значение имели раскопки многослойного поселения Геой-тепе у оз. Урмия в Иранском Азербайджане, проведенные в 1948 г. английской экспедицией Т. Бартона-Брауна [119]. На этом памятнике впервые на смежной с Южным Кавказом территории Ирана был открыт мощный слой (К) куро-аракской культуры. Таким образом, стало очевидным, что данная культура была распространена и южнее бассейна Аракса.

Систематические исследования развернулись в послевоенные годы и на Северном Кавказе. Наиболее ценные материалы были получены экспедициями Е. И. Крупнова. Отметим раскопанные в 1947— 1948 гг. курганы у селений Старый Лескен, Старый Урух и Верхний Акбаш Кабардино-Балкарской АССР, содержавшие комплексы майкопской культуры [120]. В эти же годы и позже (в 1952, 1955—1956 гг.) важные материалы, характеризующие культуру древнейшего населения Северо-Западного Прикаспия, были добыты Е. И. Крупновым в некоторых степных районах Ставропольщины и Северного Дагестана [121].

В Предкавказье в 1950 г. Т. М. Минаева исследует развеянную стоянку Ястак-Худук, содержавшую главным образом материалы неолитической эпохи [122]. В 1948—1954 гг. В. И. Марковиным была обследована впервые в Дагестане неолитическая стоянка Тарнаир у г. Махачкала [123].

В эти годы появился ряд работ обобщающего характера применительно не только к отдельным областям изучаемой территории, но и всего Кавказа. Мы имеем в виду некоторые работы Б. А. Куфтина, краткий очерк по археологии Кабарды, составленный Е. И. Крупновым [124], и глав-

---

[116] *Б. Н. Аракелян.* Гарни I. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1951, стр. 25.

[117] *Г. К. Кафадарян.* Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 265—266.

[118] *H. Kosay.* Karaz sondaji. «Turk Tarih kongresi», III, 1948; «Summary of archaeological work in Turkey, 1953», AS, VI, 1954; *H. Kosay, K. Turfan.* Erzerum-Karaz kazisi raporu. «Belleten Turk Tarih kurumu», cilt. XXIII, 1959, sayi. 91.

[119] *T. Burton-Brown.* Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951.

[120] *Е. И. Крупнов.* Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. IV. Нальчик, 1948, стр. 281—321; *он же.* Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. V. Нальчик, 1950, стр. 195—277; *он же.* Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 85—100.

[121] *Е. И. Крупнов.* Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 85—100; *он же.* Прикаспийская экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 100.

[122] *Т. М. Минаева.* Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59, 1955.

[123] *В. И. Марковин.* Неолитическая стоянка близ Махачкалы. МАД, т. I. Махачкала, 1959, стр. 21—30.

[124] *Е. И. Крупнов.* Краткий очерк по археологии Кабарды. Нальчик, 1946.

ным образом опубликованный в 1949 г. курс лекций по археологии Закавказья Б. Б. Пиотровского [125] и широко известный ныне труд А. А. Иессена «О хронологии «больших кубанских курганов»» [126].

В своем курсе лекций Б. Б. Пиотровский дал очерк истории археологического изучения Закавказья и систематизировал все известные к тому времени материалы, в частности по неолиту и последующей эпохе Кавказа [127]. Им были сделаны важные выводы и интересные предположения, касающиеся характера культуры III тыс. до н. э. Закавказья, ее соотношения с цивилизацией Передней Азии, осмысления отдельных групп памятников Южного Кавказа того времени, развития экономики, в особенности скотоводства в Закавказье на заре эпохи металла, и т. д. Исходя из уровня знаний по археологии Закавказья тех лет, Б. Б. Пиотровский осмыслил памятники куро-аракской культуры как относящиеся к медному веку. Несмотря на то, что некоторые выводы не подтверждаются новыми данными, в целом же следует признать большое значение этой работы Б. Б. Пиотровского в изучении археологии Закавказья. Отметим здесь, что Б. Б. Пиотровский и в дальнейшем продолжал изучать культуру и хозяйство древнейшего населения Закавказья [128].

Перейдем теперь к оценке труда А. А. Иессена «К хронологии «больших кубанских курганов»», опубликованного в 1950 г. Выход в свет этой работы, в которой были впервые систематизированы и изучены под определенным углом зрения (с целью установления хронологии и периодизации) все известные к тому времени памятники майкопской культуры, положил, собственно, конец спорам и путанице с датировкой «больших кубанских курганов» и определил убедительно их хронологическое положение в ряду памятников бронзового века Северного Кавказа [129].

---

[125] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. В 1949 г. была опубликована также работа Б. Б. Пиотровского, посвященная специально изучению поселений куро-аракской культуры на территории Армении (*Б. Б. Пиотровский.* Поселения медного века Армении. СА, XI, 1949).

[126] *А. А. Иессен.* К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157—202.

[127] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 25—42. Следует отметить, что Б. Б. Пиотровский рассмотрел вопросы археологического изучения древнейшего Закавказья несколько раньше в специальной статье (см.: *Б. Б. Пиотровский.* Археологическое изучение древнейшего Закавказья. ВДИ, 1947, № 2, стр. 174—178).

[128] *Б. Б. Пиотровский.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6—15; *он же.* The aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millenn. B. C. «VI International congress of prehistoric and protohistoric Sciences. Reports and communications by archaeologists of the USSR». M., 1962, p. 3—9. Укажем и на то, что в 1956 г. в г. Ереване на Кавказской археологической конференции Б. Б. Пиотровский выступил с докладом на тему «Закавказье и Древний Восток», в котором затронул вопросы, связанные с изучением куро-аракской культуры (см. об этом: *Р. М. Мунчаев.* Итоги Кавказской археологической конференции. КСИИМК, вып. 73, 1959).

[129] Относительно полная библиография по проблеме хронологизации Майкопского кургана и связанных с ним других памятников Северного Кавказа приведена в нашей работе «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа», стр. 156. Она может быть дополнена известным трудом К. Шаффера о сравнительной стратиграфии и хронологии памятников III—II тыс. до н. э. Сирии, Палестины, Малой Азии, Кипра, Ирана и Кавказа, а также рядом новых работ зарубежных ученых.

Судя по фундированности рассматриваемого труда, несомненно, что А. А. Иессен готовил его специально и в течение продолжительного времени [130]. Ускорить же выполнение этой работы побудило его, на наш взгляд, появление в 1948 г. статьи М. И. Артамонова, посвященной Третьему Разменному кургану [131], т. е. одному из раскопанных в 1897 г. Н. И. Веселовским курганов у ст. Костромской [132]. М. И. Артамонов проанализировал древнейшее погребение этого кургана с характерным в целом для майкопской культуры инвентарем. При этом, взяв за основу один глиняный сосуд с расписным изображением оленя и грифона, необоснованно связываемый с этим погребением, он пришел к ошибочному выводу о том, что «Разменный курган ...невозможно относить глубже VII, может быть, VIII столетия до н. э.» [133]. Общий же вывод его сводился к тому, что поскольку Разменный курган связан в культурном отношении с Майкопским курганом, то тот и другой (а также остальные «большие кубанские курганы») относятся к предскифской эпохе на Северном Кавказе, которую, по его мнению, вполне уместно было бы назвать «киммерийской» [134].

Осталось бы совершенно непонятным, если бы в данном обзоре мы обошли молчанием сделанную еще накануне войны Б. Е. Деген-Ковалевским попытку пересмотреть хронологию Майкопского кургана и связанных с ним других памятников Прикубанья именно в том плане, в каком это сделал позже М. И. Артамонов. Уже само название рукописи «Майкоп и скифы» [135] говорит о том, что автор считал памятники майкопской культуры относящимися к скифскому или предскифскому времени. Б. Е. Деген-Ковалевский успел опубликовать только краткие тезисы доклада [136]. В нем он рассматривал «большие кубанские курганы» как заключительный этап северокавказского энеолита, подводящий к грани освоения бронзы и железа, и датировал их рубежом II—I тыс. до н. э.[137]

Надо сказать, что уже тогда это заключение, направленное на пересмотр всей хронологии и периодизации культурно-исторического развития Кавказа в бронзовом веке, было подвергнуто серьезной критике со стороны С. В. Киселева. Приводя ряд фактических и логических соображений, С. В. Киселёв указал на несостоятельность вывода Б. Е. Деген-Ковалев-

---

[130] Вопросы хронологии древностей Кавказа и особенно памятников раннебронзового века занимали А. А. Иессена до последних дней его жизни. На это указывают, например, его доклады по проблеме хронологии памятников Кавказа эпохи неолита и бронзового века, прочитанные им на Сессии по археологии Дагестана в Махачкале в 1959 г. (см.: *Р. М. Мунчаев.* Научная сессия по археологии Дагестана. СА, 1959, № 4) и на пленуме Института археологии АН СССР в Москве в 1961 г.

[131] *М. И. Артамонов.* Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948, стр. 161—182.

[132] ОАК за 1897 г., стр. 15—16.

[133] *М. И. Артамонов.* Третий Разменный курган..., стр. 176.

[134] Там же, стр. 177.

[135] Рукопись хранится в архиве ИА АН СССР (Ленинград), ф. 35, оп. 2, д. 580.

[136] *Б. Е. Деген-Ковалевский.* Проблема датировки «больших кубанских курганов». КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 14—17.

[137] Там же, стр. 16—17.

ского [138]. Но эта справедливая критика показалась М. И. Артамонову неубедительной, и он поставил себе целью в рассмотренной статье подтвердить обоснованность сделанного Б. Е. Деген-Ковалевским заключения о датировке Майкопского кургана и примыкающих к нему памятников Северного Кавказа [139]. Но к чему это привело, мы уже показали. Значение работы А. А. Иессена заключается не только и даже не столько в том, что он, подробно рассмотрев комплекс Третьего Разменного кургана, показал его смешанный характер и убедительно доказал ошибочность точки зрения Б. Е. Деген-Ковалевского и М. И. Артамонова в отношении культурно-хронологической интерпретации памятника.

А. А. Иессен дал первую полную сводку памятников майкопской культуры, расчленив их на две подгруппы: раннюю — майкопскую и позднюю — новосвободненскую. Кроме того, он выделил специально ряд памятников, принадлежность которых к той или иной подгруппе не была тогда ясна. Приведя стратиграфические наблюдения, обстоятельно изучив обнаруженный в памятниках майкопской культуры металлический инвентарь и проделав стилистический анализ тех великолепных ювелирных изделий из Майкопского, Новосвободненского и других памятников, А. А. Иессен убедительно определил культурно-хронологическое место «больших кубанских курганов» и связанных с ними других памятников Северного Кавказа. Он показал, что эти памятники характеризуют ранний этап эпохи металла на Северном Кавказе и относятся ко второй половине III — началу II тыс. до н. э. Тем самым был окончательно положен конец спорам, продолжавшимся около 50 лет [140], о культурно-хронологическом месте «больших кубанских курганов».

Бесспорно, что работа А. А. Иессена знаменует собой важный рубеж в истории изучения раннебронзового века Северного Кавказа.

Последующее десятилетие — это период бурного накопления новых материалов по древнейшей истории Кавказа, особенно по эпохе ранней бронзы. В 50-е годы внимание исследователей концентрируется на изучении отдельных памятников, выяснении их стратиграфии и хронологического и культурно-исторического соотношения и т. д. Большие по масштабам полевые и исследовательские работы были организованы во всех областях Закавказья и Северного Кавказа. Общий обзор этих работ мы начинаем с территории Азербайджана, в частности с поселения Кюльтепе у г. Нахичевани.

Раскопки многослойного поселения Кюль-тепе I были начаты О. А. Абибуллаевым в 1953 г. Это выдающийся памятник археологии Кавказа. Мощность слоев, относящихся к изучаемой эпохе, составляла здесь более 15 м. Фактом первостепенной научной важности явилось то

---

[138] См. рецензию С. В. Киселева на вып. I—V КСИИМК, опубликованную в ВДИ (1940, № 2, стр. 136).

[139] *М. И. Артамонов.* Третий Разменный курган..., стр. 166.

[140] Между прочим, в рассмотренной работе М. И. Артамонов писал, что надеется показать в будущем, что группа «больших кубанских курганов» охватывает весь медно-бронзовый век Северного Кавказа (см.: *М. И. Артамонов.* Третий Разменный курган..., стр. 181). Однако такой работы М. И. Артамонов не опубликовал. По-видимому, он отказался от мысли сделать это после выхода в свет труда А. А. Иессена.

обстоятельство, что здесь впервые в Закавказье под слоем куро-аракской культуры были открыты более древние культурные напластования с характерным для раннеземледельческих поселений инвентарем. Этот факт «засверкал», когда в Закавказье начались одно за другим открытия новых памятников более ранней, чем куро-аракская, оседлоземледельческой культуры. Можно без преувеличения сказать, что именно раскопки Кюль-тепе I положили начало изучению древнейшей земледельческо-скотоводческой культуры Кавказа, относящейся к V—IV тыс. до н. э. Открытие же последней — это новая и яркая страница в изучении древнейшей истории Кавказа, не только значительно углубившая и расширившая наши представления о культуре Закавказья на заре бронзового века, но и изменившая существовавшую периодизацию культурно-исторического развития Южного Кавказа. Поэтому значение данного памятника трудно переоценить. Ему посвящена довольно обширная литература [141], в том числе специальная монография О. А. Абибуллаева [142].

Раскопки Нахичеванского Кюль-тепе были осуществлены специальным отрядом Азербайджанской экспедиции ИА АН СССР и Института истории АН АзССР, которой многие годы руководил А. А. Иессен. В плане нашего исследования большой интерес представляет и раскопанный А. А. Иессеном курган (3) в урочище Уч-тепе в Мильской степи, относящийся к III тыс. до н. э. и по ряду признаков связываемый с большими курганами майкопской культуры [143].

Огромное значение имели также результаты разведочных изысканий этой экспедиции, проведенные в Мильско-Карабахской степи.

Они привели к открытию на Южном Кавказе не только памятников раннебронзового века, но и ряда древнейших оседлоземледельческих поселений, предшествующих куро-аракской культуре. Заслуга в их описании и культурно-хронологической интерпретации принадлежит А. А. Иессену [144]. Он сблизил эти памятники с древнейшим слоем Нахичеванского Кюль-тепе и сделал вывод о том, что еще до куро-аракской культуры

---

[141] *О. А. Абибуллаев.* Раскопки холма Кюль-тепе. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 36—45; *он же.* К изучению холма Кюль-тепе. «Труды Института истории и философии АН Азербайджанской ССР, IX. Баку, 1956, стр. 5—25; *он же.* Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевани в 1955 г. МИА, № 67, 1959, стр. 431—452; *он же.* Остатки жилищ во втором слое поселения Кюль-тепе около Нахичевани. МИА, № 125, 1965, стр. 40—64; *он же.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана (по материалам поселения Кюль-тепе). Там же, стр. 74—102; *он же.* Погребальные памятники из поселения Кюль-тепе. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 29—44; *он же.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, стр. 157—168; *он же.* Энеолитическая культура Азербайджана (по материалам Кюль-тепе). МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 68—82; *К. Х. Кушнарева, А. Л. Якобсон.* Основные проблемы и итоги работ Азербайджанской экспедиции. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 6—8; и др.

[142] *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе. Баку, 1959 (на азербайджанском языке). Перед смертью (в 1970 г.) он успел завершить еще одну монографию о Кюль-тепе, которая до сих пор, к сожалению, не издана.

[143] *А. А. Иессен.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. МИА, № 125, стр. 153—194.

[144] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 3—14; *он же.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, № 125, стр. 10—17.

здесь существовала оседлая культура. Новейшими исследованиями в Мильско-Карабахской и Муганской степях выявлена значительная группа памятников как III тыс. до н. э., так и более ранней оседлоземледельческой культуры. Именно тогда А. А. Иессен вслед за И. Р. Селимхановым [145], К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили, рассмотревшими специально вопрос об уровне развития Закавказья в III тыс. до н. э.[146], особо подчеркнул, что «сейчас не остается никаких оснований относить куро-аракскую культуру к энеолиту..., мы имеем все основания для отнесения к энеолиту культуры Кюль-тепе I, тогда как куро-аракская культура характеризуется уже вполне развитой металлургией, производством специфических изделий из медно-мышьяковых сплавов, т. е. из медно-мышьяковистой бронзы» [147]. Датировав их IV тыс. до н. э., он показал и связь этих памятников с Ираном [148].

Период 50-х — начала 70-х годов характеризуется выявлением и изучением значительного круга памятников эпохи энеолита и ранней бронзы в различных районах Азербайджана. Укажем, в частности, что куро-аракские памятники исследованы в Кахском районе [149], Кабале [150], Хачбулаке [151], Шемахе [152] и в зоне Хачмаса-Девечи [153], в Карягинском районе [154] и у г. Нахичевани (Кюль-тепе II) [155], в Астаринском райо-

[145] *И. Р. Селимханов.* К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа. СА, 1960, № 2, стр. 89—102; *он же.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов (на материале энеолита Азербайджана). Баку, 1960.

[146] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. СА, 1963. № 3, стр. 10—24.

[147] *А. А. Иессен.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи, стр. 17.

[148] Там же.

[149] Работы Г. М. Асланова и Г. И. Ионе. Материалы, хранящиеся в Институте истории АН Азербайджанской ССР, не опубликованы.

[150] *С. М. Казиев.* Результаты археологических раскопок в Варданлах (на азербайджанском языке). «Известия АН Азербайджанской ССР», серия общественных наук. Баку, 1960, стр. 25—52; *он же.* О древних погребальных обрядах на территории Кабалы. МКА, т. VI. Баку, 1965, стр. 235—251; *он же.* Варданлинские археологические раскопки. МКА, т. VII. Баку, 1973, стр. 146—159 (на азербайджанском языке с русским резюме); *С. М. Казиев, И. А. Бабаев, Ф. Л. Османов.* Работы Кабалинской экспедиции. «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 376.

[151] *Г. П. Кесаманлы.* Результаты работ Хачбулакской экспедиции в 1960—1962 гг. «Сессия, посвященная итогам работ 1963 г. Тезисы докладов и сообщений». Баку, 1964, стр. 14—15.

[152] В г. Шемахе раскопаны погребения куро-аракской культуры (работы Д. А. Халилова), а в 1 км к северу от него обследовано поселение этой культуры. См.: *И. Г. Нариманов.* Поселения Пирдереки и Девечи. «АО 1970 г.». М., 1971, стр. 392.

[153] В этой области на севере Азербайджана обследован в 1960, 1963 и 1970 гг. ряд поселений эпохи ранней бронзы, сближающихся с синхронными памятниками прикаспийского Дагестана. См.: *Д. А. Халилов, Г. П. Кесаманлы.* Гяфле-тепелери — поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 55—59; *И. Г. Нариманов.* Поселения Пирдереки и Девечи, стр. 393.

[154] Речь идет прежде всего о многослойном поселении Гаракепек-тепе (от V тысячелетия до средневековья) около Физули, исследуемом с 1964 г. Г. С. Исмаиловым (*Г. С. Исмаилов.* Новые данные о раннебронзовой культуре на холме Гаракепек-тепе. «МСПИАЭИ 1969 г. в СССР». Баку, 1970, стр. 9; *он же.* Поселение на холме Гаракепек-тепе. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 480.

[155] Разведочные обследования Нахичеванского Кюль-тепе II начаты с 1960 г. См.:

не[156] и Кобустане[157], а также в ряде пунктов Западного Азербайджана. Среди последних наиболее известен Бабадервиш, или Акстрафачайское поселение, состоящее из трех холмов, на одном из которых зафиксирован и более ранний слой. Раскопки его в течение нескольких полевых сезонов, начиная с 1958 г., провел И. Г. Нариманов. Поселению Бабадервиш посвящена серия работ[158], включая диссертационное исследование[159].

Принципиально важные результаты были достигнуты в Азербайджане благодаря открытию в 60-х годах в ее западных районах целой группы раннеземледельческих поселений V—IV тыс. до н. э. Исследование их связано прежде всего с именем И. Г. Нариманова. Им были обследованы все известные на территории Западного Азербайджана древнейшие оседлоземледельческие поселения, в частности Бабадервиш (холм 1), Шому-тепе, Тойре-тепе, Иланлы-тепе и другие[160]. Им же были сделаны

В. Г. Алиев. Новый памятник эпохи бронзы в Нахичевани. «Известия АН Азербайджанской ССР», 1962, № 2; *он же.* К изучению расписной керамики в Азербайджане. МКА, т. VI. Баку, 1965, стр. 59—66; *он же.* Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане. СА, 1967, № 1, стр. 115—121; *он же.* Археологические раскопки на холме Кюль-тепе II. СА, 1972, № 3, стр. 219—226.

[156] В 1964 г. Ф. А. Махмудов раскопал здесь, у с. Тельмана, курганное погребение — первый памятник ранней бронзы в этом районе. См.: *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, № 4. В 1966 г. И. Г. Нариманов и Ф. А. Махмудов открыли на Мугани и поселение куро-аракской культуры.

[157] В Кобыстане, кроме памятников эпохи ранней бронзы (поселения и курганов), исследуется стоянка «Фируз», нижний слой которой относится к позднему мезолиту и неолиту. См.: *Ф. М. Мурадова, Д. Н. Рустамов.* Археологические работы в Гобустане (Кобыстане). «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 375; *они же.* Раскопки в Кобыстане. «АО 1970 г.». М., 1971, стр. 390—391.

[158] *И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов.* Акстафачайское поселение близ г. Казаха. СА, 1962, № 4; *Г. С. Исмаилов.* Разведочно-археологические работы в Казахском районе. «Доклады АН Азербайджанской ССР», 1962, № 1; *он же.* Глиняные фигурки из поселения Бабадервиш близ г. Казаха. «Доклады АН Азербайджанской ССР», 1962, № 10; *он же.* Новые археологические материалы о земледелии в древнем Азербайджане. «Доклады АН Азербайджанской ССР», 1962, № 3; *он же.* Наконечники стрел из древнего поселения Бабадервиш. «Известия АН Азербайджанской ССР», 1963, № 4; *он же.* Орнаментация керамики древнего поселения Бабадервиш и ее взаимосвязи с энеолитическими памятниками Закавказья. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965; *он же.* Каменные орудия древнего населения Азербайджана (на основе материалов поселения Бабадервиш). МКА, т. VII. Баку, 1973, стр. 131—145; и др.

[159] *Г. С. Исмаилов.* Из истории древнейшей культуры Западного Азербайджана. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1963.

[160] *И. Г. Нариманов.* Археологические исследования Шому-тепе в 1962 г. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 45—53; *он же.* Древнейшие серпы Азербайджана. СА, 1964, № 1, стр. 282—287; *он же.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья. «Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков». М., 1966, стр. 121—126; *он же.* Исследование энеолитических поселений в Азербайджане. «АО 1967 г.». М., 1968, стр. 316—317; *он же.* Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 396—397; *он же.* Кюлли-тепе и Геой-тепе. «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 374; *Р. Б. Аразова, Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* Энеолитическое поселение Гаргалар-тепеси. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 478—480; *И. Нариманов, Дж. Рустамов.* Неолит в Тойретепе. «Доклады АН Азербайджанской ССР», 1960, № 9; *Д. Н. Рустамов.* Разведочные раскопки в Тойретепе. МКА, т. VI. Баку, 1965,

первые обобщения по этим памятникам. Важнейшим из них является выделение древнейшей раннеземледельческой культуры Закавказья, которую он назвал шомутепинской [161].

Под его же руководством обследованы раннеземледельческие памятники и в других районах Азербайджана: в Мугани и Мильско-Карабахской степи [162]. И. Г. Нариманов продолжает изучение раннеземледельческих культур Азербайджана [163].

Важные материалы были накоплены за эти годы в Армении и Грузии. Мы вынуждены будем нарушить определенную последовательность в изложении и указать прежде всего на открытие там памятников раннеземледельческой культуры, аналогичных исследованным в Азербайджане. Их выявление и изучение — новая и важная страница в исследовании археологии Закавказья и древнейшей истории всего Кавказа. Если сначала, после раскопок нижнего слоя Кюль-тепе I у Нахичевани и открытия группы раннеземледельческих памятников в Мильской степи, казалось, что представленная ими культура распространена только на юге Закавказья, то исследованиями в 60-х годах в Азербайджане, Армении и Грузии выяснилась совершенно иная картина. В результате исследований оказалось, что в эпоху, предшествовавшую куро-аракской культуре, не только на юге, но в центральной части и на севере Закавказья развивалась в V—IV тыс. до н. э. оседлая культура раннеземледельческого типа. Более того, эта культура, как было установлено, проникла на Северо-Восточный Кавказ, в Дагестан.

В этой связи большое значение имели работы, осуществленные экспедицией Тбилисского университета и Государственного музея истории Грузии под руководством О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили в 1965—1969 гг. в Марнеульском районе Грузии. Здесь у с. Шулавери в 1964 г. было открыто поселение V тыс. до н. э., а в 1965 г. начаты его раскопки. В 1967 г. эта экспедиция приступила к исследованию находя-

---

стр. 15—18 (на азербайджанском яз.); *Д. Н. Рустамов, И. Г. Нариманов.* Археологические исследования поселения Тойретепе (Тезисы доклада). «МСПИАЭИ, 1964 г. в СССР». Баку, 1965, стр. 75; *И. Г. Нариманов.* О земледелии в Азербайджане. «МСПИАЭИ 1969 г. в СССР». Баку, 1970, стр. 14—15.

[161] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 123—126.

[162] *И. Г. Нариманов.* Керамика древнего поселения вблизи городища Оренкала. МИА, № 125, стр. 37—39; *он же.* Кюлли-тепе и Геой-тепе; *И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов.* Энеолитические памятники на Мугани. «Известия АН Азербайджанской ССР, Серия истории, философии и права», 1967, № 2, стр. 88—96; *он же.* О раскопках на поселении Аликемек-тепеси. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 480—481; *они же.* Раскопки двух энеолитических поселений Азербайджана в 1971 г. «МСПИАЭИ и тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР». Баку, 1972, стр. 8—10. Отметим здесь же, что в 1970 г. Г. П. Кесаманлы обследовал в Мильской и Муганской степях энеолитические поселения Сулу-тепе и Уч-тепе (Джалилабадский р-н). См.: *Г. П. Кесаманлы.* Обследование археологических памятников в Мильской и Муганской степях. «МСПИАЭИ в 1970 г. в Азербайджане». Баку, 1971, стр. 9.

[163] *И. Г. Нариманов.* О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане. СА, 1971, № 3, стр. 3—14; *он же.* О закономерностях развития поселений ранних земледельцев в Азербайджане. «МСПИАЭИ 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР». Баку, 1972, стр. 10—12.

щегося рядом другого аналогичного поселения — Имирис-гора [164]. Эти памятники мало чем отличаются от исследованных И. Г. Нариманов поселений в соседнем Казахском районе АзССР.

Новые материалы по раннеземледельческой культуре Закавказья в то же время были получены в районах Южной Грузии экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН ГрузССР, руководимой Т. Н. Чубинишвили. В 1965 г. были обследованы поселения на р. Дебедачай (Геой-тепе), в бассейне Бануш-чай (Цопи) и в ущелье Алгети (Абелиа) и др.[165] Геой-тепе, Абелиа и Амиранис-гора наряду с куро-аракским содержали и слой, относящийся к V—IV тыс. до н. э. Наиболее широко исследовано с 1966 г. поселение Арухло в Болнисском районе [166].

В начале 70-х годов остатки энеолитического поселения были открыты также в г. Тбилиси, на проспекте Важы Пшавелы [167].

Особо следует отметить раскопанное (с 1956 г.) Г. Ф. Гобеджишвили многослойное поселение Тетри-Цкаро, на котором зафиксирован как будто и докуро-аракский слой (нижний горизонт) [168]. К сожалению, материалы этого интересного памятника не изданы.

Ценные результаты получены при исследовании древнейших оседло-земледельческих памятников в Армении, на Араратской равнине. Среди них: Агджкала, Цахкунк, Келанлу, Хатунарх и др.[169] Наибольшей известностью пользуется поселение Техут близ Эчмиадзина, раскопки которо-

---

[164] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1969 гг.). «Мацне», 3, 36, 1967, стр. 292—298 (на грузинском языке с русским резюме); *они же.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1967 г.). «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии (отчеты 1965—1966 гг.)». Тбилиси, 1969, стр. 19—26; *они же.* Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971 (на грузинском языке с русским резюме); *А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1970—1971 гг.). «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии», т. III. Тбилиси, 1974, стр. 28—32.

[165] *Т. Н. Чубинишвили, О. М. Санеблидзе, Л. Д. Небиеридзе, К. Д. Квижинадзе.* Основные итоги археологических исследований 1965 г., проведенных в Южной Грузии. Краткие отчеты, XV. Тбилиси, 1966 (на грузинском языке); *Т. Н. Чубинишвили.* Раскрыта страница далекого прошлого. Газ. «Заря Востока», 22 октября 1966 г.

[166] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V—IV тыс. до н. э.). «Мацне», 6, 39, 1967, стр. 336—362; *они же.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 25—29; *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971; *Т. Н. Чубинишвили, М. Л. Челидзе.* Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции. «Полевые археологические исследования в 1972 г. (Краткие сообщения)». Тбилиси, 1973, стр. 22—27.

[167] *Р. Абрамишвили, Э. Гогадзе, К. Каландадзе* и др. Основные итоги археологической экспедиции Большого Тбилиси. «Полевые археологические исследования в 1972 г.», стр. 31—37.

[168] Сведения об этом, почерпнутые из отчетов Г. Ф. Гобеджишвили, приведены в в работе Т. Н. Чубинишвили «К древней истории Южного Кавказа», стр. 49—50.

[169] *Р. М. Торосян, Г. А. Микаелян, С. Г. Давиджян.* Разведки древнейших памятников Армении. «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 386—387; *Р. М. Торосян.* Некоторые орудия труда неолита и энеолита. ИФЖ, 1971, № 3. Ереван (на армянском языке).

го были начаты в 1965 г. А. А. Мартиросяном и Р. М. Торосяном [170]. Важно, что здесь наряду с характерным для раннеземледельческих поселений инвентарем обнаружены металлические предметы [171]. Интересные материалы содержит, видимо, нижний слой поселения Шенгавит [172].

Таким образом, работами 60-х годов в Закавказье выявлен большой культурно-хронологический пласт, характеризующий развитие здесь еще в V—IV тыс. до н. э. ранних форм земледелия и скотоводства и основанной на производящем хозяйстве оседлой культуры раннеземледельческого типа. В настоящее время известно более 50 памятников этой культуры в Закавказье, некоторые из них (Шулаверское и Имирис-гора в Грузии [173], Техут в Армении [174]) получили освещение в монографиях. Их открытие относится к наиболее крупным достижениям в изучении кавказской археологии минувшего десятилетия. Крайне интересно и важно то, что близкий в культурно-хронологическом отношении памятник, содержащий образцы древнейшей расписной керамики, выявлен и в северной части Кавказа. Речь идет о поселении Гинчи в горном Дагестане, раскопанном в середине 60-х годов М. Г. Гаджиевым [175]. И здесь ранний слой оказался перекрыт слоем с материалами III тыс. до н. э., как в ряде памятников Закавказья. Следует отметить, что в литературе сделаны первые попытки культурно-исторического осмысления древнейших раннеземледельческих памятников Закавказья и Северо-Восточного Кавказа, их периодизации и локализации [176]. При этом использована и небольшая серия радиокарбонных дат, полученных для ряда памятников Азербайджана и Грузии. Все исследователи, особенно О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили, К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили, попытались также наметить связи раннеземледельческой культуры Закавказья с куро-аракской культурой и в свете этого решить вопрос о происхождении последней.

Но изучение памятников древней истории и культуры в Грузии, Армении, Северо-Восточном Кавказе и Азербайджане не ограничилось исследованием лишь раннеземледельческих поселений V—IV тыс. до н. э. Напротив, в 50—60-е годы здесь повсеместно были проведены широкие

---

[170] *А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян.* К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. «Вестник общественных наук АН Армянской ССР», № 3, Ереван, 1967, стр. 52—62 (на армянском языке).

[171] *И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян.* К определению «энеолита» на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов. «Историко-филологический журнал», № 1. Ереван, 1966, стр. 34.

[172] *С. А. Сардарян.* Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967.

[173] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Указ. соч.

[174] *Р. М. Торосян.* Раннеземледельческая культура Армении (по материалам поселения Техут). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1971.

[175] *М. Г. Гаджиев.* Новые данные о связях Дагестана с Закавказьем и Передней Азией в IV—III тыс. до н. э. (Тезисы доклада). «МСПИАЭИ 1964 г. в СССР». Баку, 1965, стр. 61—62; *он же.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 55—61.

[176] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Указ. соч.; *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Указ. соч.; *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа; *А. И. Джавахишвили.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.

работы по изучению куро-аракской культуры и опубликована литература, включающая обобщающие сводки по отдельным памятникам и целым регионам.

Начнем их обзор с юга, с территории Армении. Уже отмечалось, что в 1958 г. С. А. Сардарян возобновил раскопки Шенгавитского поселения в г. Ереване, продолжавшиеся десять лет. Были вскрыты интересные хозяйственно-бытовые комплексы, раскопаны погребения [177] и добыт большой и разнообразный вещественный материал. К глубокому сожалению, в сводном труде С. А. Сардаряна [178] эти новые материалы почти не опубликованы [179].

Особого внимания заслуживает деятельность Э. В. Ханзадян, которая в течение многих лет упорно и целеустремленно исследовала памятники куро-аракской культуры в разных районах Армении. Ею исследован слой эпохи ранней бронзы в Гарни [180]. В 1960—1962 гг. Э. В. Ханзадян провела раскопки Эларского могильника. В эти же годы она исследует поселения куро-аракской культуры в районе Кировакана [181], близ Армавира (Мохра-блур, или Кюль-тапа), а в настоящее время около Арташата (поселение Джраовит) [182]. С 1965 г. Э. В. Ханзадян руководит раскопками поселения Мецамор в Эчмиадзинском районе, нижний двухметровый слой которого относится к куро-аракской культуре [183]. Ее деятельность не ограничилась полевыми исследованиями. Она опубликовала ряд интересных работ, касающихся, например, металлургии раннебронзовой эпохи Армении [184] и других вопросов [185]. Но особо следует выделить ее монографический труд, посвященный культуре Армянского нагорья в III тыс. до н. э.[186] В нем обобщены материалы из памятников куро-аракской культуры в Армении и сделаны ценные выводы, в частности, о локальных особенностях развития этой культуры в различных районах Армянского нагорья.

---

[177] *Г. Азизян.* О черепах из энеолитических погребений в районе Шенгавита. «Историко-филологический журнал», № 3. Ереван, 1963, стр. 327—332.

[178] *С. А. Сардарян.* Первобытное общество в Армении.

[179] *А. А. Мартиросян, Р. М. Мунчаев.* Рецензия на кн. С. А. Сардаряна «Первобытное общество в Армении». СА, 1968, № 3.

[180] *Э. В. Ханзадян.* Гарни IV. Результаты раскопок 1949—1966 гг. (С ранней бронзы по урартский период включительно). Ереван, 1969.

[181] *Э. В. Ханзадян.* Разведочные раскопки в окрестностях Кировакана. «Известия АН Армянской ССР», 1962, № 10; *она же.* Энеолитическое поселение близ Кировакана. СА, 1963, № 1.

[182] *Э. В. Ханзадян.* Поселение раннебронзового века близ г. Армавир (Тезисы доклада). «МСПИАЭИ 1964 г. в СССР». Баку, 1965, стр. 81—82; *она же.* Археологические раскопки в Джраовите-Мргавете. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, стр. 188.

[183] *Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсанян.* Мецамор (исследование по данным раскопок 1965—1966 гг.). Ереван, 1973, стр. 188 (на армянском языке с русским и английским резюме).

[184] *Э. В. Ханзадян.* Первые данные по металлургии Армянского нагорья в эпоху древней бронзы. «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», № 3; *она же.* О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 1964, № 2.

[185] *Э. В. Ханзадян.* Керамика Шреш-блура и Кюль-тапы и ее искусство. «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», № 3.

[186] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967.

Из других памятников ранней бронзы, исследованных в Армении, следует отметить многослойное поселение и могильник в Лчашене (раскапывались с 1961 г. А. О. Мнацаканяном) [187], поселение III тыс. до н. э. у с. Арич Артикского района (обследовано в 1966 г. Т. Хачатряном) [188], а также открытые С. А. Есаяном в Северо-Восточной Армении циклопические крепости (Шаглана II и III) и поселение Джагацатех [189]. В 1970—1972 гг. на поселении Кюль-тапа (Мохра-блур) близ Эчмиадзина открыто интересное культовое сооружение куро-аракской культуры [190]. Случайные находки, относящиеся к данной эпохе, обнаружены в других районах Армении [191]. Среди последних громадный интерес представляет первый на Кавказе клад бронзовых орудий III тыс. до н. э., открытый в 1967 г. в районе г. Еревана [192].

В 60-х годах вышли в свет работы, в которых опубликованы материалы III тыс. до н. э. и рассмотрены некоторые общие и частные вопросы развития культуры Армении в эпоху ранней бронзы [193]. Среди них мы должны особо выделить ряд трудов А. А. Мартиросяна [194], особенно его капитальное исследование «Армения в эпоху бронзы и раннего железа» [195].

[187] На поселении найдены материалы от ранней бронзы до средневековья. В 1962 и 1966 гг. здесь раскопано четыре погребения эпохи ранней бронзы. Сведения об этих памятниках нам любезно сообщил А. О. Мнацаканян, за что выражаю ему искреннюю благодарность.

[188] Приношу благодарность Т. Хачатряну, сообщившему мне об открытии этого памятника. Помимо керамики с резным геометрическим орнаментом там найдена коллекция глиняных статуэток животных, расчищена часть помещения храма или святилища (?) с предметами искусства.

[189] *С. А. Есаян.* Памятники раннебронзовой эпохи Северо-Восточной Армении. «Вестник общественных наук АН Армянской ССР», 1972, № 6 (на армянском яз.); *он же.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1974. Автор вводит в научный оборот и материалы из погребальных памятников эпохи ранней бронзы данного региона Армении (Редкин лагерь, Джогаз и Кирки).

[190] *Г. Е. Арешян, К. К. Кафадарян.* Открытие монументального культового сооружения начала III тыс. до н. э. в Армении. «АО 1972 г.». М., 1973, стр. 443; *Г. Е. Арешян.* Материалы из раскопок Мохраблура 1970 года. Вестник Ереванского университета, 1 (16). Ереван, 1972.

[191] *С. А. Есаян, А. Н. Шагинян.* Археологические находки в Зангезуре. СА, 1962, № 3, стр. 199.

[192] *А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян.* Приереванский клад древней бронзы. КСИА, вып. 134, 1973, стр. 122—127.

[193] *Л. Л. Карапетян.* Формы и орнаментация энеолитической керамики Армении. «Известия АН Армянской ССР», 1964, № 6, стр. 73—81; *он же.* История гончарного производства древней Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1966; *С. А. Есаян.* Оружие и военное дело древней Армении (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1966; *Т. С. Хачатрян.* Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963; «Каталог археологических предметов музея истории г. Еревана», вып. I. Ереван, 1964; вып. II. Ереван, 1967 (составил С. А. Есаян); *Д. П. Симонян.* Ереван. Ереван, 1963; *С. А. Есаян.* Ереван (археологический очерк). Ереван, 1969, стр. 9—29.

[194] *А. А. Мартиросян.* К предыстории древнейших этапов истории культуры Армении. «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», № 1; *он же.* О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа. СА, 1964, № 3; *он же.* Первобытные иероглифы Армении и их урарто-армянские двойники. Ереван, 1973 (на армянском языке с русским и английским резюме).

[195] *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1967.

К числу ценных исследований следует отнести работы А. Ц. Геворкяна, посвященные изучению меднорудных месторождений и древнейшей металлургии в Армении [196], и С. К. Межлумян — о палеофауне Армении в эпоху бронзы, в которой проанализирован остеологический материал из памятников куро-аракской культуры и сделаны ценные выводы, касающиеся развития скотоводства на Кавказе в III тыс. до н. э.[197]

Исключительно большие результаты по изучению куро-аракской культуры были получены и в Грузии, но прежде укажем на открытие здесь в эти годы памятников неолита. Так, в Западной Грузии Л. Д. Небиеридзе обследовала группу таких памятников (Анасеули I и II, Хуцубани, Гурианта, Мамати и др.) [198]. Интересные результаты получены ею и при исследовании многослойного навеса (неолит, энеолит, ранняя бронза) у с. Даркветн Чиатурского района [199]. Важное значение имеют материалы из пещерной стоянки Самеле-клде и Имеретии [200]. Начато исследование неолитического селища в с. Чхортоли Гальского района [201]. Впервые местонахождение неолита зафиксировано в восточной части Грузии — в Кахетии [202].

Что же касается куро-аракской культуры, то здесь обследована группа замечательных памятников. В Шида Картли (Северная Грузия), на небольшой территории (120×5 км), вдоль среднего течения р. Куры зафиксировано 13 поселений [203]. К ним относятся Цихиагора-Гудабертка близ Гори, раскапывавшееся с 1956 г. С. И. Надимашвили [204], и пол-

196 *А. Ц. Геворкян.* Древнейшая металлургия и горное дело в Армении. Автореф. канд. дисс. М., 1972; *он же.* Древняя разработка меди. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 493; *он же.* О древнейшей меднорудной базе Армении. СА, 1973, № 4, стр. 32—39.

197 *С. К. Межлумян.* Палеофауна эпохи бронзы на территории Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1965.

198 *Л. Д. Небиеридзе.* Ранненеолитический памятник в Анасеули. «Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР», т. VII. Тбилиси, 1963, стр. 180—181 (на грузинском языке с русским резюме); *она же.* Неолит Западного Закавказья. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1967; *она же.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972 (на грузинском языке с русским резюме).

199 *Л. Д. Небиеридзе.* Основные итоги работ в Даркветском многослойном навесе. «Полевые археологические исследования в 1972 г.», стр. 19—21.

200 *Л. Глонти, А. Джавахишвили, Г. Джавахишвили* и др. Некоторые итоги полевых работ Урбнисской и Квирильской экспедиций. ВМГ, XXV. Тбилиси, 1968.

201 *К. Каландадзе.* Неолитическое селище Чхортоли. «Полевые археологические исследования в 1972 г.», стр. 14—19.

202 *Г. И. Джавахишвили.* Неолитические материалы из Лагодехского района. МИМКГ. Тбилиси, 1956 (на грузинском языке с русским резюме).

203 *Л. И. Глонти.* Поселение куро-аракской культуры. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970, стр. 3.

204 *С. И. Надимашвили.* Археологические раскопки древнейшего поселения — городища Шида Картли «Цихиагора-Гудабертка». «III научная сессия Горийского историко-этнографического музея...». Гори, 1961, стр. 32—35; *он же.* Археологическое изучение Шида Картли за годы Советской власти. «II научная сессия Горийского историко-этнографического музея...». Гори, 1961, стр. 42—43; *Ш. Я. Амиранишвили, С. И. Надимашвили.* Итоги работ 1956 и 1960 гг. историко-археологической экспедиции по изучению древнейшего Шида-Картлийского селища «Гудабертка-Цихиагора». «Итоги полевых археологических исследований на территории Грузинской ССР в 1960 г.». Тбилиси, 1961, стр. 18—19 (на грузинском языке); *они же.* Итоги работ 1961 г. «Итоги полевых археологических исследований на территории Грузинской ССР в 1961 г.». Тбилиси, 1962, стр. 12—15.

ностью исследованные селища Хизанаант-гора [205] и Квацхелеби в Урбниси. Блестяще проведенные в 1954—1964 гг. А. И. Джавахишвили и Л. И. Глонти раскопки последнего позволили сделать важные стратиграфические наблюдения и установить соотношение культурных слоев этого памятника и Хизанаант-гора и, таким образом, проследить генезис представленной ими культуры. Результаты раскопок Квацхелеби в 1954—1961 гг. опубликованы [206] и уже подготовлено монографическое исследование об этом памятнике [207], так же как и о Хизанаант-гора [208].

Кроме поселений здесь открыты и могильники [209]. Серия погребальных комплексов открыта также в Квацхелеби и Цихиагора-Гудабертка.

Значение упомянутых памятников заключается в том, что на их основании удается четко выделить в этой области Грузии локальный вариант куро-аракской культуры.

Важные работы проведены и в Южной Грузии. Здесь Т. Н. Чубинишвили с 1958 г. исследовал поселение и могильник под названием Амиранис-гора. Они входят в другую локальную группу памятников куро-аракской культуры. Материалы из этих памятников введены уже в научный оборот [210]. Отметим здесь же, что Т. Н. Чубинишвили много трудится над изучением древнейшей истории и культуры Грузии и является автором ряда работ по куро-аракской культуре [211]. В частности,

---

[205] Раскопки Хизанаант-гора были начаты в 1954 г. С. И. Надимашвили (см. указанные сочинения С. И. Надимашвили), а затем продолжены Урбнисской экспедицией (см.: *Л. И. Глонти, Я. А. Киквидзе, А. И. Джавахишвили.* Итоги раскопок селища IV—III тыс. до н. э. «Хизанаант-гора и Квацхелеби в 1964 г. «МСПИАЭИ 1964 г. в СССР». Баку, 1965, стр. 83—84; *Л. Глонти, А. Джавахишвили, Г. Джавахишвили* и др. Некоторые итоги полевых работ.., стр. 3—14; *Я. А. Киквидзе.* Памятники эпохи ранней бронзы в Урбниси. «Друзья памятников культуры. Грузинское общество охраны памятников культуры. Серия «Памятники материальной культуры». Сборник шестой. Тбилиси, 1966, стр. 26—29 (на грузинском языке с русским резюме).

[206] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиа-Кохи). Тбилиси, 1962 (на грузинском языке с русским резюме).

[207] *Л. И. Глонти.* Поселение куро-аракской культуры.

[208] *Я. А. Киквидзе.* Раннебронзовое поселение Хизанаант-гора. Тбилиси, 1972 (на грузинском языке с русским резюме).

[209] *Л. А. Чилашвили.* Некоторые моменты археологического исследования Урбниси. ВМГ, XXIV-B. Тбилиси, 1963, стр. 33—48; *он же.* Городище Урбниси. Тбилиси, 1964, стр. 158—160, табл. III—VIII (на грузинском языке с русским резюме).

[210] *Т. Н. Чубинишвили.* Амиранис-гора. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавахетии. Тбилиси, 1963 (на грузинском языке); *он же.* Некоторые итоги раскопок Амиранис-гора. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 69—73; *он же.* Амиранис-гора. «Друзья памятников культуры», стр. 10—15. Подробная сводка литературы об Амиранис-гора и итогах работ, проведенных в Квемо-Картли, дается в работе Т. Н. Чубинишвили «К древней истории Южного Кавказа», стр. 55.

[211] *Т. Н. Чубинишвили.* Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на грузинском языке с русским резюме); *он же.* О взаимоотношениях кавказской («куро-аракской») культуры с переднеазиатской культурой в III тыс. до н. э. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». Тбилиси, 1964; *он же.* Куро-аракская культура в Закавказье в III тыс. до н. э. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 127—137; *он же.* Некоторые особенности древних культур Южного Кавказа и их взаимоотношения с переднеазиатскими

недавно им издана работа, посвященная культуре Южной Грузии V—III тысячелетий до н. э. и проблеме происхождения Куро-аракской культуры [212].

В этой работе дано описание почти всех известных памятников куро-аракской культуры, выделяется группа ранних комплексов этой культуры и делается попытка решить вопрос о путях ее становления.

Следует отметить, что в 1961 г. Г. Г. Пхакадзе возобновила (после Е. Г. Пчелиной в 1920 г. и Б. А. Куфтина в 1947 г.) раскопки Кикетского могильника, в процессе которых удалось сделать ценные стратиграфические наблюдения [213].

В различных районах Грузии были выявлены новые памятники ранней бронзы. Так, поселения куро-аракской культуры были открыты с 1961 г. на территории г. Тбилиси [214]; могильник и поселение III тыс. до н. э. зафиксированы у селений Шулавери и Имири в Марнеульском районе [215]; в 1964 г. расчищен слой с керамикой куро-аракского типа в пещере Максанит на правобережье Ингури [216]. Проведены раскопки могильника у с. Самшвилде [217], сделаны случайные находки бронзовых орудий изучаемой эпохи.

С точки зрения разрабатываемой темы важны результаты раскопок в многослойных пещерах Самерцхле-клде (Ласточкина пещера) и Самеле-клде (пещера Лисиц) в Квирильском ущелье (Западная Грузия), проведенных с 1961 г. Д. Тушабрамишвили [218]. Верхние слои этих пещер, так же как и пещер Дзудзуана в ущелье р. Никриси, Котиас-клде в с. Свери и Тонис-клде в ущелье р. Черулы, содержат материалы эпохи энеолита и ранней бронзы [219]. В них встречается материал, перекликающийся с северокавказским, с одной стороны, и имеющий аналоги в куро-аракской культуре — с другой.

Значительно больший интерес представляют результаты исследований, осуществленных в 60-х годах в Восточной Грузии. Здесь, в бассейне

культурами в IV—III тыс. до н. э. «Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник», т. IV. Тбилиси, 1973, стр. 37—48.

212 *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа.

213 *Г. Г. Пхакадзе.* Энеолит Квемо-Картли (энеолитические памятники Кикети). Тбилиси, 1963, (на грузинском языке с русским резюме). Расширенный вариант этой работы был защищен автором в качестве кандидатской диссертации. См.: *Г. Г. Пхакадзе.* Энеолит Квемо-Картли. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1964.

214 *Г. Б. Авалишвили.* Энеолитическое поселение в окрестностях Тбилиси. «Археологический сборник. Труды VII Всесоюзной студенческой конференции». Л., 1964, стр. 32—37; *Р. Абрамишвили, Э. Гогадзе, К. Каландадзе и др.* Указ. соч. В настоящее время в районе г. Тбилиси известны пять куро-аракских поселений.

215 Работы А. И. Джавахишвили и О. М. Джапаридзе.

216 *Р. М. Абрамишвили, Т. К. Микеладзе.* Археологические раскопки на строительных площадках ИнгурГЭСа в 1964 г. Тезисы докладов. Объединенная научная Сессия Зугдидского историко-этнографического музея и Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР. Зугдиди, 1965, стр. 38—39.

217 *Д. С. Коридзе.* Новообнаруженный вислообушный топор из с. Кизил-Аджло. ВМГ, XXIV-В. Тбилиси, 1963, стр. 23—31.

218 *Л. Глонти, А. Джавахишвили, Г. Джавахишвили* и др. Указ. соч.

219 *Д. М. Тушабрамишвили, Л. Д. Небиеридзе.* Итоги Квирильской и Цухватской археологических экспедиций за 1970—1971 гг. «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии», т. III. Тбилиси, 1974, стр. 14—21.

Иори и Алазани, впервые выявлены бытовые и погребальные памятники куро-аракской культуры: поселения Илто, Сиоми, Греми, Лапанкури и Некреси [220]. Наиболее широко изучено поселение Илто (в 1965—1966 гг.). Весь собранный в Кахетии материал по ранней бронзе обобщен Ш. Ш. Дедабришвили [221]. Памятники Иоро-Алазанского бассейна содержат ценные данные, указывающие на связи культур раннебронзового века Закавказья и Северного Кавказа [222].

Широкие полевые исследования сопровождались плодотворной публикацией вновь добытых материалов и их синтезом. В этой связи нельзя не отметить труд Я. А. Киквидзе об орошении в древней Грузии [223] и обобщающее исследование Ц. Н. Абесадзе о металле куро-аракской культуры [224]. К числу крупных исследований следует отнести работы О. М. Джапаридзе — неутомимого исследователя древнейшей истории и культуры Грузии и Закавказья. Сконцентрировав внимание на изучении начального этапа развития металлургии в Грузии [225], он затем исследует все стороны хозяйства, культуры и быта населения Грузии III тыс. до н. э. и создает свой капитальный труд, посвященный истории грузинских племен в эпоху ранней бронзы [226]. В основу его монографии были положены сачхерские комплексы и поселение Кулбакеби. Он дал сводку всего наличного материала по ранней бронзе, происходящего из Сачхере,— одного из древнейших центров металлопроизводства на Кавказе. Заслуживает внимания сделанная им попытка периодизации и хронологизации куро-аракской культуры, равно как и ее этнической интерпретации.

Укажем здесь, что в 1961 г. была опубликована наша монография, в которой обобщены все известные к тому времени памятники III тыс. до н. э. Северо-Восточного Кавказа [227]. Там рассмотрены, кроме Каякентского поселения, открытые в 50-х годах Великентское [228], Мамайку-

---

[220] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Куро-аракская культура в бассейне Иори и Алазани (Кахетия). Тезисы доклада, прочитанного на Секции Кавказа пленума ИА АН СССР в 1966; *он же.* Памятники эпохи ранней и средней бронзы. ТКАЭ, I. Тбилиси, 1969, стр. 35—75; *он же.* К вопросу о ранних памятниках куро-аракской культуры (по материалам Кахетии). Тезисы доклада, прочитанного на Секции Кавказа Пленума ИА АН СССР в апреле 1969 г.; *К. Н. Пицхелаури, Ш. Ш. Дедабришвили.* Работы Кахетской археологической экспедиции в зоне строительства Верхне-Алазанской оросительной системы (1965—1966 гг.). ТКАЭ, стр. 3—25.

[221] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970.

[222] Там же.

[223] *Я. А. Киквидзе.* Орошение в древней Грузии (историко-археологический очерк). Тбилиси, 1963 (на грузинском языке с русским резюме).

[224] *Ц. Н. Абесадзе.* Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. (куро-аракская культура). Тбилиси, 1969 (на грузинском языке с русским резюме).

[225] *О. М. Джапаридзе.* Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на грузинском языке).

[226] *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на грузинском языке с русским резюме); *он же.* Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». Тбилиси, 1964.

[227] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.

[228] Раскопки В. Г. Котовича (1953 г.) и Р. М. Мунчаева (1954 г.). См.: *В. Г. Котович.* Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I. Махачкала,

танское [229], Гильярское [230], Махачкалинское [231] и частично Мекегинское [232] поселения куро-аракской культуры в Дагестане. В настоящее время памятников этой культуры стало известно там значительно больше. К числу исследованных объектов относятся Шаракунское и Мамрашское поселения в равнинной части края; Чиркейское, Гинчинское (верхний слой) и Галгалатлинское поселение (также и могильник Галгалатль), раскопанные М. Г. Гаджиевым [233]; поселение Чинна (раскопки Д. М. Атаева) [234]. К этим памятникам примыкают в известной степени и раскопанные в 50—60 годах Карабудахкентский (2) [235], Мугинский [236], Гонобский [237] и Гинчинский [238] могильники и Сигитминское [239], Верхнегунибское [240], Гапшиминское [241] и Чиркейское [242] поселения. В эти же годы в Дагестане открыт ряд неолитических памятников [243].

Нами были опубликованы данные, полученные при раскопках Лугового поселения в 1952, 1955—1957 гг. [244], и определено место этого комплекса среди памятников III тыс. до н. э. на Кавказе. Впервые исследованный памятник органически сочетал в себе элементы как куро-аракской, так и майкопской культур. Это позволило поставить в широком аспекте проблему связей и взаимовлияний культур раннебронзового века Закавказья и Северного Кавказа.

К настоящему времени на территории Чечено-Ингушетии Северокавказской экспедицией, многие годы руководимой Е. И. Крупновым, исследована большая группа памятников эпохи ранней бронзы. Раскопаны Ба-

---

1959, стр. 121—135; *Р. М. Мунчаев.* Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 51—52.

229 *В. Г. Котович.* Новые археологические памятники..., стр. 134—135.

230 Там же, стр. 135—136.

231 Поселение открыто в 1954 г. В. И. Марковиным.

232 *В. Г. Котович.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Горном Дагестане. «Ученые записки ИИЯЛ», т. IX. Махачкала, 1961, стр. 285—286; *В. М. Котович.* К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века. «Ученые записки ИИЯЛ», т. XII. Махачкала, 1964, стр. 177.

233 *М. Г. Гаджиев.* Новые данные о связях Дагестана...; *он же.* Раскопки памятников бронзового века в Горном Дагестане. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 102—103 и др.

234 *Д. М. Атаев, К. Х. Кушнарева.* Два поселения в урочище Чинна (Горный Дагестан). КСИА, вып. 108, 1966, стр. 68—72.

235 *Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов.* Археологические памятники близ с. Карабудахкент (ДАССР). МИА, № 68, 1958, стр. 147—175.

236 *Р. М. Мунчаев.* Археологические исследования в нагорном Дагестане, стр. 48.

237 *В. Г. Котович.* Археологические работы в Горном Дагестане. МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 25—36.

238 *М. Г. Гаджиев* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969.

239 *В. И. Каневец.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Ученые записки» ИИЯЛ, т. III. Махачкала, 1957, стр. 158—160.

240 *В. М. Котович.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965.

241 *В. Г. Котович.* Археологические работы в Горном Дагестане, стр. 23—24.

242 «История Дагестана», т. I. М., 1967, стр. 57.

243 *В. Г. Котович.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 184—217.

244 *Е. И. Крупнов.* Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95—105; *он же.* Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 155—158; *он же.* О чем говорят памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1960.

мутский курганный могильник [245] и Серженьюртовские поселения I и II [246].

Кроме того, ряд памятников раннебронзового века открыт и в других районах Чечено-Ингушетии. К ним относятся подкурганные погребения у ст. Мекенской на Тереке [247] и у с. Бачи-Юрт [248], а также ряд поселений [249]. Отметим еще, что в 1959 г. В. П. Любин открыл единственный пока на территории Северной Осетии комплекс, связанный с куро-аракской культурой. Это — материалы из пещеры Шау-Легет [250].

В 1961 г. в нашей работе о древнейшей культуре Северо-Восточного Кавказа было высказано предположение о том, не является ли рассмотренная энеолитическая культура Кавказа [251] подосновой кавказского этнического субстрата и не отражает ли она культуру населения, связанного с так называемой кавказско-иберийской языковой семьей [252]. Уместно именно здесь отметить большую заслугу Е. И. Крупнова в подробной разработке (с привлечением данных археологии, антропологии, этнографии и языкознания) важнейшей проблемы древнейшей кавказской этнической общности. Его выводы базировались на анализе памятников Кавказа III тыс. до н. э., в основном куро-аракской культуры [253].

---

[245] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура..., стр. 136—140; *он же.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 84, 1961; *он же.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3; *он же.* Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии. «Археолого-этнографический сборник», т. I. Грозный, 1966; *он же.* Раскопки Бамутских курганов в 1965 г. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1968; *Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди.* Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА, вып. 98, 1968; *они же.* Раскопки Бамутского курганного могильника в 1963 г. КСИА, вып. 106, 1966.

[246] Первые раскопки поселения у с. Сержень-Юрт в 1958—1959 гг. были проведены нами (см.: *Р. М. Мунчаев.* Памятники майкопской культуры...). В 1960 г. раскопки продолжил Н. Я. Мерперт (см.: *Н. Я. Мерперт.* Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962), а в последующие годы исследование этих поселений проводили Е. И. Крупнов и В. И. Козенкова. См.: *А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 94, 1963; *В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Исследование Сержень-Юртовского поселка в 1962 г. КСИА, вып. 98, 1964; *В. И. Козенкова.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965; *В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Древний Сержень-Юртовский поселок в ЧИАССР (по материалам 1964 г.). КСИА, вып. 106, 1966.

[247] *Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт.* Курганы у ст. Мекенской. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 20—24.

[248] *В. И. Марковин.* Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 63—64.

[249] Следы поселений с керамикой майкопской культуры открыты нами на правом берегу Фортанги против с. Бамут и за пионерскими лагерями у с. Шалажи, а М. Х. Ошаевым — в Курчалоевском районе Чечено-Ингушской АССР.

[250] *В. П. Любин.* Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Северная Осетия). КСИА, вып. 108, стр. 49—54.

[251] Тогда мы, естественно, рассматривали памятники III тыс. до н. э. и культуры в целом как энеолитические, хотя и указали, что новейшие исследования свидетельствуют о том, что тогда в Закавказье и на Северном Кавказе уже научились создавать медно-мышьяковистую бронзу (см.: *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура..., стр. 8).

[252] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура..., стр. 164.

[253] *Е. И. Крупнов.* Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. «XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации

Вообще надо сказать, что одной из примечательных особенностей в изучении древнейшей истории и культуры Кавказа в 60-х годах является стремление исследователей к этнической интерпретации носителей культур рассматриваемой эпохи. Это прежде всего работы Г. А. Меликишвили [254] и И. М. Дьяконова, сделавшего попытку создания этноязыковой карты Кавказа в III тыс. до н. э.[255], а также труды ряда лингвистов-кавказоведов [256]. Некоторые из них постулируют весьма спорное положение о проникновении индоевропейцев в Малую Азию через Кавказ.

В 60-е годы был выполнен ряд серьезных исследований по антропологии Кавказа, в которых изучен и соответствующий материал из погребений куро-аракской культуры [257].

Прежде чем перейти к изучению майкопской культуры в эти годы, нельзя не отметить работы, проведенные в Восточной Анатолии, т. е. на территории, входящей в ареал куро-аракской культуры. Здесь в 1956—1957 гг. Ч. А. Барней обследовал районы Сивас, Малатии, Элязига, Муша, Битлиса, Вана и частично Игдырскую равнину и зафиксировал более 150 селищ энеолита, ранней бронзы и железа [258]. Им выяснено, что керамика куро-аракского типа распространена там на обширном протяжении высокогорной зоны [259]. Но некоторые его выводы и предположения, в частности относительно ареала и района формирования куро-аракской культуры, не выглядели сколько-нибудь убедительно [260].

СССР». М., 1963; *он же.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1; *он же.* Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, 1966, № 5.

254 *Г. А. Меликишвили.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. ВДИ, 1965, № 1; *он же.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на грузинском языке).

255 *И. М. Дьяконов.* Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III—I тыс. до н. э. Тезисы. Баку, 1966; *он же.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968; *он же.* Языки Передней древней Азии. М., 1967.

256 *А. Е. Бокарев.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961; *Г. А. Климов.* Кавказские языки. М., 1965; *Ю. Д. Дешериев.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; *Т. В. Гамкрелидзе.* «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук»; *Г. И. Мачавариани.* К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях. Там же; *Г. Б. Джаукян.* Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, и др.

257 *Г. Азизян.* Указ. соч.; *М. Г. Абдушелишвили.* К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966; *Э. Н. Джавахишвили.* Новая палеоантропологическая находка в Грузии (череп чиатурского энеолитического человека). «Труды Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР», т. IX. Тбилиси, 1964; *В. П. Алексеев.* Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения. Автореф. докт. дисс. М., 1967, стр. 70; *он же.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974; *А. Г. Гаджиев.* Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.

258 *C. A. Burney.* Eastern Anatolian in chalcolithic and Early bronze age. AS, VIII, 1958.

259 Там же.

260 Там же, стр. 165—166.

Интересные результаты получены при раскопках поселения Пулур [261]. В настоящее время Пулур и Караз — два наиболее исследованных памятника куро-аракской культуры в Восточной Анатолии [262].

Бесспорный интерес представляют также раскопки поселения Яниктепе в районе Тавриза в Иранском Азербайджане, проведенные в конце 50-х — начале 60-х годов Ч. А. Барнеем [263].

В 1971 г. издана книга Ч. Барнея в соавторстве с Д. М. Ланг, посвященная характеристике культурно-исторического развития обширной горной области от верховьев Евфрата до Кавказского хребта и оз. Урмия начиная с каменного века и до средневековья [264]. В соответствующих разделах ее рассмотрены древнейшие раннеземледельческие памятники Закавказья (глава II) и куро-аракская культура, которую авторы предлагают именовать «ранняя закавказская и восточноанатолийская культура» [265] (глава III). В последней кратко охарактеризован и ряд памятников эпохи ранней бронзы Северного Кавказа (Майкопский и Новосвободненские курганы, Долинское поселение) [266]. По существу, никаких принципиально новых выводов в этой работе не содержится. Авторы следуют в решении основных вопросов за советскими исследователями. Так, они придерживаются трехчленной периодизации куро-аракской культуры. Ч. Барней и Д. М. Ланг полагают, что носителями этой культуры были хурриты, обитавшие в Грузии и Восточной Анатолии [267]. Вслед за другими авторами они считают, что индоевропейцы в лице хеттов прошли в Анатолию через Кавказ [268]. Несмотря на спорные положения и ряд фактических ошибок (например, по мнению авторов, Закавказье богато оловом; Тойре-тепе и Шулавери являются памятниками докерамического неолита и др.), эта книга полезна.

В прямой связи с куро-аракской культурой находится проблема культуры кирбет-керакской керамики. Памятники, содержащие так называемую кирбет-керакскую керамику, открыты сейчас во многих пунктах Сирии и Палестины. Эта керамика, безусловно, генетически связана с

---

[261] *H. Z. Kosay, H. Vary.* Pulur kazisi, 1960 Mevsimi galismalari raporu. Ankara, 1964; *H. Z. Kosay.* Pulur in the Keban region. «Archaeology», oct. 1969, vol. 22, N 4, p. 320—321; *он же.* Pulur (Sakyol) kazisi, 1969. «Keban Projesi, 1969 Galismalari». Ankara, 1971, p. 99—106; *он же.* Pulur (Sakyol) excavations, 1970». «Keban project 1970 activities». Ankara, 1972, p. 133—134.

[262] *H. Z. Kosay.* La culture Akas-Karaz dans la region de l'Euphrate moyen et l'expansion de cette culture. «Symposium international sur l'ethnogenese des peuples Balkaniques». Plovdiv, 23—28 april, 1969. Sofia, 1969.

[263] *C. A. Burney.* Excavations at Janic-tepe, North-West Iran. «Iraq», XXIII, N 2. Baghdad, 1961, p. 138—153; *он же.* Excavations at Janic-tepe, Azerbaijan, 1961. Second preliminary report. «Iraq», XXIV, N 2, p. 134—149; *он же.* Circular buildings found at Janic-tepe, in North-West Iran. «Antiquity», 1961, XXXV, N 139, p. 237—240; *C. A. Burney, D. M. Lang.* The peoples of the Hills. «Ancient Ararat and Caucasus». London, 1971 (в этой работе приводится подробная библиография по ранним памятникам Северного Ирана, Анатолии и частично Закавказья).

[264] *C. A. Burney, D. M. Lang.* Указ. соч.

[265] Там же, стр. 44.

[266] Там же, стр. 78—83.

[267] Там же, стр. 43—53.

[268] Там же, стр. 86—126.

куро-аракской. Ее появление и распространение в Восточном Средиземноморье поэтому рассматривается как результат проникновения куро-аракской культуры в районы Ближнего Востока. Поскольку данная тема выходит за рамки нашего исследования, мы воздерживаемся от обзора изучения памятников Кирбет-Керака, ограничившись тем, что было уже сказано, и указанием на недавно вышедшие труды Д. Мелларта [269] и особенно Я. Б. Хеннеси [270], в которых обобщены все данные по кирбет-керакской культуре и приведена полная библиография.

Вернемся, однако, на Кавказ и посмотрим, какие работы по изучению древнейшей культуры были проведены в Предкавказье в 50—60-е годы. Укажем прежде всего на открытие ряда неолитических памятников на Северо-Западном Кавказе. Речь идет об отдельных местонахождениях и Нижне-Шиловской стоянке на черноморском побережье, изученных А. А. Формозовым [271], а также Каменномостской пещере в Прикубанье [272].

Еще один неолитический памятник в Прикубанье — стоянка в бассейне р. Пшехи в Адыгее — открыт в 1968 г. П. У. Аутлевым [273], а другая стоянка той же эпохи открыта В. П. Любиным на Овечке в Карачаево-Черкессии [274].

В эти годы были исследованы в различных областях Северного Кавказа многочисленные погребальные и, что принципиально важно, бытовые памятники III тыс. до н. э. Не будет преувеличением сказать, что минувшее двадцатилетие — это самый плодотворный этап в изучении раннебронзового века Северного Кавказа. Именно в эти годы за культурой раннего бронзового века Предкавказья утвердилось понятие «майкопская культура» (вместо «раннекубанский этап», или культура «больших кубанских курганов»). И в этом большая заслуга Е. И. Крупнова. Обобщив все известные к середине 50-х годов материалы из Кабардино-Балкарии, относящиеся к этой культуре, он своевременно поставил вопрос о том, что ее «давно уже правильнее следовало бы именовать «майкопской» [275].

Укажем теперь раскопанные в Предкавказье погребальные памятники. Курганы майкопской культуры у ст. Усть-Джегутинская Ставропольского

---

[269] *J. Mellaart.* The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia, Beirut, 1966, p. 73—90.

[270] *J. B. Hennessy.* The foreign relations of Palestine during Bronze age. London, 1969.

[271] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа; см. также: *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа; Нижне-Шиловское и Кистрик. «Материалы по археологии Абхазии». Тбилиси, 1967, стр. 3—38.

[272] *А. А. Формозов, А. Д. Столяр.* Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2.

[273] *П. У. Аутлев.* Разведка памятников каменного века в Прикубанье. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 95—96.

[274] *В. П. Любин.* Неолитическая стоянка на Овечке (Карачаево-Черкессия). «Труды Карачаево-Черкесского НИИ ИЯЛ (серия историческая)», вып. V. Ставрополь, 1966, стр. 261—265.

[275] *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 45—70; *он же.* Древнейший период истории Кабарды. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. I. Нальчик, 1951, стр. 20—51.

края исследованы в 1964—1965 гг. А. Л. Нечитайло [276]. А в 1966—1968 гг. Я. И. Симакиным было раскопано подкурганное майкопское погребение в г. Пятигорске [277].

Исключительный интерес представляет курган с каменной гробницей в г. Нальчике, исследованный в 1968—1969 гг. И. М. Чеченовым [278]. Это, пожалуй, наиболее богатый курган майкопской культуры, раскопанный после Н. И. Веселовского. Рядом с этим курганом были обнаружены остатки поселения того же времени [279]. В 1954 г. открыто погребение майкопского типа у г. Докшукино [280]. Огромный интерес представляют начатые в 1972 г. Кабардино-Балкарским НИИ под руководством И. М. Мизиева исследования курганов в бассейне Чегема и Баксана. Здесь раскопано более 20 майкопских погребений [281]. Таким образом, Бамутский, Усть-Джегутинский и (условно) Чегемско-Баксанский могильники являются наиболее крупными погребальными памятниками майкопской культуры, известными в настоящее время. Отметим, наконец, что материалы по ранней бронзе, накопленные в Кабардино-Балкарии до 1972 г., были обобщены в диссертации Р. Ж. Бетрозова [282].

Ряд памятников открыт также в Краснодарском крае. Так, на стоянке Скала близ пос. Каменномостского было раскопано необычайное для майкопской культуры погребение в каменном ящике [283]. Типичный комплекс бронзовых предметов содержало раскопанное в 1967 г. погребение 2 кургана в с. Красногвардейском [284].

В 1961—1963 гг. Ю. С. Крушкол раскопала несколько курганов май-

---

[276] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, № 3, стр. 133—151.

[277] *А. П. Рунич, А. А. Формозов.* Новые памятники первобытной культуры в районе кавказских Минеральных Вод. КСИА, вып. 132, 1972, стр. 71—72.

[278] *Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов.* Находки медного котла майкопской культуры в г. Нальчике. КСИА, вып. 115, 1969, стр. 54—57; *И. М. Чеченов.* Гробница майкопского периода в Кабардино-Балкарии. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 97—99; *он же.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. СА, 1970, № 2, стр. 109—124; *он же.* Доисследование кургана эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 89—90; *он же.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973; *он же.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969 (в этой работе наряду с Нальчикской гробницей описаны все памятники неолита, энеолита и ранней бронзы края).

[279] *И. М. Чеченов.* Доисследования кургана..., стр. 90; *Р. Ж. Бетрозов.* Керамика из вновь открытого поселения эпохи ранней бронзы г. Нальчика. «Вестник КБНИИ», вып. 4. Нальчик, 1970.

[280] *П. Г. Акритас.* Археологические работы в Кабарде в 1954 г. «Ученые записки КБНИИ», т. IX. Нальчик, 1955, стр. 32—37.

[281] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973; *И. М. Мизиев.* Большой Кишпекский курган. Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 37—38.

[282] *Р. Ж. Бетрозов.* Культура племен Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1972.

[283] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1967, стр. 66.

[284] Благодаря любезности Н. В. Анфимова я имел возможность ознакомиться с этим комплексом и с майкопским глиняным сосудом, найденным в 1961 г. близ хут. Адатум Крымского района. Все эти предметы хранятся в Краснодарском музее (№ 3847 и др.).

копской культуры у хут. Рассвет Анапского района [285], а Н. И. Сокольский открыл у ст. Сенной на Тамани в 1962 г. курганное погребение эпохи ранней бронзы [286]. Еще в 1949 г. на полуострове Фонтан М. М. Кубланов обнаружил комплекс майкопских глиняных сосудов, вероятно, связанный с разрушенным погребением [287]. Уместно отметить здесь, что в начале 60-х годов вышла в свет работа Т. Б. Поповой, посвященная публикации дольменов у ст. Новосвободной [288].

Весьма существенны результаты исследований поселений майкопской культуры. До самого недавнего времени наши знания о бытовых памятниках этой культуры ограничивались лишь одним Долинским поселением в г. Нальчике. Затем, в середине 50-х годов стал известен еще один памятник — Воронцовская пещера в районе Адлера, исследованная Л. Н. Соловьевым [289].

Работы экспедиций Государственного Эрмитажа под руководством А. Д. Столяра и Кубанского отряда ИА АН СССР под руководством А. А. Формозова, проведенные в 1957—1964 гг., открыли новую страницу в истории изучения эпохи раннего металла Северного Кавказа. Благодаря этим работам в Прикубанье, в бассейнах Фарса и главным образом р. Белой изучено более десяти майкопских поселений [290]. Среди них Скала, Хаджох, Даховская пещера, Ясенова Поляна, Мешоко и др. [291]

Изучение этих и некоторых других памятников позволило А. А. Фор-

---

[285] *Ю. С. Крушкол.* Археологические исследования древней Синдики (Анапский р-н) экспедициями Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской. «Ученые записки Московского областного пединститута», т. CXV. М., 1963, стр. 83—85; *она же.* Отчет об археологическом исследовании хут. Рассвет в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2491, стр. 2—7; *она же.* Отчет об археологических экспедициях у хут. Рассвет в 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2780, стр. 2—16.

[286] *Н. И. Сокольский.* Раскопки в Кепах в 1962 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 115.

[287] *М. М. Кубланов.* К истории азиатского Боспора (новые археологические материалы с полуострова Фонтан). СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 219—220.

[288] *Т. Б. Попова.* Дольмены у ст. Новосвободной. М., 1963.

[289] *Л. Н. Соловьев.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. «Труды Абхазского ИЯЛИ», т. XXIX. Сухуми, 1958.

[290] *А. А. Формозов, А. Д. Столяр.* Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае; *они же.* Кубанская экспедиция 1959—1960 гг. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XXII. Л., 1962; *А. Д. Столяр.* Энеолитическое поселение Мешоко. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 г.». Л., 1960; *он же.* Работы Северокавказской экспедиции 1960 г. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1960 г.». Л., 1968; *он же.* Северокавказская экспедиция 1962—1964 гг. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XXVII. М.— Л., 1966; *он же.* Мешоко — поселение майкопской культуры. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961; *он же.* Энеолит Кубани в свете работ Северокавказской экспедиции (1957—1960, 1962—1963 гг.). «Гос. Эрмитаж. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии». Л., 1964; *А. А. Формозов.* Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II; *А. А. Формозов, Е. Н. Черных.* Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье. КСИА, вып. 101, 1964.

[291] Следует отметить, что в исследовании некоторых из этих памятников активное участие принимали А. А. Щепинский, П. У. Аутлев и особенно П. А. Дитлер. В частности, последним были начаты раскопки интересного поселения Ясенова Поляна.

мозову поставить ряд важных вопросов, в том числе о хозяйстве племен Прикубанья в эпоху ранней бронзы [292], периодизации майкопских поселений [293], южных связях майкопской культуры [294] и др.[295] Все эти и многие другие вопросы, связанные с изучением древнейших культур Прикубанья, были рассмотрены им и в специальной монографии [296]. Обобщив материалы с поселений майкопской культуры, автор показал «двуприродность» этой культуры и выделил ряд последовательных этапов в ее развитии. Он справедливо охарактеризовал ее как единую культуру эпохи раннего металла Северного Кавказа [297]. Мы не без основания подчеркиваем последнее обстоятельство. Дело в том, что другой исследователь майкопских поселений Прикубанья, А. Д. Столяр, пришел на основании их изучения к противоположному выводу. В ряде упомянутых работ, а также в специальном докладе [298] он попытался доказать наличие в Прикубанье (а значит, и на Северном Кавказе.— *Р. М.*) в эпоху раннего металла двух самостоятельных культур. Это весьма ответственный вывод, изменяющий общее представление о культурно-историческом развитии Северного Кавказа на заре бронзового века. Поэтому его следовало всесторонне обосновать, но этого как раз А. Д. Столяр и не сделал. Вызывает недоумение и то обстоятельство, что некоторые авторы отнеслись к данному выводу без какой-либо критики и по существу признали его как доказанный факт [299].

Поселения майкопской культуры открыты и в других областях Северного Кавказа, например в районе кавказских Минеральных Вод [300] (стоянка «Замок» близ Кисловодска, обследованная в 1963—1965 гг.

---

[292] *А. А. Формозов.* О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 27—32. Отметим здесь же работы, в которых изучен специально остеологический материал из поселений Прикубанья. См.: *Е. Л. Дмитриева.* Фауна энеолитической стоянки Мешоко. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II, стр. 99—102; *В. И. Цалкин.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 220—224; и др.

[293] *А. А. Формозов.* Периодизация майкопских поселений. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 31—42.

[294] *А. А. Формозов.* Новое о южных связях майкопской культуры. КСИА, вып. 93. 1963, стр. 34—37.

[295] *А. А. Формозов.* Памятники первобытного искусства. М., 1966, стр. 76—87.

[296] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья.

[297] По традиции А. А. Формозов рассмотрел майкопскую культуру как энеолитическую. Как ни странно, так же он рассматривает ее и в настоящее время (см.: *А. А. Формозов.* О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа. КСИА, вып. 137, 1973, стр. 41).

[298] *А. Д. Столяр.* Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г.». Л., 1964, стр. 31—32.

[299] *М. И. Артамонов.* Предисловие к кн.: *Б. А. Латынин.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», вып. 9. Л., 1967, стр. 3; *Б. А. Латынин.* Молоточковидные булавки..., стр. 95. Укажем здесь же, что в данной работе Б. А. Латынин уделил немало внимания майкопской культуре с целью доказать, что молоточковидные булавки являются характерными для нее. Поскольку это доказать невозможно, ибо ни в одном майкопском памятнике до сих пор молоточковидные булавки не встречены, то попытка это сделать привела к неизбежным натяжкам и ошибочным выводам.

[300] *А. П. Рунич, А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 70—73.

А. П. Руничем [301]), поселение на окраине с. Урух в Кабардино-Балкарии, выявленное А. Г. Нечаевой и И. М. Мизиевым в 1968 г. [302], и поселение Мысхако у г. Новороссийска (открыто в 1969 г. Н. А. Онайко) [303]. Последнее является единственным пока бытовым памятником майкопской культуры, открытым на берегу моря.

Образцы позднемайкопской керамики обнаружены также и в ряде пунктов Северной Осетии, в частности в Ардонском (Кадгерон) и Дигорском (Кураурздон) районах [304].

Кроме того, в последние годы типичная керамика майкопской культуры выявлена и к северу от основной области ее распространения — в поселении III тыс. до н. э. на Нижнем Дону (г. Константиновск Ростовской обл.) [305]. Некоторые предметы инвентаря и элементы погребального обряда, характерные для этой культуры, зафиксированы в памятниках кизил-кобинской (Крым) и трипольской (усатовского типа) культур [306]. Эти данные свидетельствуют об активных связях племен майкопской культуры с населением Северного Причерноморья.

В результате изучения керамических комплексов из памятников майкопской культуры удалось установить наличие гончарного круга у населения Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы [307]. Значение этого факта трудно переоценить, поскольку до сих пор нигде в Европе и в Закавказье использование гончарного круга для этого времени не зафиксировано. Важен и другой факт: в нескольких погребениях майкопской культуры обнаружены бронзовые псалии [308] — древнейшие псалии, известные до сих пор. Они позволили, наряду с другими данными, поставить вопрос о времени возникновения коневодства на Кавказе. На позднем этапе майкопской культуры на Северном Кавказе получают распространение повсеместно медные котлы. Таким образом, в свете новейших данных стало возможным говорить о высоком уровне развития культуры Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы [309]. В этой связи не удиви-

---

301 *А. П. Рунич.* Энеолитическое поселение близ г. Кисловодска. СА, 1967, № 1, стр. 228—233.

302 *А. Г. Нечаева, И. М. Мизиев.* Поселение раннего бронзового века на р. Урух. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 104—105.

303 *Н. А. Онайко.* Новый памятник майкопской культуры. КСИА, вып. 134, 1973, стр. 58—59.

304 Об этих находках нам любезно сообщил В. И. Марковин.

305 *В. Я. Киященко.* Новое энеолитическое поселение на Нижнем Дону. «АО 1967 г.». М., 1968, стр. 72; *он же.* Раскопки Константиновского поселения. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 105.

306 *А. А. Щепинский.* Об элементах общности культур III—I тыс. до н. э. в Крыму и на Кавказе. «МСПИАЭИ 1964 г.», стр. 82—83; *Э. Ф. Патокова.* Обряд погребений усатовских курганных могильников. Записки Одесского археологического общества, т. II (35). Одесса, 1967, стр. 11—22; *В. Г. Збенович.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.

307 *А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 14—22.

308 *Р. М. Мунчаев.* Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 71—77.

309 *Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев.* Северный Кавказ в свете новейших археологических исследований. «МСПИАЭИ 1964 г.», стр. 11.

тельно, что один из авторитетных советских историков и знатоков древних языков Передней Азии И. М. Дьяконов считает возможным предполагать наличие письменности у племен майкопской культуры [310].

И, наконец, укажем на работы, осуществленные в эти годы в Абхазии. В 1963—1964 гг. Л. Н. Соловьев и В. В. Бжания провели раскопки на неолитическом селище Кистрик [311]. Интересные материалы дало поселение на горе Гуад-Иху близ Сухуми, обследованное в 1952 г. М. М. Трапшем [312]. Самые важные результаты были получены, несомненно, раскопками многослойного поселения в с. Мачара, проведенными в 1964 г. В. В. Бжания [313]. На материалах этого памятника удается проследить не только особенности местной культуры в изучаемую эпоху и определенные связи ее как с Закавказьем, так и Северным Кавказом, но и установить генезис ее от энеолита до средней бронзы [314]. Нельзя не указать на сводный труд З. В. Анчабадзе, в котором немало страниц уделено рассмотрению древнейший культуры Абхазии [315].

Наш историографический обзор мы хотели бы закончить указанием на ряд общих работ, в которых рассмотрены в разной связи вопросы, касающиеся истории и культуры Кавказа изучаемой эпохи. Некоторые из них мы уже отметили. В первую очередь следует назвать работы И. Р. Селимханова и Е. Н. Черных по истории древней металлургии Кавказа.

Начав свои работы с изучения путем спектрального анализа бронзовых предметов из древних памятников Азербайджана, И. Р. Селимханов провел широкие химико-аналитические исследования металла из других областей Кавказа, включая и Предкавказье. В результате этих исследований он пришел к выводу, что металлические предметы из памятников куро-аракской культуры не медные, как считалось, а изготовлены из медно-мышьяковистой бронзы, и поэтому эту культуру нельзя называть энеолитической [316].

---

[310] *И. М. Дьяконов.* «Майкопские письмена» (к методике работы дешифровщика). ВДИ, № 2, стр. 104.

[311] *В. В. Бжания.* История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии. «Материалы по археологии Абхазии». Тбилиси, 1967, стр. 99—114. В последние годы в Абхазии исследовалась неолитическая стоянка Гумириши: *К. С. Каландадзе.* Итоги раскопок 1970 г. на неолитической стоянке Гумириши. МАГК, V. Тбилиси, 1973 (на грузинском языке с русским резюме).

[312] *В. В. Бжания.* Энеолитическое поселение на горе Гуад-Иху. «Тезисы докладов научной сессии Абхазского государственного музея, посвященной 50-летию основания музея». Сухуми, 1965, стр. 33—35.

[313] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение эпохи энеолита и ранней бронзы в Абхазии. СА, 1966, № 1, стр. 113—126. В 1968 г. В. В. Бжания были обследованы поселения III тыс. до н. э. в горах Абхазии. См.: *В. В. Бжания.* Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 65—71.

[314] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии (эпоха энеолита и ранней бронзы). Автореф. канд. дисс. М., 1966.

[315] *З. В. Анчабадзе.* История и культура древней Абхазии. М., 1964, стр. 38—82.

[316] *И. Р. Селимханов.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов...; *он же.* Спектральное исследование металлических предметов из археологических памятников Кавказа и установление их эпохи. «Известия АН Азербайджанской ССР», серия геолого-географических наук, 1960, № 1, стр. 105—121; *он же.* К использованию первых металлов в древности на

Следует еще сказать, что И. Р. Селимхановым впервые был поднят и вопрос о никеле в древнейших металлических предметах Кавказа [317].

Что же касается Е. Н. Черных, то он провел спектральное исследование всего известного металла (за исключением золота и серебра) из памятников III—II тыс. до н. э. Северного Кавказа и сделал ряд важных выводов [318]. После его работ стало совершенно очевидным, что металлические изделия из памятников майкопской культуры не медные, а изготовлены в основном из сплава меди с мышьяком, и что в майкопском металле присутствует группа предметов с высоким содержанием никеля. Один из важнейших его выводов заключается в следующем: на основании геохимических характеристик представляется возможным утверждать, что металлообработка у племен майкопской культуры базировалась на закавказском сырье.

Работы И. Р. Селимханова и Е. Н. Черных, так же как и Р. А. Бахтадзе, Т. Н. Двали, Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, Ц. Н. Абесадзе [319] и других упомянутых авторов, значительно продвинули вперед изучение истории древнейшей металлургии Кавказа и всей Восточной Европы.

Обычно интерес исследователей древнейших культур сопредельных территорий к Кавказу определялся главным образом двумя причинами. Во-первых, тем, что Кавказ связывал Переднюю Азию с Юго-Восточной Европой, и, во-вторых,— представлял собой древнейший очаг металлопроизводства Старого Света, обеспечивавший своей продукцией в рассматриваемую эпоху и позже племена Северного Причерноморья и Поволжья. Следует подчеркнуть, что интерес этот значительно усилился в последнее десятилетие в связи с теми открытиями, о которых мы говорили. Иллюстрировать это обстоятельство подробно едва ли здесь необходимо. Остановимся лишь на работах, в которых определенное внимание уделено Кавказу изучаемого времени.

Среди них особое место занимают труды В. М. Массона [320]. В них

территории Азербайджана и Дагестана. «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XX, № 1, 1964, стр. 41—45; *он же.* К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников...; *И. Р. Селимханов, Ж. Р. Марешаль.* О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализов. «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков...», стр. 138—148; *И. Г. Нариманов, И. Р. Селимханов.* К применению первых металлов в быту населения Восточного Закавказья. «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XXI, № 4. Баку, 1965, стр. 76—79 (на азербайджанском языке с русским резюме); *I. R. Selimkhanov.* Spectral Analysis of Metal Articles from Archaeological Monumentes of the Caucasus. «In the Prehistoric Society», 1962, vol. XXVIII, p. 68—80; *М. А. Кашкай, И. Р. Селиханов.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.

317 *И. Р. Селимханов.* О никеле в древних медных сплавах. «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XVIII, № 6. Баку, 1962, стр. 43—46.

318 *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы.

319 *Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе.* К истории меднобронзовой металлургии Грузии. Тбилиси, 1958 (на грузинском языке); *Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе.* Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959; *Ц. Н. Абесадзе.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969; и др.

320 *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 235—240; *он же.* Древние земледельцы на территории СССР. «Возникновение и развитие

сделана попытка определить место Кавказа на общем фоне раннеземледельческого мира Передней Азии, с одной стороны, а с другой,— выделить Кавказ в один из древнейших и самостоятельных очагов развития производящей экономики на территории нашей страны.

Из других работ следует отметить посмертно изданный труд С. В. Киселева о бронзовом веке СССР, в котором немало внимания уделено Кавказу [321], и особенно исследование Н. Я. Мерперта, посвященное изучению культуры населения степей Восточной Европы в III тыс. до н. э.[322] В нем, в частности, приведена сводка всех погребений ямной культуры, открытых в Предкавказье, и дана их культурно-историческая интерпретация.

Наконец, отметим работы В. А. Фисенко. Хотя они касаются катакомбной культуры, в них значительное место занимает проблема связей племен Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в III тыс. до н. э.[323] К сожалению, недостаточное знание кавказских материалов привело его к ряду ошибочных выводов по вопросам о связях катакомбной культуры с куро-аракской, происхождении катакомбной культуры и т. д.

Такими же ошибочными положениями страдает и монография В. Н. Даниленко. Он вслед за В. А. Фисенко бездоказательно заявляет о большой близости керамики предкавказской катакомбной культуры и куро-аракской и на этом основании делает далеко идущие выводы, вплоть до признания большой вероятности причерноморско-кавказского пути продвижения хеттов в Малую Азию [324]. Неубедителен и его вывод о том, что протохеттская линия этнокультурного развития Европы представлена на позднем этапе ранним энеолитом Крыма и майкопской культурой [325].

Приведенный обзор позволяет сделать один бесспорный вывод: в настоящее время проблема неолита, энеолита и ранней бронзы Кавказа стала предметом широкого полевого и научного исследования; она приобрела такую актуальность, что к ее изучению оказалось прикованным внимание не только археологов, но и историков, этнографов, антропологов и лингвистов. В изучении этой проблемы достигнуты значительные результаты, на основании которых можно в настоящее время сделать первую попытку воссоздать, хотя бы в виде очерков, общую картину культурно-исторического развития Кавказа в эпоху неолита и главным образом энеолита и ранней бронзы.

земледелия». М., 1967, глава III, стр. 83—87; *он же*. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации). «Кавказ и Восточная Европа в древности», стр. 102—112.

[321] *С. В. Киселев*. Бронзовый век СССР. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 20—25.

[322] *Н. Я. Мерперт*. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. М., 1968.

[323] *В. А. Фисенко*. Учебное пособие по курсу истории СССР. Лекции по археологии. Саратов, 1966; *он же*. Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока. «Археологический сборник». Саратов, 1966, стр. 63—83; *он же*. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия. Автореф. канд. дисс. Л., 1967, стр. 20.

[324] *В. Н. Даниленко*. Неолит Украины. Киев, 1969, стр. 228, 235.

[325] Там же, стр. 236.

Глава II

К изучению неолита Кавказа

Неолит Кавказа — тема, наименее разработанная в кавказоведении и, по-видимому, во всей археологии СССР. Еще во второй половине XIX в. существовали различные теории, по одним из них Кавказ не пережил в своем развитии неолитической эпохи, а по другим — наоборот, неолит представлен на Кавказе широко, причем такими памятниками, как циклопические крепости, наскальные изображения и т. д.[1]

Первую сводку известных памятников неолита Кавказа дал Б. Б. Пиотровский[2]. Достаточно обратиться к ней, чтобы убедиться, насколько слабо к 1950 г. был изучен неолит Кавказского перешейка. Сейчас, почти через 25 лет после выхода в свет работы Б. Б. Пиотровского, нельзя сказать, что положение с изучением кавказского неолита изменилось коренным образом. Правда, за это время вышел ряд работ с обобщением материалов по неолиту отдельных областей Кавказа — Азербайджана[3], Армении[4], Грузии[5], Дагестана[6] и Северного Кавказа[7]. Среди этих работ следует особо выделить два исследования, в значительной степени связанных между собой и дополняющих друг друга. Это работа А. А. Формозова о неолите черноморского побережья Крыма и Кавказа[8] и монография Л. Д. Небиеридзе, посвященная изучению неолита Западного Закавказья[9].

Какие же памятники Кавказа относят к неолиту? Начнем с Восточного Закавказья, с территории Азербайджана (рис. 1). Здесь известны

---

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 26.

[2] Там же, стр. 25—32.

[3] *И. Г. Нариманов.* Археологические памятники Ганджачайского района. Баку, 1958, стр. 22—35 (на азербайджанском языке); *Т. А. Бунятов.* Очерки азербайджанской археологии. Баку, 1960, стр. 37—45 (на азербайджанском языке).

[4] *С. А. Сардарян.* Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 133—149 (на армянском языке с русским и английским резюме).

[5] «Археология Грузии». Тбилиси, 1960, стр. 53—66 (на грузинском языке); *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972 (на грузинском языке с русским резюме).

[6] *В. Г. Котович.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 184—216.

[7] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 124—149; *он же.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 54—63.

[8] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 124—149.

[9] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972; *она же.* Неолит Западного Закавказья. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1967.

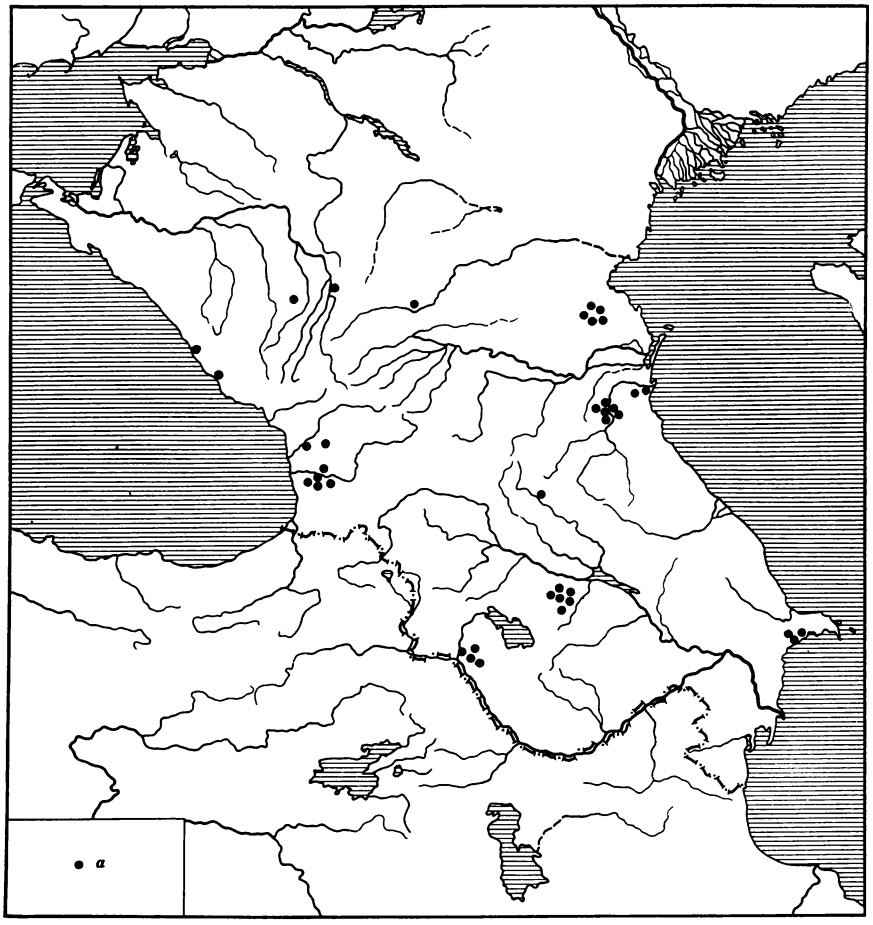

Рис. 1. Схематическая карта распространения неолитических памятников на Кавказе

а — неолитические памятники

следующие памятники: стоянка 133[10], мастерская каменных орудий в Киликдаге[11], курган у с. Голицино Шамхорского района и случайная находка целой коллекции кремневых орудий в том же районе[12], древ-

[10] *Я. И. Гуммель.* Раскопки поселения № 1 на запад от Ханлара (1939—1941 гг.). КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 71.

[11] *Я. И. Гуммель.* Археологические разведки на Киликдаге. «Известия Азербайджанского ФАН СССР», 1938, № 2; *он же.* Памятники древности в окрестностях Киликдага. «Известия Азербайджанского ФАН СССР», 1941, № 2.

[12] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 30; *R. Virchov.* Bilsigen geschlagenen Spahn aus Feuerstein aus Transkaukasien. «Zeitschrift für Ethnologie (Verhandlungen)». Berlin, 1884, стр. 195, табл. III.

нейшие погребения в курганах 119 и 125 в г. Степанакерте [13], некоторые группы наскальных изображений, стоянка «Фируз» и погребение в Кобыстане [14] и отдельные находки каменных орудий, например из Мингечаура [15].

Неолит Армении представлен остатками мастерских по изготовлению орудий на склонах Арагаца. Здесь собрана значительная коллекция ранненеолитических орудий [16].

С. А. Сардарян указывает на поселения докерамического неолита в Армении — Зага и Барожи [17]. К числу же памятников керамического неолита он относит ряд поселений на Араратской равнине, в том числе Кхзек-блур и Маштоц-блур, а также Тертери-дзор, Ст. Тапа и Агвеси-бнер [18]. С. А. Сардарян отмечает, что «на Араратской равнине найдены и другие, существовавшие длительное время земледельческие поселения неолита, которые занимали 1,2—2 га», но не указывает, что это за поселения [19].

Известные в настоящее время неолитические памятники на территории Грузии находятся в основном в западной ее части. В восточных областях известен пока всего один пункт, откуда происходят материалы неолитического типа (у с. Ульяновка Лагодехского района [20]). Из западногрузинских неолитических памятников наибольшей известностью пользуется, пожалуй, местонахождение Одиши близ Зугдиди [21]. Отметим пещерную стоянку Самеле-клде в Имеретии [22]. В ряде других районов Западной Грузии исследована группа разновременных неолитических памятников: поселения Анасеули I, Анасеули II и Гурианта в Махарадзевском районе [23]; Мамати в Ланчхутском районе [24]; Кобулети и Худубани в ущелье р. Кинтриши (Аджарская АССР) [25].

[13] *Я. И. Гуммель.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 15—21.

[14] *И. М. Джафарзаде.* Наскальные изображения Кобыстана. «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР», т. XIII. Баку, 1958; *Ф. М. Мурадова, Д. Н. Рустамов.* Археологические работы в Гобустане (Кобыстане). «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 375; *они же.* Раскопки в Кобыстане. «АО 1970 г.». М., 1971, стр. 391.

[15] *Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 21—22.

[16] *J. de Morgan.* La Prehistoric Orientale. Paris, 1927, p. 34; *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 27; *С. А. Сардарян.* Первобытное общество в Армении, стр. 276—280.

[17] *С. А. Сардарян.* Указ. соч., стр. 277.

[18] Там же, стр. 278—279.

[19] Там же, стр. 280.

[20] *Г. И. Джавахишвили.* Неолитические материалы из Лагодехского района. МИМКГ. Тбилиси, 1966 (на грузинском языке с русским резюме).

[21] *А. Н. Каландадзе.* Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. «Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузии Грузинского ФАН СССР, вып. IV-3. Тбилиси, 1939 (на грузинском языке).

[22] *Л. Глонти, А. Джавахишвили, Я. Киквидзе, Д. Тушабрамишвили.* Некоторые итоги полевых работ Урбнисской и Квирильской экспедиций. ВМГ, т. XXV. Тбилиси, 1968, стр. 7—8.

[23] *Л. Д. Небиеридзе.* Ранненеолитическая стоянка в Анасеули. «Труды Института истории АН Грузинской ССР», т. VII. Тбилиси, 1963 (на грузинском языке с русским резюме); *она же.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 6.

[24] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 6.

[25] Там же.

На северном побережье Черного моря наиболее известны два неолитических памятника: селище Кистрик близ г. Гудауты в Абхазии [26] и Нижне-Шиловская стоянка в районе г. Адлера [27].

Памятники неолита открыты и в других районах Северо-Западного Кавказа, в частности в Прикубанье. Здесь исследованы две стоянки: средний слой Каменномостской пещеры и местонахождение Овечка под г. Черкесском [28]. К неолиту А. А. Формозов относит еще несколько местонахождений в Прикубанье [29].

Что же касается центральной части Северного Кавказа, то здесь известен пока один неолитический памятник — Агубековское поселение около г. Нальчика [30].

С территории Северной Осетии (ст. Воздвиженская) происходят случайно найденные заготовки каменных клиновидных топоров, которые считают неолитическими [31]. По-видимому, можно отнести к неолиту часть каменных топоров, обнаруженных в различных районах Предкавказья [32].

Неолитические памятники зафиксированы и в ряде пунктов Северо-Западного Прикаспия, в основном в восточной части Ставропольского края. Здесь, на стоянке Ястах-Худук [33] и в окрестностях селений Ачикулак, Терекли-Мектеб, Махмуд-Мектеб и Божиган [34], собраны коллекции характерных микролитических орудий и других кремневых и обсидиановых изделий.

И, наконец, укажем неолитические местонахождения, открытые на Северо-Восточном Кавказе. На территории Чечено-Ингушетии они пока неизвестны, но на территории Дагестана их зафиксировано уже около 20. Они представлены как в равнинной и предгорной частях (стоянка Тарнаир около г. Махачкалы и Буйнакская стоянка [35]), так и в горных райо-

---

[26] *В. А. Лукин.* Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 247—286; *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик. «Материалы по археологии Абхазии». Тбилиси, 1967, стр. 22—30; *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии. Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 4.

[27] *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., стр. 7—22; *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 129—147.

[28] *В. П. Любин.* Неолитическая стоянка на Овечке (Карачаево-Черкессия). «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института ИЯЛ», серия историческая, вып. V. Ставрополь, 1966, стр. 261—265.

[29] *А. А. Формозов.* Каменный век..., примеч. 20, стр. 55—56.

[30] *Е. Д. Кричевский, А. П. Круглов.* Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 51—60.

[31] *Е. И. Крупнов.* Первые находки неолита в Северной Осетии. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 42—47.

[32] *В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев.* О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. КСИА, вып. 84, 1961.

[33] *Т. М. Минаева.* Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 46—53.

[34] *Е. И. Крупнов.* Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 11—20; *он же.* Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 170; *Л. В. Грехова.* Памятники неолита Восточного Предкавказья. «Труды ГИМ», вып. 37. М., 1960.

[35] *В. И. Марковин.* Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 117—124; *В. И. Марковин.* Неолитическая стоянка близ Махачкалы. МАД, I. Махачкала, 1959, стр. 21—30; *В. И. Марковин, Р. М. Мун-*

нах. В Акушинском и Гунибском районах Нагорного Дагестана открыто 18 стоянок, кремневых мастерских и местонахождений [36].

Этим исчерпывается список памятников Кавказа, которые относятся или могут быть отнесены к неолиту. Количество их казалось бы и значительно. Однако многие из отмеченных памятников представляют собой отдельные местонахождения, которые до сих пор не изучены. Для примера укажем, что ни одна из стоянок и мастерских в Нагорном Дагестане раскопкам не подвергалась.

Что касается Тарнаирской стоянки, то и здесь дело ограничилось сборами подъемного материала. Как правильно заметил В. Г. Котович, лишь материалы Буйнакской стоянки составляют единый хронологический и культурно-исторический комплекс [37]. Однако несмотря на фрагментарность данных в Дагестане, они все-таки убедительно констатируют развитие культуры неолита в этой области Кавказа.

Неолитические памятники Дагестана получили довольно подробное описание в литературе. Поэтому мы ограничимся лишь общей их характеристикой.

В материалах Буйнакской стоянки [38] преобладают микролиты и микролитические орудия, изготовленные из правильных микропластинок. Много нуклеусов миниатюрных и карандашевидной формы. Крайне интересными и важными находками являются каменный клиновидный топор-тесло с подшлифованным лезвием и заготовка такого топора. Керамика отсутствует. Такой же материал дает в общем и Тарнаирская стоянка, но там есть и предметы позднего типа [39].

В. Г. Котович доказывает ранненеолитический возраст этих памятников. Более того, он показал, что по своему облику и технике обработки многие кремневые изделия из Буйнакской и Тарнаирской стоянок обнаруживают близость с тарденуазскими орудиями [40].

Неолитические памятники в Горном Дагестане представляют в большинстве остатки производственных мастерских. Материалы этих памятников «позволяют составить известное представление о технике обработки кремня, но дают крайне небольшое число законченных изделий, которые могли бы служить хронологическими эталонами» [41]. По совокупности всех сведений устанавливается, что они моложе Тарнаирской и Буйнакской стоянок, т. е. относятся к позднему неолиту. Для них характерно отсутствие микролитических орудий. Вместо микролитоидного инвентаря здесь представлены крупные ножевидные пластины, клиновидные топоры-тесла, орудия типа пик и др.[42]

чаев. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакска (Дагестан). КСИИМК, вып. 67, стр. 78—82.

[36] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 189—215.

[37] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 185.

[38] *В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев.* Неолитическая стоянка близ г. Буйнакска..., стр. 78—82.

[39] *В. И. Марковин.* Археологические находки с территории Тарнаира..., стр. 117—124; *он же.* Неолитическая стоянка близ Махачкалы, стр. 22—29.

[40] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 185—188.

[41] Там же, стр. 202.

[42] Там же, стр. 189—210.

Важно, что в ряде памятников Горного Дагестана присутствует керамика. Обломки архаической керамики обнаружены на стоянках в окрестностях с. Ругуджа. В частности, на стоянке Малин-карат найдены фрагменты крупного горшка и чаши красновато-охристого цвета. Они ручной лепки, слабо обожжены. Тесто довольно грубое, содержит много примесей, главным образом крупно истолченных оболочек сферосидеритов [43]. Обломки такой керамики встречаются и на стоянках Мучу-Бахил-Бакли и Архинда. Поверхность некоторых черепков с наружной стороны обмазана жидкой глиной, а на отдельных образцах сделан орнамент в виде горизонтального ряда сквозных отверстий [44].

Отметим также, что на стоянке Малин-карат найдены две кости домашнего быка (Bos taurus L.) [45]. Это первые факты, свидетельствующие о появлении домашних животных в Дагестане. Можно предположить, что в эпоху неолита здесь уже были одомашнены овцы и козы, дикие предки которых представлены в местной фауне и на которых здесь охотились в позднепалеолитическую и мезолитическую эпохи [46].

Среди накопленного материала отсутствуют какие-либо надежные сведения о развитии в Дагестане в эпоху неолита производящего хозяйства. Отсутствие таковых объясняется как малой изученностью неолитических памятников Дагестана, так и самим характером открытых здесь объектов. Отрицать на этом основании возможность становления здесь в неолите земледелия и скотоводства будет неправомерно. По-видимому, весь прогресс в каменной индустрии, документируемый материалами неолитических памятников Горного Дагестана, можно поставить в определенную связь с процессом сложения здесь производящих форм хозяйства. Исчезновение микролитоидного инвентаря, наблюдаемое в эту эпоху почти повсеместно на Кавказе,— явление, конечно, не случайное. Оно, в частности, указывает на утрату значения охоты в хозяйстве населения неолитической эпохи. А появляющиеся в эту эпоху также почти повсеместно большие кремневые ножевидные пластины связаны скорее всего с развитием земледельческого хозяйства.

Обратимся теперь к другим неолитическим памятникам восточной половины Кавказского перешейка. Они открыты на территории Азербайджана и в Северо-Западном Прикаспии.

Ни одно из неолитических местонахождений на северо-западе Прикаспия раскопкам не подвергалось, и мы располагаем исключительно подъемным материалом. Последний собран в песчаных выдувах на ряде пунктов близ селений Ачикулак, Махмуд-Мектеб и Терекли-Мектеб, совхоза Божиган и на стоянке Ястак-Худук. Эти материалы содержат смешанные комплексы. Исследователям удалось выделить среди них характерные неолитические комплексы. Последние представлены большим числом микропластин из кремня и обсидиана и микролитическими орудиями геометрических форм — сегментами и трапециями с двусторонней обработкой. Довольно много различных скребков, сделанных на отщепах.

[43] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 205—206.
[44] Там же, стр. 208, рис. 49, *1, 2.*
[45] Там же, стр. 207.
[46] Там же, стр. 180.

Только в Ястак-Худуке, например, их собрано 310 экземпляров [47]. Многочисленную группу составляют и ножевидные пластины, у которых обычно один край ретуширован. Найдено немало нуклеусов конической и уплощенной формы.

Кроме того, в Ястак-Худукской коллекции представлены еще кремневые наконечники стрел, обломки шлифованных каменных орудий, терочники, камень от пращи, песчаниковая плитка, каменные подвески и бусы, а также множество обломков различных сосудов ручной лепки, с примесью в тесте измельченных раковин и травы (?) [48]. Не исключено, что часть их относится к неолиту.

Среди коллекции орудий из местонахождений Северо-Западного Прикаспия мы видим довольно ранний неолитический комплекс, включающий значительное количество микролитических орудий, по технике изготовления довольно близких к мезолитическим [49]. Некоторые другие предметы из этих памятников (ножевидные пластины, возможно геометрические орудия, наконечники стрел, терочники и пр., а также часть керамики) относятся, по-видимому, к позднему неолиту и даже энеолиту. Так считают и сами исследователи этих памятников. Не исключено, что микролитические орудия здесь, как и в других областях Кавказа, доживают до эпохи энеолита.

Рассмотренные памятники, представляющие остатки развеянных стоянок, убедительно доказывают, что освоение человеком Восточного Предкавказья произошло не позднее неолита. Население в неолитическую эпоху жило по берегам озер (Ястак-Худук) [50] и рек, впадающих в Каспий [51].

Степень изученности этих памятников и характер добытого в них материала таковы, что мы лишены возможности судить о хозяйственной деятельности населения Северо-Западного Прикаспия в эпоху неолита. Определенно лишь можно утверждать, что восточнопредкавказские племена в ту эпоху имели связи с центральными районами Северного Кавказа, откуда они и получали, в частности, обсидиан для производства орудий (17% орудий, обнаруженных на местонахождениях у Ачикулака, сделано из обсидиана [52]).

Более разнообразные материалы дают памятники Восточного Закавказья. Одна группа находится в Кобыстане. Здесь на горе Беюк-даш в убежищах под скалами вскрыты мощные культурные слои толщиной до 4 м, содержащие мезолитические и неолитические материалы. Среди последних есть микролитические орудия, особенно вкладыши в виде треугольников, концевые скребки, редкие сегменты, карандашевидные нуклеусы и др. Имеется и керамика — обломок грубого остродонного неорнаментированного сосуда и венчик с насечкой по краю. Костные остатки принадлежат диким животным [53].

[47] *Т. М. Минаева.* Указ. соч., стр. 47.
[48] Там же, стр. 50.
[49] *Л. В. Грехова.* Указ. соч., стр. 25—26.
[50] *Т. М. Минаева.* Указ. соч., стр. 46.
[51] *Л. В. Грехова.* Указ. соч., стр. 27.
[52] Там же, стр. 22.
[53] *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 44.

Большой интерес представляет стоянка «Фируз», расположенная у большой скалы в районе Кичикдаш [54]. Верхний слой стоянки относится к ранней бронзе, а нижний — к неолиту [55]. Последний, толщиной 15—20 см, содержит кремневые микропластинки, микроскребки, полукруглые скребки на отщепах, мелкие трапеции и т. д. Керамики не найдено. Здесь же, под одним из навесов у скалы, открыта могила площадью 2×1 м, в которой находилось 11 черепов и других костей человека [56]. Там найдены пастовые (?) цилиндрические бусины, подвески из зубов животных и клыков кабана, подвески из камня, ракушек и кости, орудия из кости и каменные грузила и т. д. Авторы раскопок синхронизируют это захоронение с нижним слоем стоянки «Фируз». Что касается наскальных изображений Кобыстана, связанных с неолитическими слоями и частично ими перекрытых, то облик их, по мнению А. А. Формозова, очень архаичен, во многом они перекликаются с палеолитическим искусством [57].

Как видим, материалы по неолиту Кобыстана довольно интересны, но пока крайне ограниченны. Они характеризуют, вероятно, ранние этапы эпохи, когда господствовало еще охотничье-собирательское хозяйство.

Другая группа памятников неолита Восточного Закавказья сконцентрирована в бассейне Ганджа-чая. Наибольший интерес среди них представляют мастерская каменных орудий в Киликдаге (78) и стоянка 133 в Ганджачайской долине.

Киликдагская мастерская представляла собой углубленную площадку, окруженную несколькими насыпями. С определенными перерывами эта площадь использовалась как место для изготовления каменных желобчатых орудий в течение продолжительного времени. В шестиметровой толще культурных отложений удалось выделить три слоя, относящихся к неолиту, энеолиту и бронзовому веку [58].

В неолитическом слое наряду с большим числом каменных топоров обнаружены каменные плитки, осколки кремня, несколько обсидиановых отщепов, древесные угольки. Найдены большой кремневый топор, клинообразный молоток-ударник и кремневые пластинки, сколотые с нуклеусов. В этом слое совершенно нет керамики.

Принадлежность нижнего слоя Киликдагской мастерской к неолиту не вызывает сомнения у исследователей. Несмотря на отсутствие керамики в этом слое нам думается, что это все-таки позднеолитический комплекс. Важен и другой вопрос — в каких целях использовались многочисленные каменные желобчатые орудия, изготовлявшиеся в этой мастерской? Следует в данной связи отметить, что подобные каменные орудия задолго до открытия Киликдагской мастерской многократно находили в

---

[54] *Д. Н. Рустамов, Ф. А. Мурадова.* Раскопки в Кобыстане, стр. 391.
[55] *Ф. А. Мурадова, Д. Н. Рустамов.* Работы в Гобустане. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 477—478.
[56] Там же, стр. 478.
[57] *А. А. Формозов.* О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа. КСИА, вып. 137, 1973, стр. 38. Характеристику наскальных изображений Кобыстана см.: *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству, стр. 27—49.
[58] *Я. И. Гуммель.* Памятники древности в окрестностях Киликдага.

разных пунктах Ганджачайского района [59]. Возможно, они являются продукцией именно этой мастерской.

Вопрос о назначении каменных желобчатых топоров, которые, кстати, встречены во многих памятниках неолита, энеолита и бронзового века как Закавказья, так и Северного Кавказа, нельзя до сих пор считать решенным. Одни исследователи считают, что они использовались при горных разработках, в частности при добыче медных руд; другие предполагают, что это земледельческие орудия (каменные навершия мотыг). В данной связи следует указать на такой факт.

Недавно К. Асланов открыл на Апшероне, недалеко от г. Баку, значительную группу каменных плит с различными изображениями. На некоторых из них изображена корова (?) с веревкой, один конец которой привязан к ноге, а другой — к аналогичному желобчатому предмету. Едва ли можно считать случайным такое изображение на плите, которая, кстати, датируется временем не позже эпохи бронзы. На основании подобного изображения вполне возможно, по нашему мнению, сделать вывод о том, что крупные экземпляры упомянутых предметов, которые из-за тяжести или отсутствия рабочей части трудно использовать при горных разработках и особенно для разрыхления земли, употребляли для привязи животных. Большинство из киликдагских каменных орудий с желобчатым перехватом отличается крупными размерами (вес их иногда достигает 6 кг и более) и не имеет рабочей части. Любопытно, что производство этих предметов возникло как раз в ту эпоху, когда развивается скотоводство, основанное главным образом на разведении крупного рогатого скота.

Перейдем к характеристике стоянки 133. Она находится в районе г. Ханлара. Здесь на поселении бронзового века под полами больших родовых домов (115 и 118) на небольшой площади открыт культурный слой толщиной до 20 см. Последний резко отличался по цвету и характеру материала от вышележащих культурных отложений [60]. В этом слое найдено свыше 50 кремневых нуклеусов высотой до 5 см и более [61], много ножевидных пластинок, скребков и других орудий, большой кремневый нож, обработанный по краям ретушью [62], каменный молоток с незаконченным отверстием [63], кремневый наконечник стрелы (?) [64], обсидиановые пластинки, большое количество обломков архаичных глиняных горшков красновато-желтого цвета. Венчик у последних совершенно не выражен. Они имеют округленное или заостренное дно. Некоторые из них украшены по самому краю круглыми или овальными углублениями [65].

---

[59] Полная сводка находок подобных топоров на территории Азербайджана приведена также в работе: *И. Г. Нариманов.* Археологические памятники Ганджачайского района, стр. 22—30.
[60] *Я. И. Гуммель.* Раскопки поселения № 1 на запад от Ханлара..., стр. 77—79.
[61] Там же, рис. 39, *1.*
[62] Там же, рис. 39, *2.*
[63] Там же, рис. 39, *4.*
[64] Там же, рис. 39, *3.*
[65] Там же, рис. 39, *5.*

В культурном слое стоянки обнаружены осколки костей, но не установлено, каким животным они принадлежали [66].

Неолитический возраст данного комплекса едва ли можно подвергнуть сомнению. Стратиграфически четко установлено, что стоянка 133 залегает под культурными отложениями бронзового века.

Значительный интерес представляют исследованные в Восточном Закавказье погребальные памятники (курганы) эпохи неолита.

Первый из них раскопан у с. Голицино Шамхорского района. Под насыпью кургана (диаметр 14 м, высота 1,2 м) вскрыто вытянутое захоронение, обложенное булыжником. В погребении, в области черепа, найдены в золе фрагменты глиняных сосудов грубой лепки и кремневая пластинка [67]. К сожалению, эти предметы не сохранились, и о форме керамики судить мы не можем. Неолитический возраст этого комплекса не вызывает сомнений [68].

Два других кургана (119 и 125) исследованы в районе г. Степанакерта. Курган 119 (диаметром 24 м при высоте 1,5 м) содержал три последовательных слоя захоронений [69]. В насыпи открыты погребения VIII — VI вв. до н. э. Под насыпью, на специальной кругообразной площадке диаметром 4,5 м, опоясанной кромлехом в виде канавки шириной 0,20 м и глубиной 0,5 м, расчищены 36 погребений эпохи ранней бронзы. Под этими же погребениями обнаружены «окаменелые остатки человеческих костяков, количество которых установить уже нельзя было. Никакого погребального инвентаря при них не было, кроме одного красного черепка свойственной неолиту ямочной керамики» [70].

В кургане 125 открыто три слоя погребений [71]. Древнейшие захоронения находились под слоем погребений раннебронзового века. На дне могилы квадратной формы (2,1×1,9×2,0 м), заваленной булыжниками, лежало семь костяков в скорченном положении на боку. Многие части могилы были покрыты толстым слоем красной охры. В могиле найдено восемь обсидиановых отщепов и древесные угольки [72].

Данные для правильного культурно-хронологического осмысления наиболее древних погребений в степанакертских курганах крайне ограниченны.

Их стратиграфическое положение указывает на то, что они относительно древнее тех погребений, которые находятся над ними и датируются III тыс. до н. э. На неолитический их возраст указывает обломок красноватого сосуда из кургана 119. Совершенно ясно, что они, судя по курганной стратиграфии, древнее эпохи ранней бронзы, т. е. могут датировать-

---

[66] *Я. И. Гуммель.* Раскопки поселения № 1 на запад от Ханлара..., стр. 79.
[67] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 30.
[68] Там же; *К. Х. Кушнарева.* Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, стр. 169; *И. Г. Нариманов.* Археологические памятники Ганджачайского района, стр. 23—24.
[69] *Я. И. Гуммель.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 15—19.
[70] Там же, стр. 19.
[71] Там же, стр. 20—21.
[72] Там же, стр. 21.

ся временем не позднее энеолита. И в этом случае они являются древнейшими курганными захоронениями на Кавказе.

Сравнительно с Восточным и особенно Западным Закавказьем в Центральном и Южном Закавказье неолитические памятники слабо обследованы. На территории Грузии, исключая ее западную часть, до сих пор неизвестны памятники, аналогичные описанным. Правда, в Кахетии, у с. Ульяновка, открыто неолитическое местонахождение, где собраны каменные клиновидные топоры с подшлифованным лезвием, пращевидные камни и кремневые ножевидные пластинки [73]. Такие предметы обычны для многих неолитических и даже энеолитических памятников. На основании этого можно говорить о развитии неолитической культуры и в данной области Закавказья.

В Армении памятников неолита выявлено больше, но, к глубокому сожалению, ни один из них по существу не исследован. Следует отметить остатки ряда мастерских по изготовлению орудий, обследованных на склонах Арагаца. Собранная здесь значительная коллекция орудий состоит главным образом из крупных обсидиановых ножевидных пластин. Некоторые из них, ретушированные по краям, как, например, из Арегуни-блур [74], могли использоваться в качестве серповых ножей. Эти памятники относятся к раннему неолиту.

В других мастерских, как указывает С. А. Сардарян, обнаружены геометрические микролитические орудия в виде сегментов [75]. В его сводной работе, в которой специальная глава посвящена неолиту Армении, мы не находим научного описания неолитических памятников Армении: в ней отсутствует сводка и характеристика материала, многие выводы не аргументированы, а другие весьма противоречивы и т. д.

По-видимому, весьма интересны поселения Маштоц-блур и Кхзяк-блур, Тертери-дзор, Ст. Тапа и Агвеси-бнер, отнесенные автором к керамическому неолиту. Но, судя по их описанию и опубликованному материалу, они должны относиться к самому позднему этапу неолита или энеолиту.

Вероятно, к этому времени относится и поселение на холме (диаметром 120 м) у с. Верин-Хатунарх Эчмиадзинского района. Здесь выявлены два слоя — средневековый и неолитический с семью горизонтами. Последние насыщены орудиями труда: нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, проколки, микролиты, зернотерки, песты, две каменные мотыги, молоты, костяные шилья и основы составных серпов. Найдено три обломка глиняных плоскодонных чаш. Много костей животных (каких?) [76].

Неолитические памятники западной части Кавказа изучены значительно лучше, и поэтому можно с большей уверенностью делать некоторые выводы и обобщения.

---

[73] *Г. И. Джавахишвили.* Указ. соч.
[74] *С. А. Сардарян.* Указ соч., рис. 17, табл. XXXIII.
[75] Там же, стр. 277.
[76] *Р. М. Торосян, Г. А. Микаелян, С. Г. Даведжян.* Разведки древнейших памятников Армении. «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 386—387; *Р. М. Торосян.* Некоторые орудия труда неолита и энеолита. ИФЖ, 1971, № 3. Ереван (на армянском языке).

В настоящее время здесь выделяются две группы неолитических памятников: ранняя и поздняя. В первую группу входят поселения Анасеули I в районе Махарадзе и Кобулети в ущелье р. Кинтриши в Аджарии. Из них лучше исследовано Анасеули I. Здесь наряду с комплексом типично мезолитических орудий — карандашевидными и конусовидными нуклеусами и разнообразными микролитическими изделиями (скребки, трапеции, резцы, проколки, пилки) обнаружены также каменные полированные топоры и тесла, камни для пращи, терочники, ручные молоты, наковальни и плитки для шлифовки топоров. Большинство орудий изготовлено из обсидиана и на пластинках. В Анасеули I и кинтришских комплексах полностью отсутствует керамика [77].

По всей вероятности, к этой группе памятников можно отнести и грот Хупынипшахва на р. Кодори в Абхазии, обследованный Л. Н. Соловьевым [78]. Он, правда, носит более мезолитический характер, но вместе с тем содержит в инвентаре такие предметы, как каменные топорики с подшлифовкой лезвия, сланцевые долотовидные орудия, камни с попытками сверления, терочники и другие, которые дают основание считать весь комплекс ранненеолитическим.

Таким образом, стоянки типа Анасеули I следует рассматривать как памятники раннего неолита Западного Кавказа [79]. Последний по ряду существенных признаков (микролитическая техника и др.) тесно, более того, генетически связан с местным мезолитом, в свою очередь развившимся на базе позднепалеолитической культуры [80]. Ранненеолитические памятники, судя по материалам в целом, оставлены населением, занимавшимся прежде всего охотой и собирательством, а иногда рыбной ловлей (грот Хупынипшахва) [81].

Более значительна относительно поздняя группа неолитических памятников Западного Кавказа. В нее входят неолитический слой в пещере Самеле-клде и стоянки Анасеули II, Гурианта, Мамати, Одиши, Кистрик и Нижняя Шиловка, а также Каменномостская пещера (средний слой) и местонахождение Овечка. Из них наиболее широко исследованы Нижне-Шиловская стоянка и Каменномостская пещера; в несколько меньшей степени — Самеле-клде, Анасеули II, Кистрик и Одиши, причем непотревоженный культурный слой прослежен только на первых трех памятниках. Несмотря на некоторые различия в инвентаре памятников, они в общем довольно близки между собой. Это позволяет исследователям рассматривать их как единую в культурно-хронологическом отношении группу памятников. Отметим прежде всего, что ни на одной стоянке здесь до сих пор не открыты явные остатки жилищ или иных построек. Правда, на основании некоторых наблюдений Л. Н. Соловьев считает возможным говорить о существовании на Нижне-Шиловской стоянке жилища-полуземлянки, которое, «по всей вероятности, представляло собой подобие

---

[77] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 76.
[78] *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., стр. 6—7.
[79] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1972, стр. 114—117.
[80] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр 54—55; *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 8—9.
[81] *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., стр. 7.

полки, врезанной в среднюю часть склона»[82]. Нам не представляется убедительным это предположение. Оно требует развернутой аргументации. К тому же следует учесть, что другой исследователь этого памятника, А. А. Формозов, считает маловероятным наличие здесь землянки[83].

Думается, остатками жилища, как предполагает и Л. Н. Соловьев, является скорее всего открытая на стоянке Кистрик сплошная вымостка из галек и галечных обломков, на которой лежали зернотерки и обломки керамики. Это, вероятно, остатки пола жилища. В нем была вырыта яма конусовидной формы (глубиной до 1 м), по-видимому, для хранения запасов пищи[84].

Инвентарь поздненеолитических стоянок, кроме кремневых, обсидиановых и разнообразных каменных орудий, содержит также и керамику. Но не только наличием керамики памятники типа Самеле-клде, Нижней Шиловки, Кистрика, Одиши и других отличаются от ранненеолитических комплексов (Анасеули I и др.). В поздних памятниках большинство орудий изготовлено не из обсидиана, как в Анасеули I, а из кремня.

Многочисленные микролитические орудия, представленные в этих памятниках, демонстрируют дальнейшее развитие мезолитической техники каменной индустрии. Об этом, в частности, свидетельствует значительное количество геометрических орудий с двусторонней обработкой. Только в коллекции из Нижне-Шиловской стоянки представлено более 200 трапеций и сегментов, ретушированных с обеих сторон[85]. Помимо двусторонне обработанных микролитов, для рассматриваемой группы памятников характерны и иные типы орудий. К ним относятся высокие трапеции и прямоугольники со струганной спинкой, низкие трапеции с тремя обработанными краями, сегменты с притупленной дугой и другие[86]. Большими сериями на этих памятниках встречены сверла и буравчики, сделанные из ножевидных пластинок. В значительно меньшем количестве найдены призматические и карандашевидные нуклеусы и нуклеусовидные орудия, концевые скребки, резцы, острия, пластинки с выемчатым рабочим краем и т. д.[87] Интересная серия орудий, сделанных из пластин, выделяется в материалах Нижне-Шиловской стоянки и Кистрика. У этих пластин ниже ударного бугорка ретушью сделано по выемке с двух противоположных сторон, в результате чего у них выделяется как бы головка-черешок[88]. А. А. Формозов особо обратил внимание на двусторонне обработанные геометрические орудия и на эти пластинки с выделенной головкой. Дело в том, что как последние, так и геометрические микролиты встречаются в очень ранних комплексах Древнего Востока, в частности в натуфийских стоянках Палестины и Египта[89]. На этом основании А. А. Формозов делает вывод о том, что появление тех

[82] Там же, стр. 9.
[83] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 132.
[84] *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., стр. 23.
[85] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 134.
[86] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 9—10.
[87] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 134—142; *он же.* Каменный век..., стр. 55—58; *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., стр. 12—16.
[88] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 138, 140, рис. 22, *1, 2.*
[89] Там же, стр. 38.

и других на Черноморском побережье Кавказа связано с влиянием южных районов [90].

Прежде чем перейти к характеристике других категорий инвентаря, следует коснуться и такого вопроса. До публикации работы Л. Н. Соловьева о его раскопках на Нижне-Шиловской стоянке считалось, что на этом памятнике наконечники стрел не встречаются. На это обстоятельство, в частности, неоднократно обращал внимание А. А. Формозов [91]. На самом же деле они есть в Нижней Шиловке [92], так же как и в других поздненеолитических памятниках Западного Кавказа (Анасеули II, Одиши, Кистрик) [93]. Однако количество их во всех случаях довольно ограниченное. Поэтому очевидно, что данный вид оружия (лук) не был широко распространен среди поздненеолитического населения Западного Кавказа, да и вообще Кавказа в целом. Здесь взамен стрел обнаружены в большом количестве ядрища от пращи круглой, а иногда и яйцевидной формы. На этом основании их и относят к числу характерных предметов рассматриваемой группы памятников.

Особенностью этих памятников является также наличие в них большого количества разнообразных каменных орудий, обработанных макролитической техникой. Широкое распространение здесь в позднем неолите получает и техника шлифования и полировки каменных орудий. Значительную часть этих орудий составляют клиновидные полированные орудия. Топоры преимущественно уплощенной формы, но есть и крупные, округлые в сечении. Некоторые из них отшлифованы целиком, а у других подшлифована лишь лезвийная часть. В Нижне-Шиловской стоянке и Кистрике обнаружена серия крупных двусторонне обработанных и частично полированных орудий типа пик [94]. Считается, что большинство из них служило заготовками для топоров, а некоторые, возможно, использовались как грубые рубящие орудия [95]. А Л. Н. Соловьев допускает возможность их использования в качестве мотыг [96]. Бесспорно же мотыгами, по его мнению, являются два крупных двусторонне обработанных сланцевых орудия, обнаруженных в Нижне-Шиловской стоянке [97]. Много разнообразной формы мотыг из расколотой гальки отмечает Л. Н. Соловьев в Кистрике [98]. А в Одиши отмечены находки зернотерок и ступок.

Кроме перечисленных каменных орудий, в поздненеолитических комплексах Западного Кавказа встречаются терочники, пестики, гальки с углублением [99] и т. д.

---

[90] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 38.

[91] *А. А. Формозов.* Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований. СА, 1964, № 3, стр. 9; *он же.* Неолит Крыма..., стр. 142; *он же.* Каменный век..., стр. 58.

[92] *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., табл. I, *16, 19, 33.*

[93] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 11; *она же.* Неолит Западного Закавказья, 1972, стр. 115.

[94] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., рис. 24, *2*; 26, *1*; *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., табл. IV, *1—2.*

[95] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 142.

[96] *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., стр. 26.

[97] Там же, стр. 18.

[98] Там же, стр. 23.

[99] Там же, стр. 18—19.

Наконец, рассмотрим последнюю категорию инвентаря, представленного в этих памятниках,— керамику. Она встречена повсеместно на Западном Кавказе и в довольно значительном количестве. Ее отличают весьма примитивный способ изготовления и простота формы. Она вылеплена от руки и довольно слабо обожжена. В тесте имеются примеси известковистой дресвы, кварца, слюды и песка. Лишь в единичных случаях в Нижней Шиловке и Кистрике отмечены тонкостенные черепки с выгоревшими (растительными?) примесями [100], а в Каменномостской пещере — с примесью толченых раковин [101].

Сосуды отличаются баночной формой, лишены ручек и все плоскодонные. Правда, в неолитическом слое Каменномостской пещеры найден фрагмент заостренного днища сосуда [102]. Размеры сосудов колеблются от 5—6 до 20—25 см в высоту и от 6 до 20 см в диаметре; толщина стенок доходит до 1,5—2 см. Интересно, что керамика Нижне-Шиловской стоянки, Кистрика, Овечки и, за редким исключением, Каменномостской пещеры совершенно не орнаментирована, в то время как на сосудах из памятников Западной Грузии — Самеле-клде, Одиши, Гурианты, Мамати и Анасеули II — мы наблюдаем довольно разнообразную орнаментацию в виде елочного узора, волнистых и зигзагообразных линий и округлых выпуклостей, насечек по ободку венчика.

Чем это объяснить? Имеем ли мы здесь дело с хронологически различными группами памятников? Как уже говорилось, эти памятники, если учесть исключительную близость их инвентаря, едины в культурном и хронологическом отношении. Конечно, среди них есть как относительно ранние, так и сравнительно поздние комплексы. На это не раз обращалось внимание исследователей.

Нам вслед за Л. Д. Небиеридзе [103] представляется, что присутствие орнамента на керамике южной части Западного Кавказа и отсутствие его на совершенно аналогичных сосудах в памятниках северной его части — это факт, который следует объяснять определенными локальными особенностями в развитии культуры данных регионов Западного Кавказа в эпоху позднего неолита. Существенно в этой связи то, что определенное своеобразие наблюдается и в других категориях инвентаря из этих памятников [104]. В частности, Л. Д. Небиеридзе обратила внимание на то, что если для Нижне-Шиловской стоянки и Кистрика характерны кремневые высокие трапеции со струганной спинкой, то для западногрузинских памятников — обсидиановые высокие прямоугольники со струганной спинкой.

Особенностью стоянок Одиши, Гурианта, Мамати и Анасеули II является также отсутствие в их инвентаре пластинок с выделенной путем ретуши головкой, которые, например, характерны для кремневого инвентаря Нижне-Шиловской стоянки. На основании всех этих данных она

---

[100] Там же, стр. 21.
[101] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 63.
[102] Там же, стр. 58, рис. 24.
[103] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1972, стр. 116.
[104] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 13—14; *она же.* Неолит Западного Закавказья, 1972, стр. 115—116.

утверждает наличие двух локальных вариантов культуры позднего неолита на Западном Кавказе [105].

Локальные особенности, наблюдаемые в памятниках позднего неолита Западного Кавказа (возможно, они наметились еще в раннем неолите или даже мезолите), получают дальнейшее развитие.

Рассмотрим теперь вопрос о характере и уровне развития хозяйства у населения края в ту эпоху.

Инвентарь из ранненеолитических памятников указывает четко на то, что основными занятиями населения оставались охота и собирательство. Никаких данных, свидетельствующих о развитии земледелия и скотоводства, здесь нет.

В поздненеолитических же памятниках мы наблюдаем не только значительную дифференцированность каменного инвентаря, но и появление качественно новых типов орудий. Безусловно, это было вызвано усложнением хозяйственной деятельности населения Западного Кавказа в позднем неолите. По-прежнему, вероятно, охота, собирательство, а кое-где и рыболовство играли важную роль в хозяйстве. Но присутствие в поздненеолитических памятниках орудий новых типов (каменных мотыг, зернотерок, ступок, терочников, пестов, кремневых пластин с ретушированными краями, которые могли служить вкладышами серпов, и т. д.) свидетельствует о развитии здесь земледелия. Спорным остается вопрос, какое место оно занимало в хозяйстве, т. е. было ли земледелие основой хозяйства поздненеолитических племен, как это считает Л. Д. Небиеридзе [106].

Таким образом, факт существования земледелия в позднем неолите на Западном Кавказе вполне очевиден. Мы пока не располагаем данными, которые указывали бы на то, какие злаки здесь культивировали. Только на одном памятнике (Кистрик) обнаружены остатки зерен. Но они были настолько обуглены, что оказалось невозможным определить вид злака [107].

Какими же фактами мы располагаем для суждения о наличии скотоводства на Западном Кавказе в позднем неолите? Факты эти ограниченны, но очень выразительны, хотя материалы и происходят из одного памятника. Из-за специфики почв Кавказского Причерноморья (кислые почвы) в рассматриваемых памятниках не сохранился остеологический материал. Единственный памятник, давший такой материал,— это Каменномостская пещера в Прикубанье. Здесь, в неолитическом слое, наряду с костями диких животных (благородного оленя, косули, медведя, зайца, лесной кошки, барсука и выдры) обнаружены кости домашних животных (быка, козы, овцы, свиньи и собаки) [108]. Это красноречиво свидетельствует о развитии скотоводства на Северо-Западном Кавказе в позднем неолите [109]

---

[105] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1972, стр. 116.

[106] Там же, стр. 118. С этим мнением не согласен, например, А. А. Формозов (см.: *А. А. Формозов.* О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа, стр. 37).

[107] *Л. Н. Соловьев.* Неолитические поселения..., стр. 27.

[108] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 57.

[109] *А. А. Формозов.* К истории древнейшего скотоводства на юге СССР. «Труды Московского общества испытателей природы», т. XLVIII. М., 1972, стр. 19—25.

и в то же время доказывает немаловажное значение охоты в хозяйстве населения той эпохи. По всей вероятности, обитателям поздненеолитических поселений Кавказского Причерноморья также было знакомо скотоводство, и они занимались разведением крупного и мелкого рогатого скота и свиней.

Таким образом, можно с достаточным основанием констатировать, что на Западном Кавказе в поздненеолитическую эпоху постепенно складывается земледельческо-скотоводческое хозяйство, но оно не носит еще того стационарного характера, какой мы наблюдаем в энеолите Закавказья.

Проблематичным остается вопрос о том, откуда появились здесь эти производящие формы хозяйства. А. А. Формозов считает, что они проникли сюда из Передней Азии. Причем возникновение земледелия и скотоводства на Западном Кавказе он не без основания ставит в прямую связь с распространением на данной территории определенных типов кремневых орудий, характерных для некоторых переднеазиатских комплексов, а именно геометрических орудий с двусторонней обработкой и пластин с выделенной головкой [110].

В системе аргументации А. А. Формозова и тех, кто за ним следует, есть одно слабое звено. Переднеазиатские памятники, в которых найдены двусторонне обработанные микролиты и пластинки с выделенной головкой, относятся там к мезолиту и датируются очень ранним временем (IX—VIII тыс. до н. э.). Наши памятники явно не мезолитические, несмотря на присутствие в их инвентаре типично мезолитических орудий, и быть датированы столь ранним временем никак не могут. Получается, следовательно, большой хронологический разрыв, который требует исторического объяснения. А в свете тех данных, которые у нас сейчас имеются, объяснить столь разительное противоречие мы не можем.

Кстати, забегая вперед, отметим, что мы не можем пока правильно объяснить и назначение найденных в ряде пунктов Кавказского Причерноморья каменных мотыжек так называемого сочи-адлерского типа. Они собраны в значительном количестве, однако в подавляющем большинстве вне комплексов. Во всяком случае ни в одном из рассмотренных неолитических памятников Западного Кавказа их нет. В то же время совершенно аналогичные орудия встречены в ряде памятников Месопотамии, Ирана и Закавказья (Армения), дата которых определяется в пределах VI—IV тыс. до н. э.

Объяснять этот факт только тем, что Кавказ в своем развитии значительно отставал от Древнего Востока,— это значит впадать в упрощенчество.

Как бы Кавказ ни отставал от Древнего Востока, предметы переднеазиатского типа могли появиться здесь в то же время, когда они были распространены на Древнем Востоке. Появление же их на Кавказе в более позднее время, когда в Передней Азии подобные орудия уже не употреблялись, требует иного подхода к объяснению вопроса. По-видимому,

---

[110] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 136—147; *он же.* Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа..., стр. 9—11; *он же.* Каменный век..., стр. 59—61.

одно объяснение должно быть таким: эти орудия возникли на Кавказе в более позднее время совершенно самостоятельно и поэтому генетически с переднеазиатскими связаны быть не могут. Второе объяснение: эти орудия попали на Кавказ в то самое время, когда они бытовали на Древнем Востоке, но сохранились здесь значительно дольше. Мы сознаем, что то и другое объяснения имеют свои уязвимые стороны. Тем не менее до накопления новых данных иных, более позитивных ответов на этот вопрос мы не можем найти.

Возможно, каменные мотыжки «сочи-адлерского типа» возникают самостоятельно на Кавказском Причерноморье или появляются здесь откуда-то с юга в самом позднем неолите. Их наличие во всяком случае документирует, по справедливому замечанию А. А. Формозова, существование земледелия в позднем неолите Причерноморского Кавказа [111]. Любопытно, что ни в одном случае эти мотыжки не встречены вместе с двусторонне обработанными геометрическими микролитами. Все это объясняется хронологическим положением памятников, но мы можем на этом основании говорить не о двух, а о трех хронологических группах неолитических памятников Западного Кавказа. О первых двух мы подробно сказали. Третья, в которую входят местонахождения с мотыжками «сочи-адлерского типа», составляет, вероятно, заключительный этап западнокавказского неолита.

К этому этапу, по всей вероятности, относится и Агубековское поселение в центральной части Северного Кавказа. Оно находилось в районе г. Нальчика. Поселение располагалось на берегу высохшего сейчас протока, на холмообразной возвышенности, ограниченной оврагом [112].

Культурный слой залегал до глубины 0,40—0,60 м и содержал однородный материал — керамику, обсидиановые, кремневые и каменные предметы, большое количество кусков слабо обожженной глины.

Жилища обитателей Агубековского поселения представляли собой легкие плетеные хижины [113].

Основная часть мелких орудий сделана из кремня и особенно обсидиана местного происхождения. Больше всего среди них разнообразных скребков, обработанных сколами или мягкой ретушью, с округлым рабочим краем, высокой дисковидной формы, скребков, изготовленных на концах пластин, и др.[114] Имеются проколки и острия из кремневых пластинок. Выделяется группа орудий из кремневых и обсидиановых отщепов и пластин с небольшими выемками по краю [115]. Найдено и немало ножевидных пластин, обработанных по краю ретушью, которые могли использовать как серповые вкладыши [116].

Комплекс каменных орудий включает также полированные топоры округлого сечения и почти цилиндрической формы, долотца, терочники,

---

[111] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 61.
[112] *Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 51.
[113] Там же, стр. 53.
[114] Там же, стр. 55.
[115] Там же, стр. 58, рис. 5, *14, 15.*
[116] Там же, стр. 51—59, рис. 5, *16, 17* и др.

терки, песты, точильные камни и орудия дисковидной формы с округлым отверстием в центре. Крупные экземпляры терок, достигающие 22—25 см в длину и 10—14 см в ширину, служили, вероятно, зернотерками [117]. На поселении найдены также кремневый наконечник стрелы вытянутой треугольной формы с небольшой выемкой в основании [118] и половинки каменной булавы [119]. Наиболее значительную категорию находок составляет керамика. Она довольно однообразна, изготовлена из глины низкого качества с примесями чешуек слюды и зерен кварца, отличается грубой ручной лепкой и слабым обжигом. Цвет черепков преимущественно желтый с красноватым или сероватым оттенком [120]. К сожалению, керамика настолько фрагментирована, а края черепков так сильно окатаны, что не удалось восстановить ни один целый сосуд. Выяснено, что вся посуда плоскодонная, за исключением фрагмента одной миниатюрной круглодонной чашечки [121]. Есть сосуды со слегка вогнутым днищем. Выделяются горшки с несколько расширяющимся краем (диаметром от 18 до 44 см) и сосуды с четко профилированным венчиком — небольшим, резко отогнутым наружу краем [122]. Некоторые горшочки имели ручки в виде просверленных ушек [123]. Орнамент на керамике отсутствует. Исключение составляет один черепок, украшенный горизонтально расположенным выступом [124].

Таким образом, посуда из Агубековского поселения сравнительно с керамикой неолитических памятников Западного Кавказа отличается более развитыми формами, а некоторые ее образцы снабжены даже просверленными ручками, близкими к тем, которые широко представлены на местных сосудах в последующую эпоху. Вероятно, это свидетельствует о сравнительно более позднем возрасте Агубековского поселения. Во всяком случае оно наиболее позднее из известных в настоящее время неолитических памятников Северного Кавказа. Кроме того, на основании материалов этого поселения можно считать, что в Центральном Предкавказье неолитическая или, точнее, позднеолитическая культура имела свои некоторые локальные особенности. На это указывает обломок довольно схематизированной глиняной антропоморфной статуэтки.

Сохранившаяся часть ее изображает высокую шею, оканчивающуюся плоской овальной головкой, моделированной одним защипом. По краям головки сделано девять дырочек [125].

Антропоморфные статуэтки в памятниках Кавказа встречаются редко. Причем агубековский экземпляр относится к числу наиболее древних. Поэтому не удивительно, что он привлекает к себе внимание. В литературе уже указывалось на его определенную близость к некоторым образцам

---

[117] Там же, стр. 60, табл. III.
[118] Там же, стр. 56, рис. 4, *13*.
[119] Там же, стр. 60, табл. II, *1*.
[120] Там же, стр. 53.
[121] Там же, стр. 55, рис. 3, *2*.
[122] Там же, стр. 54.
[123] Там же, стр. 55, рис. 3. *5, 6*.
[124] Там же, стр. 55, рис. 3, *4*.
[125] Там же, стр. 55, рис. 3, *1*.

мелкой терракотовой пластики трипольской культуры [126]. Близость между ними проявляется в одинаковом приеме моделирования лицевой части статуэтки, а также в наличии по краю головки дырочек. По характеру моделировки лица она справедливо сопоставляется и с глиняной статуэткой из кургана Катарагач-тапа в Дагестане [127]. Чем объяснить такое совпадение,— сказать сейчас трудно.

Известно, что глиняные антропоморфные статуэтки являются атрибутом раннеземледельческих культур широкого ареала Старого Света. В этой связи присутствие подобного предмета в Агубековском поселении можно трактовать как факт, свидетельствующий о занятии его обитателей земледелием и о распространении в их среде, возможно, определенного земледельческого культа.

Знакомство обитателей Агубековского поселения с земледелием, судя по обнаруженным здесь орудиям труда, несомненно [128]. Что же касается скотоводства, то для суждения о его развитии мы не располагаем почти никакими данными, поскольку здесь собран небольшой остеологический материал. Обнаружено всего три кости, которые, по определению В. И. Громова, как пишут Е. Ю. Кричевский и А. П Круглов, принадлежат молодой особи свиньи, по всей вероятности дикой [129]. На основании вот этих нескольких костей, принадлежность которых к дикому или домашнему виду животных точно не установлена, исследователи Агубековского поселения утверждали, что все кости принадлежат дикой свинье и, следовательно, агубековцы занимались охотой и не знали скотоводства. Понятно, что на таком шатком основании делать столь ответственный вывод неправомерно. Как уже говорилось, в Каменномостской пещере обнаружены кости домашних животных, в том числе свиньи. Не исключено, что и в Кабардино-Пятигорье в это время была домашняя свинья.

Следовательно, на основании Агубековского поселения представляется возможным утверждать развитие оседлого земледельческого хозяйства в срединной части Северного Кавказа в эпоху позднего неолита. Но в хозяйственной деятельности агубековцев немаловажное значение продолжали занимать, видимо, собирательство и охота. К сожалению, Агубековское поселение до сих пор стоит как бы особняком в ряду древнейших памятников Предкавказья и Кавказа в целом. Мы не знаем пока памятника, с которым его можно было связать в культурном отношении.

Итак, сделан почти полный обзор известных в настоящее время неолитических памятников Кавказа и общий анализ представленного в них материала. На этом основании мы попытались вслед за рядом авто-

---

[126] *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 30—31.

[127] *А. А. Русов.* Отчет о летних и осенних работах в Дагестане. «Пятый археологический съезд в Тифлисе. Труды предварительных комитетов». М., 1882, стр. 569, табл. XVI.

[128] Известно, что исследователи этого памятника, как и другие авторы, считали, что основу хозяйства обитателей поселка составляли охота и собирательство (см.: *Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 61; *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды). По тогдашним представлениям, господствовавшим в науке, неолитический памятник мог характеризовать только присваивающее хозяйство.

[129] *Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 52.

ров, специально занимавшихся изучением кавказского неолита, сделать некоторые выводы по группам памятников неолита Кавказа. Подведем теперь наиболее общие итоги, касающиеся проблемы кавказского неолита в целом.

Неолит Кавказа изучен слабо и неравномерно. В Центральном Закавказье и срединной части Северного Кавказа почти не выявлены до сих пор памятники неолита. Тем не менее известные памятники достаточно убедительно свидетельствуют о развитии на Кавказе неолитической культуры, причем как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Более того, на полученных материалах удается с большой определенностью установить, что культура кавказского неолита генетически связана с местной мезолитической и верхнепалеолитической культурой.

В ранненеолитическую эпоху основой хозяйства местного населения продолжали оставаться охота и собирательство.

Большие сдвиги в культурно-историческом развитии Кавказа происходят в эпоху позднего неолита. В это время осваивается, вероятно, значительно бóльшая часть территории Кавказа, причем как равнинные, так предгорные и горные области. Судя по известным стоянкам, они представляли собой открытые поселения, расположенные на берегах рек; некоторые группы населения обитали в пещерах. Повсеместно мы наблюдаем оседлые поселения. Открытие погребальных памятников в Восточном Закавказье позволяет говорить о сложившихся к тому времени обряде захоронения и погребальном культе. В ту эпоху здесь возник курганный обряд захоронения, получивший широкое развитие на Кавказе в последующее время.

Дальнейшее развитие получает каменная индустрия, в особенности макролитическая техника. Наряду с обычными микролитическими пластинками в поздненеолитических памятниках встречаются двусторонне обработанные геометрические орудия, многочисленные крупные ножевидные пластины, другие кремневые орудия. В памятниках позднего неолита широко распространяются разнообразные каменные орудия: топоры, долота, стамески, пиковидные орудия, терочники, шлифовальники и другие. Появляются каменные мотыги, ступки, песты, а также зернотерки. Большое развитие получает техника шлифования и полировки каменных орудий.

О значительном прогрессе в развитии свидетельствуют также появление и распространение в ту эпоху на Кавказе гончарного производства. Отсутствие близких аналогий ему в комплексах сопредельных областей заставляет предполагать возникновение гончарного производства на месте. Сравнение керамических комплексов из восточнокавказских и западнокавказских памятников обнаруживает определенную близость между ними в технике изготовления и даже в формах. Вместе с тем тщательное изучение керамики и сравнительный анализ ее, так же как и остальных категорий инвентаря, позволяет уже для той эпохи установить определенные локальные особенности в развитии отдельных областей Кавказа. Достаточно при этом сравнить не только комплексы Восточного и Западного Закавказья, но даже памятники южных и северных районов Кавказского Причерноморья.

Зак. 1866

Возникает вопрос, чем был вызван такой общий прогресс в культурно-историческом развитии Кавказа в эпоху позднего неолита?

Это следует объяснять начавшимся тогда переходом от присваивающего охотничье-собирательского хозяйства к развитию производящих форм экономики — земледелию и скотоводству. Хотя археологические материалы для всестороннего обоснования этого важного вывода пока недостаточны, тем не менее мы располагаем данными, которые довольно определенно указывают на существование в эпоху позднего неолита на Кавказе земледелия и скотоводства. Характерно, что сложение производящих форм хозяйства повсеместно вызвало общий прогресс в культурно-историческом развитии, сопровождавшийся ростом народонаселения и освоением новых территорий.

Когда возникли на Кавказе зачатки земледелия и скотоводства, сказать с полной определенностью трудно. Если судить по тем памятникам, которые относятся к раннему неолиту, то это произошло, по всей вероятности, не тогда, а позже, т. е. на определенном этапе развития позднего неолита, что в значительной степени и подтверждается известными материалами. Таким образом, можно утверждать, что формирование производящей экономики на Кавказе началось несколько позже, чем в Двуречье, Малой Азии и других регионах Древнего Востока, где этот процесс восходит к мезолиту и раннему неолиту.

В прямой связи с этим находится другой вопрос: возникли ли земледелие и скотоводство на Кавказе самостоятельно, без влияния со стороны, или они привнесены сюда из передовых стран Древнего Востока, где в эпоху позднего неолита мы наблюдаем вполне сложившееся производящее хозяйство и земледельческо-скотоводческую культуру? Уже говорилось о том, что на этот вопрос в свете современных наших знаний о неолите Кавказа в целом ответить весьма затруднительно. Но в предположительной форме об этом говорить можно.

Кавказ представляет собой область, исключительно благоприятную для развития земледелия и скотоводства. Но одних благоприятных физико-географических условий, разумеется, недостаточно для того, чтобы здесь возникли эти формы хозяйства. Исследования советских ботаников, особенно Н. И. Вавилова, М. М. Якубцинера, Б. А. Менабде, И. Д. Мустафаева и других, убедительно показали, что на Кавказе, в частности в Закавказье, сосредоточено все мировое разнообразие пшениц. Достаточно сказать, что только в Азербайджане зафиксировано более 80 разновидностей мягкой и твердой пшеницы[130]. Здесь представлены и эндемичные виды злаков. Как пишет И. Д. Мустафаев, до наших дней в Азербайджане сохранились дикие пшеницы — однозернянки и двузернянки, многочисленные формы и разновидности диких видов ржи, ячменя, овса и эгилопсов[131]. Дикие виды злаков представлены также в Грузии и Армении, т. е. они есть на всей территории Южного Кавказа. Кроме того, дикие злаки произрастают и поныне в некоторых областях Северного Кавказа, например в Дагестане.

[130] *И. Д. Мустафаев.* Пшеницы Азербайджана и их значение в селекции и формообразовательном процессе. Л., 1964, стр. 15.

[131] Там же, стр. 16.

Таким образом, можно считать, что на Кавказе, особенно в Закавказье, существовали необходимые палеоботанические условия для возникновения земледелия и культивирования различных видов злаковых. Почти то же самое можно сказать и относительно скотоводства. В фауне Кавказа и в частности Закавказья представлены такие дикие виды животных, как закавказский тур, баран, коза, свинья, которые могли стать исходными формами в процессе доместикации крупного и мелкого рогатого скота и свиньи. Любопытно, что С. К. Межлумян, изучившая остеологический материал из Шенгавитского поселения III тыс. до н. э. в Армении, находит там кости быков промежуточных форм, связанных рядом переходных признаков с исходной формой Bos primigenis Boj (одомашненный потомок закавказского тура) [132]. Интересно также, что шенгавитские экземпляры черепов быков имеют значительно больший процент признаков, сходных с дикой формой, чем черепа быков, происходящих из памятников эпохи развитой бронзы (II тыс. до н. э.) [133]. Это, разумеется, немаловажные факты. Они свидетельствуют о том, что крупный рогатый скот был доместицирован в самом Закавказье.

Во всяком случае ясно, что на Кавказе и в особенности в Закавказье налицо весьма благоприятный экологический фон. Этот важнейший фактор сам по себе не мог, конечно, привести к возникновению и развитию здесь производящего хозяйства. Но если учесть при этом, что на Кавказе и в особенности в Закавказье человеческое общество возникло и развивалось с глубочайшей древности — с нижнего палеолита, то возможность того, что эта область могла стать одним из центров возникновения земледелия и скотоводства, в значительной степени реальна. Весьма существенным обстоятельством является, вероятно, и факт близкого соседства Кавказа с областями развитых древнейших земледельческо-скотоводческих культур Передней и Малой Азии. Надо полагать, что связи с Ближним Востоком в широком смысле не могли не стимулировать появления здесь производящих форм хозяйства. В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на такой факт. Керамика некоторых неолитических памятников Кавказа украшена различными налепами и выступами и особенно елочным орнаментом. А такие орнаменты как раз весьма характерны для керамики некоторых раннеземледельческих комплексов Ближнего Востока, особенно хассунской культуры (VI тыс. до н. э.). Случайно ли такое совпадение или мы имеем здесь результат влияния?

Ряд упомянутых фактов отчетливо свидетельствует об определенных контактах и связях Кавказа с Передней Азией в неолитическую эпоху. А о том, что межплеменные связи в неолите, в частности на поздних этапах его развития, были довольно активны, говорят многочисленные орудия, обнаруженные в памятниках Восточного и Западного Кавказа, изготовленные из обсидиана, который в этих областях Кавказа вообще не встречается. Его доставляли на Кавказское Причерноморье, Прикубанье, Северо-Западный Прикаспий, Дагестан и Восточное Закавказье из Цент-

---

[132] *С. К. Межлумян.* Палеофауна эпохи бронзы на территории Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1965, стр. 17.

[133] Там же.

рального и Южного Закавказья, с одной стороны, и срединной части Северного Кавказа — с другой. Известно, что в литературе неоднократно высказывалась точка зрения о закавказском происхождении обсидиана, представленного во многих древнейших памятниках Ближнего Востока [134]. Таким образом, связи в неолите отдельных областей Кавказа между собой, равно как Кавказа в целом с сопредельными территориями, особенно со смежными на юге и юго-западе странами Передней и Малой Азии, бесспорны. Этот факт сыграл определенную роль в формировании на Кавказе и распространении по его областям производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства.

Рассмотренный материал не оставляет сомнения в том, что в эпоху позднего неолита на Кавказе уже развивалось земледельческо-скотоводческое хозяйство. Хотя пока еще неясно, самостоятельно ли оно возникло здесь или в результате переднеазиатских влияний,— важен сам факт развития земледелия и скотоводства в столь глубокой древности. Таким образом, Кавказ представляет собой один из древнейших очагов развития производящего хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве.

И наконец, еще один важный вопрос, который нельзя не затронуть в связи с изучением кавказского неолита, касается датировки рассмотренных памятников. Он теснейшим образом связан со всеми аспектами проблемы неолита Кавказа и правильного его культурно-исторического осмысления. Этого вопроса касались почти все исследователи неолита Кавказа вообще и отдельных групп его памятников в особенности. Но проблема хронологии кавказского неолита остается до сих пор не разработанной. Основной причиной этого является слабая и неравномерная изученность неолитических памятников края. Среди них по существу нет хорошо стратифицированных памятников. До настоящего времени ни для одного из рассмотренных памятников не получены радиокарбонные даты.

Сейчас мы можем говорить в основном о двух больших этапах в развитии местного неолита — раннем и позднем [135]. Первый из них, характеризующийся микролитоидной техникой и отсутствием керамики, представлен ограниченным числом памятников. До накопления новых материалов установить хронологию раннего неолита Кавказа крайне затруднительно.

Сложно установить датировку и поздненеолитических памятников Кавказа. Среди них возможно выделить относительно ранние и более поздние комплексы. Например, Нижне-Шиловская стоянка и Кистрик, вероятно, несколько старше комплекса Одиши [136], а последний, возможно, по времени предшествует Агубековскому поселению.

Посмотрим, как в литературе датируются поздненеолитические памятники. Так, например, IV—III тыс. до н. э. датировал Я. И. Гуммель

---

[134] *C. Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Cann.* Obsidian and Early Cultural Contact in Near East. «Proc. of Preh. Society», N 5, v. XXXII, 1966, p. 30–72; *G. A. Wright.* Obsidian analysis and prehistoric Near East Trade: 7500 et 3500 B. C. Ann Arbor, 1969.

[135] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 148.

[136] Там же, стр. 146—147.

Ганджачайскую неолитическую стоянку (133) [137]. А. А. Формозов отнес стоянки типа Одиши, Кистрика и Нижне-Шиловской к V тыс. до н. э., а поселения с мотыжками «сочи-адлерского» типа — к IV тыс. до н. э.[138] А В. Г. Котович датировал V тыс. до н. э. позднеолитические памятники Дагестана [139].

В последнее время в связи с открытием в Центральном и Южном Закавказье раннеземледельческих поселений V—IV тыс. до н. э. (для некоторых из них получены уже радиокарбонные даты) появилась возможность сопоставить с ними рассмотренные неолитические памятники и тем самым относительно правильно их датировать. Но преувеличивать значение этой группы закавказских памятников, как это делает, например, Л. Д. Небиеридзе, нельзя. Имея в виду эту группу памятников, характеризующую культуру местного энеолита, она пишет, что «в данное время существует довольно прочная основа для абсолютной датировки закавказского неолита» [140]. Исходя из того, что эти энеолитические поселения датируются V—IV тыс. до н. э., Л. Д. Небиеридзе определяет хронологию закавказского неолита временем не позднее VI тыс. до н. э.[141] Очевидно, в настоящее время еще нет прочной основы для абсолютной датировки местных неолитических комплексов. Не исключено, что ряд этих комплексов окажется синхронным энеолитическим памятникам Южного Кавказа V тыс. до н. э. По-видимому, районы Центрального и Южного Закавказья опережали в культурно-историческом развитии приморские и некоторые другие области Кавказа. Там, как будет показано дальше, уже в V тыс. до н. э. складывается оседлая раннеземледельческая культура.

---

[137] *Я. И. Гуммель.* Раскопки поселения № 1..., стр. 79.

[138] *А. А. Формозов.* О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 138—141; *он же.* Неолит Крыма..., стр. 149.

[139] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 192, 209.

[140] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья, 1967, стр. 10.

[141] Там же. Укажем здесь, что поселение у с. Верин-Хатурнах в Армении авторы раскопок датируют VII—VI тысячелетиями до н. э. См.: *Р. М. Торосян, Г. А. Микаелян, С. Г. Даведжян.* Указ. соч., стр. 387.

Глава III

Энеолит Кавказа

Энеолит — один из важных периодов в истории первобытного общества. В эту эпоху в быту населения различных областей появляется металл — отдельные медные изделия. Но в энеолите, так же как в бронзовом веке, камень как материал для производства орудий труда, предметов вооружения и т. д., продолжает играть существенную и даже главенствующую роль. Поэтому значение металла — меди и бронзы — на первых порах его появления и использования едва ли стоит преувеличивать. Вместе с тем нельзя и недооценивать открытие металлов и возникновение древнейшей металлургии. В эпоху энеолита наблюдается общий значительный прогресс в культурно-историческом развитии человечества, дальнейшее и широкое развитие получают земледелие и скотоводство, заметно усиливаются межплеменные связи, возникают яркие оседлые земледельческо-скотоводческие культуры, а в некоторых регионах Древнего Востока складываются предпосылки для образования раннеклассового общества.

Несмотря на это, культуры энеолитической эпохи, как известно, содержат в себе значительное количество неолитических черт. Если учесть к тому же, что часто в энеолитических и тем более раннеэнеолитических комплексах металл не встречается, становится понятным, почему нередко трудно определить, поздненеолитические ли это памятники или энеолитические. Это красноречиво свидетельствует о теснейшей связи энеолита с неолитом, о том, что культура энеолита развивается на неолитической основе и почти всегда генетически связана с ней.

До недавнего времени к рассматриваемой эпохе на Кавказе относили культуру так называемого куро-аракского энеолита (Закавказье) и майкопскую культуру (Северный Кавказ). В результате новейших исследований устанавливается, что куро-аракская и майкопская культуры характеризуют не энеолит, а последующую эпоху в культурно-историческом развитии Кавказа, а именно — эпоху ранней бронзы. Им предшествовала здесь более древняя оседлоземледельческая культура, представленная значительной серией энеолитических поселений V—IV тысячелетий до н. э.

В настоящее время наиболее широко энеолитические памятники изучены в Азербайджане и Грузии (рис. 2). Так, на территории Азербайджана открыто уже около 50 ранних оседлоземледельческих поселе-

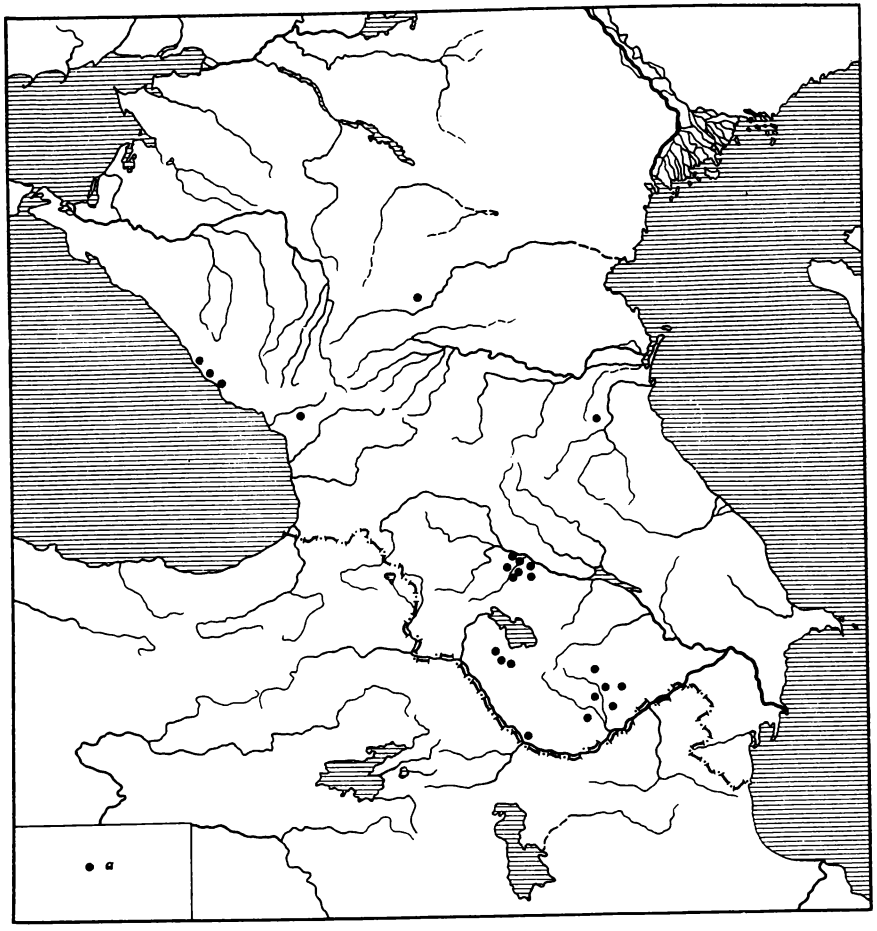

Рис. 2. Схематическая карта распространения энеолитических памятников на Кавказе

а — энеолитические памятники

ний. Ряд памятников выявлен в Армении, а также по другую сторону Кавказского хребта — в Дагестане. Хотя материалы из большинства памятников еще недостаточно опубликованы, мы тем не менее располагаем уже определенными данными, позволяющими осветить развитие древнейшей земледельческо-скотоводческой культуры Кавказа, особенно Закавказья и Северо-Восточного Кавказа.

Перейдем к обзору этих памятников. Начнем с территории Азербайджана. Самым известным памятником на территории не только Азербайджана, но и всего Кавказа является несомненно Кюль-тепе I у г. Нахичевани, точнее нижний, или первый, слой этого многослойного

поселения [1]. Более 15 ранних поселений с керамикой, в том числе расписной, зафиксировано в Мильско-Карабахской степи [2].

В этой же части Азербайджана, на юго-восточных склонах Малого Кавказа, в междуречье Гуру-чай и Кенделен-чай, открыт ряд поселений (Каракепяк-тепе, Гюнеш-тепе, Зергер-тепе, Маине-тепе, Кюль-тепе, Чадыр-ялы, Шекер-ялы и др.), в том числе энеолитической эпохи [3].

Целая группа энеолитических поселений выявлена и на Мугани (поселения Аликемек-тепеси, Сулу-тепе, Уч-тепе, Мишар-чай I—IV, Гуру-дере 1—6) [4]. К сожалению, все эти памятники мало исследованы. В Мильско-Карабахской степи раскопкам подверглось поселение Иланлы-тепе, а на Кямиль-тепе был заложен небольшой шурф. На Мугани же ведутся с 1971 г. раскопки поселения Аликемек-тепеси.

Важная новая группа энеолитических памятников открыта на правом берегу р. Куры, в Западном Азербайджане. Здесь, главным образом в пределах Казахского района, раскопаны такие поселения, как Тойре-тепе I [5], Шому-тепе, Бабадервиш, Гаргалар-тепеси, и обследован ряд аналогичных памятников (Тойре-тепе II, Ментеж, Рус-тепеси) [6].

---

[1] *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе. Баку, 1959 (на азербайджанском языке); *он же.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, стр. 157—168; и др.

[2] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 8—10; *он же.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, № 125, 1965, стр. 13—15; *И. Г. Нариманов.* Керамика древнего поселения вблизи городища Орен-калы. МИА, № 125, стр. 37—39; *он же.* Исследования энеолитических поселений в Азербайджане. «АО 1967 г.». М., 1968, стр. 316—317; *он же.* Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 396; *он же.* К итогам раскопок в Иланлы-тепе. «МСПИАЭИ 1970 г. в Азербайджане». Баку, 1971, стр. 5—6; *он же.* Кюлли-тепе и Геой-тепе. «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 374.

[3] Доклад Г. С. Исмаилова на Секции пленума ИА АН СССР 18 апреля 1966 г.

[4] *И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов.* Энеолитические памятники на Мугани. «Известия АН Азербайджанской ССР», серия истории, философии и права, 1967, № 2, стр. 88—96; *они же.* Раскопки двух новых энеолитических поселений. «МСПИАЭИ 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР». Баку, 1972, стр. 8—10; *они же.* О раскопках на поселении Аликемек-тепеси. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 480—481; *они же.* Раскопки поселения Аликемек-тепеси. «Итоги полевых археологических и этнографических исследований за 1972 г. в Азербайджанской ССР. Тезисы». Баку, 1973, стр. 4—6; *Г. П. Кесаманлы.* Обследование археологических памятников Мильской и Муганской степей. «МСПИАЭИ 1970 г. в Азербайджане», стр. 9; и др.

[5] *И. Г. Нариманов, Д. Н. Рустамов.* Неолит в Тойре-тепе. «Доклады АН Азербайджанской ССР», 1960, т. XVI, № 9; *они же.* Археологические исследования поселения Тойре-тепе (Тезисы доклада). «МСПИАЭИ 1964 г. в СССР». Баку, 1965, стр. 75; *Д. Н. Рустамов.* Разведочные раскопки в Тойре-тепе. МКА, т. VI. Баку, 1965, стр. 15—28 (на азербайджанском языке с русским резюме).

[6] *И. Г. Нариманов.* Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1963 г, «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 45—53; *он же.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья. «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 122—125; *он же.* Исследование энеолитических поселений в Азербайджане, стр. 316—317; *Р. Б. Аразова, Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* Энеолитическое поселение Гаргалар-тепеси. «АО 1971 г.», стр. 478—480; *И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов.* Раскопки двух новых энеолитических поселений, стр. 8—9.

С этой группой непосредственно смыкаются раннеземледельческие памятники, расположенные на территории соседних с Западным Азербайджаном Марнеульского и Болнисского районов Грузии. Здесь также сконцентрирована большая группа энеолитических поселений. Это прежде всего поселения у ст. Шулавери и селений Имири[7] (Шулаверис-гора, Дангреули-гора, Гадачрили-гора, Храмис Диди-гора и Имирис-гора); далее поселения у селений Арухло (у слияния рек Храми и Машавера), Цопи, Садахло и Геой-тепе (в бассейне Банush-чай и Дебеде-чай)[8]. Культурный слой энеолитической эпохи отмечен в Амиранис-гора (Ахалцихский район), а также на поселении Абелия в том же районе[9]. Последние, вероятно, датируются IV тыс. до н. э. Относить их к тому же кругу памятников, что и упомянутые поселения на территории Азербайджана и Грузии, едва ли можно. То же самое относится и к таким памятникам, как Нацар-гора в Юго-Осетии и, особенно, пещерные стоянки Сагварджиле, Самерцхле-клде и Самеле-клде в Западной Грузии[10], которые скорее всего относятся к последующей эпохе[11].

К сожалению, до сих пор остается неясным, какие именно объекты имел в виду Б. А. Куфтин, когда писал, что им установлен в Кутаисском и Цхалтубском районах ряд памятников, переходных от позднего неолита к энеолиту[12].

Памятники эпохи энеолита известны и на территории Армении. На Араратской равнине, на берегах древних притоков. р. Аракс, открыто несколько раннеземледельческих поселений, в том числе Техут и Кюльтапа в окрестностях Эчмиадзина, Мхлу-тапа у с. Цахкунк и др.[13] По

---

[7] Из них раскапывались Шулаверис-гора и Имирис-гора. См.: *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). «Мацне», 3, 36. Тбилиси, 1967, стр. 292—298 (на грузинском языке с русским резюме); *они же.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1967 г.). «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии». Тбилиси, 1969, стр. 19—26; *они же.* Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971, стр. 109 (на грузинском языке с русским резюме).

[8] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V—IV тыс. до н. э.). «Мацне», 6, 39. Тбилиси, 1967, стр. 338—341; *они же.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 21—32; *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, стр. 31—32, 39—43 и др.; *Т. Н. Чубинишвили, М. Л. Челидзе.* Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции. «Полевые археологические исследования в 1972 г. (Краткие сообщения)». Тбилиси, 1973, стр. 22—27.

[9] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, стр. 341—342, и др.

[10] Там же, стр. 350.

[11] О сравнительно позднем возрасте, например, Самеле-клде (энеолитический слой) уже отмечено в литературе (см.: *Л. Глонти, А. Джавахишвили, Г. Джавахишвили* и др. Некоторые итоги полевых работ 1964 года Урбнисской и Квирильской археологических экспедиций. ВМГ, т. XXV-В. Тбилиси, 1968, стр. 11).

[12] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 80.

[13] *А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян.* К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. «Вестник общественных наук АН Армянской ССР», 1967, № 3 (286), стр. 52—62 (на армянском языке); *Р. М. Торосян Г. А. Микаелян, С. Г. Даведжян.* Разведки древнейших памятников Армении. «АО 1967 г.»,

всей вероятности, энеолитическими являются и такие поселения на Араратской равнине, как Маштоц-блур, Тертери-дзор, Агвеси-бнер, Шенгавит I и другие, отнесенные С. А. Сардаряном к неолиту [14].

На Кавказе открыт еще один памятник эпохи энеолита, связанный до некоторой степени в культурно-хронологическом отношении с энеолитическими поселениями Закавказья. Речь идет о поселении в урочище Гинчи в Нагорном Дагестане [15].

Других аналогичных памятников на Кавказе пока не открыто. Правда, мы знаем здесь ряд комплексов, принадлежность которых к энеолиту, видимо, очевидна. Это, во-первых, комплекс древнейших погребений Нальчикского могильника на Северном Кавказе [16], а во-вторых, группа памятников на Черноморском побережье Кавказа. В последнюю входят определявшаяся первоначально как неолитическая стоянка Тетрамица в Западной Грузии [17], нижний слой Мачарского поселения и селище Гуадиху в Абхазии [18], а также, возможно, ряд комплексов Воронцовской пещеры близ Адлера в Краснодарском крае [19]. В эту же группу В. В. Бжания включает и стоянки с тяпкообразными мотыжками, расположенные в северо-западной части Абхазии.

Вся указанная группа памятников связана, по-видимому, генетически с рассмотренными поздненеолитическими памятниками Западного Кавказа и характеризует особую культуру энеолита Кавказа, отличную в значительной степени от той, которая представлена в Центральном и Южном Закавказье.

Почти все известные в Центральном и Южном Закавказье древнейшие памятники представляют собой поселения на небольших холмах и плоских возвышенностях, расположенные обычно на берегах и по руслам древних протоков, на участках, благоприятных для занятия земледелием и разведения скота. Все поселения как бы естественно укреплены. На Арухлинском поселении в Грузии [20] и двух холмах в Мильской степи [21] зафиксированы рвы, вырытые, вероятно, уже в ту эпоху.

стр. 386—387; *Р. М. Торосян.* Раннеземледельческая культура Армении (по материалам поселения Техут). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1971.

[14] *А. А. Сардарян.* Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 278—281.

[15] *М. Г. Гаджиев.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 55—61.

[16] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941.

[17] *Н. Э. Киладзе.* Памятник нового каменного века из Тетрамица. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 29. Тбилиси, 1951, стр. 237—264. Об отнесении данного памятника к эпохе металла см.: *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1967, стр. 12—13.

[18] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966, № 1, стр. 113—126; *он же.* Древнейшая культура Абхазии (эпоха энеолита и ранней бронзы). Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 6—7.

[19] *Л. Н. Соловьев.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпохи неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. «Труды Абхазского ИЯЛИ», XXIX. Сухуми, 1958.

[20] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, стр. 338.

[21] Речь идет о Шах-тепе и находящемся в 5 км к северо-востоку от него безымянном малом тепе, окруженных заплывшим широким рвом. См.: *А. А. Иессен.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи, стр. 13—14.

Известно, что строительство специальных оборонительных сооружений вокруг поселений на Ближнем Востоке началось в еще более раннее время [22]. Вспомним для примера хотя бы мощные оборонительные стены неолитического Иерихона [23] и Хаджилара [24].

Рассматриваемые памятники Закавказья можно разделить на две группы. Одну из них составляют Нахичеванский Кюль-тепе I (нижний слой) и поселения в Мильско-Карабахской и Муганской степях, а также, вероятно, Техутское поселение в Армении. Таким образом эта группа памятников расположена в южной и юго-западной части Закавказья.

К другой группе относятся поселения, компактно расположенные в центральной части Закавказья, на узкой полосе между Малым Кавказом и Курой, в Западном Азербайджане и Южной Грузии. Эта группа памятников не без основания выделяется уже в литературе в самостоятельную археологическую культуру — шомутепинскую [25]. Мы рассматриваем эти группы не как отдельные культуры, а как две локальные и хронологические группы памятников, характеризующие развитие древнейшей оседлой земледельческо-скотоводческой культуры Закавказья.

Ограничивается ли ареал этих групп памятников отмеченной территорией, — сказать сейчас с полной определенностью нельзя. Случайные находки в Армении отдельных типов керамики, характерных для шомутепинско-шулаверской группы [26], могут указывать на возможность открытия аналогичных памятников на юге Закавказья.

В пользу такого предположения свидетельствуют также некоторые данные из раскопок в Армении, о которых упоминает С. А. Сардарян. В частности, к шомутепинско-шулаверской группе памятников Закавказья относятся, возможно, Шенгавит I и ряд других оседлоземледельческих поселений в Армении [27].

Ряд факторов, особенно радиокарбонные даты, полученные для Нахичеванского Кюль-тепе I, с одной стороны, и Тойре-тепе I и Шулавери, — с другой, говорят о том, что памятники шомутепинско-шулаверской группы несколько старше памятников, объединенных условно в нахичеванско-техутский комплекс. Поэтому мы и начнем общую характеристику с памятников, относящихся к шомутепинско-шулаверской группе.

Наиболее полно из памятников этой группы исследованы поселения Шому-тепе, Тойре-тепе I и Гаргалар-тепеси в Азербайджане и Шулавери, Имирис-гора и Арухло — в Грузии. Это небольшие поселения на естественных холмах, расположенные обычно у рек. Мощность культурного слоя там неодинакова: в Шому-тепе в среднем около 1,0, хотя на неко-

---

[22] *В. М. Массон.* К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 39—44.

[23] *K. Kenyon.* Jericho and its Setting in Near Eastern History. «Antiquity», 1956, N 120.

[24] *J. Mellaart.* Earliest civilizations of the Near East. London, 1965, p. 102.

[25] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 121.

[26] Речь идет о сосудах из Цицернокаберда, хранящихся в ГИМ Армении (№ 1036). См.: *С. Есаян, Л. Карапетян.* Археологические находки в Ереване. «Историко-филологический журнал», № 3. Ереван, 1963 (на армянском языке).

[27] *С. А. Сардарян.* Первобытное общество в Армении; *Р. М. Торосян, Г. А. Микаелян, С. Г. Даведжян.* Указ. соч.

торых участках достигает и 2,5 м[28]; в Тойре-тепе I—4 м[29], в Шулавери — 7 м[30] и Арухло 5 м[31]; на Гаргалар-тепеси культурный слой еще более мощный — 10 м[32]. Следовательно, это были довольно прочные оседлые поселения[33]. На многих из них открыто по нескольку строительных горизонтов с жилыми и хозяйственными сооружениями одного типа. Это — сырцовые и глинобитные круглые жилые помещения диаметром до 3 м.

Довольно четкое представление о характере жилой архитектуры, ее особенностях и планировке, специфике керамики и другого бытового и хозяйственного инвентаря в этой группе энеолитических поселений Закавказья дает Шому-тепе. Это маленький холм овальной формы, площадью меньше 1 га (рис. *3*, *1*). Здесь вскрыто около 400 кв. м. Круглые в плане жилые (диаметром до 3 м) и хозяйственные постройки (диаметром до 2 м) были сооружены из сырцового кирпича различных размеров (50—55×22—25×8; 26×16×9 см)[34], скрепленные глиняным раствором. Вход в помещение представлял собой сделанный в стене, над полом, небольшой проем округло-четырехугольной формы размером примерно 0,5×0,5 м. Очаги находились у стен. Эти толосообразные сооружения с купольным перекрытием вплотную примыкали друг к другу или между ними были стены с обычными для каждого помещения проемами (рис. *4*, *1*). Жилые дома имели обычно в куполе отверстия для света и дыма. Здесь открыт двор, состоящий из двух круглых жилищ и двух таких же круглых хозяйственных помещений[35]. В некоторых жилищах около стен помещались глиняные необожженные сосуды вытянуто-яйцевидной формы. Особенно много таких сосудов обнаружено в Шулавери и Имирис-гора. Как предполагают исследователи, сосуды эти имели культовое назначение — в них поддерживался вечный, негасимый огонь[36].

---

[28] *И. Г. Нариманов.* Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1963 г., стр. 46.

[29] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 122.

[30] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Культура древнейшего земледельческого населения..., стр. 109.

[31] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, стр. 338.

[32] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 123.

[33] По некоторым подсчетам число жителей в этих поселениях составляло от 200 до 500 человек. См.: *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Культура древнейшего земледельческого населения..., стр. 112; *И. Г. Нариманов.* О закономерностях развития поселений ранних земледельцев Азербайджана. «МСПИАЭИ в 1971 г. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР». Баку, 1972, стр. 11—12.

[34] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 122. Укажем кстати, что из сырцовых кирпичей таких же примерно размеров (50×20×8, 30×20×8, 30×15×8, 25×15×8 см) сложены жилые и хозяйственные постройки на Шулаверском (см.: *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Культура древнейшего земледельческого населения..., стр. 295) и других поселениях (размеры кирпичей на Арухло 40×13 — 15×8 см). Среди них имеются кирпичи плосковыпуклой формы, в виде батона.

[35] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 122.

[36] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Культура древнейшего земледельческого населения..., стр. 110.

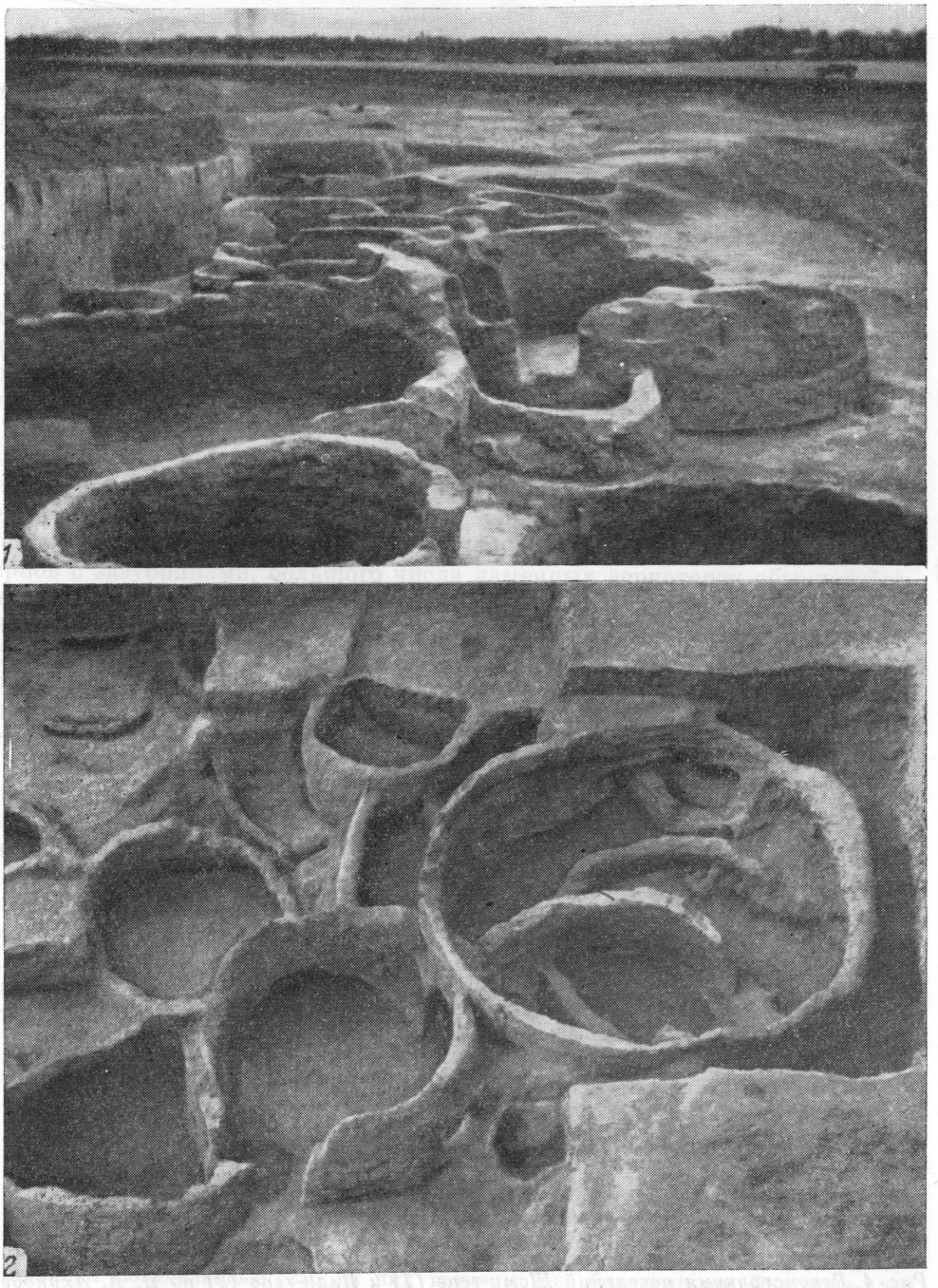

Рис. 3. Поселения Шому-тепе (1) и Шулавери (2)

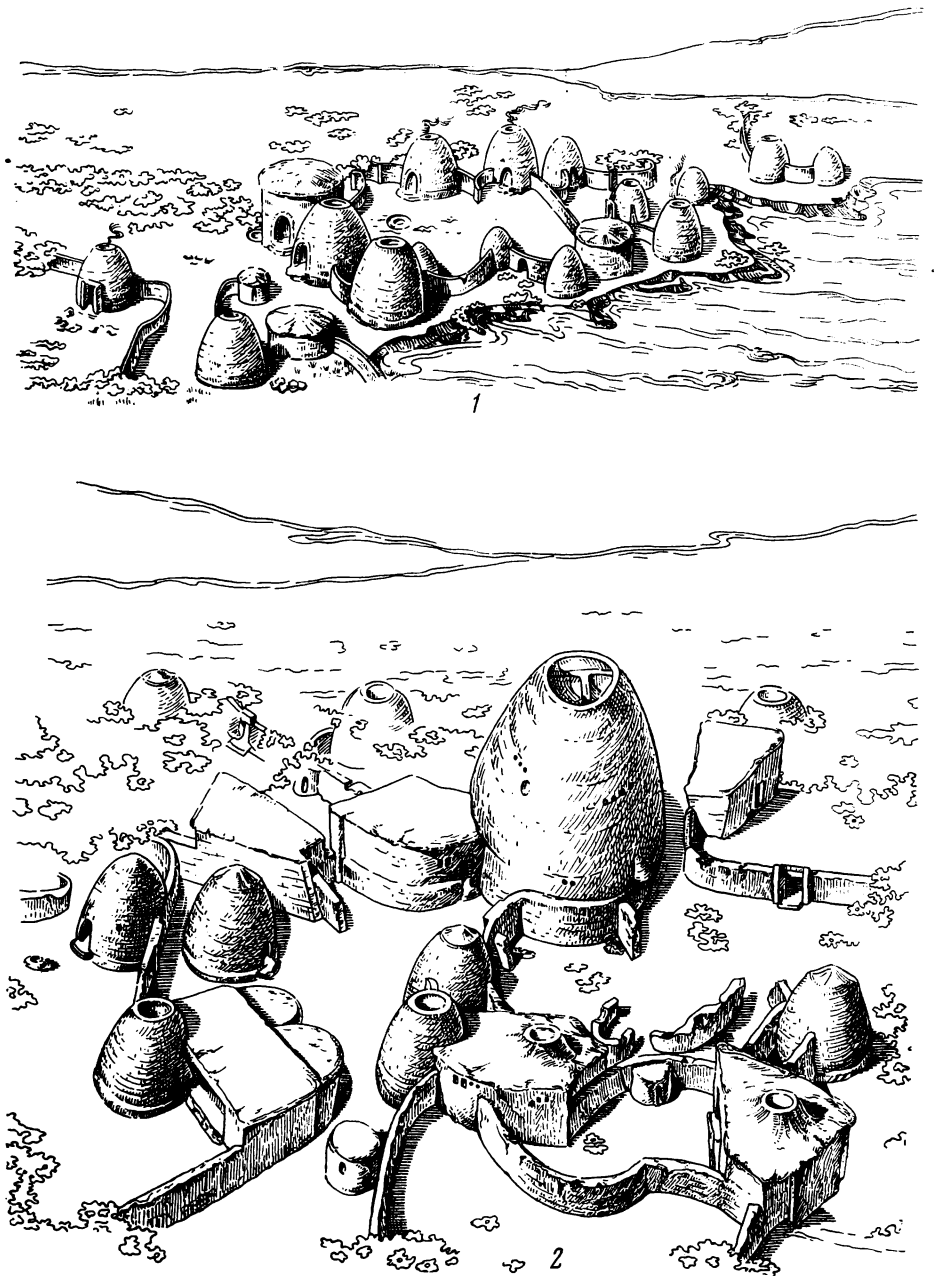

Рис. 4. Реконструкция поселений Шому-тепе (1) и Илан-тепе (2) по Д. А. Ахундову

Поселения, как показали раскопки в Шому-тепе и особенно в Имирис-гора и Шулавери[37], были плотно застроены такими небольшими круглыми в плане купольными домами и хозяйственными постройками (рис. 4, *2*)[38]. Четкой планировки в их расположении не наблюдается.

Наряду с сырцовыми и кирпичными круглыми помещениями в Шому-тепе, Шулавери и особенно в Бабадервише[39] открыты и жилища в виде полуземлянок, округлые в плане, диаметром 2,0—3,0 м. Судя по всему, они не характерны для жилой архитектуры Закавказья в эпоху энеолита и сохранились как пережиток древней формы местного домостроительства.

Выделяются и две сырцовые постройки в Имирис-гора. Одна, условно названная мастерской по изготовлению орудий, имеет переднюю и две подпорные стенки. Вторая представляла собой удлиненное здание, состоящее из круглого и овального помещений с плоской кровлей. Предполагается, что это здание имело культовое назначение[40].

Основу хозяйства обитателей Шому-тепе, как и других аналогичных поселений в Закавказье, составляло, вероятно, земледелие. Это убедительно доказывается находками в этих поселениях костяных и роговых мотыг (рис. 5, *1—10*), обсидиановых ножевидных пластин, служивших вкладышами для серпов[41] (рис. 6), кремневых составных вкладышевых серпов с зазубринами, большого числа каменных зернотерок обычной формы, пестов, терочников и массивных каменных ступок. Подобный инвентарь обычен для ранних оседло-земледельческих поселений широкого ареала Старого Света. Поэтому на его характеристике мы не будем подробно останавливаться. Рассмотрим только одну из категорий этого инвентаря, представляющую, на наш взгляд, наибольший интерес. Это жатвенные наборные серпы.

Как в Шому-тепе, так и в других поселениях обнаружены вкладыши от составных серпов, преимущественно кремневые, с одним зубчатым или просто ретушированным краем. Они неправильной прямоугольной и реже сегментовидной формы, вставлялись в деревянную или костяную основу. Такие серпы, составленные из кремневых вкладышей, особенно широкое распространение получают на Кавказе в бронзовом веке. Появились они здесь, по-видимому, уже в позднем неолите или даже в энеолите, когда сохранялись еще жатвенные орудия из обсидиановых ножевидных пластин.

---

[37] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Культура древнейшего земледельческого населения..., рис. 20—22. Здесь раскопано около 40 построек.

[38] Заслуживает большого внимания реконструкция раскопанной части поселения Шому-тепе, предложенная Д. Н. Ахундовым. См.: *Д. Н. Ахундов.* Палеоархитектоническая основа генезиса древних жилых и ритуальных сооружений. «Ученые записки Азербайджанского политехнического института», серия X, № 1 (18), 1973, рис. 5.

[39] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья..., стр. 122.

[40] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Культура древнейшего земледельческого населения..., стр. 110.

[41] Из 692 обсидиановых и кремневых изделий, найденных в Шулавери, 98,5% составляют обсидиановые; 210 из них изучены под бинокуляром. Оказалось, что первое место занимают вкладыши серпов — 50 экз. См.: *Г. Ф. Коробкова, Т. В. Кигурадзе.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора. КСИА, вып. 132, 1972, стр. 53—58.

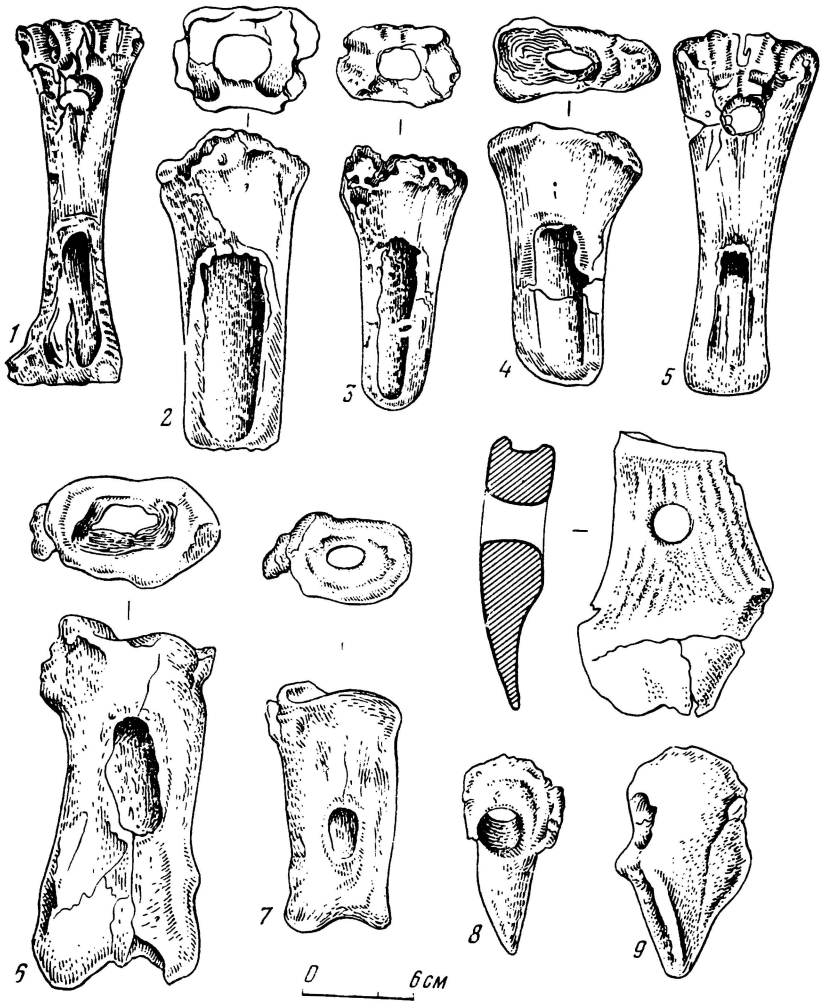

Рис. 5. Костяные и роговые мотыги из Шому-тепе (1—9) и деревянный серп Шому-тепе

Наряду с этим типом жатвенного орудия, в шомутепинской культуре представлен и другой тип серпа. Довольно четкое представление о нем дает экземпляр из Шому-тепе. Это серп с деревянной, несколько изогнутой основой [42]. В пазы обоймы под углом вставлены вкладыши и тем самым образован крупнозубчатый рабочий край (рис. 5). В обойме (длина ее 16,8 см) сохранились три из четырех вкладышей (два представляют кремневые отщепы, а третий — обсидиановую пластинку [43]). Они были укреплены в пазу с помощью, по всей вероятности, озокерита [44].

Вкладыши от таких серпов с характерной угловой заполировкой и со следами озокерита, кроме Шопу-тепе, найдены еще в Тойре-тепе I и Бабадервише [45]. Вполне вероятно, что аналогичные серпы использовались обитателями и других поселений, в частности Шулавери, Имирис-гора, Арухло и т. д.

Такие серпы, вероятно, наиболее архаичные типы жатвенных орудий. Во всяком случае, это самые древние жатвенные серпы, известные в Закавказье. И. Г. Нариманов вполне обоснованно сопоставил их с пластинчато-зубчатыми наборными серпами из неолитических и энеолитических памятников Центральной и Юго-Восточной Европы [46]. Хотя жатвенные орудия из древнейших поселений Передней Азии (Хассуна) [47] и Средней Азии (Джейтун) [48] несколько отличаются по форме от закавказских и европейских,— все они принадлежат к одному типу пластинчатозубчатых наборных серпов, широко распространенному у раннеземледельческих племен [49]. Возникли ли они в каждом регионе самостоятельно, или связаны с единым центром происхождения,— сказать трудно.

Кроме упомянутых орудий труда, на развитие земледелия убедительно указывает палеоботанический материал памятников, в частности Шому-тепе. Здесь обнаружены остатки злаков мягкой и твердой пшеницы, английской пшеницы и полбы, двурядного и многорядного ячменя и ячменя двурядного дикого, а также семена сорняка из семейства бобовых и дикой вики [50]. Пшеница и ячмень встречены вместе.

---

[42] В Шому-тепе обнаружена и костяная (из нижней челюсти быка) основа такого серпа со следами полировки от длительного употребления и остатками озокерита в пазу. См.: *И. Г. Нариманов.* Археологические исследования поселения Шому-тепе..., стр. 48.

[43] *И. Г. Нариманов.* Древнейшие серпы Азербайджана. СА, 1964, № 3, стр. 283, рис. 1.

[44] Озокерит (или горный воск, как его иногда называют) — продукт естественного выветривания нефти.

[45] *И. Г. Нариманов.* Древнейшие серпы Азербайджана, стр. 284—285, рис. 2.

[46] Там же.

[47] *Г. Чайльд.* Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 171; *G. Roux.* Ancient Iraq. London, 1964, p. 240.

[48] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 35, рис. 5.

[49] «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, стр. 84.

[50] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 126; *он же.* О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане. СА, 1971, № 3, стр. 3—14. Остатки злаков найдены и в других поселениях (Имирис-гора, Арухло и т. д.). Так, в Арухло обнаружены мягкая и карликовая пшеница и различные виды ячменя, а также большое количество сорняков. Среди последних встречены такие

Развитие скотоводства у населения Закавказья энеолитической эпохи подтверждает остеологический материал. Почти в каждом поселении найдены в большом количестве кости животных, преимущественно домашних. Например, в Шому-тепе кости диких животных (оленя, кабана и др.) значительно уступают в количественном отношении костям домашних животных — быка, свиньи, мелкого рогатого скота [51]. К сожалению, до сих пор статистические данные по остеологическому материалу ни по одному памятнику не опубликованы. Поэтому трудно говорить о соотношении мелкого и крупного рогатого скота в хозяйстве энеолита Закавказья. Совершенно ясно однако, что к тому времени уже были одомашнены и бык, и коза, и баран, и свинья; что разведение домашних животных, т. е. скотоводство, имело немаловажное значение в хозяйственной деятельности местных племен. Скотоводство носило придомный характер. Оно, по-видимому, уже почти полностью вытеснило из сферы хозяйства охоту, но охотой продолжали еще заниматься, о чем свидетельствуют находки на всех поселениях костей диких животных, в первую очередь оленя и кабана.

Из костей домашних и диких животных изготовляли орудия труда, различные бытовые и культовые предметы. Мы уже говорили о находках костяных и роговых мотыг в памятниках, а также о костяной основе серпа. В Шому-тепе и Гаргалар-тепеси была довольно высоко развита обработка кости в отличие от других поселений. Здесь в значительном количестве обнаружены различные изделия из кости: проколки, шилья, иголки с ушком, гребенчатые предметы и даже несколько искусно сделанных ложек [52], почти аналогичных по форме соответствующим предметам из некоторых памятников Передней и Малой Азии, например из Чатал-Гуюка [53].

К интересной категории находок следует причислить женскую костяную фигурку из Шому-тепе, с подчеркнутой талией (?) [54]. Здесь же найден и фрагмент глиняной человеческой фигурки, которая спереди разделена на две части врезкой, идущей от правого плеча к левому. Линия эта, по мнению И. Г. Нариманова, изображает перевязь [55]. Такие

(мак-самосейка и др.), которые появляются лишь среди яровых посевов. Здесь представлены и данные, указывающие на применение искусственного полива посевных участков (простейшие оросительные каналы в виде рвов). В связи с этим подчеркиваются находки на поселении остатков шестирядного ячменя, культивация которого возможна при условии искусственного орошения. См.: *Т. Чубинишвили.* Новые данные к истории раннеземледельческой культуры Квемо Картли. «Дзеглис Мегобори» (Друзья памятников культуры), № 33. Тбилиси, 1973, стр. 98—99 (на грузин. языке с русским резюме).

[51] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 126. Следует отметить, что на поселениях Арухло и Цопи в Грузии найдены глиняные фигурки быков. См.: *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, стр. 338—340.

[52] *И. Г. Нариманов.* Археологические исследования поселения Шому-тепе..., стр. 50; *Р. Б. Аразова, Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* Указ. соч., стр. 479.

[53] *J. Mellaart.* Catal Hüyük. A neolithic town in Anatolia. London, 1967, fig. 98—102.

[54] *И. Г. Нариманов.* Археологическое исследования поселения Шому-тепе..., стр. 47, рис. 1.

[55] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 125.

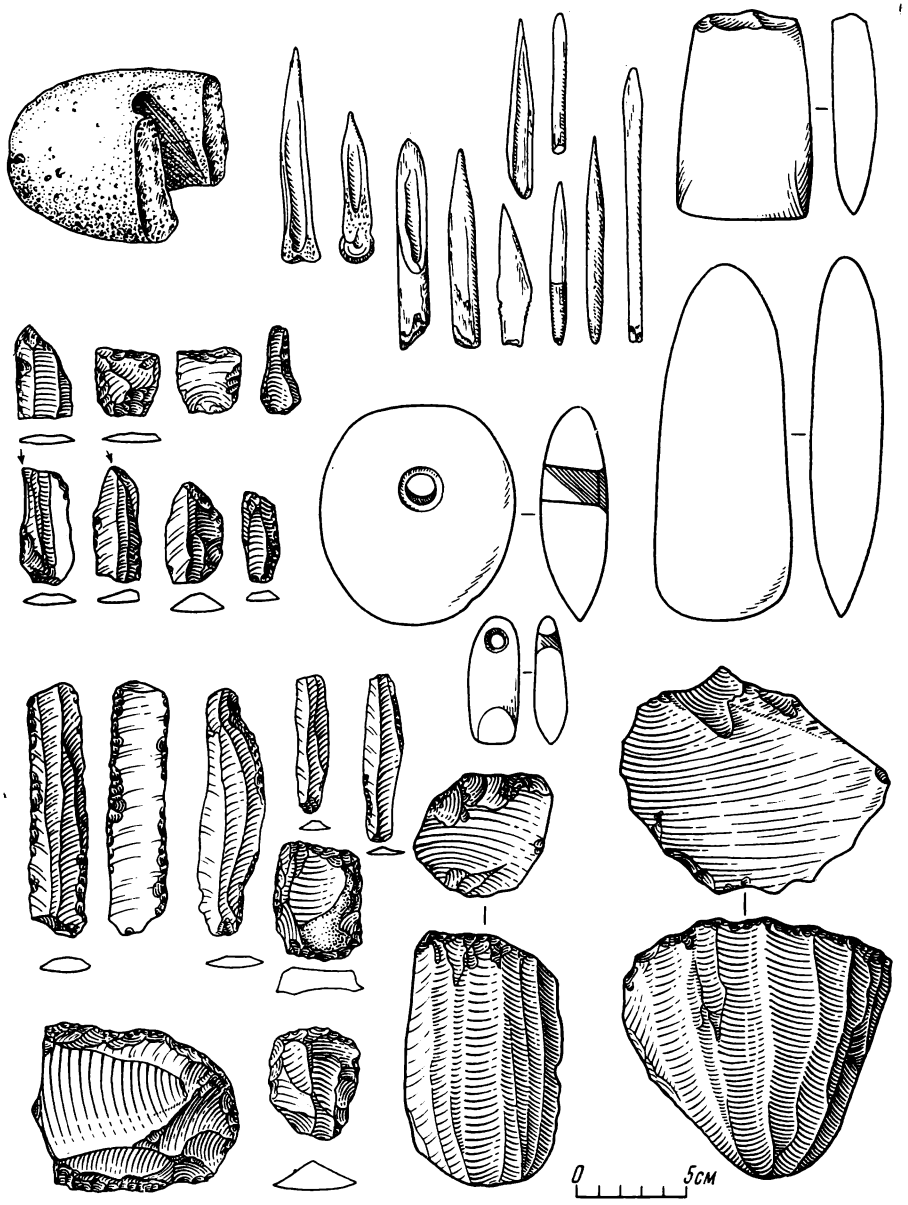

Рис. 6. Поселение Шулавери. Каменные, обсидиановые и костяные орудия

перевязи отмечены на статуэтках людей из ранних памятников энеолита и бронзы, в том числе Кавказа [56]. Отметим еще о находке в Гаргалар-тепеси оригинальной женской глиняной фигурки в полусидячей позе, украшенной насечками [57].

Терракотовые статуэтки людей обнаружены и в древнейших поселениях Грузии. Довольно интересна шулаверская миниатюрная глиняная статуэтка [58], представляющая собой весьма схематическую антропоморфную фигурку с подчеркнутыми толстыми бедрами и не выделенной головой. С лицевой стороны фигурка заштрихована резными горизонтальными линиями (рис. 7, *17*). Трудно сказать, мужчину или женщину изображает эта фигурка. Прямые аналогии ей нам не известны. Любопытные находки сделаны также в Арухло. Это гальки с изображением человеческого лица и особенно каменные скульптурки женских голов (?) [59]. Вообще же мелкая терракотовая пластика в памятниках энеолита и ранней бронзы Кавказа представлена единичными находками. В то же время она широко распространена в памятниках юга Средней Азии. Переднего Востока, Центральной и Юго-Восточной Европы. Этот факт указывает, по-видимому, на определенное своеобразие в развитии культуры древнейшего оседлоземледельческого населения Кавказа.

Большое значение в жизни обитателей Шому-тепе и других древнейших поселений Закавказья имело изготовление разнообразных орудий труда и бытовых предметов из различных местных пород камня, а также обсидиана [60]. Мастерские по производству каменных орудий были на каждом поселении. Во всяком случае о том, что обнаруженные на этих поселениях многочисленные кремневые и обсидиановые орудия и вкладыши для серпов и ножей, скобели для обработки дерева, резцы и резцы-скобели, скребки, скребла, сверла, долота [61] и другие орудия изготовлялись на месте, убедительно свидетельствуют найденные там в значительном количестве призматические нуклеусы, отбойники, отщепы и другие

---

[56] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 129—130, рис. 63—64.

[57] *Р. Б. Аразова, Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* Указ. соч., стр. 479—480.

[58] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции, табл. XV.

Большой интерес представляет коллекция антропоморфных фигурок, обнаруженная в 1972 г. на поселении Храмис Диди-гора. Найдена 21 фигурка из необожженной глины. Из них 17 были заложены в очаге дома. Все они небольшие (высотой не более 5 см) и по положению ног делятся на два типа: сидящая с согнутыми ногами и приподнятыми коленями и сидящая с вытянутыми ногами. Некоторые из них по оформлению ног и бюста поразительно напоминают антропоморфные фигурки халафской культуры. Авторы безусловно правы, отмечая связь находок из Храмис Диди-гора с образцами североместопотамской пластики. См.: *Л. Глонти, А. Джавахишвили, Т. Кигуразде.* Антропоморфные фигурки из Храмис Диди-гора. «Дзеглис Мегобари» (Друзья памятников культуры), № 33. Тбилиси, 1973, стр. 97—98 (на грузин. языке с русским резюме).

[59] *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа, табл. VII, *19*; VIII; IX.

[60] *Р. Б. Аразова.* Использование твердых пород камня обитателями энеолитического поселения Шому-тепе. «МСПИАЭИ 1970 г. в Азербайджане», стр. 6—7; *она же.* Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана. Автореф. канд. дисс. Баку, 1974.

[61] *Г. Ф. Коробкова, Т. В. Кигурадзе.* Указ. соч., стр. 56—58; *Р. Б. Аразова.* Скобляющие орудия из Шому-тепе. «МСПИАЭИ 1971 г. в СССР», стр. 12—143.

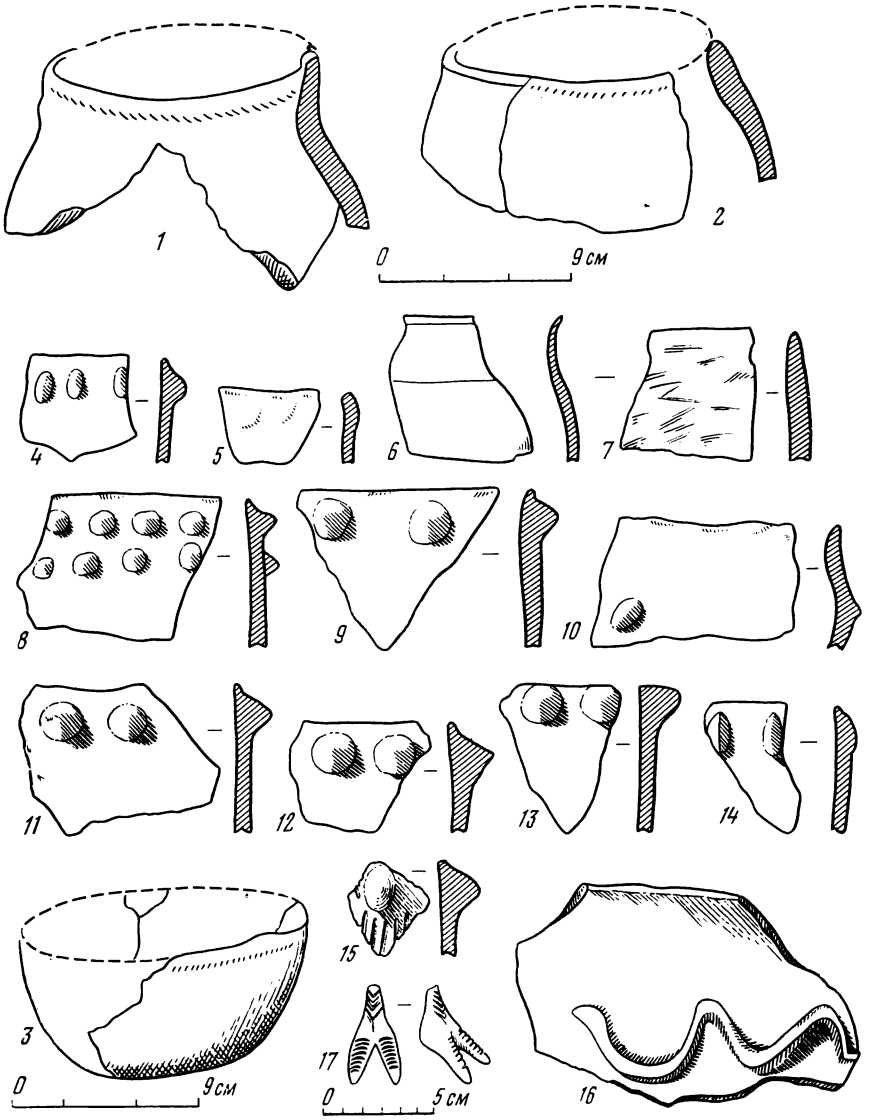

Рис. 7. Керамика с поселений

1—3 — Шому-тепе; *4—17* — Шулавери

производственные отходы. На отщепах, кстати, изготовлены многие вкладыши для серпов.

На широкое развитие каменной индустрии указывают и найденные в этих поселениях зернотерки, терочники, песты, ступки, наковальни, шлифовальные камни, а также долота, булавы и топоры. Среди последних преобладают подшлифованные клиновидные топоры (рис. 6). Встречены и топоры в виде молотов с желобчатым перехватом [62]. Ряд предметов указывает на развитие техники сверления камня. Например, в Шулавери и Арухло найдены орудия с двусторонним сверлением (рис. 6) [63].

Обращает на себя внимание отсутствие в комплексах рассматриваемых памятников такого обычного для древности предмета вооружения, как наконечник стрелы. В неолитических памятниках Кавказа они, как мы видели, есть, но представлены единичными экземплярами. Устанавливается, что и в раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока наконечников стрел нет совсем или они встречаются крайне редко [64]. Но в этих памятниках находят в большом числе глиняные снаряды или реже круглые камни для пращи. Поэтому предполагается, что лук там заменяла праща [65]. К тому же выводу применительно к Северо-Западному Кавказу неолитической эпохи приходит и А. А. Формозов [66]. Для неолитических памятников Закавказья также характерна праща — глиняные и особенно каменные снаряды для пращи обнаружены на многих поселениях, особенно в Шому-тепе. Там только около одного помещения найдено скопление 155 таких снарядов [67].

Таков в общем костяной и каменный инвентарь, представленный в шомутепинско-шулаверской группе энеолитических памятников Закавказья [68]. Большинство орудий труда, как видим, связано с земледельческим процессом: от обработки земли и жатвы злаковых до обмолота и переработки продуктов земледелия. Весь этот инвентарь по всей толще культурных напластований памятников отличается полным единообразием, поэтому судить по нему о генезисе развития культуры не представляется возможным. Однако при изучении каждого памятника в отдельности обращает на себя внимание не только значительное количество, но и большое разнообразие, например, костяных изделий в Шому-тепе. В ряде памятников (Гаргалар-тепеси и особенно Арухло и Цопи) в отличие от Шому-тепе, Тойре-тепе и Шулавери и других представле-

---

[62] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, табл. III, *3*.

[63] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции, табл. XI; *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа, табл. VII, *14*, *15*.

[64] *Г. Чайльд.* Указ. соч., стр. 168; *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, рис. 16.

[65] *Г. Чайльд.* Указ. соч., стр. 345.

[66] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 58.

[67] *И. Г. Нариманов.* Археологические исследования поселения Шому-тепе, стр. 49.

[68] Следует особо отметить, что до сих пор лишь в одном памятнике этой группы обнаружено изделие из металла. Речь идет о свернутой из тонкой пластины медной цилиндрической бусине, найденной в 1972 г. в Гаргалар-тепеси. См.: *Р. Б. Аразова, Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* Указ. соч., стр. 435.

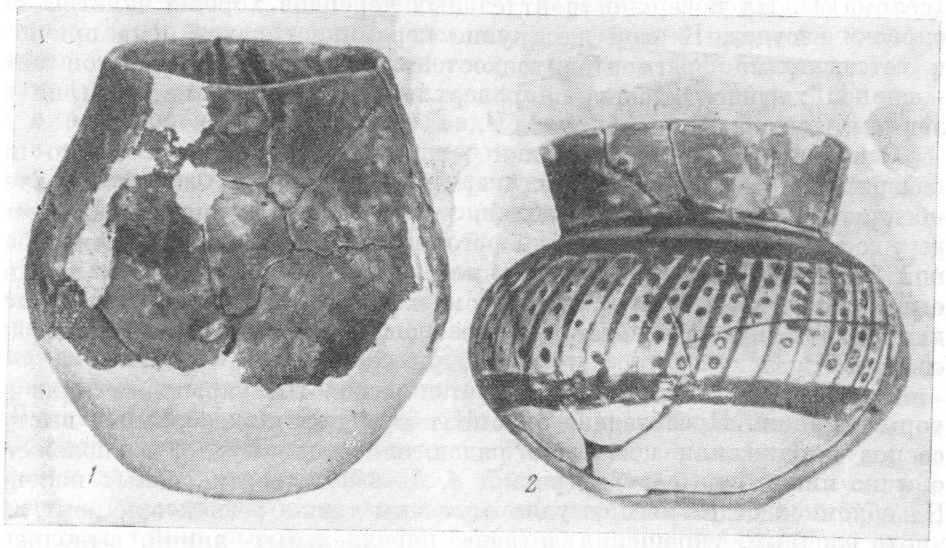

Рис. 8. Глиняные сосуды из Шому-тепе (1) и Нахичеванского Кюль-тепе I (2)

но много орудий неолитического типа. В Арухло и Цопи, как отмечают исследователи, каменные орудия отличаются от шулаверских качественно и количественно. Здесь особенно заметны пережитки неолитической техники обработки орудий; их набор типологически более разнообразен и т. д.[69] В Арухло, например, наиболее многочисленны пластины и отщепы с ретушью. Найдены 137 стамесок, 100 резцов, 70 скребков, 47 проколок, много комбинированных орудий (стамески-резцы, скребки-проколки и др.), а также три мелкие трапеции, два сегмента и три микропластины с ретушью по краю[70].

Эти факты указывают на то, что данные памятники старше по возрасту, чем поселения Шулавери, Шому-тепе и др., и тем самым дают возможность наметить в известной степени относительную периодизацию памятников шомутепинско-шулаверской группы[71].

Посмотрим теперь, что представляет собой наиболее массовый материал в рассматриваемых памятниках Закавказья — керамика. Последняя найдена во всех памятниках и отличается повсюду почти одними и теми же особенностями.

Глиняная посуда весьма проста по форме и груба по выделке (рис. 8, *1*). Вся она плоскодонная и лишена ручек; лишь на некоторых сосудах имеются ручки в виде горизонтальных выступов. Нельзя не заметить, что незначительная часть ее сравнительно лучшего качества. Она слегка залощена, имеет красновато-коричневый и реже желтовато-коричневый цвет, изготовлена из глины с растительной примесью

[69] *Т. Н. Чубинишвили, М. Л. Челидзе.* Указ. соч., стр. 26.
[70] Там же, стр. 23—24.
[71] Там же, стр. 27.

(солома) [72]. На поверхности отдельных черепков хорошо заметны следы окраски сосудов. К этой же группе керамики следует пока причислять и те несколько фрагментов тонкостенных сосудов с розоватой ангобированной хорошо залощенной поверхностью, которые найдены на поселениях Арухло и Цопи в Грузии [73].

Основная же часть керамики — черного, буроватого и серого цвета, содержит в глине примеси песка, дресвы, шамота и редкотолченого обсидиана, более грубой выделки, редко залощена; на днищах некоторых сосудов имеются отпечатки рогожи. Посуда преимущественно баночной формы (рис. 7, *1—3*). Есть небольшие чаши и горшки, иногда со слегка отогнутым наружу венчиком или с четко выделенным толстым днищем, но встречаются также довольно крупные бочкообразные сосуды.

Орнамент на керамике встречается редко. Им украшены лишь некоторые горшки. Преобладает орнамент в виде шишкообразных выступов-сосцов в один или несколько рядов или даже кучно, расположенных обычно ниже края сосуда (рис. 7, *4, 8—13*), и вертикальных налепов [74]. На обломках отдельных сосудов отмечены также резной орнамент, в том числе елочный, украшения в виде параллельных линий, выполненные зубчатым предметом, пуговкообразный выступ и рельефный волнистый поясок (рис. 7, *16*). На поселении Цопи, кроме того, найден обломок сосуда, украшенный ниже края венчика рядом сквозных отверстий [75]. И. Г. Нариманов обратил внимание на то, что древнейшая керамика Восточного Закавказья отличается остро- и круглодонностью, в то время как шомутепинско-шулаверская керамика вся плоскодонная [76]. Но плоскодонна керамика из неолитических памятников Западного Закавказья и всего Северного Кавказа, за единичными исключениями, о которых уже говорилось. Можно также связывать орнаментацию («елочный» узор), представленную на отдельных образцах керамики из Одиши, с одной стороны, и Шулавери — с другой. В таком же плане можно говорить и о некоторых фрагментах древнейшей керамики Дагестана и указанного обломка сосуда из Цопи, украшенных под венчиком рядом сквозных отверстий.

На основании изучения этой керамики представляется возможным говорить о некоторых локальных особенностях, например, отдельных групп поселений Западного Азербайджана. И. Г. Нариманов предполагает, что в юго-восточной группе культуры шому-тепе (в бассейнах рек Тауз-

---

[72] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 123, 125; *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции, стр. 298 и др.

[73] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, стр. 338, 340.

[74] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции, табл. IX, XII. Отметим здесь же, что в Арухло найден обломок сосуда с налепным антропоморфным изображением. См.: *Т. Н. Чубинишвили, М. Л. Челидзе.* Указ. соч., стр. 26.

[75] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа..., стр. 340.

[76] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья..., стр. 125.

чай и Шамхор-чай.— *Р. М.*) преобладает керамика с примесью соломы в глине [77]. Его предположение о том, что керамика с примесью соломы отражает более развитый этап местной культуры [78], подтверждается в известной степени и наблюдениями, сделанными в Шулавери. Там керамика с растительной примесью в виде рубленой соломы присутствует лишь в верхних горизонтах культурного слоя [79]. А в Тойре-тепе I эта керамика обычна, грубой выделки, содержит в глине примеси песка, дресвы и т. д., встречается во всех горизонтах начиная с самого раннего слоя [80]. То же наблюдается и в Шому-тепе. Таким образом, можно предполагать, что Шулаверское поселение, вероятно, несколько старше по возрасту, чем, например, Шому-тепе, Тойре-тепе I и другие поселения в Западном Азербайджане. На основании сравнения отдельных категорий каменного инвентаря в памятниках шомутепинско-шулаверской группы говорилось о том, что поселения Арухло и Цопи относительно старше Шулавери и других поселений. Но значение отмеченных фактов и наблюдений переоценивать не следует. Тем более нельзя сейчас на их основании делать широкие выводы о том, например, что эта культура распространилась в Западный Азербайджан с территории Южной Грузии, и т. д. Для таких выводов нужна серьезная дополнительная аргументация, в том числе значительная серия радиокарбонных дат. По тем же нескольким датам, которые в настоящее время получены, мы можем с уверенностью говорить лишь об абсолютной хронологии всей группы шомутепинско-шулаверских памятников.

Радиоуглеродному исследованию подверглись органические остатки из Тойре-тепе I и Шулавери. Образец, взятый из средней толщи культурного слоя Тойре-тепе I, дал дату 4295±125 лет до н. э. (определение сделано в Бомбейской лаборатории) [81]. Шулаверские образцы, исследованные в лаборатории Тбилисского университета, дали две даты: 3955± ±300 лет до. н. э. (образец, взятый на глубине 2,20 м) и 4660±210 лет до н. э. (соответственно на глубине 4,40 м) [82]. Таким образом, приведенные даты указывают на то, что эти поселения и, по всей вероятности, все связанные с ними памятники Западного Азербайджана и Южной Грузии относятся к V тыс. до н. э. вплоть до рубежа V—IV тыс. до н. э. Такие же относительно ранние памятники шомутепинско-шулаверской группы, как Арухло, Цопи и Гаргалар-тепеси, датируются, вероятно, первой половиной V тыс. до н. э.

Чтобы составить более полное представление о древнейшей оседлой земледельческо-скотоводческой культуре Закавказья и сделать более широкие выводы, касающиеся ее особенностей, хронологии, взаимосвязей с синхронными культурами и т. д. и т. п., рассмотрим теперь следую-

---

[77] Там же.
[78] Там же, стр. 126.
[79] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции, стр. 298.
[80] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 123.
[81] Там же.
[82] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции, стр. 297.

щую группу памятников, представленную поселениями Нахичеванский Кюль-тепе I, Алекемек-тепеси и многими другими в Мильско-Карабахской степи и на Мугани, Техут и другие — в Армении. Из них наибольшую известность получило в литературе поселение Кюль-тепе I у г. Нахичевани.

Поселение Кюль-тепе I находилось в 8 км к северу от г. Нахичевани. Оно содержало четыре культурных слоя общей мощностью около 22 м [83]. Нижний, или первый, слой, достигающий 8,5—9 м, относится к энеолиту. Над ним лежал такой же мощный (8,5—9,5 м) слой куро-аракской культуры. Между этими слоями прослежена стерильная прослойка толщиной от 15—20 до 30—40 см. Верхние, третий и четвертый, слои содержали материалы эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Нижний слой Кюль-тепе I раскопан на площади около 300 кв. м. По всей толще культурных отложений материалы этого слоя почти однородны. Следует также отметить, что в этом слое, между жилыми постройками и под ними открыты 73 погребения, скорченные на боку или на спине, в том числе 25 из них содержали инвентарь (сосуды, различные бусины, обсидиановые изделия) [84].

В верхних горизонтах слоя открыты остатки 13 помещений. Они круглой и прямоугольной формы, сооружены из камня и сырца. Круглые постройки достигают в диаметре 6—7,7 м, а размеры прямоугольных жилищ 4×3 м [85]. Дома располагались кучно, в непосредственной близости друг от друга.

В нижнем слое поселения обнаружены каменные и обсидиановые орудия, изделия из кости и рога, медные предметы, а также керамика. Особенно в большом количестве представлены обсидиановые нуклеусы, пластины и отщепы. Почти все пластины ножевидной формы, длиной 10—15 см, частично обработаны по краям ретушью и имеют следы сработанности (рис. 9, *1—9*) [86]. Несомненно, что часть их использовалась как вкладыши для серпов. Отметим кстати, что в Нахичеванском крае выходов обсидиана нет. Сюда его доставляли, по всей вероятности, из Армении. Изготовление же орудий из обсидиана производилось на месте.

Здесь найдено много каменных зернотерок, терочников, ступок и пестов, а также мотыг овальной формы со сквозным сверленым отверстием поперек лезвия, длиной до 15 см. Обнаружены и каменные клиновидные топоры-тесла и молоты с желобчатым перехватом [87], длиной от 9,7 до 19,7 см, шаровидные и грушевидные навершия булав, иногда с недосверленным отверстием. Каменный инвентарь, как видим, обычен для раннеземледельческих поселений широкого ареала Старого Света [88].

---

[83] От зольного тепе сохранился останец. См.: *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе; *он же.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе...

[84] *О. А. Абибуллаев.* Погребальные памятники из поселения Кюль-тепе. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 29—44.

[85] *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе..., стр. 157.

[86] Там же, стр. 159, рис. 2.

[87] *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе, табл. 8—14.

[88] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, рис. 16.

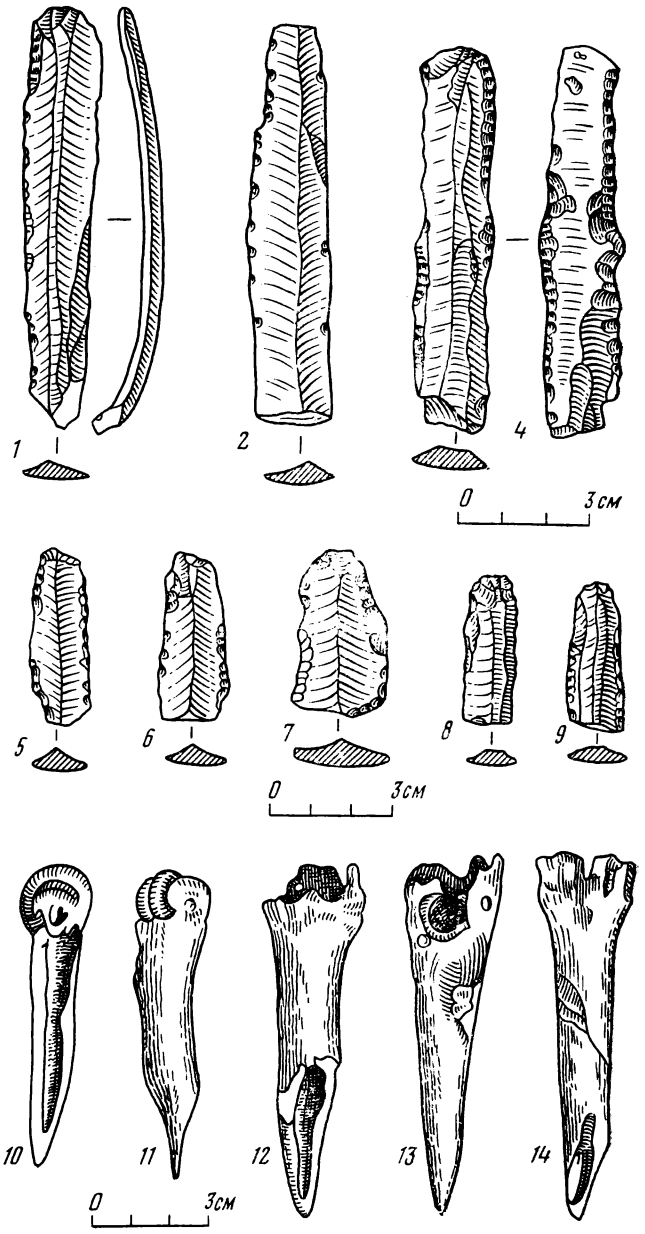

Рис. 9. Нахичеванский Кюль-тепе I. Обсидиановые (1—9) и костяные (10—14) орудия

Он мало чем отличается от соответствующего инвентаря из поселений шомутепинско-шулаверской группы.

К таким же обычным для раннеземледельческих поселений предметам относятся найденные здесь орудия со сквозными отверстиями из оленьего рога, служившие мотыгами, и многочисленные костяные лощила, шилья и проколки (рис. 9, *10—14*) [89].

Большой интерес представляет металлический инвентарь из нижнего слоя Кюль-тепе I. Он состоит из семи предметов [90]. Это ромбовидный наконечник стрелы, четырехгранная проколка со стержнем, две бусинки и три обломка неопределенных предметов. Они изготовлены из практически чистой меди. Правда, стрелка и проколка содержат в составе соответственно 1,14% и 1,15% мышьяка, а проколка — еще 1,6% никеля [91]. Металлические предметы, как видим, представляют обычные для памятников эпохи раннего металла изделия.

Основную же часть керамики составляет плоскодонная посуда грубой выделки, сделанная из глины с растительными примесями (солома, трава). Она преимущественно светлых тонов, красного цвета с разными оттенками; есть сосуды бурого и серого цвета [92]. Выделяются горшки баночной формы, большие бочкообразные сосуды, миски и другие формы (рис. 10) [93]. Некоторые из них покрыты ангобом и залощены, а на других — имеются ручки в виде выступов (рис. 10, *6*).

Здесь обнаружена и расписная керамика. Она представлена почти 20 обломками и одним целым сосудиком. По техническим и другим признакам ее можно расчленить на две группы. В первую входят целый горшочек и обломки других сосудов, отличающиеся хорошим обжигом, качеством выделки и тщательно залощенной поверхностью. Они украшены сложными геометрическими узорами, выполненными черной, коричневой и красной красками [94]. Ко второй группе относятся обломки сосудов, изготовленных из глины с примесью соломы или травы, но по качеству лучших, чем массовая керамика с растительными примесями в тесте. Они орнаментированы черной, желтой и красной красками, довольно простыми геометрическими узорами [95].

---

[89] *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе, табл. 15—18.

[90] *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе, стр. 161—162, рис. 4, *1—4*; *он же.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана. МИА, № 125, 1965, стр. 67, рис. 1, *12, 13*.

[91] *И. Р. Селимханов, Ж. Р. Марешаль.* О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализа. «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 146—147, табл. 3. Следует отметить, что по непонятным для нас причинам результаты анализа металлических предметов из нижнего слоя Кюль-тепе I, приведенные И. Р. Селимхановым и Ж. Р. Марешалем, с одной стороны, и О. А. Абибуллаевым,— с другой, расходятся. См.: *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе..., стр. 69, табл. I.

[92] *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе..., стр. 162—163.

[93] Там же, рис. 5; *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе, табл. 19—25.

[94] *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе..., стр. 164, рис. 6, *1—5*.

[95] Там же, рис. 6, *6—8*.

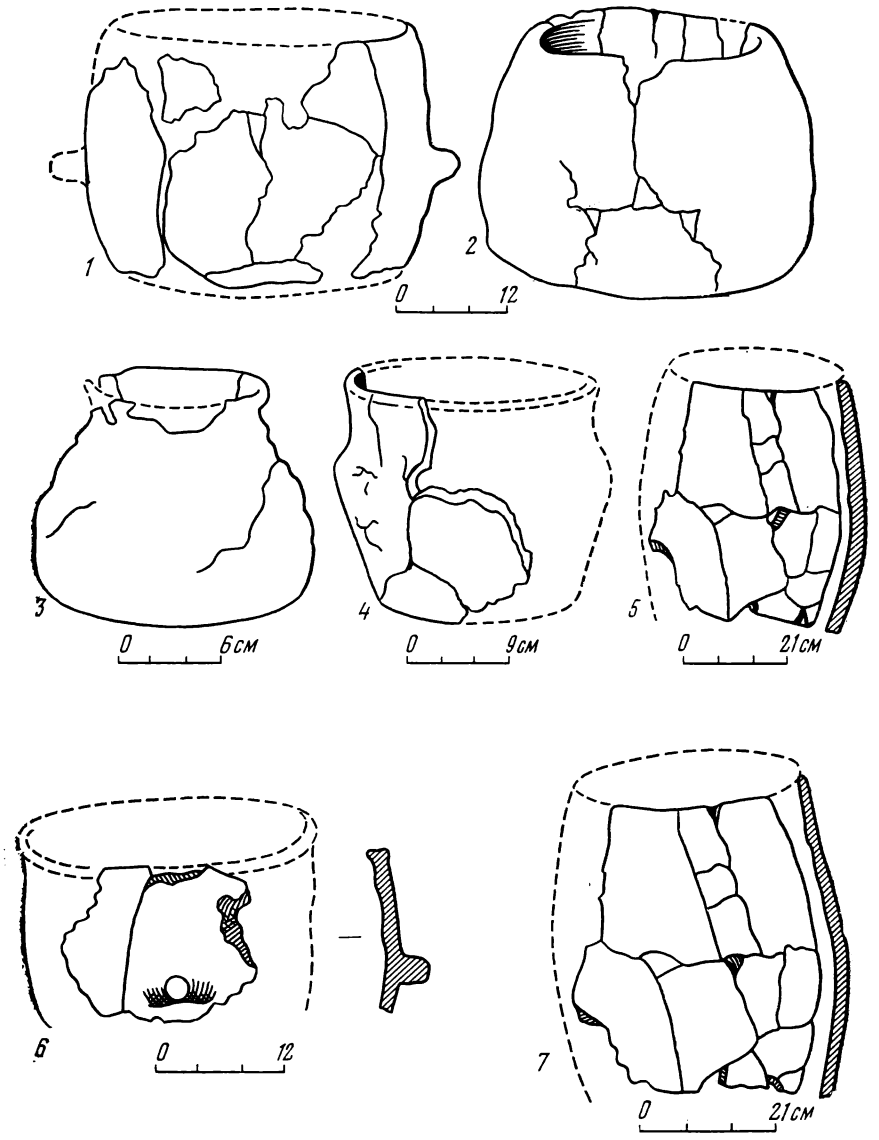

Рис. 10. Глиняные сосуды из Нахичеванского Кюль-тепе I (1—7)

Учитывая то обстоятельство, что расписная керамика первой группы по тесту, обжигу, качеству лепки и относительной сложности орнаментальных узоров резко отличается как от остальных расписных черепков, так и всей основной керамики, автор раскопок высказал резонное предположение, что она не местного происхождения, а привозная. Что же касается расписной керамики второй группы, то она изготовлена на месте в подражание импортным образцам [96].

Импортные образцы посуды представлены здесь одним целым экземпляром [97]. Это миниатюрный горшочек высотой около 8—9 см, с округло-уплощенным дном, несколько вздутым туловом и сравнительно высокой (более 2 см) шейкой (рис. 8, *2*). Он красно-розового цвета, залощен и украшен коричневой росписью. По тулову двумя горизонтальными линиями образован широкий пояс, заштрихованный почти вертикальными полосками. Коричневой краской расписан и самый край венчика с внутренней стороны, ниже которого имеется также волнистая линия, выполненная той же краской. Этот горшочек по форме, цвету, качеству и характеру росписи совершенно аналогичен соответствующим образцам халафской керамики Северной Месопотамии [98]. Едва ли описанный горшочек попал сюда непосредственно из Двуречья. Его могли доставить в Закавказье из соседней Ванской области, где в некоторых памятниках (например, в Тилки-тепе) широко представлена халафская керамика.

Кроме нижнего слоя Кюль-тепе I, расписная керамика встречена еще в ряде памятников в Мильской степи и в поселении Аликемек-тепеси на Мугани. Как отмечалось уже, ни один из этих памятников в Мильской степи раскопкам не подвергался. Поэтому наши представления о них основываются на подъемном материале, главным образом керамике.

Основная часть этой керамики, так же как и в Кюль-тепе I, представлена простыми формами довольно грубых толстостенных сосудов (горшки обычно с цилиндрическими шейками, чаши, миски); изготовлена из глины с примесью соломы или травы. Все сосуды плоскодонные и лишены ручек (иногда их заменяют, как и в Кюль-тепе I, ручки в виде выступов) [99]. Найдены и отдельные фрагменты, имеющие два-три слоя и свидетельствующие о том, что некоторые сосуды формовали в несколько приемов [100]. В коллекции керамики из Мильской степи представлено около двух десятков расписных черепков. Роспись, выполненная коричневато-буроватой, черной и реже красной краской по светлому ангобу, состоит из косых полос и углов-шевронов, вписанных один в другой (рис. 11). Расписные сосуды, в основном чаши, украшены как с внешней, так и с внутренней стороны. Среди фрагментов расписной керамики

---

[96] *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе..., стр. 163.

[97] Сосуд находится в экспозиции Музея истории Азербайджана в г. Баку.

[98] *M. Mallowan, J. C. Rose.* Excavations at Tall Arpachiyah, 1933. «Iraq», vol. II, p. 1. London, 1935, fig. 64, *9*; *T. Dabbagh.* Halaf pottery. «Sumer», vol. 22. Baghdad, 1966, p. 23—43.

[99] *А. А. Иессен.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи, стр. 13—15.

[100] *И. Г. Нариманов.* Керамика древнего поселения вблизи городища Орен-калы, стр. 37.

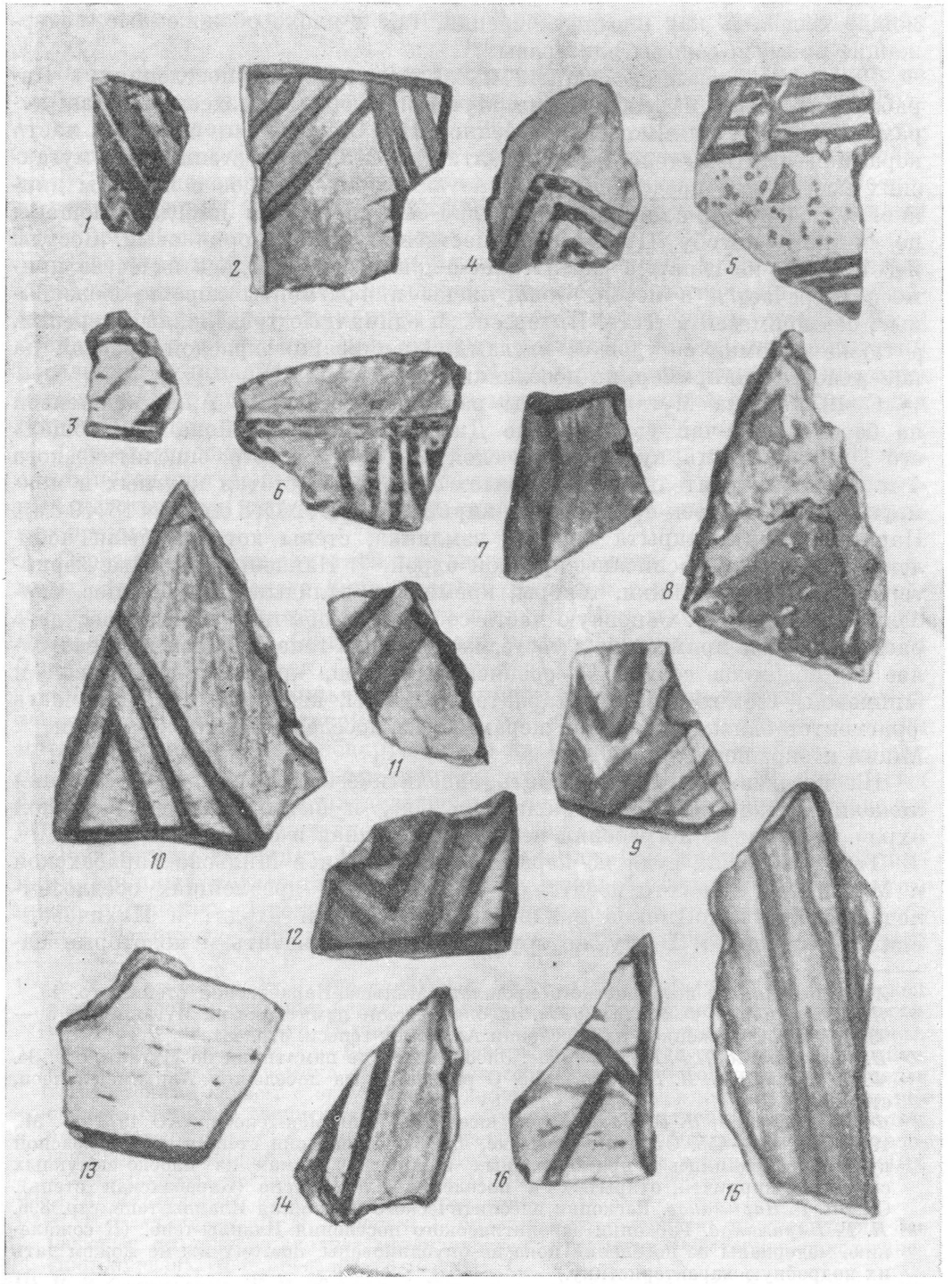

Рис. 11. Расписная керамика с поселений Мильской степи (1—15)

можно выделить как плотные черепки, так и плохо обожженные, содержащие примеси соломы или травы [101].

Расписная керамика открыта и в энеолитических поселениях в Карабахской степи и особенно на Мугани. Собранная здесь простая керамика отличается многими особенностями, присущими основной части керамики из Кюль-тепе I и с памятников Мильской степи [102]. В муганских поселениях представлены такие же формы сосудов с плоским днищем и без ручек или редко с ручкой-выступом. Они иногда залощены по светлому ангобу. Цвет преимущественно красно-коричневый. Сосуды изготовлены из глины с растительной примесью; иногда в качестве примеси встречается и песок. Обнаружены и фрагменты хорошо обожженные, без примесей в тесте. Интересны и единичные трехслойные черепки, а также обломки сосудов со следами окрашивания красной краской на поверхности (например, на поселении Гуру-дере 4) [103].

С 1971 г. на Мугани начаты раскопки поселения Аликемек-тепеси на берегу Инче-чай у с. Уч-тепе Джалилабадского района [104]. Площадь его 1 га. Мощность культурного слоя 5 м, в частности энеолитического 4 м. В пяти строительных горизонтах выявлены остатки круглых и прямоугольных построек из сырцовых кирпичей (40×20×8 см; 35×18×9 см). Наряду с ними открыта круглая землянка, стены которой были побелены известью и расписаны красной охрой [105]. Найдены каменные зернотерки, песты, терочники, топоры, кремневые вкладыши для серпов, скобели, скребки и др. Основную часть составляет обычная светлая посуда с растительными примесями в тесте, как в Кюль-тепе I. Здесь найдено более 50 обломков сосудов с росписью (черной, красной, коричневой и вишневой) геометрического характера (ромбы, квадраты и т. д.); часть фрагментов близка расписной керамике из поселения Мильской степи [106]. Много и окрашенных сосудов.

На поселении открыто девять энеолитических погребений. Костяки лежали в скорченном положении на боку и были окрашены красной охрой. В одном из погребений находились медная и бирюзовые бусины [107].

Таким образом, судя по керамике, поселения в Мильско-Карабахской и Муганской степях относятся к одному кругу древнейших оседлоземледельческих памятников Закавказья, в который входит и Нахичеванский Кюль-тепе I. В эту же группу следует включить и некоторые па-

---

[101] *А. А. Иессен.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи, стр. 15.

[102] *И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов.* Энеолитические памятники на Мугани, стр. 89—95; *они же.* О раскопках на поселении Аликемек-тепеси, стр. 481.

[103] *И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов.* Энеолитические памятники на Мугани, стр. 94.

[104] *Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* О раскопках на поселении Аликемек-тепеси, стр. 480.

[105] *Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* Поселение Аликемек-тепеси. «АО 1973 г.». М., 1974, стр. 454—455. Отметим здесь же, что следы окраски стен и полов красной краской сохранились в прямоугольных и круглых домах из плоско-выпуклых сырцовых кирпичей, открытых в поселении Иланлы-тепе (Карабахская степь). См.: *И. Г. Нариманов.* Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе, стр. 396.

[106] *И. Г. Нариманов.* Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе. (К сожалению, материалы из поселения пока не опубликованы, поэтому мы не можем дать их подробную характеристику.)

[107] Там же.

мятники на Араратской равнине в Армении, в частности поселение Техут [108].

Это — небольшое однослойное поселение, расположенное на одном из холмов в 3 км к югу от г. Эчмиадзина. Площадь его около 4 га. Толщина культурного слоя составляет 1,60 м. Здесь открыты остатки круглых сырцовых построек диаметром до 3,0 м с глиняным полом и очагом. Стены некоторых жилищ сложены из глиняных кирпичей плосковыпуклой формы, широко использовавшихся ранними земледельцами Ближнего Востока и Средней Азии.

Обнаруженный на поселении материал (каменный и костяной инвентарь) обычен для ранних оседлоземледельческих поселений. Производственный инвентарь — каменные зернотерки и терочники, кремневые и обсидиановые вкладыши для серпов — указывает на то, что обитатели поселения занимались земледелием. Использовались обычные пластинчато-составные серпы. О развитии земледелия свидетельствуют находки остатков злаков пшеницы [109].

Остеологический материал указывает на то, что обитатели Техутского поселения занимались скотоводством. Из костей домашних животных изготовляли разнообразные проколки, шилья, иглы с ушком и другие предметы.

Особенно следует отметить, что здесь обнаружены металлические предметы. Это архаического типа плоский ножичек вытянуто-овальной формы и два обломка четырехгранного шила [110]. Они изготовлены из медно-мышьякового сплава (обломок одного шила содержит 3,6% мышьяка и 0,1% никеля, а ножичек — 5,4% мышьяка) [111].

Медные и медно-мышьяковые предметы из Гаргалар-тепеси, Нахичевского Кюль-тепе I, Аликемек-тепеси и Техута — это наиболее древние металлические изделия, обнаруженные на Кавказе. К сожалению, до сих пор остаются еще не ясными вопросы их происхождения. Но важен сам факт, что древнейшие земледельческо-скотоводческие племена Закавказья были уже знакомы с металлом и использовали его.

Рассмотрим керамику Техутского поселения. Она представлена обломками крупных толстостенных карасов и разнообразных сосудов, в том числе расписных. Кроме того, здесь обнаружены и многочисленные обломки глиняных передвижных мангалов. Это — жаровни в виде чаш

---

[108] *А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян.* Указ. соч., стр. 52—62. В 1970 г. на Араратской равнине начаты раскопки близкого Техуту в культурно-хронологическом отношении поселения Ада-блур (Кхзяк-блур). Материалы его пока не опубликованы. Культурный слой там 3 м. Выявлены четыре строительных горизонта. Постройки сырцовые. Среди керамики обращают на себя внимание большие груболепные толстостенные карасы с округленным днищем и прямым венчиком. Найдены несколько обломков расписных сосудов, обсидиановые и каменные орудия, в том числе мотыга. См.: *Г. Е. Арешян.* Некоторые итоги работ Мохраблурской археологической экспедиции 1970—1971 гг. «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.». М., 1972, стр. 221—222.

[109] *А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян.* Указ. соч.

[110] *И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян.* К определению «энеолита» на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов. «Историко-филологический журнал», № 1. Ереван, 1966, стр. 34.

[111] *И. Р. Селимханов, Ж. Р. Марешаль.* Указ. соч., стр. 145—146, табл. 3.

круглой формы, с высоким (до 10 см) бортиком, край которого иногда загнут внутрь (рис. 12, *5, 6*). Они достигают в диаметре 25—30 см. Некоторые из них снабжены большими налепными ручками. Почти все мангалы ниже края опоясаны одним рядом небрежно продырявленных сквозных отверстий. Они грубо обработаны, хотя отдельные, обычно небольшого размера, залощены изнутри. Техутское поселение — единственный энеолитический памятник Закавказья, где обнаружены подобные передвижные глиняные мангалы-жаровни.

Отличительной особенностью всей керамки данного памятника является наличие в глиняной массе многочисленных примесей одновременно соломы и песка. Часто сосуды покрыты с двух сторон тонким слоем глины другого цвета, главным образом желтоватого. Такой многослойностью стенок, как мы видели, отличаются и некоторые сосуды Нахичеванского Кюль-тепе и ряд поселений в Мильско-Карабахской степи и на Мугани. Укажем также, что на обломках многих сосудов с внутренней стороны четко заметны отпечатки ткани. Несомненно, что ткань как основа широко использовалась здесь при производстве глиняной посуды.

Посуда Техута также делится по характеру выделки на две группы. Первая, основная часть ее груба, имеет шероховатую, плохо обработанную поверхность. Но есть и небольшая группа керамики сравнительно высокого качества, иногда лощеная до блеска. Формы посуды здесь значительно разнообразнее, чем в Нахичеванском Кюль-тепе I. Это крупные сосуды с шаровидным туловом и шейкой различной высоты, горшки баночной формы, иногда с вогнутым днищем, кувшины, миски и чаши (рис. 12) [112]. Среди керамики высокого качества преобладают обломки сосудов малых форм — чаш и мисок. Они обычно желтоватого цвета, плотные и лишены часто каких-либо примесей.

Особого внимания заслуживает найденная здесь незначительная серия обломков расписных сосудов. Сосуды расписаны черной или красной краской по розовато-красноватому и преимущественно желтоватому фону. Элементы росписи — горизонтальные и волнистые линии (струйчатая роспись), зигзаги, ромбы, и другие [113].

Из приведенного описания ясна определенная близость данного памятника к Нахичеванскому Кюль-тепе и связанным с ним другим памятникам на территории Азербайджана. Поэтому следует особо отметить наличие в этих комплексах металлических изделий и импортной керамики. Кстати, забегая вперед, укажем, что если в Кюль-тепе I всего один настоящий халафский горшок, то в Техуте халафского типа керамики больше и представлена она здесь несколькими формами.

К этому же кругу памятников относятся, по всей вероятности, и некоторые из тех поселений на Араратской равнине, которые рассматриваются С. А. Сардаряном как неолитические. Они также расположены на холмах и подобно Техуту и Кюль-тепе I состоят из круглых в плане жилых построек. В них найдена саманная керамика желтоватого цвета.

Итак, памятники, расположенные на Мугани и в Мильско-Карабах-

---

[112] *А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян.* Указ. соч., стр. 62.
[113] Там же.

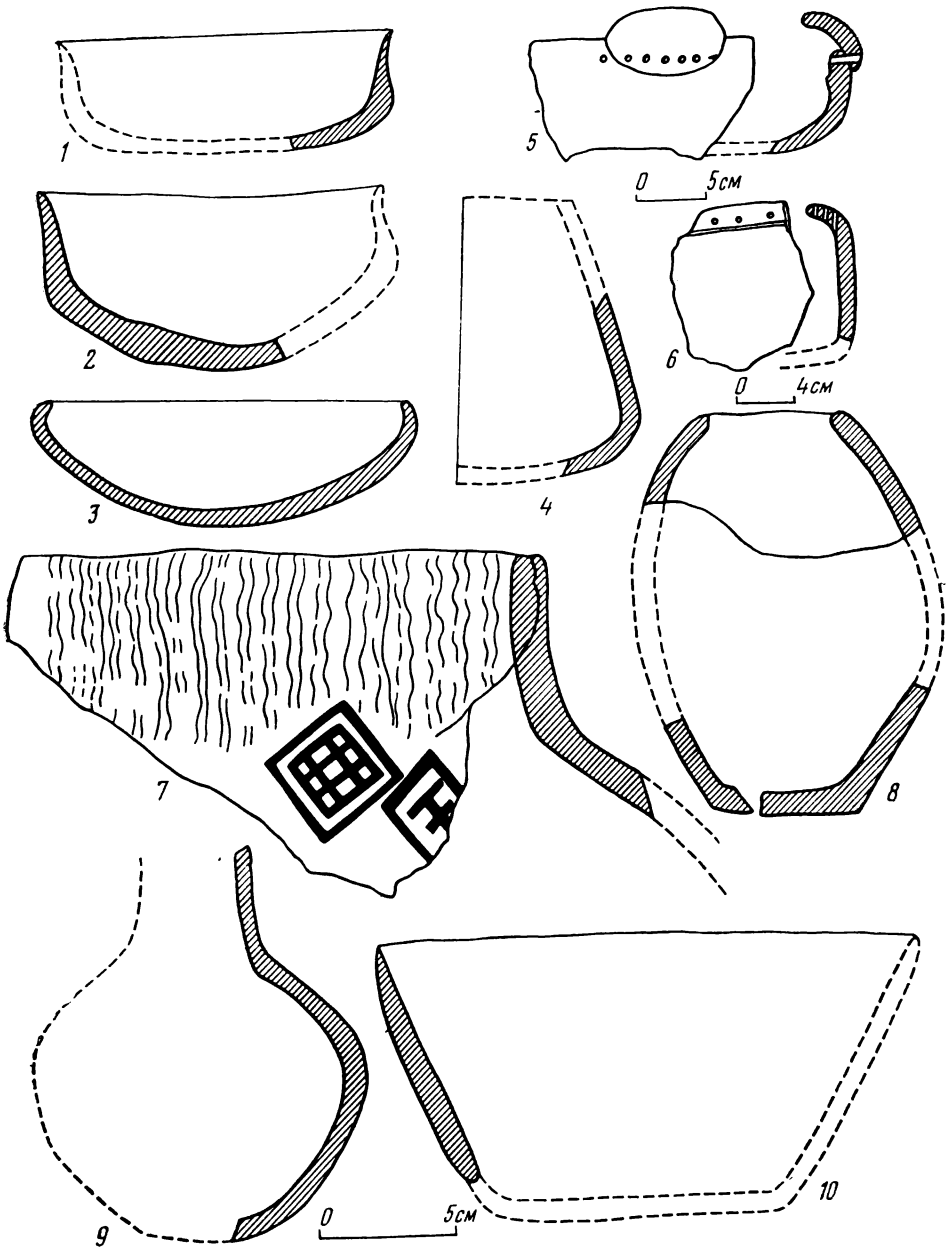

Рис. 12. Керамика Техутского поселения (1—10)

ской степи, в Нахичевани и на Араратской равнине, убедительно доказывают развитие в Южном Закавказье оседлой культуры раннеземледельческого типа. Судя по радиокарбонной дате, полученной для нижнего слоя Кюль-тепе I (3807±90 лет до н. э.)[114], эта группа памятников датируется, видимо, периодом от рубежа V—IV до середины IV тыс. до н. э.

Вывод о развитии в Закавказье оседлой культуры раннеземледельческого типа впервые, как известно, был сделан А. А. Иессеном. Тогда же А. А. Иессен отмечал, что пока еще нельзя определить, как далеко в пределы Закавказья проникала данная культура, где проходили северная и северо-западная границы ее ареала[115]. Однако еще при жизни А. А. Иессена были открыты памятники, свидетельствующие о развитии в Центральном Закавказье оседлой земледельческой культуры, по времени даже более ранней, чем та, которая представлена памятниками Южного Закавказья. Более того, памятник раннеземледельческого типа, в определенной степени синхронный с закавказскими и содержащий архаическую расписную керамику, открыт значительно северо-восточнее, по ту сторону Кавказского хребта, в нагорной полосе Дагестана. Речь идет о поселении в урочище Гинчи Советского района ДАССР.

Гинчинское поселение располагалось на берегу р. Гидерилор, на одной из верхних речных террас, и с трех сторон было естественно защищено. Кроме того, на открытой части поселения выявлена каменная стена толщиной до 2,0 м, возможно оборонительного характера[116]. К сожалению, из публикации остается неясным не только протяженность этой стены, но и время ее сооружения. Дело в том, что Гинчи — памятник двуслойный: нижний относится к энеолиту, а верхний — содержит материалы III тыс. до н. э. Вполне возможно, что стена связана с древнейшим слоем поселения. На это указывает и тот факт, что сложена она таким же способом, как и открытое в нижнем горизонте большое однокамерное прямоугольное помещение. Открыты остатки и других жилищ. Стены всех их, достигавшие толщины 1,5 м, были сложены насухо из крупных необработанных камней. Таким образом, можно считать, что каменное домостроительство, получившее широкое развитие в горах Дагестана начиная с рубежа III—II тыс. до н. э., возникло здесь не позднее эпохи энеолита.

На поселении обнаружены очаги округло-овальной формы (диаметром 0,60—1,90 м) и круглые хозяйственные ямы (диаметром 0,60—1,05 м и глубиной 0,25—0,60 м)[117]. Инвентарь поселения типичен для ранних оседлоземледельческих памятников. Он включает керамику, каменные орудия труда, пращевидные камни, многочисленные костяные проколки и шилья, роговые лощила и др. Находки каменных ладьевидных зерно-

---

[114] Образец, взятый на глубине 18,2 м Кюль-тепе I, исследован в лаборатории ИА АН СССР в г. Ленинграде. См. о датировке Техута (3800—3600 лет до н. э.): *Р. М. Тосян.* Указ. соч., стр. 21.

[115] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток, стр. 10; *он же.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи, стр. 15.

[116] *М. Г. Гаджиев.* Указ. соч.

[117] Там же.

терок и терочников и кремневых, редко обсидиановых ножевидных пластин с ретушью по краям, а также костей мелкого и крупного рогатого скота указывают на то, что основу хозяйства здесь составляли земледелие и скотоводство [118]. Следовательно, Гинчи предстает перед нами как прочно оседлое поселение, расположенное, в отличие от рассмотренных выше памятников, глубоко в горах. Особенностью его является и каменная жилая архитектура с домами прямоугольной формы, а не круглыми в плане, как в Закавказье.

Наиболее полное и четкое представление об особенностях самого памятника и о значительной его самобытности дает керамика Гинчинского поселения.

Керамика из нижнего слоя Гинчи в основном грубая и толстостенная. В глине много примесей песка и дресвы. В одном случае отмечена и примесь соломы [119]. Цвет сосудов преимущественно красный и кирпичноватый. Поверхность их часто ангобирована и залощена, иногда до блеска. Встречаются черепки, внешняя поверхность которых обмазана слоем жидкой глины. К особенностям изготовления керамики следует отнести и использование рогожи при лепке сосудов: на внешней поверхности многих фрагментов грубых горшков имеются отпечатки рогожи. Некоторые черепки, как и закавказские, имеют в изломе четко выраженную трехслойность.

Посуда Гинчи отличается разнообразием (рис. 13). Здесь представлены миски, большие шаровидные плоскодонные сосуды, горшки с выпуклым или яйцевидным туловом, сосуды с высокой цилиндрической шейкой, чашки, кружки и др.[120] Особо надо выделить чаши или глубокие миски, опоясанные ниже края рядом круглых сквозных отверстий (рис. 13, *9*), так же как на мангалах из Техута. По наличию на закраине сосуда ряда круглых сквозных отверстий эти чаши или миски могут быть связаны с отдельными образцами неолитической керамики, обнаруженной в Дагестане и только что описанной.

В Гинчи найдены части глиняных предметов грубой выделки, стенки которых (высотой до 18 см) от основания и почти до края беспорядочно продырявлены сквозными отверстиями (рис. 13, *8*). Это не сосуды, так как в них нет днища [121]. В закавказских комплексах подобные предметы отсутствуют. Близкие им по форме глиняные предметы встречены в культуре линейно-ленточной керамики [122] и в комплексах

---

[118] Как показывают палеозоологические материалы из Гинчи, в эпоху энеолита в Горном Дагестане разводили главным образом овец и коз и лишь в незначительной степени крупный рогатый скот и свиней. Соотношение крупного и мелкого рогатого скота в нижнем слое Гинчи составляет 1 : 9. Охота продолжала играть еще большую роль в жизни обитателей Гинчи. Охотились на оленей и диких коз. См.: *М. Г. Гаджиев*. Древнее земледелие и скотоводство Горного Дагестана. «Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». Тезисы докладов». М., 1974, стр. 55—56.

[119] *М. Г. Гаджиев*. Новые данные о южных связях Дагестана..., стр. 57.

[120] Там же.

[121] Там же, стр. 57—58, рис. 19, *21*.

[122] *Т. С. Пассек, Е. К. Черныш*. Памятники линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ, вып. Б1-11. М., 1963, рис. 22, *6* и др.

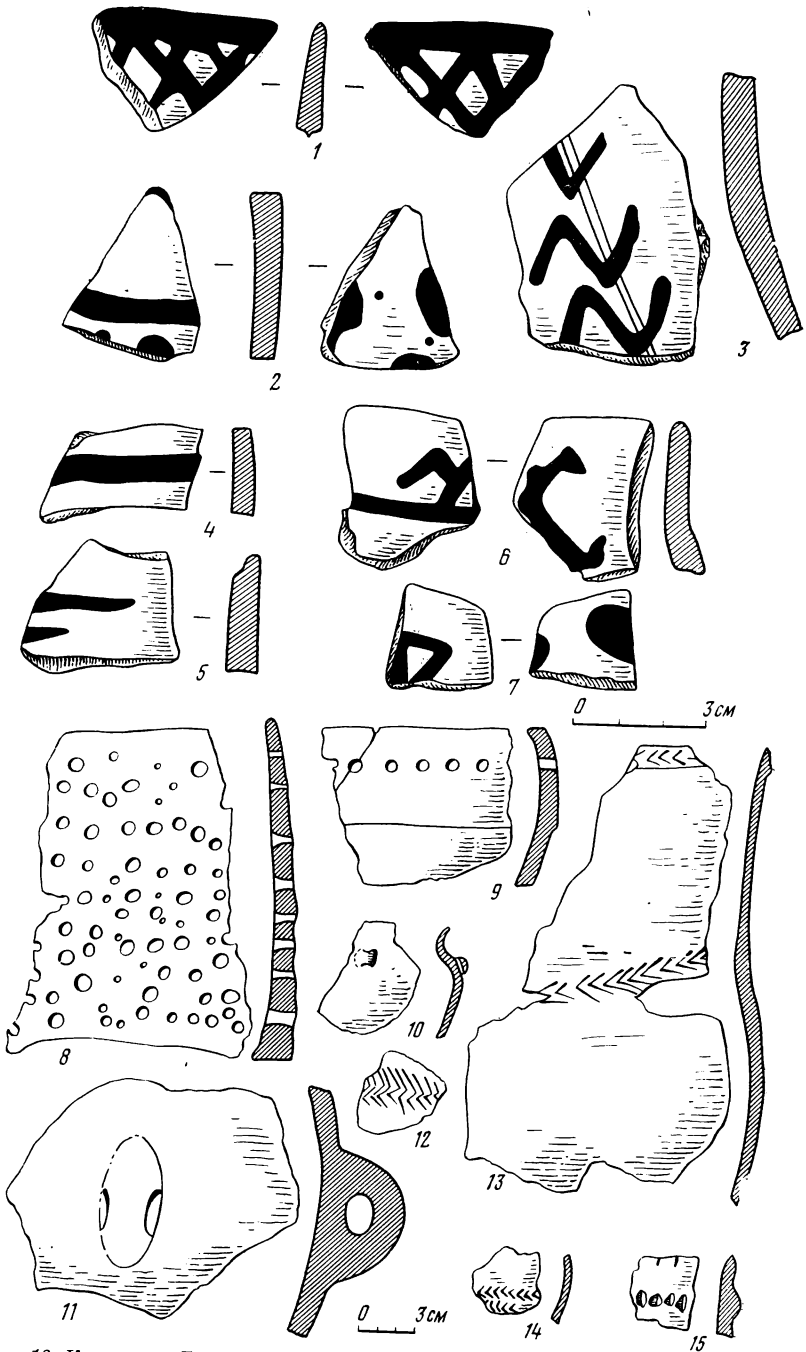

Рис. 13. Керамика Гинчинского поселения (1—15)

Гумельницы [123]. Предполагают, что это цедилки или жаровни, а чаще всего — курильницы.

Некоторые сосуды в Гинчи имели ручки — вертикальные с круглым отверстием (рис. 13, *11*) и реже в виде выступа с вертикальным отверстием (рис. 13, *10*) [124]. Некоторые сосуды украшены орнаментом двух типов — резным елочным (рис. 13, *12—14*), который может быть сопоставлен с почти аналогичным узором на образцах керамики из Шулавери и Одиши, и рельефным в виде налепной полосы с защипами (рис. 13, *15*) [125]. Последний тип орнамента в закавказской керамике не представлен.

Кроме этой, в Гинчи присутствует небольшая группа керамики, резко выделяющаяся из общей массы высоким качеством обжига, звонкостью черепка, чистотой теста, почти лишенного примесей. Она красного и красно-коричневого цвета, залощена иногда до блеска и с обеих сторон. Бóльшая часть обломков принадлежит миниатюрным тонкостенным сосудикам, видимо с плоским днищем, иногда слегка углубленным, и изредка с налепной ручкой с вертикальным отверстием (рис. 13, *10*). Есть также фрагменты высокогорлых сосудов с округлым туловом (рис. 13, *13*). Данная группа керамики рассматривается справедливо как импортная [126].

Совершенно исключительный интерес представляют фрагменты расписной керамики, обнаруженные в Гинчи [127]. Их всего десять. Шесть отличаются высоким качеством выделки, поверхность залощена, цвет желтовато-коричневый. Они принадлежат миниатюрным сосудам-мисочкам и горшочкам, расписанным обычно с двух сторон. Остальные черепки от толстостенных сосудов грубой выделки, серого, розового и коричневатого цвета. Роспись красно-коричневого цвета. Узоры в виде прямых полос, точек, округлых и овальных пятен, горизонтального ряда ломаных зигзагов и скрещивающихся линий, образующих сетку из треугольников и ромбов (рис. 13, *1—7*). Черепки от расписных сосудов высокого качества принадлежат к группе импортной керамики [128]. Что же касается грубых черепков с росписью, то они аналогичны массовой керамике поселения и в подражание привозным образцам были расписаны на месте. Надо сказать, что образцы расписных сосудов Гинчи не могут быть прямо связаны с расписной керамикой, представленной в памятниках Южного Закавказья, хотя некоторая близость их с последней очевидна. Это объясняется тем, что ни для Закавказья, ни тем более для Северо-Восточного Кавказа расписная керамика не характерна. Она попала сюда из более южных областей. Разумеется, важен сам факт присутствия расписной керамики (древнейшей крашеной посуды переднеазиатского происхождения) к северу не только от основных областей ее распространения, но и в южной части Закавказья. В настоящее время Гинчи является самым северным пунктом, в котором встречена

---

[123] *D. Berciu.* Contributii la probleme le neolithicului in Rominia. Bucureşti, 1961, стр. 308, рис. 131, *3*; стр. 472, рис. 245, *3*.
[124] *М. Г. Гаджиев.* Указ. соч., стр. 57—58, рис. 19, *13, 16*.
[125] Там же, рис. 19, *11, 14*.
[126] Там же, стр. 59.
[127] Там же, стр. 58—59; рис. 19, *3—8*.
[128] Там же, стр. 59—60.

такая керамика. Это обстоятельство и определяет важное место Гинчинского поселения в ряду энеолитических памятников Кавказа.

Относительное хронологическое положение рассматриваемого комплекса устанавливается без особых трудностей. Нижний слой Гинчи лежит под культурными отложениями, связанными с куро-аракской культурой. Стратиграфическое положение, равно как и определенная близость данного комплекса по ряду отмеченных признаков с памятниками Закавказья, позволяет датировать его IV тыс. до н. э.

Гинчинское поселение — пока единственный не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе памятник раннего земледельческо-скотоводческого типа. Ряд фактов указывает на заметное своеобразие этого памятника, свидетельствующее о самобытности древнейшей культуры Северо-Восточного Кавказа, в частности Горного Дагестана. Есть основания считать, что она складывалась на местной неолитической основе, но под определенными южными влияниями. К сожалению, для данной территории мы располагаем всего одним памятником, поэтому лишены возможности дать более полную характеристику этой культуры. Очевидно, данная культура, так же как и культура, представленная рассмотренными группами памятников Закавказья, связана в какой-то степени с тем общим процессом развития производящего хозяйства, который охватил в VII—IV тыс. до н. э. значительные области Старого Света. Любопытно и вместе с тем довольно важно то, что в эпоху энеолита, когда в Закавказье и в известной степени в Дагестане развивалась уже ранняя земледельческо-скотоводческая культура, в данных областях Кавказа довольно четко прослеживаются определенные южные влияния. Последние могут, вероятно, свидетельствовать о том, что развитие производящей экономики на Кавказе, в особенности в Закавказье, если и было в значительной степени самостоятельным, то протекало не изолированно и не без определенного влияния с юга. Вопрос о том, с памятниками каких смежных на юге и юго-западе территорий связываются рассмотренные археологические комплексы Закавказья и Дагестана, откуда шли южные влияния и т. д., является во многих отношениях важным и принципиальным. От правильного решения его зависит установление многих существенных обстоятельств, касающихся культурно-исторического развития Кавказа и прежде всего Закавказья в эпоху энеолита, когда здесь наблюдается уже сложившееся производящее хозяйство и развивается оседлая земледельческо-скотоводческая культура, появляются первые металлические изделия и т. д. Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, сделаем краткий сравнительный анализ энеолитических памятников Южного Кавказа.

Мы рассмотрели известные в настоящее время памятники, характеризующие развитие энеолитической культуры Закавказья и Дагестана. Они свидетельствуют о значительном прогрессе в культурно-исторической жизни данных областей Кавказа в эпоху энеолита, в особенности о развитии здесь сложившегося производящего хозяйства и оседлой земледельческой культуры. Этот прогресс особенно заметен, если сравнить материалы этих памятников и рассмотренных неолитических.

Устанавливается, что в эпоху энеолита была освоена значительная

территория Закавказья. Древнейшие земледельцы и скотоводы края расселились по бассейнам рек в правобережной зоне Куры, на Араратской равнине, в Нахичевани, в Мильско-Карабахской степи и на Мугани. Процесс расселения их был, несомненно, результатом развития производящего хозяйства и вызванных этим увеличения роста населения и необходимости освоения новых территорий. В каком направлении протекало это расселение или из каких «центров», сказать сейчас трудно.

В Закавказье в настоящее время представлены две группы раннеземледельческих памятников. Несмотря на некоторую территориальную разобщенность и определенное хронологическое различие, связь между ними совершенно очевидна. На это указывают прежде всего расположение всех поселений и характер представленной в них архитектуры. Во всех случаях поселения располагаются на холмах, а основным типом жилища на поселениях обеих групп является круглая в плане постройка. Налюдается близость в инвентаре в керамических комплексах.

Вместе с тем совершенно очевидно и различие между этими группами памятников. Оно выражается главным образом в том, что в памятниках типа Аликемек-тепеси, Нахичеванского Кюль-тепе I и Техута присутствует расписная керамика, тогда как на поселениях шомутепинско-шулаверской группы совершенно нет расписной посуды. В первой группе металл представлен лишь в одном памятнике [129], в то время как во второй он разнообразнее и происходит из нескольких объектов. Кроме того, керамика с памятников второй группы, особенно Техута, более разнообразна и совершенна по формам. Для последней также характерно содержание в глиняном тесте растительных примесей. Отмеченные различия следует объяснять прежде всего хронологическим положением данных групп памятников. Вероятно, определенное значение имеет и их различное географическое положение.

В культурно-историческом отношении рассмотренные группы памятников представляют собой древнейшую в Закавказье культуру оседлоземледельческого типа. Но возникает вопрос: является она одной, единой в археологическом отношении культурой с двумя локально-хронологическими вариантами, или мы имеем дело с двумя различными, хотя и близкими между собой, археологическими культурами Закавказья эпохи энеолита? Как уже отмечалось, шомутепинско-шулаверская группа памятников выделяется некоторыми исследователями в самостоятельную археологическую культуру — шомутепинскую. Для этого есть определенные основания. Эта группа памятников довольно компактно располагается на ограниченной территории Центрального Закавказья, включающей западную часть Азербайджана и Южную Грузию. Ей свойственно почти полное единообразие характера и форм домостроительства, производственного инвентаря и керамики.

---

[129] Медная бусина из Гаргалар-тепеси представляет наиболее архаический тип металлического изделия вообще и украшения в частности. Отметим для примера, что аналогичная медная бусина найдена в слое архаической Хассуны на поселении Ярым-тепе I. См.: *N. Merpert, R. Munchaev.* The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971). «Sumer», vol. 27. Baghdad, 1973, pl. V, 7.

Однако констатировать то же самое для второй группы раннеземледельческих памятников Закавказья мы не можем. Эта группа изучена сравнительно слабо. Три из раскопанных памятников данной группы — Аликемек-тепеси, Нахичеванский Кюль-тепе I и Техут,— несмотря на некоторую близость между собой, далеко не идентичны друг другу. В этой связи надо признать, что до проведения широких исследований упомянутых поселений в Мильско-Карабахской и Муганской степях вопрос об их подлинном — культурном и хронологическом — соотношении с Кюль-тепе I и Техутом, равно как и с шомутепинско-шулаверскими памятниками, не может быть признан окончательно решенным. Сейчас можно с полной уверенностью говорить о том, что рассмотренные группы раннеземледельческих памятников, датирующиеся в пределах V—IV тыс. до н. э., отражают два больших этапа в развитии раннеземледельческой культуры Закавказья. Один — относительно ранний — этап представлен шомутепинско-шулаверской локально-хронологической группой памятников, другой — сравнительно более развитый — поселениями Аликемек-тепеси, Кюль-тепе I, Техут и др. Возможно, что они генетически связаны между собой. На основании того, что известные сейчас более поздние памятники расположены в южной части Закавказья, а относительно ранние — к северу от них, делать вывод о том, что расселение древнейшего земледельческо-скотоводческого населения в Закавказье шло с севера на юг, было бы преждевременным. Понятно, что без сопоставления древнейшей оседлоземледельческой культуры Закавказья с памятниками смежных на юге и юго-западе областей невозможно решить многие из тех важных вопросов, которые естественно возникают при изучении культурно-исторического развития Закавказья и Кавказа в целом в эпоху энеолита.

В этой связи следует отметить, что представленная рассмотренными группами памятников раннеземледельческая культура Закавказья и Дагестана в общих чертах мало чем отличается от раннеземледельческих культур Малой Азии, Месопотамии, Ирана и юга Средней Азии [130]. В. М. Массон убедительно наметил известную общность древнейших оседлоземледельческих племен Южного Туркменистана, Ирана и Северной Месопотамии [131]. В настоящее время, думается, можно с некоторым основанием включить в этом ареал и Кавказ, особенно Закавказье, хотя для раннеземледельческой культуры этой области и не характерна расписная керамика. Но определенная близость раннеземледельческих памятников Закавказья и отмеченных областей Старого Света вполне очевидна.

Анатолийские, переднеазиатские и южнотуркменистанские равнинные поселения представляют собой, как правило, также тепе-телли, расположенные в бассейнах малых рек. На некоторых из этих поселений (Арпачия, Ярым-тепе II и Гавра — в Северной Месопотамии, Яланчдепе и Муллали-тепе — в Южном Туркменистане и т. д.) открыты и

---

[130] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, рис. 16.

[131] *В. М. Массон.* Восточные параллели убейдской культуры. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 11.

сырцовые круглые в плане постройки в виде толосов [132]. Больше того, известно, что в строительном деле Переднего Востока широко использовались сырцовые плоско-выпуклые кирпичи в виде «батона», аналогичные которым обнаружены и в закавказских поселениях [133]. Определенные черты сходства прослеживаются и между различными категориями производственного и бытового инвентаря, представленного в памятниках Закавказья и Древнего Востока. Правда, важнейшим атрибутом раннеземледельческих культур Ближнего Востока является расписная керамика, в то время как для культуры Закавказья она не характерна, хотя и представлена там небольшим числом импортных и местных образцов. Следует отметить также прослеживаемое в Закавказье и широко распространенное от севера Месопотамии до юга Средней Азии применение растительных примесей в глиняном тесте при изготовлении керамики [134].

Уже отмечалось, что в нижнем слое Кюль-тепе I между жилыми постройками и под ними открыто 73 погребения — скорченные на боку, на спине, с произвольной ориентировкой, в основном одиночные [135]. Некоторые костяки посыпаны красной охрой. Любопытно, что в двух погребениях найдены скелеты собак. Часть погребений содержала инвентарь — глиняные сосуды грубой лепки, различные бусины и обсидиановые изделия [136].

Погребения открыты также и в других поселениях, в частности в Бабадервише и Гинчи. В Бабадервише погребение было совершено в скорченном положении на боку. При костяке найдены кремневый скребок и два различных камня в виде колотушек [137]. В Гинчи же раско-

---

[132] *M. E. Mallowan, J. C. Rose.* Указ. соч.; *A. J. Tobler.* Excavations at Tepe Gawra, vol. II. Philadelphia, 1950, tabl. XVIII; *В. М. Массон.* Восточные параллели убейдской культуры, стр. 6—8; *В. И. Сарианиди.* Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА, вып. 91, стр. 24—25, рис. 5, *6*.

Отметим, что на Ближнем Востоке традиция сооружения круглых в плане жилищ восходит к докерамическому неолиту и даже мезолиту. Круглые постройки открыты здесь в таких ранних памятниках, как: Мурейбит, Вади-Фалла, Бейда, Эйнан, Рамад, Гандж-Дарех и др. (см. об этом подробно: *N. Merpert, R. Munchaev.* Early agricultural settlement in the Sinjar plain. Northern Iraq. «Iraq», vol. 35/2, 1973). В рассматриваемую же эпоху круглопланная жилая архитектура представлена богато в поселениях халафской культуры на севере Месопотамии. Круглые дома в виде толосов открыты, например, в Тель-Арпачии (Ирак), Гирикихасияне (Турция) и других памятниках. Более того, на халафском поселении Ярым-тепе II, как устанавливается, такие дома являлись основным типом жилой архитектуры (см.: *Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. СА, 1971, № 3, стр. 162—165; *N. Merpert, R. Munchaev.* Указ. соч.).

[133] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, стр. 338, 357. Заметим, что на Ближнем Востоке использование плосковыпуклых (плано-конвексных) кирпичей относится к более раннему времени. Так, на поселении Мурейбит (Сирия) дома были построены из булковидных кусков известняка (см.: *M. N. van Loon, J. H. Skinner.* The Oriental Institute excavations at Mareybit, Syria. JNES, vol. 27, № 3, 1963, p. 265—290).

[134] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток, стр. 13.

[135] *О. А. Абибуллаев.* Погребальные памятники из поселения Кюль-тепе, стр. 29—44.

[136] Там же.

[137] *И. Г. Нариманов.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья, стр. 122.

паны два сильно скорченных погребенных на правом боку, головой в одном случае на северо-запад, а в другом — на юго-юго-запад [138]. Они без инвентаря. Правда, в одном из погребений найдена каменная плоская круглая подвеска с отверстиями у края для подвешивания. Вероятно, аналогичные погребения еще будут открыты на других энеолитических поселениях Кавказа [139]. Но уже очевидно, что в V—IV тыс. до н. э. в Закавказье и Дагестане практиковался обычай погребения сородичей на поселении; обычай этот был широко распространен почти во всем ареале расселения древнейших оседлоземледельческих племен и связан с культом предков и всей системой идеологических представлений ранних земледельцев Старого Света. Он возник, вероятно, в пору сложения раннеземледельческих культур и отражает, по мнению, например, С. Н. Бибикова, культ, связанный с идеей обратимости, возрождения, в конечном счете вполне созвучной идее плодородия, увеличения семьи, рода и благополучия его [140].

Таким образом, по некоторым особенностям энеолитическая культура Южного Кавказа близка к раннеземледельческим культурам Ближнего Востока. Такая близость раннеземледельческих культур объясняется, вероятно, тем, что их носители находились на одном примерно уровне социального и экономического развития. Можно согласиться с В. М. Массоном, который называет период развития этих культур временем сложившейся экономики нового типа, т. е. производящего, земледельческо-скотоводческого хозяйства [141].

Объяснять близость форм материальной культуры, наблюдаемой в обширном ареале раннеземледельческих племен, только одинаковым уровнем общественного и хозяйственного развития последних было бы неправильно. Хорошо известно, что в период сложения производящего хозяйства наблюдаются расселение и перемещение племен и резко усиливаются контакты, связи и взаимодействия между отдельными группами древнейших земледельцев и скотоводов. Несомненно, что все это в конечном итоге также приводило к определенной общности культур в различных областях Старого Света. Следует особо подчеркнуть, что исключительно большую активность в расширении связей, «сферы влияния» и т. д. проявляли важнейшие центры раннеземледельческих культур, в особенности месопотамский. Известно, как широко распространялись халафская и убейдская культуры в различных направлениях [142]. Халаф-

---

[138] *М. Г. Гаджиев.* Указ. соч., стр. 56.

[139] Мы здесь не упоминаем погребения на поселениях более позднего времени, в частности эпохи ранней бронзы. К этой эпохе, кстати, относятся погребения в пещере Самерцхле-клде в Западной Грузии и в Нацар-гора в Юго-Осетии, рассматриваемые некоторыми исследователями как энеолитические (см.: *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа..., стр. 359).

[140] *С. Н. Бибиков.* Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, № 38, 1953, стр. 197—198.

[141] *В. М. Массон.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка). «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков», стр. 157.

[142] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 407—408, 415.

ско-убейдские параллели прослежены даже далеко на востоке — в Южном Туркменистане [143].

Ряд существенных фактов указывает на то, что влияния из Месопотамии шли и в северном направлении — в Северо-Западный Иран и Восточную Анатолию и оттуда на Кавказ. Кстати, переднеазиатские влияния, прослеживаемые на Кавказе еще в дохалафский период, исходят скорее всего из Северной Месопотамии. В частности, в результате этих влияний на Западном Кавказе появляются каменные орудия переднеазиатского типа. По всей вероятности, мотыжки «сочи-адлерского» типа непосредственно связаны или восходят к соответствующим типам орудий, представленным, например, в Хассуне. В предположительной форме можно также связывать резной орнамент на посуде из Одиши и памятников шомутепинско-шулаверской группы с нарезным орнаментом на хассунской керамике [144].

Более отчетливо северомесопотамские влияния прослеживаются в энеолитических памятниках Закавказья. Вероятно, открытые здесь круглые дома, сложенные из крупных сырцовых кирпичей, в том числе плосковыпуклых, обычай погребения умерших на площади поселения и сам способ захоронения в скорченном положении и т. д. связываются в культурно-историческом плане прежде всего с переднеазиатскими традициями.

В этой связи, разумеется, особое значение приобретает та небольшая группа расписной керамики, которая обнаружена в некоторых памятниках Закавказья и Дагестана. Важность ее во многих отношениях трудно переоценить. Если рассматривать эту керамику в целом, оставив в стороне, конечно, содержавшиеся почти в каждом из этих памятников местные, грубо выполненные подражания ей, то сразу бросится в глаза ее неоднородность. Другими словами, расписная керамика Нахичеванского Кюль-тепе I, будучи в общем близка аналогичной керамике из поселений Мильской степи, заметно отличается от посуды с росписью из Техута. Последняя, так же как и расписная керамика Кюль-тепе I, не идентична керамике, найденной в Гинчи. Больше того, незначительная группа расписной керамики из самого Кюль-тепе I не отличается полным единством. Это обстоятельство свидетельствует о том, что расписная керамика проникала на Кавказ из разных «центров» и, по-видимому, не в одно и то же время; другими словами, она имеет различное происхождение. Это крайне интересный и важный вопрос. И хотя данных для его решения в настоящее время явно недостаточно, мы обязаны рассмотреть его с возможной полнотой и попытаться наметить в общих чертах области или конкретные памятники, откуда эта керамика могла попасть на Кавказ. А таким образом и удается установить пути и направления культурно-исторических связей древнейшего Кавказа с Югом,

---

[143] *В. М. Массон.* Восточные параллели убейдской культуры, стр. 3—9.

[144] Укажем и на такой факт. В хассунских, халафских и даже убейдских поселениях Месопотамии часто встречаются глиняные ядра для пращи яйцевидной формы. Совершенно аналогичные глиняные предметы обнаруживаются и в энеолитических памятниках Закавказья. См.: *Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов.* О раскопках на поселении Аликемек-тепеси, стр. 481.

а также уточнить датировку и хронологическое соотношение памятников Кавказа, в которых обнаружена расписная керамика.

В этой связи рассмотрим прежде всего вопрос о наличии в кавказских комплексах халафской посуды. Уже говорилось о находках в Кюльтепе I и Техуте образцов халафской керамики. Причем в древнейшем слое Нахичеванского Кюль-тепе I мы имеем по существу один бесспорно халафский горшочек, найденный в нижних его горизонтах. И по технологическим качествам, и по форме, и, наконец, по мотивам росписи, выполненной коричневатой краской, он полностью соответствует аналогичным сосудам собственно халафской культуры.

Весьма вероятной представлялась А. А. Иессену принадлежность к халафской керамике и одного плотного расписного черепка, найденного в Кюль-тепе I на глубине 18,8 м [145]. Кроме того, он считал близкими к керамике нижнего слоя поселения Тилки-тепе в районе оз. Ван, связываемого с Халафом, еще три черепка с росписью, обнаруженных в Кюльтепе [146].

Что же касается расписных черепков из поселений Мильской степи, то там пока нет ни одного образца, который можно было бы отнести уверенно к халафской культуре. Они близки основной части расписной керамики, обнаруженной в Кюль-тепе I, но заметно отличаются от расписной посуды Техутского поселения.

Остановимся на керамике с росписью из Техута. Здесь больше керамики халафского типа, чем в Кюль-тепе I. В Техуте, например, представлены такие же миски, чашки и горшки с округлым туловом и высокой расширяющейся шейкой, которые характерны для халафской керамики [147]. Характерный халафский горшочек из Кюль-тепе I не находит аналогий в Техуте. Не могут быть прямо сопоставлены с техутской керамикой северомесопотамского типа и отмеченные несколько расписных халафских черепков из Кюль-тепе I. Еще больше бросается в глаза другое: если отдельные образцы керамики из Техута прямо аналогичны соответствующим формам халафской посуды, то мотивы и элементы росписи на сосудах Техута и Халафа не совпадают полностью. Для техутской керамики характерна преимущественно «струйчатая» роспись в виде вертикальных линий, спускающихся прямо от края венчика [148]. Выполненная в таком виде роспись для халафской керамики не характерна, но близкая по типу орнаментация имеется на посуде культуры так называемого Северного Убейда [149]. Вообще же, «струйчатая» роспись появляется значительно раньше. На это указывают фрагменты керамики в памятниках джейтунской культуры [150] и некоторых комплексах Передней

---

[145] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток..., стр. 12.
[146] Там же.
[147] *T. Dabbagh.* Halaf pottery. «Sumer», vol. 22. Baghdad, 1966, pl. X, *180*; pl. XI, *190—196.*
[148] *А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян.* Указ. соч., рисунок на стр. 62.
[149] *A. Tobler.* Указ. соч., табл. LXVIII, *a, 11, 16*; LXIX, *b, 18*; LXX, *b, 9*; LXXIV, *b, 7*; LXXVIII, *b, 16*; *T. Dabbagh.* Указ. соч. pl. XIV, *230—232*; *A. L. Perkins.* The comparative Archaeology of early Mesopotamia. Chicago, 1959, fig. 6, *25, 26.*
[150] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, рис. 5.

Азии [151]. Следует подчеркнуть, что такого мотива росписи совершенно нет на керамике Нахичеванского Кюль-тепе I.

На последней отсутствует и другой характерный для посуды Техута элемент росписи — изображения в виде ромбов, заштрихованных или иногда вписанных друг в друга. Изображения же в виде рядов ромбов, часто с косой штриховкой, довольно типичны для керамики культуры Северного Убейда. В частности, ромбовидный орнамент имеется на расписной посуде убейдских слоев Арпачии и Тепе Гавры [152]. Для месопотамской керамики характерен также расписной орнамент в виде сетки, образованной перекрещивающимися линиями [153]. Любопытно, что такой же орнамент есть и на керамике Техута [154].

Возможность сопоставления и тем самым синхронизации Техута с комплексом Северного Убейда подкрепляется и наличием в Техутском поселении отмеченных типичных форм халафской посуды. Дело в том, что культура Северного Убейда представляет собой симбиоз халафских элементов и южномесопотамских культурных традиций [155]. Поэтому неудивительно, что в убейдских слоях Северной Месопотамии постоянно присутствуют характерные типы керамики халафской культуры.

Сделанные сопоставления дают основания связывать Техутское поселение именно с Северным Убейдом, а не с предшествующей ему халафской культурой. Известно, что сфера влияния убейдской культуры по своим масштабам значительно превосходила области, испытавшие воздействия халафской культуры [156]. Североубейдские влияния, в частности, прослеживаются не только в памятниках Сирии, но и значительно к востоку от Северной Месопотамии, вплоть до Средней Азии. В частности, заметные североубейдские влияния четко прослеживаются на смежной с Закавказьем территории Северо-Западного Ирана. В этой связи необходимо отметить прежде всего поселение Пиждели-тепе, расположенное к югу от оз. Урмия, на Солдузской равнине. Все известные в настоящее время данные об этом памятнике выразительно свидетельствуют о его близости к комплексу Северного Убейда [157]. Материалы их настолько перекликаются между собой, что исследователи Пиждели-тепе готовы считать его чуть ли не памятником убейдской культуры [158]. Несомненно, что воздействия Северного Убейда на эту территорию были сильными. Поэтому-то некоторые исследователи и находят возможным видеть здесь

---

[151] *J. Deshayes.* Ceramiques paintes de Tureng Tepe. «Iraq», V, 1967, pl. 2. Отметим также, что струйчатой росписью украшены сосуды из Сиалка (III b) и Гиссара (Ia), датируемые в пределах IV тыс. до н. э.

[152] *A. Tobler.* Указ. соч., табл. LXVIII, *a, 6*; *b, 10*; *b, 4, 11*; LXX, *a, 9*; LXXI, *a, 9*; *b, 18*; LXXIV, v. *2*; LXXVI, *b, 2*; LXXVII, *b, 7*; *T. Dabbagh.* Указ. соч., табл. XIV, стр. 263—265.

[153] См., например: *A. Tobler.* Указ. соч., табл. LXIX, *a, 3*; *b, 1, 4, 22*; LXX, *a, 4, 7, 11, 25*; LXXI, *a, 11*; *b, 16*; LXXIV, *a, 8*; LXXVI, *a, 7, 8*; LXXVII, *a, 5, 16*; *b, 4, 9, 11*; *A. L. Perkins.* Указ. соч., рис. 6, *22*.

[154] *А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян.* Указ. соч., рисунок на стр. 62.

[155] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 411—414.

[156] Там же, стр. 408.

[157] Там же, стр. 417—422.

[158] *R. H. Dyson, T. C. Young.* The Solduz Valley, Iran: Pisdeli-Tepe. «Antiquity», 1960 № 133, p. 19—28.

локальный вариант Северного Убейда [159]. По всей вероятности, активное проникновение в смежные с Закавказьем области Ирана убейдских культурных элементов следует связывать скорее всего с инфильтрацией сюда отдельных групп населения из Северной Месопотамии, имевшей место, по-видимому, около середины IV тыс. до н. э. [160]

Прежде чем попытаться ответить на вопрос, откуда в Закавказье проникали месопотамские влияния, необходимо коснуться и других энеолитических памятников, открытых как в Северо-Западном Иране, так и в Восточной Анатолии. Речь пойдет о поселениях Геой-тепе и Яник-тепе в Приурмийской области и Тилки-тепе в районе оз. Ван.

Начнем с Восточной Анатолии. Эта горная область непосредственно примыкает к юго-западной части Закавказья и крайней северо-западной части Ирана. Следовательно, через эту территорию и могли проходить важнейшие пути, связывавшие Северную Месопотамию с Закавказьем. К глубокому сожалению, археологические памятники на этой важной территории, в особенности интересующего нас времени, по существу не исследованы. Но то, что они здесь имеются и, видимо, в немалом количестве,— несомненно. На это указывают как раскопанное здесь поселение Тилки-тепе [161], так и результаты разведочного обследования ряда районов в данной области, проведенного Ч. Барнеем [162].

Тилки-тепе содержит три слоя, различающихся между собой по характеру представленной в них керамики. Древнейший слой мощностью 2 м дает типичную халафскую расписную керамику [163]. Средний слой Тилки-тепе (около 5 м) содержит исключительно нерасписную керамику. Последняя не может быть уверенно связана пока ни с одним известным керамическим комплексом. И наконец, в верхнем слое толщиной почти 1,5 м представлена посуда с примесью в глине соломы. Отдельные образцы ее украшены вертикальными прямыми или волнистыми линиями, выполненными красной краской. Словом, это тот же самый мотив росписи, который характерен для расписной посуды Техута.

Приведенные данные, таким образом, позволяют синхронизировать Техут с наиболее поздним слоем Тилки-тепе. Там присутствует такая же керамика с примесью соломы или песка, отдельные образцы которой украшены красной росписью, по мотивам совпадающей с орнаментом

---

[159] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 217.

[160] В настоящее время имеется ряд абсолютных радиокарбонных дат, полученных для памятников, связанных с Северным Убейдом. В частности, убейдский слой Гавры (XVII—XVIII) датирован 3446 ± 325 лет до н. э. (см.: *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 413) и 3450 ± 800 лет до н. э. (см.: *P. J. Watson.* The chronology of North Syria and North Mesopotamia from 10 000 B. C. to 2 000 B. C. «Chronologies in Old World archaeology». Chicago — London, 1965, p. 88). Четыре даты получены и для Пиждели-тепе. Это 3857±88; 3688±85; 3674±164 и 3510± ±160 лет до н. э. (см.: *P. J. Watson.* Указ. соч., стр. 89).

[161] Краткие историографические сведения о данном памятнике приведены в работе А. А. Иессена «Кавказ и Древний Восток...», стр. 11.

[162] *C. A. Burney.* Eastern Anatolia in the chalcolithic and early bronze age. AS, VIII, 1958, p. 159—161.

[163] *C. A. Burney.* Eastern Anatolia in the chalcolithic..., стр. 160; *A. L. Perkins.* The comparative archaeology of early Mesopotamia. SAOC, № 25. Chicago, 1959, p. 31; *T. Dabbagh.* Указ. соч., стр. 32, табл. I.

посуды Техута. Что же касается Нахичеванского Кюль-тепе I, то безусловно, что определенные горизонты его нижнего слоя, в частности те, в которых найдены образцы типично халафской керамики, могут быть синхронизированы с древнейшим слоем Тилки-тепе. Следовательно, Техут по возрасту несколько моложе Кюль-тепе I, хотя вполне возможно, что на позднем этапе развития древнейшего поселения в Кюль-тепе возникло уже и Техутское поселение. Таким образом определяется относительное хронологическое положение двух важных раннеземледельческих поселений Закавказья.

Вернемся к памятникам Восточной Анатолии. Надо отметить, что Тилки-тепе не единственный пункт, где представлена халафская и убейдская керамика. Ч. Барней отмечает находки халафской керамики на холме Куюлюк близ Хеким-хана, между Малатьей и Сивасом [164]. Здесь же и еще в трех пунктах (в Исакей, Арслан-тепе и Фурунку) найдены также образцы убейдской керамики. Всего обнаружено здесь, за исключением Тилки-тепе, около десяти фрагментов той и другой керамики, происходящей из Северной Месопотамии или Северной Сирии. Это и неудивительно, так как памятники, на поверхности которых найдены черепки, еще не подвергались раскопкам [165]. Такая керамика может быть обнаружена и в памятниках других районов Восточной Анатолии и в частности в северо-восточных [166]. Независимо от этого уже в настоящее время имеются достаточные основания предполагать определенные контакты и связи Восточной Анатолии с Месопотамией и Сирией на протяжении не только V тыс. до н. э., как считает Ч. Барней [167], но и IV тыс. до н. э. Следовательно, Восточная Анатолия и могла быть одной из тех областей, откуда отдельные образцы месопотамской керамики проникали в Закавказье. При этом, конечно, нельзя исключать того, что импорт в Закавказье мог идти непосредственно из Северной Месопотамии или Сирии, но важнейшие пути должны были все равно проходить через территорию Восточной Анатолии.

Мы уже дали характеристику одного из памятников — Пиждели-тепе, связанного с культурой Северного Убейда и доказывающего отчетливо проникновение в Северо-Западный Иран из Месопотамии или Северной Сирии в убейдское время не только культурных, но, вероятно, и этнических элементов. Но памятником, к которому чаще всего обращаются кавказоведы, переоценивая его значение, является многослойное поселение Геой-тепе в районе г. Резайе, на западном побережье Урмии [168]. На Геой-тепе (450×270 м) открыто шесть слоев. Возможно, там есть и другие слои, так как раскоп не был доведен до материка. В плане

[164] *C. A. Burney.* Eastern Anatolia in the chalcolithic..., p. 158.

[165] Там же, стр. 161.

[166] Отметим, кстати, что в последние годы в Юго-Восточной Турции в районе Диярбекира экспедиция Чикагского и Стамбульского университетов под руководством Р. Брейдвуда и Х. Камбел исследует поселение халафской культуры Гирикихасиян с характерной круглопланной жилой архитектурой и типичной расписной керамикой. См.: *R. Braidwood, H. Cambel, P. J. Watson.* Prehistoric investigations in South-Eastern Turkey. «Science», 13 june 1969, vol. 164, p. 1275—1276.

[167] *C. A. Burney.* Eastern Anatolia in the chalcolithic..., p. 159.

[168] *T. Burton-Brown.* Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951.

нашего исследования интерес представляют два слоя: «М» и «К». Геой-тепе «К» содержит материалы куро-аракской культуры. Под ним, как и в Кюль-тепе I, лежит более древний слой — «М».

Но если Геой-тепе «К» соответствует второму слою Нахичеванского Кюль-тепе I как по мощности слоя, так и по характеру материала, то этого нельзя сказать в отношении слоя «М». Последний значительно уступает по толщине нижнему слою Кюль-тепе I (толщина его 0,95 м). Главное в другом. Несмотря на то, что слой «К» исследован на довольно ограниченной площади (40 кв. м), ясно, что он содержит иной по своей культурной принадлежности инвентарь, особенно керамику [169]. Близость же между керамикой Кюль-тепе I у Нахичевани и Геой-тепе «М», как показал еще А. А. Иессен, выражается лишь в одном признаке — в наличии в глиняном тесте растительных примесей [170]. В остальном же между керамикой этих памятников нет ничего общего. Геой-тепе «М» дает богатую расписную керамику [171], отличающуюся как стилем и мотивами росписи, так и совершенством и разнообразием форм от той, которая представлена в нижнем слое Кюль-тепе I и поселениях Мильской степи [172]. Нельзя не указать в данной связи и на различие форм жилой архитектуры в Геой-тепе «М» и в Кюль-тепе I. Для последнего, как известно, характерны круглоплановые дома, а в Геой-тепе «М» открыты пока только остатки прямоугольных построек.

Таким образом, совершенно очевидно отсутствие серьезных оснований связывать между собой эти два памятника и тем более объединять их в одну культурно-историческую группу, как это делают некоторые исследователи [173]. Они и хронологически далеко не соответствуют друг другу. Ряд весьма убедительных данных указывает на то, что поселение Геой-тепе «М» моложе древнейшего поселения в Кюль-тепе I. Оно возникло, по-видимому, на заключительном этапе жизни раннего поселения Кюль-тепе, в позднеубейдское время [174]. Известно, что нижний горизонт (на уровне 18,8 м) Кюль-тепе I датируется по C_{14} началом IV тыс. до н. э. Одна радиокарбонная дата получена и для Геой-тепе «М» [175]. Судя по ней, это поселение датируется второй половиной IV тыс. до н. э. Не удивительно поэтому и отсутствие в Геой-тепе «М» образцов типично халафской керамики [176]. Но нет образцов халафского типа посуды и в

---

[169] В Геой-тепе «М» найдены обычные для раннеземледельческих поселений каменные и костяные орудия. Обнаружено также три медных предмета. Керамика светлоангобированная, содержит в тесте много примесей соломы. Росписи выполнены коричневой краской.

[170] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток..., стр. 10.

[171] Там же.

[172] Там же.

[173] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа..., стр. 353.

[174] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток..., стр. 11. Ряд авторов, надо сказать, не без оснований ожидают, что Геой-тепе «М» моложе Пиждели-тепе. См., например: *R. H. Dyson, T. C. Young.* Указ. соч., стр. 24—28; *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 236.

[175] Эта дата (3300 лет до н. э.) приведена в статье Р. Дайсона и Т. Янга (см.: *R. H. Dyson, T. C. Young.* Указ. соч., стр. 26).

[176] Пока нет достаточных оснований сопоставлять керамические комплексы Геой-

нижележащем слое Геой-тепе. Вообще же ни в одном из известных нам в настоящее время ранних оседлоземледельческих памятников Северного Ирана не найдено халафской керамики. Поэтому можно считать, что эта область Ирана, как и центральная его часть, в отличие от Восточной Анатолии, находилась вне сферы влияния халафской культуры. Отсюда несомненно, что представленные в Нахичеванском Кюль-тепе I отдельные образцы халафской керамики могли попасть сюда не из Северо-Западного Ирана, а из Восточной Анатолии, в частности из бассейна оз. Ван.

Это не значит, что в халафское время не было связей между племенами Закавказья и населением Северного Ирана. До недавнего времени считалось, что в этой части Ирана нет более ранних оседлоземледельческих памятников, чем Пиждели-тепе и Геой-тепе. Например, В. М. Массон отмечал, что здесь нет памятников, соответствующих Сиалку I и II в Центральном Иране [177], и высказывал предположение, что первыми земледельцами в приурмийских долинах были, вероятно, выходцы из Северной Месопотамии [178], появившиеся здесь в IV тыс. до н. э.

В минувшее же десятилетие на территории Иранского Азербайджана открыт ряд памятников раннеземледельческого типа. Они предшествуют по времени поселениям Геой-тепе и Пиждели-тепе и соответствуют хронологически, вероятно, Халафу [179]. В них представлена довольно необычная керамика, указывающая на определенное своеобразие бытовавшей здесь древнейшей оседлоземледельческой культуры [180]. Памятники этой культуры изучены слабо, и многие вопросы, связанные с ее осмыслением, пока неясны.

Среди этих памятников наибольший интерес вызывают поселения Яник-тепе и Долма-тепе [181]. Яник-тепе находится в 25 км к юго-западу от г. Тавриза. Раскопки выявили здесь ряд культурных горизонтов, поздний из которых датируется серединой I тыс. до н. э. [182]. Открыт мощный слой куро-аракской культуры. Под ним находится слой с энеолитической керамикой.

тепе «М» и Тилки-тепе I, как это делает, например, Ч. Барней (см.: *C. A. Burney.* Eastern Anatolia in the chalcolithic..., p. 160). На это обратил внимание еще А. А. Иессен (см.: *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток..., стр. 12).

[177] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 191.

[178] Там же, стр. 217.

[179] Укажем, что древнейший слой поселения Хаджи-Фируз близ Хасанлу южнее Урмии датирован по C_{14} 5537 лет до н. э. Вышележащий слой там же дал дату 5152 года до н. э. См.: *J. Mellaart.* Указ. соч., стр. 72, 74. К концу V тыс. до н. э. относится поселение Долма-тепе в том же районе и другие связанные с ним памятники Северного Ирана. См.: *P. J. Watson.* Указ. соч., стр. 88.

[180] С точки зрения археологической, это, видимо, даже не одна культура, а ряд отличных друг от друга в культурно-хронологическом отношении комплексов. Д. Мелларт, например, говорит об отдельных культурах Долмы и Хаджи-Фируза (см.: *J. Mellaart.* Указ. соч., стр. 69—74).

[181] *J. Mellaart.* Указ. соч.

[182] *C. A. Burney.* Excavations at Yanic Tepe, North-West Iran. «Iraq», XXIII, № 2, 1961, p. 138—153; *он же.* Excavations at Yanic Tepe, Azerbaijan, 1961. Second preliminary report. «Iraq», XXIV, № 2, 1962, p. 134—149; *он же.* Excavations at Yanic Tepe, Azerbaijan, 1962. «Iraq», XXV, part I, 1964. Circular buildings found at Yanic Tepe, in North-West Iran. «Antiquity», 1961, XXXV, № 139, p. 237—240; и др.

К сожалению, из-за близости подпочвенных вод не удалось изучить как следует наиболее ранние культурные слои поселения Яник-тепе [183]. На раскопанном участке мощного энеолитического слоя открыты остатки узких сырцовых построек. Этот слой содержит в основном однообразную керамику грубой ручной лепки с примесями соломы. Но здесь найдены также и сосуды высокого качества, отличающиеся прекрасным обжигом и хорошо залощенной поверхностью, украшенной иногда черной и коричневой росписью по светло-коричневому ангобу [184]. В орнаментации представлены простые шевроны, заштрихованные треугольники и другие элементы росписи [185], близкие тем, которые есть на керамике из Нахичеванского Кюль-тепе I и поселений в Мильской степи [186].

Нахичеванский Кюль-тепе I и поселения в Мильско-Карабахской и Муганской степях могут быть связаны скорее всего с североиранскими памятниками типа Яник-тепе. Между ними значительно больше общего, чем, например, между Кюль-тепе I и Геой-тепе «М». Для Яник-тепе, как видим, также не характерна расписная керамика. А та, что есть, близка по элементам росписи, найденной в Закавказье. На муганских поселениях обнаружены фрагменты нерасписных сосудов довольно высокого качества, которые вполне сопоставимы с некоторыми образцами такого же качества и цвета керамики из Яник-тепе. Можно сравнивать и формы сосудов, в частности чаши и миски. Кроме того, закавказские памятники сближаются с Яник-тепе присутствием в глиняном тесте керамики растительных примесей и, наконец, по одинаковому красноватому или красно-коричневому цвету основной массы керамики.

По утверждению Ч. Барнея, вдоль восточного побережья Урмии расположен целый ряд поселений именно с такой красноангобированной керамикой, иногда с орнаментом, выполненным черной или темно-коричневой краской, как в Яник-тепе. Он объединил эти памятники в одну восточноприурмийскую зону, в отличие от западноприурмийской зоны, куда входят памятники с расписной керамикой (Пиждели-тепе, Геой-тепе «М») [187]. По нашему мнению, мильско-нахичеванские и муганские поселения связываются в значительной степени с восточноприурмийской группой памятников, которая по возрасту старше поселений Пиждели-тепе

---

[183] Небольшой материал из древнейшего горизонта представлен обломками нерасписной керамики, алебастровыми сосудами, каменными браслетами и несколькими статуэтками, выполненными, по мнению Д. Мелларта, в северозагросских традициях (см.: *J. Mellaart*. Указ. соч., стр. 74).

[184] *C. A. Burney*. Excavations at Yanic Tepe, Azerbaijan, 1961, p. 135. Благодаря любезности доктора Ч. Барнея мы имели возможность в 1972 г. в Манчестерском университете познакомиться с материалами из Яник-тепе, а также с небольшой коллекцией керамики из Долма-тепе, Геой-тепе и Хаджи-Фируза.

[185] Там же, рис. 8—10.

[186] На одном обломке сосуда из Яник-тепе дано схематическое изображение козла, выполненное черной краской (см.: там же, рис. 11). На халафской посуде имеются изображения козлов (см.: *T. B. Dabbach*. Указ. соч., рис. 319). Но изображение козла на яниктепинском черепке больше соответствует по стилю изображению этого же животного на керамике Центрального Ирана и Южного Туркменистана, чем Месопотамии. Пожалуй, более интересны изображения человеческого лица на керамике Яник-тепе.

[187] Там же, стр. 37—38.

и особенно Геой-тепе «М». Датировка этой группы памятников концом V — началом IV тыс. до н. э. подтверждается рядом данных.

Таким образом, мы можем с достаточным основанием говорить о том, что расписная керамика (за исключением, разумеется, единичных халафских образцов и местных подражаний) из Нахичеванского Кюль-тепе I и поселений в Мильской степи, а также на Мугани, попала в Закавказье из Иранского Азербайджана, в частности из восточноприурмийских районов или во всяком случае через эту территорию. К сожалению, до сих пор неясно происхождение небольшой группы расписной керамики и отдельных образцов высококачественной нерасписной посуды, представленной в самих восточноприурмийских памятниках. Бесспорно, что истоки их тянут на юг и юго-запад. Возможно, они восходят к древнейшей расписной керамике загросской культурной общности [188], представленной, в частности, в Тепе-Гуране [189]. Дело в том, что элементы росписи на керамике Яник-тепе и мильско-нахичеванской группы поселений удивительно напоминают орнаментацию на древнейшей расписной посуде Тепе-Гурана [190]. Но не исключено, что происхождение интересующей нас керамики связано с другими памятниками. Известно, что и в Северном Иране и в Восточной Анатолии в рассматриваемую эпоху существовали свои центры развития расписной керамики. На это, в частности, указывают соответствующие материалы из поселений Хаджи-Фируз и Долма-тепе в районе Хасанлу на Солдузской равнине. Кстати, комплекс Долма-тепе, исследованный в начале 60-х годов Т. Янгом [191], представляет определенный интерес и в плане нашего исследования.

Особенностью древнейшего слоя Долма-тепе является необычная для Ирана грубоватая нерасписная керамика [192]. Она украшена отпечатками трубчатой кости, гребня, острия, пальцевыми защипами и небольшими округлыми налепами. Встречаются также сосуды, поверхность которых ниже края венчика обмазана жидкой глиной. Обращают внимание следы отпечатков ткани или рогожи на этой керамике. Этот слой Долма-тепе датирован по C_{14} второй половиной V тыс. до н. э.[193] Такая же дата получена и для Тепе-Сиябида в долине Керманшаха, откуда происходит аналогичная керамика [194]. Сейчас известно еще несколько памятников с подобной посудой. В частности, образцы такой керамики встречены и в энеолитическом слое Яник-тепе. Судя по карте, составленной Д. Меллартом, эта керамика, называемая тисненой (impressed ware), распростране-

---

[188] См. о ней: *P. Mortensen.* Additional Remarks on the Chronology of Early Village-Farming Communities in the Zagros Area. «Sumer», vol. 20, № 1-2. Baghdad, 1964.

[189] Поселение Тепе-Гуран находится к югу от Керманшаха, в Загросской области, пограничной с Месопотамией.

[190] *P. Mortensen.* Указ. соч., рис. 3; *J. Mellaart.* Указ. соч., стр. 51, рис. 27.

[191] *T. C. Young.* Dalma ware. JLN, 1962, N 2; *он же.* Dalma Printed Ware. «Expedition», 1963, 5, N 2; *R. H. Dyson.* Early Cultures of Solduz, Azerbaijan. «A Survey of Persian Art», vol. XIV, part A, 1960, p. 2951—2957; *J. Mellaart.* Указ. соч., p. 70—71; *он же.* The earliest settlements in Western Asia. Cambridge, 1957, p. 46—47.

[192] *T. C. Young.* Dalma ware; *R. H. Dyson.* Указ. соч., рис. 1026; *J. Mellaart.* The earliest civilizations..., fig. 42.

[193] *P. J. Watson.* Указ. соч., стр. 88 (4216 ± 90 лет до н. э.).

[194] Дата Тепе-Сиябида по C_{14} 4039 лет до н. э. См.: *J. Mellaart.* The earliest civilizations..., p. 69.

на на узкой полосе от восточноприурмийской области до Гияна и даже южнее [195]. Происхождение ее остается до сих пор совершенно неясным. Высказывается предположение, что появление данной керамики здесь связано с экспансией сюда отсталых горных племен из Иранского Курдистана [196]. Мы в данном случае не ставим себе целью выяснять ее происхождение. Но нам придется сделать ряд замечаний в связи с тем, что в наших памятниках представлены образцы посуды, близкие по характеру керамике Долма-тепе.

Думается, что вполне допустимо сопоставление керамики из поселений шомутепинско-шулаверской группы с посудой Долма-тепе. Вспомним, что на отдельных сосудах из этих поселений имеются оттиски рогожи. Кроме того, подобно долматепинским, некоторые формы этой керамики украшены расположенными в ряд или кучно шишкообразными [197], а также вертикальными налепами.

И в поселениях на Мугани найдены фрагменты посуды, сопоставимые с керамикой Долма-тепе. Например, обломок красноглиняного сосуда с грубой обмазкой поверхности, обнаруженный на одном из Мишарчайских поселений [198], а также фрагмент горшка с налепным валиком из Гурудере I в районе Астраханбазара [199]. Бесспорного внимания в данном аспекте заслуживают образцы керамики, найденные на поселении Иланлы-тепе в Карабахской степи. Там представлены сосуды, нередко украшенные штрихами, оттиснутыми треугольниками и кругло-овальными ямками, подобно сосудам Долма-тепе [200].

Что же касается той небольшой группы высококачественной керамики красно-коричневого цвета из Гинчинского поселения в Дагестане, то ее можно сопоставить с соответствующими материалами из Северного Ирана (восточноприурмийские памятники). Попала она в Дагестан из Закавказья или через Закавказье из Ирана. Определенная близость с керамикой долматепинского типа проявляется в массовой посуде Гинчи. Известно, например, что в Гинчи найдены сосуды с оттисками рогожи на поверхности; некоторые из них также украшены налепными валиками с пальцевыми защипами.

В этой связи интересна та группа массовой керамики Гинчи, поверхность которой грубо обмазана жидкой глиной. Она близка по характеру обработки поверхности определенной группе долматепинской посуды. Крайне любопытно, что на дагестанских горшках подобного типа и на соответствующих долматепинских ниже края венчика имеется обычно хорошо заглаженная или даже залощенная узкая полоска. Таким образом, можно говорить об определенной взаимосвязи между керамическими

---

[195] *J. Mellaart.* Earliest civilizations... p. 67, fig. 41.

[196] Там же, стр. 70.

[197] Сосуды, украшенные такими же выступами, встречены и в энеолитических памятниках Армении (Кхзяк-блур, Шенгавит I и Маштоц-блур). Они по форме близки долматепинским чашам. См.: *С. А. Сардарян.* Указ. соч., стр. 142, табл. XI.

[198] *И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов.* Энеолитические памятники на Мугани, стр. 91.

[199] Там же, стр. 92.

[200] *И. Г. Нариманов.* Исследование энеолитических поселений..., стр. 316; *он же.* Раскопки энеолитического поселения..., стр. 396—397.

комплексами Долма-тепе и Гинчи. Видимо, это обстоятельство и прольет свет на невыясненный до сих пор важный вопрос о происхождении керамики с грубой шероховатой поверхностью, получившей широкое распространение в Дагестане в эпоху бронзы. Хотя такая керамика отмечена в комплексе позднего неолита Дагестана, утверждать, что она местного происхождения, мы пока воздерживаемся, хотя это и не исключено. Аналогичная дагестанской посуда с обмазанной жидкой глиной поверхностью и иногда украшенная налепными полосками с защипами представлена в комплексах раннего Триполья [201]. Нельзя в этой связи не отметить, что Д. Мелларт находит возможным сопоставить керамику Долма-тепе с грубой посудой Киликии, Сирии, Ливана, Палестины, а также Фессалии, Македонии и Балкан (Старчево) [202]. Если с ним согласиться, то можно значительно удлинить эту «цепь», протянув ее от Северо-Восточного Кавказа через Переднюю и Малую Азию на Балканы и далее к Северному Причерноморью.

Комплекс Долма-тепе, поставивший ряд новых проблем в археологии Ирана, по существу только начал изучаться. Поэтому многие вопросы, связанные с его интерпретацией, еще не выяснены, в особенности вопрос о генезисе. Когда говорится о комплексе Долма-тепе, необходимо иметь в виду относительно поздний слой этого памятника, лежащий непосредственно над рассмотренным нами и характеризующийся оригинальной расписной керамикой [203]. Нет надобности подробно рассматривать здесь эту керамику. Укажем только, что она иногда лощеная, имеет в тесте большую примесь соломы. Роспись нанесена черной, коричнево-бурой или вишневой краской по светлому фону. Элементы росписи — заштрихованные треугольники, ромбы, вписанные друг в друга, зигзагообразные линии и т. д. Эта керамика, как видим, по мотивам росписи весьма близка некоторым образцам расписной посуды из Нахичеванского Кюль-тепе I и поселений в Мильско-Карабахской степи. В таких поселениях, как Иланлы-тепе, Кюлли-тепе и Рус-тепеси [204], отдельные сосуды с обеих сторон окрашены вишневой краской, точно так же, как в Долма-тепе. Отметим еще, что в Геой-тепе (Карабахская степь) найдены обломки сосудов, нижняя часть которых, как у долматепинских горшков, покрыта глиняной обмазкой, а верхняя — залощена [205]. Едва ли такие поразительные совпадения случайны.

Укажем здесь же, что немногие расписные черепки из Гинчинского поселения сближаются скорее всего с долматепинской керамикой, а не с халафской посудой, как считают, например, Т. Н. Чубинишвили и К. Х. Кушнарева [206]. Ведь элементы росписи на гинчинских черепках

---

[201] *С. Н. Бибиков.* Указ. соч., стр. 129—130, рис. 52.
[202] *J. Mellaart.* Earliest civilizations..., p. 70.
[203] *T. C. Young.* Dolma Printed Ware.
[204] *И. Г. Нариманов.* Исследование энеолитических поселений..., стр. 317; *он же.* Кюлли-тепе и Геой-тепе, стр. 374.
[205] *И. Г. Нариманов.* Кюлли-тепе и Геой-тепе, стр. 374.
[206] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа..., стр. 349. Следует указать, что они же расписную керамику Нахичеванского Кюль-тепе I относят целиком к Халафу (там же, стр. 354).

совершенно не совпадают с орнаментацией халафской керамики[207], в то время как они могут быть вполне сопоставлены с определенными мотивами на посуде Долмы. Слой Долма-тепе с расписной керамикой датируется по радиокарбону концом V — началом IV тыс. до н. э.[208] Таким образом, хронология данного комплекса в целом совпадает в значительной степени с датировкой, устанавливаемой для памятников раннеземледельческой культуры Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. Причем важно и такое обстоятельство: если керамика древнейшего слоя Долма-тепе содержит признаки, находящие определенные соответствия в относительно ранней группе памятников этой культуры, то вышележащий слой дает расписную керамику, близкую обнаруженной в сравнительно поздних памятниках Южного Кавказа.

Обобщая приведенные данные, касающиеся проблемы связей памятников Закавказья V—IV тыс. до н. э. с синхронными культурами смежных на юге областей, можно прийти к следующим заключениям. Во-первых, памятники Южного Кавказа содержат материалы, указывающие на их связи с северомесопотамским культурным миром. Речь идет прежде всего о Нахичеванском Кюль-тепе I и Техутском поселении. Первый из них (на ранних этапах своего развития) свидетельствует о связях с культурой собственно Халафа, второй — с комплексом Северного Убейда. Эти связи, в особенности с Халафом, были в общем довольно слабы и шли скорее всего из Ванской области.

Во-вторых, накопленные данные указывают на то, что и в V и в первой половине IV тыс. до н. э. Южный Кавказ в культурно-историческом отношении тяготел больше к другому, североиранскому миру. Новейшими исследованиями на территории Иранского Азербайджана открыта целая группа памятников, позволяющая рассматривать данную область как один из очагов развития самобытной культуры раннеземледельческого типа. Последняя развивалась независимо от культур Центрального Ирана и Месопотамии, однако, по-видимому, она находилась с ними в определенных контактах. К сожалению, как отмечалось, пока еще неясны многие существенные вопросы, связанные с ее осмыслением, так же как до сих пор не выяснен ряд важных проблем, касающихся всесторонней интерпретации древнейшей оседлоземледельческой культуры Закавказья, да и Кавказа в целом. Но несмотря на это уже совершенно очевидно, что и на Южном Кавказе и в Северном Иране существовали самобытные культуры раннеземледельческого типа, связанные между собой значительно больше, чем с культурами других смежных областей. Если А. А. Иессен в свое время говорил о тяготении конкретно нахичеванско-мильских поселений к широкому восточнопереднеазиатскому культурному миру, то мы сейчас можем признавать связи раннеземледельческих памятников Закавказья и Северо-Восточного Кавказа с конкретным кругом памятников восточных областей Передней Азии, локализующихся в Северном

[207] М. Г. Гаджиев осторожно, в общей форме говорит о возможности сопоставления расписных черепков из Гинчи с керамикой памятников типа Геой-тепе «М», Тилки-тепе, Нахичеванского Кюль-тепе и других (см.: *М. Г. Гаджиев.* Указ. соч., стр. 59).

[208] *P. J. Watson.* Указ. соч., стр. 88.

Иране. Подчеркиваем, что речь идет только о связях и, вероятно, некоторых взаимовлияниях раннеземледельческих общин Южного Кавказа и Иранского Азербайджана [209]. Поэтому объединять памятники Закавказья и Северного Ирана (в особенности Геой-тепе «М») в одну культурно-историческую группу [210] едва ли правомерно [211]. Дело в том, что несмотря на некоторую близость между ними имеются и значительные различия, указывающие на их в общем самостоятельное развитие. А это дает нам основание с большей определенностью говорить о местном происхождении рассмотренной оседлоземледельческой культуры Закавказья, а также предполагать, что в сложении производящей экономики на Кавказе, в особенности на Южном Кавказе, решающая роль принадлежала, видимо, не внешним импульсам, а местным факторам.

Мы рассмотрели с возможной полнотой значительную серию раннеземледельческих памятников Закавказья, а также Дагестана. Аналогичные им памятники до сих пор не открыты в других областях Кавказа, в частности в районах Кавказского Причерноморья и Северного Кавказа. Возможность открытия их здесь не исключена. Хотя подобных закавказским поселениям и Гинчинскому в Дагестане здесь нет, едва ли можно сомневаться в том, что и на Кавказском Причерноморье и в центральных районах Северного Кавказа развивалась энеолитическая культура, причем носителями этой культуры были местные земледельческо-скотоводческие племена. Об этом свидетельствует открытая здесь небольшая группа памятников: поселение Тетрамица в Западной Грузии, памятники на территории Абхазии и к северу от нее и древнейшая группа погребений Нальчикского могильника. Чтобы составить представление об этих памятниках и содержащихся в них материалах и таким образом проследить особенности культурно-исторического развития населения данных областей Кавказа в интересующую нас эпоху, кратко остановимся на них.

Поселение Тетрамица находилось на правом берегу р. Риони, в г. Кутаиси [212]. Оно располагалось на вершине небольшого холма. К сожалению, холм Тетрамица («Белая земля») не подвергался раскопкам. Обследование памятника ограничилось по существу сборами подъемного материала. Поэтому невозможно судить о стратиграфии этого памятника [213].

---

[209] Такими взаимовлияниями, вероятно, и следует объяснять приведенные факты. Уже отмечалось, что некоторые исследователи связывают появление грубой керамики долматепинского типа на севере Ирана с экспансией туда горцев из Иранского Курдистана. В таком случае можно с большим основанием говорить о проникновении сюда населения из Закавказья. Степень изученности и североиранских и закавказских раннеземледельческих памятников такова, что ни одно решение этих вопросов в настоящее время не может быть признано обоснованным.

[210] *Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа..., стр. 353.

[211] Разумеется, это не значит, что граница между культурами, с одной стороны, Закавказья, а с другой — Северного Ирана, проходила по Араксу. Где она конкретно проходила, где эти памятники смыкались,— покажут будущие исследования.

[212] *Н. З. Киладзе.* Указ. соч.

[213] По всей вероятности, это однослойный памятник, хотя коллекция находок при

Судя по находкам кусков глиняной обмазки стен жилищ [214], следует предполагать, что дома здесь представляли собой легкие плетеные постройки.

На Тетрамице обнаружены разнообразные орудия труда из обсидиана, кремня, песчаника, базальта и других пород камня [215]. Большой архаичностью отличается кремневый инвентарь, хотя в его составе не представлены микролитические орудия геометрических форм. Он почти совершенно аналогичен соответствующему инвентарю из неолитических комплексов Западной Грузии. То же самое можно сказать и в отношении некоторых других категорий материала. В кремневом инвентаре Тетрамицы, в частности, преобладают скребки, встречаются резцы, проколки и различные комбинированные орудия [216]. Кроме того, найдены кремневые нуклеусы, пластины, отщепы и т. п.[217]

Бесспорно, что каменная индустрия Западной Грузии рассматриваемой эпохи развивалась на основе неолитической техники. Материалы Тетрамицы свидетельствуют о значительном увеличении в то время производства каменных орудий труда, связанных с земледельческим процессом. Здесь представлены крупные мотыгообразные орудия, в том числе мотыжки «сочи-адлерского» типа, и макролитические орудия типа «пик» [218], служившие, вероятно, для разрыхления почвы. Обращает внимание большое количество найденных здесь зернотерок — до 30 обломков. Обнаружены также песты, каменные ступки и кремневые серповые вкладыши с одним зубчатым краем [219]. Отмеченные факты показывают, что земледелие имело немаловажное значение в хозяйстве обитателей Тетрамицы. Можно предполагать, что они занимались и скотоводством.

С большей определенностью можно говорить о занятиях охотой. Здесь найдены в большом количестве наконечники стрел и дротиков (20 целых экземпляров и 60 обломков). Среди них преобладают черешковые (рис. 14, *1—6*). Представлены также бесчерешковые стрелы лавролистной формы (рис. 14, *7*, *8*) и треугольные с выемчатым основанием.

Более всего в Тетрамице обнаружено каменных клиновидных орудий в виде плоских шлифованных топоров, стамесок и долот (рис. 14, *15*, *16*) [220].

Еще одну группу каменных предметов в Тетрамице составляют обломки браслетов из мергеля в виде плоских колец, узких или широких (рис. 14, *13*, *14*) [221].

первом ознакомлении не производит впечатления единого комплекса. В этой коллекции есть обломок значительно более позднего по возрасту глиняного предмета (см.: *Н. З. Киладзе*. Указ. соч., стр. 263, примеч. 4).

[214] *Б. Б. Пиотровский*. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 28.

[215] *Н. З. Киладзе*. Указ. соч., стр. 263.

[216] Там же, стр. 264.

[217] На основании кремневого инвентаря Н. З. Киладзе отнесла данный памятник к «среднему периоду нового каменного века», т. е. к неолиту (см.: *Н. З. Киладзе*. Указ. соч., стр. 264).

[218] *Н. З. Киладзе*. Указ. соч., табл. VII, *1—2;* VIII, *1*.

[219] Там же, табл. III, *1*; VI, *1*, *3*; VII; VIII, *1*, *4*, *5*.

[220] Там же, стр. 264.

[221] Там же, табл. XII.

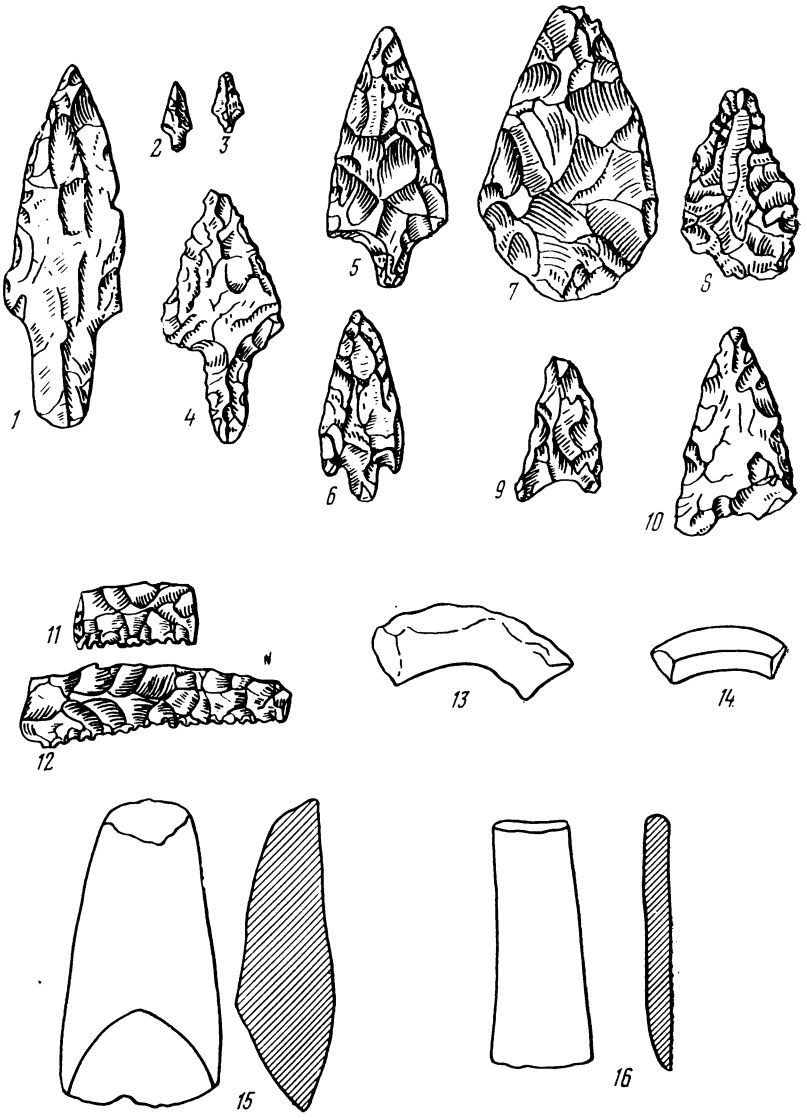

Рис. 14. Поселение Тетрамица

1—10 — кремневые наконечники стрел; *11*, *12* — серповые вкладыши; *13*, *14* — обломки браслетов; *15*, *16* — каменные топоры

Керамика здесь найдена в небольшом количестве, причем вся в мелких обломках. Поэтому нельзя судить о ее формах. Ясно только, что сосуды толстостенные, грубой выделки, бурого цвета и содержат в тесте примеси кварцевого песка [222]. Следует отметить, что указанные особенности, в том числе примеси кварца, сближают керамику Тетрамицы с местной керамикой предшествующей и последующей эпох.

В литературе имеется указание на то, что в Тетрамице найден обломок глиняной сильно стилизованной антропоморфной статуэтки [223]. Однако ни в одном случае нет описания этой статуэтки и не опубликован рисунок сохранившейся части фигурки [224]. Поэтому мы не можем что-либо определенное о ней сказать.

Отмеченными категориями инвентаря исчерпывается коллекция Тетрамицы [225]. Несмотря на ее архаичность в общем, она свидетельствует о заметном прогрессе в хозяйственном и культурном развитии местного населения по сравнению с неолитической эпохой. Совершенно очевидно, что культура, представленная рассмотренным комплексом, генетически связана с неолитом. Таким образом, здесь наблюдается преемственность в развитии местной культуры. Она, как видим, отлична от энеолитической культуры Центрального и Южного Закавказья [226]. Развитие земледельческо-скотоводческой культуры в данной области Кавказа, как и во всем Кавказском Причерноморье, шло своим особым путем. На это указывают и энеолитические памятники, открытые на территории Абхазии.

К числу последних относятся стоянки с тяпкообразными мотыжками (в с. Гантиади) [227], селище на горе Гуад-Иху и нижний слой поселения у с. Мачара. Эти памятники получили всестороннее освещение в трудах В. В. Бжании [228].

До сих пор ни одна из Гантиадских стоянок с тяпкообразными мотыжками не исследована стационарно. Происходящий из этих стоянок материал отличается однородностью и, как показал В. В. Бжания, отличается от инвентаря, обнаруженного в местных неолитических памятниках (Нижняя Шиловка и Кистрик), и от инвентаря, представленного в памятниках бронзового века. Обращает внимание, что и в Гантиадских стоянках, и в Мачарском поселении, и на селище Гуад-Иху так же, как и в Тетрамице, отсутствуют микролитические орудия, широко представленные в местных памятниках предшествующей эпохи.

Все эти памятники представляют собой поселения. Ни в одном из них не выявлены остатки жилища. Правда, В. В. Бжания предполагает, что

---

[222] *Б. Б. Пиотровский.* Указ. соч., стр. 28; *Н. З. Киладзе.* Указ. соч., стр. 263.
[223] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 114; *Б. Б. Пиотровский.* Указ. соч., стр. 28.
[224] Не приводится он даже в статье Н. З. Киладзе, посвященной публикации материалов Тетрамицы.
[225] Следует отметить, что недалеко от Тетрамицы находилось и другое поселение — Сатаплиа, где собран такой же материал (см.: *Б. Б. Пиотровский.* Указ. соч., стр. 28).
[226] О датировке Тетрамицы и других памятников, рассматриваемых в этом разделе, речь пойдет дальше.
[227] Отсюда и их название, встречающееся в литературе,— «Гантиадские стоянки».
[228] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии...

на одном участке Мачарского поселения было огороженное жилище в виде полуземлянки [229]. Она имела овальную форму (в поперечнике 3,40 м). В центре этого жилища прослежена каменная выкладка, внутри которой отмечено скопление углей и керамики. Очевидно, это очаг [230].

Развитие земледелия у обитателей этих поселков подтверждается находками обломков зернотерок из гранита, терочников, пестов и значительного количества грубых каменных мотыжек, изготовленных техникой скола. В Мачарском поселении найдены только дисковидные мотыжки, называемые иногда «мотыжками сухумского типа» [231], а в остальных — тяпкообразные, так называемого сочи-адлерского типа (рис. 15, *1*, *2*). На последних нам придется остановиться более подробно. Эти мотыжки встречаются значительными сериями во многих памятниках от г. Гагры до Сочи [232], доказывая тем самым развитие на данной территории земледелия. Они, как уже говорилось, близки по форме каменным мотыжкам из некоторых раннеземледельческих памятников Переднего Востока [233]. Можно ли на этом основании генетически связывать мотыжки Кавказского Причерноморья и Закавказья (Армения) с соответствующими им переднеазиатскими орудиями,— это вопрос, на который пока еще нельзя ответить с полной определенностью. Думается, что их появление на Кавказе есть все-таки результат переднеазиатского влияния [234]. В настоящее время можно с большой долей уверенности утверждать, что данный тип орудия появился здесь, возможно, в позднем неолите, как считает А. А. Формозов, но широкое распространение получил именно в энеолитическую эпоху [235]. Он, отметим здесь же, сохраняется на данной территории и в последующую эпоху.

Остановимся и на некоторых других категориях инвентаря, представленного в памятниках Абхазии. В материалах Мачарского поселения обращает внимание значительное количество примитивных каменных проколок и других орудий. Они изготовлены из галечных отщепов техникой скола, без шлифовки [236]. Однако в других поселениях встречены подшли-

---

[229] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение..., стр. 114.

[230] Там же.

[231] Там же, стр. 115.

[232] Тетрамица — самый крайний юго-восточный пункт находок мотыжек «сочи-адлерского» типа. К югу от Гагры такие мотыжки найдены в Очемчирском поселении эпохи ранней бронзы в Абхазии. Кстати, это один из тех редких случаев, когда подобные орудия представлены в раскопочных материалах (см.: *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. «Труды Абхазского НИИ», вып. 15. Сухуми, 1939).

[233] Перечень переднеазиатских памятников, в которых обнаружены такие мотыжки, приводится в ряде работ А. А. Формозова (см., например: *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 61).

[234] Об этом с еще большей уверенностью говорит А. А. Формозов (см.: *А. А. Формозов.* О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 140). Предполагается, что распространение мотыжек из Передней Азии на Кавказ шло через Восточную Анатолию и бассейн Чороха. См.: *Я. А. Федоров.* Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита. «Вестник МГУ», 1973, № 5, стр. 53.

[235] Более подробно этот вопрос рассмотрен В. В. Бжанией (см.: *В. В. Бжания.* Мачарское поселение..., стр. 123—125).

[236] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение..., стр. 115.

фованные орудия (долота и плоские тесловидные топоры), аналогичные найденным как в неолитических памятниках, так и в Тетрамице. Характерными для абхазских памятников являются каменные грузила для рыболовных сетей. Они представляют собой небольшие округлые или овальные плоские гальки, у которых с двух противоположных краев сделаны путем скола выемки.

Кремня в рассматриваемых памятниках мало. Например, в Мачарском поселении обнаружено всего 12 кремневых отщепов [237].

Несколько кремневых наконечников стрел найдено на гантиадском селище «Бароновка» [238]. Среди них есть черешковые и с плоским основанием. Они аналогичны некоторым типам наконечников стрел из Тетрамицы и свидетельствуют о широком распространении данного вида оружия в энеолите. Об этом же говорят и находки совместно с мотыжками «сочи-адлерского» типа двусторонне обработанных наконечников стрел асимметричной формы на стоянке Бочаров Ручей близ Сочи [239]. Наряду с луком и стрелой здесь в эпоху энеолита продолжали использовать и пращу. Так, пращевидные камни найдены в памятниках энеолита Абхазии [240].

Наконец, рассмотрим керамику этих памятников. О ней четкое представление дает глиняная посуда Мачарского поселения. Керамика грубой ручной выделки изготовлена из глины с примесью крупных зерен гранитной дресвы, а иногда частиц морского гравия или кальцитового песка; отличается слабым обжигом. Цвет ее темно-красный, буровато-красный и коричневый. На поверхности сосудов заметны следы заглаживания гребенкой или пучком травы. В отдельных случаях применялся ангоб. Все сосуды плоскодонные с массивными поддонами. В. В. Бжания полагает, что здесь преобладала чашеобразная форма сосудов с узкими днищами и невысокими венчиками, слегка отогнутыми наружу. Сосуды лишены ручек, но на керамике других памятников имеются петельчатые ручки [241]. Не встречено здесь и образцов посуды с орнаментом. Правда, на днищах некоторых сосудов хорошо заметны отпечатки листьев, а в двух случаях отмечены оттиски плетеной циновки [242].

Эта керамика близка местной неолитической посуде, но в общем она более совершенна и разнообразна. Как будет показано дальше, рассмотренная керамика по ряду признаков сближается с глиняной посудой памятников бронзового века. Это и другие обстоятельства свидетельствуют о преемственности в развитии местной культуры, отличающейся, как и

---

[237] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение..., стр. 116.
[238] Там же, стр. 120, рис. 4, *22—26*; стр. 124.
[239] *А А. Формозов.* О датировке неолитических стоянок..., стр. 141.
[240] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение..., стр. 116—117, рис. 3, *4—6*.
[241] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии..., стр. 8.
[242] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение..., стр. 116, рис. 2, *5, 6*. Отпечатки рогожи имеются также на днищах некоторых энеолитических сосудов Центрального Закавказья и Дагестана; отпечатки циновки есть на двух кусках слабообожженных глиняных предметов неопределенного назначения, найденных в Агубековском поселении (см.: *Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов.* Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 53).

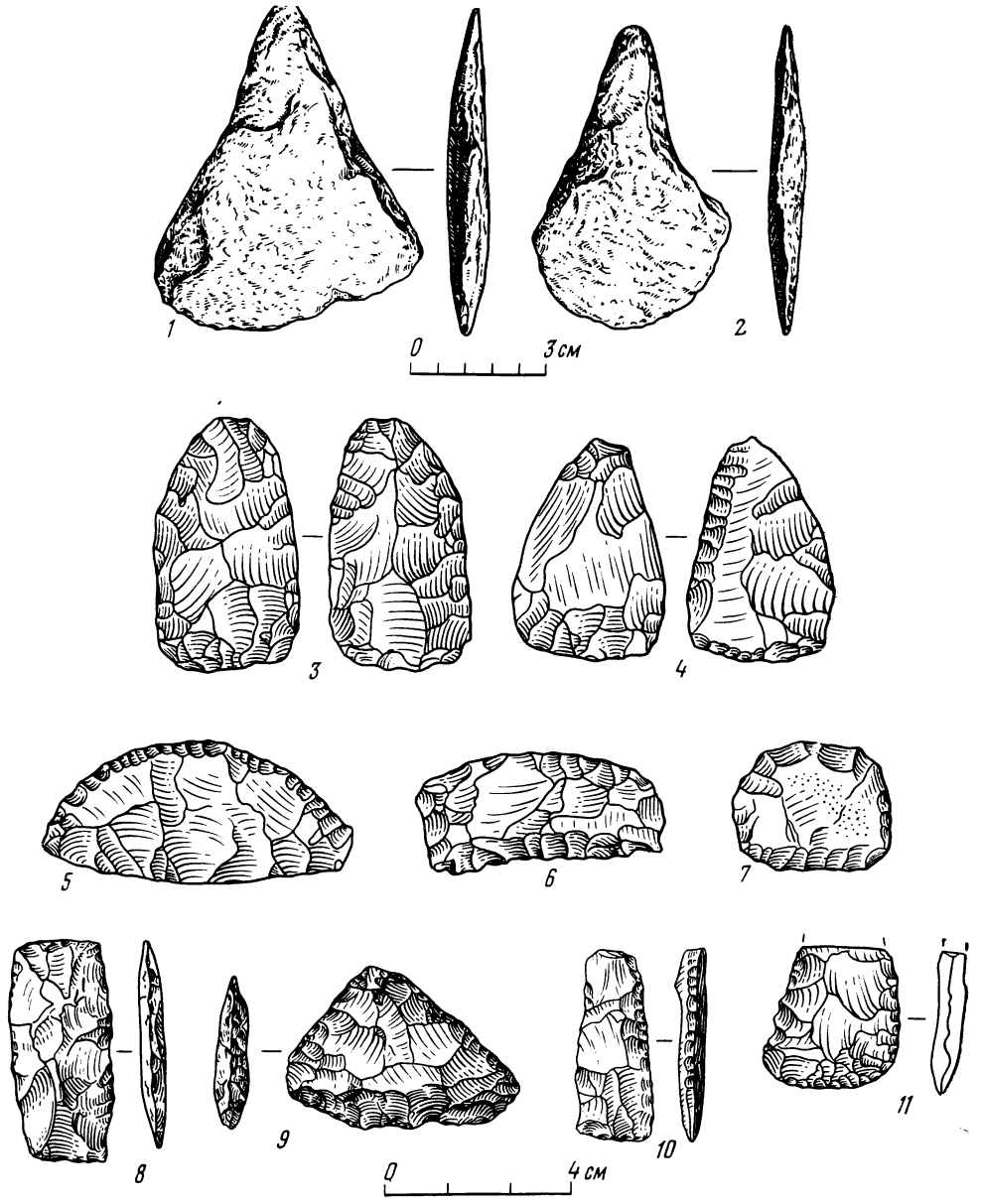

Рис. 15. Каменные орудия

1, 2 — стоянка Ахштырь; *3—7* — Долинское поселение; *8, 9* — Мешоко; *10* — Скала; *11* — ст. Севастопольская

близкая ей культура Тетрамицы, значительным своеобразием [243]. Оно проявляется как в керамике, так и в специфических типах орудий (например, каменные мотыжки «сочи-адлерского» типа). Рассмотренные материалы памятников Абхазского Причерноморья также свидетельствуют о том, что культурно-историческое развитие Западного Кавказа шло своим путем и несколько изолированно от остальных областей Кавказа, в особенности Центрального и Южного Закавказья.

На это указывают и памятники, открытые к северу от Абхазии, в районе Сочи — Адлера: стоянки Ахштырь 1—5, Имеретинская бухта, Молдовка и др. [244] К сожалению, большинство из них не обследовано. Хотя они содержат иногда разновременный материал, основная часть его довольно однотипна и ничем не отличается от инвентаря энеолитических памятников Абхазии. Там найдены, например, аналогичные тяпкообразные мотыжки, обломки зернотерок, песты, терочники, плоские полированные топоры, грузила для сетей и грубые кремневые пластинки, а также фрагменты плоскодонной неорнаментированной керамики [245]. Таким образом, на значительной территории Кавказского Причерноморья в рассматриваемую эпоху, как и в неолите, была распространена единая в своей основе культура со специфическими особенностями, отличающими ее заметно от раннеземледельческой культуры Закавказья. Относительное хронологическое положение комплексов данной культуры установлено А. А. Формозовым и В. В. Бжанией. Они занимают безусловно промежуточное положение между памятниками типа Одиши, Кистрика и Нижней Шиловки, характеризующими культуру местного неолита, и Очемчирским поселением, Воронцовской пещерой (ранние стоянки) и другими памятниками, относящимися к эпохе ранней бронзы [246]. Предложенная датировка IV— начало III тыс. до н. э. [247] может быть принята.

И в заключение обратимся к Нальчикскому могильнику, который дает некоторое представление о характере культуры и погребальном обряде населения Центрального Предкавказья в эпоху энеолита [248]. Нальчикский могильник остается пока по сути дела единственным исследованным памятником энеолитической эпохи как в Кабардино-Пятигорье, так и на Северном Кавказе.

Могильник находился на территории г. Нальчика. Площадь его составляла около 300 кв. м. Могильник имел плоскую и низкую (высотой до 0,67 м) насыпь; однако называть его курганом едва ли будет правильно. Он был насыщен погребениями. На площади 290 кв. м открыто 147 погребений, в том числе 26 раскопаны в 1923 г. М. И. Ермоленко и 121 исследовано в 1929—1930 гг. Северо-Кавказской экспедицией [249]. Все они

---

[243] На селище Гуад-Иху найдены два небольших слитка свинца (см.: *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии, стр. 8). По всей вероятности, знакомство с металлом населения Кавказского Причерноморья произошло именно в эту эпоху.

[244] *А. А. Формозов.* Неолит Крыма..., стр. 126—128.

[245] Там же.

[246] *А. А. Формозов.* О датировке неолитических стоянок...; *он же.* Неолит Крыма...; *В. В. Бжания.* Мачарское поселение...; *он же.* Древнейшая культура Абхазии.

[247] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии.

[248] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 67—146.

[249] Там же, стр. 67—68.

подробно описаны и проанализированы в специальной монографии [250]. Поэтому мы ограничимся лишь общей характеристикой, обратив особое внимание на древнейшие погребения.

Погребения находились в супесчанистом слое, а некоторые оказались даже в подстилающем его галечном отложении [251]. В насыпи могильника обнаружены различные кремневые изделия и отщепы, а также обломки глиняных сосудов, причем как ранних, так и относительно поздних. Предполагается, что они попали туда случайно.

В центре могильника открыт ряд скоплений костяков, в то время как по его периферии костяки лежали на относительно равномерном отдалении друг от друга [252]. Количество костяков в группах колебалось от 5 до 8. По-видимому, каждая семейная или семейно-родовая ячейка имела здесь свой участок для погребения сородичей. Часть погребений находилась под каменной кладкой.

Погребения совершены, как правило, в скорченном положении на правом (30 сл.) и левом (27 сл.) боку и ориентированы на восток — запад, север — юг, юго-запад — северо-восток. В 12 же случаях погребения совершены на спине с подогнутыми ногами, а в пяти — на груди, также с подогнутыми ногами [253]. Причем установлено, что большинство женских захоронений совершено на левом боку, а мужских — на правом [254]. Открыто 27 детских погребений, из которых четыре находились при костяках взрослых. Они также лежали в скорченном положении на правом или левом боку. Отмечены случаи парных и коллективных захоронений.

Из 121 погребения, раскопанного Северо-Кавказской экспедицией, 80 имели следы окрашенности красной краской (муммией). Наиболее сильно оказались окрашенными погребения, ориентированные по оси восток — запад [255]. Эта ориентировка присуща большей части погребений Нальчикского могильника. Причем выяснено, что костяки с ориентировкой восток — запад — древнейшие захоронения могильника, в то время как погребения, ориентированные с севера на юг, почти все относятся к сравнительно позднему времени. Изучение могильника показало, что ни в одном случае здесь не наблюдается того, чтобы скелеты, ориентированные по линии север — юг, были перекрыты костяками, имеющими иную ориентировку [256], в то время как обратное явление зафиксировано неоднократно. Ранним погребениям в отличие от поздних свойственна сравнительно слабая скорченность. Руки вытянуты или немного согнуты, иногда согнута одна рука, а другая вытянута [257].

Таким образом, комплексы памятника расчленяются на две разновременные группы. Первую, основную группу составляют древнейшие погребения. Они относятся к рассматриваемой эпохе. Ко второй группе отно-

---

[250] Там же.
[251] Там же, стр. 69.
[252] Там же, стр. 99.
[253] Там же, стр. 104.
[254] Там же, стр. 105—106.
[255] Там же, стр. 107.
[256] Там же, стр. 99.
[257] Там же, стр. 125.

сятся сравнительно поздние захоронения, датирующиеся, судя по некоторым предметам инвентаря, временем около середины II тыс. до н. э.

Остановимся на инвентаре древнейших захоронений могильника. Подавляющее большинство погребений безынвентарное. Найденные в ряде погребений кремневые орудия труда, пластины, отщепы и осколки, а также кости животных [258] не могут с уверенностью рассматриваться как принадлежность инвентаря этих захоронений [259]. Таковые были встречены и в насыпи могильника, что естественно наводит на мысль об их связи с культурным слоем, точное расположение которого не установлено.

Одним из немногих захоронений, содержавших инвентарь, было погребение 86. Здесь, при сильно окрашенном красной охрой костяке женщины, лежавшей на спине с подогнутыми ногами и ориентированной по линии восток — запад [260], найдены большое количество мелких белых бусин цилиндрической формы [261], обломок венчика глиняного сосуда, медное согнутое из тонкой проволоки колечко (лежало у черепа), на костях кисти правой руки — два каменных браслета, 30 целых и 17 обломков, просверленных из клыков оленя и резцов быка подвесок, одна цилиндрическая пронизь, две каменные подвески из обломков браслетов, одна каменная черная (возможно, из гешира) бочкообразная уплощенная бусина и обломок кремневой пластины.

Как видим, инвентарь данного погребения составляют исключительно украшения. То же характерно и для других погребений, содержавших инвентарь [262]. К примеру, в погребении 41 обнаружены 33 каменные бусины (бочонкообразные, круглые и цилиндрические). Большинство из них мраморные, есть также из змеевика и одна из гагата-гешира [263]. В погребении 8 найдены подвески из зубов козы или овцы, оленя, лисицы и кошки, костяные кольца, круглые плоские каменные бусины и просверленные раковины [264]. Укажем также, что в погребениях 46 и 83 и вблизи погребений 54 и 55 найдены каменные браслеты.

Представленные в инвентаре ранних погребений Нальчикского могильника типы украшений в целом довольно архаичны. Архаичен в общем и обряд захоронения. На этом основании и учитывая близость некоторых предметов инвентаря этого могильника соответствующим материалам из ряда древнейших памятников Юго-Восточной Европы, в особенности Мариупольского могильника, исследователи Нальчикского могильника от-

---

[258] Каменные и кремневые предметы, среди которых имеются нуклеусы и законченные орудия в виде ножевидных пластин, а также кости животных, найденные в Нальчикском могильнике, подробно рассмотрены (см.: *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 108—112).

[259] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 108—109.

[260] Там же, стр. 88, 97, рис. 52.

[261] Из чего они сделаны — из стекловидной пасты, глины или камня — не выяснено (см.: Там же, стр. 120).

[262] Исключение составляет, пожалуй, только погребение 92, в котором найдено кремневое орудие в виде ножевидной пластины с ретушью по краям и на конце (см.: Там же, стр. 102, рис. 56).

[263] Там же, стр. 81.

[264] Там же, стр. 70, 74, рис. 8.

несли его к неолиту. Но еще до этого А. А. Иессен писал, что Нальчикский могильник следует относить к более раннему времени, чем памятники майкопской культуры [265]. Позже он определил это время как самый рубеж палеометаллической эпохи, или медного века [266]. Другими словами, А. А. Иессен считал Нальчикский могильник памятником энеолитической эпохи. К этой же эпохе отнес его и Е. И. Крупнов [267]. Такое культурно-историческое определение данного памятника было обусловлено рядом признаков и в первую очередь находкой в одном из погребений (86) Нальчикского могильника древнейшего на Северном Кавказе металлического предмета — медного колечка. Таким образом, почти все авторы относили и относят рассматриваемый памятник к энеолиту, а иногда и к неолиту, т. е. ко времени, предшествующему майкопской культуре на Северном Кавказе. Однако недавно А. А. Формозов сделал попытку переосмыслить культурно-историческое положение Нальчикского могильника и синхронизировать его с памятниками майкопской культуры [268]. Это обстоятельство побуждает нас вернуться к данному вопросу и тем самым еще раз определить место Нальчикского могильника в ряду первобытных памятников Северного Кавказа. Прежде чем приступить к этому, необходимо сделать одну оговорку. Дело в том, что А. А. Формозов продолжает считать памятники майкопской культуры относящимися к энеолиту. Нальчикский же могильник, по нашему мнению, предшествует майкопской культуре, относящейся, как теперь твердо установлено, к эпохе ранней бронзы, а не к энеолиту. Поэтому мы остановимся на признаках, доказывающих принадлежность Нальчикского могильника к рассматриваемой эпохе и заодно коснемся вопроса о том, насколько обоснованны аргументы А. А. Формозова в пользу синхронности этого памятника и майкопской культуры.

Начнем с погребального обряда. Обряд погребения, зафиксированный в Нальчикском могильнике, с одной стороны, и характерный для майкопской культуры — с другой, не совпадает по ряду важных особенностей. Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что рассматриваемый могильник не является памятником майкопской культуры. Вместе с тем оно нисколько не доказывает того, что они не синхронные комплексы. Следует только отметить, что прослеженный в Нальчикском могильнике обряд захоронения — в скорченном состоянии на боку — один из самых древнейших способов погребения. Такой обычай был распространен в Закавказье в неолите и энеолите. Так хоронили в древнейшие эпохи во многих областях Передней Азии, в том числе на смежной с

---

[265] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. «Известия ГАИМК», вып. 100, 1935, стр. 80.

[266] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 15—16.

[267] *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 31.

[268] *А. А. Формозов.* Периодизация майкопских поселений. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 31—42; *он же.* Каменный век..., стр. 146—147. Как правильно отмечает А. А. Формозов, еще Г. Чайльд считал, что Нальчикский могильник оставлен современниками людей, насыпавших Майкопский курган (см.: *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 147). Но Г. Чайльд ничем не аргументировал это предположение (см.: *Г. Чайльд.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 212).

Кавказом территории Ирана. Здесь они известны не только в памятниках VI—IV тыс. до н. э. (Сиалк I и II и др.), но и в более ранних, например, в мезолитических слоях пещеры Гари-Камарбанд [269]. Любопытно, что погребение там было посыпано красной минеральной краской [270]. Следовательно, и посыпка покойников краской — древний обычай, восходящий к каменному веку. Тогда же он появился и на Кавказе, судя по неолитическим и энеолитическим погребениям в Закавказье.

Возникнув довольно рано, обряд погребения в скорченном положении бытовал на Кавказе вплоть до V—IV вв. до н. э., а в отдельных случаях и до более позднего времени. Поэтому отнесение Нальчикского могильника на основании обряда захоронения к рассматриваемой эпохе вполне реально и вызвать сомнения не может. Этому не противоречит и весь обнаруженный в древнейших погребениях могильника инвентарь. Известно, например, что подвески из зубов животных, найденные в Нальчикском могильнике,— один из довольно ранних типов украшений. Совершенно аналогичные им подвески неоднократно встречены во многих энеолитических памятниках, причем как в южных областях, так и к северу от Кавказа. Аналогии в древнейших комплексах имеют и представленные в Нальчике каменные бусины. Отметим, что разнообразные сверленые каменные бусины найдены даже в более ранних памятниках (например, в Чатал-Гуюке на юге Турции) [271]. То же можно сказать о мелких бусинах из погребения 86 Нальчикского могильника. Выпадает на первый взгляд из серии медное колечко, найденное в том же погребении. Однако находка здесь этой древнейшей формы металлического украшения не должна удивлять. Известно, что именно в энеолите появляется металл в Закавказье. Находка в древнейшем погребении Нальчикского могильника архаичного медного колечка доказывает, что и на Северном Кавказе металл появляется если не в то же самое время, как в Закавказье, то несколько позднее. На основании этой находки исследователи и относят ранние комплексы Нальчикского могильника к энеолиту. Если же последние синхронны памятникам майкопской культуры, как считает А. А. Формозов, то можно было ожидать в них несравненно больше металла, как, допустим, в самих майкопских погребениях.

Пожалуй, наиболее впечатляющим предметом инвентаря ранних погребений Нальчикского могильника являются каменные (из мергеля) браслеты (рис. 16, *9*, *10*) в виде круглых колец (диаметром от 2,4 до 12,5 см) [272]. Эти украшения, кстати, и послужили первопричиной, побудившей А. А. Формозова поставить вопрос о том, что Нальчикский могильник не предшествует майкопской культуре, а скорее всего синхронен ей. Между прочим, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, в свое время доказывая неолитический возраст основных погребений Наль-

---

[269] *C. Coon.* Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, p. 16.

[270] Окрашенные костяки раскопаны и в других, более поздних памятниках Ирана, например в Сиалке I и II, а также в слоях конца VI тыс. до н. э. на поселении Хаджи-Фируз. См.: *J. Mellaart.* Earliest civilizations..., p. 72.

[271] Там же, рис 56, 67.

[272] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 112—114.

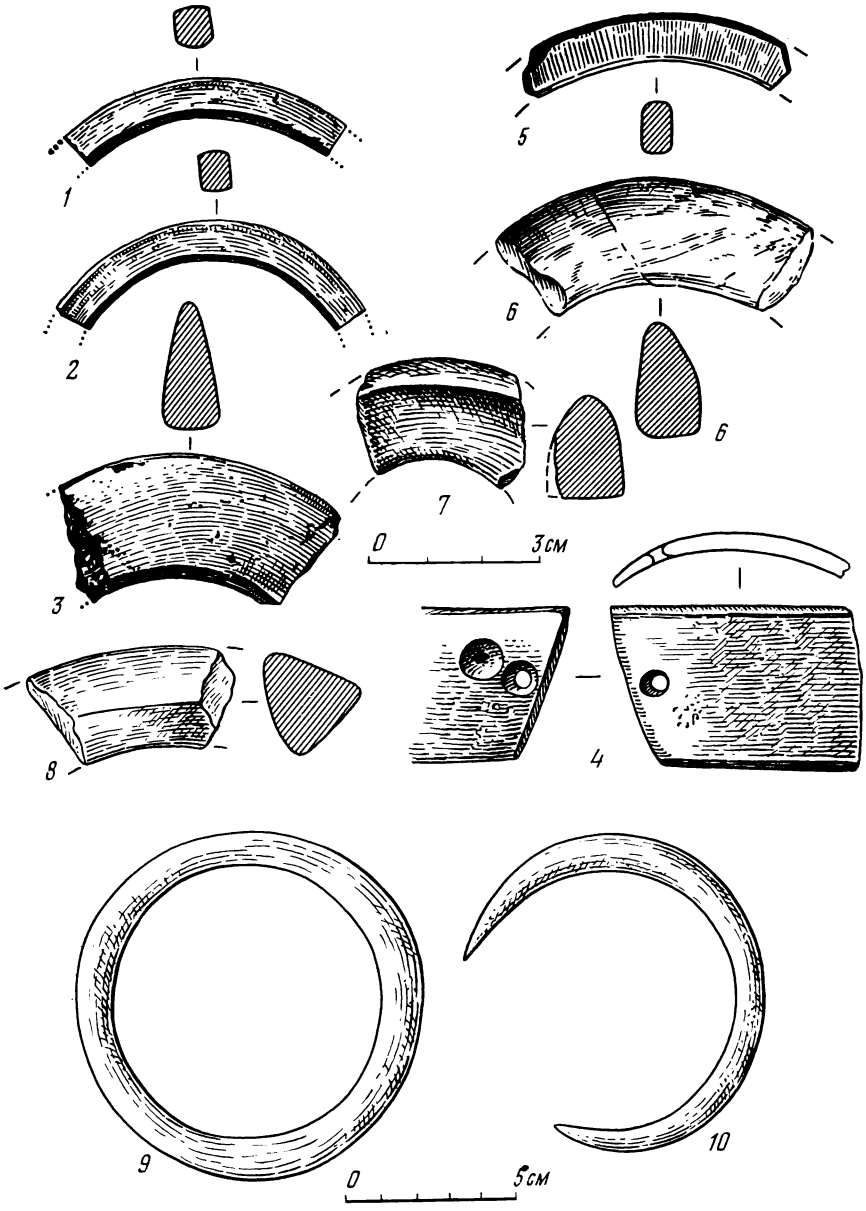

Рис. 16. Каменные браслеты

1—4 — Мешоко; *5, 6* — Скала; *7* — Каменномостская пещера; *8* — хут. Веселый; *9, 10* — Нальчикский могильник

чикского могильника, ссылались прежде всего на присутствие в них браслетов [273].

А. А Формозов считает, что все известные на территории СССР находки каменных браслетов происходят из памятников майкопской культуры или синхронных им комплексов вне пределов Северного Кавказа [274]. Следовательно, и Нальчикский могильник, где в некоторых погребениях встречены каменные браслеты, одновременен Майкопскому. Думается, что такой подход к решению вопроса нельзя признать правильным. Как известно, Нальчикский могильник остается до сего времени единственным исследованным памятником на Северном Кавказе, который предшествует непосредственно майкопской культуре. Если бы здесь имелись другие памятники энеолитической эпохи и они не содержали бы в инвентаре каменных браслетов, тогда можно было бы поставить вопрос так, как это сделал А. А. Формозов.

Каменные браслеты — весьма ранняя форма украшения. Они присутствуют довольно часто в неолитических и энеолитических памятниках Ближнего Востока. Например, браслеты из мрамора являются характерной особенностью раннеземледельческой культуры Джармо в Северной Месопотамии, датируемой временем не позднее VI тыс. до н. э.[275] Непонятно, почему следует считать, что каменные браслеты появились на Кавказе только в III тыс. до н. э., т. е. в эпоху развития майкопской культуры. Напротив, вполне резонно предположить, что изготовление их началось здесь еще в домайкопское время, точнее в эпоху энеолита, о чем свидетельствуют находки в древнейших погребениях Нальчикского могильника и на поселении Тетрамица. Ведь если сравнить браслеты Нальчикского могильника с браслетами из памятников майкопской культуры, то последние в общем более разнообразны и совершенны по форме, хотя отдельные экземпляры почти не отличаются от нальчикских. В этой связи укажем, что каменные браслеты в погребениях майкопской культуры отмечены только в двух случаях: один браслет найден в кургане между ст. Тульской и ст. Севастопольской [276], а обломок другого браслета — в кургане 3 у ст. Усть-Джегутинской [277]. Оба браслета заметно отличаются от нальчикских экземпляров. На этом основании высказано уже предположение о том, что браслет из кургана между ст. Тульской и ст. Севастопольской изготовлен в значительно более позднее время, чем совершены захоронения в Нальчикском могильнике [278].

---

[273] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 127. Укажем здесь же, что ни в одном погребении поздней группы могильника каменные браслеты не встречались.

[274] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 146.

[275] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток, стр. 50. Каменные браслеты найдены в памятниках того же времени в Иране (там же, стр. 192).

[276] Раскопки Н. И. Веселовского. См. ОАК за 1897 г., рис. 76, а также: *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 78, рис. 37. К сожалению, эта находка плохо документирована: неизвестно, в каких условиях и с каким инвентарем (за исключением медного котла) найден браслет.

[277] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, № 3, стр. 137, рис. 3, *6*.

[278] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 14.

Надо признать, что А. А. Формозов не ограничивается рассмотрением в качестве аргумента только данной группы находок. Он считает, что и другие материалы Нальчикского могильника подтверждают его вывод об одновременности сопоставляемых им комплексов. Посмотрим, что в этом случае он имеет в виду [279]. Во-первых, это отсутствие в инвентаре Нальчикского могильника микролитических орудий. Далее, то, что в некоторых майкопских поселениях (Мешоко) встречены костяные украшения (подвески из зубов животных и др.), совершенно аналогичные нальчикским. Кроме того, близость каменной статуэтки из Нальчикского могильника статуэтке из Мешоко. Затем, в погребениях Нальчикского могильника представлен ряд вещей якобы позднего облика. К ним он отнес медное колечко из погребения 86, указав также на находки в насыпи могильника черепков красно-охристой посуды майкопского типа. И наконец, поздняя группа погребений Нальчикского могильника имеет черты сходства и генетической связи с ранними захоронениями.

Можно ли признать приведенные аргументы убедительными? Отсутствие в инвентаре Нальчикского могильника микролитических орудий ни о чем не говорит, во всяком случае оно никак не может свидетельствовать о синхронности этого памятника с майкопскими комплексами. Появившись в мезолите, микролитические орудия продолжали еще использоваться на Кавказе в эпоху неолита, а на Северном Кавказе они бытовали даже в период развития майкопской культуры. На это указывают соответствующие находки как на поселениях, так и в погребении самого Майкопского кургана. Причем Майкопский курган — пока единственный, в котором инвентарь погребения содержит микролитические орудия. Если даже предполагать, что погребавшие в Нальчикском могильнике пользовались в быту такими орудиями, а это не исключено, то почему надо думать, что они обязательно должны были класть их в могилы своих сородичей. Ведь у них не было обычая сопровождать умерших орудиями труда.

Далее, по нашему мнению, нельзя на основании таких предметов, как украшение в виде подвесок из зубов различных животных, определять синхронность комплексов, в частности Нальчикского могильника и майкопских памятников. Эти украшения, как известно, появляются еще в каменном веке, а на Кавказе они спорадически встречаются и в памятниках бронзового века, что доказывается соответствующими находками в позднем погребении (31) того же Нальчикского могильника [280]. Теряет

---

[279] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 146—147.

[280] Каменная статуэтка из Нальчикского могильника происходит из раскопок М. И. Ермоленко; подробных сведений нет. Известно, что она помещалась недалеко от костяка, рядом с которым обнаружено прекрасно выточенное шаровидное навершие булавы. Погребение, вероятно, было скорченное на боку, но ориентировка неясна. Статуэтка, сделанная из мергеля, изображает женщину. Она довольно грубо моделирована, плоская, слегка изогнута. Руки отсутствуют, четко подчеркнута талия, ноги не расчленены. На нижнем конце статуэтки имеется круглое отверстие для привешивания (см.: *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 120, табл. VIII, *1*). Прямых аналогий ей мы не знаем. А. А. Формозов считает, что она может быть сопоставлена со статуэткой

значение и следующий аргумент А. А. Формозова. Доказать «поздний облик» медного колечка из погребения 86 невозможно. Что же касается некоторой близости ранних и поздних погребений в Нальчикском могильнике, позволяющей исследователям даже ставить вопрос об их генетической связи [281], то в этом нет ничего удивительного. Дело в том, что отдельные характерные черты, присущие обряду погребения более раннего времени, сохраняются на Кавказе до сравнительно позднего времени. Раньше уже отмечалось, как долго сохранялся на Кавказе обычай погребения в скорченном положении на боку. Собственно, и близость основных и впускных захоронений Нальчикского могильника проявляется прежде всего именно в этой черте погребального обряда.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что серьезных оснований для синхронизации Нальчикского могильника с майкопской культурой нет. Одновременность их не может быть признана и по той причине, что на территории Кабардино-Балкарии, более того, в непосредственной близости от самого Нальчикского могильника, открыты типичные памятники майкопской культуры, причем как раннего (майкопского), так и позднего (новосвободненского) этапов ее развития.

В этой связи следует коснуться еще одного вопроса. Речь идет о находках костей животных, обломков шлифовальных камней, осколков обсидиана и главным образом кремневых скребковидных орудий, пластин, иногда покрытых по краям ретушью, и многочисленных отщепов, а также фрагментов керамики, обнаруженных в насыпи Нальчикского могильника [282]. Каменные орудия имеют неолитоидный облик. Что же касается керамики, то она производит впечатление разновременного комплекса. В ней четко выделяется группа черепков, отличающихся оранжевым или красно-охристым цветом и пачкающей поверхностью. Тесто их хорошо промешено и почти лишено примесей [283]. Этими чертами, как будет показано дальше, характеризуется керамика майкопской культуры. Несомненно, что эта группа черепков из Нальчикского могильника представляет собой майкопскую керамику. Кстати, данный факт А. А. Формозов использует в качестве аргумента, свидетельствующего в пользу вывода о хронологическом единстве Нальчикского могильника и майкопской культуры [284]. На самом же деле он противоречит этому выводу, так как керамика с погребениями совершенно не связана: ни в одном случае в составе инвентаря она не отмечена.

из Мешоко. Полагаю, что если бы даже она была совершенно аналогична статуэтке из Мешоко, то и в этом случае нельзя было бы уверенно говорить об одновременности того и другого памятника. Отметим, кстати, что по некоторым другим признакам нальчикская антропоморфная фигура может быть сопоставлена с шомутепинской костяной статуэткой и даже с глиняной статуэткой из станицы Урупской Краснодарского края (см.: *В. И. Марковин.* Глиняная статуэтка из станицы Урупской. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 109, рис. 48).

[281] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 128.

[282] Кремневые предметы отмечены и в ряде погребений. Резонно предполагается, что они попали в могилы случайно, при засыпке их землей (см.: *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 109).

[283] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 124.

[284] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 147.

Возникает естественно вопрос: каково ее происхождение? Несомненно, что и керамика и отмеченные кремневые предметы происходят из находившегося где-то рядом с могильником культурного слоя, откуда брали землю для засыпки погребений. Этот слой накопился там в период бытования майкопской культуры, т. е. после того как образовался рассматриваемый могильник, но до того, как были «впущены» в него поздние погребения. Собственно, последние как раз и были засыпаны землей, взятой с участка поселения, существовавшего здесь в промежутке между временем совершения в могильнике ранних и поздних погребений. Вероятно, это было одно из поселений майкопской культуры. Этому не противоречит и архаичность кремня, найденного в насыпи могильника. И все-таки говорить на основании кремневых орудий из Нальчикского могильника о хозяйстве населения, оставившего этот памятник, едва ли оправданно. К сожалению, мы не располагаем никакими данными, позволяющими судить об экономике и быте племен Северного Кавказа эпохи энеолита. Можно лишь предполагать, что основу хозяйства их составляли земледелие и скотоводство. С точки зрения социального развития они находились, по-видимому, на стадии сложения патриархата. У них был развит культ предков, о чем убедительно свидетельствует погребальный обряд.

Культура энеолита, представленная Нальчикским могильником, была распространена, вероятно, и в других областях Северного Кавказа, в частности к юго-востоку от Кабардино-Балкарии — на территории Чечено-Ингушетии. Здесь известны два погребения, которые по ряду признаков уверенно связываются с ранней группой захоронений Нальчикского могильника. Это, во-первых, погребение в кургане 6 у сел. Бамут (раскопки 1959 г.) [285]. Оно было совершено на спине, головой на юго-запад-запад. Ноги сильно скорчены. Правая рука согнута в локте, а левая — вытянута вдоль туловища. Погребение густо посыпано красной краской. В области черепа у правого предплечья найдена кремневая пластинка с ретушью по краям и на конце. По всей могиле был разбросан мелкий пастовый бисер. Это захоронение до мелких деталей повторяет ранние погребения Нальчикского могильника. К тому же здесь найдена такая же, как в погребении 92 могильника в Нальчике, кремневая пластинка с ретушью. Причем любопытно, что в обоих случаях она находилась в области черепа у плечевых костей. Что же касается бисера, то и он, как известно, представлен в инвентаре Нальчикского могильника (погребение 86).

Второй памятник — это остатки разрушенного в 1954 г. погребения в г. Грозном. Оно также было скорченным и густо посыпано красной краской [286]. Там найдены кремневая ножевидная пластинка с ретушью по краям и круглая подвеска из мергеля. У верхнего, срезанного края подвески просверлены два отверстия для прикрепления ее к одежде.

---

[285] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 139—140. Сопоставив это погребение с погребениями Нальчикского могильника, мы отнесли его тогда предположительно к позднему неолиту (там же, стр. 143).

[286] *О. В. Милорадович.* Новые археологические находки в Грозненской области. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 132.

О. В. Милорадович справедливо сопоставила это подвеску-медальон с аналогичной шлифованной подвеской из порфирита, обнаруженной в одном из погребений Мариупольского могильника [287]. Думается, что ее вполне можно сопоставить также с круглыми просверленными раковинами из ранних погребений (3 и 8) Нальчикского могильника.

Приведенные материалы также, как видим, происходят из погребальных памятников. На их основании можно сделать довольно определенно один вывод: в эпоху энеолита на Северном Кавказе существовал уже обычай погребения под курганной насыпью, т. е. курганный обряд захоронения, получивший здесь широкое распространение в бронзовом веке. Можно предполагать связи между племенами отдельных областей Предкавказья. Однако ясно, что ни эти материалы, ни данные, полученные раскопками Нальчикского могильника, совершенно недостаточны для всестороннего изучения и понимания культуры Северного Кавказа эпохи первого появления металла. Мы до сих пор не имеем никакого представления о керамике северокавказского населения той эпохи. Поэтому не удивительно, что у нас нет пока надежных оснований для установления хронологии энеолита Северного Кавказа вообще, рассмотренных памятников в частности. Полагаем все же, что последние как предшественники майкопской культуры относятся ко времени до середины III тыс. до н. э. Они датируются, видимо, в пределах второй половины IV — начала III тыс. до н. э.[288]

Несмотря на неполноту и отрывочность сведений, у нас имеется достаточно оснований утверждать, что как Причерноморье, так и Северный Кавказ в рассматриваемую эпоху отставали в своем развитии до некоторой степени от Закавказья. Это свидетельствует об определенной неравномерности в культурно-историческом развитии отдельных областей Кавказа на заре эпохи металла. На Кавказском Причерноморье и в Предкавказье в рассматриваемую эпоху существовали самобытные культуры, уходящие корнями в местный неолит. Они имеют между собой значительно больше общего, чем с культурой энеолита Закавказья и Дагестана. Развитие их протекало «спокойно», без заметных влияний и воздействий со стороны, в том числе из Закавказья и Передней Азии. По-видимому, примерно таким же путем, на основе местных неолитических традиций, развивалась культура энеолита и в Северо-Западном Прикаспии.

Посмотрим же теперь, какими путями пошло культурно-историческое развитие Кавказа в эпоху ранней бронзы.

---

[287] *О. В. Милорадович.* Указ. соч., стр. 132—133.

[288] Эта датировка не расходится существенно с общепринятой хронологией Нальчикского могильника (вторая половина III тыс. до н. э.). См.: *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 127; *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 16, табл. I; *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды, стр. 34; *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 147.

Глава IV

Куро-аракская культура

Куро-аракская культура была выделена около 30 лет назад Б. А. Куфтиным. Определив основные признаки этой культуры и в частности характерные черты ее керамики, он назвал ее культурой куро-аракского энеолита [1]. Дело в том, что все известные тогда памятники этой культуры были расположены в междуречье Куры и Аракса и содержали незначительное количество металлических предметов, которые априорно считались медными. В настоящее время, однако, установлено, что ареал этой культуры значительно шире, чем южнокавказское двуречье. Он охватывает почти все Закавказье; на юго-западе — северо-западную часть Ирана и Восточную Анатолию; на севере и северо-востоке — Дагестан, Чечено-Ингушетию и даже некоторые районы Северной Осетии (рис. 17). Следует также отметить, что отдельные элементы куро-аракской культуры отчетливо прослеживаются даже в Сирии и Палестине, где они составляют так называемую кирбет-керакскую культуру [2]. Разумеется, этот ареал не всегда был таким обширным и первоначально ограничивался, вероятно, одной какой-либо областью на территории куро-аракского двуречья и всего Армянского нагорья. На данной территории наблюдается наибольшее скопление памятников этой культуры. Причем они встречаются как в равнинных районах, так и в горных и даже высокогорных, расположенных на отметке более 2000 м над уровнем моря. На этом основании можно говорить о том, что в эпоху ранней бронзы почти все районы Закавказья и Северо-Восточного Кавказа были освоены и довольно густо заселены. Плотно и густо заселенными оказываются, например, Араратская равнина в Армении [3], Шида-Картлийская низменность в Грузии [4], бассейны

[1] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВМГ, XIII-В. Тбилиси, 1944. Эту культуру называли также культурой медного века Закавказья (*Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 32—42), раннебронзовым веком Восточной Анатолии (*С. А. Burney.* Eastern Anatolian in the chalcolithic and early bronze age. AS, VIII, 1958) и яникской культурой (*R. H. Dyson.* The archaeological evidence of the second millennium B. C. on the Persian Plateau. CAH, II, 66, 1968, стр. 14—16). В настоящее время в нашей науке прочно утвердилось за этой культурой название «куро-аракская культура».

[2] См. подробно о кирбет-керакской культуре: *J. Mellaart.* The chalcolithic and Early bronze ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, стр. 73—90; *J. B. Hennessi.* The foreign relations of Palestine during the Bronze age. London, 1969.

[3] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967; *С. А. Burney.* Eastern Anatolian in the chalcolithic and bronze age.

[4] *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзо-

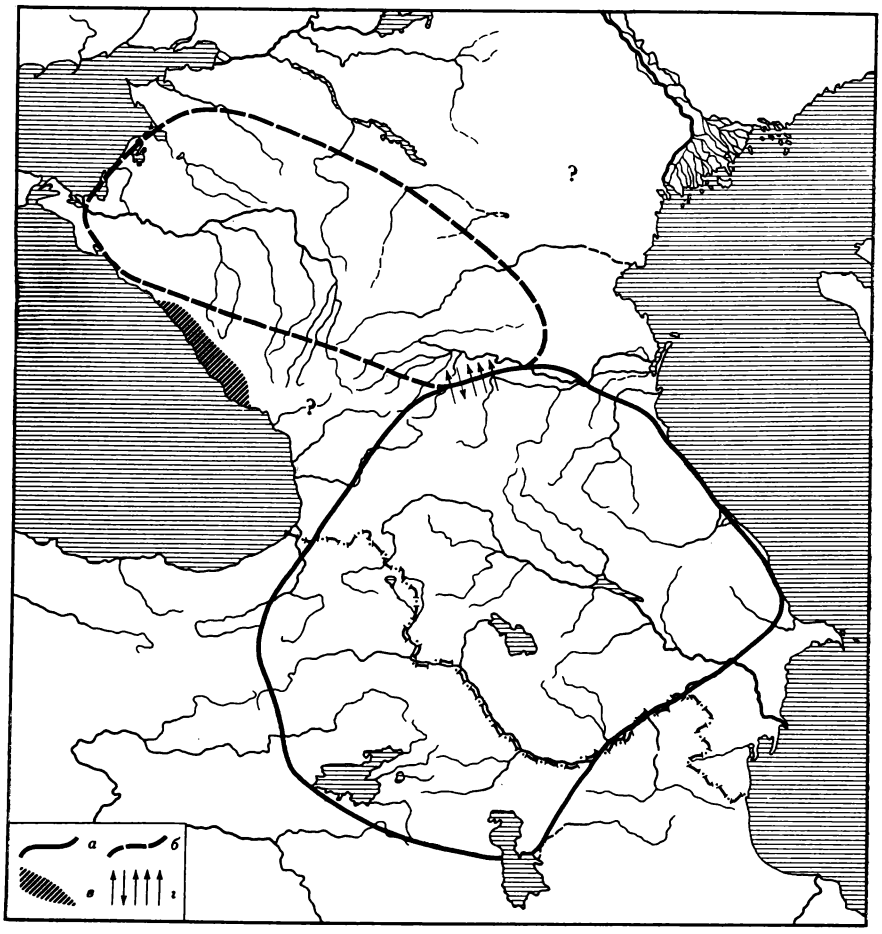

Рис. 17. Схематическая карта границ распространения культур раннебронзового века Кавказа

а — куро-аракская; *б* — майкопская; *в* — очамчирская; *г* — зона взаимодействия куро-аракской и майкопской культур

ряда притоков Куры в Азербайджане, Прикаспийская равнина в Дагестане [5] и т. д.[6] Поэтому надо полагать, что отсюда, из куро-аракского двуречья, в связи с усиленным развитием земледелия и овцеводства и ростом численности населения началось расселение куро-аракских племен, что и привело в конечном итоге к сложению на обширной территории Закав-

вой культуры. Тбилиси, 1961; *Л. И. Глонти.* Поселение куро-аракской культуры. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970.

[5] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961.

[6] Последняя сводка памятников куро-аракской культуры дана в работах: *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970; *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971.

казья и некоторых сопредельных областей единой в своей основе материальной культуры, относящейся к эпохе ранней бронзы.

Куро-аракская культура изучена главным образом по бытовым памятникам — поселениям. Правда, в настоящее время известна значительная группа и погребальных комплексов. Наиболее известными памятниками этой культуры являются Нахичеванский Кюль-тепе I (второй слой) [7], Бабадервишское поселение (верхний слой) [8], Мингечаурский комплекс [9] и другие — в Азербайджане; поселения Шенгавит, Шреш-блур, Кюль-тепе и Эчмиадзин, Гарни, Армавир-блур и другие — в Армении [10]; поселения Кулбакеби [11], Нацар-гора, Квацхелеби и Хизанаант-гора [12], Гудабертка [13], Амиранис-гора [14], Дидубе [15] и могильники Кикети [16], Тквиави [17], Амиранис-гора [18] и другие — в Грузии; Геой-тепе и Яник-тепе — в Иранском Азербайджане [19]; Караз, Пулур и другие — в Восточной Анатолии [20]; Великентское, Каякентское и другие поселения — в Дагестане [21]; Луговое и Серженьюртовские I—II поселения — в Чечено-Ингушетии [22] и грот Шау-Легет — в Северной Осетии [23].

Едва ли памятники какой-либо другой культуры бронзового века Кавказа получили в литературе столь широкое и подробное освещение, как памятники куро-аракской культуры. Им посвящена действительно обширная литература, бóльшая часть которой опубликована за последние 10—15 лет. Опубликованы монографические исследования по отдельным па-

---

[7] *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе. Баку, 1959.

[8] *Г. С. Исмаилов, И. Г. Нариманов.* Акстафачайское поселение близ г. Казаха. СА, 1962, № 4; *Г. С. Исмаилов.* Из истории древнейшей культуры Западного Азербайджана. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1963.

[9] *Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе.* Древний Мингечаур. Баку, 1959.

[10] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»...; *С. А. Сардарян.* Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967; *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья...; *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

[11] *О. М. Джапаридзе.* Указ. соч.

[12] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Урбнисн I. Археологические раскопки, проведенные на селище Квацхелеби (Твлепиа-Кохи). Тбилиси, 1962 (на грузинском языке с русским резюме); *Я. А. Киквидзе.* Раннебронзовое поселение Хизанаантгора. Тбилиси, 1972 (на грузинском языке с русским резюме).

[13] Раскопки С. И. Надимашвили. Материалы хранятся в Горийском музее.

[14] *Т. Н. Чубинишвили.* Амиранис-гора. Тбилиси, 1963.

[15] *Д. Л. Коридзе.* Археологические памятники Тбилиси, ч. I. Тбилиси, 1955.

[16] *Г. Г. Пхакадзе.* Энеолит Квемо Картли. Тбилиси, 1963.

[17] *С. И. Макалатия.* Археологические раскопки курганных погребений в с. Тквиави. «Труды Горийского историко-этнографического музея». Тбилиси, 1943.

[18] *Т. Н. Чубинишвили.* Амиранис-гора.

[19] *T. B. Burton-Brown.* Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951; *G. Burney.* The circular buildings at Yanik-tepe, Nord-West Iran. «Antiquity», 139. London, 1960; см. также его отчеты о раскопках Яник-тепе в 1960—1962 гг., опубликованные в журнале «Iraq» (XXIII-1, 1961; XXIV-2, 1962; XXVI-1, 1964).

[20] *H. Kosay, K. Turfan.* Erzerum-Karaz kazici raporu. Belleten Turk Tarih kurumu, cilt: XXIII, 1959, sayi: 91; *H. Z. Kosay, H. Vary.* Pulur kazisi. Ankara, 1964; *H. Z. Kosay.* Pulur (Sakyol) kazisi, 1969; Keban Projesi 1969 Galismalare (Keban Projesi Iayinlari seri I, N 2). Ankara, 1971, стр. 99—106.

[21] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч.

[22] Там же.

[23] *В. П. Любин.* Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Северная Осетия). КСИА, вып. 108, 1966.

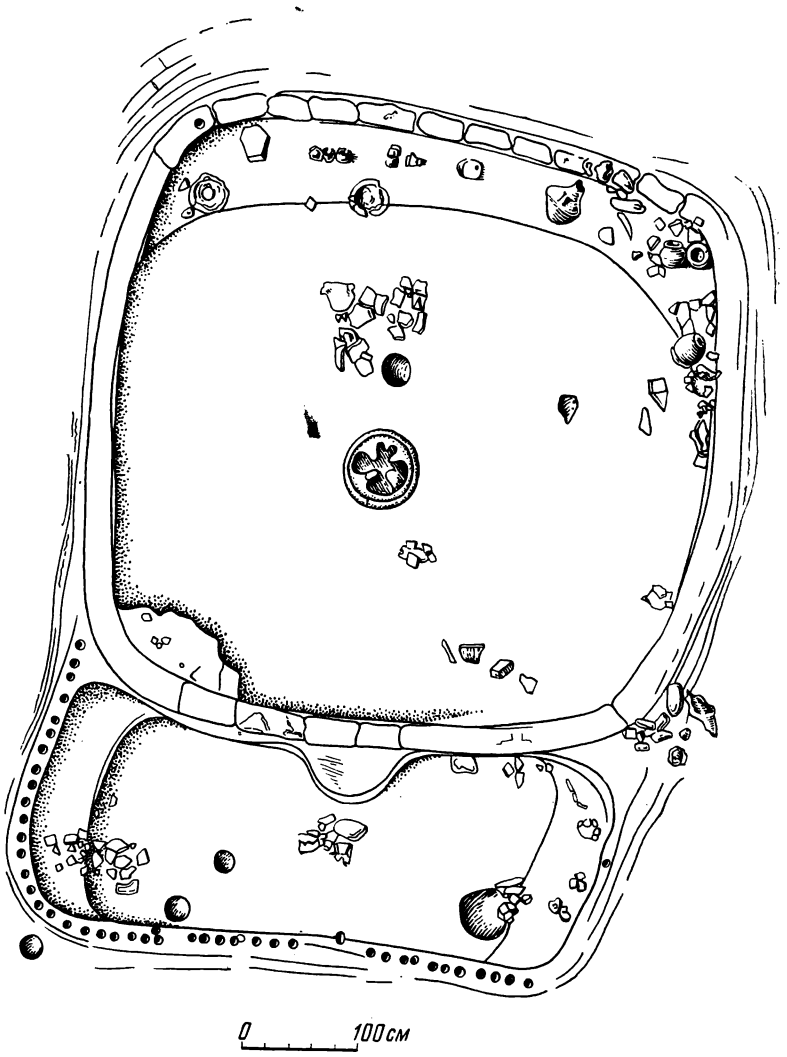

Рис. 18а. Поселение Квацхелеби. План жилища

мятникам куро-аракской культуры (Нахичеванский Кюль-тепе I, Кулбакеби, Амиранис-гора, Квацхелеби, Хизанаант-гора, Кикетский могильник и др.). Более того, уже выполнены обобщающие труды, посвященные исследованию развития куро-аракской культуры в отдельных областях Кавказа (Грузия [24], Армения [25], Северо-Восточный Кавказ [26] и др.). Особо

[24] *О. М. Джапаридзе.* Указ. соч.
[25] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья...; *С. А. Сардарян.* Указ. соч.
[26] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч.

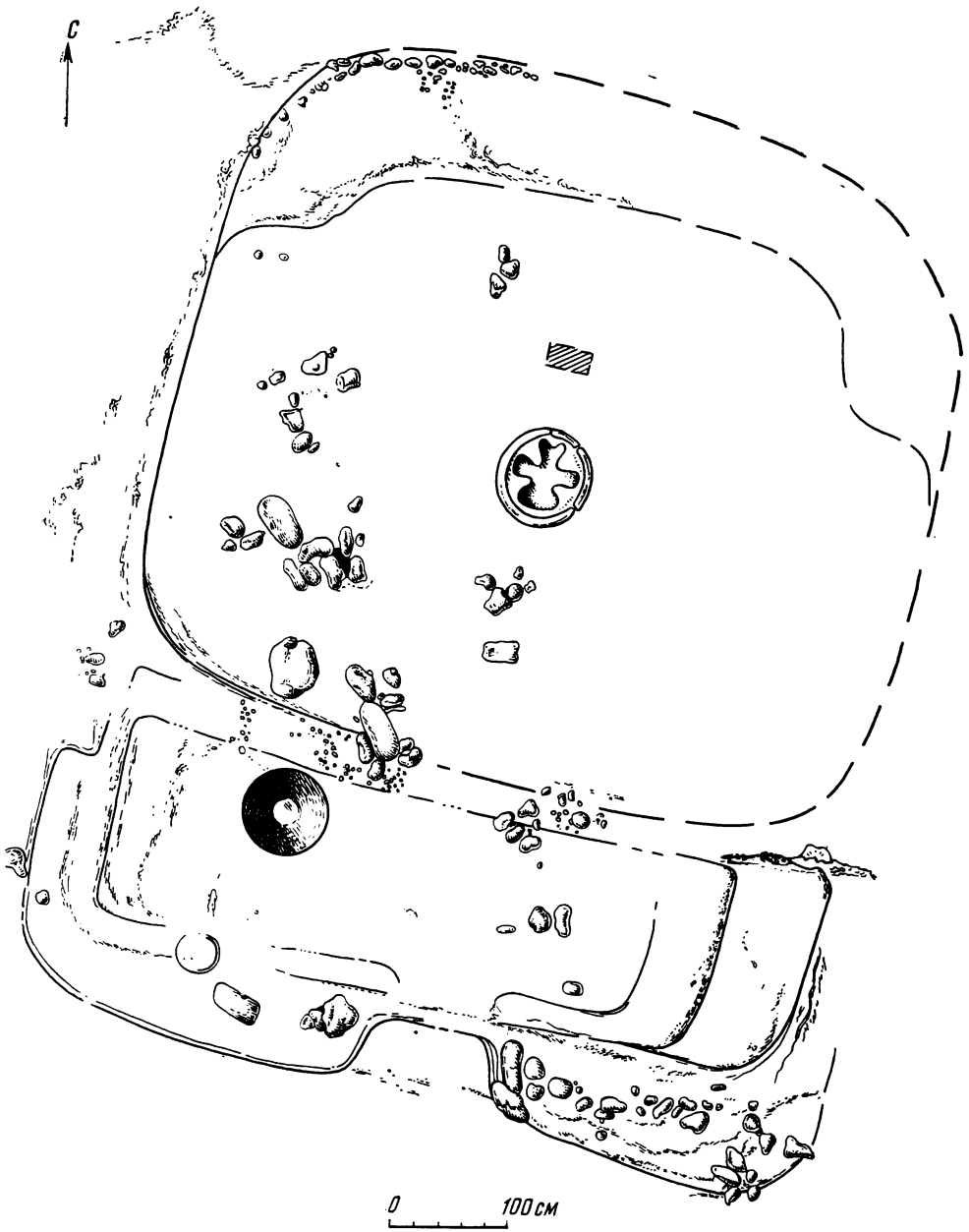

Рис. 18б. Поселение Кваџхелеби. План жилища

следует отметить труды К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили, значительная часть которых посвящена изучению культуры эпохи ранней бронзы Южного Кавказа [27]. Несмотря на это, в настоящее время затруднительно еще рассмотреть куро-аракскую культуру в генезисе, дать ее поэтапную характеристику. Поэтому мы ограничимся общей характеристикой данной культуры, сконцентрировав основное внимание на исследовании одного из ярких локальных вариантов ее, а именно дагестанского. С этой целью мы привлечем не только известные данные, но и совершенно новые материалы и памятники, до сих пор не введенные в научный оборот.

Поселения куро-аракских племен располагались у рек на естественно укрепленных холмах и холмообразных возвышенностях, а также на речных и горных террасах (в предгорных и горных районах), на участках, благоприятных для развития земледелия и скотоводства. В низменных районах эти поселения представляют собой иногда и зольные холмы — тепе. Они открыты в Северо-Западном Иране, Восточной Анатолии, Азербайджане, Армении, Грузии и Дагестане. Одним из характерных поселений этого типа является Нахичеванский Кюль-тепе I (второй, или средний, слой). Наиболее часты, пожалуй, поселения на естественных холмах, причем иногда одно поселение располагалось на нескольких холмах. Важно отметить, что именно в эпоху ранней бронзы, когда начинается освоение горных и высокогорных районов, поселки в этих районах создаются на высоких горных террасах или склонах гор. Куро-аракские поселения отличаются в целом небольшими размерами. Например, площадь Шенгавитского поселения составляла около 4000 кв. м, Амиранис-гора — 10 000 кв. м, Квацхелеби — 3500 кв. м и Лугового — 6000 кв. м. В отдельных случаях поселения были искусственно укреплены. В Шенгавите, например, открыта тщательно сложенная из каменных блоков оборонительная стена с башнями и выявлен подземный ход к реке. Фундамент каменной оборонительной стены протяженностью 13 м раскопан в Гарни. Такими же стенами были укреплены и поселения Шреш-блур, Муханнат-тапа, Геой-тепе и некоторые поселения в Восточной Анатолии [28]. В Гудабертке же оборонительная стена сложена из сырцовых кирпичей, а в Квацхелеби прослежены остатки рва, ограждавшего поселок с одной стороны. Искусственный ров имеется и на Хизанаант-гора.

Мощность культурных напластований, достигающая иногда более 8,0 м (Нахичеванский Кюль-тепе I), свидетельствует о прочно оседлом характере куро-аракских поселений. В них зафиксировано по нескольку строительных ярусов. Например, в Квацхелеби, где культурный слой около 2,0 м, открыто шесть таких ярусов (B_{1-3} и C_{1-3}), а в четырех сохранившихся древних слоях Хизанаант-гора выделено девять строительных горизонтов [29].

---

[27] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Указ. соч.; *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа.

[28] *Э. В. Ханзадян.* Гарни IV. Результаты раскопок 1949—1966 гг. Ереван, 1969, стр. 168.

[29] Подробная характеристика куро-аракского поселения на примере Квацхелеби дана в работе Л. И. Глонти (см. *Л. И. Глонти.* Указ. соч.).

Жилая архитектура представлена домами нескольких типов. Наиболее распространенным типом жилища являются, как и в предшествующую эпоху в Закавказье, дома круглого плана, в том числе на каменном фундаменте [30]. В Нахичеванском Кюль-тепе I, например, открыто 28 круглых построек диаметром от 4 до 13 м. Они представлены и на многих других куро-аракских поселениях Северо-Западного Ирана, Азербайджана, Армении, Грузии и Северо-Восточного Кавказа. В среднем диаметр их 4,0—5,0 м. Толщина стен доходит до 1,0 м. В Нахичеванском Кюль-тепе I, Шенгавите и Гарни к круглым домам иногда примыкают прямоугольные помещения (3×3 м; 14×7 м и т. д.). Вопрос о характере перекрытия этих помещений пока не решен, однако большинство исследователей считают, что круглые дома имели коническую крышу, а прямоугольные — плоскую.

В Каразе и Амиранис-гора открыты каменные прямоугольные дома, террасно расположенные, площадью от 9 до 54 кв. м. А в Гудабертке и Квацхелеби представлены глинобитные и сырцовые овальные и квадратные с округленными углами жилища, с центральным столбом, площадью от 30 до 60 кв. м (рис. 18). Каждый дом состоял из передней и одной комнаты. Вдоль задней стены комнаты и боковых стен передней имеется небольшое возвышение. Перед дверью иногда помещались глинобитные ступеньки. Дома имели плоское глинобитное перекрытие на балочной конструкции, со свето-дымовым отверстием [31].

Жилища строились из камня или сырцовых кирпичей прямоугольной формы (36×18×10 см; 40×22×10—12 см; 56×28×14 см). В Шенгавите открыты жилища, сочетающие каменную и сырцовую кладку. Любопытно, что кладка стен из сырцовых кирпичей некоторых жилищ Нахичеванского Кюль-тепе I была фигурной, а в Гудабертке отмечена архаическая настенная роспись в виде фриза. Были широко распространены и простые жилища — легкие наземные постройки, обмазанные глиной. Полы в домах были глинобитные, иногда обожженные или, как в Гаракепек-тепе, окрашенные в красный цвет [32]. В Гарни пол одного круглого дома был устлан щебнем и обмазан глиной [33].

Следует отметить, что совершенно необычного типа жилища открыты в Мингечаурском поселении. Они представляли собой большие дома полуземляночного типа в виде вытянутого эллипса (прямоугольные с округленными углами) длиной от 8 до 14 м и шириной от 4 до 8 м, т. е. площадью от 30 до 110 кв. м. Стены в них держались при помощи столбов, установленных вдоль продольных стен внутри жилища. Они были обмазаны слоем глины. Глиной был обмазан пол и сверху засыпан еще галькой. Внутри жилищ открыты остатки нескольких очагов [34].

---

[30] О строительной традиции в жилой архитектуре у племен куро-аракской культуры см.: *А. И. Джавахишвили.* Строительное дело и архитектура Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, стр. 223—237.

[31] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Указ. соч.; *Л. И. Глонти.* Указ. соч., стр. 8—9.

[32] *Г. С. Исмаилов.* Поселение на холме Гаракепек-тепе. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 480.

[33] *Э. В. Ханзадян.* Гарни, стр. 167—168.

[34] *Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе.* Указ. соч., стр. 23—25.

Жилища подобного типа и просто землянки совершенно не характерны для Закавказья эпохи ранней бронзы. Такие жилые сооружения представляли редкое явление здесь и в предшествующую энеолитическую эпоху.

В каждом доме, как правило в центре жилища, помещался глиняный толстостенный очаг оригинальной формы и конструкции: круглый, в диаметре до 1,0 м, с внутренней стороны обычно имел три радиально расположенных утолщения-выступа [35]. Часть этих очагов использовалась как передвижные мангалы; поэтому на некоторых имеются ручки. Отдельные экземпляры украшены орнаментом [36]. Такие очаги обнаружены во многих памятниках III тыс. до н. э. Азербайджана, Армении, Грузии, Восточной Анатолии и Северо-Восточного Кавказа (рис. 19). Они составляют один из важнейших атрибутов куро-аракской культуры. Любопытно, что за пределами ареала этой культуры подобные очаги не встречены. Здесь обнаружены и модели подобных очагов (рис. 20, *11, 13*). Наряду с ними широко были распространены и передвижные очаги подковообразной формы (рис. 21) [37]. Среди них имеются как составные, так и массивные цельные очаги, украшенные иногда лицевыми изображениями (рис. 21, *2, 9*). Оригинальные образцы последних представлены в Амиранис-гора и особенно в Пулуре [38]. Следует отметить, что на этих же двух памятниках обнаружен совершенно необычный для куро-аракской культуры, но характерный для Передней Азии дисковидный очаг-подиум [39]. В Пулуре открыт и передвижной очаг типа тондыра для выпечки хлеба, цилиндрической формы [40].

К сожалению, вопросы планировки поселений куро-аракской культуры пока недостаточно изучены. Определенно выяснено только то, что в большинстве случаев поселения были плотно застроены и не отличались четкой планировкой. Выяснена планировка полностью раскопанного селища Квацхелеби. Это поселение (горизонт C_1) состояло примерно из 35 домов, расположенных более или менее правильными узкими рядами (прослежено до шести таких рядов) с северо-северо-востока на юго-юго-запад [41]. Суть планировки здесь заключается в группировании домов вокруг нескольких площадок и соединяющих их проходов [42]. На одной из площадей Квацхелеби открыто здание (1), отличающееся от других и имевшее, видимо, культовое назначение (святилище) [43]. Еще одна закономерность застройки селища Квацхелеби, по мнению Л. И. Глонти,— это «стандартность» домов и их ориентация в основном на север или юг [44]. Такую же

---

[35] *Е. А. Байбуртян.* Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения. ВДИ, 1938, № 4; и др.

[36] *H. Kosay, K. Turfan.* Указ. соч.; и др.

[37] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. VII; и др.

[38] *H. Z. Kosay.* Pulur (Sakyol) kazisi, 1969, стр. 76, 1—2.

[39] *Т. Н. Чубинишвили.* Куро-араксинская культура в Закавказье в III тыс. до н. э. «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966; *H. Z. Kosay, H. Vary.* Указ. соч., табл. V.

[40] *H. Z. Kosay, H. Vary.* Указ. соч., табл. XII, *2*.

[41] *Л. И. Глонти.* Указ. соч., стр. 9—10.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] Там же.

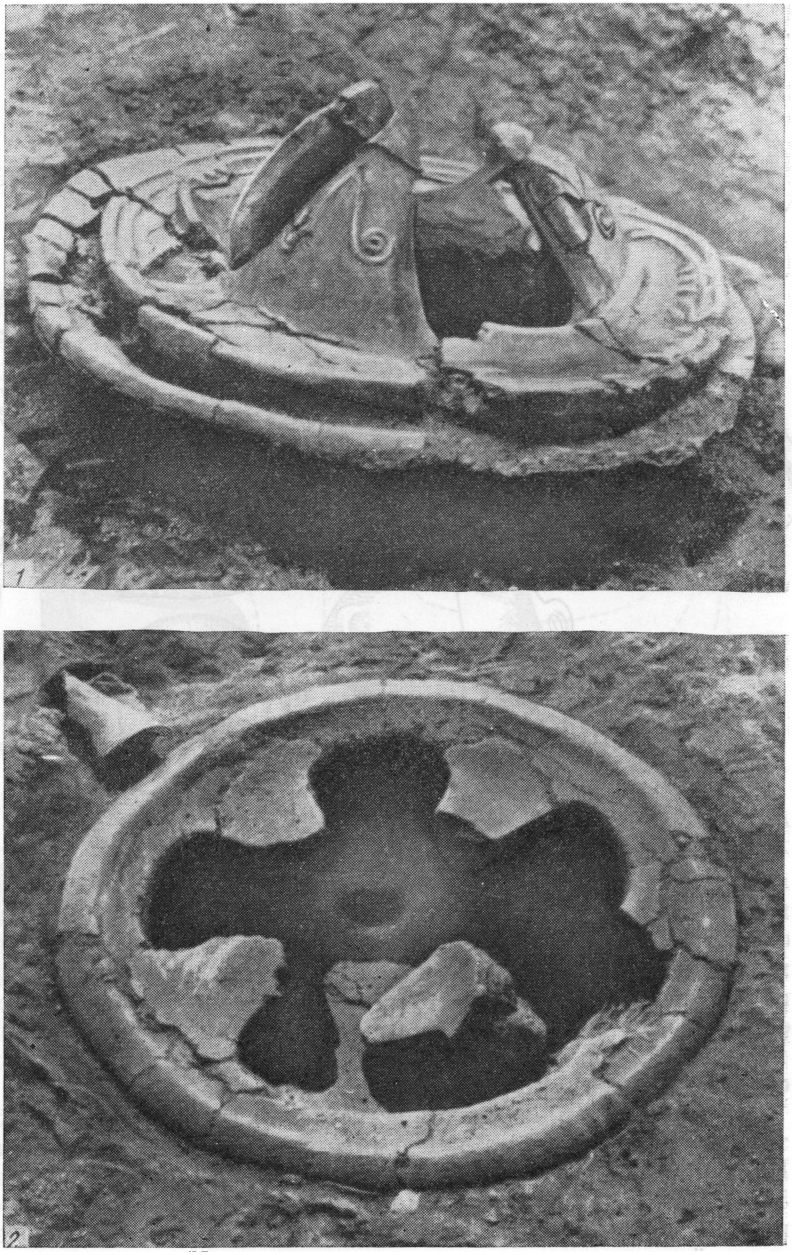

Рис. 19. Глиняные очаги куро-аракской культуры
1 — Караз; *2* — Квацхелеби

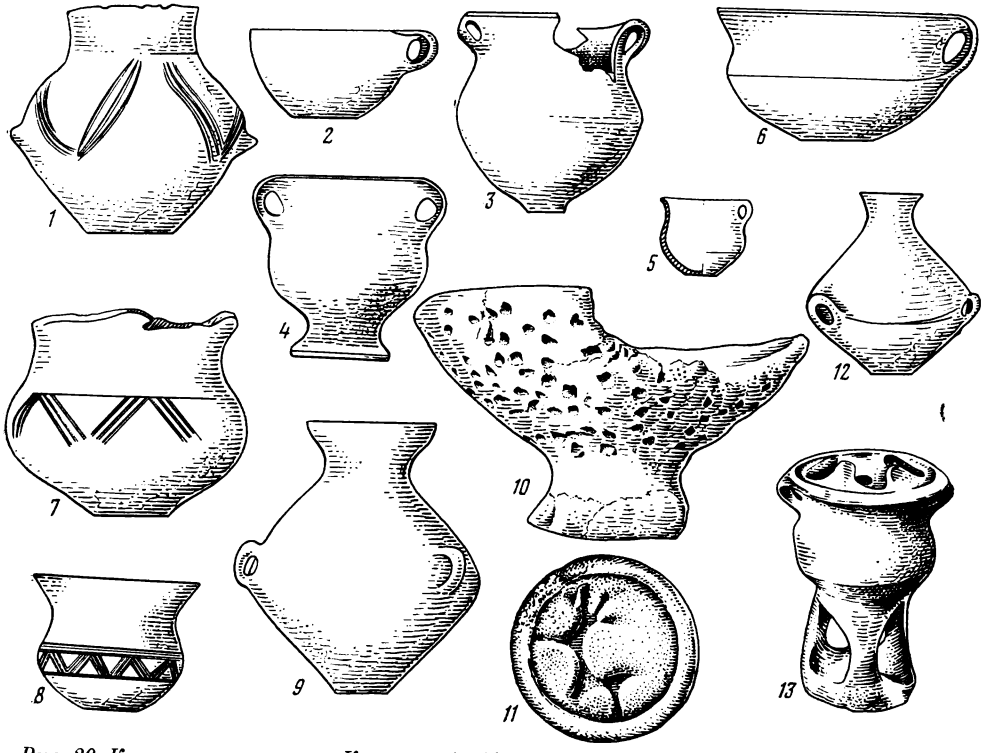

Рис. 20. Керамика поселения Квацхелеби (1—13)

примерно планировку имело и селище Хизанаант-гора, исключая, видимо, горизонты «Д» и «Е» с круглыми домами. Жилые дома стандартной формы: четырехугольная комната (20—25 кв. м) с закругленными углами, подпорным столбом и круглым очагом в центре [45]. К ней по фасаду пристроена передняя. Перекрытие глинобитное, плоское. Пол вдоль задней стены несколько приподнят. Каркас дома был с двух сторон покрыт глиняной обмазкой. Можно утверждать, что в Шида-Картлийской низменности планировка куро-аракских поселков была единой [46].

Совершенно иной была, естественно, планировка поселений горного типа, таких, например, как Амиранис-гора и Галгалатлинское поселение. На Амиранис-гора большие прямоугольные каменные дома (от 20 до 54 кв. м) располагались на искусственных террасах в несколько рядов или отдельными постройками. Установлено, что некоторые стены домов нижней террасы подпирали продольные стены помещений на верхней террасе. На вершине горы особняком стояло культовое здание [47].

---

[45] *Я. А. Киквидзе.* Указ. соч., стр. 94.
[46] *Л. И. Глонти.* Указ. соч., стр. 10.
[47] *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа, стр. 61. Здесь подробно говорится об особенностях и технике домостроительства на Амиранис-гора. Сле-

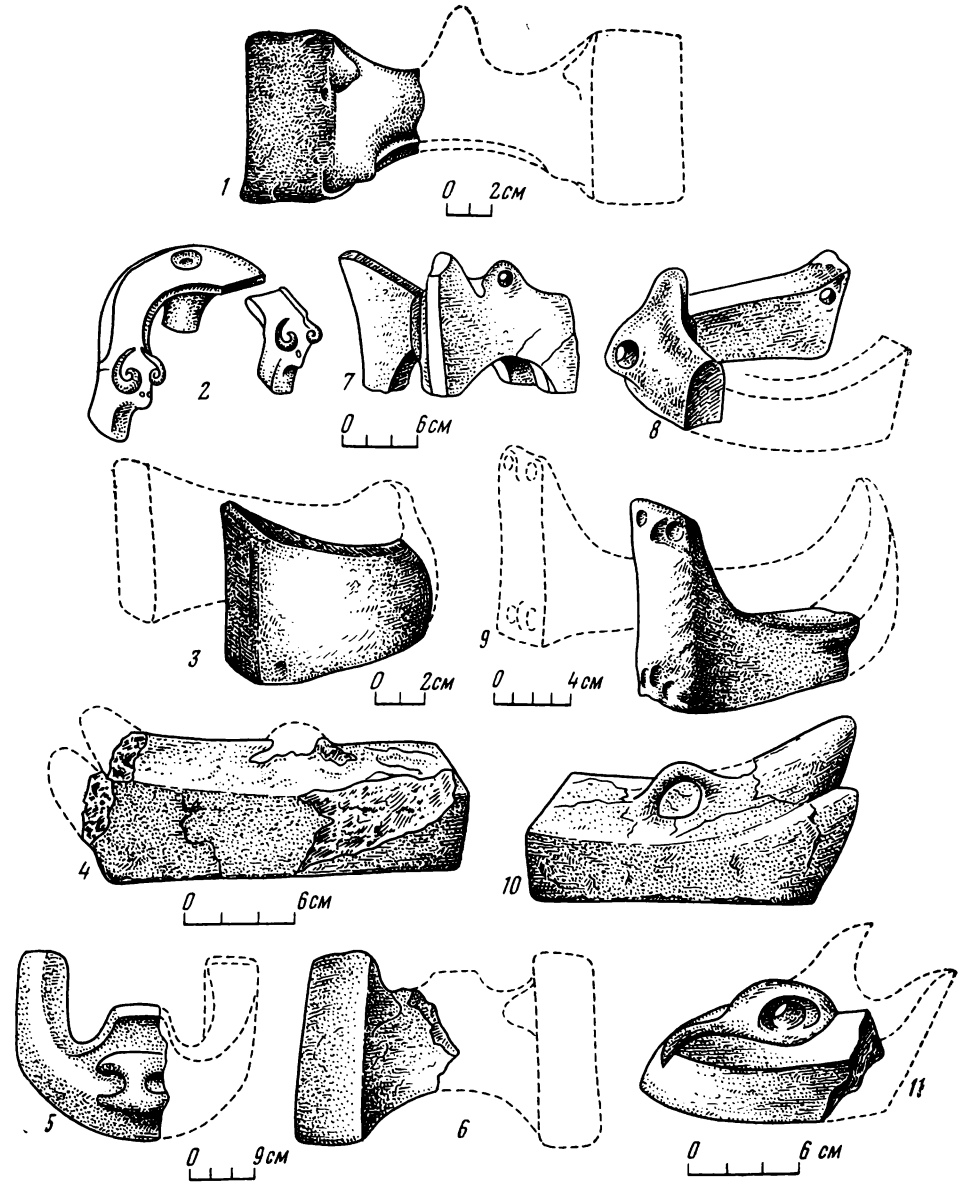

Рис. 21. Глиняные очажные подставки

1—3, 7—11 — из памятников Армении; *4—6* — из Нахичеванского Кюль-тепе I

Отметим также, что в центре некоторых поселений (Яник-тепе) открыты большие хозяйственные ямы для хранения зерна. Вообще же ямы-зернохранилища различных форм (чаще, видимо, круглые с расширяющимся основанием) выявлены в большинстве куро-аракских поселков.

Усложнение форм и техники домостроительства у племен куро-аракской культуры свидетельствует о большом и общем прогрессе в культурно-историческом развитии Закавказья и сопредельных областей на заре бронзового века. Это подтверждается изучением всех сторон материального производства и культуры куро-аракских племен. Основу их хозяйства составляли земледелие и скотоводство [48].

Подчеркнем здесь только, что по сравнению с предшествующим периодом эпоха ранней бронзы в Закавказье характеризуется качественно более высоким уровнем развития земледелия и скотоводства. Прежде всего более высокого уровня достигает техника земледелия. Вспашка производится уже примитивной сохой (Квацхелеби [49]) с применением тягловой силы. Обсидиановые ножевидные пластинки повсеместно заменяются более совершенными кремневыми серповыми вкладышами с прямым или чаще зубчатым краем. На куро-аракских поселениях обнаруживают не только в большом количестве остатки злаков (пшеницы и ячменя различных видов), но и значительные серии каменных орудий для их переработки.

Широкое развитие у племен куро-аракской культуры получает и скотоводство. Ряд данных убедительно свидетельствует о том, что именно с III тыс. до н. э. скотоводство на Кавказе, в частности в Закавказье, начинает приобретать постепенно полукочевой характер [50]. Если развитие земледелия привело к освоению плодородных равнин всего почти Закавказья и Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы, то развитие скотоводства в это время способствовало освоению и широкому заселению горных и даже высокогорных районов края.

Отметим еще, что у куро-аракских племен широкое распространение получает колесный транспорт. Есть также серьезные основания говорить о доместикации в III тыс. до н. э. в Закавказье лошади.

Такой высокий прогресс в культурно-историческом развитии Закавказья и Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы был вызван и широким развитием у куро-аракских племен металлургического производ-

---

дует особо отметить, что недавно в Армении на поселении Кюль-тапа (Мохраблур) в 4 км к югу от Эчмиадзина открыто монументальное культовое сооружение, относящееся к эпохе ранней бронзы. Оно находилось в центре поселения и представляло собой платформу размером 7,4 × 5,5 м при высоте 4,5 м, сложенную из туфовых и базальтовых блоков. На вершине платформы был установлен базальтовый монолит длиной 3,9 м и шириной 0,7—1,0 м, выполнявший функцию алтаря, а с западной и южной сторон — вертикально поставленные стелы. Это, как предполагают, храм, разрушенный землетрясением. См.: *Г. Е. Арешян, К. К. Кафадарян.* Открытие монументального культового сооружения начала III тыс. до н. э. в Армении. «АО 1972 г.», стр. 443.

[48] Вопросы развития земледелия, скотоводства и т. д. у племен куро-аракской культуры рассматриваются нами специально в главе VII настоящей книги, стр. 367 сл.

[49] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Указ. соч., табл. XXXIII.

[50] *Б. Б. Пиотровский.* Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949; *он же.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955.

ства. Именно в эту эпоху Кавказ и в особенности Закавказье становятся одним из крупнейших очагов металлопроизводства Старого Света [51]. Уже тогда здесь был полностью освоен весь цикл металлургического производства, начиная от добычи медной руды и кончая изготовлением разнообразных орудий труда, оружия и украшений из медно-мышьяковистой бронзы.

Ряд данных указывает и на развитие у племен куро-аракской культуры текстильного производства. Это прежде всего костяные и глиняные пряслица, обнаруженные на многих памятниках этой культуры. Найдены и глиняные сосуды с отпечатками ткани (Квацхелеби, Амиранис-гора, Луговое и др.), а в Квацхелеби обнаружен и кусочек самой ткани. Ткань имела простое плетение и изготовлялась из растительного волокна (льна) и шерсти.

Высокого уровня развития достигло у племен куро-аракской культуры гончарное производство. Керамика здесь настолько интересна и своеобразна, что служит основным, важнейшим атрибутом всей культуры. Отметим сразу, что ни по технологическим признакам, ни по формам, ни по орнаментации она не связана с керамикой из памятников Закавказья V—IV тыс. до н. э. Она более совершенна по качеству и технике производства и разнообразна по формам. Для нее не характерна роспись. Собственно расписная керамика отмечена лишь на нескольких куро-аракских памятниках, например в Квацхелеби [52], да и то в единичных экземплярах.

Она представлена преимущественно разнообразными сосудами (рис. 22—28). Все они изготовлены вручную [53], но весьма тщательно, из хорошо промешенной глины с разными примесями (шамот и др.). Наиболее отличительной особенностью значительной части этой керамики являются черная, прекрасно лощеная, иногда до металлического блеска, наружная поверхность и «розовая подкладка» изнутри. Много и красно-лощеной керамики, а в некоторых периферийных областях, например в Дагестане, цвет лощения преимущественно серо-светло-коричневый, буроватый и розовый. Кроме того, в некоторых памятниках Азербайджана и особенно Грузии, главным образом в бассейне рек Иори и Алазани, недавно выявлена группа памятников раннебронзового века (Сиони и др.), содержащих красно-охристую керамику с пачкающей поверхностью [54]. Последняя по своим технологическим особенностям идентична глиняной посуде майкопской культуры.

Наиболее типичные формы посуды: крупные плоскодонные широкогорлые сосуды с округлым туловом и большие яйцевидные сосуды с непропорционально узким днищем; округлые сосуды с цилиндрической

---

[51] Об этом см. подробно в главе VII, стр. 390, 391 сл.

[52] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Указ. соч., табл. XXXII, *3*.

[53] На двух памятниках в Грузии (Абелиа и Нахидребис-Чала) обнаружены сосуды и фрагменты керамики, содержащие признаки, указывающие на изготовление их с помощью примитивного гончарного круга. См.: *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа, стр. 43—45.

[54] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970.

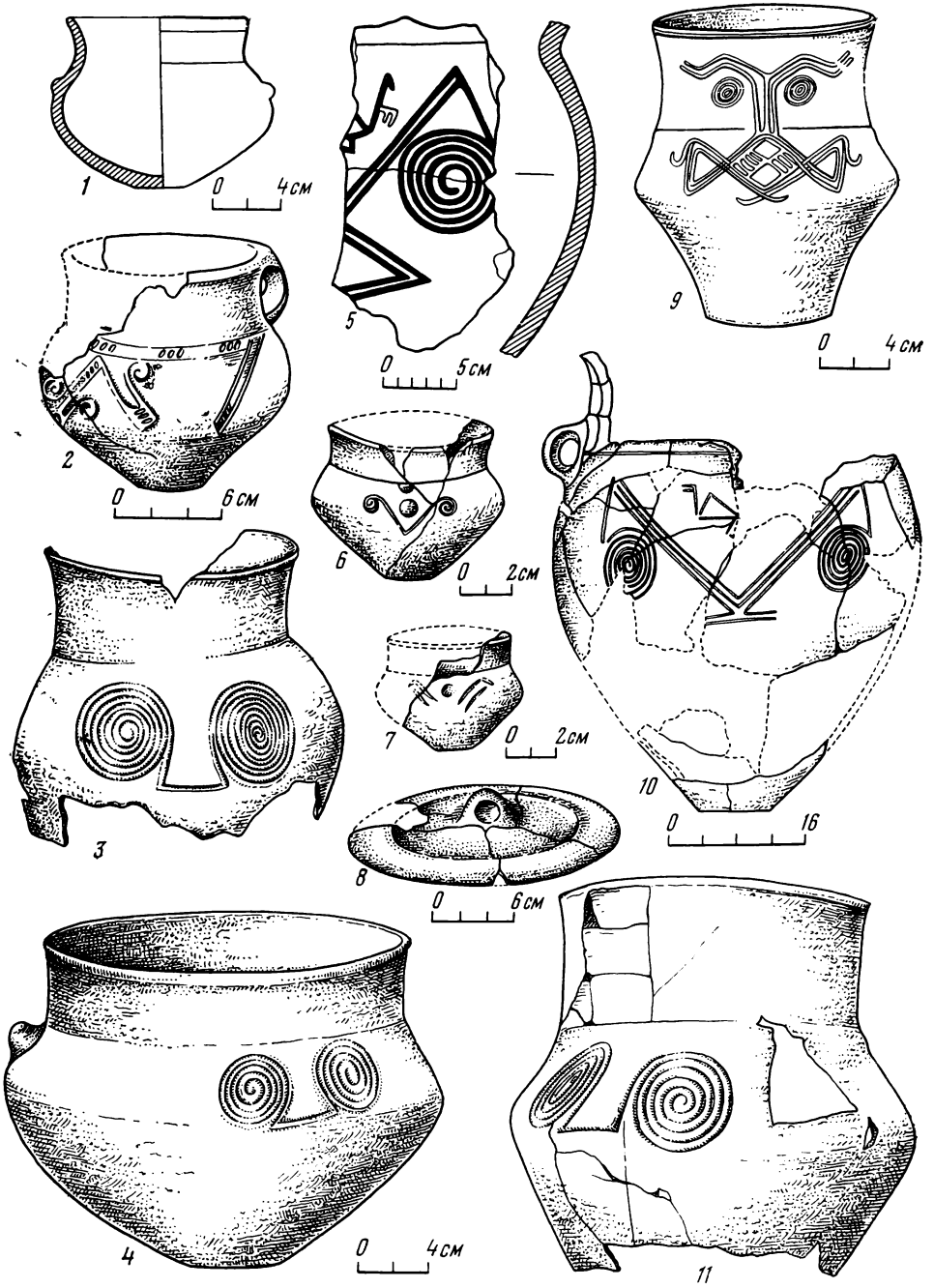

Рис. 22. Керамика куро-аракской культуры

1, 3, 4, 10 — из Грузии; *2, 8* — из Азербайджана; *5—7, 11* — из Армении; *9* — из Восточной Анатолии

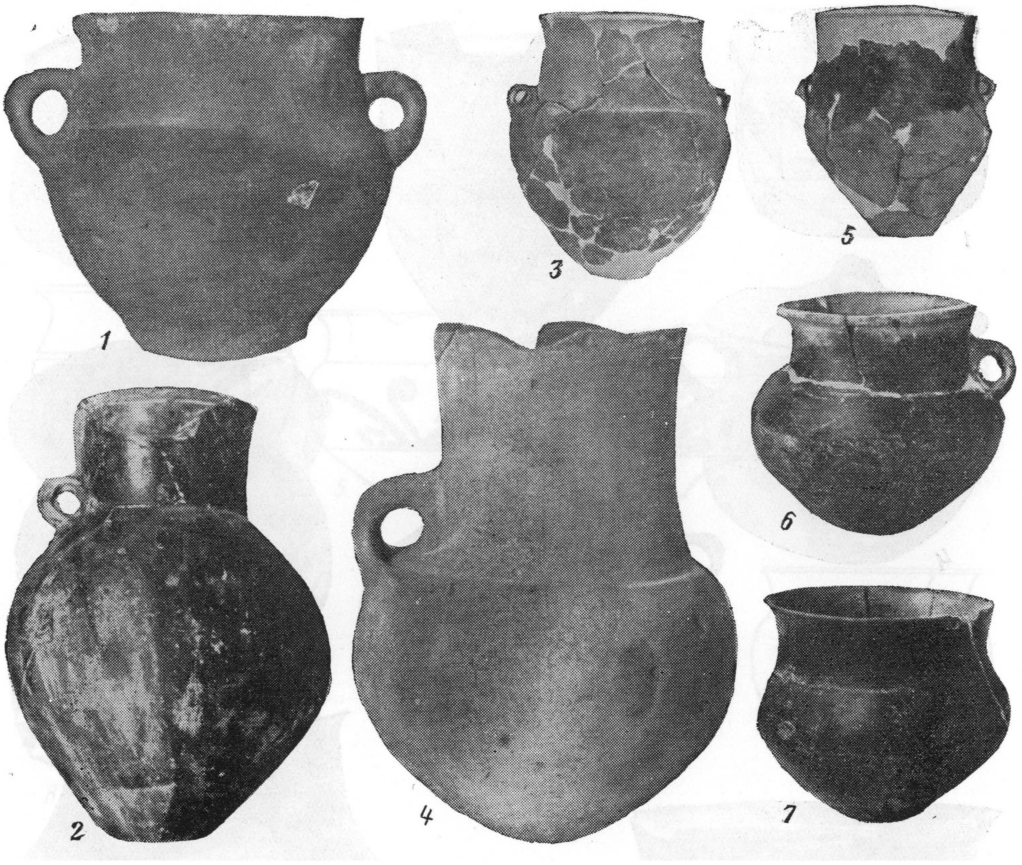

Рис. 23. Керамика куро-аракской культуры

1, *4* — из Дидубе; *2* — из Нахичеванского Кюль-тепе I; *3*, *5* — из Мингечаура; *6*, *7* — из Элара

шейкой и кувшины; горшки и кружки с вертикальными стенками; чаши и миски; кубки и другие [55]. Среди последних следовало бы обратить внимание на разнообразные сосуды, продырявленные круглыми сквозными отверстиями. Они найдены, например, в Квацхелеби (рис. 20, *10*), в Пулуре [56] и др. Такие сосуды использовались, вероятно, как цедилки при изготовлении различных молочных продуктов. Маслобойки же неоднократно находили в памятниках куро-аракской культуры [57].

[55] Более подробное описание и анализ основных форм керамики куро-аракской культуры дается дальше при характеристике памятников Дагестана и Северного Азербайджана, а также в главе VI, посвященной изучению памятников Чечено-Ингушетии.

[56] *H. Z. Kosay, H. Vary.* Указ. соч., табл. XXVII; XXIX.

[57] *И. Г. Нариманов.* К истории маслобойки. (Тезисы доклада). «МСПИАЭИ 1964 в СССР». Баку, 1965, стр. 70; *он же.* Архаические керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова «нехре» (маслобойка). «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 59—64.

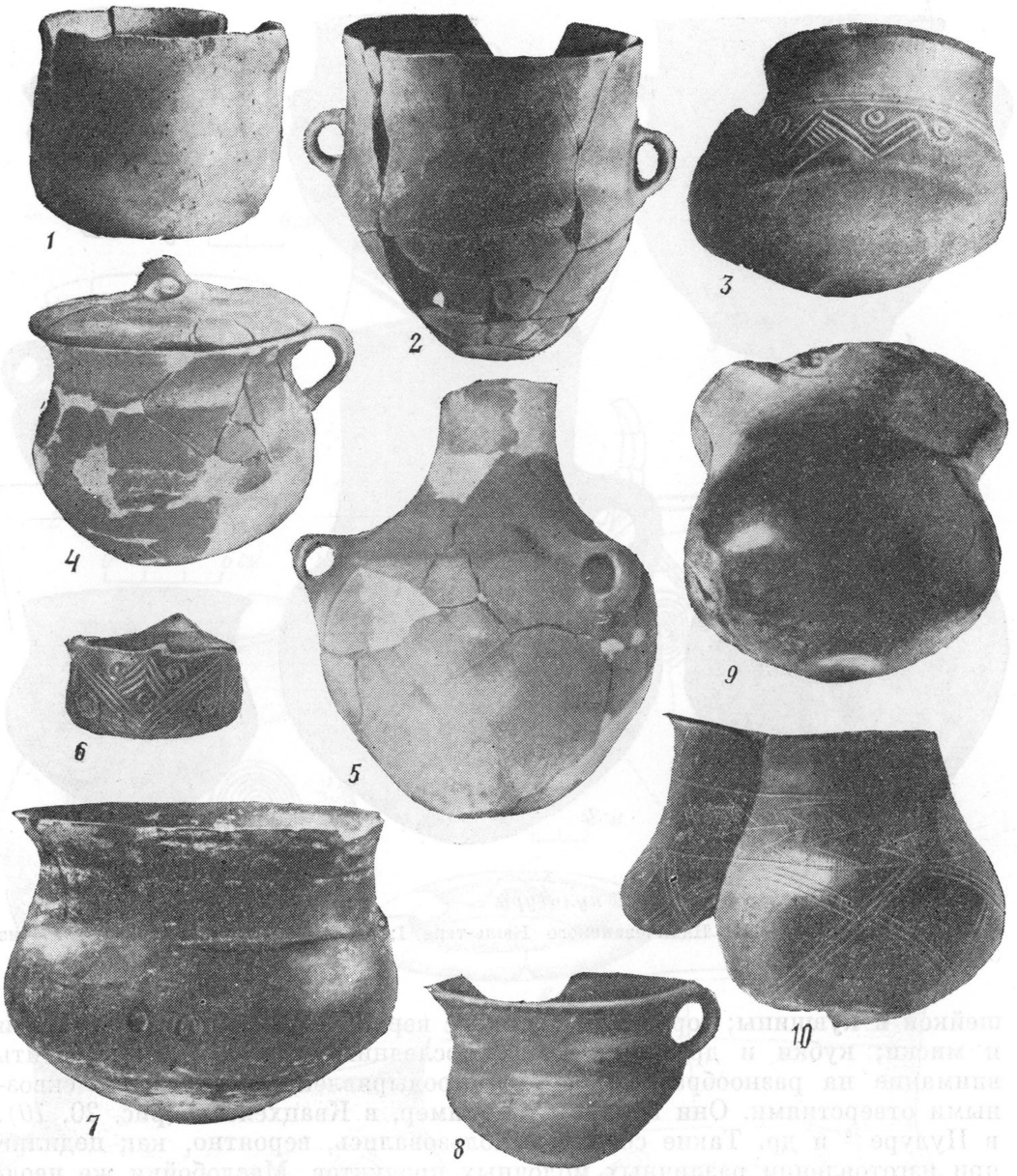

Рис. 24. Керамика куро-аракской культуры из памятников Грузии и Армении

1, 3 — **Тбилиси**; *2* — **Кикети**; *4* — **Дзагина**; *5, 8* — **Кулбакеби**; *6* — **Эчмиадзинский Кюль-тепе**; *7* — **Франгатоц**; *9, 10* — **Гудабертка**

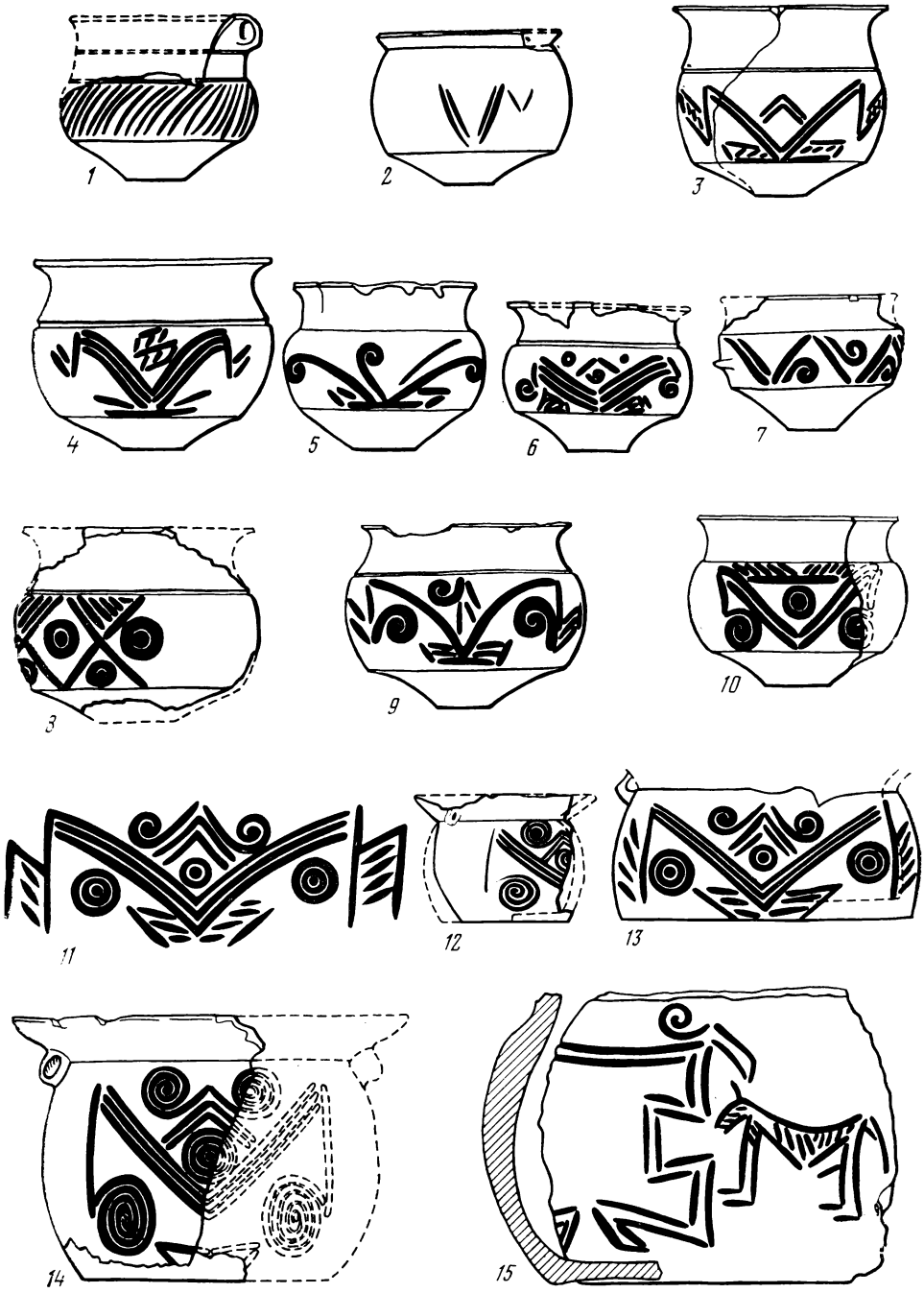

Рис. 25. Керамика куро-аракской культуры из Шенгавита (1, 15) и эчмиадзинских поселений (2—14)

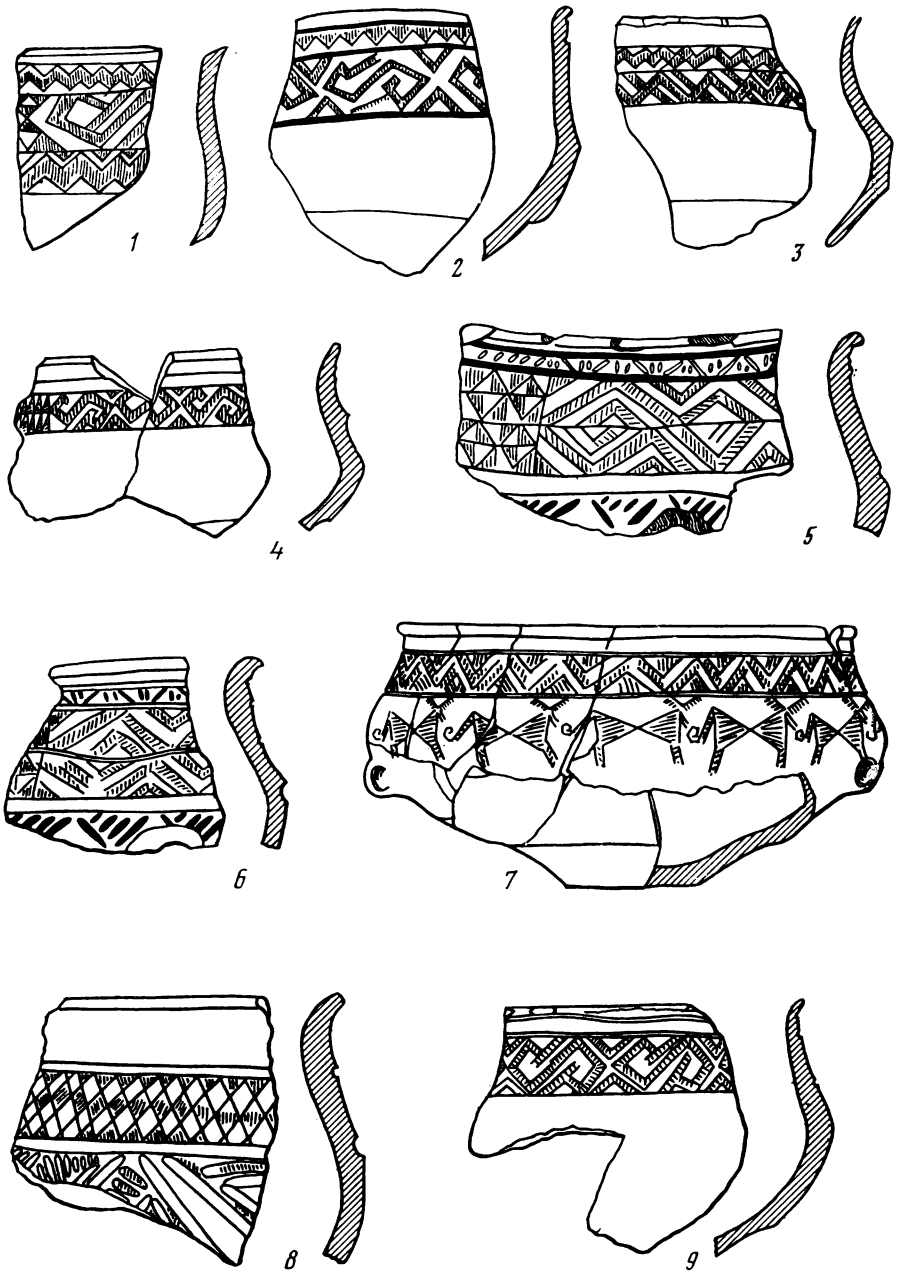

Рис. 26. Куро-аракская керамика с резной орнаментацией. Шенгавит (1—9)

Рис. 27. Куро-аракская керамика из могильника в Урбниси (1—12)

Рис. ***28. Керамика. Поселение Хизанаант-гора (1—6)***

Большинство сосудов снабжено специфическими ручками в виде полушарий, от одной (на кружках и горшках) до трех (на больших сосудах). В северо-восточных памятниках куро-аракской культуры эти характерные полушарные ручки неизвестны. Там обычны на сосудах овально- и кругло-проемные ручки, встречающиеся редко и на сосудах в Закавказье и Восточной Анатолии. Иногда на посуде малых форм имеются «лжеручки» в виде выступов. Для куро-аракской керамики характерны и дисковидные крышки с полушарной ручкой в центре от горшков и мисок (рис. 22, *8*; 28, *5*).

Крайне интересна орнаментация куро-аракской керамики. Орнамент встречается почти на всех формах посуды, а в редких случаях на крышках от сосудов и даже на очагах (рис. 19, *1*). Наиболее характерными орнаментальными мотивами являются рельефные и выпукло-вогнутые изображения в виде двойных спиралей, соединенных горизонтальной перемычкой (рис. 22, *3, 4, 11*), концентрических кругов (рис. 22, *5, 10*), ромбов, прямоугольников и других, в том числе иногда схематически выполненных изображений птиц и животных. Некоторые дисковидные крышки (рис. 20, *11*) украшены резным и выпуклым орнаментом, в частности рельефным изображением оленя с ветвистыми рогами (Квацхелеби, Гудабертка[58], Геой-тепе[59]). Особо отметим, что в Нахичеванском Кюльтепе I найдена часть крышки, украшенной полихромной черной и красной росписью. Для определенной группы куро-аракских памятников характерна резная геометрическая орнаментация: Шенгавит (рис. 26), Квацхелеби (рис. 20, *1, 7, 8*), Гудабертка (рис. 24, *10*). Следует отметить крайне любопытные изображения, напоминающие пиктографические знаки, процарапанные на сосудах из Амиранис-гора[60] и Озни[61]. На позднем этапе развития культуры орнамент на керамике почти совершенно исчезает (Элар и другие памятники).

В ряде куро-аракских памятников встречены глиняные антропоморфные и зооморфные фигурки[62], но они редки и для рассматриваемой культуры в целом мало характерны.

Значительную и довольно своеобразную группу куро-аракской керамики составляют и различные очажные подставки. Среди них небольшие цилиндрические подставки торсообразной формы, подставки с округло-четырехугольным основанием, суживающиеся кверху, подставки в виде стилизованных изображений животных (быка), массивные подставки округло-прямоугольной формы и с роговидными выступами и подставки подковообразной формы (рис. 21)[63]. Некоторые из них (цилиндрические

---

[58] Хранится в Горийском историко-этнографическом музее.

[59] *T. B. Burton-Brown.* Указ. соч.

[60] *Т. Н. Чубинишвили.* Амиранис-гора, табл. V.

[61] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 32, рис. 15.

[62] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. XXVII; *H. Z. Kosay, H. Vary.* Указ. соч., табл. XXXVII—XXXVIII; и др.

[63] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. А; *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. VII; XIV—XIX; XXI; *H. Z. Kosay, H. Vary.* Указ. соч., табл. XXVI; *Ф. М. Мурадова, Г. С. Исмайлов.* Очажные подставки куро-аракской культуры из

и с роговидными выступами) снабжены ручкой, а другие имеют круглые вдавления и поперечное сквозное отверстие. Больше всего подковообразных или полукруглых подставок, составленных иногда из нескольких частей. Иногда на них имеется орнамент в виде лицевых изображений, а иногда они украшены зооморфными или антропоморфными скульптурами. Некоторые формы таких подставок (подковообразные и с роговыми выступами) обнаружены и в памятниках кирбет-керакской культуры в Сиро-Палестине, причем часто в комплексе с характерной куро-аракской темнолощеной керамикой.

Эти подставки находят на поселениях обычно у очагов. Многие исследователи считают, что они имели прежде всего культовое назначение. Выступы на подставках рассматриваются как схематические изображения рогов быка. В этой связи важно, что в куро-аракских памятниках находят не только подставки в виде стилизованных фигурок (быка), но и глиняные фигурки быков. Это свидетельствует о широком распространении культа быка в эпоху ранней бронзы на Кавказе. Некоторые исследователи считают антропоморфные фигуры на подковообразных подставках изображением сидящего над очагом мужчины, оплодотворяющего очаг [64]. Вообще представляется несомненным широкое распространение у куро-аракских племен культа очага. Возникновение и распространение этого культа связано, конечно, в первую очередь с усиленным развитием в ту эпоху земледелия и скотоводства, а также патриархальных отношений. Хотя семантика куро-аракского орнамента не изучена, ясно, однако, что многочисленные и разнообразные спирально-концентрические изображения на керамике отражают определенные идеологические представления древнего населения края.

Об усложнении социальной жизни, о прочно сложившемся культе предков можно судить по погребальным памятникам куро-аракской культуры. Они довольно разнообразны. Здесь встречается распространенный в широком ареале расселения древнеземледельческих племен обычай погребения на площади поселения, между стенами домов и под полами жилищ.

Погребальные комплексы куро-аракской культуры открыты во всех областях Закавказья: Азербайджане, Армении и Грузии. Обращает на себя внимание разнообразие как погребальных сооружений, так и способов захоронения. Например, в Северной Грузии, в районе Гори, раскопаны подкурганные погребения (в Тквиави) [65], обычные грунтовые захоронения (Урбниси) [66] и, наконец, погребения в сырцовых могилах округло-овальной формы (Гудабертка) [67]. Во всех случаях мы наблюдаем однотипный инвентарь, в особенности керамику. В известном же Кикетском могильнике в Южной Грузии представлено три типа могил: подковооб-

памятников Азербайджана. «Известия АН АзССР, серия истории, философии и права». Баку, 1971, № 2, стр. 55—56 (на азербайджанском языке с русским резюме).

[64] *Т. Н. Чубинишвили.* Куро-араксинская культура..., стр. 130. Отметим еще, что Э. В. Ханзадян предполагает, что очаги с антропоморфными изображениями связаны с культом предков. См.: *Э. В. Ханзадян.* Гарни..., стр. 171.

[65] *С. И. Макалатия.* Указ. соч.

[66] *Л. А. Чилашвили.* Городище Урбниси. Тбилиси, 1964.

[67] Раскопки С. И. Надимашвили (не опубликованы).

разные, грунтовые могилы под каменной насыпью и ямы, стены которых укреплены камнями [68].

Наряду с отмеченными, в Грузии исследованы в немалом количестве и погребения в каменных ящиках. Только в Амиранис-гора раскопано свыше 50 таких ящиков, а также склепы подковообразной формы [69]. Особо мы хотели бы выделить ряд погребений, открытых в Восточной Грузии — Кахетии [70]. Могильные сооружения здесь представляют собой ямы, дно которых выложено галькой. Эта черта присуща погребальным сооружениям майкопской культуры.

Как подкурганные (Астара, Кабала, Кобыстан, Хачбулак) [71], так и грунтовые погребения (Кабала, Мингечаур) [72] куро-аракской культуры исследованы и в Азербайджане [73]. То же следует сказать и об Армении [74].

Погребения в курганах, грунтовых могилах, сырцовых сооружениях и каменных ящиках совершены в скорченном положении, на боку, чаще всего с произвольной ориентировкой. Особо следует отметить, что в ряде подкурганных могил на территории Азербайджана наряду с трупоположением зафиксировано и трупосожжение. Возможно, обычай трупосожжения был распространен в эту эпоху только в восточных районах Закавказья, ибо ни в Центральном, ни в Южном Закавказье обряд трупосожжения для этого времени не установлен до сих пор.

На основании изучения всей совокупности археологических данных, в частности техники и форм домостроительства, особенностей многочисленной и разнообразной керамики и ее орнаментации, памятники куро-аракской культуры представляется возможным расчленить на ряд локальных — хронологически и территориально — групп. Достаточно четко, например, выделяется шида-картлийская, или северогрузинская, группа, представленная такими памятниками, как поселения Квацхелеби, Хизанаант-гора, Гудабертка и др. и могильники Тквиавский, Урбнисский и др. Здесь мы наблюдаем несколько особую форму жилой архитектуры (рис. 18) в виде главным образом прямоугольных с округленными углами и овальных домов (круглые постройки открыты только в одном горизонте Хи-

[68] *Г. Г. Пхакадзе.* Указ. соч., стр. 138

[69] *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа, стр. 69—71.

[70] *К. Н. Пицхелаури.* Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965.

[71] *Ф. Р. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* Новые данные о древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1967, № 3; *Д. Н. Рустамов, Ф. М. Мурадова.* Раскопки в Кобыстане. «АО 1970 г.». М., 1971, стр. 391; *Г. П. Кесаманлы.* Результаты работ Хачбулакской археологической экспедиции 1960—1962 гг. «СПИПАР 1963 г. Тезисы докладов и сообщений». Баку, 1964, стр. 14—15.

[72] *С. М. Казиев.* О древних погребальных обрядах на территории Кабалы. МКА, VI. Баку, 1965, стр. 235—251; *он же.* Варданлинские археологические раскопки. МКА, VII. Баку, 1973, стр. 146—159; *Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Йоне.* Указ. соч., стр. 26—27.

[73] В Мильской степи А. А. Иессеном раскопан большой курган, основное погребение которого относится к эпохе ранней бронзы. Последнее выпадает из круга памятников куро-аракской культуры и по ряду признаков сближается с погребениями в курганах Северного Кавказа III тыс. до н. э. Поэтому мы рассматриваем его в разделе, посвященном изучению майкопской культуры, стр. 312, 313.

[74] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. I.

занаант-гора). Своеобразны здесь и формы керамики, почти лишенной орнаментации (рис. 20; 27; 28). Например, в памятниках этой группы отсутствуют сосуды с рельефными изображениями в виде спиралей и концентрических кругов, столь характерные для керамики других районов Грузии и значительной части остального ареала куро-аракской культуры.

Другая локальная группа включает, например, памятники типа эчмиадзинских поселений в Армении с их художественно выполненной керамикой, богато украшенной различными выпукло-вогнутыми изображениями (рис. 25)[75].

Особую группу составляют памятники типа Амиранис-гора и Караз. На этих поселениях открыты близкие по форме и размерам каменные прямоугольные дома и глиняные сосуды с несколько отличной рельефной спиральной орнаментацией, иногда в виде лицевых изображений (рис. 22, *9*).

Есть основания считать, что памятники типа Нахичеванского Кюльтепе, Геой-тепе и Яник-тепе на юге Закавказья и в Северо-Западном Иране, а также в районе оз. Ван в Восточной Анатолии составляют еще одну локальную группу памятников этой культуры. Можно говорить и о дидубе-кикетской группе памятников, так же как об иоро-алазанской, или кахетинской, группе. Но прежде чем высказать мнение о культурно-хронологическом соотношении всех этих групп памятников, мы рассмотрим специально один из четко выделяемых локальных вариантов куро-аракской культуры, который можно назвать дагестанским, или восточнокавказским. Его характеризуют памятники, расположенные в Дагестане, а также в Северном Азербайджане, в Хачмасско-Кубинской зоне, и представляющие собой почти исключительно поселения. Они расположены во всех зонах Дагестана — в равнинной, предгорной и горной[76]. В равнинной части это Мамрашское (Магарамкентский р-н); Великентское (Дербентский р-н); Каякентское, Мамайкутанское (Каякентский р-н); Махачкалинское (г. Махачкала) и др. Несколько поселений открыто в предгорной полосе края. Это Гильярское (Магарамкентский р-н), Шаракунское (Касумкентский р-н), Гяуркалинское (Кайтагский р-н) и Мекегинское (Левашинский р-н).

В горной части края также выявлен ряд памятников, в частности поселение в урочище Чинна (Хунзахский р-н), Гинчинское поселение

---

[75] Эта керамика описана в ряде работ: *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»...; *Б. Б. Пиотровский.* Поселения медного века в Армении; *Л. Л. Карапетян.* Формы и орнаментация энеолитической керамики Армении. Известия АН АрССР, № 6. Ереван, 1964; *С. А. Сардарян.* Указ. соч. Но наиболее полное освещение ее дано в трудах Э. В. Ханзадян. См.: *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья...; *она же.* Керамика Шреш-блура и Кюль-тапы и ее искусство. «Историко-филологический журнал АН АрССР». Ереван, 1964, № 3. Э. В. Ханзадян выделила в Армении несколько локально-хронологических групп куро-аракской керамики и попыталась проследить их генезис. Сделанные ею наблюдения интересны и важны как для выделения локальных вариантов куро-аракской культуры, так и для установления ее относительной периодизации.

[76] История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 42—44.

(верхний слой, Советский р-н) и поселение Галгалатли I и могильник Шебоха (Ботлихский р-н).

Таким образом, все известные нам поселения в равнинной прикаспийской части Дагестана расположены к югу от г. Махачкалы и достигают р. Самур, по которой проходит современная административная граница между Дагестаном и Азербайджаном.

В этом пограничном районе Северного Азербайджана до недавнего времени не были исследованы памятники эпохи ранней бронзы. Теперь здесь выявлена группа поселений куро-аракской культуры [77], которая по ряду признаков близка упомянутым памятникам в равнинном Дагестане. Перейдем к обзору восточнокавказского локального варианта куро-аракской культуры. Все эти поселения расположены в Кусарском районе АзССР.

Поселение Гевдешан-тепе помещается на высоком холме вытянутой формы размером 160×70 м при высоте 9—10 м. Здесь в 1963 г. был заложен шурф площадью 3×4 м и установлена мощность культурного слоя 2,0 м. Последний насыщен различными хозяйственно-бытовыми предметами (зернотерки, песты, терочники), среди которых основную часть составляют обломки лощеных сосудов преимущественно серых оттенков.

Другое поселение находится на холме Тапа-Ятаги у станции Худат. Холм в плане округло-овальной формы (170×136 м), высота 4 м. Значительная часть холма занята современным кладбищем. Обследование поселения ограничилось сбором в том же 1963 г. на поверхности холма подъемного материала, преимущественно керамики. Вся она однотипна и совершенно аналогична керамике из Гевдешан-тепе. В керамическом комплексе представлены обломки колесика и жаровни. Найдены здесь также зернотерки и пестики.

Поселение Кяфле-тепелери [78]. Недалеко от Самур-Дивичинского канала, вдоль шоссе Кусары — Худат находится ряд холмов (Кяфле-тепелери). На одном из них произведены раскопки. Высота холма 10—12 м; он вытянутой формы (северо-восток—юго-запад). Толщина культурного слоя составляет 1—1,20 м. Материал по всей толще слоя единообразен. Это в основном керамика. Выявлены остатки пола какого-то помещения в виде утрамбованной площадки, покрытой золой; раскопано несколько хозяйственных ям.

Таким образом, мы видим здесь, в Северном Азербайджане, на самой границе с Дагестаном, типичные поселения куро-аракской культуры на холмах. Все они однослойные с единообразным материалом.

Можно уверенно говорить, что цепь этих поселений в северном направлении продолжают как раз отмеченные поселения в Магармакентском районе ДАССР. Что они собой представляют?

---

[77] Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность Д. А. Халилову за то, что он сообщил мне об этих памятниках и разрешил использовать их в работе.

[78] *Д. А. Халилов, Г. П. Кесаманлы, А. Ш. Оруджев.* Кяфле-тепелери. «АО 1970 г.», стр. 392; *Д. А. Халилов, Г. П. Кесаманлы.* Кяфле-тепелери — поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане. «Кавказ и Восточная Европа в древности», стр. 55—59.

Памятники в Дагестане[79]. В 1,5 км к востоку от сел. Гильяр обследованы две группы холмов (по два в каждой группе). Они находятся на краю древней террасы р. Самур. Приведем размеры холмов в одной из групп. Первый из них имеет в плане округлую форму, диаметр 30 м, высота 10 м; второй холм вытянут, с плоской вершиной, длина (северо-восток—юго-запад) 110 м, ширина 50 м, высота 4 м.

Такие же холмы с аналогичной керамикой зафиксированы в 2 км к югу от с. Ходжа-Казмаляр, на северо-восточной окраине сел. Ходжакала и между селениями Ашага-Яраг и Кансокент[80].

Интерес представляет поселение в 1 км к северо-востоку от с. Мамраш. Оно располагалось на 11 небольших холмах (длиной 10—15 м) по обе стороны дороги на ст. Белиджи[81].

Значительное число поселений открыто к северу от г. Дербента. В самом Дербентском районе обследовано поселение у с. Великент и зафиксирован холм в 5 км к юго-юго-западу от поселка Белиджи и в 1,5 км от с. Куллар, известный под названием Дербент-кала. Холм имеет овальную в плане форму (50×20 м; высота около 10—12 м).

Великентское поселение расположено в 0,5 км от сел. Великент, на правом берегу р. Кубу-чай[82], на плоской вершине холма, вытянутого с северо-запада на юго-восток (175×150 м, высота 9 м). Толщина культурного слоя 2 м.

В 60—80 м к юго-востоку от этого холма, над берегом р. Кубу-чай сохранились остатки продолговатого холма высотой 3,5 м (длина 45 м, ширина 4—6 м). Здесь раскопана гончарная обжигательная печь и найден комплекс сосудов с характерной спиральной орнаментацией[83]. Считается, что на этом холме было сосредоточено гончарное производство обитателей Великентского поселения. Таким образом, оба холма представляют собой единый памятник[84].

В 10 км к юго-западу-западу от сел. Великент находится естественное холмистое возвышение под названием Гяур-тапа. Собранная там керамика сопоставляется с соответствующим материалом из Великентского поселения[85].

Мамайкутанское поселение расположено на небольшом плоском возвышении в центре хут. Мамай-кутан. Размеры его 50×50 м; высота 2,0—2,5 м; толщина культурного слоя 1,5 м. Это зольный холм-тепе, образованный различными строительными и прочими культурными остатками.

К северо-западу от Мамай-кутана зафиксировано 19 возвышений продолговато-округлой формы длиной 15—25 м. На одном из них обнаруже-

---

[79] *В. Г. Котович.* Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I. Махачкала, 1959, стр. 135. Подробное описание большинства этих памятников и анализ обнаруженного в них материала даны нами в монографии «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа».

[80] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 135.

[81] Там же, стр. 121—132; *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч.

[83] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 123—126.

[84] В 200—250 м от упомянутого поселения находятся еще два холма, на которых нами собран аналогичный керамический материал. См. *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч.

[85] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 135.

на керамика, близкая той, что дают описываемые памятники. Видимо, эти «тепе ляр» представляют собой также места поселений эпохи ранней бронзы. Они, по-видимому, были заняты отдельными семейно-родовыми группами.

Каякентское поселение находится на правом берегу р. Гамжи-озень, в 4 км к юго-востоку от сел. Каякент. Оно располагалось на вершине холма длиной около 180 м и высотой 10 м. С двух сторон холм отделен широкими оврагами, которые, возможно, использовались в оборонительных целях [86].

Махачкалинское поселение находилось на южной, ныне застроенной части г. Махачкалы, на плоском холмообразном возвышении.

В предгорной зоне Дагестана наиболее исследовано поселение у с. Мекеги. Оно располагалось на вершине невысокого холмообразного возвышения (площадь 500×80 м). Мощность культурного слоя поселения составляет 2,0 м [87]. Здесь открыты остатки круглого в плане каменного дома [88] и жилищ полуземляночного типа. Среди находок: каменные зернотерки, кремневые вкладыши серпов и наконечники стрел, а также значительный керамический комплекс, включающий в себя выразительные формы сосудов и несколько экземпляров характерных очажных подставок цилиндрической формы.

Перечисленные памятники, таким образом, объединяются не только одинаковым характером своего расположения на местности, но, главное, единством всего бытового и производственного инвентаря, особенно керамики. Характерно, что мощность культурных напластований этих памятников почти одинакова — от 1,5 до 2,0 м.

Ряд памятников куро-аракской культуры исследован также в горной части Дагестана. О Гинчинском поселении уже говорилось. Интересно и поселение в урочище Чинна [89]. Но самым интересным является, пожалуй, поселение Галгалатли I.

Поселение расположено на крутом склоне продолговатого холма под названием Галгалатли («местонахождение извести»), в 2 км к югу от с. Гагатль Ботлихского района [90]. Площадь поселения невелика — 35—40×12 м. Здесь вскрыты остатки круглых каменных построек и добыт разнообразный материал: керамика, каменные орудия, связанные с земледельческим процессом, костяные предметы, металлические изделия и глиняная литейная форма для отливки проушного топора, а также много остатков зерна и костей животных.

---

[86] *А. П. Круглов.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 20.

[87] Раскопки В. Г. Котовича в 1958—1959 гг.

[88] История Дагестана, т. I, стр. 45.

[89] *Д. М. Атаев, К. Х. Кушнарева.* Два поселения в урочище Чинна (Горный Дагестан). КСИА, вып. 108, 1967, стр. 68—73.

[90] *М. Г. Гаджиев.* Раскопки памятников бронзового века в Горном Дагестане. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 102; *он же.* Отчет о работе I Горного отряда ДАЭ в 1968 г. Архив ИА АН СССР, № 4032, стр. 6—20.

Приношу глубокую благодарность М. Г. Гаджиеву за разрешение использовать в своей работе материалы из Галгалатли I, любезно предоставившему мне фотографии и рисунки вскрытых на поселении объектов и обнаруженных там предметов.

Большинство из перечисленных памятников расположено в равнинной и предгорной полосе. Все почти поселения расположены у рек на естественных холмах и холмообразных возвышенностях. Причем каждый памятник представляет собой, как правило, целый комплекс возвышений, отделенных друг от друга расстоянием в 100—200 м. В Каякенте такой комплекс состоит из двух холмов; в Великенте — из четырех-пяти; в Мамай-кутане же их количество доходит до десяти. То же самое отмечено и в Магарамкентском районе, а также в Кусарском (АзССР) — Кяфле-тепелери.

Холмы в комплексе различаются между собой формой и размерами. Видимо, различно было и их назначение. Местом расположения самого поселка являлся один из холмов с плоской вершиной. Эти холмы содержат довольно насыщенный культурный слой. Что же касается холмообразных возвышений, примыкающих к самим поселениям, то их площадь могли использовать и для посева, и для выпаса скота, и для других целей.

Таким образом, мы имеем здесь прежде всего «равнинные» поселения, занимающие холмообразные возвышенности или представляющие зольные холмы — тепе. В горах поселения расположены на высоких террасах и крутых склонах, господствующих над окружающей местностью, которая пригодна для развития земледелия и скотоводства. Таким образом, здесь наблюдается та же картина, что и в Закавказье.

Остатки жилых сооружений открыты на многих из перечисленных поселений. Они представляют в основном куски глиняной, часто обожженной обмазки от пола и стен жилищ, со следами от прутьев и жердей. Основным видом жилища в ту эпоху здесь, как и в Закавказье, были наземные постройки, стены которых сплетены из прутьев и жердей и обмазаны глиной.

Особо следует сказать о жилищах, открытых на Мекегинском поселении. Все они полуземляночного типа, как в Мингечауре, но в отличие от последних имеют округлые очертания (диаметр около 6—7 м). Стены сложены из камня на глиняном растворе. Полы жилищ покрыты слоем глиняной обмазки толщиной до 1,0 см и сверху выложены тонкими известковыми плитками. Важно и то, что здесь же были открыты остатки круглоплановых каменных домов.

О том, что характерная для куро-аракской архитектуры традиция сооружения круглых домов получила на Восточном Кавказе, в частности в Дагестане, широкое развитие, убедительно свидетельствуют жилые постройки, открытые на поселении Галгалатли I. В 1968 г. здесь были раскопаны остатки трех таких домов.

От одного из них, сооруженного на крутом склоне, сохранилась часть дугообразной стены. Это была круглоплановая постройка диаметром около 6 м. Внутри помещения у стены открыта каменная пристройка шириной 0,40—0,70 м и высотой в среднем 0,60 м, служившая, как полагает М. Г. Гаджиев, сидением. Она была тщательно обмазана глиной. К ней примыкала другая, также обмазанная глиной, пристройка типа лежанки длиной 1,5 м, шириной 0,80 м и высотой 0,40 м. Стены жилища сложены из хорошо подобранных, а иногда обработанных камней, скрепленных

грязевым раствором. Стены с внутренней стороны местами укреплены каменными пристройками. Каменные специальные перегородки шириной 0,30—0,40 м, сохранившиеся на высоту 1,0 м и длину 2,20 м, разделяли жилище на два отделения: северное (треугольной формы) и более крупное южное, каждое со своим входом. Пол дома был утрамбован и слегка обмазан. В полу вырыты два очага округлой формы диаметром 0,50 и 0,60 м и глубиной 0,17 и 0,35 м. Печи находились в 0,50 м друг от друга, у центрального контрфорса, в южной половине жилища. М. Г. Гаджиев считает, что они имели своды, от которых сохранились куски обмазки. Около печей найдены две зернотерки, а также большое количество обуглившегося зерна. Рядом с ними расчищена небольшая яма диаметром 0,18 м и глубиной 0,16 м, в которой обнаружены обломок чернолощеного сосуда баночной формы высотой 13,5 см (рис. 29, *2*) и бронзовое тесло (рис. 30, *1*).

В северной части жилища находок оказалось мало. Это фрагменты сосудов, кости животных, обломки каменных зернотерок и песта и часть глиняной очажной подставки со сквозным отверстием. Большое количество предметов находилось в южной части. Здесь, главным образом на каменных пристройках, лежали глиняные сосуды; в некоторых из них было много обуглившегося зерна.

Остатки другого круглого каменного помещения диаметром 6 м открыты в 4 м к северу от первого [91]. Пол дома обмазан глиной толщиной до 5 см. И эта постройка каменной перегородкой разделялась на два отделения, причем площадь южной части была вдвое больше, чем северной. Необходимо отметить, что в южном отделении этого дома обнаружена глиняная двустворчатая форма для отливки топора (рис. 30, *3*).

Рядом с этими помещениями расчищены остатки еще одной каменной круглоплановой жилой постройки [92].

Хотя не выяснены еще характер перекрытия этих домов в Галгалатли и некоторые другие детали, важен сам факт существования здесь в эпоху ранней бронзы типичной для куро-аракской культуры формы жилой архитектуры [93]. Но в Дагестане, как и в Закавказье, представлены не только круглоплановые дома, но и прямоугольные, о чем свидетельствуют остатки построек на поселении Чинна.

Однако здесь слабо изучены очажные сооружения. Кроме Галгалатли I, остатки очага типа тондыра открыты еще на Каякентском поселении [94]. Это очажное сооружение, так же как открытые в Галгалатли, находит себе аналогии по форме и конструкции в куро-аракских памятниках Закавказья. Там открыты очаги двух типов. Один, отличающийся оригинальной формой и конструкцией, мы уже отметили. В Дагестане очаги такого типа пока не открыты. Второй тип слабо исследован.

---

[91] *М. Г. Гаджиев.* Отчет о работе..., стр. 16—19.

[92] Там же, стр. 20, 21.

[93] Следует отметить, что в некоторых поселениях Дагестана (например, Чиркейское на горе Тад-Шоб) в отличие от Закавказья круглые дома продолжали сооружать в эпоху, следующую непосредственно за периодом развития куро-аракской культуры. См.: История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 57.

[94] *А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 20—21.

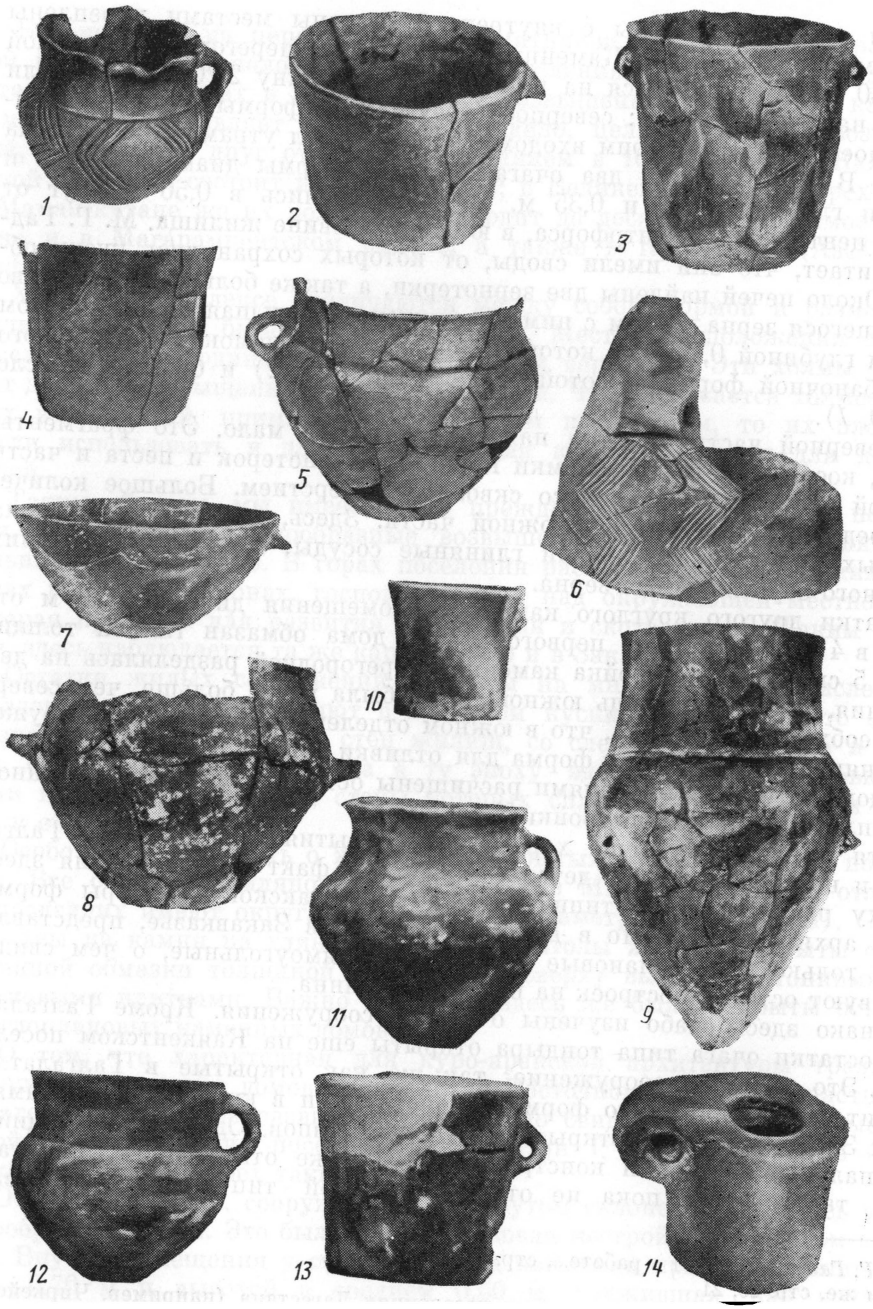

Рис. 29. Керамика эпохи ранней бронзы

1—9, 14 — из Галгалатли I; *10—13* — из могильника Шебоха

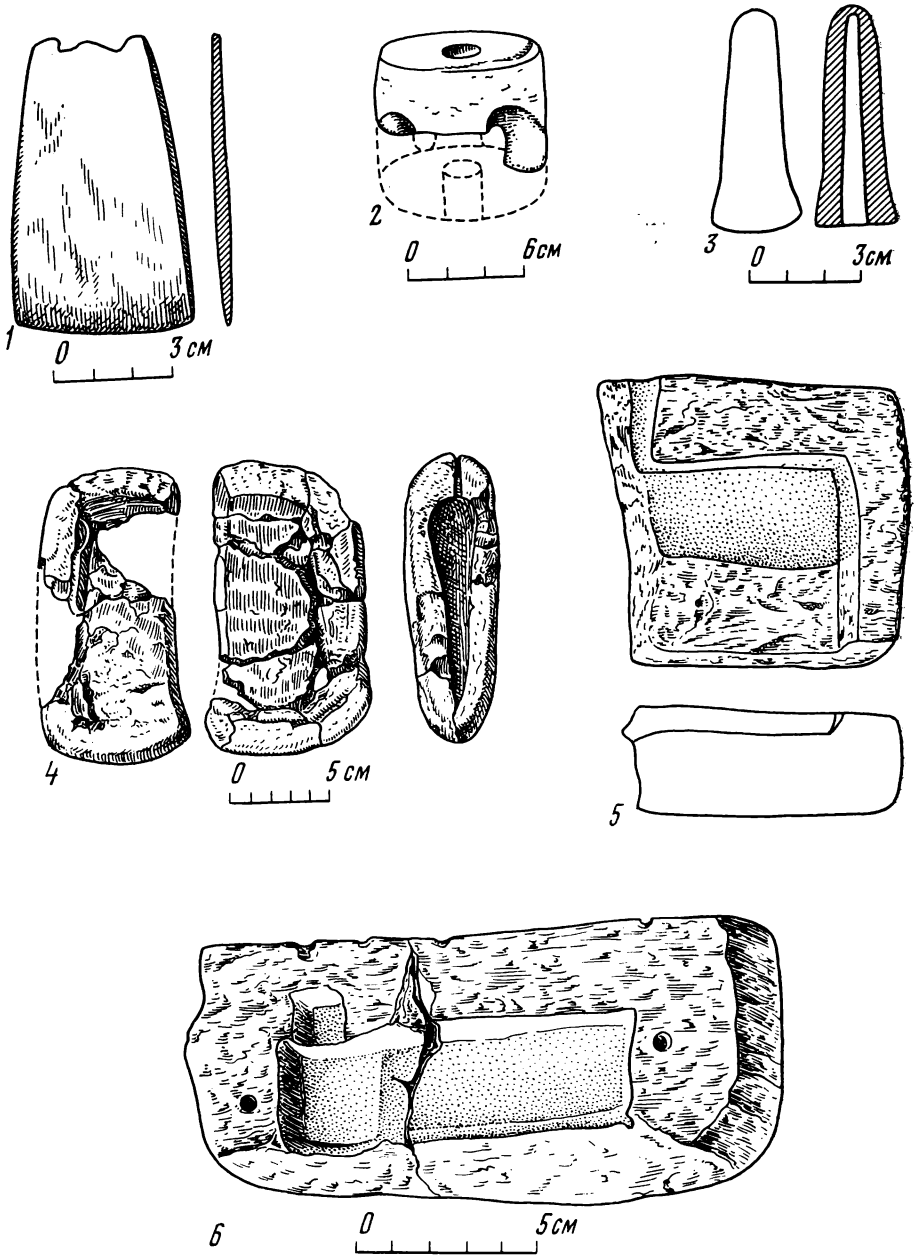

Рис. 30. Литейные формы и другие предметы

1, 2, 4 — Галгалатли I; *3* — Бабадервиш; *5* — Шенгавит; *6* — Гарни

Остатки такого очага обнаружены у стены одного из жилищ Шенгавитского поселения и в слое Бешташенской крепости в Триалети [95]. К этому типу очагов относится, в частности, печь, раскопанная в Каякенте. Наряду с подобными в поселениях Дагестана эпохи ранней бронзы использовались, вероятно, и очаги другого типа.

На дагестанских поселениях раскопаны также различные хозяйственные ямы; некоторые из них служили зернохранилищами.

Связь этих памятников с куро-аракской культурой еще более подчеркивается археологическим материалом. Например, здесь мы имеем тот же самый набор орудий, что и в куро-аракских памятниках Закавказья и других областей.

Это, во-первых, кремневые вкладыши в наборные серпы. Они найдены в поселениях как равнинной части края, так и горных районов. Все они обработаны отжимной ретушью и несут на себе следы работы в виде заполированности рабочего края.

Другой распространенной категорией орудий являются каменные зернотерки, встреченные во всех поселениях. Особенно много их обнаружено на Великентском поселении [96]. Они сделаны из плотного известняка и песчаника и отличаются довольно характерной ладьевидной формой; есть зернотерки и прямоугольной формы.

Найдены также каменные терочники и песты. Они ничем не отличаются от тех, которые широко представлены в раннеземледельческих поселениях других областей.

Из каменных орудий следует еще отметить топоры. По существу они обнаружены только в Великентском поселении (4 экз.). Один из них представляет собой клиновидное орудие с едва намеченным желобком в верхней части [97]. Его можно считать разновидностью каменных клиновидных орудий, представленных обычно в неолитических и энеолитических памятниках. Как увидим дальше, они часто встречаются и в поселениях майкопской культуры. В куро-аракских же памятниках Южного Кавказа такие топоры, как правило, почти отсутствуют. Исключение составляет, пожалуй, лишь Нахичеванский Кюль-тепе I, где они встречены как в нижнем, так и в куро-аракском слое [98].

В Великентском поселении найдено еще два каменных желобчатых топора [99]. Аналогичные топоры с желобчатым перехватом обнаружены в ряде куро-аракских памятников Закавказья, в частности в Шреш-блуре, Шенгавите, Эларе, Триалети, Нахичеванском Кюль-тепе [100]. Ряд случайных находок таких топоров сделан и в самом Дагестане, а также в Чечено-Ингушетии и памятниках других областей Северного Кавказа [101].

---

[95] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 112—113, рис. 119 и табл. CXVIII, *2*.
[96] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 7, 8; рис. 9.
[97] Там же, табл. III, *3*.
[98] *О. А. Абибуллаев.* Указ. соч., табл. 8, *2, 5, 7*.
[99] *В. Г. Котович.* Указ. соч., табл. I, *5*.
[100] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 103, рис. 58; *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. V; *О. А. Абибуллаев.* Указ. соч., табл. 9, *3, 4, 6*.
[101] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч.

Более интересен найденный в Великенте массивный топор-молот с незаконченным коническо-круглодонным отверстием [102].

В кавказских комплексах неизвестен столь массивный каменный топор с просверленным отверстием. Сверленые же каменные топоры, иногда отшлифованные по всей поверхности, найдены в куро-аракских памятниках, например в Шенгавите [103] и Нахичеванском Кюль-тепе [104].

Из других каменных орудий отметим еще обнаруженные на Великентском поселении 17 грузил [105]. Они изготовлены из плоской гальки длиной в среднем 4—5 см. На противоположных сторонах гальки сделаны выбоины, служившие для крепления их, по-видимому, к сети или ткацкому станку.

Аналогичные предметы не характерны для куро-аракской культуры. Такие же грузила найдены еще на Очемчирском селище эпохи ранней бронзы в Абхазии [106]. Что же касается костяных орудий труда, то в рассматриваемых поселениях представлены обычные и широко распространенные в куро-аракских памятниках проколки и шилья [107].

Отмеченный каменный и костяной инвентарь обнаруживает большие черты сходства с инвентарем куро-аракских поселений Закавказья.

Такое же сходство наблюдается и в предметах вооружения, найденных в Великентском (одна булава и пять наконечников стрел) и в Каякентском (одна булава) поселениях. Здесь имеются сравнительно большие стрелы треугольной формы с незначительной выемкой в основании (три кремневых и одна обсидиановая) и миниатюрная стрелка с плоским асимметричным основанием [108]. Вообще для куро-аракских памятников характерно крайне ограниченное количество наконечников стрел. Среди них преобладают черешковые, но имеются и аналогичные великентским.

Что же касается каменных наверший булав, то в куро-аракских памятниках Закавказья они встречаются часто. Булавы изготовлены из мергеля, диабаза, мрамора, известняка, гематита и других пород камня и отличаются преимущественно шаровидной формой. Причем, булавы найдены здесь как на поселениях, так и в могильниках [109].

Перейдем теперь к характеристике самого массового материала — керамики.

Керамика памятников Дагестана и Северного Азербайджана изготовлена ручным способом. Глина содержит большое количество примесей, главным образом шамота. Сосуды отличаются, как правило, тщательностью лепки и неплохим обжигом. Поверхность большинства сосудов лощеная, доведенная часто до блеска. Цвет лощения разнообразный —

---

[102] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 122, табл. 1, *7*.

[103] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 116, рис. 69. Э. В. Ханзадян опубликовала находки ранних каменных сверленых топоров из Армении. См.: *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья, табл. VIII—IX.

[104] *О. А. Абибуллаев.* Указ. соч., стр. 440, рис. 7, *8*.

[105] *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 122, табл. 1, *4*.

[106] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 30, табл. II, *1*.

[107] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 14; 15.

[108] Там же, стр. 16.

[109] Обзор находок каменных булав в куро-аракских и других памятниках Кавказа см.: *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 67.

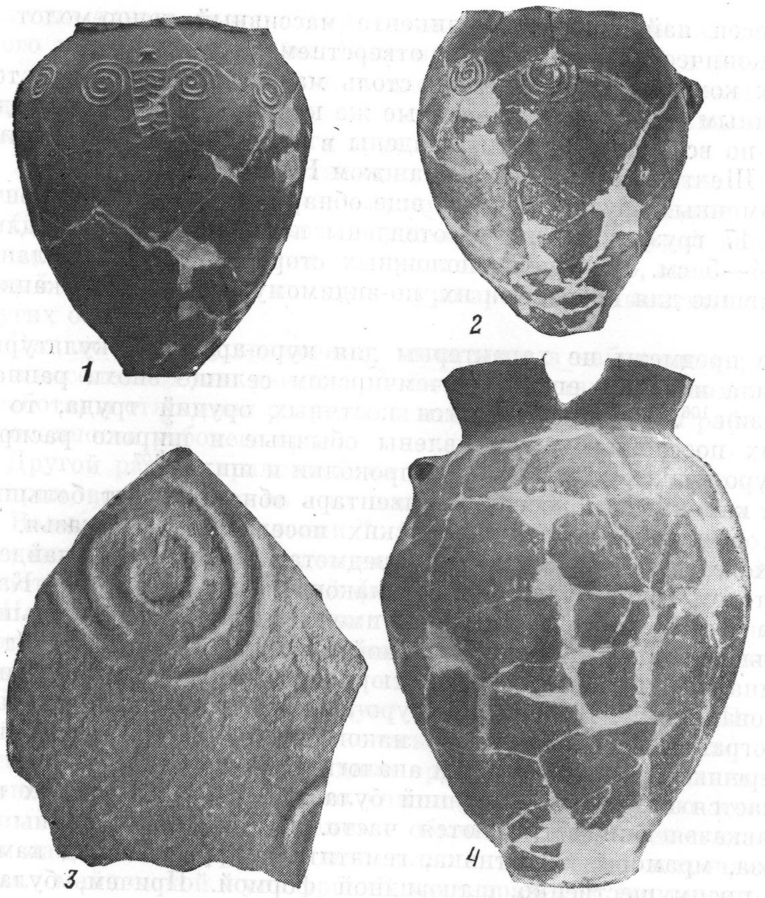

Рис. 31. Керамика Великентского поселения (1—4)

серый, но чаще серо-светло-коричневый, буроватый и розовый, а иногда и черный. Из коллекции керамики Дагестана резко выделяется сравнительно небольшая группа сосудов, наружная поверхность которых обмазана жидкой глиной. Форма и орнамент этой посуды своеобразны.

По характеру обработки наружной поверхности сосудов керамику можно четко разделить на две группы: лощеные сосуды и сосуды, наружная поверхность которых обмазана глиной.

Первую, основную группу керамики, можно подразделить на три типа: большие сосуды, разнообразные горшки и миски.

Большие сосуды обнаружены почти на всех поселениях. Для них характерны большое яйцевидное тулово, прямой высокий венчик и непропорционально узкое днище. Группа серолощеных сосудов данного типа с высокой цилиндрической шейкой, яйцевидным туловом и небольшим округленным дном происходит, например, из Галгалатли (рис. 29, *9*). Высота их от 77 до 84 см. На тулове три симметрично расположенные ручки.

На плечиках некоторых из подобных сосудов, найденных в равнинной части Дагестана, например в Мамайкутанском поселении, размещался рельефный орнамент в виде большой спирали. На одном из сосудов этого типа, найденном в Великенте, выпуклая часть украшена рельефным орнаментом, который состоит из четырех выпуклых спиралей (рис. 31, *1*); между ними размещена еще рельефная фигура в виде двойной спирали, соединенной одной горизонтальной перемычкой и системой косых линий, составляющих как бы лестницу. Внешний конец каждой из этих двух спиралей опускается на 5—6 см вниз и заканчивается крючком [110]. В общей орнаментальной композиции этого сосуда мы имеем, следовательно, шесть симметрично расположенных спиралей.

В Каякентском поселении найден обломок сосуда, украшенного налепной фигурой в виде двойной спирали, несколько усложненной расположенными между ее завитками косыми линиями. Внешние концы каждой спирали также опускаются вниз и заканчиваются таким же крючком [111].

Как показывают материалы Великентского, Каякентского, Мамайкутанского и Махачкалинского поселений, сосуды данного типа были украшены, кроме того, рельефным орнаментом в виде ряда концентрических кругов, округлых выпуклостей и различных фигур геометрических очертаний [112].

Характерно, что почти совершенно аналогичны рассмотренным большие сосуды из ряда куро-аракских памятников Закавказья.

Эта форма сосудов характерна для куро-аракской культуры в целом. Поэтому Б. А. Куфтин и отнес ее к руководящим образцам куро-аракской керамики [113]. Важно и то, что закавказские сосуды этого типа украшены рельефными спирально-концентрическими изображениями.

Керамика с выпуклым спирально-очковидным орнаментом, как отмечалось, обнаружена в куро-аракских памятниках Азербайджана, Грузии и Армении, а также в Иранском Азербайджане и Восточной Анатолии (рис. 22).

В Азербайджане такой орнамент имеется на керамике Бабадервишского поселения. Керамика Нахичеванского Кюль-тепе, как правило, не имеет орнаментации. Здесь найдены всего несколько сосудов с орнаментом. На выпуклой зоне этих сосудов имеется выемчато-рельефный узор с рядом перемежающихся геометрических изображений, заканчивающихся спиральными завитками. Украшена не только часть корпуса, но и часть горловины; орнамент выполнен иной техникой и представляет собой простую линейную и точечную гравировку острым штифтом [114]. Под ручкой одного большого сосуда из этого же памятника нанесен орнамент в виде двух соединенных выпуклых спиралей, между которыми имеются рельефные геометрические изображения (ромбы и треугольники) [115]. Та-

[110] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 19.
[111] *А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 27, рис. 5, *1*.
[112] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., табл. VI—VII.
[113] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г., табл. А.
[114] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 97—98, табл. XXIV—XXV.
[115] Хранится в Институте истории АН АзССР.

кой же рельефный узор расположен над ручкой сосуда из слоя «К» Геой-тепе [116].

Характерен орнамент на большом сосуде из Кикети в виде двух рельефных спиралей, соединенных горизонтальной перемычкой [117]. Такая же двойная рельефная спираль, соединенная перемычкой, имеется на сосуде из с. Озни (рис. 22, *3*) [118]. Керамика Бешташенской крепости также украшена орнаментом в виде двойных выпукло-вогнутых спиралей и концентрических кругов (рис. 22, *10*) [119].

Широко представлен спирально-концентрический орнамент на керамике Армении. Рельефным узором в виде двойной спирали, соединенной перемычкой, украшен сосуд с горы Арагац [120]. Фрагменты чернополированной керамики с налепным спиральным орнаментом найдены в Двине [121], Такаворанисте [122] и других памятниках. Богатую коллекцию орнаментированной керамики дали эчмиадзинские поселения — Шрешблур, Кюль-тапа и в меньшей степени — Шенгавитское поселение (рис. 25). Там наблюдается сочетание выпукло-вогнутого орнамента с нарезным, причем нарезным орнаментом украшена преимущественно керамика Шенгавита, а выпукло-вогнутым — сосуды из эчмиадзинских поселений. Иногда на одном и том же сосуде можно видеть, как и на керамике из Нахичеванского Кюль-тепе и Бешташени, и тот и другой орнамент (нарезным орнаментом украшается венчик, а рельефным — лицевая часть сосуда).

Доминирующий орнаментальный мотив на керамике из Шреш-блура и Эчмиадзина — это крупные выпуклые спирали и концентрические круги [123]. Они имеются и на керамике Шенгавита [124], но не характерны для нее. На последней преобладают различные резные изображения [125]. На керамике эчмиадзинских холмов можно видеть целые орнаментальные композиции, состоящие из ряда изображений выпуклых концентрических кругов, иногда заключенных в рельефные геометрические фигуры [126].

Можно утверждать, что сочетание рельефных спиралей и концентрических кругов с геометрическими изображениями является характерной чертой орнаментации изучаемой керамики. Это убедительно подтверждается и соответствующими материалами из памятников Восточной Анатолии [127]. В частности, богато представлена орнаментация в виде двойных

---

[116] *T. B. Burton-Brown.* Указ. соч., табл. III, *45.*
[117] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 100, рис. 55, *2.*
[118] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 31, рис. 14, табл. XXXV.
[119] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 479, табл. CXX; *О. М. Джапаридзе.* Указ. соч., табл. I, *1, 2, 4*; табл. II, *6.*
[120] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 35—36.
[121] Материал хранится в Историческом музее Армении.
[122] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., табл. XXX, *1, 5.*
[123] Там же, табл. XXVIII, *4—5*; табл. XXIX, *1—3.*
[124] Там же, табл. XXIX, *4*; *С. А. Сардарян.* Указ. соч., табл. 40.
[125] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., табл. XXVIII, *6, 9*; стр. 118, рис. 72; табл. XXIX, *2, 4, 8.*
[126] Там же, табл. XXIX, *1.*
[127] *C. A. Burney.* Eastern Anatolian in the chalcolithic..., стр. 181, рис. 60; 69; стр. 191, рис. 128—131; 142—143; стр. 197, рис. 171, 173 и др.

спиралей и концентрических кругов, иногда в сочетании с рельефными изображениями геометрического характера, на сосудах из Караза [128] и Пулура [129]. Следует отметить, что рельефные узоры на керамике этих памятников часто имитируют лицевое изображение (рис. 22, *9*).

Говоря об орнаментации пулурской и особенно каразской керамики, нужно отметить не только большое число сосудов с налепным геометрическим орнаментом (треугольники, прямоугольники, ромбы и т. д.), но и стремление к геометризации, например, самих спиралей и концентрических кругов [130]. То же прослеживается и на поселении Амиранис-гора в Грузии [131].

Таким образом, рассмотренный тип керамики из памятников Дагестана связывается с соответствующим материалом Закавказья и Восточной Анатолии не только по форме, но и по характеру орнаментации, выполненной в рельефе. Надо сказать, что если в Дагестане этот орнамент встречен почти исключительно на рассмотренной форме сосудов, то в Закавказье и Восточной Анатолии мы видим его и на различных горшках и мисках. Иногда рельефным спиральным орнаментом украшены даже глиняные передвижные очаги. Рельефный спирально-концентрический орнамент отмечен и на керамике изучаемой эпохи в Чечено-Ингушетии.

Как показывают материалы из памятников Грузии и особенно Армении выпукло-вогнутый орнамент в виде спиралей и концентрических кругов уступает место в дальнейшем развитии культуры резной геометрической орнаментации [132]. Это же подтверждается и материалами поселения Галгалатли I в Горном Дагестане. Там на отдельных сосудах мы наблюдаем именно резной орнамент (рис. 29, *1*), иногда весьма похожий на тот, который имеется на некоторых горшках из поселения Квацхелеби в Грузии (рис. 20, *1, 7*).

На позднем этапе развития куро-аракской культуры в Закавказье и Восточной Анатолии начинает исчезать чернополированная керамика на «розовой подкладке», уступая место краснолощеной керамике.

Рассмотрим следующий тип первой группы керамики Восточного Кавказа, главным образом Дагестана. Основную часть ее составляют фрагменты разнообразных плоскодонных горшков. Их также отличает лощеная иногда до блеска внешняя поверхность преимущественно серого и буро-коричневого тона.

Среди керамики этого типа выделяются горшки с высокой цилиндрической шейкой и слегка раздутым, а иногда и вытянутым туловом. Венчик их иногда слегка отогнут наружу, а край его часто срезан горизонтально. Шейка и тулово сосуда четко отделены друг от друга. Для горшков этой формы характерно отсутствие ручек. Исключение со-

---

[128] *H. Kosay, K. Turfan.* Указ. соч., стр. 390—392; 403—405.
[129] *H. Z. Kosay, H. Vary.* Указ. соч., табл. XVI—XVII; *H. Z. Kosay.* Pulur (Sakyol) kazisi, 1969, стр. 77, рис. 1—2. На керамике из этих поселений встречается и резной орнамент.
[130] *H. Kosay, K. Turfan.* Указ. соч., стр. 397.
[131] *Т. Н. Чубинишвили.* Амиранис-гора, рис. 13, *3* и др.
[132] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. XXV.

ставляют отдельные горшки из Галгалатли I (рис. 29, *5*). Правда, некоторые горшки снабжены псевдоручкой — одной, а иногда и двумя, в виде выступа. Орнаментированные горшки встречаются крайне редко: одни украшены налепами в виде концентрических кругов, спиралей и округлых выпуклостей, а другие — параллельными, косо расположенными, вдавленными линиями и округлыми углублениями (рис. 29, *6*).

Горшки данной формы широко распространены в памятниках куро-аракской культуры. Они известны в Нахичеванском Кюль-тепе [133], Шенгавите [134], Триалети [135] и других закавказских памятниках (Заглик, Армавир-блур и т. д.) [136], а также в Геой-тепе [137] и поселениях Восточной Анатолии [138]. Иногда они украшены характерным спирально-концентрическим орнаментом; большинство имеет одну или две ручки, обычно расположенные на месте перегиба шейки в тулово, как на отдельных сосудах из Галгалатли I (рис. 29, *1*, *5*, *11*, *12*). Небезынтересно, что и здесь отдельные горшки снабжены лжеручкой в виде выступа, а некоторые также украшены вдавленным орнаментом в виде параллельных косо расположенных линий.

Другую группу сосудов этого типа составляют горшки с прямыми высокими стенками, плоским дном и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 29, *2—4*). Некоторые имеют не цилиндрическую, а конусовидную форму (рис. 29, *7*). Иногда горшки снабжены одной или двумя ручками в виде петли. Они обнаружены во всех отмеченных памятниках, в том числе на поселении Галгалатли и в могильнике Шебоха (рис. 29, *10*, *13*).

Эти сосуды повторяют формы совершенно аналогичных горшков и кружек, широко распространенных в памятниках Закавказья и Восточной Анатолии. Нет необходимости указывать памятники, в которых они найдены там, ибо едва ли есть такой памятник куро-аракской культуры, где подобные горшки не были бы представлены. Неудивительно поэтому, что сосуды и этой формы Б. А. Куфтин отнес к руководящим образцам керамических изделий куро-аракской культуры [139].

Среди керамики из памятников Дагестана имеются в небольшом количестве горшки и других форм, а также кувшины. Это прежде всего горшки, у которых венчик утолщен, а край его заострен [140]. Они есть почти на всех памятниках. В Закавказье же такие сосуды редки. Для примера укажем некоторые большие горшки с заостренным венчиком из Дидубе [141].

Интерес представляют и два горшка из гончарной печи, открытой в Великенте. Один из них почти остроребериой формы [142]. Некоторые гор-

---

[133] *О. А. Абибуллаев.* Указ. соч., табл. 29, *1—5*, *8*.
[134] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. XXV.
[135] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 114, 117; рис. 122, 126.
[136] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., рис. 49—50.
[137] *Т. В. Burton-Brown.* Указ. соч., стр. 44, рис. 11, *343*; стр. 46, рис. 12, *538*.
[138] *С. А. Burney.* Eastern Anatolian in the chalcolithic..., стр. 183, рис. 77—87; стр. 185, рис. 90—96.
[139] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. ..., табл. А.
[140] *А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 26—27.
[141] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 89, рис. 48, *2*.
[142] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 23, *1*.

шки подобной формы имели прочерченный орнамент. Точную аналогию великентскому горшку в закавказских памятниках подобрать трудно [143]. Сосуды четко профилированной остроребериой формы известны только в Каразе. Но они отличаются рядом деталей, не позволяющих прямо связывать их с рассматриваемыми. Второй из упомянутых сосудов представляет собой плоско-шаровидную кружку с одной ручкой [144]. Аналогии ей нам также неизвестны.

Следует отметить ряд серолощеных сосудов в виде глубоких плоскодонных чаш с заходящим внутрь бортиком, найденных в поселениях Северного Азербайджана и равнинного Дагестана. Некоторые из них ниже края венчика украшены округлыми сквозными отверстиями [145] и имеют ручки в виде петли.

Сосуды в форме кувшинов встречаются редко. Они имеют шаровидно-выпуклый корпус, узкую горловину цилиндрической формы и небольшое днище, а также ручку в виде горизонтального выступа [146].

На одном обломке стенки кувшина имеется налепной орнамент в виде буквы «Л». В качестве аналогии из закавказского материала следует указать на кувшинчик из Заглика [147].

Таким образом, многие формы обнаруживают близкие аналогии в керамике Закавказья. В восточнокавказской керамике представлены и другие формы — такие, например, как глубокие плоскодонные чаши; это сугубо местная форма керамики. Довольно значительную часть керамики восточнокавказских памятников представляют миски. Они встречаются здесь повсеместно и так часто, как ни на одном другом синхронном памятнике Кавказа. Они отличаются прекрасным двусторонним лощением. Цвет их коричневый и буроватый, реже — серый. В Гильярском, Великентском и других поселениях отмечены фрагменты мисок с хорошо полированной внутренней поверхностью черного цвета. Все миски плоскодонные. Лишь в Каякентском поселении [148] и Гевдешан-тепе найдены миски на высоком расширяющемся книзу поддоне.

Некоторые из мисок снабжены одной или двумя ручками, чаще всего в виде продолговатых выступов с углублениями по бокам или сквозным узким проемом.

Миски в памятниках Закавказья встречаются сравнительно редко. Например, несколько мисок обнаружно в Дидубе [149]. Две глубокие одноручные миски, украшенные очковидно-спиральным орнаментом, происходят с территории Джавахети (Южная Грузия) [150]. Одноручные миски известны и из района Эчмиадзина. Последние украшены богатым желоб-

---

143 С ним А. А. Иессен сопоставлял с некоторой натяжкой горшок из Учтепинского кургана в Азербайджане. См.: *А. А. Иессен.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. «Труды Азербайджанской экспедиции». МИА, № 125, стр. 184, рис. 38, *2*.

144 *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 23, *2*.

145 Там же, рис. 24, *5, 6*.

146 Там же, рис. 23, *3*.

147 *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 91, рис. 49.

148 *А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 27, рис. 5, *5*.

149 *Д. Л. Коридзе.* Указ. соч., стр. 34, рис. 8; табл. III, *17*.

150 *Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе.* Археологические разведки в южных районах Грузии. СА, 1954, № 4, стр. 119, 122; рис. 3, *5*.

чатым орнаментом [151]. Миски найдены и в ряде памятников Восточной Анатолии.

Миски обнаружены и в памятниках майкопской культуры, но и здесь они встречены сравнительно редко. Значительно больше мисок найдено в Луговом поселении. Ни в Закавказье, ни в Луговом поселении и ни в памятниках майкопской культуры неизвестны миски с таким специфически оформленным краем, как в Дагестане и Северном Азербайджане. Таким образом, данный тип сосудов можно считать местной формой керамики дагестанского, или восточнокавказского, варианта куро-аракской культуры.

Другую группу керамики рассматриваемого локального варианта составляют сосуды со специфически обработанной наружной поверхностью, беспорядочно обмазанной жидкой глиной. От этого внешняя поверхность сосудов неровная, шероховатая [152]. Обжиг керамики слабый, неровный. Цвет сосудов преимущественно серый и темно-серый, иногда желтовато-розовый и бурый.

Эта группа керамики отличается также своеобразием форм и орнамента. Последний в виде валика или налепной полосы, часто украшенной защипами или углублениями, сделанными пальцем, располагается в верхней части сосудов. Причем на орнаментированных сосудах от края венчика до орнаментального пояса поверхность обычно гладкая, лощеная; остальная же поверхность обмазана глиной. Иногда лощеная полоса простирается и ниже орнаментального пояса.

Сосуды первой группы в количественном отношении значительно преобладают над керамикой второй группы [153]. Из керамики последней группы мы имеем всего несколько целых сосудов и множество фрагментов. Поэтому затруднительно сейчас подразделить эту группу керамики на сколько-нибудь определенные типы. Пока лишь можно говорить о двух типах этой керамики: больших сосудах и горшках [154].

Упомянутая группа керамики интересна во многих отношениях. Она не содержит форм сосудов, характерных для первой группы керамики. Сосуды рассматриваемой группы не находят близких аналогий в керамике Закавказья и Восточной Анатолии. В памятниках других областей куро-аракского ареала не обнаружено ни одного сосуда с поверхностью, обмазанной жидкой глиной. Там не встречены и сосуды подобных форм. Наконец, там по существу не отмечен орнамент в виде налепной полосы, украшенной вдавлениями или защипами.

Аналогичной керамики нет совершенно и в памятниках майкопской культуры. Она не найдена и в Луговом поселении. Но в отличие от Закавказья, в памятниках к северу от Дагестана (в Долинском и других поселениях) обнаружены единичные фрагменты стенок сосудов, украшенных валиком с защипами или округлыми вдавлениями [155].

---

[151] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 106, рис. 61, *3*.
[152] Более подробную характеристику ее см.: *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 93—94.
[153] *А. П. Круглов.* Указ. соч., стр. 26; *В. Г. Котович.* Указ. соч., стр. 129.
[154] Подробное описание их см.: *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 94—95.
[155] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., табл. IX, *5—8*; *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 37.

В памятниках же более отдаленных областей близкие аналогии к рассматриваемой керамике можно обнаружить в комплексах раннего Триполья. Например, в Луке-Врублевецкой имеются сходные по форме горшки с широкими горловинами [156]. Поверхность их неровная, шероховатая. На ряде сосудов заметны следы поверхностной обмазки. Наконец, некоторые из этих сосудов украшены пояском с защипами, сделанными пальцами [157].

Чем объяснить наличие столь близких аналогий в керамике памятников, не связанных между собой в культурно-историческом отношении и отдаленных друг от друга, сказать трудно. Мы не беремся решать вопрос о происхождении такой керамики в Триполье. Взаимосвязанно ли в какой-то степени наличие на Кавказе и в Днепровско-Днестровском междуречье одинакового по существу типа керамики, мы не можем сказать. Рассматривая энеолитическую керамику, мы в самой общей форме коснулись этого вопроса и высказали свое предположение. Попытаемся теперь более подробно рассмотреть вопрос о происхождении этой группы керамики Дагестана.

Еще недавно считалось, что эта керамика появилась в Дагестане не одновременно с керамикой первой группы, а позже ее. Такое представление основывалось на материалах Великентского поселения [158], где было установлено, что керамика с обмазанной глиной наружной поверхностью и орнаментированная валиком, украшенным защипами или округлыми вдавлениями, появилась не одновременно с остальной керамикой, а значительно позднее [159].

В настоящее время имеются другие факты, указывающие на то, что подобная керамика была известна в Дагестане в более раннее время. В свете этих новых фактов мы можем утверждать, что как бы сильно ни было влияние на Дагестан куро-аракской культуры, которое привело к формированию здесь отдельного варианта этой культуры, традиция изготовления такой керамики, возникшая раньше, еще в эпоху неолита, не только не исчезла здесь, но и развилась дальше. В пользу этого говорят наблюдения, сделанные на Великентском поселении. По-видимому, на Великентском холме, как и на других, поселились первоначально носители куро-аракской культуры — «выходцы» из Закавказья. Они вступили в контакт с далекими потомками тех, кто обитал здесь еще с эпохи неолита и изготовлял эту грубую керамику. Так, видимо, последняя вошла в быт всего населения Дагестана и стала составной частью материальной культуры раннебронзового века данной области Кавказа. Несомненно, что присутствие именно вот этой небольшой, но своеобразной керамики в памятниках Дагестана и составляет главным образом наиболее специфическую особенность данного варианта куро-аракской культуры.

Кроме описанных групп керамики, в памятниках Дагестана и Северного Азербайджана есть единичные находки обломков обожженных гли-

[156] *Т. Н. Бибиков.* Поселение Лука-Врублевецкая, стр. 129—130, рис. 52.
[157] Там же, стр. 130, рис. 52, *а*.
[158] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 97.
[159] Там же.

няных плиток и круглой плоской жаровни, а в Великенте и Тапа-Ятаги найдены еще глиняные модели колеса. Первые представлены небольшими обломками, и поэтому трудно судить об их форме, размерах и назначении. Возможно, что это обломки от крышек сосудов. Плоские дисковидные глиняные крышки от сосудов найдены во многих куро-аракских памятниках Закавказья и Восточной Анатолии.

Что же касается обломков круглой жаровни (Тапа-Ятаги), то они аналогичны по форме и размерам подобным глиняным предметам, обнаруженным в Шенгавите, Нахичеванском Кюль-тепе, Луговом и других памятниках.

Глиняные же колеса от модели повозки, обнаруженные в Великенте (1 экз.) [160] и Тапа-Ятаги (2 экз.), не имеют четко моделированной ступицы. Диаметр их 5 см. Глиняные модели колес с выступающей ступицей и круглым отверстием для оси и без них представлены во многих памятниках куро-аракской культуры: Нахичеванском Кюль-тепе [161], Шенгавите [162], эчмиадзинских холмах [163], Квацхелеби [164], Цихиагора, Гудабертке [165], Серженьюртовском поселении I и др.

Наконец, упомянем найденные в памятниках Дагестана глиняные очажные подставки (рис. 29, *14*). Здесь они встречаются не столь часто и не в таком многообразии форм, как в Закавказье, Восточной Анатолии и Чечено-Ингушетии. В этом, видимо, также проявляется одна из особенностей дагестанского варианта куро-аракской культуры.

Резюмируя, мы можем констатировать, что основная часть рассмотренной керамики обнаруживает по ряду признаков близость с куро-аракской керамикой Закавказья. Это соответствие не ограничивается техническими приемами выделки керамики, но касается и характерных элементов формы сосудов и орнаментации. Следовательно, эта керамика входит как составная часть в общий материал куро-аракской культуры, отличаясь при этом определенным своеобразием. Происхождение основных форм этой керамики и рельефной спирально-концентрической орнаментации связано с Закавказьем и Восточной Анатолией, с куро-аракской культурой. Этот важный факт в совокупности с выводами, вытекающими из анализа других данных, убедительно свидетельствует о том, что рассмотренные поселения не просто тяготеют к куро-аракской культуре, а составляют часть этой большой культурной общности или, другими словами, представляют локальную группу памятников этой культуры [166].

---

[160] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 26, *1*.
[161] *О. А. Абибуллаев.* Указ. соч., стр. 443, рис. II, *3—4*.
[162] Исторический музей Армении, колл. 1442/163.
[163] *Б. Б. Пиотровский.* Поселение медного века в Армении, стр. 176; *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 98, рис. 104.
[164] Хранятся в Государственном музее истории Грузии им. С. Н. Джанашиа.
[165] Хранится в Горийском историко-этнографическом музее.
[166] К глубокому сожалению, в Дагестане, как и в целом на Восточном Кавказе, почти совершенно не исследованы погребальные памятники изучаемой эпохи. Правда, близ с. Гагатль Ботлихского района ДАССР выявлен могильник, оказавшийся полностью разрушенным. Он состоял из каменных склепов. В одном случае удалось установить, что склеп имел почти круглую форму (2 × 1,5 м) и содержал останки нескольких костяков. В разрушенных склепах найдены типичные для

Культура, представленная рассмотренными памятниками, несомненно, связана с Закавказьем. Она распространилась сюда с юга и юго-запада, с пограничных районов Азербайджана и Грузии. Весьма любопытно то обстоятельство, что керамический материал дагестанских памятников обнаруживает связь прежде всего с теми закавказскими комплексами, которые происходят из районов, расположенных поблизости от перевальных путей, идущих в Дагестан. Один из таких путей пролегает, например, из Нухи в с. Ахты и дальше в Магарамкентский район, где зафиксирована группа оседлых поселений эпохи ранней бронзы. Отсюда, из равнинных и предгорных районов, эта культура начала распространяться в горную и высокогорную часть Дагестана. Во всяком случае несомненно, что памятники типа поселения Галгалатли I и могильника Шебоха, находящиеся в высокогорном Дагестане и отсутствующие в прикаспийской части края, сравнительно моложе памятников типа Каякентского, Великентского, Мамайкутанского поселений.

И на территорию Чечено-Ингушетии и Северной Осетии куро-аракская культура проникла из Закавказья, в частности из Северной Грузии. Таким образом, бесспорно устанавливается факт распространения куро-аракской культуры на Северо-Восточный Кавказ и в некоторые районы Центрального Предкавказья из пограничных районов Закавказья через перевалы Большого Кавказа [167]. Причем это было не просто проникновение только культуры или ее существенных элементов, а освоение племенами куро-аракской культуры этих районов Северного Кавказа. Когда это произошло? Здесь как раз мы и подходим к сложнейшей проблеме, связанной с вопросами происхождения и хронологизации куро-аракской культуры.

Следует признать, что эти важные вопросы остаются до сих пор не выясненными. Поэтому, в частности, до настоящего времени не установлено, каково точно — территориально и хронологически — соотношение выделяемых групп памятников куро-аракской культуры. По этой же причине неясна в некоторых случаях принадлежность отдельных комплексов к той или иной группе памятников.

Мы наблюдаем значительную концентрацию памятников этой культуры в Закавказье, особенно в куро-аракском двуречье и на территории всего Армянского нагорья. Среди этих памятников большое количество поселений с мощными культурными отложениями, достигающими иногда более 8 м толщины. Они свидетельствуют о продолжительной, в течение многих веков, жизни на этих поселениях или, иными словами, о длительном развитии куро-аракской культуры.

куро-аракской культуры сосуды в виде горшков-кружек с прямыми стенками и сосуды с непропорционально узким дном, раздутым туловом и высокой цилиндрической горловиной.

[167] Предполагается, что один из путей проникновения куро-аракской культуры на Северный Кавказ проходил через Кодорский перевал. Здесь, у подножия перевала наблюдается скопление памятников данной культуры (поселения Лапанкури, Некреси, Гречи и др.). Доклад Ш. Ш. Дедабришвили «Куро-аракская культура в бассейне Иори и Алазани (Кахетия)» на секции Кавказа 18.IV 1966 г. в Москве (отчетный пленум ИА АН СССР).

В настоящее время известно уже немало памятников в Закавказье, в которых куро-аракский слой подстилается культурными отложениями V—IV тыс. до н. э. Это, например, Нахичеванский Кюль-тепе I, Бабадервиш и другие — в Азербайджане; Шенгавит — в Армении; Шулавери, Амиранис-гора и другие — в Грузии [168]. Отметим еще, что и на поселении Геой-тепе в Иранском Азербайджане, так же как в Гинчинском поселении в Дагестане, слой куро-аракской культуры подстилается отложениями предшествующего времени.

Мы привели те несколько известных радиоуглеродных дат, полученных как раз для памятников, предшествующих стратиграфически куро-аракской культуре. Они были датированы V—IV тыс. до н. э. Поскольку куро-аракские памятники моложе последних и непосредственно следуют за ними, то определение их относительной хронологии временем от конца IV тыс. до н. э. и позже, т. е. в основном в пределах III тыс. до н. э., получает подтверждение. Такой общей датировки куро-аракской культуры придерживались и продолжают придерживаться [169] в настоящее время большинство исследователей раннебронзового века Кавказа. Датировка куро-аракской культуры III тыс. до н. э. подтверждается как сравнительными данными, так и результатами радиоуглеродного исследования органических остатков из ряда памятников этой культуры. Говоря о сравнительных данных, мы имеем в виду прежде всего те металлические предметы переднеазиатского типа (наконечники копья, комбинированные топоры и др.), которые представлены в наших памятниках. Как показали Б. А. Куфтин, А. А. Иессен, О. М. Джапаридзе, А. А. Мартиросян и другие исследователи, эти предметы связаны своим происхождением с кругом иранско-месопотамских комплексов III тыс. до н. э.

Далее, можно привести и такой сравнительный факт — памятники Сиро-Палестины, в которых обнаружены близкие к куро-аракской керамике образцы глиняной посуды (кирбет-керакская керамика), датируются временем около середины III тыс. до н. э. [170]

Наконец, что очень важно, эту хронологию подтверждают и даты, полученные по C_{14}. Последние сейчас широко известны и неоднократно публиковались. Укажем здесь их и мы. Уголь, взятый из средней части куро-аракского слоя в Нахичеванском Кюль-тепе, показал дату 2920±90 лет до н. э., а зерна из нижних горизонтов (C_1) Квацхелеби — соответственно 2800±90 лет до н. э. Две даты получены и для Амиранис-гора: 2885±180 (нижний строительный горизонт) и 2675±170 лет до н. э. (верх-

---

[168] Все эти памятники подробно рассмотрены Т. Н. Чубинишвили. Именно на основании их в первую очередь и с привлечением всех других наличных данных он сделал попытку исследовать проблему становления куро-аракской культуры. См.: *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа.

[169] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»...; *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен...; *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки...; *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья...; *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 93, 1963; *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч.; *Е. И. Крупнов.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1; *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы...; *Т. Н. Чубинишвили.* Куро-аракская культура; *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Указ. соч.; и др.

[170] Подробно об этом см.: *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., глава VII.

ний строительный горизонт). И наконец одна дата получена для Шенгавита — 2020±80 лет до н. э. (на глубине 1 м). Радиуглеродные определения указывают в основном на начало и первую половину III тыс. до н. э.

Мы видим, что радиоуглеродных дат по куро-аракской культуре пока чрезвычайно мало. На такой обширный ареал и с таким количеством памятников мы имеем меньше десяти дат. Разумеется, на их основании мы можем только говорить, что куро-аракская культура суммарно датируется в пределах III тыс. до н. э.— от рубежа IV—III до конца III тыс. до н. э.

В своем развитии куро-аракская культура пережила, видимо, несколько этапов, которые можно установить прежде всего по керамическим комплексам. Еще Б. А. Куфтин выделял три таких комплекса. С первым из них он связал в свое время керамику из Бешташени, Эйлара, Дидубе, Нухи, Кикети, а также Дабла-Гоми [171]. К нему относится, по нашему мнению, и керамика из Мингечаура и некоторых памятников Восточной Анатолии. Комплекс керамики из этих памятников отличается большой массивностью лепки и меньшей тщательностью в отделке поверхности сосудов светло-бурого или черного снаружи обжига.

Второй комплекс отличается более высокими техническими и художественными качествами и прежде всего тончайшей полировкой поверхности. При этом и формы сосудов более совершенные, чем у предыдущего комплекса. Наряду с вдавленным тонколинейным рисунком встречается орнамент в виде рельефного узора [172]. Этот комплекс Б. А. Куфтин сближал с керамикой Шенгавита, Шреш-блура и Такавораниста.

К третьему комплексу относятся чернолощеные сосуды с тонкорезным орнаментом. Такое расчленение керамики было сделано Б. А. Куфтиным на основании материалов из нижнего слоя Бешташенской крепости (Триалети).

Другое наблюдение аналогичного характера применительно к памятникам Армении сделано Б. Б. Пиотровским. Он установил различие прежде всего в керамике трех групп памятников: Шенгавит, поселения в Эчмиадзинском районе (Шреш-блур, Кюль-тапа) и Эларское поселение [173]. Если керамика эчмиадзинских холмов характеризуется в основном рельефным спирально-концентрическим орнаментом, то этот орнамент уже не типичен для керамики Шенгавита, на которой преобладает резной геометрический орнамент. Последний редок на керамике Шреш-блура и Кюль-тапы. Керамика же Элара близка к шенгавитской и шрешблурской с той лишь разницей, что орнамент на сосудах почти исчезает.

Э. В. Ханзадян, детально исследовавшая культуру Армянского нагорья в III тыс. до н. э., также выделила три основных периода в развитии куро-аракской керамики, причем по нескольким локальным группам памятников [174].

---

[171] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 115.
[172] Там же.
[173] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 34—36.
[174] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья..., табл. XXV.

Несомненно, что эти памятники представляют три различных этапа развития куро-аракской культуры, причем поселения в Эчмиадзине отражают относительно более ранний этап, а Эларское поселение — сравнительно поздний. Весьма важные наблюдения в этом направлении удалось сделать в Каразе, где мощность культурного слоя достигает 9,0 м. Здесь почти вся керамика с рельефным орнаментом оказывается в нижней половине слоя. Наряду с рельефным орнаментом имеется на сосудах и резной, но он резко отличается от более позднего тонкорезного геометрического орнамента [175].

Хотя наиболее ранний керамический комплекс куро-аракской культуры не может считаться несомненно установленным, совершенно очевидно, что керамика с рельефным орнаментом предшествует в своем развитии керамике с тонкорезным геометрическим узором. Это доказывается как стратиграфическими данными, так и теми наблюдениями, которые были сделаны при изучении соответствующего материала Б. А. Куфтиным, Б. Б. Пиотровским, Э. В. Ханзадян, Т. Н. Чубинишвили и другими.

Сложнее обстоит вопрос с более ранним комплексом, предшествующим рельефно орнаментированной керамике. Отнесение к этому комплексу керамики, лишенной орнаментации, вызывает серьезные возражения. Дело в том, что керамика ряда памятников, сравнительно поздний возраст которых не вызывает сомнения, не имеет орнамента. Керамика Дидубе (основная часть) и некоторых других памятников действительно имеет, в отличие от керамики остальных памятников куро-аракского энеолита, архаический облик. Но утверждать на этом основании, что она более ранняя — мы не можем [176].

В последние годы сделаны попытки на основании новых данных выделить раннюю группу памятников куро-аракской культуры вообще, керамического комплекса в частности. Так, Ш. Ш. Дедабришвили отнес к ранней ступени куро-аракской культуры ряд памятников Иоро-Алазанского бассейна (поселение Сиоми, временные стоянки у селений Греми и Земо Бодве, курган 2 у с. Машнаари и др. в Кахетии), содержащих краснообожженную керамику, часто с пачкающей поверхностью. Поскольку эта керамика близка по формам и технологическим особенностям посуде Лугового поселения, то он предложил пересмотреть датировку этого памятника в сторону удревнения его [177]. Но как раз близость керамики кахетинских памятников и Лугового поселения свидетельствует об обратном, ибо керамика последнего перекликается не только с куро-аракской посудой, но и с керамикой майкопской культуры, причем позднего этапа ее развития. Поэтому согласиться с Ш. Ш. Дедабришвили в том, что памятники Кахетии относятся к ранней группе куро-аракской культуры, нельзя.

---

[175] *H. Kosay, K. Turfan.* Указ. соч., таблица-приложение.

[176] Материал из Дидубе расчленен на ранний и поздний комплексы весьма условно по типологическим особенностям.

[177] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Тезисы доклада «К вопросу о ранних памятниках куро-аракской культуры (по материалам Кахетии), прочитанного на секции Кавказа Пленума ИА АН СССР в Ленинграде весной 1969 г.; *он же.* Культура эпохи ранней бронзы...; и др.

Другой исследователь — Т. Н. Чубинишвили с учетом стратиграфии и других данных отнес к самой ранней группе рассматриваемой культуры такие памятники, как Абелиа, Тетрицкаро и др.— в Южной Грузии. Он, в частности, сопоставил содержащиеся в них образцы сосудов с некоторыми формами энеолитической керамики Закавказья. Но Т. Н. Чубинишвили вынужден признать, что, несмотря на отмеченные им факты преемственности, на территории куро-аракского двуречья трудно пока очертить область формирования характерной для куро-аракской культуры черной и серолощеной керамики. Здесь не везде еще выявлены этапы трансформации керамических форм и основные элементы, характеризующие керамику переходного периода от позднего энеолита к эпохе ранней бронзы [178]. Это правильное заключение и не согласиться с ним трудно.

Как теперь в свете приведенных данных определить хронологическое положение дагестанской, или восточнокавказской, локальной группы памятников? Мы видели, что в памятниках прикаспийской части обнаруживается керамика с рельефным спирально-концентрическим орнаментом, иногда в сочетании с налепными геометрическими изображениями. Эта керамика по форме и орнаментации довольно близка прежде всего рельефно украшенной керамике из памятников Грузии, Армении, Азербайджана и Восточной Анатолии. Следовательно, керамика из этих памятников Дагестана занимает как бы промежуточное положение между ранним и более поздним комплексами. На этом основании памятники, расположенные в приморской равнинной части Дагестана, мы относим условно к среднему этапу развития куро-аракской культуры и датируем их ориентировочно серединой III тыс. до н. э. Памятников более раннего этапа куро-аракской культуры здесь, как и в других районах Северного Кавказа, нет. Это вполне понятно. Куро-аракская культура начала распространяться на этой территории после того, как в Закавказье сложились те формы, которые мы встречаем здесь.

Памятники же типа Галгалатли I и Шебоха, расположенные в Горном Дагестане, характеризуют, по нашему мнению, поздний этап рассматриваемой культуры в этой области Кавказа. Они могут быть датированы в пределах второй половины III тыс. до н. э. В этих же хронологических рамках датируются, по всей вероятности, и некоторые памятники в предгорной и горной полосе края, в частности Мекегинское и Гинчинское поселения. Они хронологически, возможно, занимают промежуточное положение между памятниками типа Каякентского и Великентского поселений, с одной стороны, и Галгалатли I и Шебоха — с другой, хотя более близки к последним. Отметим здесь же, что с памятниками типа Галгалатли и Шебоха оказываются генетически связаны такие памятники Дагестана, как Карабудахкентский могильник, Чиркейское, Сигитминское и Верхнегунибское (нижний слой) поселения, Гонобский могильник и другие в предгорном и горном Дагестане. Они характеризуют уже последующий этап (так называемый карабудахкентско-гонобский) культурно-исторического развития на данной территории [179].

---

[178] *Т. Н. Чубинишвили.* Указ. соч., стр. 161.
[179] История Дагестана, т. I, стр. 57.

Остановимся кратко и на вопросе о происхождении куро-аракской культуры. Это, пожалуй, один из сложнейших вопросов, который стоит перед исследователем древней истории Кавказа. В Закавказье открыта группа памятников, стратиграфически предшествующих куро-аракской культуре. Казалось бы, это обстоятельство способно значительно помочь нам в решении данного вопроса. Однако это далеко не так. Дело в том, что на всех известных многослойных поселениях, где куро-аракский слой подстилается более ранним слоем, четко устанавливается отсутствие генетической связи между основным материалом, представленным в этих слоях,— керамикой, являющейся важнейшим атрибутом культуры. Это подчеркивают и О. А. Абибуллаев, раскопавший Нахичеванский Кюльтепе, И. Г. Нариманов, исследовавший поселения Бабадервиш и Мишарчай, и Т. Бартон-Браун, опубликовавший результаты раскопок Геой-тепе. Наконец, как мы уже отметили, к такому же выводу по существу приходит и Т. Н. Чубинишвили, специально исследовавший проблему становления куро-аракской культуры и проследивший некоторые черты преемственности последней с энеолитической культурой Закавказья.

Действительно, определенная связь по ряду признаков между памятниками куро-аракской и предшествующей ей раннеземледельческой культурой несомненно имеется. Что общего между ними? Так, мы знаем, что поселения той и другой культуры располагались чаще на холмах. Следовательно, их объединяет прежде всего сам тип поселения. На тех и других поселениях одинакова форма жилой архитектуры в виде круглых в плане построек. Можно говорить и о близости между отдельными категориями каменных и костяных орудий и даже некоторыми формами керамики. Наконец, в тех и других комплексах есть медно-мышьяковые предметы. Но можем ли мы в настоящее время на основании приведенных данных говорить о генетической преемственности куро-аракской культуры с культурой, представленной раннеземледельческими памятниками Закавказья? Едва ли, хотя не принимать во внимание при решении вопросов, связанных с изучением генезиса культуры Закавказья V—III тыс. до н. э., упомянутые факты нельзя. По всей вероятности, Т. Н. Чубинишвили стоит на правильном пути в решении данной проблемы. Однако пока не будут выявлены новые материалы, открыты памятники, составляющие промежуточное звено, решить ее будет трудно.

Можно было бы думать, что эта культура или отдельные важные атрибуты ее (прежде всего керамика) проникли сюда со стороны и здесь получили дальнейшее развитие, в результате чего культура раннебронзового века Закавказья и приобрела те своеобразные черты, которые ее характеризуют. Но нет убедительных данных, позволяющих искать истоки этой яркой культуры вне пределов Закавказья. Это заставляет нас вслед за О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили, И. Г. Нариманов, К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили полагать, что родиной ее является все-таки территория куро-аракского двуречья.

Посмотрим теперь, как протекал культурно-исторический процесс в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе, где тогда получила развитие майкопская культура.

Глава V

Майкопская культура

В конце XIX — начале XX в. работы Н. И. Веселовского привели к открытию в Прикубанье ряда выдающихся по своему научному значению и богатству погребальных памятников. Среди этих памятников особое место занимает Майкопский курган. По этому памятнику культура, представленная «большими кубанскими курганами» и другими близкими к ним памятниками Северного Кавказа, получила название майкопской. Хотя со времени открытия этой культуры прошло более 100 лет, лишь сравнительно недавно «большие кубанские курганы» и связанные с ними другие погребальные и бытовые памятники Предкавказья получили правильную культурно-историческую и хронологическую интерпретацию. Широка была амплитуда дат этих памятников, в частности Майкопского кургана (от конца IV тыс. до н. э. и до предскифского времени), предлагавшихся различными исследователями.

Интерес в «больших кубанских курганах» вызывал почти исключительно металлический инвентарь, в особенности замечательные золотые и серебряные сосуды, обнаруженные в них. Эти изделия подробно и многократно описаны и опубликованы в различных изданиях. Массовый же материал — керамический — оставался без внимания. До сих пор ни один из глиняных сосудов, найденных в Майкопском кургане, научно никем не описан и не издан. Естественно, что при таком подходе не могло быть и речи об осмыслении этих памятников как характеризующих культуру населения Северного Кавказа определенной исторической эпохи. Лишь советские ученые в конце 20-х и в 30-х годах создали схему (или схемы.— *Р. М.*) периодизации культурно-исторического развития Северного Кавказа с древнейших времен, включив «большие кубанские курганы» и некоторые другие связанные с ними памятники в ранний этап металлической эпохи [1]. Но ни в одном случае речь не шла еще о культуре раннебронзового века Северного Кавказа в целом. Только в своей работе «К хронологии «больших кубанских курганов»» А. А. Иессен писал, что «следует говорить не о группе «больших кубанских курганов», а об определенном комплексе разнородных памятников (богатых и рядовых курганов, поселений, кладов), относящихся к одному этапу в развитии населения Северного Кавказа», к началу медно-бронзового века.

[1] Раннекубанская группа — по А. В. Шмидту; II стадия — по А. А. Миллеру; I этап металлургии меди Кавказа, или ранняя группа памятников медно-бронзового века Северного Кавказа,— по схеме А. А. Иессена.

И далее он отметил, что культуру, представленную этой группой, можно было бы назвать раннекубанской культурой [2]. А. А. Иессен составил почти полную сводку известных к тому времени памятников этой культуры, расчленив их на две группы: раннюю, характеризующую майкопский этап, и позднюю — новосвободненский. Рассмотрев стратиграфические данные, исследовав инвентарь погребений, в основном металлический, и проделав стилистический анализ ювелирных предметов, представленных в «больших кубанских курганах», он убедительно определил место этой культуры среди древностей Северного Кавказа медно-бронзового века. В его сводке фигурировали по понятным причинам памятники Северо-Западного Кавказа, в особенности Прикубанья, а также частично Центрального Предкавказья (Кабардино-Пятигорья), причем почти исключительно погребальные комплексы. А. А. Иессен с большим сожалением констатировал, что наличный «археологический материал для рассматриваемого времени все еще относительно невелик и очень неполон из-за отсутствия достаточных сведений о поселениях». Он прямо подчеркивал, что до сих пор (до 1950 г.— *Р. М.*) в Прикубанье не исследовано ни одно поселение медно-бронзового века [3].

Естественно, что на материалах одних погребальных комплексов невозможно создать целостное представление ни об археологической культуре, ни тем более об особенностях культурно-исторического процесса, протекавшего, в частности, в Предкавказье на заре бронзового века. В этой связи понятно, какое огромное значение имело открытие и исследование с конца 50-х годов на Северном Кавказе, в особенности в Прикубанье, значительной группы бытовых памятников — поселений, относящихся к майкопской культуре. В 60-х — начале 70-х годов были исследованы в различных областях Северного Кавказа и новые погребальные комплексы раннебронзового века, в том числе такие большие курганные могильники, как Усть-Джегутинский, Бамутский и др.

Благодаря всем этим исследованиям и результатам предшествующих работ мы получили возможность более широко и полно изучить культуру населения Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы, определить более точно ее ареал и т. д. Стало совершенно очевидным, что культура, представленная «большими кубанскими курганами», не ограничивается только Прикубаньем и в целом Северо-Западным Кавказом, а охватывает территорию почти всей равнинной и предгорной полосы Северного Кавказа — от Таманского полуострова до Дагестана. Поэтому-то за культурой не укрепилось название «раннекубанская» или «культура больших кубанских курганов». По знаменитому памятнику, ее представляющему, эта культура стала называться майкопской. В результате исследований последних 10—15 лет культура эпохи раннего металла Предкавказья предстала в новом свете. Мы получили существенные данные для выяснения характера поселений северокавказского населения III тыс. до н. э., их топографии и архитектуры, для изучения хозяйства племен майкопской культуры и решения других важных вопросов. С учетом же тех

[2] *А. А. Иессен.* К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 197.
[3] Там же, стр. 198.

данных, которые были получены раскопками ряда памятников на территории Чечено-Ингушетии, в частности Лугового поселения с его синкретическим комплексом, стало ясно, насколько своеобразно и вместе с тем сложно протекало культурно-историческое развитие Северного Кавказа в рассматриваемую эпоху.

Памятников неолита и энеолита на Северном Кавказе известно крайне мало, что объясняется, конечно, как недостаточными поисками их на этой территории, так и тем, что Предкавказье в упомянутые эпохи было слабо населено.

Иная картина наблюдается на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы, когда значительная территория его, во всяком случае вся равнинная и предгорная полосы, оказывается освоенной. Были ли заселены в эту эпоху высокогорные области Северного Кавказа [4], мы не знаем, так как никакими данными на этот счет не располагаем. К сожалению, трудно судить и о степени освоенности и заселения обширных степных районов Восточного Предкавказья (Северо-Западный Прикаспий). Подъемный материал, собранный в этих районах, указывает на присутствие там памятников, относящихся к рассматриваемому времени. Неясна пока точно их принадлежность к определенной культуре, в частности к майкопской, хотя в них и представлены некоторые элементы этой культуры (например, кремневые наконечники стрел с асимметричным основанием). В степях Северо-Западного Прикаспия встречаются курганы, возможно, относящиеся к майкопской культуре [5].

А. А. Формозовым сделан почти полный обзор бытовых памятников майкопской культуры и дана схема их распространения в Прикубанье [6]. Это избавляет нас от необходимости повторяться. Те же памятники, которые стали известны после опубликования его работы и которые мы отметим, не меняют общей картины. Сделаем здесь только один вывод, вытекающий из обзора этих памятников, а именно: ареал майкопской культуры включает Северо-Западный Кавказ, в том числе и приморские районы, Кабардино-Пятигорье и Чечено-Ингушетию. Учитывая подъемный материал в виде типичной для этой культуры керамики в ряде пунктов Северной Осетии (в Ардонском и Дигорском районах), можно считать, что и эта область входила в данный ареал. Майкопская культура была распространена от Таманского полуострова на северо-западе до Дагестана на юго-востоке, не заходя, вероятно, в горные районы края. Что же касается восточных районов (Северо-Западного Прикаспия), то она, возможно, бытовала и там.

[4] При этом не имеется в виду Дагестан, входящий целиком в ареал куро-аракской культуры. Там, так же как в Закавказье и Восточной Анатолии, в эпоху ранней бронзы горные и даже высокогорные районы были уже заселены.

[5] Надо признать, что слабая археологическая изученность этой области Предкавказья служит тормозом в решении ряда важных вопросов древнейшей и более поздней (вплоть до средневековья включительно) истории и культуры не только Северного Кавказа, но и всей Юго-Восточной Европы. Нельзя считать всесторонне изученной культуру раннебронзового века всего Северного Кавказа до тех пор, пока не будут исследованы археологические памятники этой территории, которая обладала благоприятными условиями для развития здесь в древности земледельческо-скотоводческого хозяйства.

[6] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 64—73.

В отмеченном ареале известны как погребальные, так и бытовые памятники майкопской культуры. Наибольшая концентрация их наблюдается в Прикубанье, в бассейнах притоков Кубани — Белой и Фарса [7]. Здесь же открыто наибольшее количество поселений этой культуры. Более важен, пожалуй, другой факт: в Прикубанье находится подавляющее большинство памятников, относящихся к раннему этапу майкопской культуры. Последние открыты также в Кабардино-Пятигорье. В Чечено-Ингушетии же синхронные им памятники неизвестны. Отсюда очевидно, что основной территорией майкопской культуры являлись центральные и западные районы Северного Кавказа. Из этих районов майкопская культура распространилась позже в юго-восточном направлении, в Чечено-Ингушетию, где она на определенном этапе «столкнулась» и пришла во взаимодействие с куро-аракской культурой.

Таким образом, ареал майкопской культуры первоначально не был столь обширным. Интересно, что почти повсеместно, включая Прикубанье, количественно преобладают памятники позднего этапа развития этой культуры (например, памятники Причерноморского района и Кабардино-Пятигорья). Из бытовых памятников здесь известны несколько стоянок в Воронцовской пещере к северу от г. Адлера и недавно открытое поселение Мысхако в Новороссийске [8]. Из них к раннему этапу относится лишь стоянка Очажного грота Воронцовской пещеры, в то время как стоянки в Колокольном и Заложенном гротах этой пещеры [9] и поселение Мысхако связаны с позднемайкопскими памятниками. Если даже относить стоянки Борисовку под Геленджиком и Бочаров Ручей у г. Сочи к памятникам майкопской культуры [10], то и они являются сравнительно поздними. То же самое в основном мы можем констатировать применительно к Кабардино-Пятигорью [11]. И там ранние памятники единичны.

До недавнего времени были известны два поселения майкопской культуры: Долинское поселение в г. Нальчике [12] и упомянутые стоянки в Воронцовской пещере. Находясь в различных областях Северного Кавказа и будучи различными как по своему типу, так и по характеру представленного в них материала, эти памятники, конечно, не могли дать полного и тем более правильного представления о поселениях майкоп-

---

[7] *А. А. Формозов.* Каменный век..., рис. 29, *31*.

[8] *Н. А. Онайко.* Новый памятник майкопской культуры. КСИА, вып. 134, 1974, стр. 58—59.

[9] *Л. Н. Соловьев.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. Труды Абхазского ИЯЛИ, т. XXIX. Сухуми, 1958. См. также: *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 72—75.

[10] Эти памятники, так же как одно или несколько поселений в окрестностях Геленджика, в сводке А. А. Иессена не получили интерпретации. Их принадлежность к той или другой группе «больших кубанских курганов» им не была определена (см. *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 104). А. А. Формозов считает, что культурная принадлежность данных поселений не ясна (см. *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 73).

[11] Последняя (после Е. И. Крупнова) сводка памятников майкопской культуры в Кабардино-Балкарии дана в работе И. М. Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии». Нальчик, 1969, стр. 16—20.

[12] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941.

ской культуры. Однако за минувшие 10—15 лет выявлено около 20 поселений, из которых около десяти исследованы. Среди них такие поселения, как Мешоко, Скала, Хаджох, Ясенова Поляна, Каменномостская пещера, стоянка у хут. Веселого и др. Одно поселение раскопано также в районе г. Кисловодска [13]. Поскольку все эти памятники детально описаны и обстоятельно проанализирован обнаруженный в них материал [14], мы ограничимся лишь общей характеристикой майкопских поселений. Но прежде отметим ряд новых бытовых объектов Северного Кавказа раннебронзового века, открытых в последние годы и не вошедших в сводку А. А. Формозова.

Среди них наибольший интерес вызывает поселение Мысхако, находящееся в пригороде Новороссийска, на Малой Земле. Здесь при исследовании поселения античного времени [15] в 1969 г. были открыты характерные для майкопской культуры образцы керамики, в том числе украшенные жемчужным орнаментом. Стало очевидным, что поселение существовало здесь еще в эпоху ранней бронзы [16]. Оно располагалось на самом берегу моря, в устье р. Мысхако, на высоком холме площадью 200×500 м. Это единственное пока поселение майкопской культуры, открытое на берегу Черного моря. Древнейшее поселение, вероятно, занимало небольшую часть вершины холма.

Культурный слой раннего поселения не был мощным, и он целиком, видимо, разрушен в античную эпоху. Древнейшие находки встречены здесь вместе с материалами античного времени. Поэтому мы не можем судить ни о размерах этого приморского поселка майкопской культуры, ни о его планировке, ни о других особенностях. Куски обожженной обмазки свидетельствуют о том, что здесь были обычные легкие постройки турлучного типа. По-видимому, к раннему поселению относятся и некоторые из открытых здесь ям. Одна из них, например, круглая в плане (диаметром около 0,80 м), глубиной 0,85 м служила зернохранилищем. В ней обнаружен кремневый вкладыш серпа. В подъемном материале имеются характерное для майкопских поселений каменное орудие в виде клиновидного топорика [17], а также отщепы кремня.

Керамика из поселения Мысхако красновато-оранжевого и серовато-желтого цвета, с едва заметными примесями белого кварца. Обломки ее принадлежат различным горшкам, особенно такой типичной форме, как сосуды с округло-шаровидным туловом и невысоким прямым венчиком. В коллекции представлено около десяти орнаментированных фрагментов сосудов (рис. 32). Прежде всего обращают на себя внимание черепки, украшенные «жемчужинами», иногда и с внутренней стороны венчика (рис. 32, *1—3*, *6—8*), причем точно так же, как на медных котлах из Новосвободненских дольменов и Бамутского могильника. На других облом-

[13] *А. П. Рунич.* Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА, 1967, № 1.

[14] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч.; *Л. Н. Соловьев.* Указ. соч.; *А. А. Формозов.* Каменный век...; см. также: *А. А. Формозов, Е. Н. Черных.* Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье. КСИА, вып. 101, 1964.

[15] *Н. О. Онайко.* Раскопки поселения на Малой Земле. КСИА, вып. 128, 1970, стр. 73—80.

[16] *Н. А. Онайко.* Новый памятник...

[17] Там же, рис. 17, *3, 4.*

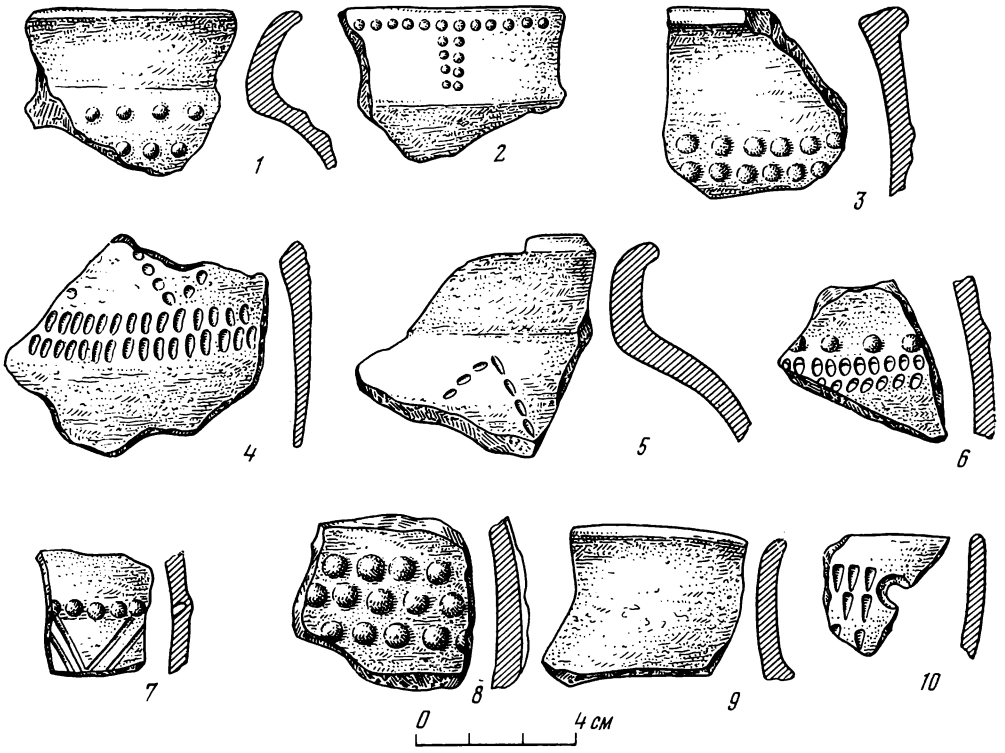

Рис. 32. Обломки сосудов с поселения Мысхако (1—10)

ках горшков — орнамент в виде резных пересекающихся линий, рядов насечек или штампов четырехугольной и треугольной форм (рис. 32, *4—7*). Судя по этой керамике, поселение Мысхако следует относить к поздней группе памятников майкопской культуры.

К поздней же группе майкопских памятников относится и Нальчикское поселение. Оно находится в юго-западной части г. Нальчика, в микрорайоне «Горный».

В процессе раскопок здесь подкурганной гробницы были встречены красно-охристая керамика с пачкающей поверхностью, костяная проколка и кости животных. Стало очевидно, что рядом с курганом находится культурный слой. Это подтвердилось в 1969 г., когда начали раскапывать нижнюю часть кургана. Было собрано более 1000 фрагментов керамики и вскрыт небольшой участок культурного слоя толщиной 0,40 м [18]. Там же расчищены две ямки от кольев в 1,5 м друг от друга, диамет-

[18] *И. М. Чеченов.* Доисследование кургана эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. «АО 1969 г.». М., 1970, стр. 89—90; *он же.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, стр. 7—8.

ром 6 см и глубиной 10 и 15 см. И. М. Чеченов предполагает, что это следы каркаса турлучного жилища [19].

Керамика представлена в основном обломками красно-охристых плоскодонных сосудов с округлым туловом и невысоким прямым венчиком с утончающимся краем. Некоторые горшки имели ручки в виде ушек. Встречаются также фрагменты мисок с прямыми или слегка завернутыми внутрь краями. Подавляющая часть сосудов изготовлена из хорошо отмученной глины, лишенной примесей, хорошо обожжена; поверхность их ангобирована или заглажена. Отмечены фрагменты сосудов с великолепным лощением черного и красного цвета. Толщина стенок варьирует от 0,5 до 1,5 см. Имеются экземпляры тонкостенной керамики. Особую группу составляют обломки керамики со значительными примесями в глиняном тесте песка, шамота или чешуек слюды. Поверхность их, однако, ангобирована и заглажена и имеет красно-охристый или светло-коричневый цвет. Среди них имеются и фрагменты чернолощеных сосудов, формы и размеры которых трудно определить [20].

Выделяется еще одна небольшая (третья — по И. М. Чеченову) группа керамики, представленная мелкими обломками грубых сосудов бурого и серого цвета. Они содержат в тесте примеси в виде мелких камешков, песка и дресвы. Поверхность их не покрыта ангобом и не заглажена [21].

Из общего числа (более 1200) фрагментов сосудов, обнаруженных на Нальчикском поселении, только на 20 обломках имеется орнамент. Пять из них, относящихся к первой группе керамики поселения, украшены рельефным валиком полуовальной и треугольной в сечении форм, один обломок краснолощеного сосуда имеет сосцевидный налеп. Имеется и три фрагмента горшков третьей группы, украшенных налепной полосой с вдавлениями. Наконец, 11 обломков всех трех групп сосудов украшены нарезными и желобковыми линиями [22].

Эта керамика изготовлялась, вероятно, на южной или юго-западной окраине поселения, где прослежены остатки обжигательной гончарной печи [23].

Отмеченный керамический комплекс хорошо увязывается с материалами Долинского поселения и других памятников ранней бронзы.

Кроме керамики, здесь собрано еще около 200 костей животных [24], а также ряд предметов. Среди последних интерес представляют костяная поделка в виде пряжки и особенно сильно схематизированная и грубо выполненная миниатюрная антропоморфная статуэтка из известняка, по-видимому, не законченная [25]. Длина ее 3,3 см, ширина 2,2—2,5 см и толщина 1,8 см.

Найдены также две обычные костяные проколки с заостренным кон-

---

[19] *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница, стр. 7.
[20] Подробный анализ керамики этого поселения дан И. М. Чеченовым. См.: *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница, стр. 40—48.
[21] *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница, стр. 43—44.
[22] Там же, рис. 35; 36.
[23] Там же, стр. 41—42.
[24] Там же, рис. 37, *1*.
[25] Там же, рис. 37, *2*.

цом (длиной соответственно 6 и 7 см) и два терочника из вулканического туфа (один длиной 17 см, шириной 15 см и толщиной 16 см, а второй соответственно 24 см, 13,5 и 6,5 см).

Еще одно поселение на территории Кабардино-Балкарии открыто на южной окраине с. Урух II (правый берег р. Урух). В 1968 г. здесь Л. Г. Нечаева и И. М. Мизиев провели обследование траншей для укладки водопроводных труб и обнаружили трехслойное поселение (позднесредневековый слой, аланский и эпохи ранней бронзы) [26].

Древнейшие культурные остатки лежали на глубине 0,60 м, они включали в себя обломки тонкостенных сосудов красноватого цвета с примесью в тесте слюды и толстостенных горшков оранжевого цвета из чистой, лишенной примеси глины, т. е. характерную майкопскую керамику. Кроме того, найдены кремневые вкладыши, небольшое каменное долото, орудие из гальки и кремневые отщепы.

Значительный интерес представляет открытие здесь ряда бытовых сооружений. В разрезах траншей прослежено около десяти больших (длиной 8—9 м и глубиной до 1,4 м) ям, в заполнении которых отмечены кусочки обожженной глиняной обмазки, угольки, обломки красно-оранжевых сосудов. Предполагается, что это остатки древних землянок [27]. В одной из них уцелел красноглиняный сосуд с округлым туловом, слабо отогнутым венчиком и плоским слегка вогнутым дном.

У края террасы, на котором расположено поселение, на глубине 70 см обнаружены остатки печи. В 10 м от последней собраны обломки толстых керамических плиток с округлыми отверстиями и фрагмент глиняной очажной подставки (?).

Этот комплекс близок к материалам Долинского и Нальчикского поселений.

Отметим ряд бытовых памятников в Пятигорье. Среди них наибольший интерес представляет поселение близ «Замка коварства и любви» на р. Аликоновке у г. Кисловодска [28]. Находки из этого памятника обнаруживают близость к материалам из прикубанских поселений (Хаджох, верхний слой Мешоко и др.). Среди них каменные клиновидные топоры, наконечники стрел, скребки, четырехгранные в сечении браслеты, изделия из кости, рога и зубов (подвески) животных [29].

Среди керамики имеются обломки сосудов, украшенные елочным орнаментом, сосцевидными налепами и «жемчужинами» [30], грубо вылепленные антропоморфные статуэтки [31] и, наконец колесико от модели повозки [32].

Отличительной особенностью керамики является то, что она в основном кругло- и остродонная.

---

[26] *Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев.* Поселение раннего бронзового века на р. Урух. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 104—105.
[27] *Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев.* Указ. соч.
[28] *А. П. Рунич.* Указ. соч., стр. 228—233.
[29] Там же, рис. 5.
[30] Там же, рис. 2, *1—14.*
[31] Там же, рис. 4, *1—3.*
[32] *А. П. Рунич, А. А. Формозов.* Новые памятники первобытной культуры в районе кавказских Минеральных Вод. КСИА, вып. 132, 1972, стр. 70.

В остеологическом материале 47% костей принадлежит диким животным [33]. В стаде преобладал мелкий рогатый скот.

Это поселение действительно несколько моложе раннемайкопских памятников (нижний слоя Мешоко) [34], но старше как дольменов Новосвободной, так и в особенности Долинского поселения и других позднемайкопских комплексов.

К последним относится и стоянка на мысу в Кабардинской балке, примерно в 3 км к югу от Кисловодска [35]. Культурный слой здесь толщиной 0,70 м. Найдены каменные зернотерки, терочники, топоры, кремневые и обсидиановые отщепы, обломки характерных красно-охристых шаровидных сосудов с пачкающей поверхностью, а также четырех глиняных кирпичей-конусов.

По-видимому, еще одно поселение майкопской культуры находится в урочище Решинка на территории бывшей станицы Кисловодской. Располагалось оно на мысу при впадении р. Березовки в Подкумок [36]. Здесь собраны кремневые и обсидиановые отщепы и найден обломок каменного браслета.

Отмеченные поселения и ряд других комплексов дают основания полагать, что кавказские Минеральные Воды, очевидно, не менее богаты памятниками майкопского круга, чем Кабардино-Балкария и Прикубанье [37].

Перейдем теперь к общей характеристике бытовых памятников майкопской культуры.

Особенностью топографии большинства известных поселений майкопской культуры является то, что они расположены на труднодоступных мысах плато или на высоких речных террасах [38]. Поселения на холмах, за исключением Мысхако и Ясеновой Поляны, или зольные тепе, подобные куро-аракским, здесь не известны. Кроме того, открыты и пещерные стоянки майкопской культуры: Хаджох, Каменномостская пещера, навес Мешоко, гроты Воронцовской пещеры и др. Следовательно, на Северном Кавказе сохраняется до эпохи бронзы традиция обитания в пещерах, ведущая свое начало с древнего каменного века. Ни в Закавказье, за исключением некоторых районов Западной Грузии, ни в Дагестане нет пещерных стоянок. Лишь в пещере Шау-Легет в Северной Осетии открыт небольшой керамический комплекс, связанный с куро-аракской культурой.

Наиболее полно исследованным поселением майкопской культуры является Мешоко. Оно расположено на мысу плато при слиянии ручья Мешоко и р. Белой [39]. Площадь поселения составляет 1,5 га. С напольной стороны поселение было укреплено мощной оборонительной стеной протяженностью 150 м и шириной местами 4,0 м. Мощность культурного

[33] *А. П. Рунич.* Указ. соч., стр. 223.
[34] *А. П. Рунич, А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 70.
[35] Там же, стр. 71.
[36] Там же, стр. 72.
[37] Там же, стр. 71.
[38] *А. А. Формозов.* Каменный век...
[39] *А. Д. Столяр.* Мешоко — поселение майкопской культуры. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961, стр. 73—98; *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 70.

слоя на Мешоко неравномерна: от 2,0 м у каменной оборонительной стены до 50—20 см — в центре. Такая неравномерность в характере распределения культурных остатков на разных участках поселения объясняется, по мнению исследователей памятника, тем, что жилища на поселении располагались главным образом у оборонительной стены.

Мешоко был долговременным укрепленным поселком. Укреплены были и другие поселки, но не все. Так, остатки мощной каменной оборонительной стены открыты по одному из склонов холма, на котором находится большое поселение Ясеновая Поляна, расположенное на берегу Фарса [40]. А на поселении у хут. Веселого прослежена канава шириной до 2 м и глубиной до 50 см, отделяющая поселение от напольной части мыса. Предполагается, что и это остатки укрепления [41]. Укрепленные поселения — можно уверенно сказать — характерное явление эпохи ранней бронзы широкого ареала. Оборонительные сооружения открыты в ряде поселений куро-аракской культуры в Закавказье и Дагестане. Они известны в Северном Причерноморье (поселение Михайловка), на Балканах (Дипсийская могила в Болгарии и др.), Малой Азии [42].

Прочно оседлый характер майкопских поселений Прикубанья доказывается мощностью культурного слоя на них. Мощность культурного слоя Мешоко мы уже отметили. Примерно такой же толщины слой достигает и на поселении Ясенова Поляна (от 0,40—0,80 до 1,6 м). Причем любопытно, что здесь, как и в Мешоко, культурный слой толще всего по краям и тоньше всего в центре поселения [43]. Толщина культурного слоя на других поселениях: у хут. Веселого — 0,55 м [44], на Скале — максимальная 0,70 м, в навесе Мешоко — 0,20 м, в навесах Хаджох I и III — достигает местами 1,2 м [45]. Как видим, мощность культурных остатков на прикубанских поселениях майкопской культуры невелика. Только на двух поселениях, да и то на отдельных их участках, она превышает 1,5 м и ни в одном случае не бывает более 2,0 м. В этом смысле, разумеется, не может быть никакого сравнения их с куро-аракскими поселениями. Но, может быть, майкопские поселения в других областях Северного Кавказа обладают более мощным культурным слоем? Такие поселения до сих пор неизвестны. Мы уже отмечали, что культурный слой на Мысхако невелик, а в Нальчикском поселении он достигает около 0,5 м. Что же касается Долинского поселения, то там культурный слой не был сплошным. Здесь открыты скопления древних культурных остатков. Последние также находились в раскопанных на поселении ямах. И дерновый слой (слой I) и нижележащие слои II и III, содержавшие культурные остатки, довольно тонкие. Так, мощность второго слоя в среднем 10—15 см [46].

---

[40] *А. А. Формозов, Е. Н. Черных.* Указ. соч., стр. 107.
[41] Там же, стр. 103, 107.
[42] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшие каменные крепости Болгарии. «Новое в археологии». Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского.
[43] *А. А. Формозов, Е. Н. Черных.* Указ. соч., стр. 107, 108.
[44] Там же, стр. 104.
[45] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 70—72.
[46] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 164—166.

К сожалению, мы располагаем крайне недостаточными данными для суждения о планировке поселков майкопской культуры, характере и формах жилой архитектуры, об очажных сооружениях.

Судя по раскопкам Мешоко и Ясеновой Поляны, планировка этих поселений восстанавливается «как круг или овал из жилищ, пристроенных к оборонительной стене, с площадью-загоном для скота в центре» [47]. На Долинском же поселении, видимо, никакой системы в расположении жилищ не было. Они находились вдали друг от друга. Как отмечают А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, жилища были не скучены на ограниченном участке, а отделены одно от другого широкими площадями, использовавшимися для посевов или посадок культурных растений [48].

Жилища на поселениях Мешоко и Ясеновая Поляна представляли собой легкие каркасные постройки, обмазанные глиной. Они опирались на деревянные столбы, укрепленные в специально вырытых или выдолбленных в скальном основании плато ямах. Дома были прямоугольные, площадью примерно 12×4 м, как в Ясеновой Поляне [49]. Любопытно, что в Мешоко прослежен ряд столбовых ям от одной лишь стены. Предполагают, что второй стеной жилища служила каменная оборонительная стена, к которой и были пристроены дома. В таком случае ширина этого дома в Мешоко достигала 6 м [50].

Не удалось установить форму жилища на Долинском поселении. Здесь лишь в одном случае прослежено направление стены (с запада на восток). Пол этого жилища представлял хорошо утрамбованную поверхность [51]. На поселении обнаружено большое количество кусков глиняной обожженной обмазки, часто со следами от жердей и прутьев. Установлено, что глиной обмазывали как плетеное сооружение, так и постройки, основу стен которых составляли параллельно расположенные прутья. Иногда прутья были расположены в несколько рядов [52].

Этими скромными данными исчерпываются по существу все наши знания о планировке, характере и формах жилищ поселений майкопской культуры [53]. Они настолько ограничены, что по ним невозможно составить сколько-нибудь полное представление о майкопском поселке, особенностях его архитектуры и т. д. Судя по этим отрывочным данным, жилые постройки на поселениях раннебронзового века Северного Кавказа имели прямоугольную форму.

В майкопских поселениях, как и в куро-аракских, открыто значительное количество различных ям. В частности, на Долинском поселении часть ям имела округлые в плане очертания и суживалась книзу, а остальные, отличавшиеся более крупными размерами,— имели форму усеченного конуса. Отличительным признаком последних является наличие в их основании плоских валунов или большого числа мелких камней со следа-

---

[47] *А. А. Формозов, Е. Н. Черных.* Указ. соч., стр. 108.
[48] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 170.
[49] *А. А. Формозов, Е. Н. Черных.* Указ. соч., стр. 108.
[50] Там же.
[51] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 170.
[52] Там же.
[53] Там же, стр. 171.

ми сильного действия огня [54]. Безусловно, эти ямы представляют собой остатки очажных сооружений — печей. Другие же могли быть местом хранения каких-либо запасов.

Из поселений майкопской культуры, в особенности в Прикубанье, происходит огромный по количеству и разнообразию археологический материал. Значителен и остеологический материал. Достаточно сказать, что только из поселения Мешоко В. И. Цалкин изучил 16 000 костей животных [55]. А это далеко не вся коллекция костных остатков, обнаруженных на этом поселении.

Археологический материал из прикубанских поселений майкопской культуры детально изучен А. А. Формозовым [56]. Следовательно, нам нет необходимости анализировать его. Мы только обратим внимание на ряд важных и интересных фактов с точки зрения понимания характера культурно-исторического процесса, протекавшего на Северном Кавказе на заре бронзового века. При этом отметим, что мы имели возможность ознакомиться с материалами майкопских поселений Прикубанья после выхода в свет монографии А. А. Формозова, когда были накоплены некоторые новые материалы и завершалась камеральная обработка всех материалов из Мешоко [57].

Орудия труда на майкопских поселениях Прикубанья представлены каменными зернотерками, терочниками, клиновидными шлифовальными топорами, долотами, лощилами, кремневыми отбойниками, отжимниками, ножами, вкладышами, скребками, сегментами, трапециями, проколками, сверлами а также костяными проколками, шильями и рыболовными крючками, глиняными пряслицами в виде колесиков с отверстием в центре, сделанных из обломков стенок сосудов.

Предметы вооружения представлены кремневыми наконечниками дротиков, копий и стрел и круглыми пращевыми камнями. А среди украшений преобладают каменные браслеты нескольких типов: пластинчатые, треугольные и в основном плоские сланцевые. Много и каплевидных подвесок. Металлических предметов в известных сейчас майкопских поселениях найдено немного. Так, в Мешоко в 1963 г. обнаружено 11 медных или скорее всего бронзовых предметов (шильца, браслеты, долотца, пронизки и пластинки).

Удивляют количество и набор кремневого инвентаря архаических форм. Для примера приведем такие данные. Только в 1963 г. в Мешоко найдено 236 целых и 586 обломков каменных клиновидных топоров, 94 кремневых наконечника стрел и копий, 65 проколок и сверл, 124 скребка, 52 сегмента и 3 трапеции, 11 вкладышей и 1618 других кремневых орудий (отжимников, отбойников и пр.). Кроме того, здесь обнаружено

---

[54] Мы не акцентировали здесь внимание на сооружениях, прослеженных в Урухском поселении и предположительно определенных как остатки землянок, так как ни одно из них не исследовано.

[55] *В. И. Цалкин.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.

[56] *А. А. Формозов.* Каменный век...

[57] Считаю своим долгом принести глубокую благодарность А. Д. Столяру, любезно познакомившему меня со всеми материалами прикубанских поселений, имевшимися в его распоряжении, и с некоторыми результатами их камеральной обработки.

87 каменных орудий в виде долота, лощила и т. п., 686 обломков браслетов, в том числе 605 сланцевых, и 46 каплевидных подвесок. Наряду с ними встречено всего 11 кремневых вкладышей серпов и семь каменных зернотерок. Многие из этих архаических предметов, включая большинство браслетов, находятся в верхних горизонтах Мешоко. А ведь каменные браслеты, как мы уже говорили, бытовали, например в Передней Азии, в очень раннее время. Любопытно, что в хассунско-самаррских и халафских комплексах Месопотамии, датируемых VI—V тыс. до н. э., их уже нет совершенно, хотя в памятниках других областей этого времени они спорадически встречаются. Мы их не знаем в памятниках Закавказья V—IV тыс. до н. э., за исключением Тетрамицы в Западной Грузии. Значительная серия каменных браслетов представлена в Нальчикском могильнике [58]. Таким образом, этот тип украшений, появившийся в мезолите или даже в верхнем палеолите и распространившийся на Кавказе, по-видимому, в неолите, доживает здесь, судя по многочисленным их находкам в прикубанских поселениях майкопской культуры, до эпохи ранней бронзы. Как уже отмечалось, каменные браслеты найдены и в двух погребальных памятниках майкопской культуры.

На архаичность инвентаря прикубанских поселений майкопской культуры указывают и поразительное обилие и разнообразие древнейших типов кремневых (редко и обсидиановых) орудий, представленных в этих памятниках. Среди них имеются такие, как микролитические орудия геометрических форм в виде сегментов и трапеций [59], сверла и т. д. Ведь эти типы и формы каменных орудий вышли из употребления в соседних областях Кавказа, не считая, может быть, отдельных районов Западной Грузии, еще в предшествующую эпоху. На самом деле, в памятниках куро-аракской культуры (как в Закавказье, так и в Дагестане) мы не наблюдаем ничего подобного. Такого количества и разнообразия каменного инвентаря здесь нет в рассмотренных памятниках V—IV тыс. до н.э. А. А. Формозов убедительно показал прямую связь основных категорий предметов хозяйственно-бытового инвентаря майкопских поселений Прикубанья с местной кремневой индустрией более раннего времени.

Наличие значительного архаического пласта, восходящего к местному неолиту и даже мезолиту, является, таким образом, одной из особенностей развития культуры раннебронзового века Северного Кавказа, что свидетельствует, конечно, об определенном отставании Предкавказья в культурно-историческом развитии от Закавказья. Любопытно, что такой архаический пласт прослеживается прежде всего в тех бытовых памятниках, которые характеризуют ранний этап развития майкопской культуры. Ведь, например, и в Нальчикском, и в Долинском поселениях несравненно меньше кремня, причем там в каменном инвентаре совершенно отсутствуют такие ранние типы, как кремневые сегментовидные орудия и каменные браслеты. А. А. Формозов сравнил количества кремневых и

---

[58] Отметим, что в Кабардино-Пятигорье каменный браслет (обломок) найден еще в районе станции Змейка. См.: *А. П. Рунич, А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 72.

[59] Хорошо известно, что в погребальном инвентаре знаменитого Майкопского кургана представлены кремневые сегменты, аналогичные найденным в поселениях. См.: *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 71, рис. 32.

обсидиановых предметов, найденных в Долинском поселении и Мешоко, и показал, что если в первом на площади 300 кв. м обнаружено всего 264 таких предмета, то в Мешоко на этой же площади «собраны многие тысячи кремней».

Мы согласны с А. А. Формозовым, отнесшим Долинское поселение в целом к поздней группе памятников майкопской культуры [60]. Известно, что исследователи этого памятника выделили в нем два слоя, причем один — нижний — синхронизировали с Майкопским курганом, а другой — верхний — с Новосвободненскими курганами. Теперь же очевидно, что и тот и другой слои на Долинском поселении, к тому же стратиграфически четко не выделенные, относятся не к ранней фазе майкопской культуры, а к поздней. В процессе своего развития и распространения майкопская культура теряла свои архаические черты, выраженные столь ярко в каменном инвентаре. На территории Чечено-Ингушетии, где она бытовала на самом позднем этапе своего развития, как мы увидим дальше, нет уже в памятниках эпохи ранней бронзы тех древнейших типов каменных предметов, которые в таком изобилии встречаются в Прикубанье, в частности на Мешоко.

Исчезновение этих архаических типов каменных орудий и других предметов было результатом общего прогресса в культурно-историческом развитии Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы, вызванного усиленным развитием в то время земледелия и особенно скотоводства, возникновением собственного металлообрабатывающего производства, а также значительной активизации связей с Закавказьем, степными племенами Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья и особенно Передней Азией. Отмеченные факторы не только заметно ускорили общий ход социально-экономического и в целом исторического развития Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы, но и привели к созданию новых форм и явлений в материальной культуре края того времени. Обо всем этом мы можем сейчас судить главным образом по материалам погребальных памятников майкопской культуры. Другими словами, если бытовые памятники дают нам представление об одном компоненте культуры раннебронзового века Северного Кавказа, восходящем к местным истокам, генетически связанным с развитием местной культуры предшествующих эпох, то погребальные памятники содержат другой пласт или характеризуют второй компонент рассматриваемой культуры. Его появление и распространение здесь способствовали в конечном итоге формированию на значительной территории Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы той яркой и самобытной культуры, которая представлена такими замечательными памятниками, как Майкопский курган, Новосвободненские дольмены, Старомышастовский клад, подкурганная гробница в Нальчике и т. д.

Вероятно, вызовет недоумение тот факт, что мы не коснулись наиболее массового материала в поселениях — керамики. Дело в том, что обнаруженная, в частности в прикубанских поселениях майкопской культуры, керамика настолько фрагментарна, что по ней трудно восстановить формы. Но последние хорошо представлены в погребениях майкопской куль-

[60] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 83—84.

туры. В могильных комплексах представлен и весь характерный металл этой культуры. Керамику и металл майкопской культуры, так же как и погребальный обряд, мы рассматриваем отдельно.

Культура эпохи раннего металла Северного Кавказа до недавнего времени характеризовалась по погребальным памятникам. И это понятно, так как поселения майкопской культуры не были изучены. При этом до сих пор оказались не систематизированы и детально не исследованы сами погребальные памятники; до настоящего времени погребальный обряд майкопских племен изучен лишь в самых общих чертах, а представленная в погребениях керамика рассмотрена суммарно [61]. Поэтому естественно, что ни особенности погребального обряда, ни керамика в целом совершенно не учитывались по существу при решении, например, таких вопросов, как периодизиция культуры «больших кубанских курганов» и др.

Данное обстоятельство и побуждает нас обратить в этой работе основное внимание на изучение погребальных памятников Северного Кавказа раннебронзового века. Дальше мы даем сводку и описание почти всех известных в настоящее время погребений майкопской культуры. При этом в основу исследования положены не единичные погребения, подобные майкопскому или новосвободненскому, а целые могильники, прежде всего Усть-Джегутинский и Бамутский курганные могильники. Укажем в связи с этим такой факт. Если до раскопок Усть-Джегутинских курганов было известно менее десяти раннемайкопских погребений, то в одном этом могильнике их значительно больше. Далее, если общее число сосудов раннемайкопского типа со всей территории Северного Кавказа составляло около 15 экземпляров, то только в Усть-Джегутинском могильнике их найдено в несколько раз больше. Примерно то же следует сказать в отношении Бамутского могильника.

Прежде чем приступить к описанию погребальных памятников майкопской культуры, необходимо сделать ряд замечаний. Первое из них заключается в том, что описание этих памятников дается не в строго хронологическом порядке. Мы суммарно выделяем две хронологические группы: раннюю — во главе с Майкопским курганом и позднюю — во главе с Новосвободненскими курганами. Разумеется, это совершенно не значит, что эти памятники наиболее ранние в своей группе. Известно, что некоторые памятники (например, Майкопский курган, Усть-Джегутинский могильник) содержат ранние и поздние комплексы майкопской культуры. Разделять их и описывать отдельно нецелесообразно.

В нашей сводке приводятся не только те комплексы, принадлежность

[61] Достаточно при этом сослаться на последние сводки памятников майкопской культуры. Ни в работе А. А. Иессена «К хронологии «больших кубанских курганов»», ни в труде Е. И. Крупнова «Древняя история и культура Кабарды» (М., 1957, стр. 44—72) и, наконец, ни в монографии А. А. Формозова «Каменный век и энеолит Прикубанья» погребальный обряд племен майкопской культуры не подвергнут специальному изучению. Во всех случаях авторы ограничиваются лишь самой общей его характеристикой. То же самое следует сказать и в отношении керамики. Правда, А. А. Формозов в своем труде немало внимания уделил основному виду орнаментации керамики (жемчужному орнаменту) майкопской культуры и использовал его при решении проблемы периодизации майкопских древностей.

которых к майкопской культуре не вызывает сомнений. В частности, мы описали все курганы, чья принадлежность к той или другой группе «больших кубанских курганов» была не ясна для А. А. Иессена [62], и высказали свое мнение об их культурно-хронологическом положении.

Наконец, отметим, что мы не придерживаемся при описании погребальных памятников майкопской культуры и строгого географического принципа, хотя и соблюдаем определенную систему.

Майкопский курган. Этот курган находился на одной из улиц г. Майкопа, которая сейчас носит название Курганная. Он представлял собой огромную округлую земляную насыпь высотой 10,65 м. Помимо основной могилы в насыпи кургана, на глубине 3,20 м от вершины открыто впускное погребение, обложенное камнями. В нем при скорченном (?) костяке обнаружены медный (или бронзовый.— *Р. М.*) наконечник копья, серебряная спиральная подвеска и кусочки красной охры [63]. Данный комплекс относится к эпохе бронзы и хронологически, по всей вероятности, близок к основной могиле кургана.

Последняя находилась под насыпью, в центре кургана, и была окружена кромлехом в виде кольца из плит известняка [64]. Могила представляла собой огромную яму, вырытую в материке. Она имела четырехугольную форму и была вытянута по оси северо-восток — юго-запад. Углы могилы были закруглены, а продольные стены слегка вогнуты. Размеры могилы: длина 5,33 м, ширина 3,73 м и глубина 1,42 м. Стены ее были укреплены деревом, а дно выложено слоем мелких речных булыжников. На дне могилы по углам открыты неглубокие (до 0,22 м) ямки, в которых были установлены деревянные столбы (диаметром до 0,26 м), поддерживавшие, вероятно, надмогильное перекрытие. Последнее состояло из двух деревянных накатников-помостов, положенных один на другой, а между ними находился слой земли толщиной до 10 см.

Могила была разделена деревянными перегородками на три части. Поперечная перегородка разделяла могилу на две половины — южную и северную; северная в свою очередь разделялась на две равные части — западную и восточную [65].

В южной половине могилы на слое гальки лежал погребенный в скорченном положении на боку (правом?), с согнутыми в локтях руками, подтянутыми к лицу, головой на юго-юго-восток. Костяк был густо засыпан красной краской (суриком).

В двух других отделениях лежали также по одному погребенные в скорченном положении на боку, головами на юг. Костяки были тоже окрашены в красный цвет, но значительно слабее, чем костяк в южной части могилы. Н. И. Веселовский отмечает, что подстилка под костями в северной половине могилы состояла из более крупных «голышей» и была хуже сложена, чем в южной части могилы.

---

[62] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 164.
[63] Там же, стр. 2.
[64] ОАК за 1897 г. В отчете Н. И. Веселовского отсутствует описание кромлеха, не указаны даже размеры его.
[65] ОАК за 1897 г., стр. 3.

Уже эти детали указывают на то, что погребенный в южной части могилы был более «привилегированным» членом общества, насыпавшего Майкопский курган. Об этом еще более убедительно свидетельствует инвентарь, сопровождавший погребенных. Основная его часть находилась в южной половине могилы [66]. Там обнаружены 68 золотых штампованных пластинок в виде львов (рис. 33, *4*), 19 таких же пластинок, изображающих быков, 38 штампованных колец, десять двойных пятилепестковых розеток. Этими золотыми пластинками и розетками, а также множеством разнообразных золотых, серебряных, сердоликовых и бирюзовых бусин был усеян весь костяк в южной половине могилы. Среди золотых бусин имеются пять крупных экземпляров, в том числе три вытянутой формы с продольными гранями (рис. 33, *3*), одна шаровидная, покрытая целиком линейным орнаментом (рис. 33, *2*), и одна продолговатая, но со вздутой средней частью, также украшенной орнаментом (рис. 33, *1*). Две бирюзовые бусины имеют золотые ушки [67]. Под черепом находились две узкие золотые ленты и рядом — две круглые в сечении золотые серьги, несколько золотых кнопок (?) и пять золотых ободков, как отмечает Н. И. Веселовский, неизвестного назначения [68].

Перед костяком, от черепа до берцовых костей, лежали параллельно друг другу шесть серебряных стержней длиной 1,03 м (рис. 34). Один конец у четырех из них золотой. Концы последних полые и украшены прорезным орнаментом в виде как бы винта. На концы четырех стержней, обращенных к черепу, были насажены (по одной) массивные фигурки быков (рис. 34). Причем на двух серебряных стержнях фигурки были серебряные, а на двух других, у которых конец стержня золотой,— золотые (рис. 34, *1*, *2*) [69].

Рядом с этими трубочками, как их называет Н. И. Веселовский, найдены два серебряных и три золотых колпачка полушарной формы. У коленных костей находились несколько кремневых двусторонне обработанных ромбовидных наконечников стрел и ряд кремневых микролитических орудий [70].

Ближе к восточной стенке могилы параллельно стержням лежали в ряд 17 сосудов: два золотых, один каменный шаровидной формы с накладным горлом и крышкой из золота (рис. 35, *8*, *9*) и 14 серебряных (рис. 35, *1—3*, *6*, *7*, *10*), в том числе один с золотыми ручками-ушками (рис. 35, *1*), а другой — с золотым ободком у основания шейки (рис. 35, *4*). В коллекции серебряной посуды имеются небольшие сосудики с шаровидным туловом и высокой цилиндрической шейкой (рис. 35, *3*, *6*), полушарной формы (рис. 35, *7*), с округлым туловом и резко отогнутым венчиком (рис. 35, *5*), совершенно аналогичные по форме глиняным горшкам из описываемого же комплекса. Особенно интересны два серебряных сосуда, украшенные чеканными рисунками (рис. 36).

---

[66] Там же, стр. 3—10.
[67] Там же, стр. 4, примеч. 3.
[68] Там же, стр. 4.
[69] Там же, стр. 5.
[70] Там же, стр. 8.

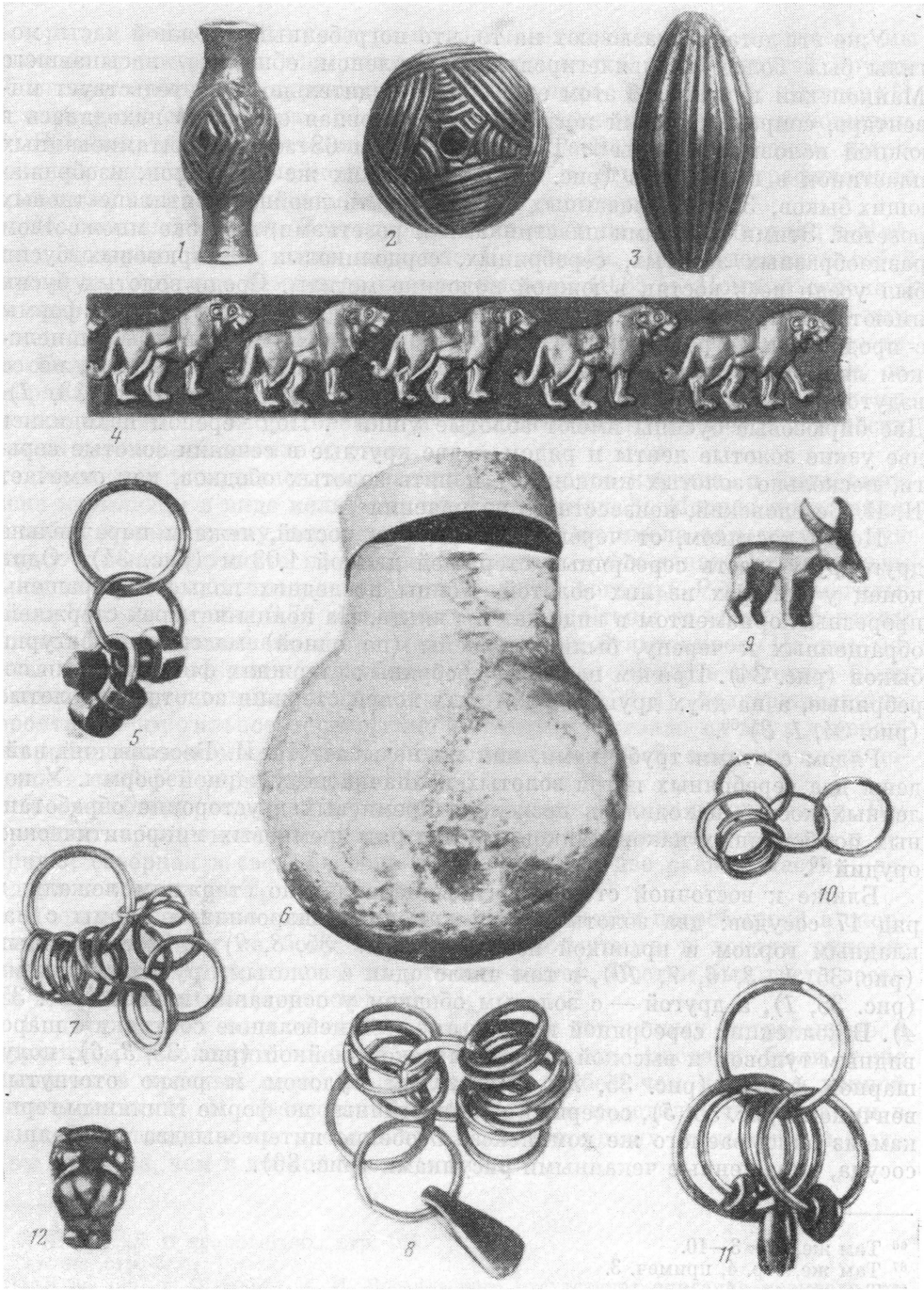

Рис. 33. Находки из Майкопского кургана (1—4) и Старомышастовского клада (5—11)

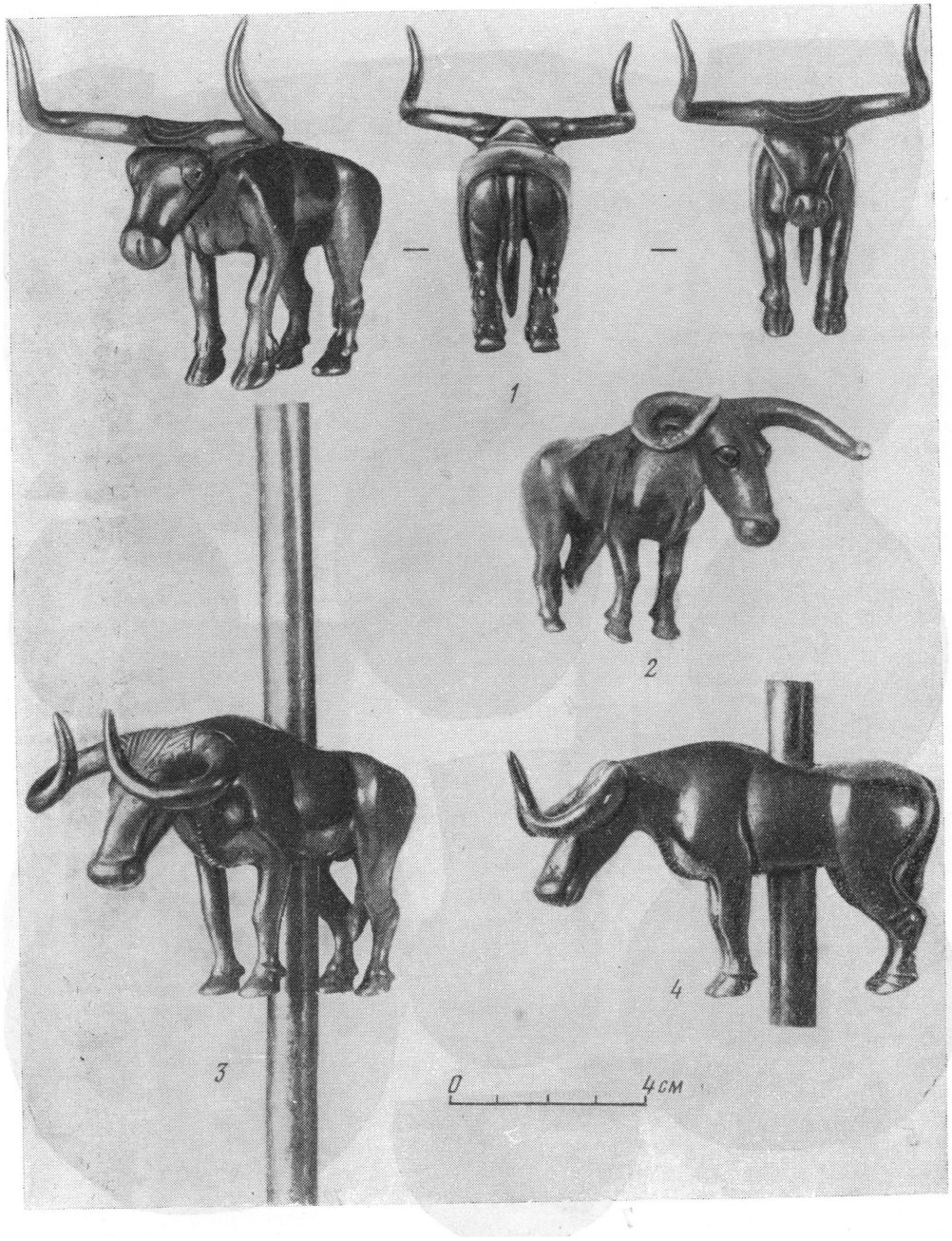

Рис. 34. Майкопский курган. Золотые и серебряные фигурки быков (1—4)

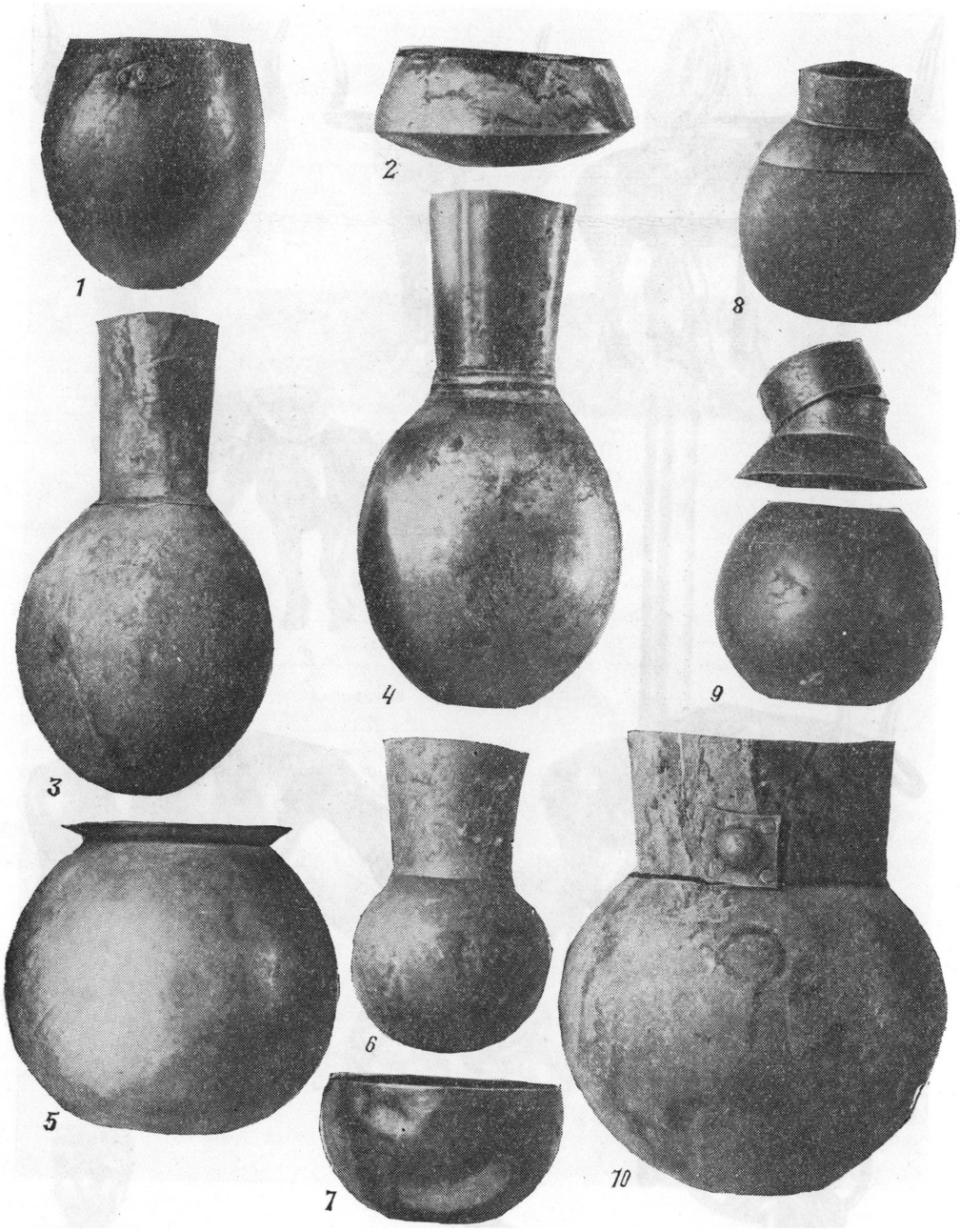

Рис. 35. Майкопский курган. Серебряные (1—7) и каменный (8, 9) сосуды

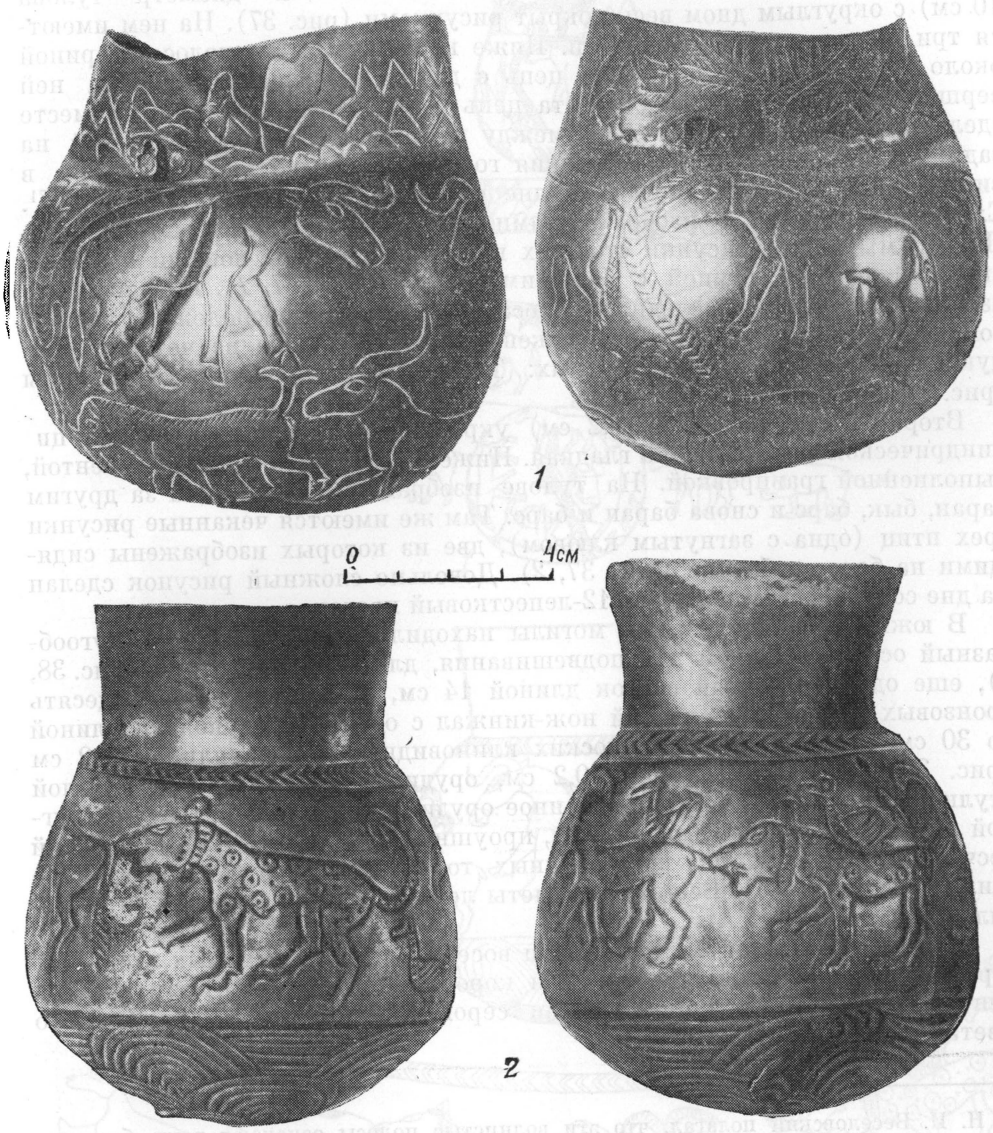

Рис. 36. Майкопский курган. Серебряные сосуды

Первый из них (высота 9,8 см и максимальный диаметр тулова 10 см) с округлым дном весь покрыт рисунками (рис. 37). На нем имеются три полосы с изображениями. Ниже края сосуда, на полосе шириной около 3 см изображена горная цепь с двумя возвышающимися на ней вершинами. На одном участке эта цепь гор разорвана, и на этом месте сделаны рисунки двух деревьев, между которыми изображен стоящий на задних лапах медведь. От подножия гор идут две «волнистые» линии в виде змейки, соединяющиеся на дне сосуда и образующие там круг [71]. Следующая полоса с изображениями занимает среднюю часть сосуда. На ней мы видим рисунки стоящих в ряд двух быков, лошади и льва с сидящей на нем птицей с большим клювом (рис. 37, *1*). Над лошадью изображена птица. Последняя полоса с рисунками расположена вокруг донной части сосуда. Там изображена вереница также из четырех следующих друг за другом животных: кабана, козла, барана и львицы (рис. 37, *1*).

Второй сосуд (высотой 10,2 см) украшен не целиком. Высокая, цилиндрической формы шейка гладкая. Ниже ее сосуд опоясан узкой лентой, выполненной гравировкой. На тулове изображены в ряд один за другим баран, бык, барс и снова баран и барс. Там же имеются чеканные рисунки трех птиц (одна с загнутым клювом), две из которых изображены сидящими на барсе и баране (рис. 37, *2*). Довольно сложный рисунок сделан на дне сосуда. Он напоминает 12-лепестковый цветок.

В южной, основной части могилы находились еще каменный дугообразный оселок с ушком для подвешивания, длиной около 33 см (рис. 38, *1*), еще один каменный оселок длиной 14 см, каменный топор и десять бронзовых предметов: плоский нож-кинжал с остатками рукоятки длиной до 30 см (рис. 38, *9*), два плоских клиновидных топора длиной 10,2 см (рис. 38, *2*), орудие длиной 10,2 см, орудие в виде кирки с круглой втулкой (рис. 38, *7*), комбинированное орудие в виде топора-тесла с круглой втулкой посредине (рис. 38, *8*), проушной топор (рис. 38, *3*), плоский бесчеренковый нож, два клиновидных топора-долота и четырехгранное шило (рис. 38, *4—6*). Все эти предметы лежали в юго-восточном углу могилы.

У западной стенки могилы стояли восемь почти однотипных глиняных горшков с шарообразным туловом и коротким, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 39). Горшки были серого, желтоватого и красноватого цвета.

---

[71] Н. И. Веселовский полагал, что эти волнистые полосы означают реки, берущие начало в горах и при слиянии образующие озеро или пруд (см. ОАК за 1897 г., стр. 8). Широко известно мнение о том, что горная цепь, изображенная на описанном сосуде, представляет собой панораму центральной части Большого Кавказа, а возвышающиеся над ней вершины — это не что иное как Эльбрус и Казбек. Волнистые же полосы, спускающиеся с гор, можно рассматривать как любую пару больших рек Северного Кавказа (см. например: *С. В. Киселев.* Бронзовый век СССР. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 20). Однако это мнение едва ли можно признать обоснованным. Пожалуй, с большим основанием можно полагать, что перед нами панорама гор Армении с берущими начало там Тигром и Ефратом.

Рис. 37. Изображения на серебряных сосудах Майкопа

Рис. 38. Каменный оселок и бронзовые изделия из Майкопского кургана (1—9)

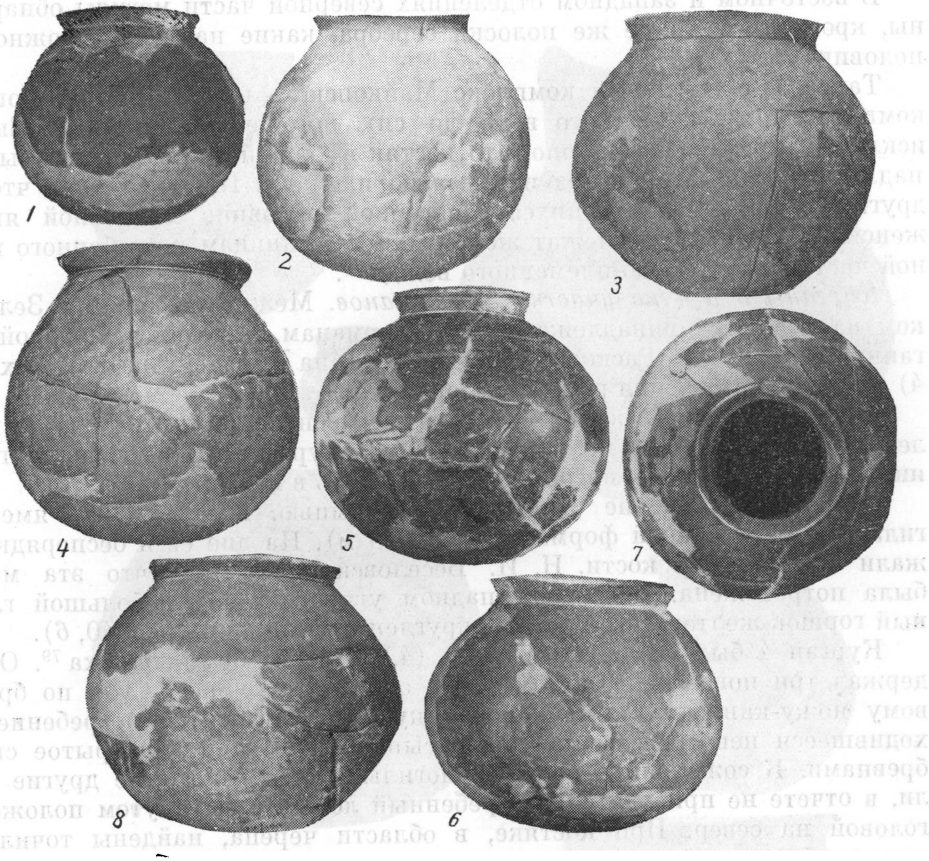

Рис. 39. Глиняные сосуды из Майкопского кургана (1—8)

Наконец, по всему дну южной половины могилы встречены тонкие полоски серебра; на некоторых из них сохранились серебряные гвоздики; по-видимому, они служили обивкой какого-то деревянного предмета [72].

В восточной части могилы при костяке найдены в области черепа массивные золотые кольца, круглые в сечении, с надетыми на них сердоликовыми бусинами. У костей рук лежали разнообразные золотые и сердоликовые бусины [73], аналогичные обнаруженным в южной части могилы. Вдоль восточной стены стояли различные медные сосуды: плоская чаша, ведерко с дужкой, раздавленный кувшин и два котла, один из которых, довольно большой, имел шаровидную форму и прямой невысокий венчик. При костяке в западной части могилы найдены такие же золотые и сердоликовые бусины, а в северо-западном углу могилы помещался большой глиняный красно-охристый сосуд округло-яйцевидной формы с прямым невысоким венчиком.

[72] ОАК за 1897 г.

[73] Всего в кургане найдено 1272 сердоликовые бусины и 60 бирюзовых.

В восточном и западном отделениях северной части могилы обнаружены, кроме того, такие же полоски серебра, какие найдены в южной ее половине [74].

Таков замечательный комплекс Майкопского кургана. Столь богатого комплекса раннебронзового века до сих пор не раскопано в Европе, исключая Грецию. Бесспорно, что костяк в южной половине могилы принадлежал старейшине рода или вождю племени. Предполагают, что два других костяка, находившихся в северной половине могильной ямы,— женские [75]. Они принадлежат женам или наложницам погребенного в южной части могилы родо-племенного вождя [76].

Курганы 3 и 4 на участке Зиссерманов. Между Кубанью и Зеленчуком на участке, принадлежавшем Зиссерманам, находился большой курганный могильник. Раскопано четыре кургана [77], в двух из которых (3 и 4) открыты погребения раннебронзового века.

Курган 3 достигал в высоту 4,25 м [78]. В основании его находился кромлех в виде кольца из мелких камней. В кургане открыты два погребения. Первое, впускное, погребение находилось в насыпи.

Основное погребение открыто под насыпью, в материковой яме. Могила четырехугольной формы (2,15×2,15 м). На дне ее в беспорядке лежали человеческие кости. Н. И. Веселовский полагал, что эта могила была потревожена. В северо-западном углу ее стоял небольшой глиняный горшок желтоватого цвета с округленным днищем (рис. 40, *6*).

Курган 4 был такой же высоты (4,25 м), но без кромлеха [79]. Он содержал три погребения, в том числе одно катакомбное. Судя по бронзовому ножу-кинжалу, к майкопской культуре относится погребение, находившееся непосредственно под насыпью кургана и перекрытое сверху бревнами. К сожалению, размеры могилы, как и некоторые другие детали, в отчете не приводятся. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на север. При костяке, в области черепа, найдены точильный камень, бронзовый нож-кинжал с едва намечающимся черенком (рис. 41, *5*), а также кусочки охры.

Курган у ст. Казанской. Входил в группу курганов, разбросанных к востоку от Казанской, по правому берегу р. Кубани [80]. Он достигал в высоту 11 м. В кургане открыты две могилы: одна в насыпи, на глубине 9,23 м, вторая — под насыпью, в центре кургана. Первая имела в плане квадратную форму (1,42×1,42 м). В ней расчищены костяки, лежавшие в сильно скорченном положении на боку, головой на юг: один — в северном углу могилы, а другой — в южном. В могиле у юго-восточной стенки стоял характерный глиняный горшок с шарообразным туловом и округлым дном.

---

[74] ОАК за 1897 г.
[75] Там же.
[76] См., например: *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды.
[77] ОАК за 1900, стр. 41—43.
[78] Там же, стр. 42.
[79] ОАК за 1900 г., стр. 43.
[80] ОАК за 1901 г., стр. 67.

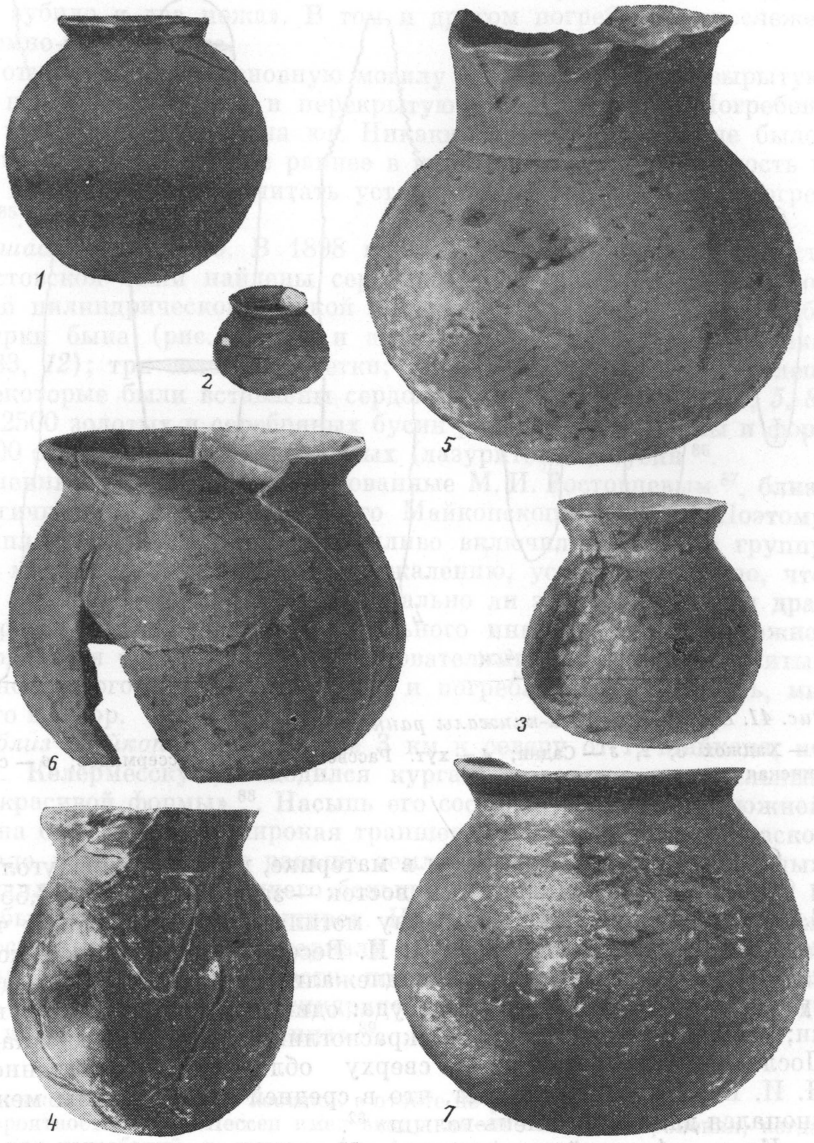

Рис. 40. Глиняные сосуды Майкопской культуры

1, 2 — из курганов 20 и 22 у с. Чегем I; *3* — из пос. Адагум; *4* — Хаджох 1; *5* — курган в районе Армавира; *6* — курган на уч. Зиссерманов; *7* — курган 5 у Кеп

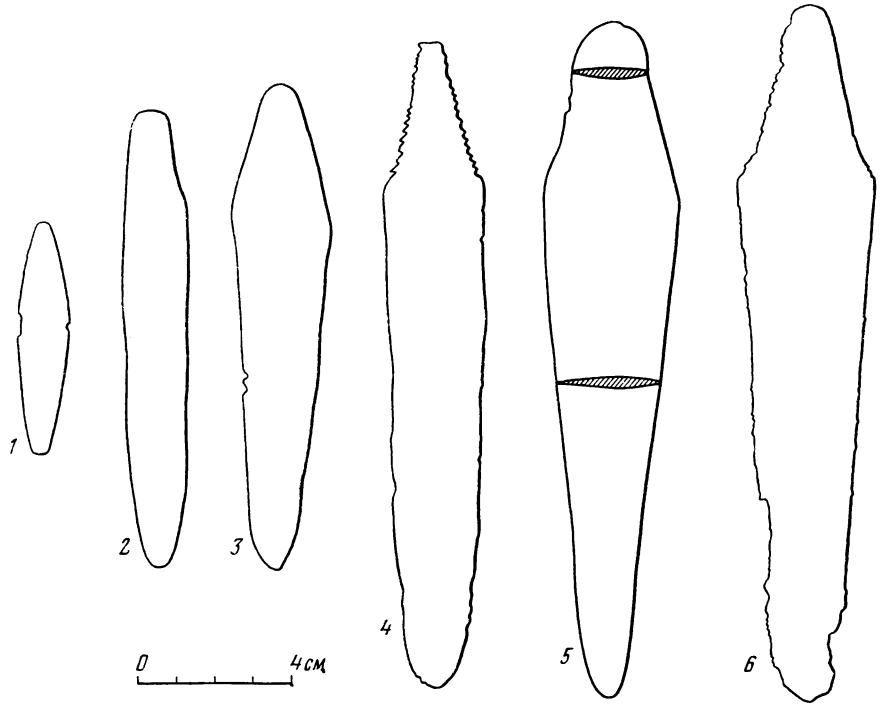

Рис. 41. Бронзовые ножи-кинжалы раннемайкопского типа

1 — Хаджох 3; *2*, *3* — Садки; *4* — хут. Рассвет; *5* — уч. Зиссерманов; *6* — ст. Усть-Джегутинская

Основная могила, вырытая в материке, имела четырехугольную форму и была ориентирована по оси восток — запад. Длина ее 3,55 м, ширина 2,13 м и глубина 0,98 м. По дну могилы были разбросаны человеческие кости, причем, как отмечает Н. И. Веселовский, черепные кости находились в разных местах и принадлежали, по-видимому, не одному скелету [81]. В могиле найдены два сосуда: один, сероглиняный — у южной стенки; другой, тонкостенный красноглиняный — в юго-западном углу. Последний был прикрыт сверху обломком толстостенного сосуда. Н. И. Веселовский отмечает, что в средней части могилы между костями «попался длинный камень-голыш» [82].

Курган 4 в районе Армавира. Находился в 3 км к западу от Армавира [83]. Высота его 6,20 м. Открыто восемь погребений. Можно предполагать, что к майкопской культуре относятся погребения 5 и 6, находившиеся под насыпью в центральной части кургана. В обоих случаях по-

[81] ОАК за 1901 г., стр. 67.
[82] Там же.
[83] ОАК за 1902 г., стр. 87—89.

гребенные ориентированы головой на юг [84]. В погребении 6 найдены «кремневые зубило и два ножа». В том и другом погребении прослежена краска темно-бурого цвета.

Следует отметить также основную могилу в центре кургана, вырытую в материке на глубине 0,70 м и перекрытую сверху деревом. Погребенный лежал на спине, головой на юг. Никаких вещей при нем не было. Хотя это погребение — наиболее раннее в кургане, его принадлежность к майкопской культуре нельзя считать установленной, равно как и погребений 5 и 6 [85].

Старомышастовский клад. В 1898 г. при добывании глины близ ст. Старомышастовской были найдены серебряный сосуд с округлым туловом, высокой цилиндрической шейкой и с крышкой (рис. 33, *6*); серебряные фигурки быка (рис. 33, *9*) и антилопы; золотая полая головка льва (рис. 33, *12*); три золотые розетки; до 40 золотых височных колец, причем в некоторые были вставлены сердоликовые бусины (рис. 33, *5, 8, 11*); свыше 2500 золотых и серебряных бусин различной величины и формы; более 400 сердоликовых и стеклянных (лазуритовых) бусин [86].

Перечисленные предметы, опубликованные М. И. Ростовцевым [87], близки к аналогичным находкам из самого Майкопского кургана. Поэтому данный комплекс А. А. Иессен справедливо включил в раннюю группу памятников майкопской культуры. К сожалению, установить точно, что́ представлял собой этот комплекс,— специально ли закопанный клад драгоценных предметов или часть погребального инвентаря,— невозможно. Он рассматривается обычно всеми исследователями как клад, но, учитывая возможность того, что это мог быть и погребальный инвентарь, мы включили его в обзор.

Курган близ Майкопа. Примерно в 3 км к северу от г. Майкопа, по дороге в ст. Келермесскую, находился курган «довольно значительных размеров и красивой формы» [88]. Насыпь его состояла из щебня. С южной части кургана была пробита широкая траншея. «В правой стороне раскопа при обвале потревоженной раньше земли обнаружились два медных псалия от удил, но при них ничего больше не оказалось, хотя раскоп в этом месте был значительно расширен. Ниже насыпи начались черепки глиняной посуды, сходные по материалу с глиняными сосудами Майкопского кургана, кусок черепной кости, покрытый суриком, медный четырехгранный стержень, медная цилиндрическая трубочка с запаянным одним концом и два глиняных пряслица» [89].

---

[84] В каком положении находились костяки, в отчете не указано.

[85] По всей вероятности, А. А. Иессен имел ввиду именно эти захоронения, когда писал, что ряд погребений в кургане 4 у Армавира относится к памятникам, объединенным им в группу «больших кубанских курганов». См.: *А. А. Иессен* К хронологии..., стр. 162. Из раскопок Н. И. Веселовского в 1902 г. в Армавире происходит кирпично-охристый круглодонный сосуд (рис. 40, *5*), хранящийся в ГИМ, инв. № 48479. См. его описание дальше, на стр. 328.

[86] ОАК за 1897 г., стр. 64—65.

[87] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, табл. IV, *1, 2, 3.* См. также: Eberts's Reallexycon, XII. Berlin, 1928, стр. 389, табл. 94.

[88] ОАК за 1906 г., стр. 104.

[89] Там же, стр. 104—105.

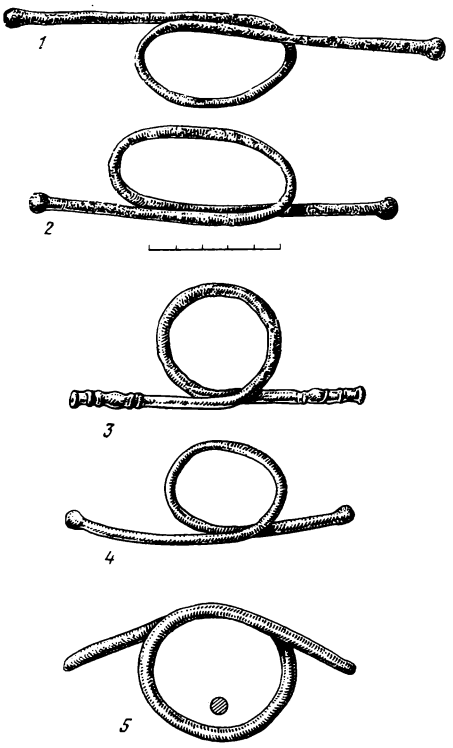

Рис. 42. Бронзовые псалии

1, 2 — Бамут; *3* — Майкоп; *4* — Чегем IV; *5* — Ульский курган 5

Принадлежность данного комплекса к рассматриваемому кругу памятников несомненна. Исключительно важны «два медных псалия» (рис. 42, *3*) [90]. К сожалению, ничего более мы не знаем об условиях находки этих предметов. Связаны ли они с найденными ниже в насыпи обломками глиняных сосудов и других предметов или принадлежали другому, более позднему погребальному комплексу? Очевидно, здесь мы имеем дело с одним или двумя разрушенными погребениями, которые, судя по тому, что́ в кургане найдено, связаны с майкопской культурой.

Курган близ ст. Белореченской. В окрестностях ст. Белореченской Н. И. Веселовский раскопал более 20 курганов. В отчете за 1907 г. упоминается под номером 1 большой курган, находившийся в лесу, в северных окрестностях ст. Белореченской [91]. О размерах, характере насыпи и т. п. нет никаких сведений. В отчете говорится об этом кургане следующее: «Оставшиеся в нем немногие предметы имеют сходство с предметами Майкопского кургана, раскопанного в 1897 г., а именно: небольшая серьга из тонкой золотой проволоки, золотые бусы бочкообразной формы, мелкие золотые бусы, бусы сердоликовые и белые глиняные, медный четырехгранный стержень и черепок глиняного сосуда» [92].

Курган в «Садках» у г. Нальчика. К юго-западу от г. Нальчика в местности, называемой «Садки», при строительных работах разрушены два кургана. К сожалению, никаких сведений об этих курганах и открытых в них погребениях неизвестно.

А. А. Иессен отметил их как относящиеся к раннему этапу медно-бронзового века и опубликовал два медных (бронзовых.— *Р. М.*) плоских бесченковых ножа (рис. 41, *2, 3*) и глиняный горшок, обнаруженные в этих курганах и поступившие в Нальчикский музей [93]. А позже он спра-

---

[90] ОАК за 1906 г., стр. 105, рис. 139.
[91] ОАК за 1907 г., стр. 86.
[92] Там же, стр. 86.
[93] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, стр. 17—18, рис. 2, *4—6*.

ведливо включил курганы в «Садках» в раннюю группу «больших кубанских курганов» [94].

Курганы в «Садках» — не единственные памятники раннемайкопского времени на территории Кабардино-Балкарии. К ним могут быть отнесены еще два могильника у селений Верхний Акбаш и Старый Урух.

Курганная группа у с. Верхний Акбаш. Эта группа включает 19 курганов высотой от 1 до 5 м и диаметром от 14 до 35 м [95].

Раскопан один курган высотой 1,20 м и диаметром 14 м, в котором открыто 11 погребений. Основным среди них является погребение 11, находившееся в могиле прямоугольной формы (2,3×1,6 м) с округленными углами, вырытой в материковом слое на глубине 3 м от нулевой точки [96].

Погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на восток [97], руки — у таза. Кости, особенно ступни ног, голени и таз, были густо окрашены в красный цвет. Под костяком прослежен тлен, возможно от подстилки.

Инвентарь погребения состоял из медной спиральки (под черепом), двух круглых медных полусферических бляшек с двумя отверстиями в каждой (на правой стороне груди), кремневого ножа из отжимной пластинки и крупного кремневого скола (у кисти правой руки), прекрасно полированного каменного клиновидного топора (под тазом) и более 30 медных полусферических бляшек.

Это погребение Е. И. Крупнов отнес к энеолиту [98], а А. А. Формозов включил его в раннюю группу памятников майкопской культуры [99]. Нам, однако, думается, что, несмотря на безусловно ранний возраст погребения, относить его без всяких оговорок к майкопской культуре нельзя. Оно по ряду особенностей (как в обряде, так и в инвентаре) выпадает из общей группы всех известных майкопских погребений, хотя по некоторым признакам и сближается с раннемайкопскими захоронениями.

С майкопскими в определенной степени можно сопоставить и погребение 10 в этом кургане, которое находилось на глубине 2,75 м [100]. Детский костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. У черепа стоял маленький горшочек из тщательно отмученной глины, хорошо залощенный и обожженный, уплощенно-шаровидной формы, с округлым дном (высота 8 см). На плечиках сосуда — две ручки с просверленными в них круглыми отверстиями. Поверхность горшка покрыта сеткой из узких пересекающихся линий.

Курганная группа у с. Старый Урух. На южной окраине с. Старый Урух расположена группа из семи курганов диаметром от 10 до 45 м и высотой от 0,7 до 3,5 м. Раскопано два кургана [101].

---

[94] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 163.
[95] *Е. И. Крупнов.* Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. V. Нальчик, 1950, стр. 208.
[96] Там же, стр. 212.
[97] Там же, рис. 15.
[98] *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды, стр. 34.
[99] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 83.
[100] *Е. И. Крупнов.* Археологические исследования..., стр. 208—209.
[101] *Е. И. Крупнов.* Полный научный отчет о результатах Северокавказской археологической экспедиции. Архив ИА АН СССР, р-1, № 280, стр. 29—48.

Курган 1 округлой формы, высота 2 м, диаметр 28 м. В основании кургана открыты три кромлеха в виде каменных колец: два — из речных булыжников, положенных в один или два ряда, и третий, средний — из гравия; ширина от 1 до 2 м. Диаметр самого крайнего из них 26 м, а центрального — 6 м [102]. В кургане открыто два погребения — впускное, относящееся к середине II тыс. до н. э., и основное.

На глубине 2,5 м прослежена могила прямоугольной формы с округленными углами и слегка суживающимися к середине продольными стенами. Размеры ее: длина (северо-восток—юго-запад) 3,95 м, ширина 2,70—2,75 м, глубина 0,75 м. Дно могилы выложено гравием и булыжниками. Кроме того, с северо-восточной стороны могила укреплена стеной из камней.

К сожалению, могила оказалась ограбленной. Она была завалена крупными булыжниками, между которыми найдены кости человека, в том числе окрашенные красной охрой. В центре ямы отмечены угольки, мелкие кусочки красной охры и тлен от дерева.

От инвентаря сохранились обломок красно-охристого сосуда с пачкающей поверхностью, сделанного из тонкоотмученной лишенной примеси глины, и небольшой обломок прямого венчика от серебряного сосуда.

Е. И. Крупнов справедливо сопоставлял данный комплекс с основным захоронением Майкопского кургана [103].

Курган 2 находился в 40 м к северо-западу от первого. Диаметр 10 м, а высота 0,70 м. От основания и до самого верхнего слоя он был сложен из речных булыжников.

Под насыпью на глубине 1,10 м в северо-западной части кургана открыты останки, по-видимому, скорченного костяка. При нем найдено несколько фрагментов сосуда из хорошо отмученной глины охристого цвета.

Е. И. Крупнов предположил, что это погребение относится к майкопской культуре [104].

Вероятно, вся курганная группа у с. Старый Урух может быть включена в число памятников раннебронзового века.

Усть-Джегутинский курганный могильник. Находился в долине р. Кубани у ст. Усть-Джегутинская Прикубанского р-на Ставропольского края. Здесь, между ст. Усть-Джегутинской и г. Черкесском, располагалось курганное поле, растянувшееся более чем на 10 км. Оно насчитывало около 65 курганов. Почти все они имели округлую форму. Размеры их колебались от 0,5—1,0 до 3,0—7,0 м в высоту и от 10— 16 до 20—50 м в диаметре. Среди них были и очень крупные курганы, высотой до 16 м. В двух случаях отмечено, что несколько курганов были расположены строго в ряд примерно в 40—50 м друг от друга по направлению северо-запад—юго-восток.

Раскопано около 50 курганов. Они содержали 100 погребений, большинство из которых датируется в пределах II тыс. до н. э.[105]

---

[102] *Е. И. Крупнов.* Археологические исследования..., стр. 223—224.

[103] Там же, стр. 227—228, 229.

[104] Там же, стр. 230. Это погребение, в отличие от захоронения в кургане 1, относится не к ранней, а к поздней группе памятников майкопской культуры.

[105] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Дже-

Древнейшими захоронениями в курганах являются погребения майкопской культуры. Они открыты примерно в 17 курганах, в том числе в курганах 3, 7—13, 24 (раскопки 1963 г.), 27, 32, 33, 36, 41, 43—46 (раскопки 1964 г.) [106].

Интересно, что курганы 7—11 составляли одну из групп курганов, расположенных в ряд по направлению северо-запад—юго-восток, а курганы 12 и 13 входили в другую группу, находившуюся примерно в 400 м к северо-западу от первой и также расположенную в ряд по оси северо-запад—юго-восток. Следовательно, мы видим здесь определенную закономерность: курганы с майкопскими погребениями расположены в один ряд по оси северо-запад—юго-восток, в то время как другие курганы разбросаны по всему полю. Особо следует сказать о курганах 43—46, находившихся несколько дальше от Усть-Джегуты, ближе к Черкесску, у хут. Валуйского.

Перейдем к описанию комплексов майкопской культуры.

В кургане 3 диаметром 50 м и высотой 2,30 м под насыпью находилось массивное каменное кольцо-кромлех диаметром 32 м при ширине 2,30—2,50 м (рис. 43, *6*). В кургане открыто девять захоронений.

Основное погребение (9) находилось в центре кромлеха под массивной каменной кладкой, округлой в плане, достигавшей в диаметре 10 м, а в высоту 1,30 м (рис. 43, *5*). Могила имела неправильную округлую форму (1,90×2,70 м) и была слегка углублена в слой древнего горизонта. Ориентировка могилы почти строго по оси запад—восток. В верхней ее части отмечены крупные куски дерева, а под ними — мелкие обломки черепа, берцовой кости, окрашенной красной охрой, лопаточной и других костей человека, а также кости мелкого и крупного рогатого скота. Между костями в беспорядке лежали фрагменты нескольких сосудов охристо-желтого цвета и обломок каменного шлифованного браслета, почти квадратного в сечении [107]. Фрагменты аналогичной керамики, но в основном от крупных толстостенных сосудов с раздутым туловом и невысоким прямым венчиком найдены и вокруг надмогильной каменной кладки на уровне древнего горизонта. Там же отмечены зольные пятна, а кое-где даже скопления золы толщиной до 10 см. Среди золы и черепков встречены кости домашних животных. По всей вероятности, эти находки относятся к остаткам тризны.

Курган 7 имел в диаметре 42 м при высоте 3,30 м. В основании его находился массивный каменный кромлех в виде нескольких колец (рис. 43, *1*) [108]. Внешнее кольцо диаметром 31,6 м и шириной 1,50 м сложено из булыжников. Затем шел плотный круг из битого известняка, к которому непосредственно примыкало кольцо диаметром 30 м из почти вертикально поставленных плит ракушечника (длина их 1,30—1,70 м, ширина 0,50—0,80 м и толщина 0,20 м). Последние были наполовину вкопаны в

гутинском могильнике. СА, 1966, № 3, стр. 133—151. В этой статье рассмотрены в основном курганы, раскопанные в 1963 г.

[106] Следует указать и на то, что в насыпи курганов 2 и 4 встречены фрагменты характерной красноглиняной керамики майкопской культуры.

[107] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 3, *6*.

[108] Там же, рис. 1 *1 2*.

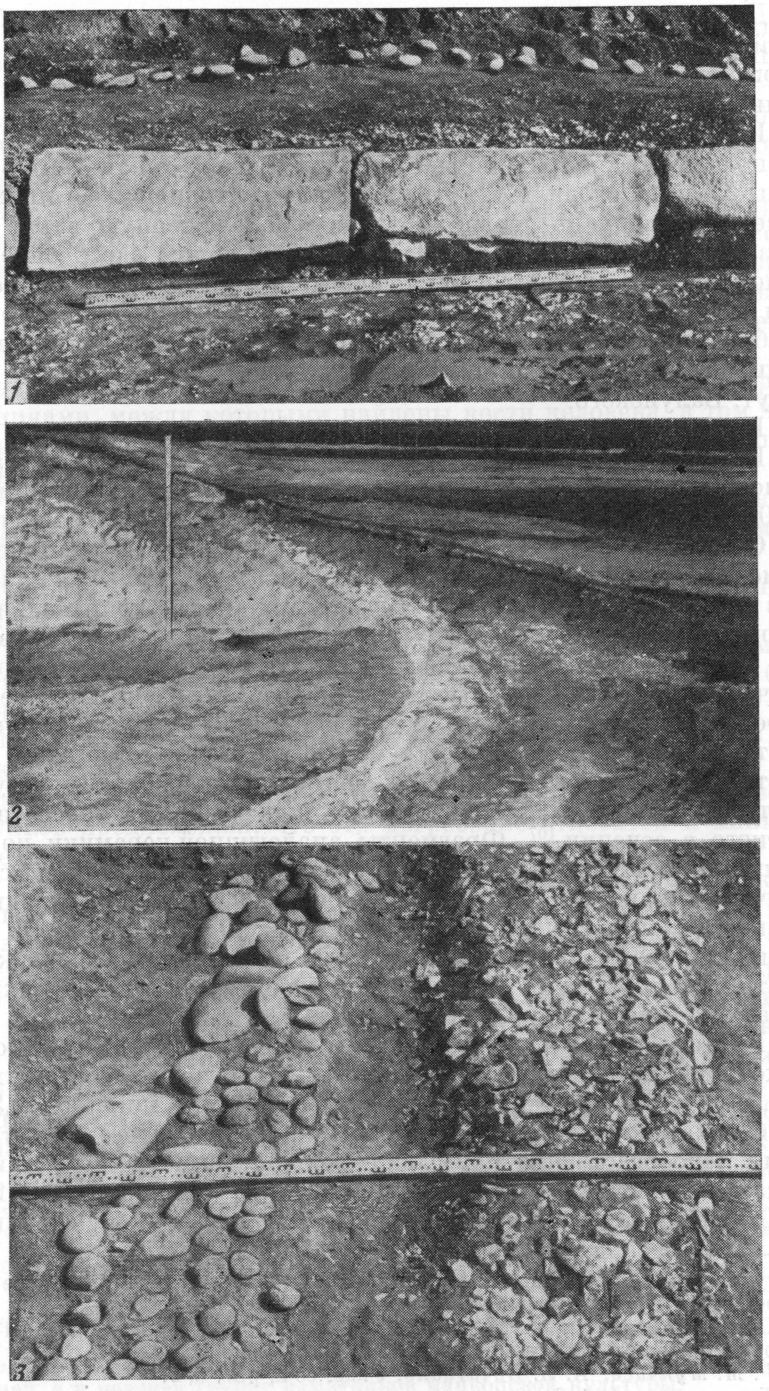
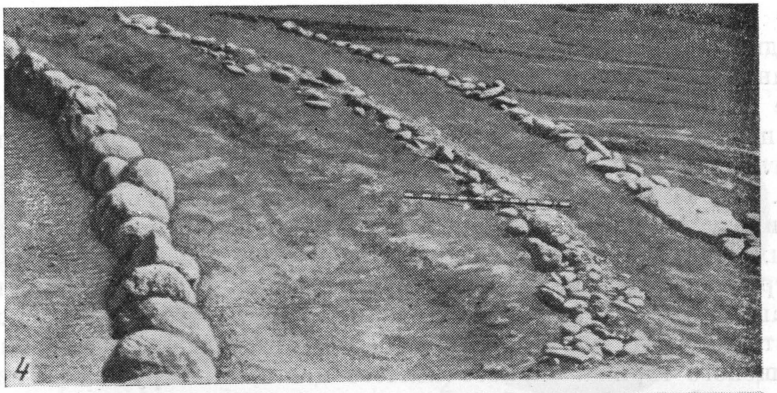
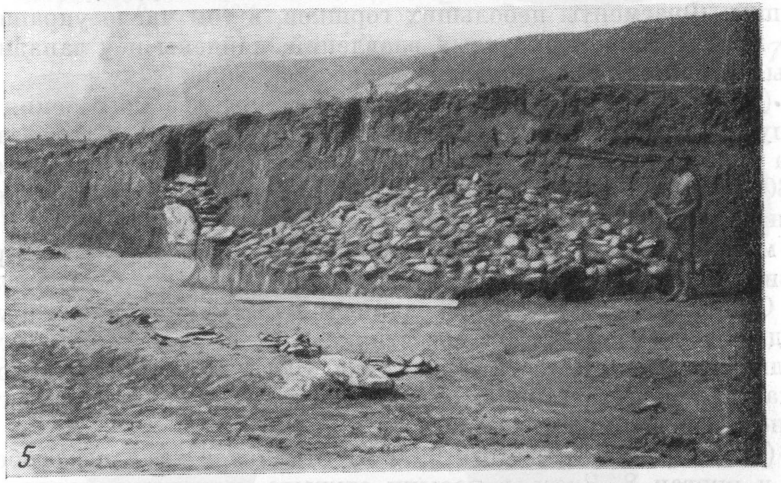

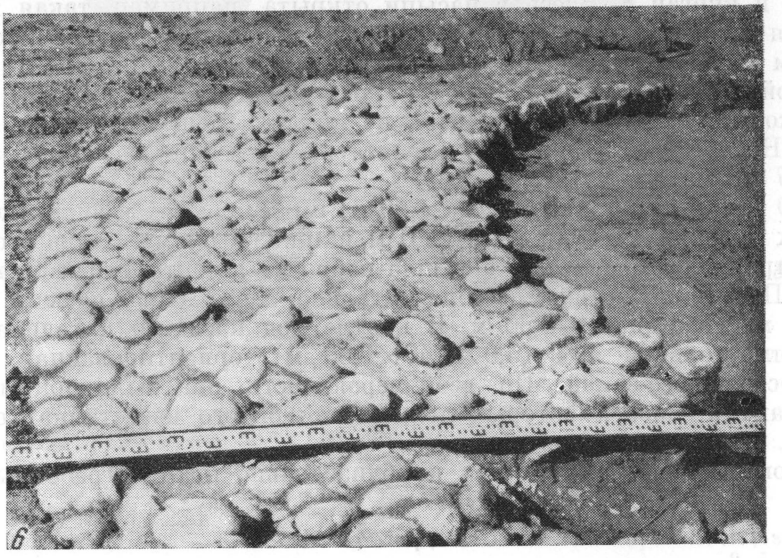
Рис. 43. Усть-Джегутинский могильник. Детали курганных сооружений
1 — курган 7; *2* — курган 12; *3* — курган 10; *4* — курган 32; *5*, *6* — курган 3

4

5

6

грунт. Еще одно кольцо, примыкавшее с внутренней стороны к кругу из плит ракушечника, состояло из битого известняка.

В кургане было четыре погребения. Основное находилось в большой яме, в самом центре кромлеха. Могила имела прямоугольную форму с несколько округленными углами и была ориентирована по оси юго-запад—северо-восток. Ее размеры: длина (юго-запад—северо-восток) 4,80 м, ширина 3,70 м и глубина 1,30 м. Яма была перекрыта деревянным настилом из дубовых плах, на который насыпан тонкий слой известняка.

Могила ограблена. На дне ее лежали в беспорядке человеческие кости. В юго-западном углу могилы находились глиняный горшок [109], лощеный охристо-желтого цвета высотой 13,5 см (рис. 44, *1*), и обломок такого же лощеного горшка охристо-желтого цвета, но с ручкой в виде маленького ушка. Фрагменты небольших горшков, в том числе украшенного по краю венчика рядом округлых вдавлений, найдены и у западной стенки могилы. Дно могилы было посыпано красной охрой.

Курган 8 (диаметр 25 м, высота 1,50 м) содержал два погребения — основное и впускное. В центральной части открыта наброска в виде замкнутого пояса (диаметром 14,4 м) из битого известняка шириной 1,50 м и толщиной 0,30 м. Она лежала наклонно, по склону, по-видимому, первоначальной насыпи кургана.

Основная могила представляла собой прямоугольную яму, ориентированную по оси запад — восток. Размеры ее: длина 3,0 м, ширина 2,0 м, глубина 0,80 м. Она была перекрыта деревянным накатником, на который, в свою очередь, был насыпан слой известняка. В северо-восточном углу могилы лежали разрозненные остатки костяка. Здесь же найдены обломки верхней части лощеного горшка охристо-желтого цвета и фрагменты другого лощеного сероглиняного горшка [110].

Курган 9 (диаметр 23,5 м, высота 0,80 м) отличался теми же особенностями, что и курган 8. Здесь в насыпи открыта, например, такая же известняковая наброска в виде замкнутого пояса шириной 1,50 м, толщиной 0,30 м и диаметром 16,5 м. Могильная яма (3,0×2,0×0,60 м) — прямоугольной формы ориентирована по оси запад—восток. На дне ее разбросаны кости двух (?) погребенных, но никаких вещей в могиле не обнаружено. Несмотря на отсутствие инвентаря, связь данного комплекса с курганами 7 и 8 очевидна.

Курган 10 (диаметр 31,0 м, высота 1,40 м) имел кромлех в виде кольца из речных булыжников (диаметр 21,0 м, ширина 0,50 м). Вдоль этого кольца с внутренней стороны кургана шла наброска из битого известняка (рис. 43, *3*). Последняя лежала не горизонтально, а по склону насыпи на ширину 2,50 м. Толщина ее 0,50 м. В центре под насыпью находилась огромная прямоугольная яма (5,0×3,40×0,60 м), ориентированная по оси северо-восток—юго-запад. По всей вероятности, она была покрыта дубовыми плахами, поверх которых лежал слой битого известняка толщиной 0,50 м.

На дне могилы разбросаны кости приблизительно пяти погребенных;

---

[109] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 4, *8*.
[110] Там же, рис. 5, *2*.

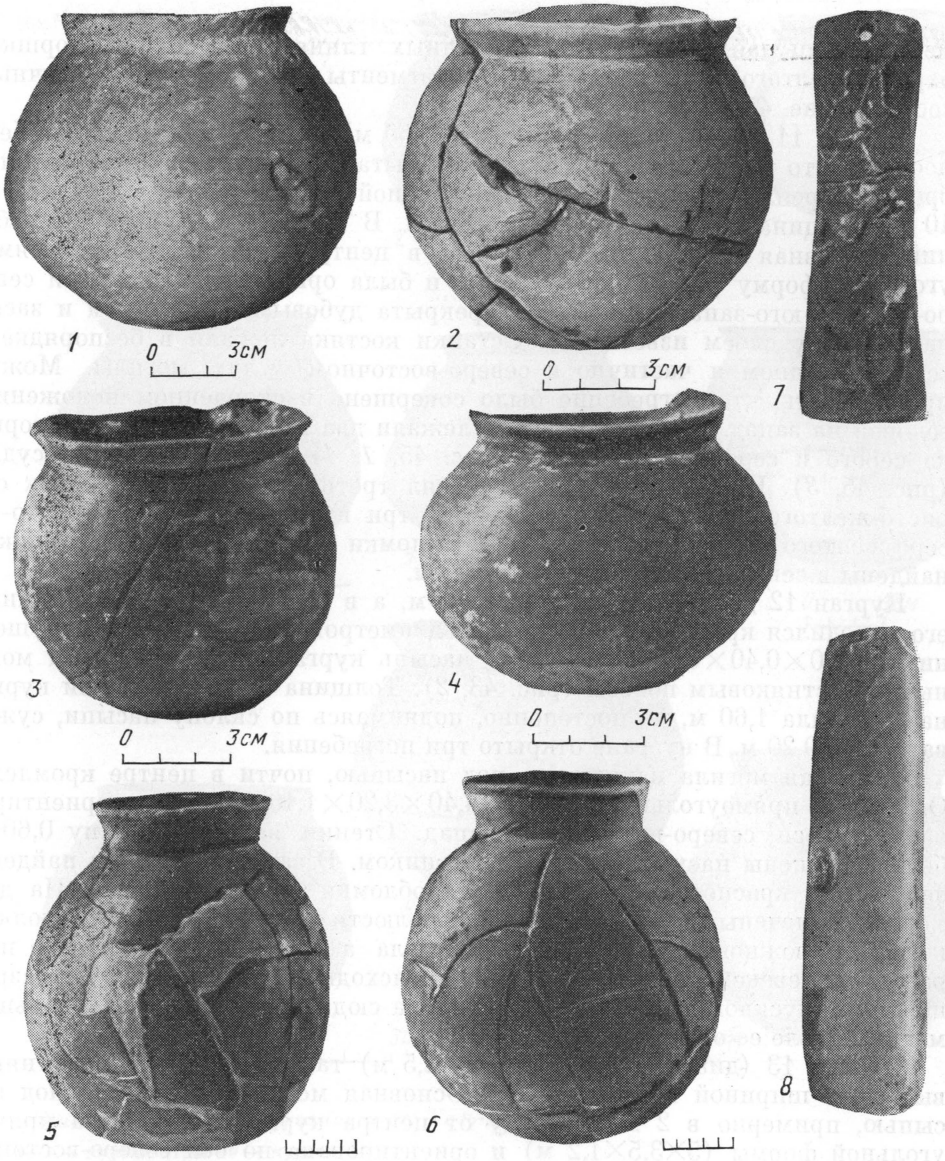

Рис. 44. Усть-Джегутинский могильник. Глиняные сосуды и каменные орудия

1 — курган 7; *2* — курган 32; *3* — курган 43; *4* — курган 44; *5* — курган 45; *6* — курган 46; *7*, *8* — курган 13

между ними найдены пять раздавленных глиняных лощеных горшков охристо-желтого и серого цвета и фрагменты трех других аналогичных сосудов (рис. 45, *6—9*).

Курган 11 (диаметр 30,0 м, высота 1,60 м) отличался теми же особенностями, что и курганы 8 и 9. Здесь открыта такая же известняковая наброска, укреплявшая склоны первоначальной насыпи кургана. Ширина ее 10 м, толщина 0,50 м, а диаметр 18,0 м. В кургане было пять погребений. Основная могила, находившаяся в центре кургана, имела прямоугольную форму (4,50×3,80×0,90 м) и была ориентирована по оси северо-восток—юго-запад. Она была перекрыта дубовым накатником и засыпана сверху слоем известняка. Останки костяка лежали в беспорядке в северо-западном и частично в северо-восточном углах могилы. Можно предполагать, что погребение было совершено в скорченном положении, головой на запад. В области черепа лежали два глиняных лощеных горшка серого и серо-желтого цвета (рис. 45, *1, 4*) и алебастровый сосудик (рис. 45, *3*). Несколько восточнее стоял третий глиняный горшочек охристо-желтого цвета (рис. 45, *5*). Еще три глиняных сосуда охристо- и серо-желтого цвета (рис. 45, *2*) и обломки других глиняных горшков найдены в северо-восточном углу могилы.

Курган 12 достигал в диаметре 40 м, а в высоту 3,0 м. В основании его находился кромлех в виде кольца диаметром 26,6 м из плит ракушечника (0,50×0,40×0,10 м). У плит насыпь кургана была обложена мощным известняковым поясом (рис. 43, *2*). Толщина его в основании кургана достигала 1,60 м, но постепенно, поднимаясь по склону насыпи, сужилась до 0,20 м. В кургане открыто три погребения.

Основная могила находилась под насыпью, почти в центре кромлеха. Она имела прямоугольную форму (4,40×3,20×1,10 м) и была ориентирована по оси северо-восток—юго-запад. Стенки ямы на ширину 0,60 м были обложены насухо мелким булыжником. В заполнении ямы найдены фрагменты красноглиняной посуды и обломки костей человека. На дне могилы отмечены фрагменты нижней челюсти и еще несколько осколков костей. У южной стенки могилы лежала амфора позднеантичного или раннесредневекового времени. Она происходит, по-видимому, из разрушенного впускного погребения и попала сюда при засыпке центральной могилы после ее ограбления.

Курган 13 (диаметр 30 м, высота 2,5 м) также содержал известняковый пояс шириной в среднем 2 м. Основная могила находилась под насыпью, примерно в 2 м к западу от центра кургана. Она была прямоугольной формы (5×3,5×1,2 м) и ориентирована по оси северо-восток—юго-запад. Стены могилы были укреплены каменной сухой кладкой толщиной 0,50 м. Яма перекрыта деревянным настилом, на котором лежал слой камыша. На дне могилы в разных ее частях были разбросаны останки костяка.

В южном углу могильной ямы лежали пять глиняных лощеных горшков серо-желтого и охристо-желтого цвета (рис. 46, *1—4, 6*), а в западном — такой же охристо-желтый лощеный сосудик, украшенный вдавленно-резным орнаментом в виде «глазка» (рис. 46, *5*); обломок глиняного горшка с ребром в нижней части тулова, в котором имелась охра;

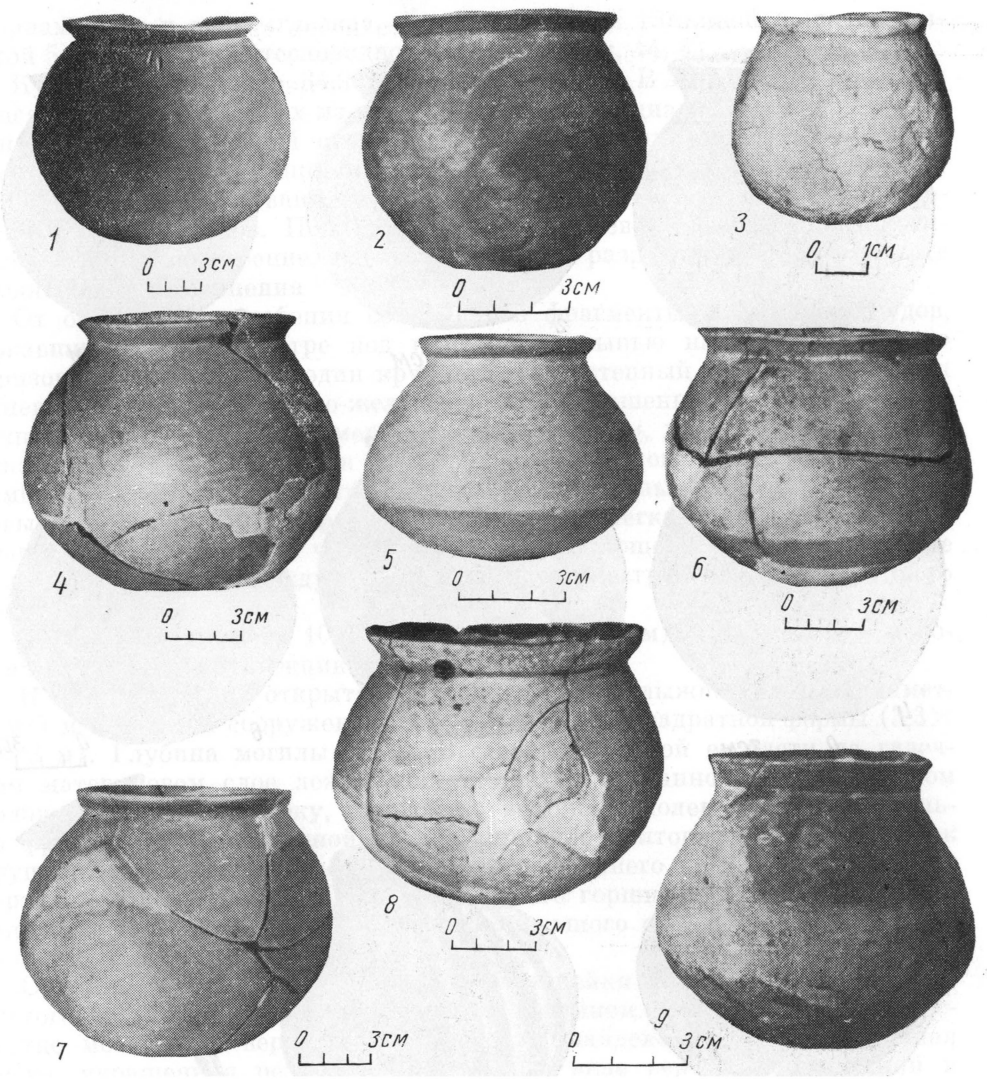

Рис. 45. Сосуды из курганов у ст. Усть-Джегутинская
1—5 — **курган 11; *6—9*** — **курган 10**

каменный точильный брусок длиной 19,5 см; небольшой каменный оселок (длина 11 см) с круглым отверстием на одном конце для подвешивания (рис. 44, 7); бронзовый нож-кинжал длиной 18,5 см (рис. 41, *6*); костяная булавка с круглым стержнем и плоским треугольным навершием длиной 8 см (рис. 46, *9*).

Кроме того, на дне могилы обнаружены еще шесть раздавленных глиняных сосудов (рис. 46, 7), аналогичных другим, в том числе один

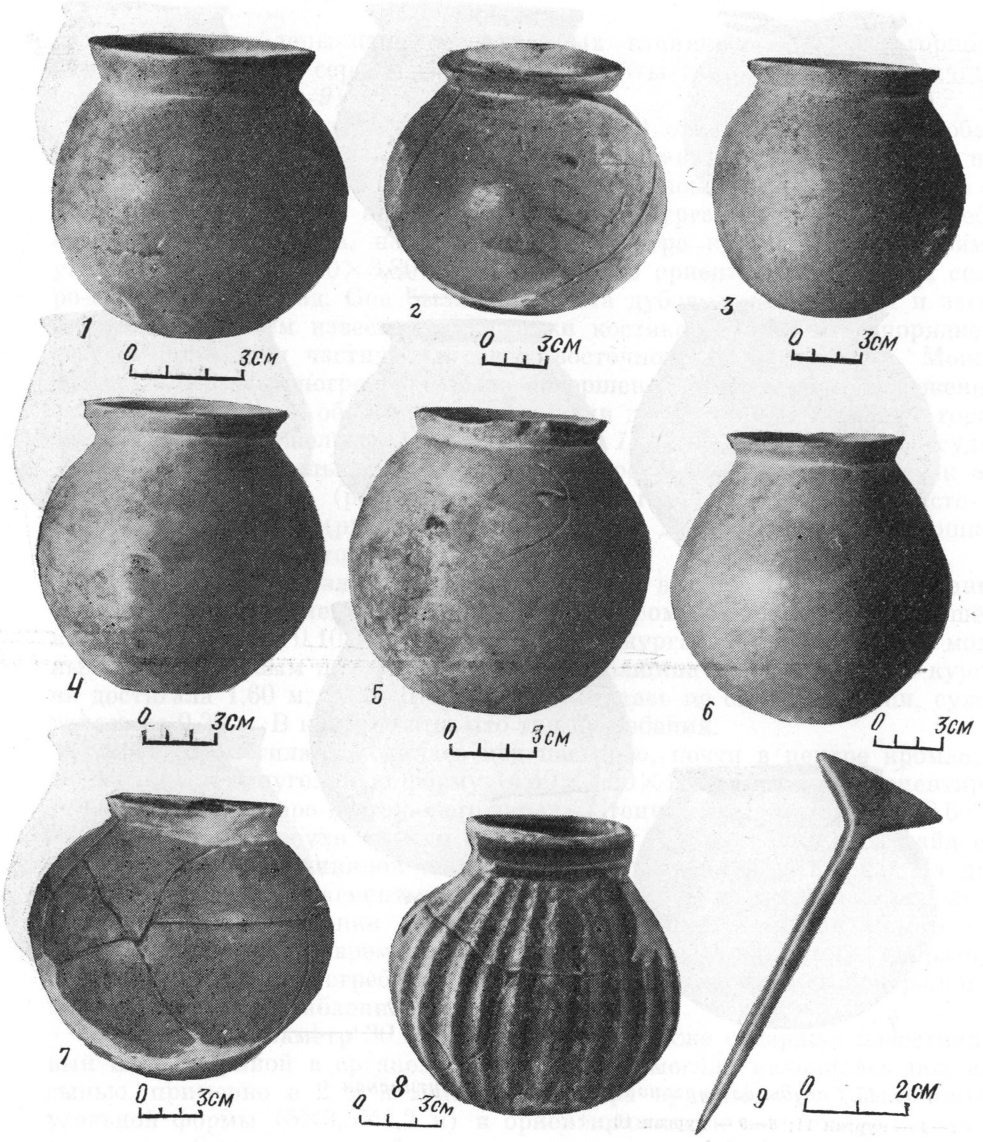

Рис. 46. Усть-Джегутинский могильник. Глиняные сосуды и костяная булавка
1—7, 9 — курган 13; *8* — курган 33

с орнаментом в виде «глазка», а также обломок глиняной чашечки высотой 5 см и каменное тесловидное орудие [111] (рис. 44, *8*).

Курган 24 (диаметр 34,0 м, высота 2,70 м). В основании его находился массивный кромлех из речных булыжников диаметром 21,0 м и шириной 3,0 м. С внешней стороны кромлеха открыт известняковый пояс (шириной 1,0 м и толщиной 0,5 м). Центральная часть кургана диаметром 11,0 м от основания и почти до самого дернового слоя была сложена из булыжников. Под ним на уровне древнего горизонта находилось основное погребение, которое оказалось разрушенным в результате позднейшего захоронения [112].

От основного погребения сохранились фрагменты глиняных сосудов, лежавшие почти в центре под каменной насыпью на уровне древнего горизонта. Восстановлен один крупный толстостенный остродонный сосуд яйцевидной формы охристо-желтого цвета, украшенный по тулову веревочным орнаментом [113]. Размеры его: высота 92 см, диаметр по краю венчика 21 см; толщина стенок 1,5—2,0 см. Кроме того, здесь найдены обломки от трех охристо-желтых сосудов с шаровидным туловом и прямым невысоким венчиком [114], фрагмент миски со слегка завернутым внутрь краем, обломки верхней части сероглиняного лощеного сосуда и другие обломки керамики. Между обломками сосудов встречены кости крупного рогатого скота.

Курган 27 (диаметр 10,5 м, высота всего 0,3 м) [115] содержал в основании кромлех из булыжников.

В центре кургана открыта круглая в плане булыжная кладка диаметром 5 м. Она была сооружена над могилой почти квадратной формы (3,3× ×3,2 м). Глубина могилы 0,5 м. В северо-восточной ее части на галечном материковом слое лежал костяк плохой сохранности в скорченном положении на левом боку, головой на восток. У колен найдено несколько фрагментов тонкостенной посуды кирпично-желтоватого цвета, обломок крупного толстостенного сосуда, фрагмент верхнего края горшка с почти вертикальной шейкой и обломок еще одного горшка серого цвета. В юго-западном углу лежали два обломка от большого сосуда кирпично-желтого цвета.

Обломки сосудов, в том числе часть шейки крупного кирпично-охристого сосуда со слегка утолщенным венчиком, встречены и при расчистке могилы. В верхней части могилы найдена целая сероглиняная миска, украшенная резным орнаментом в виде вертикальных линий и заштрихованных треугольников.

Курган 32 — самый большой из раскопанных курганов Усть-Джегутинского могильника (диаметр 60 м, высота 6,5 м). В основании его

---

[111] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 8, *1*.

[112] Там же, стр. 142.

[113] Там же, рис. 9, *2*.

[114] Там же, рис. 5, *3, 5*.

[115] Материалы курганов 27, 36, 41, 43—46 не опубликованы. Они приведены в отчете А. Л. Нечитайло о раскопках курганов у ст. Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2872. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность А. Л. Нечитайло за разрешение использовать их в данной работе.

находился массивный кромлех в виде правильного кольца (диаметр 37 м) из одного ряда крупных (0,8×0,9 м) валунов. Кроме того, в кургане открыты еще два параллельных каменных круга (рис. 43, *4*). Первый, шириной 2 м, состоял из речных булыжников и мелкого известняка, а второй, отстоявший от первого на 1,5 м и достигавший в ширину 1,5 м, был сложен из булыжников и известняковых плит. Он достигал в диаметре около 49,0 м. Оба этих каменных пояса лежали на одном уровне, на 1,30 м выше уровня древнего горизонта.

Основное погребение совершено в центре кромлеха на уровне древнего горизонта. Специального могильного сооружения не было. Над погребенным сооружен каменный курганчик диаметром 10 м и высотой 1,5 м, а затем возведена и земляная насыпь. Погребение ограблено. Рядом с несколькими человеческими костями найдены мелкие фрагменты керамики охристого цвета, а вокруг них, на площади примерно 2×3 м, обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота и диких животных (тур?), зольные пятна и обломки преимущественно крупных толстостенных сосудов. Среди керамики имеются фрагменты охристо-желтых тонкостенных лощеных горшков (рис. 44, *2*) [116] и миски с загнутым внутрь краем. По-видимому, это остатки тризны. С ней связано, возможно, и отмеченное на том же уровне в 10 м к северо-востоку от центра кургана кострище.

Курган 33 (диаметр 30 м, высота 2,2 м) отличался теми же особенностями, что и курган 32. Под насыпью его находился кромлех в виде кольца (диаметр 15 м, ширина 0,3 м) из булыжников и известняковых плит. Прослежен здесь и обычный для этих курганов известняковый пояс вокруг первоначальной насыпи. В центре кромлеха сооружен небольшой каменный курганчик диаметром 6 м и высотой 1 м, под которым на уровне древнего горизонта сохранились остатки также разрушенного захоронения. Можно предполагать, что и здесь не было специальной могилы. Останки погребенного не сохранились. В центральной части кромлеха на площади примерно 3×5 м отмечены остатки тризны в виде зольных пятен от кострищ и костей животных, а также значительное количество обломков глиняных сосудов. Бóльшая часть керамики находилась в 3—5 м к северо-западу от центра кургана. Найдены круглодонный серый горшок с раздутым туловом и широким горлом высотой 23 см [117]; интересный лощеный горшочек с рифлеными стенками (рис. 46, *8*) и невысоким прямым венчиком, вокруг которого проходит углубленная линия (одна сторона горшка темно-серого цвета, другая — охристо-желтого); обломки темных и красных лощеных мисок [118] и тонкостенных лощеных горшков охристого цвета; фрагмент плоскодонного краснокрашенного залощенного сосуда; обломки от многих крупных толстостенных сосудов преимущественно грубой лепки и плохого обжига. Среди последних, например, часть днища диаметром 29 см и толщиной 3,5 см [119]. Интересна и нижняя часть другого крупного сосуда (толщина стенки

---

[116] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 4, *7*.
[117] Там же, рис. 9, *4*.
[118] Там же, рис. 3, *1—3*.
[119] Там же, рис. 9, *5*.

3,2 см), украшенного веревочным орнаментом. Между керамикой обнаружено и костяное пряслице полусферической формы [120].

Курган 36 имел округлую в плане форму (диаметр 40 м, высота 2,2 м) [121]. Под насыпью открыты три каменных кольца-кромлеха. Первое (диаметром 24 м и шириной 0,3—0,5 м) сложено из толстых плиток известняка в один ряд; второе — среднее кольцо диаметром 27 м и шириной 0,4 м — из булыжников и известняковых плит; третье — в виде стеночки из булыжника — достигало в диаметре 32 м.

В кургане открыто семь погребений. Основное находилось в центре кургана под каменной кладкой диаметром 8 м, в материковой яме, заваленной булыжниками. Могила имела прямоугольную форму с закругленными углами и была ориентирована по оси юго-юго-запад—северо-северо-восток. Размеры ее: длина 2,5 м, ширина 1,6 м и глубина 0,6 м. Дно могилы, видимо, было выложено подстилкой, от которой сохранился тлен коричневого цвета. Погребенный находился в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-юго-запад. Правая рука вытянута, а левая согнута в локте.

Инвентарь погребения состоял из каменной шаровидной булавы с вертикально просверленным круглым (диаметр 2 см) отверстием, лежавшей у затылочной части черепа. На булаве отмечены пятна охры. Рядом с ней найдены две кости овцы. В области грудной клетки отмечены древесные угольки.

Курган 41 достигал в диаметре 52 м при высоте 11 м. Под насыпью на уровне древнего горизонта найдены в большом количестве обломки толстостенных сосудов кирпично-желтого цвета, аналогичных обнаруженным в погребениях курганов 32, 36 и др. А. Л. Нечитайло справедливо полагает, что эта керамика связана с центральным погребением, находившимся в основании кургана и разрушенным в начале нашей эры при сооружении там катакомбной могилы [122].

Таким образом, и этот курган следует отнести к кругу памятников майкопской культуры.

Курган 43 вместе с тремя другими курганами (44—46) находился несколько дальше от ст. Усть-Джегутинской, у хут. Валуйского [123]. Все эти курганы земляные. В диаметре курган 43 достигал 11 м при высоте 0,7 м. Пóлы его были укреплены известняковым поясом шириной 1,1 м и толщиной 0,3 м. В центре под насыпью открыта могильная яма, вырытая в материковом слое. Она имела прямоугольную форму с закругленными углами и была ориентирована по оси северо-восток-восток—юго-запад-запад. Размеры ее: длина 2,4 м, ширина 1,8 м и глубина 1,2 м.

Дно могилы было густо засыпано красной охрой и устлано камышовой подстилкой. Там в беспорядке лежали окрашенные в красный цвет обломки человеческих костей (как предполагает А. Л. Нечитайло, останки двух погребенных). Между ними найдены фрагменты небольшого лоще-

---

[120] Там же, рис. 9, *1*.
[121] *А. Л. Нечитайло.* Отчет о раскопках курганов..., стр. 33—34.
[122] Там же, стр. 47—52.
[123] Там же, стр. 59—61.

ного горшочка желтовато-охристого цвета и еще одного горшочка серого цвета (рис. 44, *3*).

Курган 44 (диаметр в среднем 26 м, высота 1,5 м). Его полы также были укреплены. Собственно, здесь был кромлех в виде каменного пояса (из булыжника и известняка) шириной 1,8 м и толщиной около 0,3 м. Этот каменный пояс, поднимавшийся по насыпи в высоту до 1 м, проходил в 3,7 м от северного края насыпи и в 5,5 м от южного [124].

В кургане открыто четыре погребения. Основная могила в виде огромной прямоугольной ямы с закругленными углами, ориентированной по линии юго-запад—северо-восток, находилась в центре, под насыпью. Стены ее укреплены каменной кладкой толщиной 0,4 м. Сверху яма была перекрыта камышовым настилом. Размеры могилы: длина 4,6 м, ширина 2,4 м и глубина 1,2 м. На дне могилы в полном беспорядке лежали разрушенные человеческие кости. В юго-западной части ямы стоял красноглиняный лощеный горшочек с небольшим венчиком (рис. 44, *4*). Там же находились обломки еще трех горшков подобной формы, один из которых был покрыт красным ангобом, а другой — охристого цвета — залощен.

В северо-восточной части могилы обнаружены обломки сероглиняного лощеного сосудика цилиндрической формы. На дне могилы отмечены пятна охры.

Курган 45 отличался такой же формой и примерно такими же размерами, как и курган 44. Диаметр его 24 м, а высота 1,8 м. Под насыпью находилось каменное кольцо (из плит ракушечника) диаметром 18 м.

В кургане открыто четыре погребения. Основная могила находилась под насыпью, в центре кромлеха. Она имела прямоугольную форму (длина 4 м, ширина 3,3 м, глубина 2 м). Стены ее были укреплены сухой каменной кладкой (из мелких булыжников). Сверху она перекрыта бревнами и слоем камыша.

Могила оказалась ограбленной. Уже в ее заполнении были встречены человеческие кости, окрашенные охрой, и обломки типичной раннемайкопской керамики красно-охристого цвета. На дне же могилы, покрытой древесной подстилкой и посыпанной охрой и угольками, были разбросаны кости, как считает А. Л. Нечитайло, от двух погребенных, а также фрагменты нескольких глиняных сосудов.

Среди них большой яйцевидной формы сосуд с округлым дном и цилиндрической горловиной (рис. 44, *5*), аналогичный наиболее крупному сосуду из Майкопского кургана. На плечике его имеется грубо выполненное изображение в виде процарапанного круга с «глазком». Размеры сосуда: высота 31 см, диаметр по венчику 14,5 см.

Кроме того, найдены обломки не менее трех лощеных красно-охристых горшков с отогнутым наружу венчиком, также аналогичных по форме и другим особенностям основной части глиняных сосудов Майкопского кургана. На одном из них сделано почти такое же изображение лица — круг с двумя точками, имитирующими глаза, и углубление на месте рта.

---

[124] *А. Л. Нечитайло.* Отчет о раскопках курганов..., стр. 61—62, 64—65.

В центральной части могилы обнаружено еще шесть золотых бусинок, свернутых в цилиндрики из тонкого листового золота, и обломок неопределенного медного или бронзового предмета.

Автор раскопок указывает на то, что внутри известнякового кольца на уровне древнего горизонта встречено несколько обломков толстостенных красно-охристых сосудов, аналогичных найденным в кургане 3.

Курган 46 представлял собой небольшую округлую насыпь (диаметр 14—15 м, высота 0,7 м) [125]. Ближе к краю кургана на уровне древнего горизонта было сложено известняковое кольцо (диаметр 11,3 м, а ширина 1 м при толщине 0,3 м).

В кургане открыто два погребения. Основная могила, находившаяся под насыпью в центре известнякового кольца, имела прямоугольную форму. Размеры ее: длина (северо-восток—юго-запад) 3,6 м, ширина 2,3 м и глубина 1,5 м. Стены ямы были укреплены сухой булыжной кладкой, достигавшей 0,4 м толщины, а сверху она была перекрыта, как предполагает А. Л. Нечитайло, камышовым настилом.

И эта могила оказалась ограбленной. В засыпи ее на разных уровнях встречены окрашенные охрой кости человека, а также обломки красноглиняной посуды. На дне же могилы, помимо единичных обломков костей погребенного, найдены бронзовое четырехгранное шило длиной 6,5 см, фрагменты двух плоскодонных сосудов кирпично-желтого цвета и такого же цвета раздавленный круглодонный яйцевидный сосуд с невысокой горловиной (рис. 44, *б*). Последний ничем не отличается от аналогичного сосуда из кургана 45. Его размеры: высота 31 см, диаметр горловины 15 см.

Таковы комплексы майкопской культуры Усть-Джегутинского курганного могильника. Несмотря на разрушенность большинства основных погребений, принадлежность их к изучаемой культуре не вызывает сомнений. Это убедительно документируется как отдельными деталями могильных сооружений, так особенно сохранившимся в погребениях характерным инвентарем и прежде всего керамикой. Однако сделанное описание позволяет заметить, что рассмотренные курганы Усть-Джегутинского могильника не отличаются полным единством ни в устройстве погребального сооружения, ни в керамическом инвентаре. Это связано с различным хронологическим положением данных курганов.

Курганный могильник у ст. Новосвободной. Расположен в 3,5—5 км к северу от ст. Новосвободной, по левому берегу р. Фарса, в урочище «Клады». Курганная группа занимала площадь длиной примерно 750 м и шириной 150—200 м [126]. В ней примерно 30 курганов и дольменов.

Попытки раскопок предпринимались еще в середине XIX в.[127] Но

---

[125] Там же, стр. 67—68.

[126] Курганная группа у ст. Новосвободной обследована в 1950 г. Кубанской экспедицией Государственного Эрмитажа. См.: *А. А. Иессен.* Отчет о работах Кубанской археологической экспедиции в 1950 г. Архив ИА АН СССР, № 548, стр. 27—41. Топографический план этой курганной группы, снятый А. А. Иессеном в 1950 г., опубликован в книге Т. Б. Поповой «Дольмены станицы Новосвободной». М., 1963, стр. 9, рис. 2.

[127] *Е. Д. Фелицын.* Западнокавказские дольмены. МАК, IX, 1904, стр. 23—24.

только в 1869 г. здесь был раскопан один курган [128], в котором открыто уникальное погребальное сооружение в виде каменной гробницы цилиндрической одиннадцатиугольной формы с конической крышей [129]. Она находилась под насыпью «в 4 саженях в сторону от центра кургана» и была сооружена на уровне древнего горизонта. Стены ее сложены из одиннадцати удлиненных прямоугольных каменных плит, хорошо обработанных и подогнанных друг к другу, высотой каждая 2,13 м, толщиной до 20 см и различной ширины. В центре самой широкой (0,9 м) плиты, стоявшей в восточной части этого дольменообразного сооружения, имелось сквозное отверстие квадратной формы (0,37×0,37 м), заложенное с внутренней стороны каменной втулкой подобной же формы. Крыша дольмена сложена из восьми треугольных каменных плит. Основанием гробницы, на котором покоился «одиннадцатигранник», служила массивная (толщиной до 27 см) каменная плита в виде довольно правильного круга диаметром 3 м.

В гробнице найдены два глиняных сосуда в обломках, «небольшой шар, сделанный из мрамора», два бронзовых кольца и два бронзовых ножа [130].

Большую известность приобрели два кургана в Новосвободненском могильнике, раскопанные Н. И. Веселовским.

Курган 1 достигал 9,6 м высоты. В нем открыты дольмен и два погребения в насыпи. Последние находились на «возвышениях из утрамбованной земли» (высотой до 1,05 м); расположены они на одной линии, одно — в восточной, другое — в западной части раскопа, причем расстояние между гробницами составляло 1,4 м [131]. Погребение в восточной части раскопа оказалось разрушенным: там найдены окрашенные в красный цвет кости человека, лежавшие в беспорядке, а также один кремневый наконечник копья.

Во втором погребении умерший находился в скорченном состоянии, головой на юг. Он был густо посыпан красной охрой. В области черепа находились два маленьких золотых кольца с заходящими друг за друга концами, а у ног — глиняный сосуд.

Огромный интерес представляет основная могила. Это дольмен в виде большой каменной гробницы. Он находился под насыпью, на уровне древнего горизонта и был завален сверху и по бокам речными булыжниками. На этом же уровне вокруг дольмена прослежен кромлех в виде «кольцеобразного вала из голышей».

Дольмен сложен из трех массивных каменных плит толщиной от 0,18

---

[128] *Н. Каменев.* Попытка археологических разведок в Кубанской области. «Кубанские военные ведомости», 1870, № 47.

[129] Через 15 лет после раскопок Н. Л. Комарова могильник посетил Е. Д. Фелицын и произвел обмеры описываемого сооружения, которые мы и приводим здесь.

[130] *Е. Д. Фелицын.* Указ. соч., стр. 24. К сожалению, о судьбе керамики из данного комплекса ничего не известно. Остальные же предметы, по словам Фелицына, «были тогда же отправлены в Тифлис в Кавказский музей». См.: *П. С. Уварова.* Museum Caucasicum, т. V. Тбилиси, 1902, стр. 144—145. Мраморный шар и ножи из этого дольмена опубликованы Б. А. Куфтиным в «Материалах археологии Колхиды», I. Тбилиси, 1949, рис. 65, *4—6.*

[131] ОАК за 1898 г., стр. 33—39.

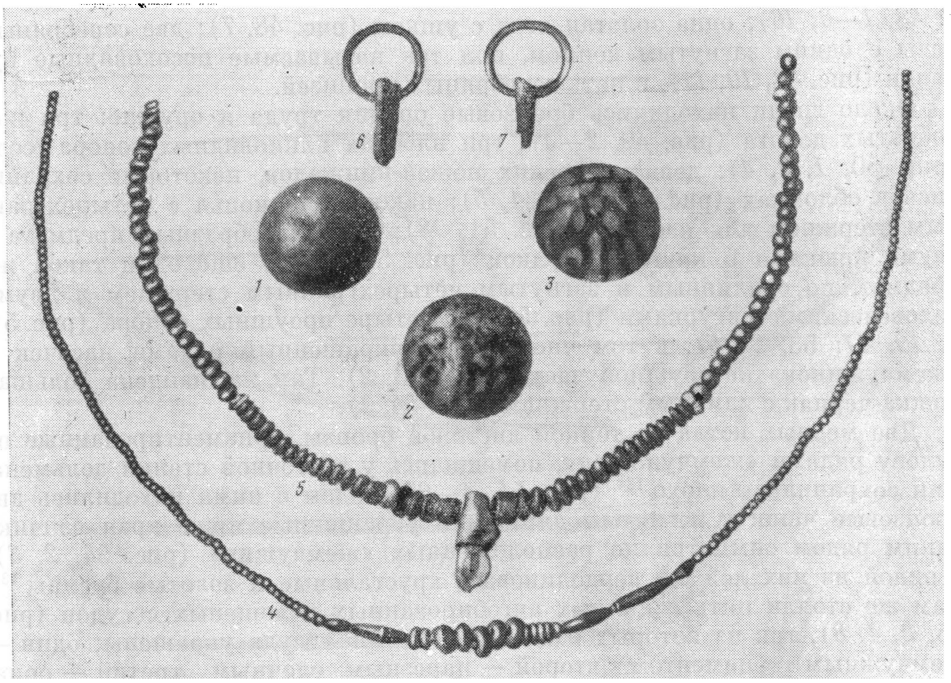

Рис. 47. Украшения из дольменов ст. Новосвободной
1—4 — курган 2; *5—7* — курган 1

до 0,27 м. Кроме того, две цельные плиты (длиной каждая 3,17 м) составляли двускатную крышу дольмена, а еще одна плита — основание одной половины камеры. Одной из трех плит гробница была разделена на два отделения — большое и маленькое. В поперечной плите, разделявшей камеру на отделения, имелось ближе к основанию прямоугольное отверстие (0,38×0,27 м) [132], плотно заложенное каменной втулкой такой же формы. Гробница была ориентирована по оси север — юг-юго-восток.

Умерший находился в большом отделении гробницы, у западной стены в скорченном положении, головой на юг; костяк был окрашен в красный цвет.

Богат и разнообразен инвентарь гробницы. Много драгоценных украшений найдено в области черепа [133]: две тонкие золотые серьги с привесками из лазурита (рис. 47, *6*, *7*) и еще четыре золотых кольца (рис. 48, *12—15*), в том числе одно очень массивное, и два с заходящими друг за друга концами; золотые, серебряные, хрустальные и сердоликовые бусины, в том числе одна хрустальная подвеска в золотой оправе (рис. 47,

[132] ОАК за 1898 г., стр. 34. Т. Б. Попова приводит другие размеры отверстия на средней плите гробницы: 44 × 39,6 см. См.: *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 11.
[133] ОАК за 1898 г., табл. I, *1—11*; *Т. Б. Попова.* Указ. соч., табл. I, II.

5; 48, *1—6, 16*); одна золотая игла с ушком (рис. 48, *7*); две серебряные иглы с одним загнутым концом, или так называемые посоховидные булавки (рис. 48, *10, 11*), и пять серебряных пронизей.

Около груди находились бронзовые орудия труда и оружие: три желобчатых долота (рис. 49, *2—4*); три плоских клиновидных топора-тесла (рис. 50, *1, 3, 4*); девять плоских ножей-кинжалов, некоторые сохранились в обломках (рис. 51, *1, 2, 4, 5*); наконечник копья с четырехгранным стержнем для насадки (рис. 51, *13*); два вилообразных предмета с двумя крюками и круглой втулкой (рис. 52, *3, 4*); еще один такой же предмет, но с длинным и загнутым четырехгранным стержнем и двумя человеческими фигурками (рис. 52, *1*); четыре проушных топора (рис. 51, *7, 10, 11*; 53, *2—5*), в том числе один, украшенный рядами насечек и «жемчужинок» на обушной части (рис. 53, *2*). Там же найдена большая ложка-черпак с длинным стержнем (рис. 54, *1*).

Два медных котла из тонкой листовой бронзы, орнаментированные по тулову рядами «жемчужинок», помещались у восточной стенки дольмена. Они сохранились плохо [134] (рис. 54, *4—6*). Рядом с ними находились две бронзовые чаши с вогнутым днищем и украшенные ниже края венчика одним рядом симметрично расположенных «жемчужин» (рис. 54, *2, 3*); в одной из них лежали сердоликовые, хрустальные и золотые бусины [135]. Там же стояли пять глиняных ангобированных и лощеных сосудов (рис. 55, *2, 4, 8*), три из которых имеют ручки; три сосуда украшены: один — жемчужным орнаментом, второй — нарезным елочным, третий — орнаментом в виде треугольных вдавлений.

Н. И. Веселовский специально отметил, что «на дне этого отделения было много сурика» [136].

Некоторая часть погребального инвентаря была положена во второе, меньшее, отделение дольмена. Там, в частности, обнаружены пращевидный камень в виде небольшого круглого шарика из белой пасты (?) диаметром около 3 см [137]; шесть кремневых наконечников дротиков удлиненно-овальной формы, обработанных по краям мелкой зубчатой ретушью; два точильных камня вытянуто-прямоугольной формы с округленными краями, длиной соответственно 26 см и 9,5 см и шириной 7 см и 4 см; овальной формы камень с поперечной выемкой по середине; пять плохо сохранившихся четырехгранных медных шильев; костяные бусы и каплевидные подвески; четыре глиняных ангобированных и лощеных сосуда, в том числе одна миска (рис. 55, *1, 3, 7*). Три сосуда украшены жемчужным, нарезным елочным и вдавленным орнаментом.

Курган 2 находился к юго-востоку от первого [138]. Под насыпью в центре этого кургана также находился дольмен. Он был сооружен на уровне древнего горизонта и со всех сторон обложен речными булыжни-

[134] ОАК за 1898 г., стр. 34, рис. 49—50. Однако Т. Б. Попова установила, что там было не два, а три котла, судя по сохранившимся обломкам их верхних частей. См.: *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 12, табл. VII.

[135] У Т. Б. Поповой отмечены вместо серебряных золотые бусы. См.: *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 12.

[136] ОАК за 1898 г., стр. 35.

[137] Там же, табл. I, *15*.

[138] Там же, стр. 35—38.

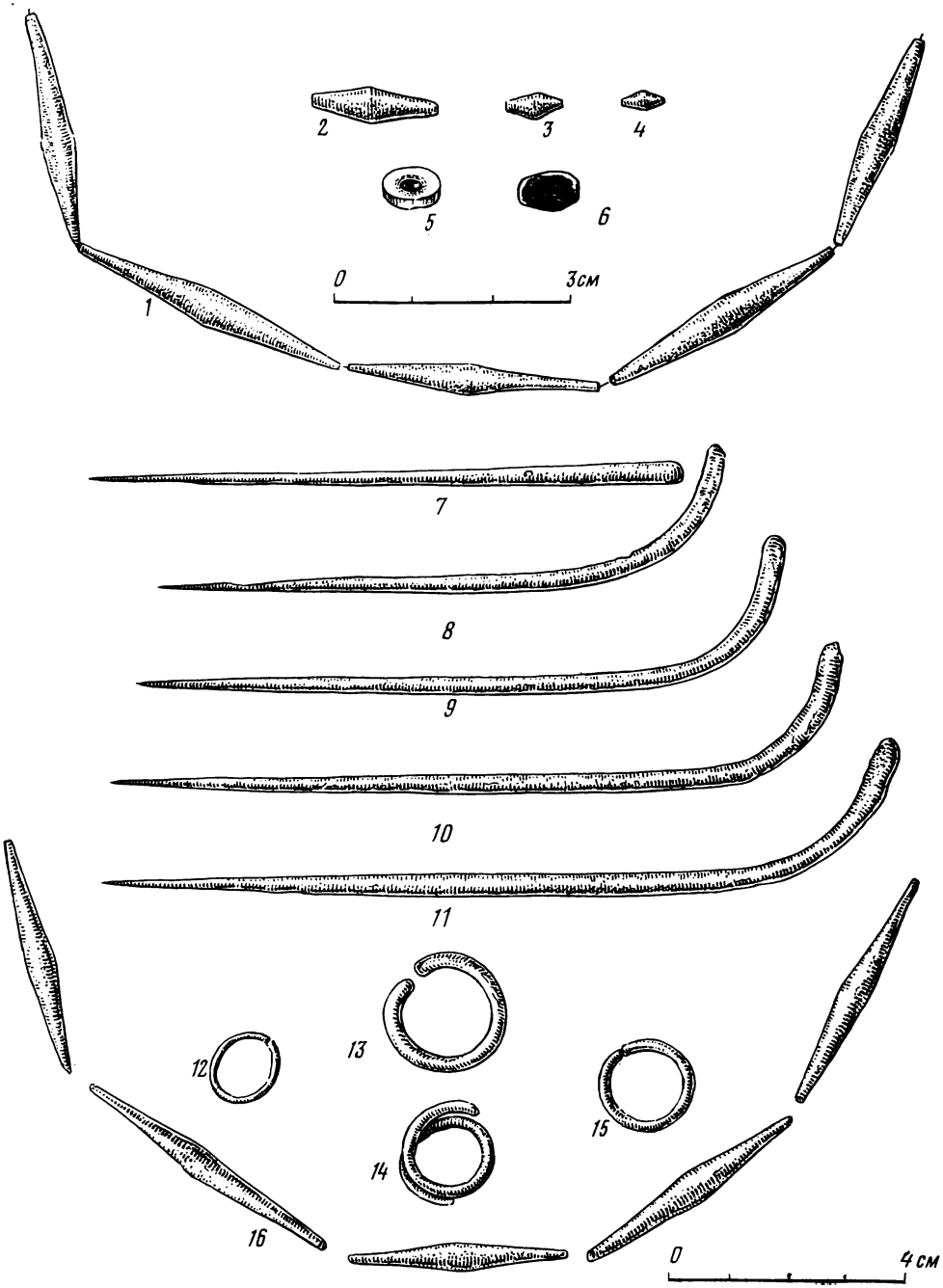

Рис. 48. Украшения из дольменов ст. Новосвободной
1—4, 8—11, 16 — серебро; *5, 6* — сердолик; *7, 12—15* — золото

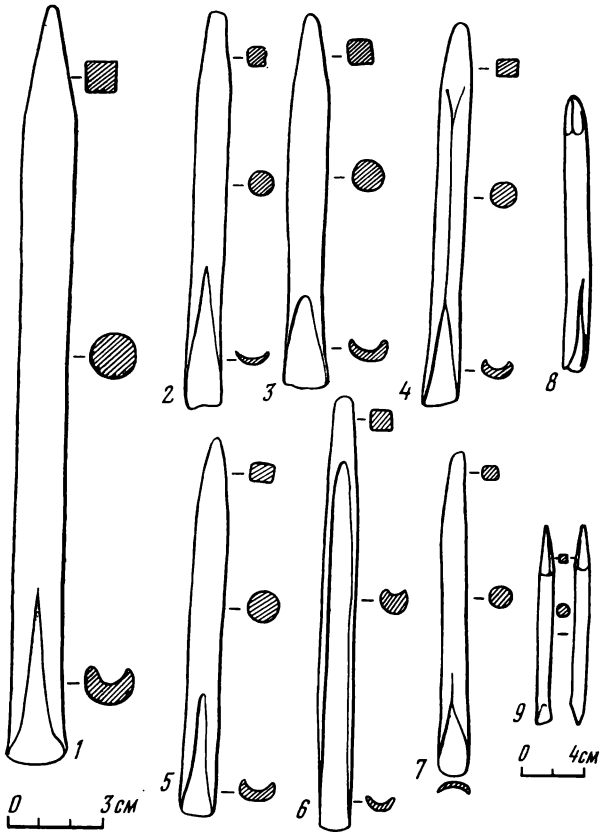

Рис. 49. Бронзовые желобчатые орудия

1 — курган в Нальчике;
2—4 — курган 1 в Новосвободной;
5 — случайная находка, Краснодарский музей;
6 — ст. Воздвиженская;
7 — хут. Штурбина;
8 — ст. Махошевская;
9 — Чегем

ками. Вокруг него на том же уровне была сделана массивная каменная кольцевая ограда (кромлех) высотой 1,05 м. Дольмен сложен из восьми хорошо обработанных и подогнанных друг к другу каменных плит, причем две плиты составляли продольные стены и две — поперечные; одна поперечная разделяла и этот дольмен на два отделения; еще две плиты составляли горизонтальное перекрытие, а одна лежала в основании одного из отделений, куда был положен погребенный. Дольмен, ориентированный по оси север—юг, имел следующие размеры: длина первой (большей) камеры 1,8 м, ширина 1,6 м, глубина 1,2 м, а второй — соответственно 1,15 м, 1,6 м и 1,47 м (разная глубина камер объясняется тем, что в одной камере — меньшей — пол был земляной, а в другой — выложен плитой). Одна из плит перекрытия — бóльшая — достигала в длину 2,49 м при ширине 1,95 м и толщине 0,20 м. Она на 1,05 м, как пишет Н. И. Веселовский, выдавалась за северный край дольмена. Размеры же второй плиты перекрытия не установлены, так как она была разломана на несколько частей и обвалилась внутрь дольмена [139].

[139] ОАК за 1898 г., стр. 36—37.

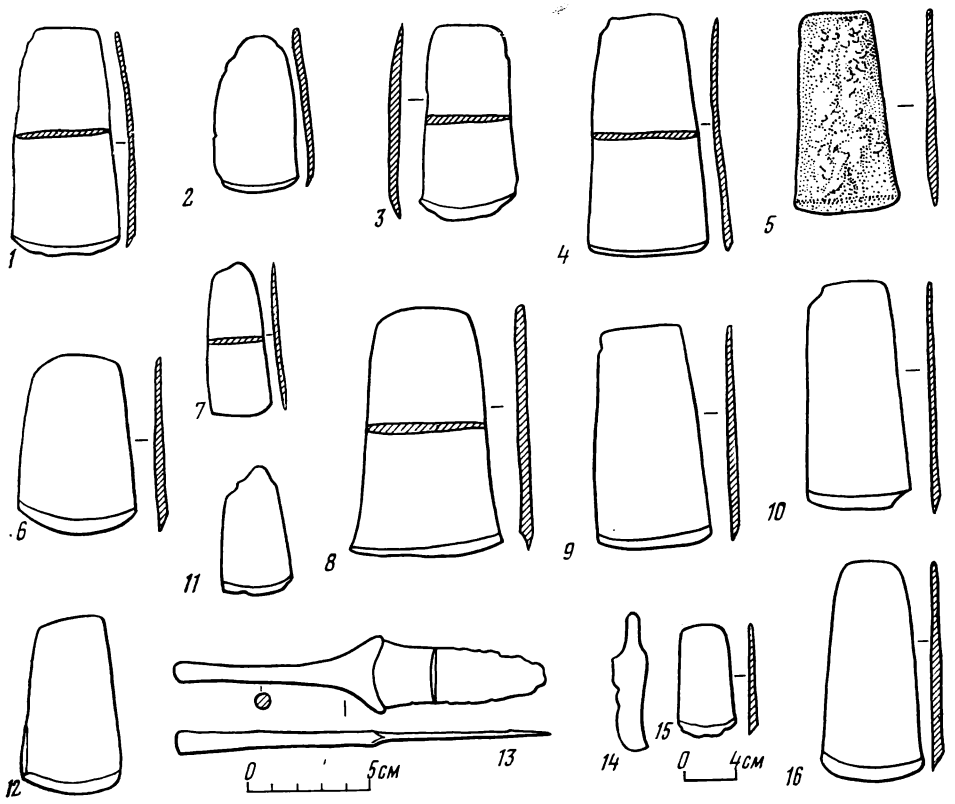

Рис. 50. Бронзовые топоры-тесла и ножи

1—4, 13 — дольмены Новосвободной; *5* — с. Красногвардейское; *6, 9, 10* — случайные находки. Краснодарский музей; *7* — хут. Штурбина; *8* — ст. Воздвиженская; *11, 12, 14* — ст. Махошевская; *15* — Чегем; *16* — Бамут

Отметим еще, что в средней плите, разделявшей дольмен на две камеры, имелось круглое отверстие диаметром 0,40 м, которое было плотно заложено специальным камнем такой же формы.

Умерший лежал у западной стенки большой камеры дольмена, в скорченном положении, головой на юг. Он был густо посыпан суриком, значительные куски которого найдены в ногах. На костяке сохранились остатки одежды. В частности, «обнаружилось одеяние на черном меху, шерстью наружу. Под мехом была пуховая ткань желтоватого (верблюжьего) цвета с продольными и поперечными черными линиями, а под нею — остатки холщовой ткани, ярко выкрашенной в пурпуровый цвет и покрытой красными же нитями в виде кистей. У ворота этого одеяния лежал тонкий ободок из низкопробного серебра, слегка вогнутый

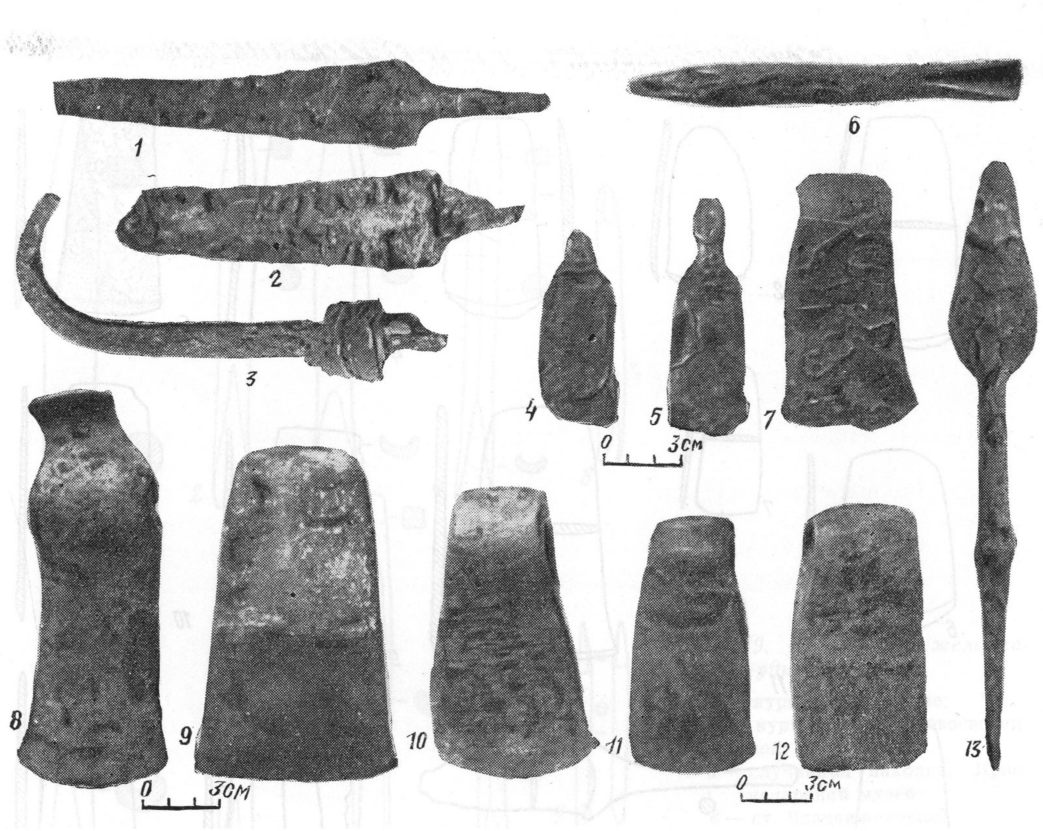

Рис. 51. Бронзовые предметы

1—7, 10—13 — курганы в Новосвободной; *8, 9* — курган у ст. Воздвиженской

посредине, служивший или отдельным ожерельем или принадлежностью меховой шубы» [140].

В области черепа лежали семь кремневых наконечников стрел, покрытых с двух сторон тонкой ретушью, две серебряные посоховидные булавки (рис. 48, *10*, *11*) и ряд бронзовых предметов: обушной топор архаической формы (рис. 51, *12*; 53, *1*), плоский топор-тесло (рис. 50, *2*), нож с рукояткой (рис. 50, *13*), кинжал в медных ножнах [141] и два четырехгранных шила. В поперечной плите была выдолблена специальная ниша, куда были положены три золотых кольца из толстой и тонкой проволоки, в том числе одно с заходящими друг за друга концами, а также золотые, серебряные и сердоликовые бусы, нанизанные «на крас-

[140] ОАК за 1898 г., стр. 37. «Ободок из серебра», принятый Н. И. Веселовским за ожерелье или принадлежность меховой шубы, является на самом деле обломком медного сосуда. См.: *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 14.

[141] Кинжал «рассыпался», как отмечает Н. И. Веселовский (ОАК за 1898 г., стр. 38). Поэтому его нет в коллекции. К сожалению, Н. И. Веселовский не дал описания и не сделал даже его схематического рисунка.

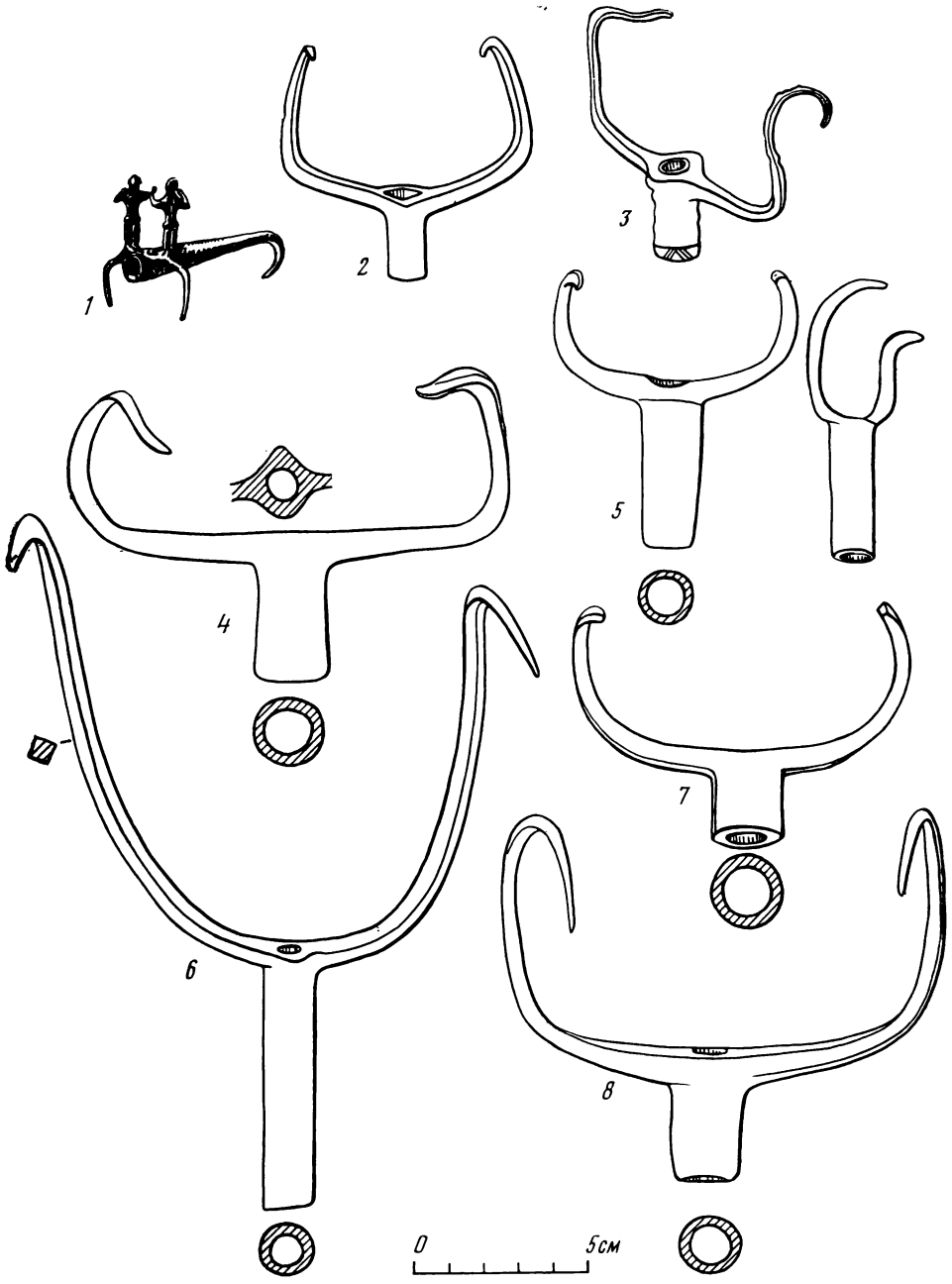

Рис. 52. Бронзовые вилообразные орудия

1, 3, 4 — курган 1 в Новосвободной; *2* — ст. Махошевская; *5, 6* — случайные находки, Краснодарский музей; *7* — Бамут; *8* — ст. Псебайская

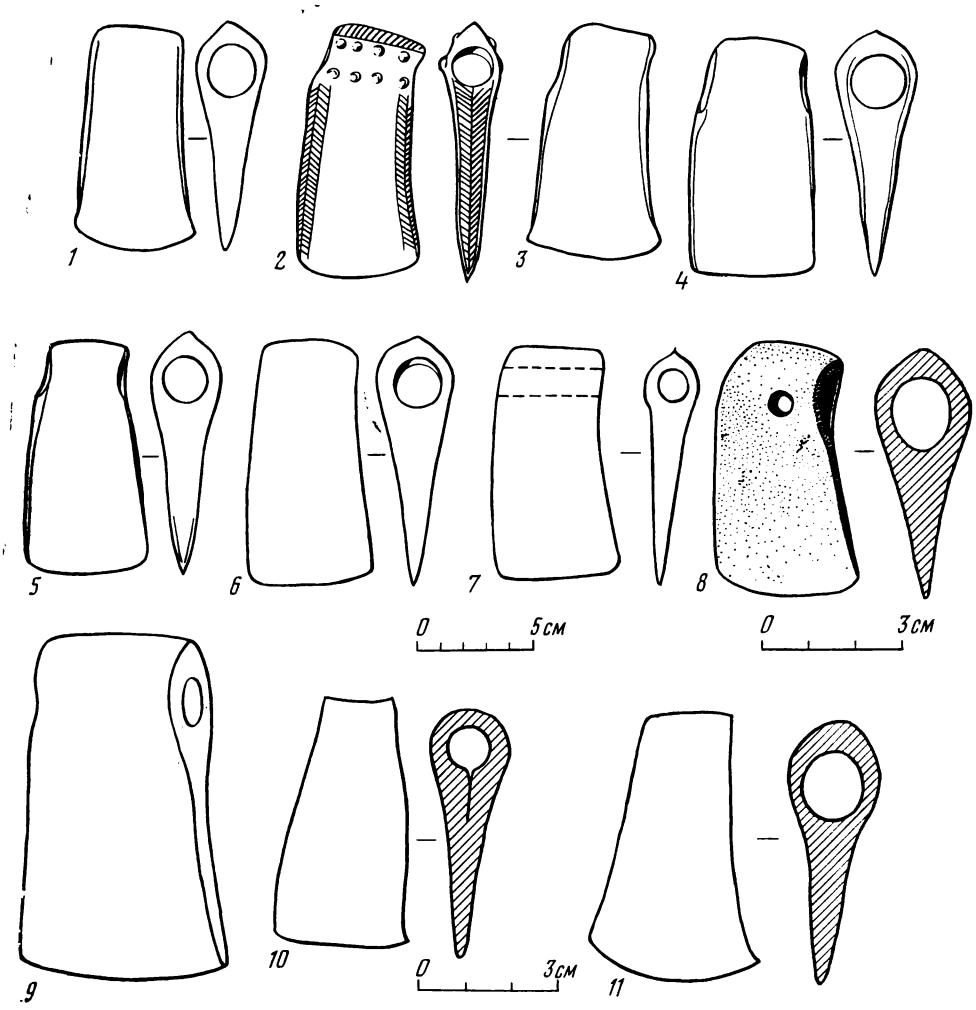

Рис. 53. Бронзовые проушные топоры

1—5 — ст. Новосвободная; *6*, *7* — случайные находки, Краснодарский музей; *8* — Бамут; *9* — ст. Махошевская; *10*, *11* — Чегем II

ном плетеном шнурке» (рис. 47, *4*) [142]. С восточной стороны черепа лежал обломок деревянного предмета в виде изогнутой палки с медным крюком, закрепленным в стержне бронзовым спиральным кольцом и обмотанным сверху тонкой проволокой (рис. 51, *3*).

У восточной стенки этой же камеры стояли в ряд четыре лощеных сосуда, покрытых елочным (три сосуда) и жемчужным орнаментом (рис. 55, *5*, *6*). Два из них — красного цвета и два — черного, в том

[142] ОАК за 1898 г., табл. IV, *47*; стр. 38.

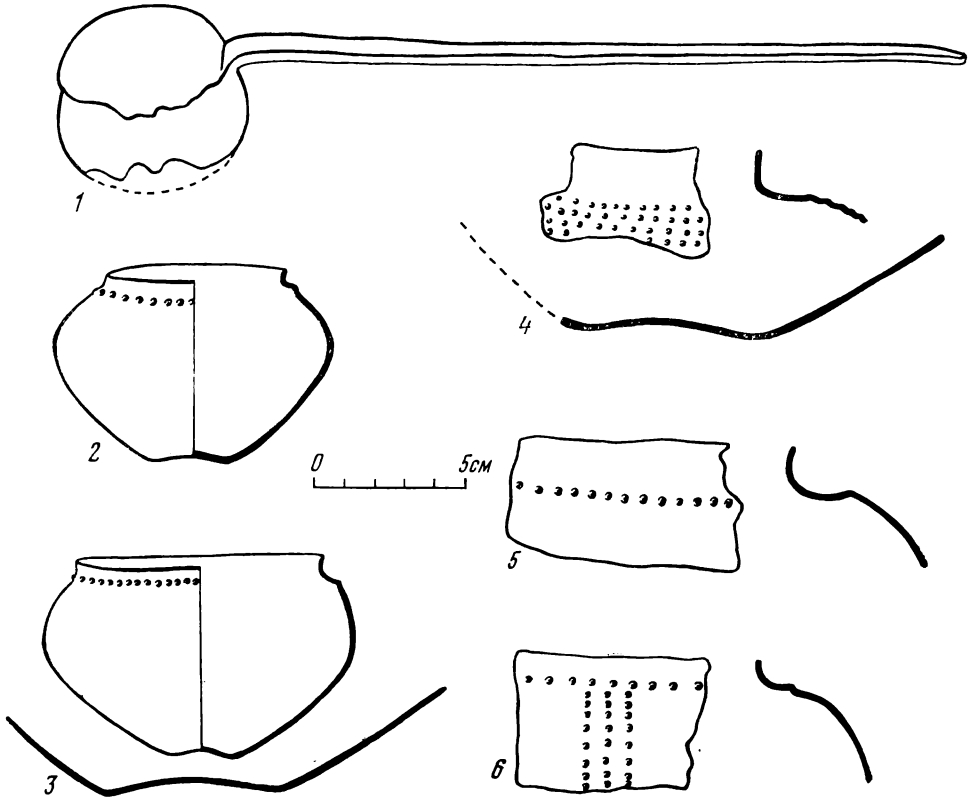

Рис. 54. Курган 1 у ст. Новосвободной. Бронзовые черпак, чаши и обломки котлов (1—6)

числе один — с округлым туловом и высокой цилиндрической шейкой и украшенный «елкой» — выделяется не только своей формой, но и великолепным лощением, доведенным до блеска. Рядом с сосудами найдены точильный брусок и три пращевидных круглых шарика из цветного камня (рис. 47, *1—3*).

На земляном полу второй камеры собрано большое количество костяных бус, окрашенных в красный цвет (они были посыпаны суриком), а между ними — одно бронзовое четырехгранное шило и два кабаньих клыка [143].

Следует отметить, что в 1898 г. Н. И. Веселовский раскопал там же один курган, который оказался ограбленным, а в следующем году — два небольших кургана [144]. Один из последних также был ограблен.

[143] Т. Б. Попова в своей публикации не отметила находки двух бронзовых шильев в первой камере и двух кабаньих клыков во второй. См.: *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 14.

[144] ОАК за 1899 г., стр. 42.

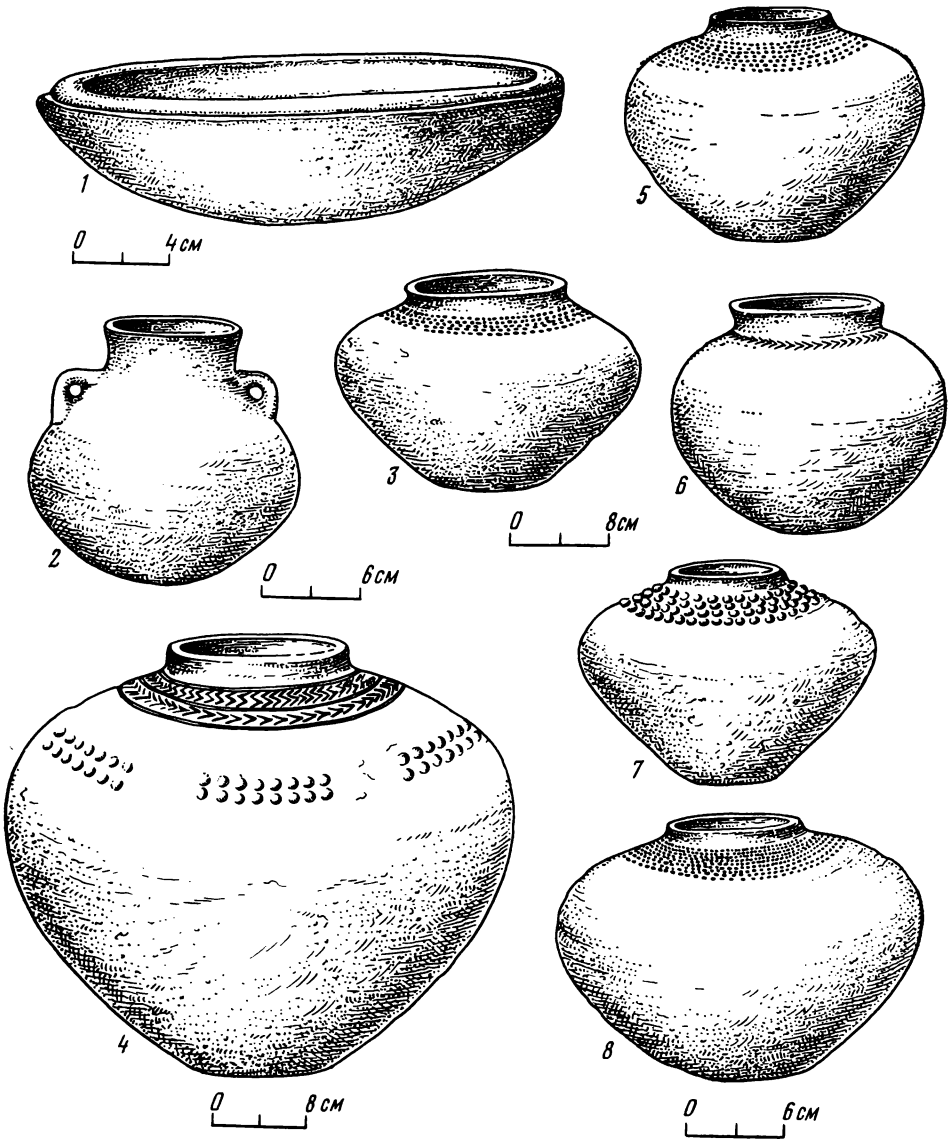

Рис. 55. Глиняные сосуды из дольменов Новосвободной
1—4, 7, 8 — курган 1; **5, 6** — курган 2

Другой содержал комплекс, характерный для северокавказской культуры (II тыс. до н. э.).

В 1950 г. А. А. Иессен осмотрел здесь два хищнически раскопанных кургана (31 и 33). В выкиде одного из них он собрал обломки двух сосудов — чернолощеного и красного, украшенных резным орнаментом и вдавлениями [145]. А. А. Иессен подчеркнул, что оба сосуда по всем признакам принадлежат к той же керамической группе, которая представлена в раскопанных здесь Н. И. Веселовским двух курганах. Он считает, что, по-видимому, к раннему времени (ко времени бытования майкопской культуры.— *Р. М.*) относится и второй из отмеченных курганов, поскольку в нем, по рассказам местных жителей, были найдены мелкие золотые украшения (кольца), наподобие обнаруженных Н. И. Веселовским в дольменах [146].

А. А. Иессен, кроме того, раскопал здесь же один небольшой курган и два дольмена. К сожалению, все они оказались ограбленными [147], поэтому установить их культурно-хронологическое положение затруднительно. Можно предполагать, что они относятся к майкопской культуре. Таким образом, Новосвободненский могильник, точнее значительная часть курганов, был насыпан, по всей вероятности, в эпоху ранней бронзы.

Курган у ст. Махошевской. Раскопан хищнически в 1904 г. О характере курганной насыпи, могильном сооружении, его форме, размерах, а также о способе захоронения, ориентировке погребения и других деталях погребального обряда ничего не известно [148].

Обнаруженные же в этом кургане бронзовые предметы весьма характерны для металлического инвентаря майкопской культуры. Это — проушной топор (рис. 53, *9*), два плоских тесловидных топора (рис. 50, *11*, *12*), два четырехгранных шила, два долотовидных орудия, причем одно — с прямым, а другое — с полукруглым лезвием (рис. 49, *8*), два ножа-кинжала типичной формы (рис. 56, *9*), в том числе один с двумя ребрами, нож в виде бритвы (рис. 50, *14*) и характерное вилообразное орудие с круглой втулкой (рис. 52, *2*) [149]. Кроме того, найденной вместе с ними значится и бронзовая игла с ушком. Однако А. А. Иессен не считал принадлежность последней к данному комплексу безусловно установленной [150]. Действительно, до сих пор ни в одном из памятников майкопской культуры подобного предмета не встречено. Они встречаются обычно в памятниках Северного Кавказа последующей эпохи. Поэтому возможно, что бронзовая игла происходит из другого, более позднего погребения, находившегося в этом кургане.

Курган у ст. Ярославской. В 1910 г. группа жителей ст. Ярославской раскопала один курган диаметром 6—7 саженей. Он находился в окре-

[145] *А. А. Иессен.* Отчет о работах Кубанской..., рис. 14.
[146] Там же, стр. 32, 33.
[147] Там же, стр. 34—41.
[148] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120. М.— Л., 1935, стр. 83—84.
[149] Коллекция предметов из Махошевского кургана хранилась в Майкопском музее, но во время Великой Отечественной войны она исчезла оттуда. Неизвестно, была ли найдена в этом кургане керамика.
[150] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди..., стр. 83—84.

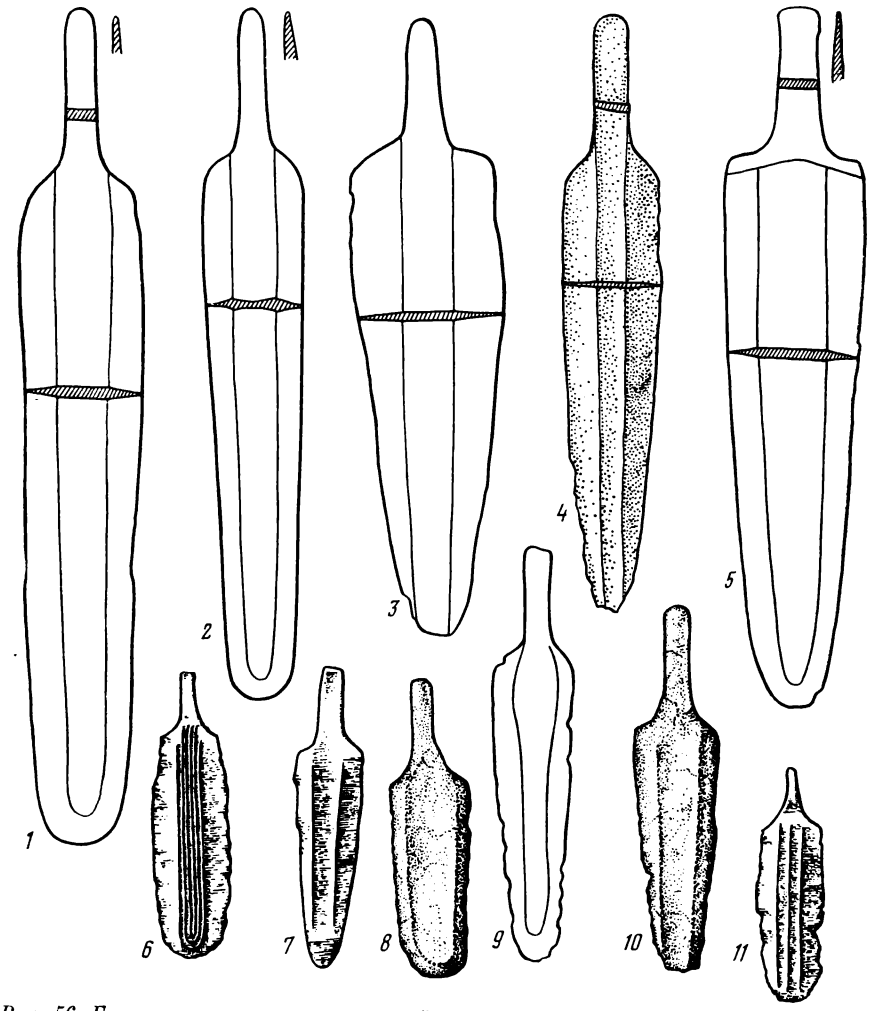

Рис. 56. Бронзовые ножи-кинжалы майкопской культуры

1—3 — Краснодарский музей, случайные находки; *4, 5* — Бамут; *6, 7, 11* — Чегем *8, 10* — Красногвардейское; *9* — ст. Махошевская

стностях станицы, в 1,5 верстах от нее, в долине р. Псейфира, впадающей в Фарс.

Судя по заметке в «Московских ведомостях» от 13 марта 1910 г. (№ 59), содержание которой изложено в Известиях Археологической комиссии, удается установить следующее [151].

Под насыпью кургана находилась сложенная из каменных плит гроб-

[151] ИАК, прибавление к вып. 37, 1910, стр. 154—155.

ница — «комната объемом в 20 куб. арш.». Она была перекрыта сверху одной горизонтально положенной плитой, а все сооружение обложено камнями. По словам раскопщиков, в гробнице найдены медный топорик с отверстием для рукоятки; пара бронзовых ножей; грабельки с двумя загнутыми концами с отверстием; два котла, медные донья которых пропали; два глиняных кувшина (один был разбит и черепки разбросаны); несколько принадлежностей для сверления, литых из меди [152].

К сожалению, не удалось выяснить, были ли в гробнице остатки костяков. Как отмечено в заметке, один из раскопщиков сказал, что кости там были, а другой отрицал это [153].

Несмотря на все это, данный курган можно уверенно относить к кругу памятников майкопской культуры позднего этапа ее развития. На это указывают как отдельные особенности погребального сооружения, так и некоторые предметы погребального инвентаря.

Курган 6 у ст. Андрюковской. Размеры кургана в отчете Н. И. Веселовского не отмечены, за исключением высоты — 1,5 саж. [154]

Насыпь состояла почти целиком из булыжника. Под ней, на уровне материка, была устроена могила овальной формы размером «в рост человека», выложенная одним рядом гальки. Костяк сохранился плохо. Умерший лежал головой на юг. Как предполагает Н. И. Веселовский, захоронение было совершено в согнутом положении [155].

В могиле найдены два золотых височных спиральных кольца, золотые и сердоликовые бусины, золотые пронизи в виде небольших трубочек, свернутых, из проволоки (накосницы?), большой каменный пест (длиной 32 см и шириной 4,5 см) и ряд бронзовых предметов — два плоских ножа-кинжала, четырехгранное шило, длинное желобчатое долотовидное орудие, топор-тесло и два проушных топора.

Галечная подстилка могилы была покрыта местами краской (охрой).

Курган 1 у ст. Псебайской. Он находился в 10 км от ст. Псебайской. Насыпь кургана высотой 3,3 м состояла целиком из камней [156]. В кургане открыто одно погребение [157]. Могила была устроена под насыпью, в материковом слое. Глубина ее достигала 1,10 м ($1^1/_2$ арш.) [158]. Костяк сохранился плохо. Вероятно, захоронение было совершено в скорченном положении.

В могиле обнаружены бронзовый проушный топор, бронзовое вилообразное орудие с двумя крюками (рис. 52, *8*) бронзовый нож-кинжал,

---

[152] Там же, стр. 155.
[153] Там же.
[154] ОАК за 1896 г., стр. 54.
[155] Н. И. Веселовский отметил в отчете, что «в верхней части курганной насыпи, на 1 арш. от поверхности, встретился еще костяк, при котором найден только большой кусок красной краски». См. ОАК за 1896 г., стр. 54. Хотя положение и ориентировка костяка не указаны, возможно, и это погребение относится к кругу памятников позднего этапа развития майкопской культуры.
[156] ОАК за 1895 г., стр. 134.
[157] В насыпи кургана найдены бронзовая круглая бляшка и бронзовая молоточковидная булавка (II тыс. до н. э.). Возможно, они происходят из разрушенного впускного погребения.
[158] Остальные размеры могилы в отчете Н. И. Веселовского не приведены.

бронзовый плоский клиновидный топор, золотые круглые в сечении колечки, соединенные вместе (на одном из них надета сердоликовая бусина), золотые и сердоликовые бусины [159].

Курганная группа близ ст. Келермесской. В районе ст. Келермесской, на пути от нее к ст. Кужорской, у р. Айрюнь находилась небольшая курганная группа. Она была раскопана в 1903—1904 гг. Д. Г. Шульцем и в основном Н. И. Веселовским [160]. Последний исследовал курган (3), в котором открыты погребения майкопской культуры.

Это был курган, как отмечает Н. И. Веселовский, «значительной окружности» (диаметр?), достигавший 3,20 м высоты. Под насыпью в центре находился каменный курганчик (размер?).

В кургане открыто четыре погребения, в том числе три в насыпи и одно (основное) под каменным курганчиком, на уровне древнего горизонта. Последнее было совершено на галечной вымостке, занимавшей «большое пространство» (?). Погребенный лежал головой на юг. Справа от него найдено бронзовое долотовидное орудие с желобком, а в ногах — каменное полированное орудие бочкообразной формы, высотой около 7 см [161].

В центральной части кургана в насыпи открыто еще одно раннее погребение [162]. И здесь умерший лежал на галечной вымостке в скорченном положении, головой на восток. В погребении найдены обломки глиняного сосуда и кусочки красной охры.

Следует отметить, что в другом кургане рассматриваемого памятника найден характерный глиняный сосуд майкопской культуры. К сожалению, из описания Н. И. Веселовского невозможно определить место и обстоятельства находки этого сосуда. Из отчета следует, что он происходит из погребения, в котором найдены еще серебряная серьга и ряд бронзовых предметов, относящихся к северокавказской культуре [163]. Связь этого сосуда с остальными предметами может быть поставлена под сомнение. Тем более, что сам Н. И. Веселовский отмечает, что находившиеся в погребении «вещи рассыпались в разные стороны и местоположение их осталось невыясненным» [164].

По-видимому, этот майкопский сосуд происходит из древнейшего погребения, разрушенного более поздними захоронениями.

Курган в ст. Воздвиженской. На восточной окраине ст. Воздвиженской находился курган высотой около 13 м. В нем было открыто четыре могилы, две из которых относятся к майкопской культуре.

Древнейшее погребение находилось под насыпью кургана. Специаль-

[159] ОАК за 1895 г., стр. 134.
[160] ОАК за 1904 г., стр. 85—95.
[161] Там же, стр. 95.
[162] ОАК за 1904 г., стр. 95. Это погребение А. А. Иессен не включил в круг памятников майкопской культуры (См.: *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 162—164). Однако, хотя это явно впускное погребение и оно сравнительно моложе описанного центрального захоронения в кургане, его принадлежность к рассматриваемой культуре вполне вероятна. Случаи нахождения в одном кургане двух погребений майкопской культуры, в том числе одного в насыпи, неоднократно зафиксированы.
[163] ОАК за 1904 г., стр. 95, рис. 161.
[164] Там же, стр. 96, рис. 164—165.

ного могильного сооружения здесь не было. Умерший лежал в скорченном положении, головой на юг. Костяк был окрашен в темно-бурый цвет. Вещей при нем не найдено [165].

Второе — коллективное погребение. Оно находилось в насыпи, на 3,20 м выше материка. Здесь, как бы на платформе, была устроена могила довольно значительных размеров. В ней открыты останки четырех погребенных, все в скорченном положении, головами на юг. Три костяка лежали довольно симметрично, близко друг к другу в центральной и восточной части могилы на специальной галечной вымостке, а последний — почти у западного края могилы, в некотором отдалении от первых трех [166]. Все костяки были окрашены в темно-бурый цвет.

Инвентарь обнаружен при первых трех костяках. В области черепов найдены глиняный горшок грубой лепки, точильный камень и ряд бронзовых предметов: топор-молот с круглой втулкой (рис. 51, *8*), плоский тесловидный топор (рис. 51, *9*), долотовидное орудие (рис. 49, *6*), шило и нож. В могиле обнаружены и куски темно-бурой охры [167].

Курган у с. Летницкого. В 1898 г. учитель Летницкого училища С. А. Соловьев раскопал на северной окраине с. Летницкого курган, округлый в плане, с усеченной вершиной [168]. Размеры его, как и характер насыпи, в отчете не указаны. Отмечено, что курган, по-видимому, подвергался до этого хищническим раскопкам.

В кургане открыто пять погребений, одно из них относится, по-видимому, к майкопской культуре.

Могила прямоугольной формы (2,13×1,42 м), обложенная деревом, находилась в центральной части кургана, на глубине 7,8 м от его вершины (?) [169]. Описание данного комплекса дано кратко и по-дилетантски. Поэтому неясно положение костяка, ориентировка погребенного и т. д. В опубликованной информации отмечается лишь следующее: «В... могиле, наполненной твердой землею, найдены каменный пестик, совершенно разрушенный глиняный горшок, три медные поврежденные вещицы, каменный молот-топор и еще два камня, не имеющие определенной формы. Под этими предметами лежал костяк, лицом на запад; место кругом него было залито мелом. Около головы найдены две электровые серьги».

Судя по форме могилы, обложенной деревом, и по электровым серьгам, этот комплекс можно отнести к майкопской культуре.

Разменный курган у ст. Костромской. Курган находился в 12 верстах от ст. Костромской. Он, так же как и четыре других кургана, носящих название «Разменных», был раскопан Н. И. Веселовским [170]. Высота кургана 5,35 м. «В насыпи его встретилось несколько человеческих костяков без вещей, причем один из них оказался в могиле, выложенной голышами, как в Майкопском кургане» [171]. По всей вероят-

[165] ОАК за 1899 г., стр. 47.
[166] Схематический рисунок описанных погребений дан на табл. 2 в том же выпуске ОАК.
[167] ОАК за 1899 г., стр. 47.
[168] ОАК за 1898 г., стр. 53—54.
[169] Там же, стр. 54.
[170] ОАК за 1897 г., стр. 15—16.
[171] Там же, стр. 15.

ности, это впускное погребение относится также к майкопской культуре. Основное же погребение находилось в центре под насыпью кургана. Здесь была вырыта неглубокая могила по оси юго-восток—северо-запад, углубленная в материк всего на 0,35 м, почти квадратной формы (2,66×2,48 м). Стены ее обложены деревом, а дно выложено мелким булыжником и местами залито красной краской (охрой). Могила имела перекрытие из «небольших и довольно тонких плит местного известняка, наложенных одна на другую так, что края их мало-помалу выступали вперед, а сверху шатер кончался большой плитой (1,24 м длиной и 0,88 м шириной)» [172].

Умерший лежал в северо-западной части могилы в скорченном положении, головой на юго-восток; костяк был окрашен в красный цвет.

Разнообразен инвентарь, обнаруженный в могиле [173]. У черепа находился большой глиняный сосуд, на котором были «заметны следы какого-то изображения, сделанного желтой краской крупными точками» [174]. В области шеи и груди найдены круглое золотое височное кольцо с заходящими друг за друга концами диаметром 1,3—1,5 см (рис. 57, *3*) и около 5000 мелких пастовых бусин в виде кружков и цилиндриков диаметром от 2,5 до 4,5 мм при толщине 1—2 мм (рис. 57, *1*, *2*). В ногах погребенного были положены два или три глиняных сосуда, один из которых, сделанный из красной глины и, по словам А. А. Спицына, покрытый черной краской [175], представляет типичную форму позднемайкопской керамики (толстостенный сосуд высотой 37 см, с округлым туловом, невысокой прямой шейкой, отогнутым резко венчиком и слабо выраженным дном) [176].

В юго-восточном углу могилы находились бронзовое четырехгранное шило (рис. 57, *11*) и два глиняных раздавленных сосуда, один из которых представляет собой груболощеный горшок с широкой горловиной

---

[172] ОАК за 1897 г., стр. 15.

[173] При описании его мы пользовались: ОАК за 1897 г., стр. 15—16, рис. 53—62; *М. И. Артамонов.* Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948, стр. 178—180.

[174] ОАК за 1897 г., стр. 15—16. Следует подчеркнуть, во-первых, что керамика из этого комплекса, включая и данный сосуд, не сохранилась. Во-вторых, именно этот сосуд с расписным изображением послужил основанием, побудившим М. И. Артамонова издать специально Третий Разменный курган у ст. Костромской, а главное, сделать попытку пересмотреть культурно-хронологическое место «больших кубанских курганов» в сторону значительного омоложения возраста последних. Этот сосуд действительно относится к началу I тыс. до н. э. Поэтому прав безусловно А. А. Иессен, который предполагает, что сосуд случайно включен в данный комплекс (см.: *А. А. Иессен.* К хронологии...). По-видимому, этот сосуд происходит из впускного погребения упомянутого кургана или вообще другого памятника. См. об этом подробно в указанной работе А. А. Иессена, а также в историографическом разделе настоящего исследования, стр. 28—30. Кстати, на то, что рассматриваемый комплекс несколько спутан при публикации, указывает и факт включения в него горшка, обнаруженного в Майкопском кургане. См.: *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 178.

[175] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 178; ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 54.

[176] Второй сосуд, найденный якобы в ногах погребенного и изображеный на рис. 55, происходит из Майкопского кургана и «явно попал сюда по ошибке». См.: *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 178.

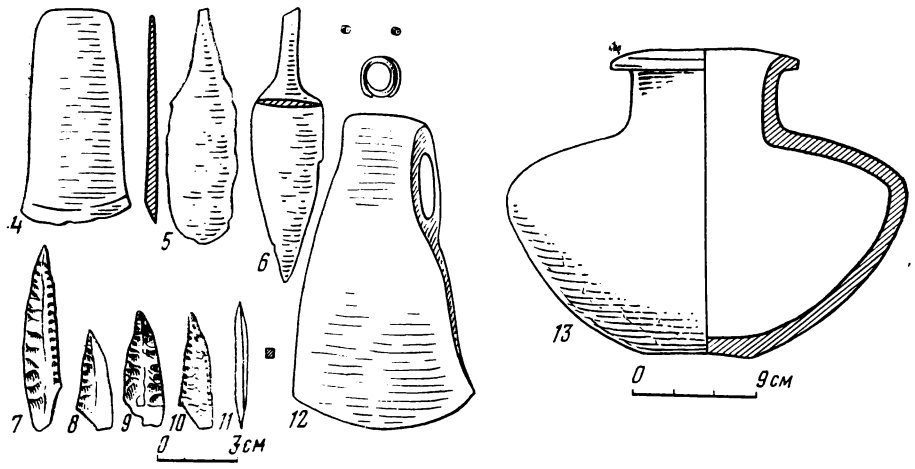

Рис. 57. Инвентарь погребения у ст. Костромской (1—13)

(высота 30 см), а второй — с округлым туловом и высокой прямой шейкой, буроватого цвета, со следами лощения на внешней поверхности (рис. 57, *13*) [177].

В северо-восточном углу могилы лежали четыре кремневых наконечника стрелы асимметричной формы (рис. 57, *7—10*) и два каменных оселка. Там же найдено еще несколько бронзовых предметов [178]: два плоских черенковых ножа-кинжала (рис. 57, *5*, *6*), массивный проушный топор (рис. 57, *12*) и плоский топор-тесло (рис. 57, *4*).

Таков комплекс, открытый в одном из Разменных курганов у ст. Костромской. Его принадлежность к майкопской культуре и в частности к позднему этапу ее развития совершенно очевидна.

Курган у с. Соломенка близ г. Нальчика. Этот памятник представляет собой весьма интересный и вместе с тем крайне спорный комплекс. Судя по имеющейся публикации, в трех раскопанных погребениях этого кургана встречены материалы, характерные как для майкопской культуры, так и для последующей, северокавказской культуры. Это заставляет нас с большой осторожностью отнестись к данному памятнику и привести все известные данные. Впервые описание этого кургана было дано А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким [179].

[177] ОАК за 1897 г., рис. 56, 57.

[178] Обычно в отчетах Н. И. Веселовского о раскопках «больших кубанских курганов» бронзовые предметы названы часто медными. И в данном случае все металлические предметы, найденные в описанном кургане, за исключением золотого кольца, значатся медными. Спектральное же исследование их, проведенное Е. Н. Черных, показало, что они бронзовые. См.: *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

[179] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, стр. 193—196. Описание данного кургана А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким основано, как они отмечают, на записи в инвентарной книге Нальчикского музея и хранящемся там же рисунке.

Курган у с. Соломенка был раскопан в 1926 г. местными жителями и закончен исследованием М. И. Ермоленко. Каковы были размеры кургана, характер насыпи и т. п., установить не удалось. Известно только, что невысокая оплывшая насыпь была обложена камнями [180]. Под насыпью открыты три могильные ямы неправильной округло-прямоугольной формы. Ничего не известно о размерах этих могил и глубине залегания. По опубликованному схематическому разрезу кургана и плану расположения погребений трудно составить сколько-нибудь четкое представление о характере насыпи и взаиморасположении открытых под ней могил [181]. Исходя из этого, а также из-за плохой сохранности костяков, нельзя с полным доверием относиться к сведениям о положении погребенных в кургане. Авторы на основании сохранившихся рисунков и записей отмечают, что все погребенные лежали в могилах в скорченном положении на правом боку, с сильно подогнутыми в коленях ногами, головами на запад с небольшим отклонением на юг или север. Причем в могиле 1 сохранились останки трех (?) костяков, в двух других — по одному [182].

Из-за отсутствия должной документации оказались безнадежно спутанными предметы погребального инвентаря, обнаруженные в могилах. Авторы публикации прямо отмечают: «Могильный инвентарь, найденный при раскопках этого кургана, по имеющимся в нашем распоряжении материалам полностью распределить по погребениям не удается» [183]. В каждой могиле обнаружены глиняные сосуды: в погребениях 1 и 3 — по два, а в погребении 2 — три. Предложенное А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким распределение сосудов по погребениям, конечно, крайне условно, и поэтому нужно проявлять большую осторожность при интерпретации комплексов данного памятника [184]. Достаточно сказать, например, что в погребениях 1 и 2 наряду с типичными сосудами майкопской культуры (как по форме, так и по характеру теста, цвету, лощению и т. п.) [185] присутствуют горшки северокавказской культуры [186]. В погребении 3 содержатся два типично майкопских горшка, один из которых украшен, правда, необычным для данной культуры орнаментом в виде групп резных черточек вокруг тулова всего сосуда [187].

В этой связи неудивительно то, что А. П. Круглову и Г. В. Подгаецкому не удалось распределить по погребениям другие вещи, найденные в кургане [188].

Значительная часть их представляет собой характерные для северокавказской культуры металлические изделия. К майкопской же культуре

---

[180] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 193.
[181] Там же, стр. 194, рис. 32.
[182] Там же.
[183] Там же, стр. 193—194.
[184] Любопытно, что в инвентарной книге Нальчикского музея время поступления каждого из этих сосудов в музей отмечено под разными датами. См.: *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 194.
[185] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., табл. XI, *1, 4, 6, 7.*
[186] Там же, табл. XI, *2, 3.*
[187] Там же, стр. 195, рис. 33, *10*; табл. XI, *1.*
[188] Там же, стр. 195—196, рис. 33, *1—7.*

из них можно отнести более или менее уверенно бронзовый нож, сердоликовые бусины с двусторонним сверлением и золотое колечко.

Известно, что ряд авторов рассматривают Соломенский курган как памятник, относящийся к переходной поре от майкопской к северокавказской культуре и свидетельствующий о генетической связи этих культур. Понятно, что решать столь ответственный вопрос на основании спутанных и плохо документированных комплексов Соломенского кургана нельзя [189].

Для нас очевидно, что в этом кургане было одно или даже два майкопских погребения, о чем убедительно свидетельствуют характерные образцы керамики. Это древнейшие захоронения в кургане. Наряду с ними курган содержал впускное или впускные погребения северокавказской культуры.

Итак, Соломенский курган является памятником майкопской культуры (основное или основные погребения). А. А. Иессен отмечал, что данный курган не может быть бесспорным образом отнесен ни к одной из двух выделенных им хронологических групп майкопской культуры [190]. Однако, судя по обнаруженной здесь керамике, нам представляется совершенно несомненным принадлежность Соломенского кургана ко второй, Новосвободненской, группе майкопских памятников.

Курганная группа у ст. Раевской. На юго-восточной окраине ст. Раевской, расположенной примерно между Анапой и Новороссийском, находился могильник.

В 1896 г. В. И. Сизов раскопал здесь два кургана: маленький, содержавший позднесредневековое погребение, и сравнительно большой, высотой 2,5 м [191]. В центральной части его — от основания до 1 м высоты — оказалась каменная кладка. Под ней шел небольшой слой глины, под которым лежал скелет.

Как отмечает В. И. Сизов, «скелет занимал положение с юга на север (головой на юг); руки были вытянуты вдоль туловища» [192]. Из этого описания неясно действительное положение погребенного, хотя можно предполагать что он находился скорее всего в вытянутом положении.

В погребении найдены бронзовый наконечник копья и шесть обломков глиняного горшка с округлым туловом, высоким слегка отогнутым венчиком и слабо выраженным дном. У места перегиба венчика имеются две плоские сверленые ручки. Сосуд светло-красноватого цвета и отличается хорошим обжигом [193]. Размеры его: высота 7—8 см, в том числе высота венчика 3 см, и диаметр по краю венчика 10 см.

---

[189] Вопрос о генезисе культур бронзового века Северного Кавказа требует специального исследования. Поэтому мы здесь его не касаемся, а во избежание перегрузки научного аппарата не приводим даже ссылки на работы А. А. Иессена, Е. И. Крупнова, С. В. Киселева, В. И. Марковина и ряда других авторов, в которых, в частности, затрагивается вопрос о Соломенском кургане и его значении с точки зрения выяснения генезиса культуры Северного Кавказа эпохи бронзы.

[190] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 164.

[191] *В. И. Сизов.* Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, II, 1899, стр. 94—95.

[192] Там же, стр. 94.

[193] Там же, стр. 95.

Этот курган А. А. Иессен не включил ни в одну из двух выделенных им групп «больших кубанских курганов». Он отнес его к группе памятников, принадлежность которых к майкопской культуре в целом вероятна [194]. Однако сравнительный анализ показывает, что курган у ст. Раевской относится ко второй группе «больших кубанских курганов» по А. А. Иессену.

Курган к западу от ст. Варениковской. В 1878 г. В. Г. Тизенгаузен раскопал несколько курганов по левому берегу Кубани в районе ст. Варениковской. Среди них интерес представляет небольшой курган, находившийся в лесу, к юго-востоку от «Семи братьев» (Семибратние курганы) [195].

Из отчета о раскопках этого кургана мы узнаем следующее: «большая гробница, обнесенная каменной оградой и устланная по дну мелкими плитами», оказалась ограбленной. Среди «груды разбросанных в ней человеческих и лошадиных костей» обнаружены каменный шлифовальный молоток и два бронзовых ножа. Недалеко от этой могилы отмечены остатки кострища, а к западу открыты три истлевших костяка без вещей [196].

А. А. Иессен отнес этот курган к группе памятников, принадлежность которых к группе «больших кубанских курганов» вероятна [197]. Возможно, он и действительно относится к майкопской культуре, но определить его относительное хронологическое положение среди памятников данной культуры затруднительно.

Курган близ ст. Саратовской. В 1935 г. на Псекупсе близ ст. Саратовской Н. А. Захаров раскопал курган [198]. К сожалению, ни о размерах его, ни о конструкции насыпи, ни об открытых в кургане погребениях он не сообщил в своей заметке. Известно только, что в кургане наряду с основным погребением были раскопаны и впускные захоронения. Вот, собственно, все описание этого памятника, которое дал Н. А. Захаров: «Погребение (основное.— *Р. М.*) на глубине 3 м. Костяк обложен тяжелыми каменными плитами с четырех сторон и сверху накрыт тяжелой каменной плитой, которую с трудом сбросили 10 человек. Обнаружены следы скорченного окрашенного костяка. При костяке найдены два медные топорика: один с отверстием (обушной, архаического типа [199].— *Р. М.*), другой пластинчатый (плоский клиновидный топор-тесло.— *Р. М.*). Найден браслет темной меди с шариками на концах. Кроме того, сохранились фрагменты сосудика с небольшими ручками черноквариевой глины. Вещи напоминают находки из других дольменов Северного Кавказа».

Несмотря на неполное и поверхностное описание памятника, мы, так же как и А. А. Формозов [200], считаем возможным отнести основное

[194] *А. И. Иессен.* К хронологии..., стр. 160—161.
[195] ОАК за 1878—1879 гг., стр. VI—VII.
[196] Там же, стр. VII.
[197] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 161.
[198] *Н. А. Захаров.* Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа. СА, III, 1937, стр. 227—228.
[199] Там же, рисунок на стр. 227.
[200] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 67.

погребение с медными (бронзовыми) топорами к майкопской культуре. Что касается браслета, который, кстати, не сохранился, то, вероятно, он происходит из впускного позднего погребения. Многое бы могли прояснить, конечно, «фрагменты сосудика с небольшими ручками», но и они утеряны.

Курган у Ульского аула. На границе хут. Штурбина и аула Ульского Н. И. Веселовский раскопал большой курган, достигавший в высоту 9,60 м.

Открыто два погребения. Первое находилось в верхней части насыпи. При костяке (положение и ориентировка—?) найдены «два медные стержня для копья» [201].

Второе погребение оказалось ограбленным. Могила (2,60×1,42 м) была устроена прямо на материке. Костяк истлел. Он лежал, по описанию Н. И. Веселовского, на спине и был покрыт деревом. В могиле найдены большой фрагментированный глиняный сосуд красного цвета и «костяные» бусы, аналогичные обнаруженным в дольменах у ст. Новосвободной [202].

Этот комплекс А. А. Иессен не мог уверенно отнести ни к ранним, ни к поздним памятникам майкопской культуры [203]. Нам представляется, что он все-таки связан с поздним этапом рассматриваемой культуры: погребение находилось не в яме, а на материке; в кургане найден красноглиняный сосуд больших размеров; наконец, в погребении встречены такие же бусы, как в новосвободненских дольменах.

Курганы у хут. Рассвет Анапского района. В 1961—1963 гг. Ю. С. Крушкол раскопала у хут. Рассвет четыре кургана.

Курган 1 самый большой среди них. Он имел неправильную овальную форму. Размеры его: диаметр по оси запад—восток 50 м, а по оси север—юг — 40 м, высота 3,6 м [204]. В центре кургана на глубине 3 м расчищены два кромлеха в виде каменных колец. Они были сооружены не на уровне древнего горизонта, а на насыпи высотой 0,6 м из песка и гумусированного суглинка.

Внешнее кольцо, сложенное из крупных песчаников и имевшее ширину от 1 до 2 м, достигало в диаметре 19 м. Из камней известняка различных размеров был сложен малый кромлех, имевший неправильную овальную форму (6,50×5,20 м). Высота кладки, состоявшей из нескольких рядов камней, доходила до 1,5—1,7 м.

Внутри малого кромлеха на глубине 2,58 м у северной части кладки обнаружено скопление костей человека, лежавших в беспорядке. В 1 м к юго-востоку от них находился обломок черепа.

Там же обнаружены два глиняных сосуда и костяная муфта. Один сосуд круглодонный красно-оранжевого цвета с округло-яйцевидным кор-

---

[201] ОАК за 1899 г., стр. 41, 42.
[202] Там же, стр. 42.
[203] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 164.
[204] *Ю. С. Крушкол.* Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского Областного Педагогического Института им. Н. К. Крупской. «Ученые записки Московского областного педагогического института», т. CXV, 1963, серия Всеобщая история, вып. 4, стр. 83—85.

пусом и невысокой прямой шейкой [205]. Высота его 37 см, диаметр по краю венчика 13 см, диаметр корпуса 28 см. Другой — темно-серого цвета с округлым корпусом, но с более высокой почти цилиндрической шейкой [206]. Его размеры: высота 34 см, диаметр корпуса 27 см, диаметр по краю венчика 16,5 см. Как отмечает Ю. С. Крушкол, «при снятии фрагментов сосудов под ними... был обнаружен железный втульчатый наконечник копья». На основании этой находки автор относит данный комплекс к эпохе раннего железа [207], что, конечно, крайне ошибочно.

Действительно, обнаруженный там наконечник копья датируется раннежелезным веком. Бесспорно и то, что он попал в данную могилу случайно, скорее всего при ее ограблении. О том, что эта могила была разрушена и ограблена, свидетельствует не только беспорядочное положение останков погребенного в ней, но и отсутствие каменной надмогильной кладки, которая, как это видно и по опубликованному снимку [208], существовала и была, вероятно, выбрана грабителями. Отмеченный же наконечник связан, по всей вероятности, с одним из впускных погребений кургана, которое относится к раннежелезному веку.

Принадлежность основного погребения в кургане 1 к майкопской культуре убедительно доказывается как отдельными деталями обряда захоронения, так и характерной керамикой. Примечательно и то, что и в других курганах основные погребения относятся к майкопской культуре.

Курган 2 имел округлую в плане форму (диаметр 38 м, высота около 3,3 м). Конструкция насыпи такая же, как и в кургане 1. Здесь открыто девять погребений [209]. Основное захоронение находилось в центре под насыпью на специальной площадке — слое песка, перемешанного с землей, толщиной 1 м.

На этой же площадке вокруг погребения были сложены два кромлеха из крупных плит песчаника, поставленных на ребро. Большой кромлех в виде почти правильного круга достигал в диаметре 24,5 м по внешнему краю (при ширине кладки от 2,5 до 4 м); меньший же, имевший в плане овальную форму и состоявший из нескольких рядов камней высотой 1—8,5 м (северо-запад — юго-восток) и 7,5 м (юго-запад—северо-восток).

Погребение находилось в центре малого кольца под каменной кладкой. Кости были разбросаны: череп лежал в 1,20 м от костей таза, бедра и др.

Найдены скопления фрагментов керамики в различных частях могилы. Восстановлены два сосуда [210]. Первый, большой сосуд имеет ша-

---

[205] *Ю. С. Крушкол.* Археологические исследования древней Синдики..., рис. 37.
[206] Там же, рис. 38.
[207] Там же, стр. 95.
[208] Там же, стр. 89, рис. 35.
[209] *Ю. С. Крушкол.* Отчет об археологическом исследовании территории хут. Рассвет Анапского района Краснодарского края в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2491, стр. 2—7.
[210] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Ю. С. Крушкол за то, что она разрешила мне подробно ознакомиться со всеми находками, добытыми в курганах у хут. Рассвет, и пользоваться ее отчетами.

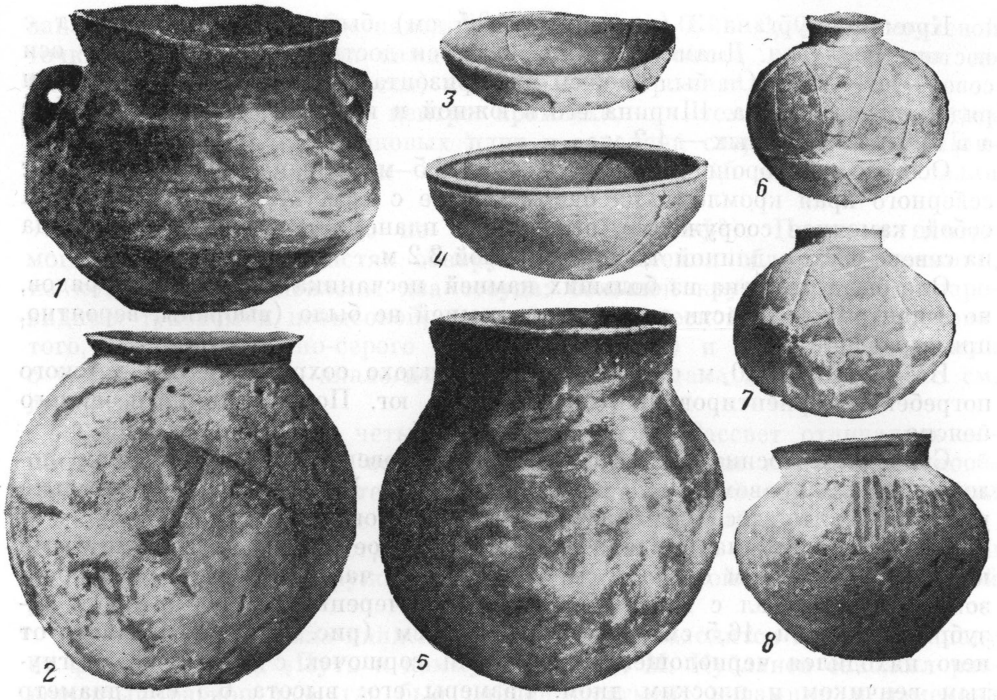

Рис. 58. Глиняные сосуды

1, 2, 5 — хут. Рассвет; *3* — Чегем; *4, 6, 7* — п-ов Фонтан; *8* — Нальчикский музей

ровидно-яйцевидную форму, короткий, резко отогнутый венчик и слегка выделенное дно (рис. 58, *2*). Он изготовлен из светлой глины, лишенной примесей. В двух местах на верхней части сосуда имеется по три небольших сквозных отверстия (диаметр 0,5 см), назначение которых неясно.

Второй сосуд, круглодонный с шаровидным корпусом и плавно отходящим от него почти прямым венчиком, отличается темно-серым цветом и лощеной внешней поверхностью. Высота его 23 см, а диаметр по краю венчика 15 см.

Здесь же, кроме того, обнаружены и обломки красноглиняных сосудов майкопского типа.

И это погребение, бесспорно, относится к майкопской культуре.

Курганы 3 и 4 почти примыкали друг к другу[211], «срослись» и представляли как бы одну насыпь. Они были распаханы. Тот факт, что под распаханной невысокой расплывшейся насыпью «скрывались» два кургана, был доказан открытием там двух кромлехов, отстоявших друг от друга на 2,2 м. Северный кромлех — это курган 3, а южный — 4.

[211] *Ю. С. Крушкол.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе Краснодарского края в 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2780, стр. 2—16.

Кромлех кургана 3 (на глубине 0,5 см) был несколько вытянут с востока на запад. Диаметр его по этой оси достигал 23,5 м, а по оси север—юг—22 м. Он был сложен из горизонтально поставленных в один ряд плит песчаника. Ширина его в южной и юго-восточной частях 2,5 м, а в противоположных — 1,2 м.

Основное захоронение находилось в 6,5 м от западного и 8,0 м от северного края кромлеха, на одном уровне с ним. Могила представляла собой каменное сооружение, овальное в плане, вытянутое с юго-запада на северо-восток, длиной 4,5 м и шириной 3,2 м.

Она была сложена из больших камней песчаника в несколько рядов, но в центральной части сооружения камней не было (выбраны, вероятно, при ограблении).

На глубине 1,20 м открыты останки плохо сохранившегося детского погребения, ориентированного головой на юг. Положение погребенного неясно.

Судя по фотоснимку, погребение было совершено в скорченном положении, на правом боку [212]. Однако Ю. С. Крушкол бездоказательно утверждает, что здесь было расчлененное захоронение [213].

В области черепа найдено золотое височное кольцо с незамкнутыми концами, диаметром около 1 см. В восточной части могилы лежал бронзовый нож-кинжал с нечетко выделенным черенком, края которого зазубрены, длиной 16,5 см и шириной 2,5 см (рис. 4, *1, 4*). Недалеко от него находился чернолощеный округлый горшочек с несколько отогнутым венчиком и плоским дном. Размеры его: высота 6,5 см, диаметр по краю венчика 6 см и диаметр днища 3 см.

В северо-восточной части стояло несколько раздавленных сосудов, в том числе круглодонный темновато-коричневого цвета с шаровидным корпусом и невысокой цилиндрической шейкой (высотой 19 см при диаметре по венчику 12 см); чернолощеный горшок с двумя ручками у места перегиба венчика в корпус (рис. 58, *1*); две черноглиняные (одна из них лощеная) миски с уплощенным дном (в диаметре они одинаковые, 22 см, а высота соответственно 6 и 9 см).

В этом кургане открыты еще остатки разрушенных каменных кладок и погребений. Под одной из таких каменных кладок, в 10 м от западного края кромлеха, найден каменный сосуд из белого известняка с округлым туловом, невысокой слабо выделенной шейкой и плоским дном (высота его 6 см, диаметр по венчику 5,8 см, диаметр днища 6 см).

Под другими кладками обнаружены вместе с человеческими костями и фрагменты керамики, в том числе обломок верхней части сосуда, имевшего округлое тулово и прямой венчик, и округлое днище. По фактуре и другим особенностям эта керамика майкопская. По-видимому, в кургане было несколько погребений этой культуры.

Курган 4 примыкал с южной стороны к кургану 3. Кромлех имел овально-округлую форму. Диаметр его по оси север—юг 19,5 м, а по оси

---

[212] *Ю. С. Крушкол.* Отчет об археологических исследованиях... Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2780а, рис. 8.

[213] Там же, стр. 5.

запад—восток—21 м. Он находился на глубине 0,30—0,50 м от нулевой точки и был сложен из камней песчаника. Высота его доходила до 0,50 м (в юго-восточной части) и до 2 м (в северо-западной).

Могила находилась в центре кромлеха, на том же уровне. Она была сложена из песчаниковых плит и завалена сверху камнями. Длина ее 4,2 м (северо-восток—юго-запад), ширина 3,5 м. Высота кладки 0,50 м.

Останков погребенного не оказалось (кенотаф?). Почти в центре могилы и других ее частях обнаружены скопления обломков керамики, из которых восстановлены два сосуда: большой круглодонный с шаровидным туловом и невысокой, почти цилиндрической шейкой, красноватого, черного и темно-серого цвета (рис. 58, *5*) и сероглиняная миска с уплощенным дном, аналогичная миске из кургана 3 (высота ее 8 см, диаметр 20 см).

Таким образом, все четыре кургана у хут. Рассвет отличались общими конструктивными особенностями и содержали в целом единообразный керамический материал. Принадлежность этой курганной группы к майкопской культуре не вызывает никаких сомнений.

Погребение на полуострове Фонтан. В 1949 г. на полуострове Фонтан М. М. Кубланов обнаружил комплекс характерной позднемайкопской керамики [214].

Местность, где была найдена эта керамика, находится в 2 км к западу от фермы колхоза «Путь к коммунизму». М. М. Кубланов заложил разведочный раскоп там, где был найден фрагмент керамики и замечена заметная приподнятость почвы (распаханный курган?).

На глубине 0,4 м была выявлена каменная кладка толщиной 0,5—0,6 м и длиной от 2,35 до 3,6 м. Камни лежали в несколько рядов, но в беспорядке. У самого края этой каменной кладки найдена груболепная глиняная чаша с округленным дном (высота ее 32 см, диаметр по краю венчика 26 см), выше которой на 20 см отмечены две истлевшие кости человека.

К востоку от них обнаружены два раздавленных сосуда с шаровидным корпусом и прямой невысокой шейкой из хорошо отмученной охристой глины с мельчайшими включениями слюды. Один из них достигает в высоту 34 см при диаметре 40 см (рис. 58, *7*), а второй соответственной 39 см и 46 см (рис. 58, *6*).

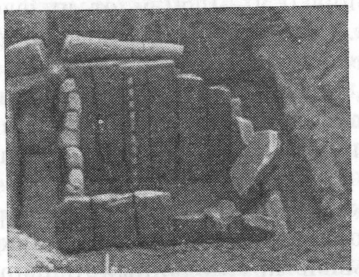
На слабо выраженном днище первого сосуда имеется углубление в виде ямки.

Еще один сосуд в виде большой залощенной миски с округлым дном найден недалеко от последних двух. Высота ее 16 см, диаметр по краю венчика 41 см (рис. 58, *4*).

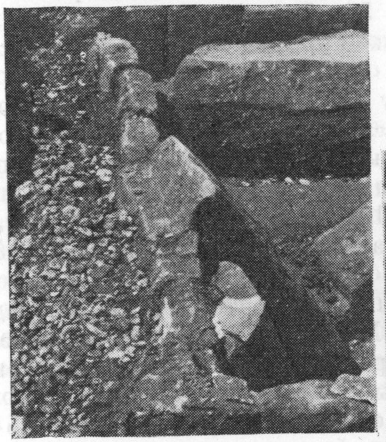
Существенно, что и между этими тремя сосудами найдена истлевшая кость человека. Учитывая присутствие костей человека, каменной кладки (остатки могильного сооружения) и описанной керамики, можно предполагать, что здесь было разрушенное подкурганное захоронение.

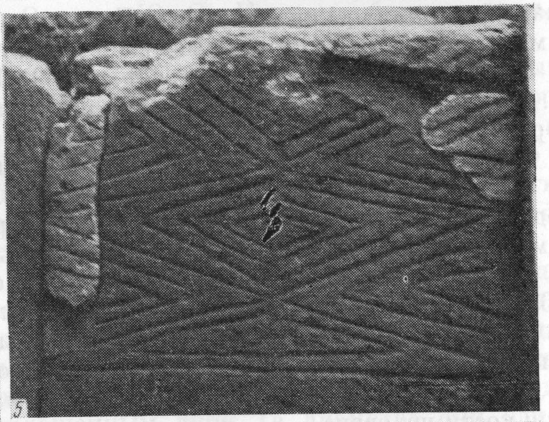
---

[214] *М. М. Кубланов.* К истории азиатского Боспора (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан). СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 203—226.

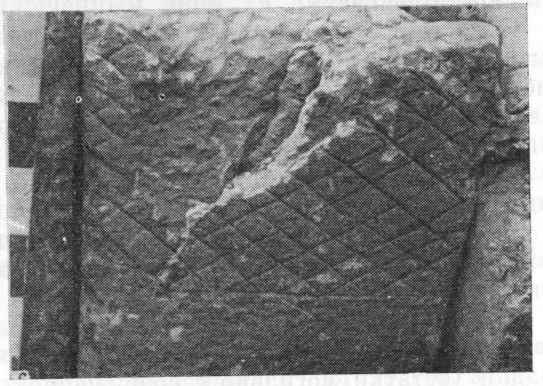

Рис. 59. Нальчикская гробница (1—6)

Оно, судя по керамике, относится к поздней группе памятников майкопской культуры [215].

Курган 5 в Кепах. У пос. Сенной Темрюкского района Краснодарского края раскопано шесть курганов. Один из них — курган 5 — содержал погребение майкопской культуры. Он находился в группе курганов, расположенной у восточного края Таманского пескокарьера, на невысокой узкой гряде [216]. Курган достигал в диаметре 11—12 м, а в высоту 1,5 м. Насыпь кургана состояла из слоя камней, занимавшего площадь примерно 5×5 м. Максимальная толщина этой каменной кладки 1 м.

В кургане открыто четыре погребения, в том числе три — эпохи бронзы. Древнейшим из них является погребение 3. Оно находилось под каменной насыпью, в центре кургана, на глубине 2,08 м от его вершины. Основание каменного курганчика лежало на уровне древнего горизонта. В материковом слое на глубине 0,68 м от уровня древнего горизонта обнаружены истлевшие останки погребения. Сохранились лишь кости одной ноги, часть таза, локтевая кость и обломок нижней челюсти. Судя по их положению, погребение было совершено в скорченном положении, на правом боку, с сильно подогнутыми ногами, головой на юго-юго-восток [217].

У костей отмечены кусочки красно-бурой краски, а в 0,70 м от бедренных костей находился сероглиняный залощенный горшок (рис. 40, *7*). Именно на основании этого горшка Н. И. Сокольский справедливо отнес данный комплекс к майкопской культуре [218].

Курган в с. Красногвардейском. В 1967 г. на ул. Мира в с. Красногвардейском Краснодарского края Н. В. Анфимовым был раскопан курган. К сожалению, мы до сих пор не располагаем сведениями о размерах и характере курганной насыпи, о количестве открытых там погребений и т. д. Нам известно только, что в погребении 2 этого кургана обнаружен типичный для позднемайкопских погребений металлический инвентарь [219]. Он включал четыре бронзовых предмета [220]: два ножа (рис. 56, *8, 10*), тесло-топор (рис. 50, *5*) и миниатюрное долотце.

Несомненно, что это погребение относится к майкопской культуре.

Погребение в каменном ящике на поселении Скала. В 1960 г. А. А. Формозовым на стоянке майкопской культуры Скала близ пос. Каменномостского, на левом берегу р. Белой, был открыт частично размытый камен-

---

[215] *М. М. Кубланов.* Указ. соч., стр. 220. См. также: *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 66.

[216] *Н. И. Сокольский.* Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2524, стр. 28, 35—41.

[217] *Н. И. Сокольский.* Раскопки в Кепах в 1962 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 115.

[218] Там же.

[219] С этим комплексом, хранящимся в Краснодарском музее под № 3847, меня любезно ознакомил Н. В. Анфимов, разрешив мне использовать его в своей работе, за что приношу ему благодарность.

[220] В лаборатории ИА АН СССР эти предметы были подвергнуты Е. Н. Черных спектральному анализу. Они оказались изготовленными из медно-мышьяковистой бронзы, причем один нож содержал в сплаве 3,5% мышьяка, а второй — 2%, тесло-топор — также 2%, а долотце всего 0,8%.

ный ящик, в котором находились останки погребения [221]. Ящик был сложен из необработанных плит камня и ориентирован с юго-востока на северо-запад. Его перекрытие состояло из таких же необработанных плиток песчаника. Судя по сохранившимся в углах ящика прослойкам зеленовато-желтой глины, предполагается, что щели ящика были замазаны глиной [222]. Размеры ящика: длина 1,65 м, ширина по дну 0,85 м и глубина 0,50 м [223].

Погребенный находился на дне ящика в сильно скорченном состоянии, на правом боку, головой на юго-восток [224]; руки его были подогнуты в локтях и подтянуты к лицу.

Погребальный инвентарь состоял из глиняного круглодонного сосуда с невысоким отогнутым наружу венчиком, светло-сероватого цвета, высотой 11,5 см.

Судя по обряду захоронения и форме горшка, это погребение обоснованно включено А. А. Формозовым в круг памятников майкопской культуры. Он считает, кстати, что оно было совершено вскоре после прекращения жизни на поселении.

Курган в г. Нальчике. Раскопан в 1968—1969 гг. Курган находился в юго-западной части города, на ул. Мечникова. Он был значительно разрушен при застройке этой улицы. В частности, еще до начала раскопок вся северо-западная часть насыпи была снесена почти до самого основания [225]. Поэтому установить точные размеры курганной насыпи не удалось. Она имела округлую в плане форму при диаметре не менее 100 м (диаметр по оси северо-северо-восток—юго-юго-запад 103 м), а высота ее достигала в среднем 8 м (первоначально, по-видимому, высота была около 10 м) [226].

Насыпь состояла из плотного светло-желтого материкового суглинка [227], в котором отмечены как обломки красно-охристой керамики, так и кости животных и другие предметы [228].

---

[221] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 65—66.

[222] *А. А. Формозов.* Отчет об археологических исследованиях 1960 г. в Краснодарском крае РСФСР. Архив ИА АН СССР, № 2079, стр. 20.

[223] Там же, стр. 20.

[224] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 66, рис. 28; *он же.* Отчет об археологических исследованиях..., стр. 20.

[225] Это произошло в 1966 г. Как раз тогда же здесь были обнаружены несколько каменных плит прямоугольной формы, в том числе часть антропоморфной стелы, большой кованый медный котел и красноглиняный сосуд. См.: *Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов.* Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике. КСИА, вып. 115, стр. 54—57.

[226] Сведения о данном памятнике получены в результате разведочного обследования нами кургана в 1968 г., а главным образом взяты из работ: *И. М. Чеченов.* Гробница майкопского периода в Кабардино-Балкарии. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 97—99; *он же.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. СА, 1970, № 2, стр. 109—124; *он же.* Нальчикская подкурганная гробница.

[227] В процессе раскопок кургана были сделаны некоторые наблюдения, которые позволили И. М. Чеченову высказать предположение о том, что этот курган, возможно, насыпан в два приема. Отметим также, что в насыпи прослежен участок со следами древней грабительской ямы.

[228] Мы уже отметили подробно культурные остатки, найденные в насыпи этого кур-

В кургане открыта одна могила в виде огромной каменной гробницы. Она находилась в 15—17 м от предполагаемого центра кургана, на уровне древнего горизонта[229]. Гробница покоилась на специальной площадке, хорошо утрамбованной и выложенной слоем галечника. Наиболее значительная концентрация галечника отмечена вдоль юго-восточной стены у южного угла камеры — здесь ширина галечной прослойки доходила до 1,70 м при толщине ее 20—25 см[230]. К сожалению, вся северо-западная часть могилы оказалась разрушенной.

Гробница представляла собой прямоугольную в плане камеру, ориентированную по оси северо-восток — юго-запад (рис. 59, *1*, *2*). Она была сложена из 24 вертикально поставленных каменных (туфовых) плит и перекрыта сверху шестью аналогичными плитами[231]. Размеры гробницы: длина (северо-восток — юго-запад) 3,13 м, ширина 2,34 м и высота 1,05—1,10 м. Для укрепления стен гробница была обложена с внешней стороны двумя-тремя рядами речных булыжников, а с внутренней — слоем утрамбованной глины толщиной до 0,65 м. Пол частично, а стены и потолок целиком были окрашены в красный цвет.

В гробнице открыты останки двух погребенных. Они находились в юго-западной части камеры, вдоль стены гробницы, близко друг от друга[232]. Погребения были совершены в скорченном положении, на боку, головой на юго-восток, причем один из погребенных был положен на правый

гана при его раскопках, и указали на их происхождение. Курган был насыпан, как установлено, на окраине древнего поселения.

229 *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 111.

230 Там же, стр. 113.

231 *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница, рис. 13; стр. 64, табл. I. Плиты, из которых сложены стены камеры, различны по размерам: длина их колеблется от 1,67 до 2,27 м, ширина от 0,36 до 0,75 м и толщина от 0,15 до 0,31 м. Основания небольших плит совпадают с уровнем древнего горизонта, а крупные углублены в материковый слой иногда на 0,50 м. Что же касается плит, составляющих плоское перекрытие, то они имели такие размеры: длина от 3,50 до 4,20 м, ширина 0,50—0,70 м и толщина 0,15—0,33 м. Некоторые плиты в поперечном сечении имеют прямоугольную форму, а другие — с лицевой стороны плоские, а с оборотной округлые. Они все тщательно обработаны и плоской стороной обращены внутрь гробницы. Среди них имеются четыре антропоморфные стелы в виде примитивных изваяний (рис. 59, *4*). Две из них составляли плиты перекрытия, третья находилась в стенке у северного угла, а четвертая была установлена в юго-западной стене гробницы. Пять стел, в том числе три антропоморфные, украшены гравированным рисунком (рис. 59, *3*, *5*, *6*). Бесспорно, что все эти плиты и в особенности представляющие антропоморфные изваяния вторично использованы здесь для сооружения гробницы. Откуда они взяты,— сказать трудно. Установлено, что некоторые из них где-то были вертикально поставлены — нижняя часть их была вкопана в землю. Возможно, предполагает А. А. Формозов, по соседству находилось другое, более древнее кладбище, где на каждом кургане стоял такой каменный памятник. По его мнению, не менее вероятна и иная картина: стелы стояли в святилище, откуда после утраты их былой роли брали камни для сооружения склепов. См.: *А. А. Формозов.* Нальчикский курган. ВИ, 1973, № 12, стр. 209—213.

232 Из-за плохой сохранности костяков определить пол погребенных не удалось. И. М. Чеченов предполагает, что останки одного из них принадлежат невысокой женщине или подростку. См.: *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 118.

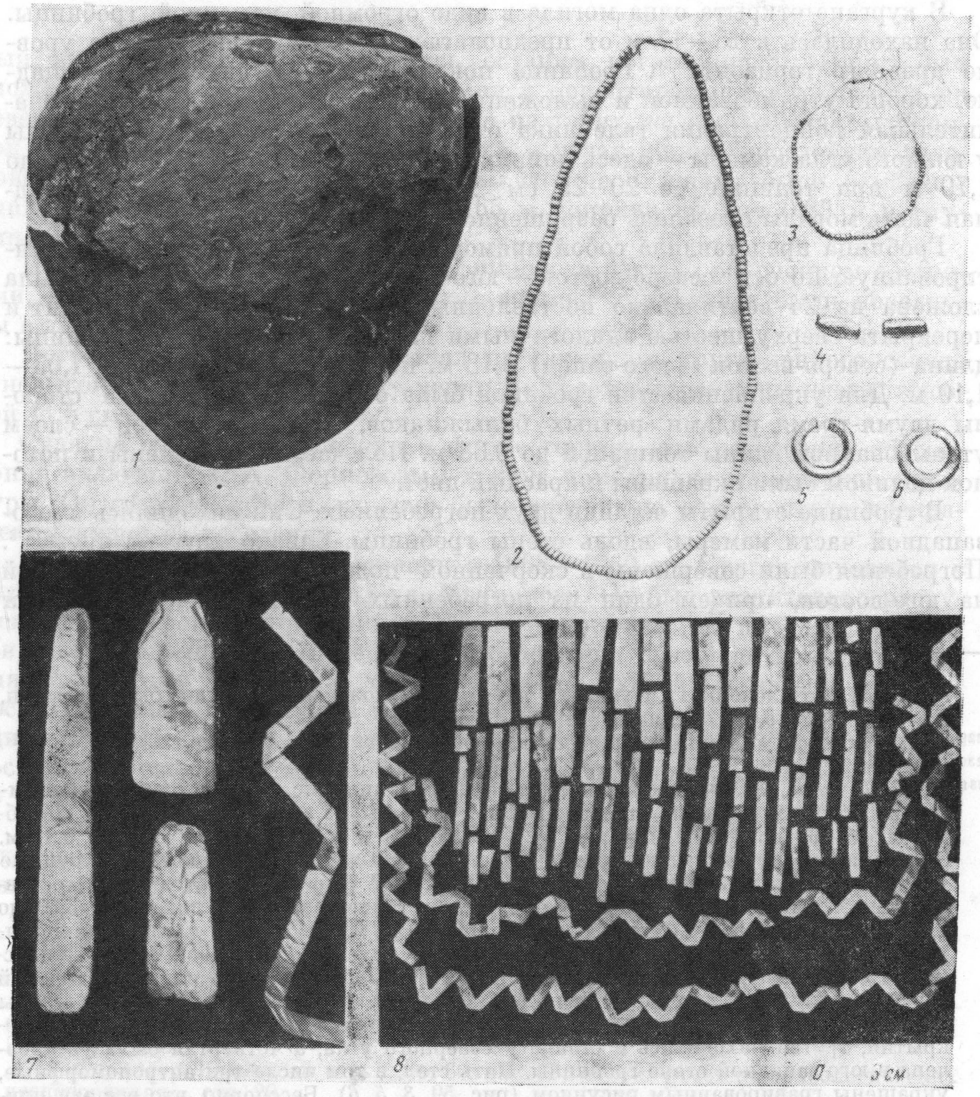

Рис. 60. Нальчикская гробница. Бронзовый котел и золотые украшения

бок, а другой — на левый, т. е. лицом друг к другу. Умершие, особенно их головы, были густо посыпаны краской охрой [233].

Богат и разнообразен обнаруженный в гробнице инвентарь [234]. В области черепных костей одного из погребенных лежали два массивных золотых кольца, круглых в сечении, с незамкнутыми концами (рис. 60, *5*, *6*),

[233] *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 118.
[234] Там же, стр. 118—120.

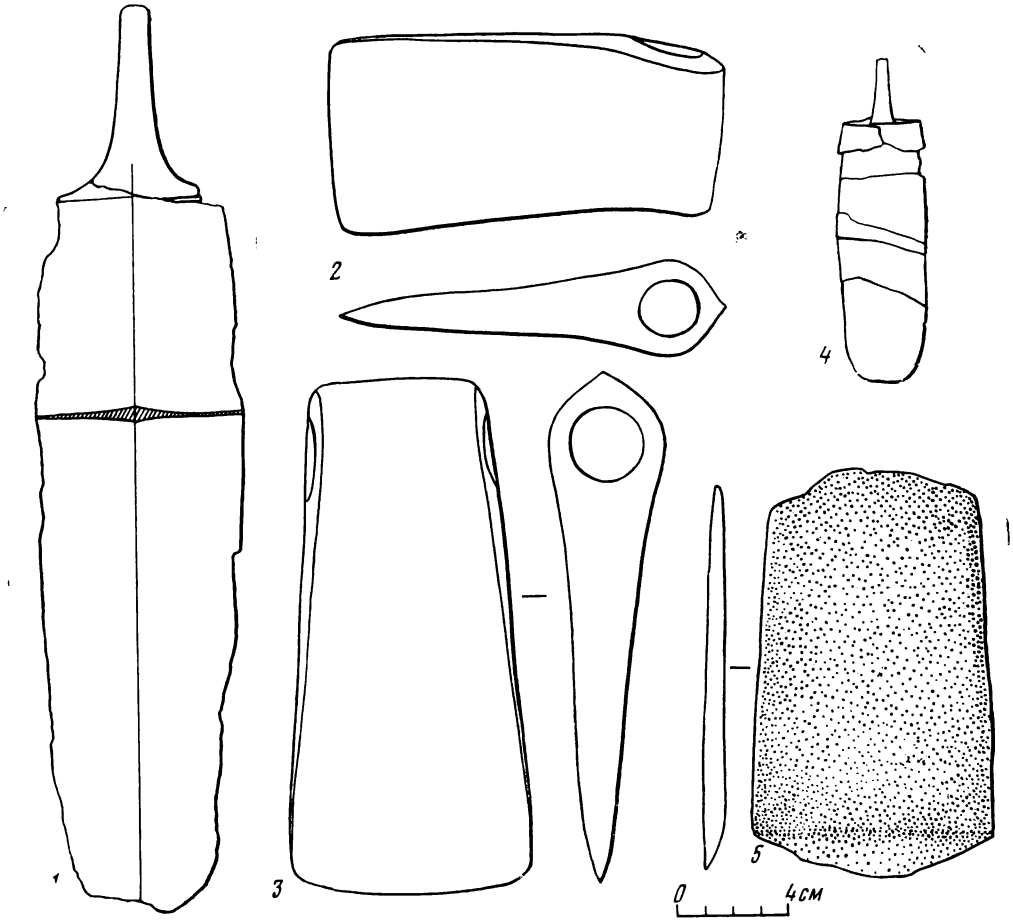

Рис. 61. Нальчикская гробница. Бронзовые кинжал и топоры и серебряный нож (1—5)

рядом с которыми найдены две биконические золотые бусины с узором в виде насечек (рис. 60, *4*). У груди и запястья найдены 263 мелкие золотые бусинки (рис. 60, *2*, *3*). Три тонкие золотые пластинки удлиненно-листовидной формы (рис. 60, *7*) лежали на бедренных костях. В области пояса находилась свернутая в спираль тонкая фольговидная золотая лента длиной 8 см и шириной 1 см, а рядом с ней — конусовидный наконечник из подобной же пластинки[235].

Вдоль юго-восточной стены гробницы, где находились останки другого захоронения, лежали две свернутые из тончайшей золотой ленты спирали:

[235] По предположению И. М. Чеченова, золотые лента и наконечник украшали несохранившуюся деревянную трость-посох. См.: *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 119.

одна — длиной 50 см, а другая — 100 см (рис. 60, *8*), которыми, возможно, были обмотаны деревянные прутья [236].

Центральная часть гробницы была буквально усеяна тонкими золотыми пластинками длиной от 2 до 12 см и шириной от 0,4 до 1,7 см (рис. 60, *8*) [237].

К северо-востоку от погребенных лежало несколько предметов: золотая пластинчатая обкладка ножен, костяная проколка, два отполированных обломка клыка кабана и круглая в сечении костяная стрела с втульчатым наконечником, свернутым из золотой пластинки.

Аналогичный наконечник найден еще в 0,95 м к востоку от останков второго погребенного [238].

Еще более интересные предметы найдены у северо-западной стены гробницы: четыре золотые фольговидные пластинки, обломки серебряного небольшого плоского двулезвийного ножа-кинжала (рис. 61, *4*) и массивный бронзовый кинжал с четко выраженным ребром посредине (рис. 61, *1*); оба кинжала черенковые, перекрестия их окольцованы золотыми пластинками. Два (бронзовое и серебряное) четырехгранных шила лежали в восточном углу гробницы. На черенке каждого из них находились по две золотые пластинки длиной 7 и 7,2 см и шириной 1,6 и 1,5 см, на которые были наложены другие пластинки меньшего размера из светло-серого металла, прикрепленные к деревянной основе миниатюрными гвоздиками из такого же сплава [239]. Еще одно бронзовое четырехгранное шило найдено вне камеры, напротив упомянутых двух шильев, на галечной вымостке.

У северного угла гробницы находились медный котел (рис. 60, *1*) и красноглиняный сосуд в обломках, извлеченные оттуда в 1966 г. при разрушении кургана [240]. Медный котел стоял на циновке, остатки и отпечатки которой прослежены как на котле, так и на полу могилы. Там же найдены обломки еще одного сосуда (?) из листовой меди [241] и ряд бронзовых предметов: плоское тесловидное орудие (рис. 61, *5*), круглое в сечении желобчатое долотовидное орудие (рис. 49, *1*) и массивный проушный топор с хорошо прокованным лезвием (рис. 61, *3*). Аналогич-

---

[236] *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 119.

[237] Во взаиморасположении и распределении этих пластинок никакой закономерности не прослежено, если не считать того, что в 20—30 см к северо-востоку от второго погребенного их найдено особенно много. И. М. Чеченов предполагает, что они украшали матерчатую основу какого-то шатрообразного сооружения, поддерживаемого деревянными прутьями. См.: *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 119—1207.

[238] *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 120.

[239] Там же.

[240] Котел был обернут в несколько слоев тонкой льняной тканью. Внутри, на дне котла, кроме того, прослежены остатки и отпечатки плетеной циновки из волокнистого растения. Ср.: *Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов.* Указ. соч., стр. 55—56.

[241] *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике, стр. 121. Отметим здесь же, что уже опубликованы результаты спектрального анализа металлических предметов из гробницы, проведенного Е. Н. Черных. Обращает внимание, что бóльшая часть их относится к высоконикелевой группе металла майкопской культуры. См.: *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница. Приложение, табл. 3.

ный топор, но несколько меньшего размера (рис. 61, *2*), находился в 1,5 м к югу от первого. Втулка этого топора была прикрыта золотой пластинкой сферической формы, а место соединения с туловищем окольцовано золотой пластинкой.

В гробнице обнаружено также несколько кремневых предметов и отщепов и один обсидиановый наконечник стрелы с выемчатым основанием и пильчатой ретушью по краям. Последние, так же как кремневый наконечник дротика, четыре кремневые ножевидные пластины и обломок точила, или лощила, лежали к юго-востоку от северного угла камеры. У северо-западной стены и в средней части гробницы найдены еще несколько кремневых предметов: проколка, скребки и отщепы.

Такого богатого погребального комплекса бронзового века не было открыто на Северном Кавказе после раскопок Н. И. Веселовским Майкопского и Новосвободненских курганов.

Курган у с. Лескен. На северо-восточной окраине с. Лескен (Кабардино-Балкарская АССР) находилась группа курганов. В 1947 г. здесь, в 0,5 км от с. Лескен, раскопан один курган диаметром 20 м и высотой 1,4 м[242]. Центральная часть его диаметром около 8 м сложена из булыжников. В кургане открыто несколько погребений, древнейшее из которых относится к майкопской культуре.

Могила неправильной округло-овальной формы (2,6×1,9 м) находилась под насыпью, ближе к центру кургана. В яме на глубине 1,75—1,8 м был погребен мужчина в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад-запад. Ноги его подогнуты в коленях, а руки вытянуты вдоль туловища. Костяк был густо посыпан красной охрой. Под черепом, в области груди и таза отмечены угольки.

В ногах стоял характерный сосуд красно-охристого цвета (рис. 62, *1*). Рядом с ним найдены семь кремневых вкладышей серпа, проколка и обломок наконечника стрелы с прямым основанием и до 20 осколков цветного кремня и яшмы. Еще три обломка кремня лежали у ступней ног[243].

Е. И. Крупнов правильно отнес это погребение к майкопской культуре — правда, без определения его относительного хронологического положения в ряду других памятников этой культуры[244].

Курган близ г. Докшукино. В 1954 г. в 3 км к югу от г. Докшукино (Кабардино-Балкарская АССР) был разрушен курган. Из публикации П. Г. Акритаса удается почерпнуть следующую информацию[245].

В кургане, размеры которого не сообщаются, открыты два костяка — мужской и женский. Они находились в могиле на глубине 3,3 м под булыжной кладкой. К сожалению, неясно, где была устроена могила,— на уровне древнего горизонта или в материковом слое, и что она собой

---

[242] *Е. И. Крупнов.* Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. IV. Нальчик, 1948, стр. 281—289.

[243] Там же, стр. 284, рис. 2.

[244] Там же, стр. 289.

[245] *П. Г. Акритас.* Археологические работы в Кабарде в 1954 г. «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. X. Нальчик, 1955, стр. 32—37.

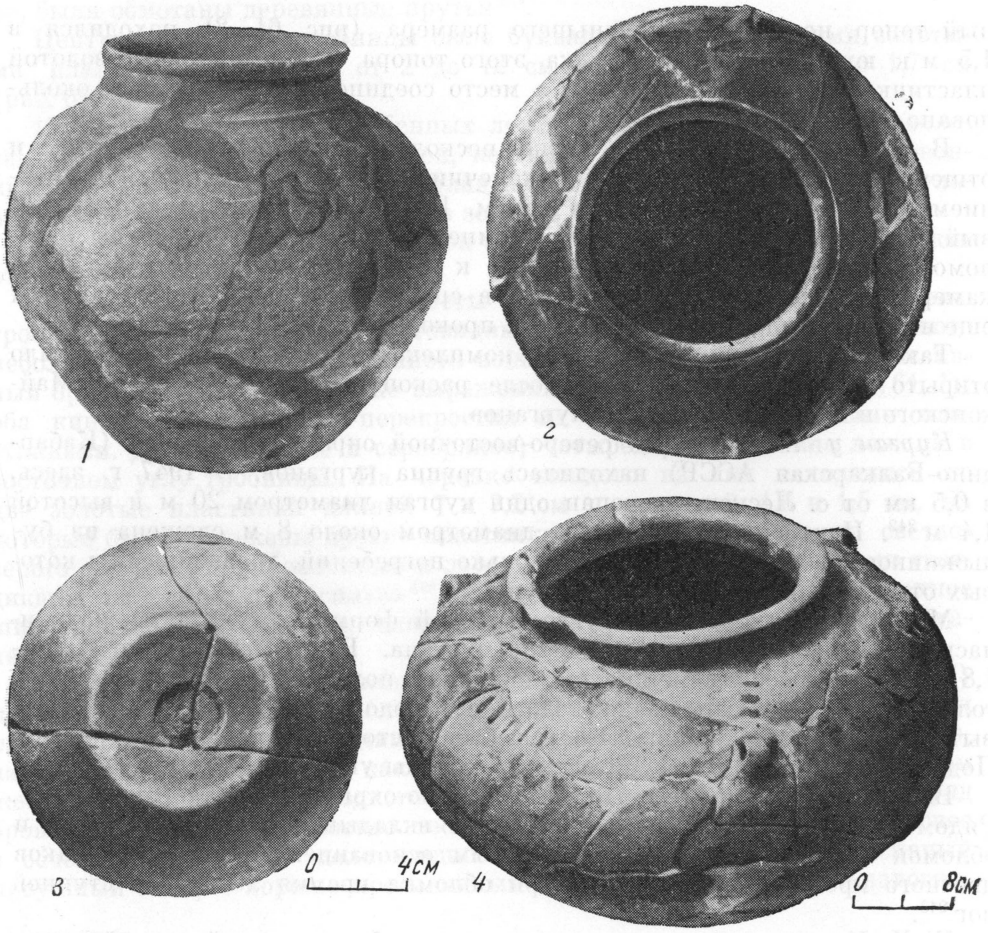

Рис. 62. Керамика майкопской культуры
1 — Лескен; *2—4* — Бамут

представляла. По словам рабочих, в могиле якобы найдены две миски, три кувшинчика и одна миниатюрная чашечка, из которых в Нальчикский музей попали одна целая миска, половинка второй миски и чашечка. Кроме того, в музей доставлен и сильно окрашенный в красный цвет череп из этого кургана.

Миски круглодонные [246]. Первая сделана из хорошо отмученной глины, лишенной примесей. Поверхность ее сглажена, бледно-красного цвета. Высота 6,9 см, диаметр по краю венчика 18,5 см. Вторая миска темно-серого цвета, покрыта тонким слоем ангоба из чистой глины (высота 7,1 см, диаметр по краю 15,5 см). Миниатюрная же чашечка (высота

[246] *П. Г. Акритас.* Указ. соч., стр. 36, рис. 4.

5,5 см, диаметр днища 3,5 см) сделана из хорошо отмученной глины и имеет темно-серый цвет.

Описанная керамика уверенно связывается с майкопской культурой. Учитывая это обстоятельство, а также наличие в курганной насыпи булыжной кладки, а в могиле — окрашенного красной охрой черепа, можно считать, что и этот курган содержал погребение майкопской культуры, причем относящееся к позднему этапу ее развития.

Курган в пос. Горячеводск у г. Пятигорска. В 1968 г. на территории больницы Пятигорска был доследован останец кургана, в котором еще в 1956 г. Н. М. Егоровым было открыто несколько разновременных впускных погребений. Это был большой курган диаметром 60 м при высоте 12 м[247]. Он имел наброску из булыжников и содержал кромлех[248].

Г. Я. Симакин открыл здесь еще два погребения, одно из которых оказалось основным захоронением. Оно находилось под насыпью кургана. Над погребением был сооружен каменный курганчик диаметром 12 м и высотой 1 м. Могила, вырытая в галечном слое, имела четырехугольную форму и отличалась большими размерами (4,85×5,60×1,0 м). Она была перекрыта деревом, а дно ее выстлано камышом и густо посыпано красной охрой. Костяк был разбросан по дну могилы. В ней найдены обломки от восьми крупных (высотой от 25 до 60 см) сосудов. Они имеют слегка отогнутый наружу венчик, четко отделенный от тулова. Часть сосудов круглодонная. Поверхность их покрыта ангобом (цвет—?). Некоторые из них украшены резными пересекающимися линиями, а на одном — орнамент из заштрихованных треугольников[249]. Г. Я. Симакин сравнивает эти сосуды с керамикой Долинского поселения и Соломенки и справедливо относит данное погребение к майкопской культуре. Мы датируем его поздним этапом этой культуры[250].

Курганы в бассейне Чегема. В 1972 г. в связи с осуществлением крупных ирригационных работ экспедиция Кабардино-Балкарского НИИ начала раскопки курганов в Чегемском и Баксанском районах.

У селений Чегем I, Чегем II и Кишпек раскопано в 1972—1973 гг. 86 курганов, в том числе 69 — эпохи бронзы. В последних открыто, видимо, не менее 15 погребений майкопской культуры. Авторы раскопок подчеркивают, что всего непотревоженных майкопских захоронений раскопано 11[251].

---

[247] *Г. Я. Симакин.* Тезисы доклада «Раскопки кургана бронзового века и разведки аланского поселения на Пятигорье в 1968 г.», прочитанного на секции Пленума ИА АН СССР в 1969 г. в г. Ленинграде.

[248] *А. П. Рунич, А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 71.

[249] К сожалению, этот материал не опубликован до сих пор. См.: *А. П. Рунич, А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 71.

[250] В своей сводке А. А. Иессен отмечает большой курган в ст. Горячеводская у г. Пятигорска, т. е. в том пункте, где в 1930 г. при полухищнических раскопках были находки, относимые им к ранней группе майкопских памятников (см.: *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 163). Ни эти находки, ни условия, при которых они обнаружены, им не описаны, и сведения о них получить где-либо нам не удалось. Отмеченные находки, видимо, пропали во время войны.

[251] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, стр. 3, 5. Кроме того, в 1974 г. в зоне Чегемской оросительной системы раскопано еще около 20 погребений майкопской

Курган 1 у с. Чегем I округлой формы, диаметром 40 м при высоте 4,3 м. В основании насыпи был кромлех шириной от 4 до 6 м, а от края к вершине шла каменная кладка [252]. В центре кургана под насыпью находилась могильная яма прямоугольной формы (длина по оси запад — восток 2,45 м, ширина 2 м, глубина 1 м). Прослежены остатки деревянного перекрытия.

Дно ямы было выложено плоской галькой. Умерший лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на запад (рис. 63). Костяк и инвентарь густо посыпаны красной охрой.

В области черепа находились миски и горшок [253], кости мелкого рогатого скота, каменный сверленый и отшлифованный топор клювовидной формы (рис. 64, *16*), массивное золотое кольцо (рис. 64, *12*) и два кремневых наконечника стрелы с асимметричным основанием (рис. 64, *1*). В ногах стояли три больших сосуда характерных форм [254]. Там же найдены бронзовый топор-тесло (рис. 50, *15*), два ножа-кинжала, на одном из которых два параллельных ребра, точильный камень и бронзовое четырехгранное шило.

В кургане 5 (диаметр 40 м, высота 4,6 м), также содержавшем кромлех, открыты два майкопских погребения (2 и 3). Сохранность первого плохая. Можно предполагать, что умерший был положен головой на северо-запад [255]. У черепных костей находился шаровидный красно-оранжевый сосуд с «вдавленными широкими концентрическими полукругами по четырем сторонам тулова» (рис. 64, *21*), а у таза — два бронзовых ножа-кинжала с двумя продольными ребрами и каменный клювовидный топор (рис. 64, *17*).

Форма могилы 3 не установлена. В насыпи на глубине 1,9 м под камнями расчищены останки детского костяка в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Отмечена красная охра.

В погребении найдены золотые предметы [256]: серьга с подвесным красным камнем (сердолик—?), перехваченным тонкой золотой пластинкой (рис. 64, *22*), плоская игла с ушком, массивная шестигранная бусина биконической формы (рис. 64, *23*) и бочонковидная дутая бусина с рифленой поверхностью (рис. 64, *11*). Они находились в области черепа и груди.

Недалеко от костей ног обнаружены большой шаровидный залощенный сосуд кирпичного цвета, круглое бронзовое блюдце, бронзовый ножкинжал и обломок бронзового котла с заклепками, а также остатки челюсти крупного животного [257].

культуры (см.: *Р. Ж. Бетрозов.* Раскопки курганов эпохи бронзы у с. Чегем I. «АО 1974 г.». М., 1975, стр. 98. Таким образом, наибольшее количество исследованных погребальных комплексов майкопской культуры происходит в настоящее время с территории Кабардино-Балкарии.

[252] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч.

[253] Там же, рис. 7, *5, 17*.

[254] Там же, рис. 7, *1, 3, 4*.

[255] Там же, стр. 7.

[256] Там же, стр. 8, 12; рис. 9, *1, 2, 10, 11*.

[257] Там же, стр. 12.

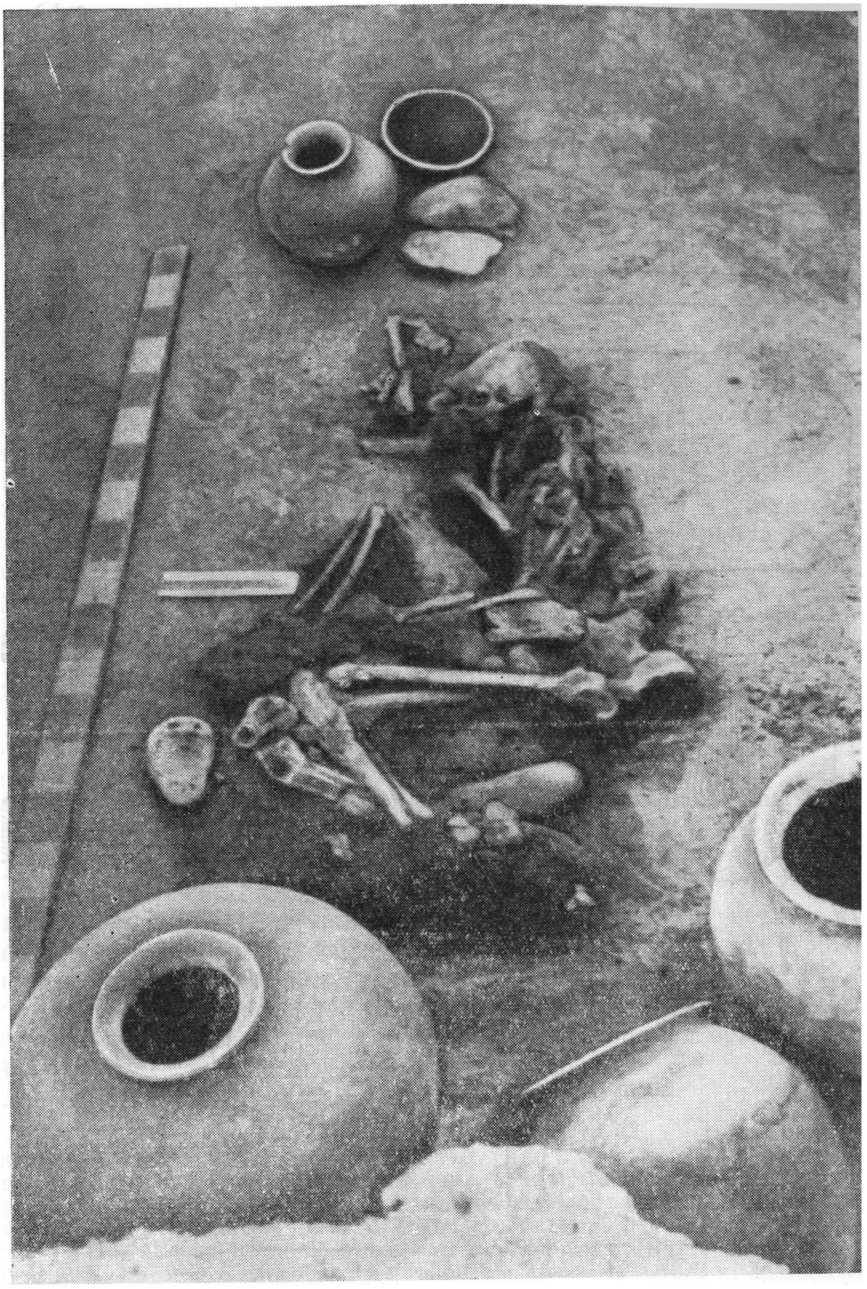

Рис. 63. Чегем I. Основное погребение кургана 1

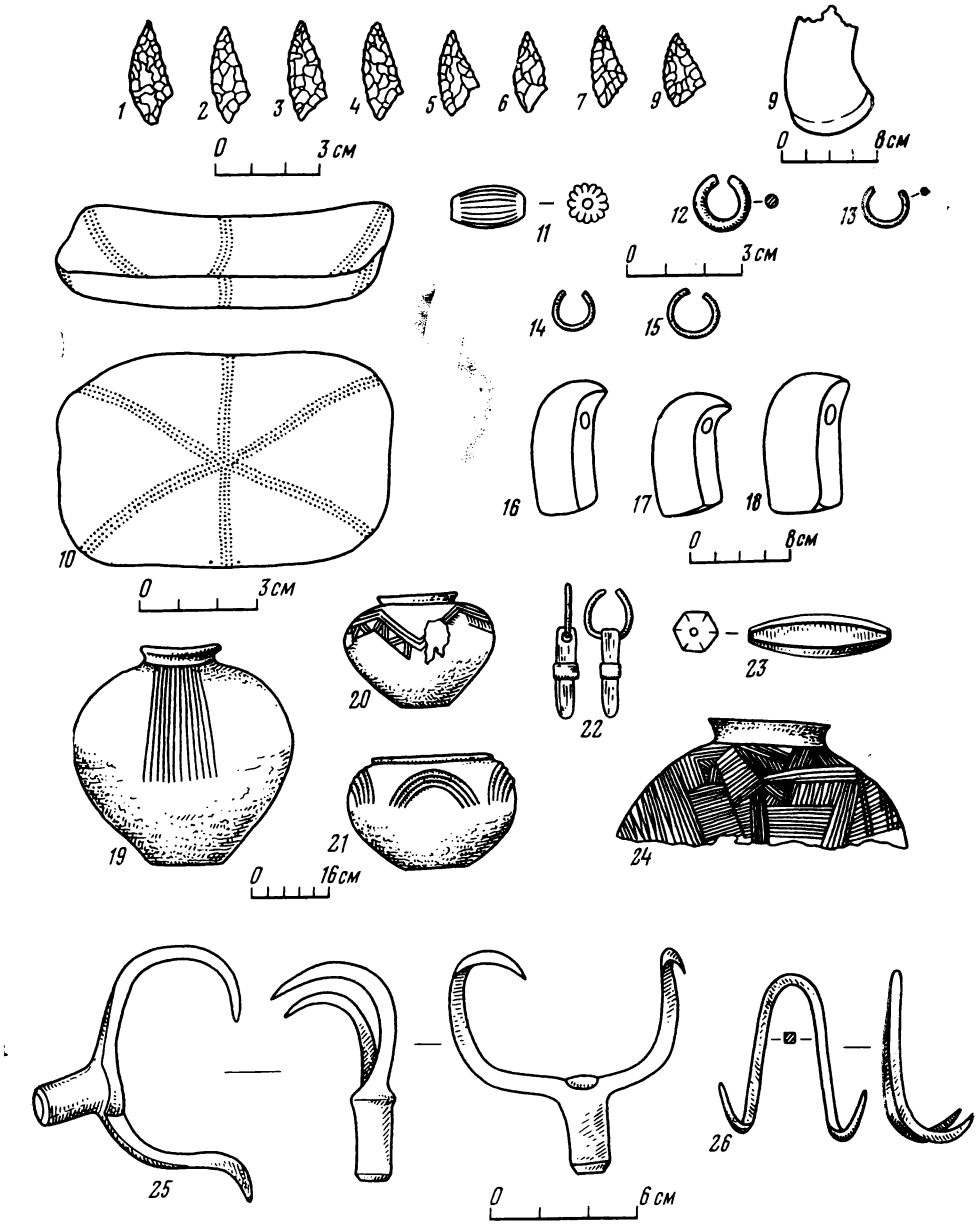

Рис. 64. Курганы у селений Чегем I—II и Кишпек. Вещи из погребений (1—26)

И в кургане 29 (диаметр 21 м, высота 3,5 м) открыто каменное кольцо-кромлех. Могила находилась в центре кургана под скоплением камней; она имела прямоугольную форму (2×1, 8×0,8 м) и была ориентирована по оси северо-восток—юго-запад [258].

Умерший лежал на правом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Предметы инвентаря лежали в основном в области черепа. Там найдены бронзовый нож-кинжал с двумя продольными гранями (рис. 56, *7*) и четырехгранное шило, три прямоугольные пластинки из золотой фольги и глиняная миска. В ногах лежал красноглиняный шаровидный сосуд характерной формы, украшенный по тулову вдавленным криволинейным орнаментом (рис. 64, *20*) [259].

У с. Чегем II погребения майкопской культуры открыты в шести курганах (1, 2, 3, 18, 21 и 27) [260]. Все отмеченные курганы имели в основании широкие каменные кромлехи. Центральная часть насыпи (в диаметре около 5 м) во всех случаях была сооружена от основания до вершины из булыжников [261]. Могилы представляли собой большие прямоугольные (4,2×2,5 м; 4,8×3,3 м; 2,5×1,8 м и т. д.) ямы с округленными углами, а в некоторых случаях (курган 18) имели овальную форму. Глубина ям в курганах 1, 2, 3 и 18 от 1,1 до 1,6 м, а в остальных — от 0,4 до 0,9 м. В кургане 21, где открыто два майкопских погребения, и в кургане 27 могилы сравнительно невелики по размерам (2×1,65 м; 2,5×1,8 м и 2,8×2 м).

В четырех могилах (курганы 2, 21 и 27) дно было выложено галькой. Во всех случаях ямы завалены булыжником.

Погребения совершены в скорченном положении на правом боку, головой на юг и юго-запад.

В одной могиле (курган 18) открыты останки двух погребенных: один костяк лежал в западной ее половине, а другой (детский) — в юго-восточном углу.

В курганах отмечена обильная посыпка погребений красной охрой.

Все погребения содержали инвентарь. В ограбленном погребении кургана 1 найдены миниатюрный обсидиановый наконечник стрелы и обломки красноглиняного залощенного сосуда [262].

В кургане 2 обнаружены обломки красно-коричневого сосуда, золотое несомкнутое кольцо (рис. 64, *14*) и бронзовый нож-кинжал обычной формы длиной 15,5 см [263].

---

[258] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., стр. 12.

[259] Там же, рис. 7, 8.

[260] Опубликованы сведения лишь о тех курганах, в которых погребения майкопской культуры не были разрушены. В частности, опубликованы материалы из курганов 2, 21 и 27 у с. Чегем II (см.: *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., стр. 12—16). Сведения же об остальных курганах у с. Чегем мы почерпнули из отчета А. Х. Нагоева о раскопках курганов у с. Чегем II в 1972 г., хранящегося в Архиве ИА АН СССР, Р-1. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность И. М. Мизиеву, Р. Ж. Бетрозову и А. Х. Нагоеву, любезно предоставившим мне свои материалы для использования в данной работе.

[261] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., рис. 10; 11.

[262] *А. Х. Нагоев.* Отчет о раскопках курганов у с. Чегем II в 1972 г., стр. 3.

[263] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., стр. 12.

Среди керамики в кургане 3 найден обломок сосуда оранжевого цвета, украшенный нарезными параллельными линиями в сочетании с вдавленными кружочками [264].

В кургане 18 найдены также лишь фрагменты сосудов. Богатством инвентаря отличались погребения 4 и 5 в кургане 21 (высота 7 м при диаметре 42 м). На уровне древнего горизонта была сооружена массивная каменная кладка шириной 5 м и высотой 2 м [265].

Погребение 4 находилось под булыжной кладкой, в прямоугольной яме (2×1,65×0,4 м), выложенной галькой. В центре могилы лежал скорченный костяк на правом боку, головой на юго-запад. Вдоль стен ямы отмечены следы дерева, возможно остатки деревянной конструкции [266].

У юго-восточной стены могилы обнаружены бронзовые предметы: желобчатое долото (рис. 49, *9*), проушный топор с круглой втулкой (рис. 53, *11*), тесло-топор, «вешалка» с двумя крюками (рис. 64, *26*), нож-кинжал, а также каменный шлифованный клювовидный топор (рис. 64, *17*). В области черепа лежали восемь кремневых наконечников стрел асимметричной формы (рис. 64, *2—9*). Вдоль восточной стенки находились четыре красноглиняных сосуда в обломках, в том числе круглодонный горшок, украшенный по плечикам нарезными горизонтальными и вертикальными линиями (рис. 64, *24*), и большой сосуд вытянуто-шаровидной формы высотой 36,5 см. Вся керамика хорошего обжига и залощена [267].

В юго-восточном углу могилы лежали кости животного (?).

Погребение 5 находилось также под булыжной кладкой. Могила имела такую же форму (2,5×1,8×0,5 м) и была выложена галькой. Костяк лежал на правом боку, головой на юго-запад [268].

В области черепа найдены бронзовые проушный топор с круглой втулкой (рис. 53, *10*), желобчатое долото, тесло-топор, нож-кинжал, четырехгранное шило, нижняя часть костяного молотка (рис. 64, *9*) и семь белых пастовых бусин.

В северо-восточном углу могилы лежало бронзовое вилообразное орудие с втулкой (рис. 64, *25*), а в северо-западном углу стоял большой круглодонный сосуд темно-коричневого цвета. Три других сосуда в обломках лежали в юго-восточной части ямы. Они красного и коричневого цвета, хорошего качества и залощены [269].

В кургане 27 (диаметр 31 м, высота 4,6 м) в центре под булыжной кладкой открыта прямоугольная могила (2,8×2×0,9 м), окруженная на уровне древнего горизонта каменным кольцом. Обряд захоронения такой же, как в кургане 21 [270].

В могиле найдены каменный отшлифованный топор клювовидной формы (рис. 64, *18*), кремневый вкладыш-скребло длиной 13,5 см и шириной 3,8 см, бараний астрагал, бронзовый псалий, свернутый из стержня

---

[264] *А. Х. Нагоев.* Отчет о раскопках курганов у с. Чегем II в 1972 г., стр. 4—6.
[265] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., стр. 12.
[266] Там же, стр. 13.
[267] *А. Х. Нагоев.* Отчет о раскопках курганов у с. Чегем II в 1972 г., стр. 23—24.
[268] Там же, стр. 24.
[269] Там же, стр. 25—26.
[270] Там же, стр. 31—32.

(рис. 42, *4*), два бронзовых ножа-кинжала и обломок костяного шила (наконечника стрелы — ?) [271]

У с. Кишпек погребения майкопской культуры раскопаны в трех курганах (1, 2, 5) [272].

В центре кургана 1 (диаметр 40 м, высота 4,2 м) под завалом из камней и гравия, окруженного на уровне древнего горизонта кромлехом, находилась могильная яма овальной формы, вытянутая по оси север—юг. Длина ее 5 м, ширина 4 м. Вокруг ямы прослежены остатки дерева.

Умерший лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. В области черепа отмечены следы кострища (?) в виде золы. Там же найдены небольшое золотое колечко (рис. 64, *15*) и четыре прямоугольные пластинки из золотой фольги [273]. В ногах лежали бронзовый нож-кинжал с тремя желобками на лезвийной части (рис. 56, *11*), бронзовая ладьевидная чаша, украшенная пунсонным орнаментом (рис. 64, *10*) и обломки красноглиняного сосуда с темно-бурой залощенной поверхностью.

Курган 2 (диаметр 34 м, высота 4 м) был сложен в центре (диаметр 14 м) из булыжников [274]. В основании его имелся каменный кромлех. Могила прямоугольной формы (4,3×5 м), обложенная деревом, находилась под каменным курганчиком; она была завалена булыжниками. На дне ее лежал окрашенный красной охрой костяк в скорченном положении, на правом боку, головой на юг.

У черепных костей найдена маленькая золотая височная подвеска с несомкнутыми концами (рис. 64, *13*), а в центре погребения — бронзовый нож-кинжал обычной формы с двумя желобками на лезвийной части [275]. Там же обнаружены еще два глиняных сосуда с красно-бурой лощеной поверхностью.

Основное погребение в кургане 5 (диаметр 25 м, высота 3,2 м) находилось несколько южнее центра насыпи [276]. Форма могилы не прослежена, но предполагается, что она была прямоугольной и стены ее укреплены деревом.

Погребенный лежал в скорченном положении, на боку (каком — ?), головой на юго-восток. Останки костяка окрашены в красный цвет. Авторы отмечают, что у голени расчищены следы кострища [277].

В могиле найдены глиняная чаша коричневого цвета и массивный бронзовый нож-кинжал с пятью продольными желобками на лезвийной части (рис. 56, *6*) [278].

---

[271] Там же.

[272] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., стр. 14. В 1973—1974 гг. раскопан Большой Кишпекский курган (высота 12 м). В нем открыто семь погребений майкопской культуры. Этот интересный памятник еще не опубликован. См.: *И. М. Мизиев.* Большой Кишпекский курган. «Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа». Орджоникидзе, 1974, стр. 37—38.

[273] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., рис. 9, *3—6.*

[274] Там же, стр. 15.

[275] Там же, рис. 4, *3.*

[276] Там же, стр. 15.

[277] Там же, стр. 16.

[278] Там же, рис. 4, *1*; 7, *15.*

Таковы интереснейшие погребальные комплексы майкопской культуры, исследованные в самые последние годы на Северном Кавказе. Несмотря на близость некоторых деталей обряда захоронения и форм погребального инвентаря к ранним комплексам изучаемой культуры, в целом все они тяготеют к поздней, новосвободненской, группе памятников раннебронзового века Северного Кавказа [279].

Обращает на себя внимание богатство и разнообразие погребального инвентаря в некоторых из этих курганов. Во многих погребениях встречены височные небольшие подвески из золотой круглой в сечении проволоки. Оригинальны две золотые бусины — шестигранная биконической формы и полая с рифленой поверхностью, а также бронзовое ладьевидное блюдце с пунсонным орнаментом, обломок костяного молотка и четыре каменных сверленых клювовидных топора, до этого не встречавшиеся в памятниках майкопской культуры.

Курганный могильник у ст. Мекенской. Этот могильник, состоящий из 44 курганов, находится на северном берегу Терека, в 1,5 км к востоку от ст. Мекенской Чечено-Ингушской АССР [280]. Курганы тянутся с востока на запад в один или два ряда, во главе которых часто стоят большие курганы. В среднем диаметр курганов около 35 м при высоте 2 м.

В 1956 и 1959 гг. здесь раскопано шесть курганов. Вскрыто 48 разновременных погребений. В плане нашего исследования интерес представляют основные погребения в курганах 4 и 6.

Курган 4 имел округлую форму (диаметр 48 м, высота около 3 м) [281]. В нем вскрыто 16 погребений. Основное погребение (16) находилось в центре кургана. Могильная яма глубиной 0,45 м, вырытая в материковом слое, отличалась почти квадратной формой: 2,8 (восток—запад) $\times$2,75 (север—юг) м. Внутри ямы отмечены контуры деревянной камеры такой же формы (2,1$\times$2,2 м). Последняя была сооружена из бревен или плах, положенных в несколько вертикальных рядов и укрепленных кольями. Могила имела деревянное перекрытие. В засыпке камеры прослежены скопления угля и пятна красной охры [282].

В центре камеры лежал женский костяк в скорченном положении, на левом боку, головой на восток [283]. На дне камеры была сделана подстилка, видимо из коры. Погребенную густо посыпали красной охрой.

В области черепа обнаружены два золотых височных кольца с разомкнутыми концами и небольшой сероглиняный горшочек в виде кружки с одной ручкой, отходящей от края венчика. Он имеет шаровидное тулово и относительно высокую прямую шейку. Сосуд покрыт черным ангобом и залощен. Значительное количество разнообразных (кольцевидных, цилиндрических и бочонкообразных) бусин из пасты, гешира, сердолика, халцедона и кости собрано в области запястий, предплечий и шейных позвонков. Кроме того, в области груди найдена часть каменного полиро-

[279] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., стр. 16—21.
[280] *Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт.* Курганы у станицы Мекенской. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 9—48.
[281] Там же, стр. 24.
[282] Там же.
[283] Там же, стр. 21, рис. 7, *5, 6.*

ванного орудия, а против колен — частично грубо обтесанный рог коровы.

Курган 6 имел такую же круглую насыпь. Диаметр около 40 м, высота 2 м [284]. Вскрыто 13 погребений. Древнейшим является погребение 9.

На глубине 2,8 м в материке вырыта большая квадратная яма, имевшая широкие уступы со всех сторон. В основании она, таким образом, имела меньшие размеры и отличалась прямоугольной формой (1,3×0,9 м) [285]. Эта малая яма была перекрыта и обложена деревом. На дне ее (глубина 3,5 м) находился костяк. Умерший лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Левая рука была вытянута вдоль туловища, а правая сильно согнута в локте [286].

Инвентарь в погребении отсутствовал. У черепа найден лишь фрагмент толстостенного сосуда черного цвета с залощенной поверхностью. Под костяком отмечены значительные следы охры.

Как видим, это погребение аналогично по обряду основному захоронению (16) в кургане 4. Поэтому безусловно, что оба они относятся к одному культурно-хронологическому пласту. Е. И. Крупнов и Н. Я. Мерперт отнесли их к майкопской культуре, причем к раннему этапу ее развития [287]. В группу памятников этой же культуры их включил и А. А. Формозов [288].

Хотя мы и рассматриваем их в этом разделе, однако у нас нет твердой уверенности в бесспорной принадлежности данных комплексов к майкопской культуре. Уже сейчас из обзора погребальных памятников майкопской культуры мы видим, что эти погребения несколько выпадают из общего круга. Правда, Е. И. Крупнов и Н. Я. Мерперт считают, что отличие их от собственно майкопских погребений есть проявление их локального своеобразия [289]. Возможно, они действительно представляют локальную группу погребальных памятников майкопской культуры, но на основании всего двух погребений выделять такую группу преждевременно. При всех обстоятельствах упомянутые погребения стоят ближе к собственно кавказским памятникам, нежели к степным, точнее к ямной культуре. Они бесспорно относятся к эпохе ранней бронзы, о чем убедительно свидетельствуют, например, найденные в погребении кургана 4 типичный чернолощеный горшок куро-аракской культуры и золотые височные кольца. Кстати, эти предметы указывают на то, что описанные комплексы следует хронологически сопоставлять не с ранними памятниками майкопской культуры, а с поздними.

В заключение следует отметить, что в некоторых курганах ст. Мекенской открыты и погребения ямной культуры, в том числе одно из них (погребение 11 кургана 6) содержало характерный для этой культуры яйцевидный остродонный горшок [290]. Эти комплексы, так же как и другие ямные погребения, открытые на Северном Кавказе и свидетельствующие о прямых контактах и даже проникновении отдельных групп степного

---

[284] Там же, стр. 33.
[285] Там же, стр. 36.
[286] Там же, стр. 32, рис. 3.
[287] Там же, стр. 38—40.
[288] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 68.
[289] *Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт.* Указ. соч., стр. 39.
[290] Там же, стр. 37, рис. 15.

населения в предкавказские степи в III тыс. до н. э., описаны и специально изучены Н. Я. Мерпертом [291], что избавляет нас от необходимости рассматривать их в настоящем исследовании.

Курган близ с. Бачи-юрт. На левом берегу р. Гонсол близ с. Бачиюрт Чечено-Ингушской АССР находился небольшой одиночный курган диаметром 8 м и высотой 0,6 м [292], сложенный из камней.

В насыпи встречены обломки керамики, в том числе фрагмент горла сосуда с ручкой в виде просверленного выступа-ушка [293]. Фактура и форма сосуда такая же, как у поздней майкопской керамики.

Под насыпью кургана открыты два погребения. Погребение 1 находилось в поле кургана, в его юго-западной части, под камнями, на глубине 0,2—0,3 м. Костяк ребенка сохранился плохо, поэтому установить точное положение погребенного не удалось [294]. В погребении найдено много фрагментированной посуды, изготовленной из хорошо отмученной глины, лишенной примеси, среди которой имеются обломки характерных красноохристых сосудов с пачкающей поверхностью.

В центре кургана под камнями находилась могила овальной формы, вытянутая с запада на восток (длина ее 1 м, ширина 0,6 м и глубина 0,8 м). Дно и стенки ее выложены камнями. Могила оказалась потревоженной; найдены человеческие кости и красноглиняная керамика майкопского типа [295]. Отметим также, что в надмогильной каменной кладке обнаружены зуб человека и плечевая кость, а также кремневая пластина с ретушью [296].

Бачиюртовский курган можно считать в настоящее время самым восточным пунктом на Северном Кавказе с материалами майкопской культуры [297].

Бамутский курганный могильник. В окрестностях с. Бамут Ачхой-Мартановского района находятся два больших курганных могильника. Один из них включает курганы, расположенные двумя компактными группами на северной окраине с. Бамут. Это — Бамутский позднесредневековый (XIV—XVI вв.) курганный могильник [298].

В другой Бамутский курганный могильник входят многочисленные курганы, относящиеся к эпохе бронзы. Они расположены к западу, северу и северо-востоку от упомянутых двух групп позднесредневековых курганов, в окрестностях и в самом хут. Новый Аршти [299]. Этот хутор

---

[291] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). Рукопись докторской диссертации. Архив АН СССР, Р-2, д. № 2010, стр. 219—300.

[292] *В. И. Марковин.* Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 63—65.

[293] Там же, стр. 65, рис. 23, *1*.

[294] Там же, стр. 63; стр. 64, рис. 22, *1*.

[295] Там же, стр. 63.

[296] Там же, рис. 23, *3*.

[297] Там же, стр. 64.

[298] Об этом могильнике см.: *Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев.* Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 217—242.

[299] Следует отметить, что этот поселок больше известен под названием «хут. Веселый».

находится примерно в 2 км к северу от с. Бамут. В связи с интенсивной застройкой территории между указанными населенными пунктами хут. Новый Аршти почти слился с с. Бамут. В результате здесь образовался фактически один крупный населенный пункт. Все курганы, расположенные здесь, мы объединяем условно в единый могильник и называем его Бамутским курганным могильником эпохи бронзы. Это огромный могильник, содержащий более 50 курганов, разбросанных отдельными группами по левобережью р. Фортанги на протяжении около 10 км, от с. Ачхой-Мартан до с. Бамут, т. е. до самых предгорий. Значительная часть курганов находилась к северу, северо-западу и северо-востоку от с. Бамут, в основном в окрестностях и в самом хут. Новый Аршти.

Установлено, что четкой закономерности в расположении курганов нет. Правда, можно достаточно уверенно говорить о том, что большинство курганов, содержащих погребения майкопской культуры, тянутся по направлению с юго-запада на северо-восток. В этом большом курганном поле было не менее трех курганных групп. Первую из них составляли четыре кургана, расположенные по краю террасы левого берега р. Фортанги, у хут. Новый Аршти, влево от дороги Ачхой-Мартан—Бамут.

Вторую группу составляли насыпи, находящиеся в самом хут. Новый Аршти и к югу и особенно к северу от него. Они тянулись в один ряд с юго-запада на северо-восток на расстоянии около 5 км. Кстати, основные погребения в большинстве курганов этой группы относятся к майкопской культуре.

И третья группа бамутских курганов расположена в 2—3 км северо-восточнее хут. Новый Аршти, по направлению к с. Ачхой-Мартан, в 0,4—3 км к юго-востоку и востоку от второй группы курганов.

В течение около десяти полевых сезонов, начиная с 1958 г. нами исследован почти весь этот обширный могильник. Раскопано более 50 курганов, содержащих не менее 250 погребений, большинство которых относится к северокавказской культуре (II тыс. до н. э.). Здесь открыто и значительное количество погребений позднего этапа майкопской культуры. Они выявлены во всех трех группах курганов, но более всего — во второй. Описание их мы даем в той последовательности, в какой они были раскопаны.

Курган 1 [300] находился в первой группе, у края террасы. Он имел в плане яйцевидную форму. Размеры: диаметр 16,5—18,5 м и высота 1,35 м. Насыпь состояла из суглинка, перемешанного с галькой. В кургане открыто три погребения.

К майкопской культуре относится разрушенное погребение 2. В нем зафиксированы кости рук, ног и челюсти, на которых лежал характерный красно-охристый сосуд с уплощенно-шаровидным туловом и невысокой прямой шейкой (рис. 65, *5*). Погребение разрушено более поздним захоронением 1. Установить способ погребения и другие детали обряда не удалось.

Курган 2 [301] находился во второй группе, примерно в 1 км к западу от

---

[300] Это курган 2 по полевой документации 1958 г.
[301] Это курган 4 по полевой документации 1959 г.

хут. Новый Аршти. Он имел в плане округло-вытянутую форму (16,5× ×14 м), высота 1,0 м.

Насыпь центральной части кургана (в диаметре около 5,5—6,5 м) сложена из речных булыжников, остальная часть состояла из суглинка с галькой.

В кургане открыто два погребения. Основное (2) находилось на глубине 1,20 м от центра кургана, непосредственно под каменной насыпью. Умерший лежал на гравийно-галечном слое, на левом боку, с сильно скорченными ногами и полусогнутыми руками, головой на северо-северо-запад.

Инвентарь погребения состоял из крупного красноангобированного сосуда (рис. 66, *3*), который стоял у бедренных костей.

Курган 3 [302] находился в 0,7—0,8 км к северо-востоку-востоку от хут. Новый Аршти. Он имел круглую форму (диаметр 45 м, высота 4,15 м). Центральная часть (в диаметре около 15 м) кургана представляла собой массивное сооружение из булыжников, укрепленное земляной насыпью.

В кургане открыто 18 погребений. Основное погребение находилось в центре кургана, под насыпью, почти на уровне древнего горизонта, на глубине 4,20 м. Над этим погребением насыпан небольшой каменный курганчик диаметром около 8,0 м и высотой до 2,0 м, перекрытый сверху слоем желто-бурого суглинка мощностью до 1,0 м. А все это сооружение в свою очередь было обнесено массивной каменной кладкой в виде кромлеха диаметром около 15 м. В основании кургана ширина кладки достигала от 2,5 до 3,5 м. Высота же ее местами составляла почти 3 м. Она в верхней части не перекрывала насыпанный над каменным курганом слой желто-бурого суглинка, а была затянута тонкой галечной прослойкой.

Могила находилась под юго-западной частью каменного курганчика [303]. Она имела прямоугольную форму. Стены ее сложены из крупных дубовых бревен (диаметром до 25 см). Размеры могилы: длина (север — юг) 2,90 м, ширина 2,60 м, глубина 0,35—0,40 м. Дно могилы выложено плотным слоем галечника [304].

Умерший лежал в юго-западном углу могилы, в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-юго-запад. Ноги согнуты в коленях, а руки подогнуты в локтях и подтянуты к лицу.

Перед лицевой частью черепа находились три раздавленных сосуда красно-охристого цвета, уплощенно-шаровидной формы (рис. 65, *8*). Размеры одного из них: высота 23 см, диаметр по краю венчика 15 см, наибольший диаметр тулова 25 см и диаметр днища 11,5 см.

Под костями ног и таза отмечены остатки красной охры.

Кроме того, в каменной насыпи, непосредственно над погребением, найден каменный сверленый проушный топор [305], совершенно аналогичный по форме и размерам бронзовым проушным топорам из памятников

---

[302] Курган 9 по полевой документации 1959 г.

[303] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, табл. XXII.

[304] Там же, табл. XXI, *IV*.

[305] Там же, стр. 55, 56.

Рис. 65. Глиняные сосуды майкопской культуры из Бамутских курганов

Рис. 66. Глиняные сосуды майкопской культуры из Бамутских курганов (1—7)

майкопской культуры. Несомненно, что этот топор связан с описанным погребением.

Курган 4 [306] также находился во второй группе. Он имел округло-овальную форму по оси запад — восток (32×29 м). Максимальная высота 3,0 м [307]. Центральная часть кургана диаметром 20 (север—юг)×18 (запад — восток) м от основания и до вершины кургана представляла собой каменную насыпь. Высота насыпи в центре кургана (в диаметре примерно 7,5 м) около 2,8 м, а по бокам — 1,0—1,5 м. В центре каменной насыпи, в пределах ее южной половины, прослежена «пустота» — яма диаметром в верхней части 2,5 м, а в нижней — около 1,0 м и глубиной 2,0 м, заполненная гумусированным суглинком и сверху заваленная булыжниками. Скорее всего, это грабительская яма.

В кургане открыто семь погребений. Древнейшим захоронением является погребение 6, находившееся под каменной насыпью, на глубине 3,15 м. Оно полностью разрушено. В могиле лежали разрозненные кости человека. Никаких вещей не найдено. По всей могиле прослежен тлен коричневато-желтоватого цвета (дерева?).

Могила ограблена. В этой связи следует указать на то, что рядом с ней, но несколько выше (на глубине 2,60 м), обнаружены сердоликовая бусина цилиндрической формы (длиной 0,6 см) с двусторонним сверлением, обломок бронзовой спирали из трех завитков (длиной 1 см) и несколько фрагментов характерной красно-охристой керамики. Между этими предметами прослежены зубы человека. Возможно, все эти находки связаны с основным погребением, откуда они были извлечены при его ограблении.

В этом кургане открыто еще одно майкопское погребение (4), находившееся под каменной насыпью, в основании восточной половины кургана, ближе к его центру, на глубине 3,0 м.

Умерший лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на север. Ноги подогнуты в коленях. Правая рука слегка согнута и протянута вдоль тела, а левая согнута в локте и подтянута к лицу.

Перед лицевой частью черепа стоял сосуд красно-охристого цвета с невысокой прямой шейкой, плавно отогнутой наружу (рис. 66, *2*). Его размеры: высота 16 см, диаметр по краю венчика 10,5 см, диаметр днища 6 см.

Курган 5 [308] находился примерно в 100—120 м к северо-востоку от кургана 4 и имел округло-овальную форму (диаметр 28 м по оси север — юг и 24 м — по оси восток — запад, высота 1,6 м).

Центральная часть кургана с основания и почти до вершины диаметром около 11 м состояла из больших речных булыжников, а остальная — из суглинка. В каменной части насыпи, почти в центре кургана имелась яма диаметром около 2,0 м и глубиной 0,80 м, заполненная суглинком. Это, вероятно, грабительская яма.

В кургане открыто семь погребений. Основным является погребение 7,

[306] Курган 6 по полевой документации 1961 г.

[307] Центр кургана был примерно на 1 м смещен к юго-западу. Высота его в центре составляла 2,70 м.

[308] Курган 8 по полевой документации 1961 г.

находившееся под насыпью в центре кургана, на глубине 1,70 м. Могила площадью 1,70 (по оси восток — запад)×0,80 (по оси север — юг) м была углублена примерно на 0,10 м в материковый слой.

Костяк сохранился плохо. Погребенный лежал в скорченном состоянии, на правом боку, головой на восток. Ноги согнуты в коленях. Правая рука слегка согнута в локте, а левая вытянута вдоль туловища. У берцовых костей отмечены следы красной охры.

Мы не можем категорически утверждать, что это погребение относится к майкопской культуре, хотя некоторые детали обряда захоронения говорят в пользу этого.

Курган 6 [309] находился в той же группе. Он имел почти округлую форму. Диаметр его в среднем составлял 27 м при высоте 2,45 м.

В центральной части курганной насыпи на глубине около 1,60—1,80 м прослежена каменная вымостка диаметром примерно 7,5 м, сложенная из нескольких рядов речных булыжников. На этом же уровне вокруг вымостки сложен массивный каменный кромлех диаметром около 18 м.

Речными булыжниками в несколько рядов была выложена и верхушка кургана, особенно ее южная половина. Остальная же часть насыпи состояла из гумусированного суглинка.

В кургане открыто девять погребений. Основное погребение (9) находилось под насыпью на уровне древнего горизонта, почти в самом центре кургана. Оно было засыпано мощным (до 0,80 м) слоем суглинка, перекрытым каменной вымосткой.

По-видимому, специального могильного сооружения не было. В центре кургана на площади приблизительно 2×1,5 м найдены различные глиняные, металлические и каменные предметы. Все они находились на уровне древнего горизонта. Никаких следов костяка не отмечено.

В южном углу этой площади могилы лежали два бронзовых ножа-кинжала (рис. 67, *1, 2*) и бронзовое четырехгранное шило (рис. 67, *3*), рядом с которыми прослежена красная охра. Примерно в 2 м к северу от них находились медный деформированный котел, украшенный в верхней части жемчужным орнаментом (рис. 68), точильный камень (рис. 67, *5*) и круглая каменная ступка (рис. 67, *6*), бронзовое вилообразное орудие-крюк с трубчатой втулкой (рис. 67, *4*) и два больших сосуда красно-охристого цвета (рис. 66, *5, 6*). Указанные предметы лежали в ряд по направлению северо-восток-восток — юго-запад-запад. Медный сосуд находился в 1,5 м от глиняных сосудов. А между первым и вторым, ближе к последним, лежали крюк, точильный камень и ступка.

Следов разрушения и ограбления погребения не отмечено. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с могилой типа кенотафа.

Многие из перечисленных предметов совершенно аналогичны материалам из дольменов в ст. Новосвободной. Среди них выделяется медный котел. В результате пребывания на огне почти вся его внешняя поверхность закопчена, местами очень интенсивно. По верхнему краю сосуда имеется несколько заклепок, доказывающих, что котел неоднократно ремонтировался.

---

[309] Курган 9 по полевой документации 1961 г.

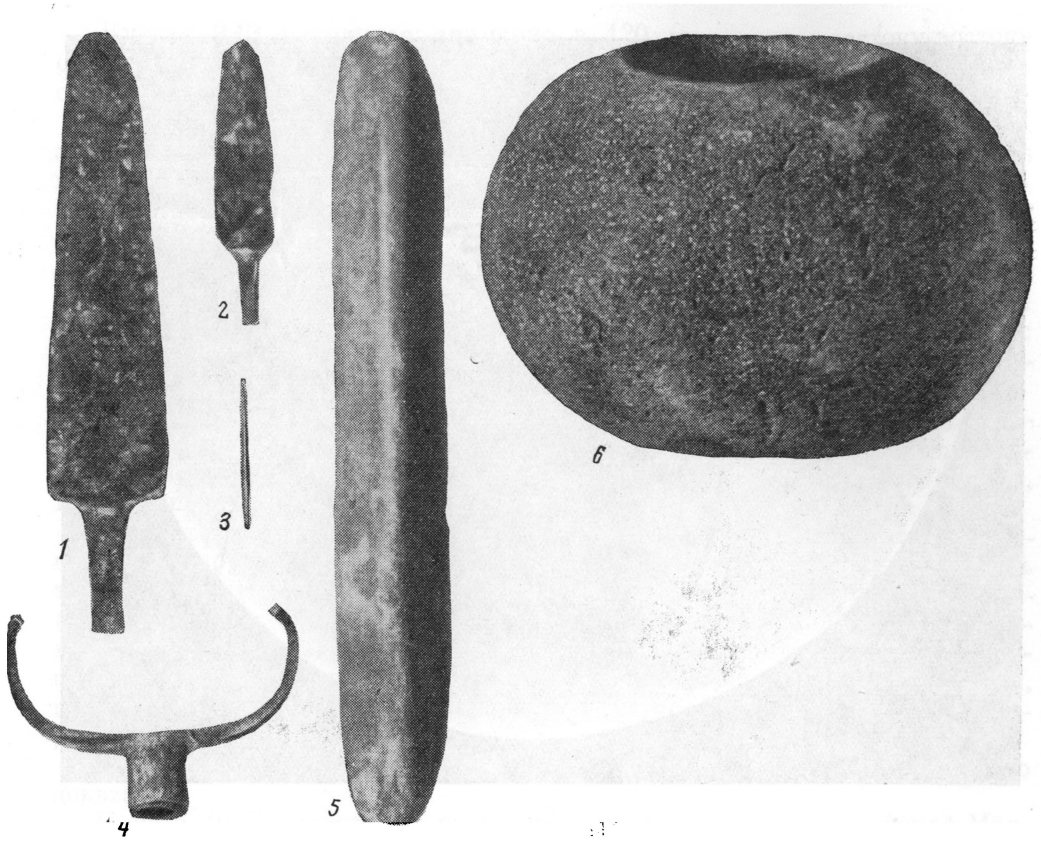

Рис. 67. Бамут. Инвентарь погребения в кургане 6

Курган 7 [310] входит условно в первую группу. Он находился у самого края террасы, на юго-восточной окраине хут. Новый Аршти.

Это был округлый курган диаметром 25 м. В основании курган выложен слоем речных булыжников. Этот слой был засыпан суглинком (мощностью до 1,2 м) и перекрыт сверху массивным каменным панцирем (мощностью до 0,5 м).

В кургане открыты два захоронения. Основное погребение (2) находилось в центре кургана, под каменной вымосткой, на уровне древнего горизонта. На площади примерно 1×1 м были разбросаны обломки костей, рядом с которыми найден фрагмент красно-охристого сосуда.

На ограбление погребения указывает грабительская яма диаметром 2,5×1,5 м, которая четко прослежена в кургане. В ней найдены обломки такого же красно-охристого сосуда (рис. 66, *1*), берцовая кость человека и рядом с ней кремневая пластинка, обработанная по краям ретушью.

[310] Курган 10 по полевой документации 1961 г.

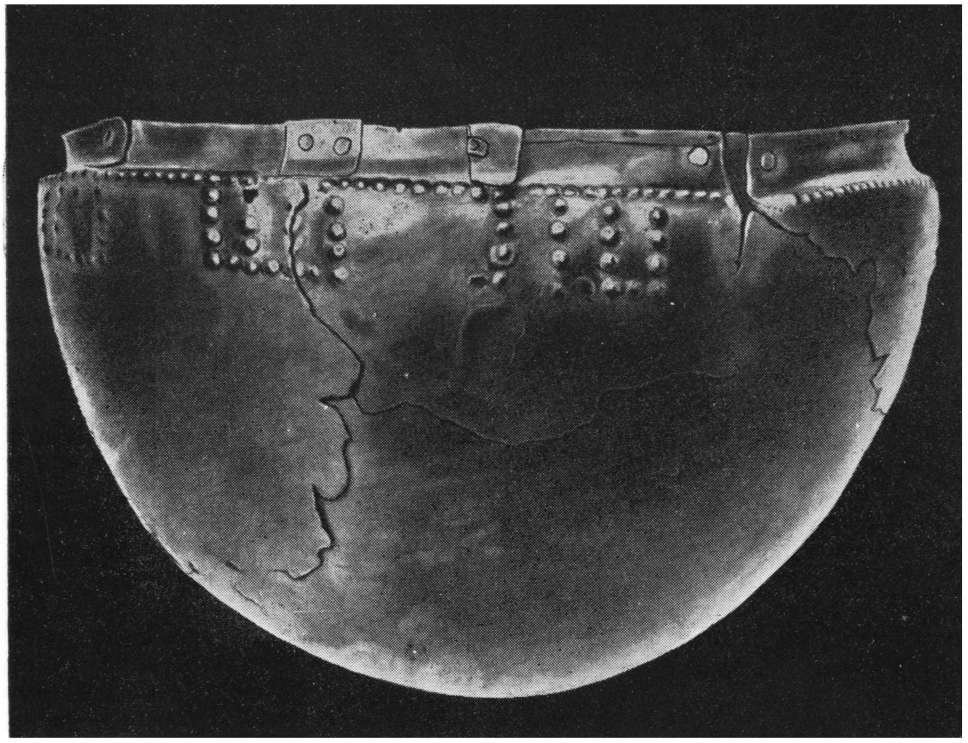

Рис. 68. Бамут. Бронзовый котел из кургана 6

Вероятно, они происходят из ограбленного основного погребения кургана.

Курган 8 [311] находился во второй группе, в 300 м к югу от кургана 3. Насыпь земляная, имела в плане округлую форму, диаметр ее 29 м, а высота 2,0 м. В насыпи кургана, в 3,5 м к северо-востоку от нулевой точки на глубине 0,60 м найден в обломках большой красноглиняный сосуд позднемайкопского типа (рис. 65, *9*), украшенный на тулове налепом.

В кургане открыто пять погребений. К майкопской культуре относится погребение 2, находившееся в 2 м к западу от центра, на глубине 1,20 м.

Погребенный похоронен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-юго-восток.

Инвентарь погребения состоял из бронзового тесловидного орудия длиной 8,5 см (рис. 50, *16*), лежавшего перед лицевой частью черепа, и красно-коричневого ангобированного сосуда (рис. 65, *4*), находившегося у колен погребенного.

---

[311] Курган 9 по полевой документации 1962 г.

Курган 9 [312] находился примерно в 120 м к северо-востоку-востоку от кургана 8. Он имел в плане яйцевидную форму, диаметр 22 (по оси север — юг) и 26 (по оси запад — восток) м, высота 1,15 м.

Насыпь кургана состояла в основном из гумусированного суглинка, лишь в центре кургана, от вершины и до основания, имелась кладка из камней. Центральная часть кургана опоясана кромлехом в виде массивного каменного кольца диаметром 14 м. Ширина кладки кромлеха в среднем около 1,25 м, а толщина почти 1,0 м. Она начиналась сразу под дерновым слоем и доходила до основания кургана.

В кургане открыты четыре погребения. Кроме того, в насыпи найдены два глиняных сосуда. Один из них — глиняная миниатюрная мисочка с пачкающей поверхностью красно-охристого цвета (рис. 65, *3*) — находился в 1,50 м к северу от нулевой точки кургана, на глубине 0,25 м, а другой — небольшой горшок (высотой 15,5 см) с уплощенно-шаровидным туловом и прямым невысоким венчиком, с такой же пачкающей поверхностью красно-охристого цвета — найден в 2,0 м к югу от центра, на глубине 0,40 м.

Являются ли эти типично майкопские формы посуды остатками инвентаря разрушенного здесь погребения майкопской культуры,— сказать трудно. Открытые в кургане погребения относятся к более позднему времени, за одним, вероятно, исключением. Речь идет о погребении 2, открытом в 3,0 м к западу от центра под насыпью почти на уровне древнего горизонта. Погребение было совершено в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток-восток. Никаких вещей не обнаружено.

Принадлежность этого погребения к майкопской культуре трудно доказать.

Курган 10 [313] находился во второй группе, вдоль дороги Ачхой-Мартан—Бамут.

Это был округлый в плане курган диаметром (по оси север — юг — запад — восток) 20 м при высоте 1,78 м. Центральная часть его (в диаметре примерно 10 м) была сооружена из речных булыжников.

Каменная насыпь начиналась от основания кургана и доходила до дернового слоя.

В кургане открыто 16 погребений, в том числе два относящихся к майкопской культуре. Это — погребения 2 и 12. В юго-восточном секторе этого кургана на глубине 1,50 м найдены обломки характерного красноглиняного сосуда и типичный для позднемайкопского металла бронзовый нож длиной 6 см. Вероятно, это остатки инвентаря еще одного майкопского погребения.

Погребение 2 находилось в 4,30 м к юго-западу-западу от центра, в насыпи, на глубине 1,38 м. Погребение совершено в скорченном состоянии, на правом боку, головой на юг. Руки умершего были сильно согнуты в локтях и подтянуты к груди.

---

[312] Курган 10 по полевой документации 1962 г.
[313] Курган 3 по полевой документации 1963 г.

В погребении обнаружен один характерный красноглиняный сосуд с шаровидным туловом и невысоким прямым венчиком (рис. 65, *7*). Он находился в ногах.

Относительно древним является погребение 12. Оно открыто под насыпью в центре кургана, на глубине 1,85 м, т. е. на уровне древнего горизонта. Здесь находилась аккуратно выложенная галечная подстилка почти прямоугольной формы, ориентированная по оси север — юг. Юго-восточная часть ее разрушена в результате более позднего захоронения. Размеры галечной подстилки: длина (север — юг) — около 2,0 м, ширина (запад — восток) 1,0 м, толщина 3—4 см.

В юго-западной части этой вымостки находились кости ног, подогнутых в коленях. В самом углу юго-восточной части подстилки, которая была разрушена, лежали лопаточная кость и несколько ребер. Это все, что сохранилось от костяка. Остальные кости вместе с черепом, по всей вероятности, были извлечены из могилы при совершении другого захоронения.

Судя по положению костей ног, погребенный лежал в скорченном положении, с подогнутыми в коленях ногами, на правом боку, головой на юго-восток.

В ногах лежала маленькая красноглиняная миска (рис. 65, *1*), а примерно в 1,50 м к северу от них находился красноглиняный сосуд уплощенно-шаровидной формы с прямым коротким венчиком, отогнутым наружу. Он имеет три симметрично расположенные по тулову миниатюрные ручки, над и между которыми нанесен орнамент в виде ряда небольших продолговатых нарезных выпуклин — по четыре выпуклины над ручками и по шесть — между ручек (рис. 62, *4*).

Между костями ног и упомянутым сосудом, ближе к последнему, найдено бронзовое четырехугольное шило длиной 6,7 см.

На галечной подстилке отмечены мелкие угольки.

Курган 11 [314] находился во второй группе между курганами 3 и 6. Он округлой формы (диаметр 40 м, высота 3,75 м). Центральная часть кургана в диаметре около 12 м от основания до вершины была сложена из речных булыжников.

В кургане открыты останки 21 захоронения. Древнейшим является погребение 21, находившееся под каменной насыпью почти в центре кургана, на глубине 3,80 м, т. е. на уровне древнего горизонта. Могила имела в плане почти прямоугольную форму (3,5×2 м) и была ориентирована по оси север — юг.

Дно могилы выложено мелкой галькой. Костяк не сохранился. В нескольких местах встречены лишь полуистлевшие кости грудной клетки.

Вдоль восточной стенки могилы по оси север—юг находились в раздавленном состоянии четыре больших красноглиняных сосуда (рис. 69, *1—4*): один — в юго-восточном углу, а остальные — в северо-восточной части. Других предметов в погребении не было.

Несомненно, что это погребение майкопской культуры. Об этом свидетельствуют керамика, форма и размер могилы и галечная подстилка.

---

[314] Курган 5 по полевой документации 1963 г.

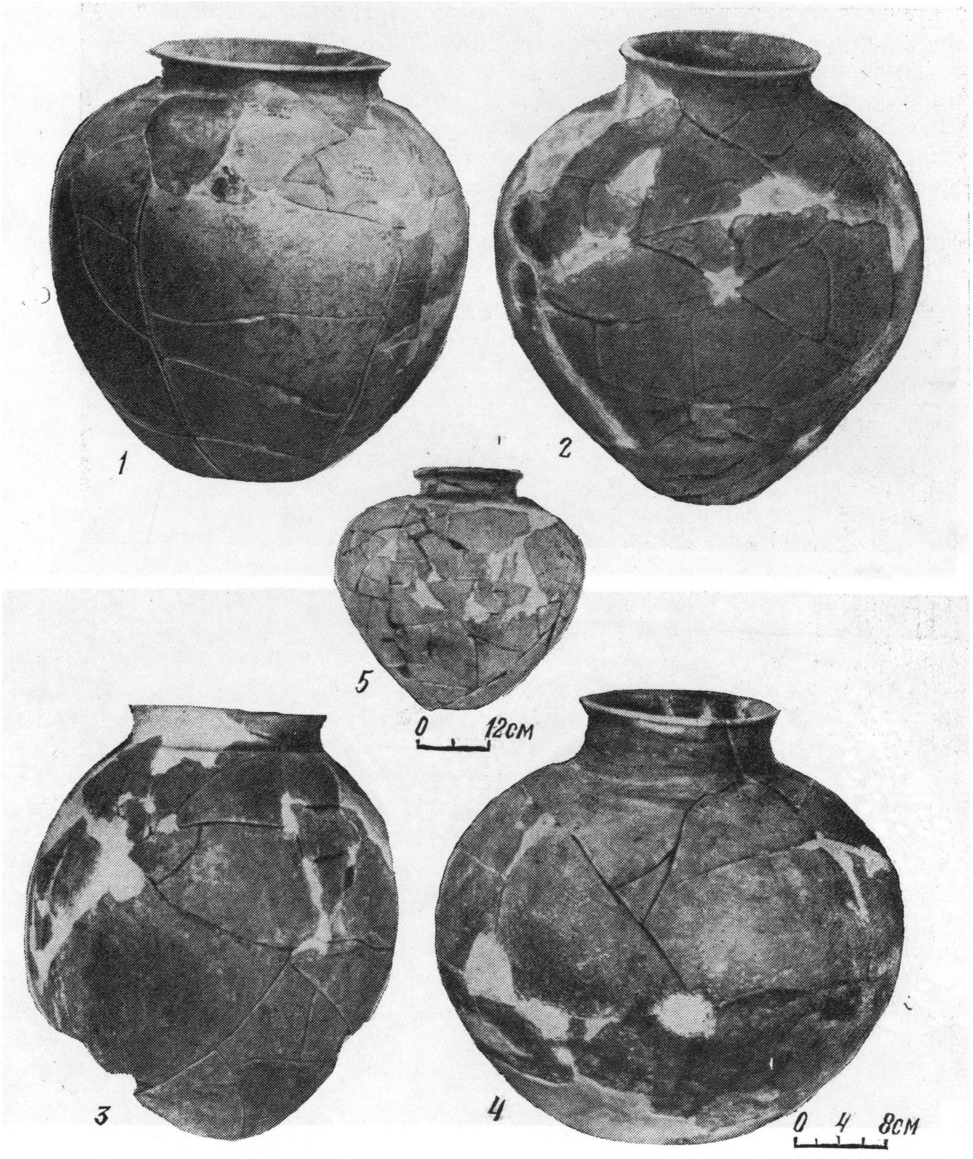

Рис. 69. Бамут. Глиняные сосуды из курганов 11, 15

Курган 12 [315] входил в третью группу. Он находился в 2,5 км к северо-востоку от хут. Новый Аршти, у края террасы р. Фортанги.

Курган диаметром 29 м, высотой 24 м. Центральная часть диаметром

[315] Курган 1 по полевой документации 1964 г.

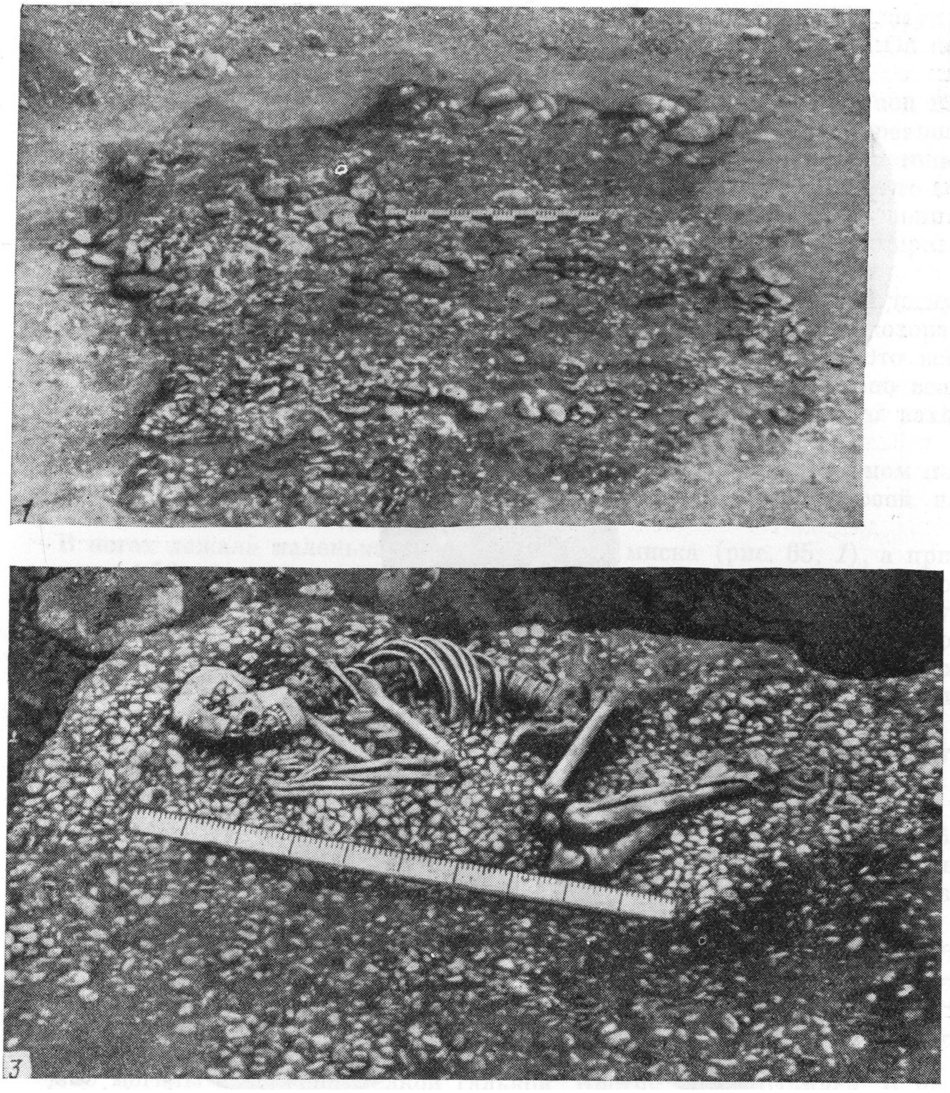
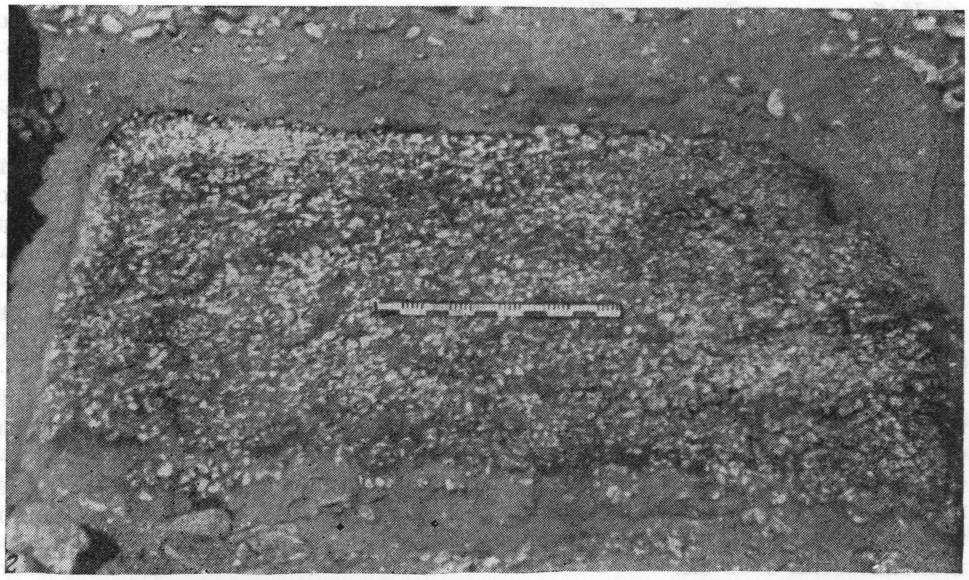
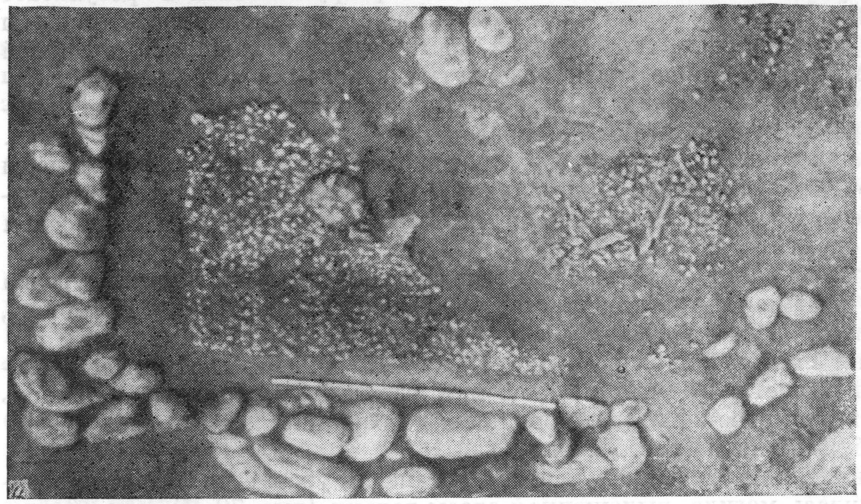

Рис. 70. Погребения в Бамутских курганах (1—4)

7—8 м от основания и примерно до средней части была сложена из речных булыжников.

В кургане открыто 20 захоронений. К майкопской культуре относятся останки двух погребенных, условно названных погребениями 13 и 14. Они находились в центральной части кургана, на глубине 2,35 м, на уровне древнего горизонта; могила в виде плотной галечной вымостки (толщи-

ной 10 см) неправильной прямоугольной формы (1,25×0,45 м), ориентирована по оси запад — восток.

В западной половине галечной вымостки лежали тазовые и две бедренные кости (это условно погребение 13), а в восточной — часть другого костяка — тазовые и одна бедренная кость (это условно погребение 14). Инвентаря при них не найдено.

Небольшие размеры этой могилы объясняются, по-видимому, тем, что здесь были погребены отдельные части тела двух умерших (причем любопытно, что в обоих случаях захоронены тазовая и бедренные кости). Следовательно, мы имеем здесь дело с намеренным погребением определенных частей тела.

Курган 13 [316] находился примерно в 120—150 м к северо-востоку от кургана 12. Он имел в плане вытянуто-округлую форму. Диаметр его (по оси север — юг) составлял 28 м, а по оси запад — восток — 32 м, высота в среднем 2,05 м. Центральная часть кургана в диаметре 8—9 м от основания примерно до середины насыпи сложена из речных булыжников.

В кургане открыто 19 погребений. Основная (18) могила находилась непосредственно под каменной насыпью, на уровне древнего горизонта. Она представляла собой площадку прямоугольной формы, аккуратно выложенную мелкой галькой (рис. 70, *4*). Судя по обломкам дерева, края ее были обложены дубовыми плахами. Кроме того, стены ее были укреплены специальной стенкой, состоящей из одного ряда булыжников. Могила ориентирована по оси север — юг. Ее размеры: длина 2,20 м, в том числе площадки с галечной вымосткой 1,70 м, ширина 1,60 м — соответственно 1,05 м (в южной части) и примерно 0,75 м (в северной). Толщина галечной вымостки 3—5 см.

Могила и костяк оказались несколько разрушенными в результате ограбления. Грабительская яма перерезала среднюю часть могилы (рис. 70, *4*). Сохранились череп и кости руки (находились в южной части могилы), а также кости подогнутых в коленях ног (лежали в северной половине площадки). Погребенный захоронен на галечной вымостке в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-юго-запад.

В юго-восточном углу могилы, против костей рук и черепа, найдены бронзовое четырехгранное шило длиной 7 см и обломок характерного красно-охристого сосуда. На галечной подстилке отмечены мелкие кусочки красной охры.

В верхней части насыпи, в 3,5 м к северо-востоку от центра кургана найдены фрагменты красно-охристого сосуда майкопского типа. Возможно, последние связаны с упомянутым погребением.

Курган 14 [317] находился у самого края хут. Новый Аршти, в его северо-западной части. Диаметр его 35,6 м, а высота 3,2 м. Центральная часть кургана в диаметре 24 м от основания и до вершины насыпи состояла из речных булыжников (рис. 71, *1*).

Под каменной насыпью в центре кургана на уровне древнего горизонта находилась могила, выложенная слоем гальки (рис. 70, *1*) и укрепленная по краям крупными речными булыжниками. Особенно тщательно укреплены северная и западная стенки могилы. Могила прямоугольной формы отличалась значительными размерами: длина ее (северо-северо-восток — юго-юго-запад) 4,10 м, ширина 3,0 м. Толщина галечной вымостки доходила до 10 см.

Костяк оказался растасканным грызунами. В разных частях моги-

---

[316] Курган 2 по полевой документации 1964 г.
[317] Курган 1 по полевой документации 1965 г.

лы найдены зубы и обломки ребер человека. В центре, ближе к западной стенке, на гальке лежали in situ две кости и рядом разбросаны мелкие обломки других костей, особенно ребер. Естественно, определить точно по положению этих костей позу и ориентировку погребенного нельзя. Можно лишь предполагать, что здесь было одиночное захоронение в скорченном положении на боку, головой на юго-запад или юго-восток.

Недалеко от костей ног и обломков других костей, к востоку от них, лежал маленький, вотивный бронзовый топорик (рис. 72, *1*), проушный, но проушина не сквозная. На втулке с обеих сторон имеются округлые отверстия для укрепления рукояти. Проушина овальной формы, диаметр ее 1,1—1,3 см, длина 2,1 см. Длина топорика 5,4 см, наибольшая ширина лезвия 3,0 м, ширина обушковой части 1,9 см.

К западу от этого топорика ближе к юго-западному углу могилы найдены: одно массивное литое золотое кольцо [318] округло-овальной формы диаметром 1,2—1,4 см (рис. 72, *2*) и две золотые свернутые пластинки в виде «обоймиц» (рис. 72, *12, 13*). Размеры их: длина 5,6—5,7 см, ширина 1,6 см.

В северо-западном углу могилы находились три крупных раздавленных сосуда красного и охристого цвета. Все они залощены. На днище одного сосуда с внешней стороны имеется округлое вдавление диаметром 2,5 см.

Рядом с этими сосудами находился также раздавленный бронзовый котел (высота около 30 см) с коротким венчиком. Дно отвалилось; оно плоское диаметром 12 см. На котле, особенно по краям его, имеется ряд заклепок, свидетельствующих о неоднократном ремонте (рис. 72, *7*).

Между камнями, укреплявшими северную стенку могилы, найдена маленькая мисочка (рис. 65, *2*).

В южной половине могилы в нескольких местах отмечены мелкие угольки.

Курган 15 [319] находился в 200 м к востоку от кургана 14, на приусадебных участках жителей хут. Новый Аршти Б. Богучарова и Ш. Махаури. Он имел также округлую форму (диаметр 37 м, высота 2,9 м). Центральная часть кургана в диаметре 21 (по оси запад — восток) — 24 (по оси север — юг) м была сложена из таких же булыжников (рис. 71, *2*).

Основная могила находилась в центре под каменной насыпью на глубине 3,0 м. Она была почти четырехугольной формы: 4,70 — 5,40 (север — юг) × 4,10—4,80 (запад — восток) м. Дно могилы выложено галечной прослойкой толщиной 5—10 см (рис. 70, *2*), а края укреплены несколькими рядами камней.

Умерший и инвентарь были положены в западной половине могилы по оси север — юг. В юго-западной части могилы на площади 1,15 × 0,80 м открыты останки костяка: сильно истлевший череп и обломки костей грудной клетки, рук, ног и таза. Возможно, погребенный лежал в скорченном положении, на боку, головой на юго-юго-запад. Отмечено, что галечная

---

[318] Находка этого височного кольца у юго-западного угла могилы может указывать на то, что погребенный был ориентирован головой на юго-запад.

[319] Курган 2 по полевой документации 1965 г.

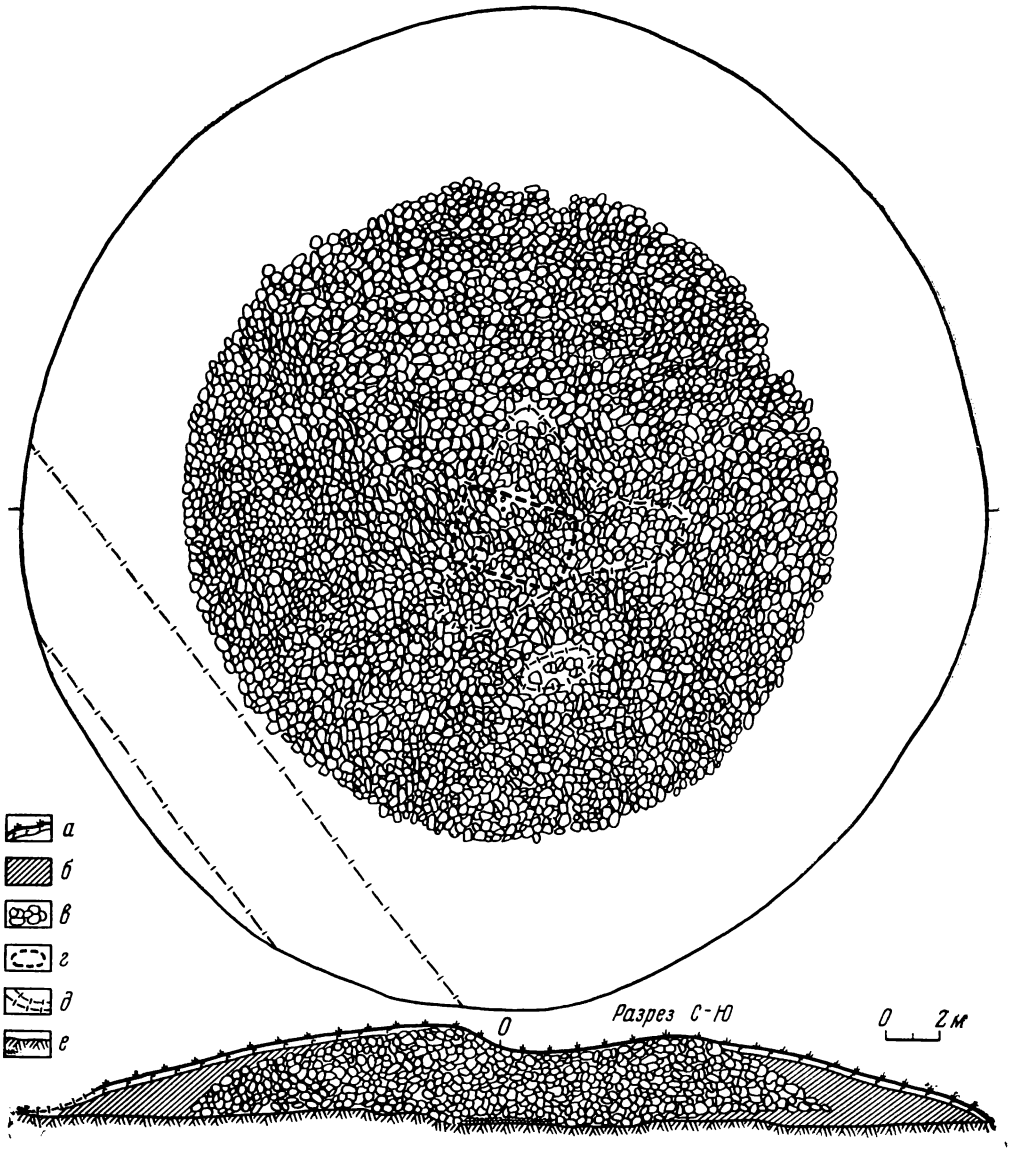
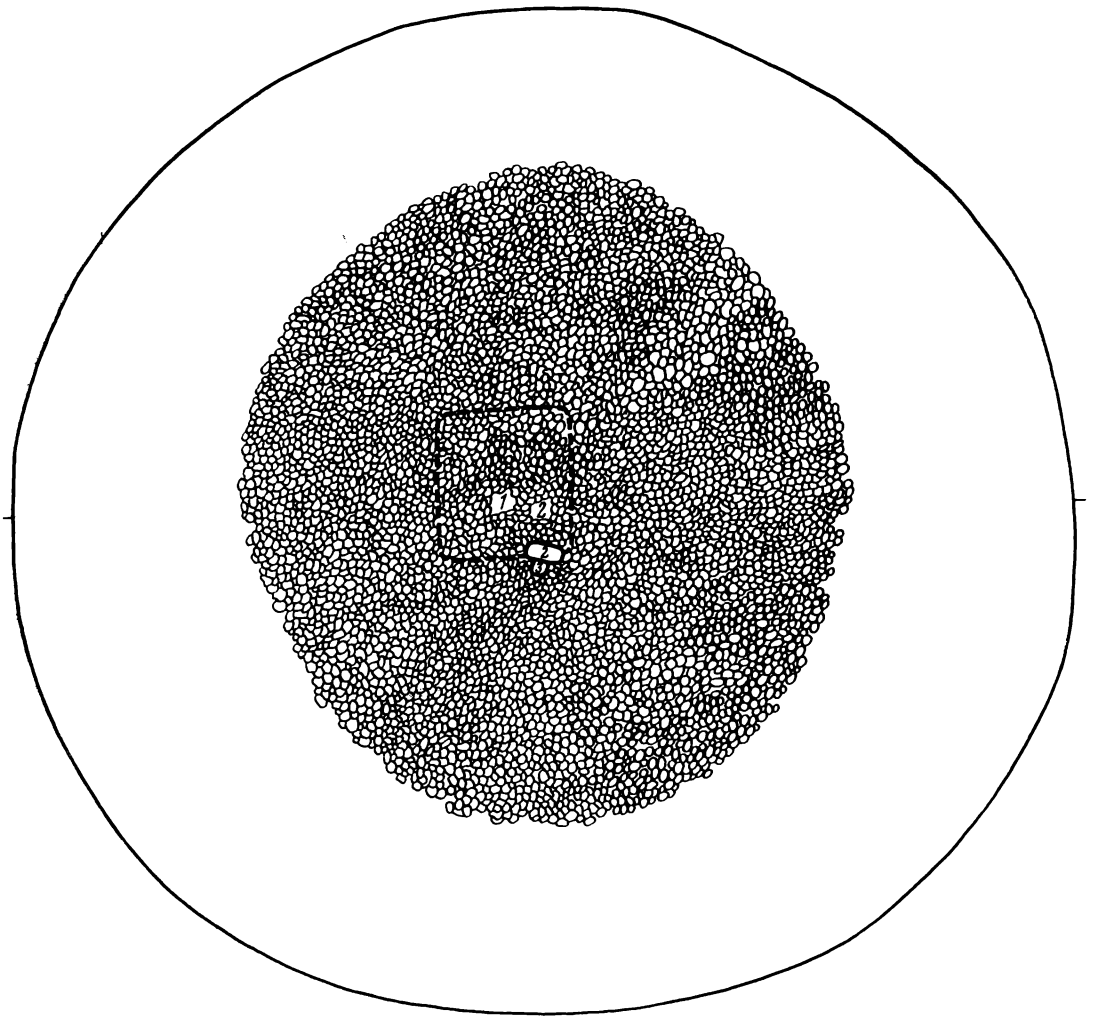
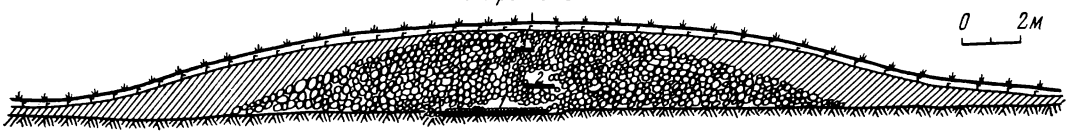

Рис. 71. Бамут. Планы и разрезы курганов 14 (слева) и 15 (справа)

а — дерн; *б* — гумированный слой; *в* — каменная насыпь; *г* — погребение; *д* — разрушенная часть кургана; *е* — материк

Разрез 3-В

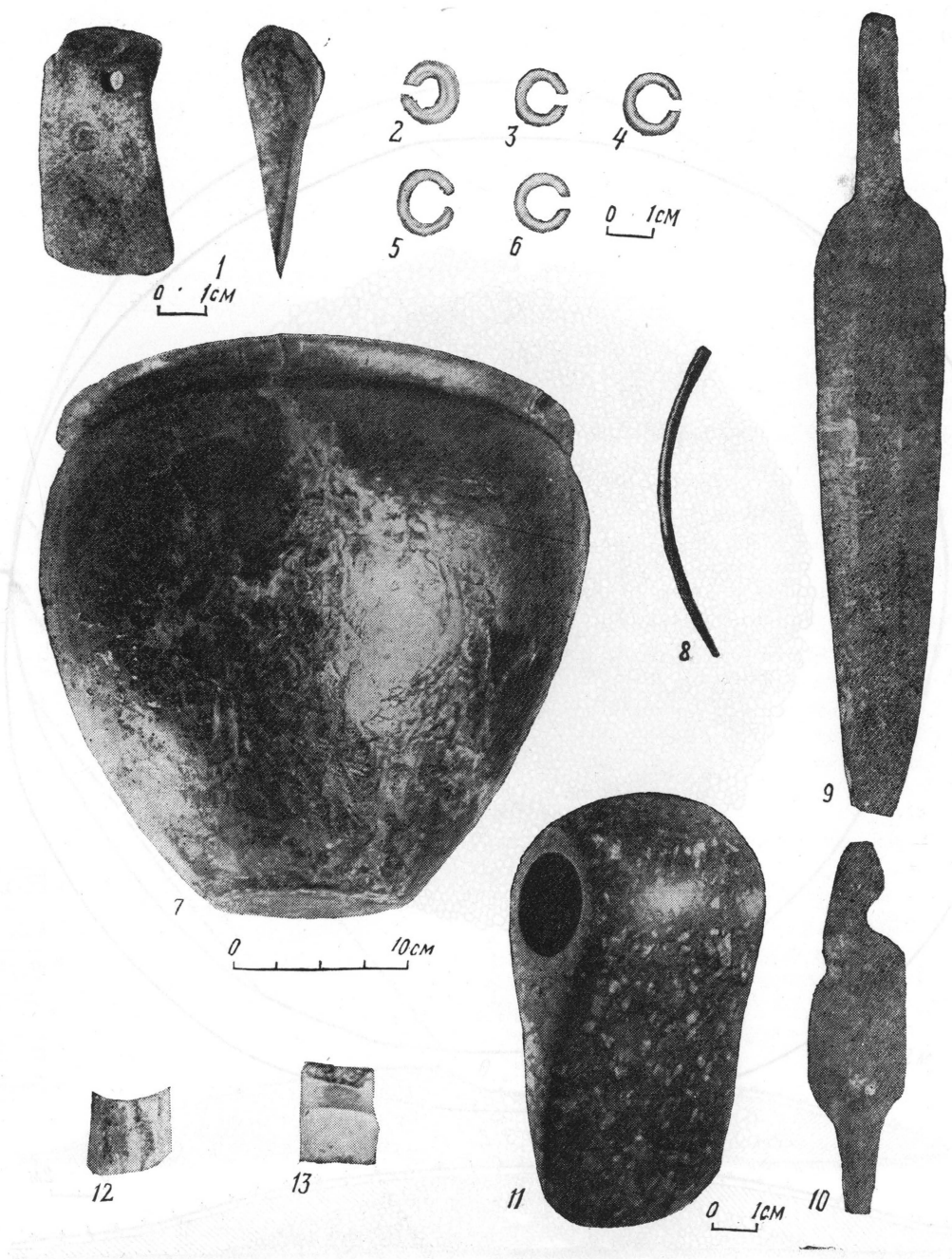

Рис. 72. Бамут. Инвентарь погребений курганов 3, 14 и 15 (1—13)

подстилка под останками костяка выложена более тщательно и достигает толщины 10 см.

Под черепными костями лежали четыре литых массивных золотых кольца диаметром 1,2—1,5 см, аналогичных найденному в кургане 14 (рис. 72, *3—6*). Рядом в ними находилась серебряная игла в виде изогнутого конического стержня с одним обломанным концом длиной 6,3 см (рис. 72, *8*). Там же найдены обломок конического слегка изогнутого серебряного предмета с отверстием у широкой части длиной 2,4 см и обломок другого серебряного предмета, полого с одного конца. Возможно, это обломки одного и того же предмета.

Примерно в 0,7 м к югу-востоку от них найдены два плоских бронзовых ножа-кинжала (рис. 72, *9, 10*). Близко от северо-западного угла могилы находились два крупных красноглиняных сосуда с шаровидным туловом, плоским дном и прямым невысоким венчиком (рис. 65, *7*; 69, *5*). Они были поставлены в специально вырытые неглубокие ямы, прорезавшие уровень древнего горизонта и материковый слой. Дно и края этих ям также выложены галькой.

Рядом с сосудами найдены бронзовое четырехгранное шило длиной 7,4 см и два бронзовых псалия, сделанных из круглого в сечении бронзового прута (рис. 42, *1, 2*).

Курган 16 [320] находился в 2,5 км к северо-северо-востоку от хут. Новый Аршти (диаметр 40 м, высота 2,5 м). Насыпь состояла из суглинка, насыщенного галькой. В насыпи на глубине 1,70 м находился каменный кромлех диаметром 12 м и шириной 1 м.

В кургане открыто 16 погребений. К майкопской культуре относится погребение 2, находившееся примерно в 4,50 м к северо-западу-западу от центра, на глубине 2,50 м, т. е. почти на уровне древнего горизонта.

Погребенный скорчен на правом боку, головой на юго-восток-восток. У берцовых костей находился характерный красно-охристый сосуд с шаровидным туловом и невысоким венчиком (рис. 65, *6*). В области черепа отмечены угольки.

Возможно, в кургане было еще одно майкопское погребение, разрушенное при более поздних захоронениях. Дело в том, что в насыпи кургана найдены фрагменты красно-охристого сосуда майкопского типа, который мог остаться от этого погребения.

Курган 17 [321] находился рядом с курганом 16, в одном ряду с ним. Он округлой формы. Диаметр его 30 м, высота 1,70 м. Насыпь состояла из суглинка с включениями мелкой гальки и булыжников.

В центральной части кургана в диаметре около 15 м на глубине примерно 1,10 м расчищен кромлех в виде кольца из двух рядов речных булыжников (ширина кольца 0,80 м). В кургане открыто 12 погребений. Основное погребение (10) открыто под насыпью в центре кургана, в яме овально-прямоугольной формы (1,6×1 м), вытянутой по оси запад — восток и заваленной булыжниками. Глубина ямы 0,6 м.

Дно могилы было выложено галькой. Местами, особенно в восточной

---

[320] Курган 6 по полевой документации 1965 г.
[321] Курган 3 по полевой документации 1966 г.

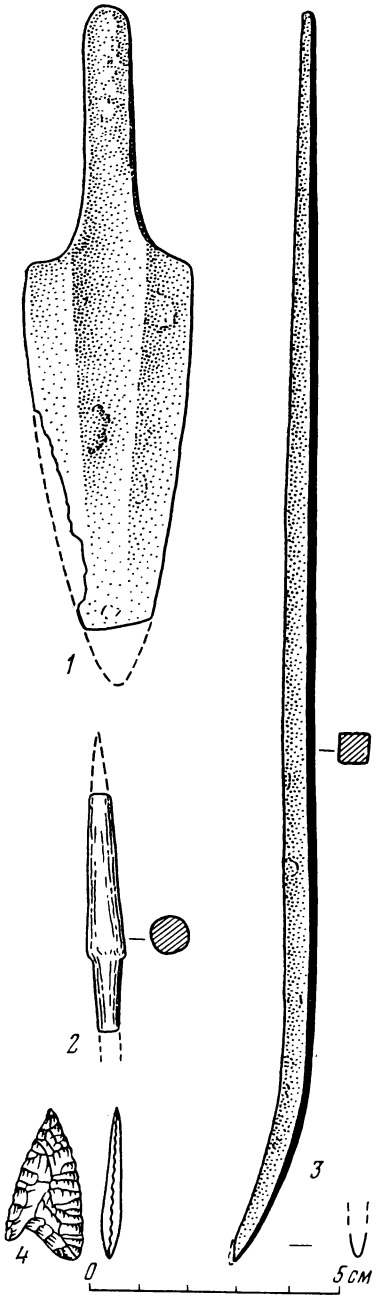

Рис. 73. Бамут. Вещи из погребений (1—4)

половине могилы, прослежен деревянный тлен. Умерший лежал на галечной подстилке, в скорченном состоянии, на правом боку, головой почти на юго-восток-восток.

Инвентарь погребения состоял из бронзовых наконечника копья длиной 13 см (рис. 73, *1*) и штыковидного четырехгранного орудия длиной 25 см (рис. 73, *3*), трех костяных наконечников стрел, круглых в сечении (рис. 73, *2*), обломка кремневого орудия, ретушированного по краям, одной пастовой (голубовато-серой) и двух бронзовых бусин. Все они находились перед лицевой частью черепа.

Под и над наконечником копья и штыковидным орудием отмечен плотный слой тлена (от деревянных рукояток — ?). Там же прослежены кусочки красной охры. Такая же охра встречена и на отдельных костях, особенно много ее было на черепных костях. Под черепными костями отмечены угольки.

Курган 18 [322] находился в 200 м к востоку от кургана 17. Он стоял во главе ряда из четырех курганов, растянувшихся цепочкой через 40—50 м друг от друга по направлению север — юг.

Курган имел округло-яйцевидную форму. Диаметр его по оси север — юг составлял 33 м, а по оси запад — восток — 29 м; высота в среднем 2,60 м. Насыпь состояла из суглинка с включением мелкой гальки. Верхняя половина центральной части кургана в диаметре около 12 м была сложена из речных булыжников. Булыжная кладка мощностью до 0,50 м имелась и в основании кургана, в центральной его части. Размеры последней 5,1 (северо-запад — юго-восток) ×2,6 м.

В кургане открыто десять погребений. К майкопской культуре относятся погребения 9 и 10. Кроме того, в центральной части насыпи на глубине 1,20 м найдены обломки красноглиняных сосудов позднемайкопского типа и характерный плоский черенковый нож-кинжал длиной 10,5 см.

[322] Курган 4 по полевой документации 1966 г.

Погребение 9 находилось в центре кургана, под булыжной кладкой, на глубине 1,6 м.

Могила, выложенная галькой, имела четырехугольную форму (2,2× ×2 м) и была ориентирована углами по странам света.

Наиболее тщательно выложена галькой та часть в центре погребальной площади, где лежал костяк (рис. 70, *3*) и которая была слегка углублена. Умерший лежал в скорченном положении, на правом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми руками, головой на юг. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 10 находилось под насыпью в центре кургана. Могила, вырытая в материковом суглинке, имела неправильную округлопрямоугольную форму (1,9×1,3×0,8 м) и была ориентирована по оси юго-юго-восток — северо-северо-запад.

На дне ямы, выложенной двумя рядами булыжников, лежал погребенный в скорченном состоянии, на правом боку, головой на юго-юго-восток. Ноги подогнуты в коленях, левая рука согнута под прямым углом, а правая согнута и подтянута к груди.

Это погребение было основным в кургане. Могильная яма была завалена булыжниками. Из таких же булыжников образована небольшая кладка мощностью до 0,50 м непосредственно над могильной ямой, после чего был насыпан курган из гумусированного суглинка, высотой примерно 1,20 м.

Затем в центре, на вершине этой насыпи, была сделана погребальная площадка могилы четырехугольной формы, тщательно выложенная слоем мелкой гальки, для захоронения 9. Над этим погребением была сооружена насыпь с большим включением булыжников, диаметром около 12 м и толщиной примерно 1,4 м.

Кроме описанных погребений, в кургане на разных уровнях обнаружено 28 фрагментов красно-охристого сосуда.

Наибольшее скопление их было в центральной части насыпи, на глубине примерно 1—1,2 м. Среди них фрагмент днища с заметным углублением в центре.

Рядом с этой керамикой найден и бронзовый наконечник копья майкопского типа длиной 10,7 см.

Кроме того, в кургане найден обломок красно-охристого сосуда, на выпуклой части стенки которого имеется ручка-ушко. Вероятно, горшок имел не менее двух таких ручек. Диаметр горловины сосуда 7,5 см. Это, безусловно, сосуд майкопской культуры, хотя до сих пор ни в Бамуте, ни в других майкопских памятниках Северного Кавказа аналогичного горшка не встречено.

Таковы погребения майкопской культуры, открытые в Бамутском курганном могильнике эпохи бронзы. Есть основания полагать, что майкопские погребения имелись еще в нескольких других раскопанных курганах этого могильника. Они оказались уничтоженными в результате более поздних захоронений, и от них сохранилась характерная керамика (рис. 62, *2, 3*) майкопской культуры и другие предметы: бронзовые ножи и кремневый наконечник стрелы с асимметричным основанием (рис. 73, *4*). Независимо от этого мы видим, какое значительное количество комплек-

сов исследовано в одном этом могильнике. Подавляющее большинство из них аналогично по ряду существенных признаков друг другу.

Мы описали почти все известные в настоящее время погребения майкопской культуры, включая и некоторые спорные комплексы, но не все. В частности, в нашу сводку не вошло подкурганное вытянутое погребение на галечной вымостке, раскопанное в Моздоке[323] и связываемое некоторыми исследователями с майкопской культурой[324]. В погребении не было инвентаря, поэтому трудно судить о его культурной принадлежности. Ведь по наличию одной галечной вымостки в могиле нельзя считать этот памятник связанным с майкопской культурой. Этому противоречит и вытянутое положение погребенного. Не отрицая ранний возраст моздокского погребения, мы полагаем, однако, что оно относится ко времени, непосредственно следующему за майкопской культурой, когда на Северном Кавказе начинает широко практиковаться обряд вытянутого трупоположения, ориентированного головой преимущественно на восток.

Мы не включили, как и А. А. Иессен, в свою сводку и курганы у ст. Ново-Лабинской, раскопанные в 1899 г.[325] Это приходится специально отмечать, так как А. А. Формозов отнес два из этих курганов (2 и 3) к майкопской культуре на том основании, что погребенные в этих курганах были ориентированы головами на юг и сопровождались каменными и медными орудиями майкопской культуры[326]. Нам представляется, что в этом вопросе правы В. И. Марковин и Е. Н. Черных, включившие данные комплексы в группу памятников северокавказской культуры[327]. Нами оставлены без внимания и некоторые случайные находки, происходящие, по-видимому, из погребений майкопской культуры и хранящиеся в различных музеях. В частности, мы упомянули уже о большом кургане у ст. Горячеводской близ Пятигорска, раскопанном в 1930 г.[328] Кроме того, А. А. Иессен указывает также еще два пункта[329], откуда происходят находки майкопской культуры, поступившие в одном случае в

---

[323] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 244.

[324] См., например: *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды, стр. 62.

[325] ОАК за 1899 г., стр. 42—43. Следует особо выделить погребение 5 в кургане 5 близ Ульского аула, раскопанного Н. И. Веселовским в 1909 г. Он называет ее «центровой» могилой кургана и отмечает, что она была устроена в материке. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. В погребении найдены бронзовые трубочки, четырехгранный стержень (шило?) и два псалия (см. рис. 42, *5* в нашей книге), неправильно квалифицированные Н. И. Веселовским как браслеты (см.: ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 154). У костей ног прослежена темно-бурая краска. Это погребение, по нашему мнению, относится или к самому заключительному периоду развития майкопской культуры, или уже к северокавказской культуре.

[326] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 67—68. Бронзовые предметы из этих курганов, особенно кургана 3, не характерны для майкопской культуры. Они аналогичны подобным орудиям из памятников II тыс. до н. э. Из каменных же орудий там найдены всего один «кремневый нож» (курган 2) и по одному обломку кремня в каждом погребении, так что серьезных оснований для отнесения этих курганов к майкопской культуре нет.

[327] *В. И. Марковин.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 32; *Е. Н. Черных.* Указ. соч., стр. 105—106.

[328] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 163.

[329] Там же.

Эрмитаж (вещи, найденные в 1910 г. в ст. Апшеронской), а в другом — в Краснодарский музей (из случайно открытого в 1926 г. курганного погребения у ст. Тимошевской). Кроме того, ряд бронзовых предметов, включая вилообразное орудие, найден в пос. Каменномостском [330].

Понятно, что и без этих случайных комплексов, мы располагаем, судя по приведенной сводке, достаточными данными для подробной характеристики погребального обряда и детального анализа основных категорий погребального инвентаря майкопской культуры. Прежде чем перейти к характеристике погребального обряда, отметим, что во всех случаях погребения майкопской культуры являлись в описанных курганах основными захоронениями.

Для майкопской культуры повсеместно характерен курганный обряд захоронения. Исключение составляет лишь погребение в каменном ящике на поселении Скала. Это пока единственное погребение в каменном ящике, известное для майкопской культуры. Мы должны учитывать этот памятник, но делать какие-либо выводы на этом основании нельзя. Можно только сказать, что столь распространенный позже на Кавказе обычай захоронения в каменных ящиках возник в эпоху ранней бронзы. Ведь и в Закавказье именно в III тыс. до н. э. появляется обычай захоронения в каменных ящиках.

Когда возникает на Кавказе и в частности в Предкавказье обряд курганного захоронения, не совсем ясно. В Закавказье курганные погребения есть в более раннее время; довольно много их здесь в эпоху ранней бронзы. На Северном же Кавказе курганов ранее III тыс. до н. э. мы пока не знаем.

С Нальчикским могильником мы связывали одно подкурганное погребение, раскопанное в Бамуте. Последнее было совершено под курганной насыпью на спине с подогнутыми коленями, головой на юго-запад-запад, и густо посыпано красной охрой. Это погребение не входит в круг памятников майкопской культуры, но у нас нет уверенности в том, что оно древнее открытых в Бамутском могильнике майкопских погребений.

Может быть, более ранними, чем майкопские, являются подкурганные погребения древнеямного типа, открытые в Предкавказье, в частности у ст. Мекенской на Тереке? Если это и так, то и они не выходят за пределы III тыс. до н. э. По всей вероятности, в степях Северного Причерноморья обряд курганного захоронения появился раньше, чем в Предкавказье. Оттуда ли он проник на Северный Кавказ, или из Закавказья,— мы пока сказать не можем, так же как не можем утверждать, что он возник здесь самостоятельно.

Как бы этот вопрос не решался, в итоге ясно, что у населения Северного Кавказа эпохи ранней бронзы был распространен обряд сооружения курганов над могилами сородичей. Курганы имели почти всегда округлую форму и достигали иногда больших размеров. Четкой планировки в

---

[330] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 69. Значительную же серию бронзовых предметов майкопского типа, происходящих из случайных находок и хранящихся главным образом в Краснодарском музее, собрал и изучил Е. Н. Черных. См.: *Е. Н. Черных.* Указ. соч., стр. 36—40; табл. I—II. Ряд этих находок и мы приводим в настоящей работе (см. рис. 49, 50, 52, 53, 56).

их расположении не прослеживается. Они обычно расположены в ряд по направлению северо-запад — юго-восток, как, например, в Усть-Джегутинском и Бамутском могильниках.

Изучение некоторых конструктивных особенностей курганных сооружений и деталей обряда захоронения позволяет выделить среди погребальных памятников майкопской культуры две основные группы курганов. Первую из них составляют курганы в Майкопе, на участке Зиссерманов у ст. Тбилисской (3 и 4), у ст. Казанской, в Армавире, ряд насыпей (курганы 7—13, 43—46) в Усть-Джегутинском могильнике, курган у с. Старый Урух и др. Особенностью этих курганов является то, что все они земляные и погребения в них совершены под насыпью в больших и глубоких прямоугольных ямах, иногда с округленными углами. Наиболее полное представление о курганах этой группы дают насыпи Усть-Джегутинского могильника. Поэтому остановимся специально на них, в частности на курганах 7—13 [331].

Последние были расположены в один ряд по направлению северо-запад — юго-восток. Они почти аналогичны друг другу по устройству, хотя и не отличаются одинаковыми размерами. Самый большой из них — курган 7 — достигал в диаметре 42 м при высоте 3,30 м, а самый маленький — курган 9 — имел диаметр 23,5 м, высоту 0,80 м. В основании большинства из этих курганов открыты кромлехи в виде кольца из речных булыжников, а иногда и из известняковых плит, в диаметре от 21,0 (курган 10) до 31,60 м (курган 7). Кроме того, все эти курганы имели (ближе к краям) наброски из известняка в виде широкого и замкнутого круга. Эти известняковые пояса лежали в большинстве случаев наклонно по склону насыпи, можно предполагать поэтому, что ими специально укреплены края первоначальной насыпи курганов.

В центре всех курганов открыты могильные сооружения в виде больших прямоугольных ям, ориентированных длинной осью по линии северо-восток — юго-запад (курганы 7, 10, 13) или восток — запад (курганы 8, 9). В одном случае (курган 7) могила имела округленные углы. Размеры самой большой могилы: длина 5,0 м, ширина 3,50 м, глубина 1,20 м (курган 13), а самой маленькой — 3,0×2,0×0,60 м (курган 10). В курганах 12, 13 стены могилы укреплены каменной сухой кладкой шириной 0,50—0,60 м. Почти все могилы перекрыты дубовыми плахами и засыпаны сверху известняком. В курганах же 44 и 46 ямы были перекрыты камышовым настилом.

Все погребения оказались разрушены, и поэтому крайне затруднительно судить о способе захоронения, ориентировке погребенных и т. д. Лишь в одном случае (курган 11), судя по положению сохранившихся костей, можно допустить, что покойник был положен в могилу в скорченном состоянии и головой на запад. В другом же случае (курган 10) установлено, что в могиле было погребено до пяти умерших. Можно предполагать, что по два умерших было погребено в курганах 43 и 45. В большинстве могил этой группы Усть-Джегутинских курганов отмечена на дне могилы

[331] Курганы 43—46 в Усть-Джегутинском могильнике ничем почти не отличаются от курганов 7—13.

или на костях красная охра. Густая же засыпка погребений ярко-красной охрой прослежена в курганах 43, 45, 46.

Ни в одном случае здесь не обнаружена галечная вымостка на дне могилы, хотя в некоторых курганах прослежена камышовая подстилка. Каменная вымостка есть в других курганах, например в Майкопском. Последний, как и некоторые другие, отличается теми же в основном особенностями. Под насыпью этого большого земляного кургана находился кромлех в виде каменного кольца. В центре его была устроена значительная по размерам могила (5,33×3,73×1,42 м) с закругленными углами и несколько вогнутыми стенками, ориентированная по оси северо-восток — юго-запад. Она разделена деревянными перегородками на три части и покрыта сверху деревянным настилом. На дне могилы, выложенной речным булыжником, лежали три скорченных костяка, густо посыпанных красной охрой.

Большая могила прямоугольной формы (3,55×2,13×0,98 м) открыта и в кургане у ст. Казанской. Там, как и в Усть-Джегутинских курганах, кости в беспорядке лежали на дне могилы.

Таким образом, по устройству насыпи, каменному кольцу-кромлеху, по форме, размерам и ориентировке могилы и по некоторым другим признакам курганы этой группы объединяются между собой, отличаясь в то же время по ряду особенностей от остальных курганов майкопской культуры.

Курганов первой группы известно пока довольно мало. К тому же в большинстве случаев погребения в них разрушены. Тем не менее, имеется достаточно оснований говорить о том, что в этих курганах погребения были совершены в скорченном положении на боку и ориентированы головой преимущественно в южном направлении. В некоторых случаях наблюдаются коллективные захоронения, как в Майкопском и других курганах.

Во всех погребениях этой группы курганов имеется инвентарь. В каких частях могилы находились предметы, положенные вместе с умершими, мы подробно отметили при описании каждого из этих погребений. Мы только подчеркнем, что все эти курганы объединяются и единством инвентаря, представленного в них, главным образом керамики.

Курганы этой группы известны в настоящее время на Северо-Западном Кавказе и в Кабардино-Балкарии. В Чечено-Ингушетии их нет. Правда, в Бамутском могильнике открыто одно погребение, которое предположительно может быть связано с рассматриваемой группой курганов. Речь идет о погребении 10 в кургане 18. Оно было основным в кургане и находилось в прямоугольной могильной яме под насыпью. Умерший там лежал на булыжной вымостке в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Никаких предметов инвентаря в могиле не было. Непосредственно над этой могилой была устроена специальная площадка высотой около 1 м, аккуратно выложенная сверху мелкой галькой. На этой площадке было совершено другое захоронение (погребение 9), тоже в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. С этим погребением связываются найденные рядом фрагменты типичной позднемайкопской красно-охристой керамики и плоского черенкового бронзового ножа.

В Бамуте не было другого случая, когда майкопское погребение находилось бы в могильной яме под насыпью. Вот именно данное обстоятельство и то, что погребение 10, безусловно, древнéе погребения 9, являющегося типичным позднемайкопским захоронением, позволяет нам предположительно связывать данное погребение в кургане 18 Бамутского могильника с рассматриваемой группой курганов майкопской культуры.

Есть еще один курган, который сближается по отдельным признакам с данной группой майкопских курганов, но он находился за пределами Северного Кавказа, на юге Закавказья. Это курган 3 в урочище Уч-тепе в Мильской степи [332]. Он отличался громадными размерами: диаметр его достигал около 130 м, а высота в среднем 13 м. В центре кургана, в диаметре около 30—31 м имелась каменная насыпь, достигавшая мощности 1,85—2,0 м [333]. Основание ее лежало на древней дневной поверхности на подстилке из камыша [334]. Могила имела сильно вытянутую прямоугольную форму (северо-восток — юго-запад), углы ее были округлены. Размеры внушительны: длина 14,30—13,89 м, ширина от 2,20 до 2,65 м, а глубина доходила до 2,60 м от уровня древней дневной поверхности [335]. Сверху могила была перекрыта мощным бревенчатым накатом в два ряда. Длина перекрытой бревнами полосы достигала 24 м. Деревянное перекрытие почти все сгорело. Стенки могильной ямы во многих местах были замазаны углем и примерно на одну треть ямы обожжены.

Осталось неясным, было ли совершено захоронение в этой могиле, или последняя представляла собой могилу-кенотаф. Дело в том, что на дне могилы отсутствовали какие-либо остатки погребения, за исключением красной охры, кусочков листовой бронзы и обломков глиняных сосудов, большинство из которых находилось в заполнении могилы. Поэтому А. А. Иессен предполагал, что эти обломки принадлежали сосудам, находившимся не в могиле, а на ее перекрытии, и вместе с последним провалившимся вниз [336].

Перекрытие в значительной степени сгорело в результате большого пожара, точная причина которого не установлена. А. А. Иессен считал, что пожар произошел случайно и уже после того как содержимое могилы было выбрано грабителями.

Как видим, этот курган далеко не тождествен майкопским курганам. Вместе с тем он имеет с ними некоторые общие черты. Это значительные размеры не столько самой насыпи, сколько могильного сооружения, находившегося под насыпью и имевшего прямоугольную форму с округленными углами. Кроме того, могила была перекрыта бревенчатым настилом и камышом. Над могилой, наконец, был насыпан небольшой каменный кур-

---

[332] *А. А. Иессен.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. «Труды Азербайджанской экспедиции». МИА, № 125, 1965, стр. 153—193.

[333] К. Х. Кушнарева сделала попытку определить приблизительно те производственные усилия, которые были затрачены на сооружение этого громадного кургана, ставшего могилой родо-племенного вождя. См.: *К. Х. Кушнарева.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа. КСИА. вып. 134, 1973, стр. 12—14.

[334] *А. А. Иессен.* Раскопки большого кургана..., стр. 166.

[335] Там же, стр. 70.

[336] Там же, стр. 172—173.

ганчик. Такие каменные курганчики над погребениями, как будет показано дальше, являются характерной особенностью другой группы курганов майкопской культуры. Отметим еще обилие в могиле красной охры.

Не тождественны майкопской керамике образцы глиняной посуды, найденные в заполнении этой могилы. Вместе с тем последние обнаруживают общие черты с майкопской керамикой, чего нельзя сказать, например, о куро-аракской керамике. Сближаются они прежде всего с керамикой из тех майкопских курганов, которые мы рассматриваем сейчас. Черты сходства: тонкостенность, лощение, наличием там и здесь круглодонных сосудов и одинаковая форма и размеры венчика [337]. А. А. Иессен показал, в частности, что этой последней чертой учтепинские горшки напоминают серию глиняных и серебряных сосудов Майкопского кургана [338].

Между этими курганами имеется и определенная хронологическая близость. Подвергнутые радиоуглеродному изучению образцы дерева и угля из Учтепинского кургана дали следующие даты: древесина — 2539± ±120 лет до н. э. и уголь — 2867±230 лет до н. э. [339] Эти даты, как считает А. А. Иессен, на несколько столетий старше времени сооружения кургана, т. е. он относится ко второй половине или даже концу III тыс. до н. э. [340]

Несмотря на некоторые общие черты, сближающие Учтепинский курган с майкопскими курганами, их определенную хронологическую близость, говорить об их культурном единстве не приходится. И если мы здесь так подробно его рассмотрели, то это объясняется тем, что он обнаруживает отдельные черты сходства с погребальными комплексами раннебронзового века Северного Кавказа. Любопытно при этом, что данный памятник не находит никаких аналогий в Закавказье, в особенности среди комплексов куро-аракской культуры. Стремление А. А. Иессена определить место Учтепинского кургана между куро-аракской культурой и памятниками эпохи средней бронзы Закавказья [341] нам представляется не обоснованным.

Вопросы культурно-исторического осмысления этого крайне интересного памятника остаются, как видим, нерешенными. Вернемся же к курганам майкопской культуры.

Среди курганов первой группы майкопской культуры мы не упомянули курган в Кепах. Он содержал типичную для этих курганов форму глиняной посуды в виде небольшого округленного горшка с коротким отогнутым наружу венчиком [342]. Кроме того, здесь под насыпью находилась могила глубиной около 0,6 м, хотя четкая форма ее и не установлена. Погребенный был похоронен в скорченном положении, на боку (каком — ?) и головой на юго-восток-восток. В погребении отмечена красная охра.

---

[337] Там же, стр. 183, рис. 37.
[338] Там же, стр. 184.
[339] Там же, стр. 185.
[340] Там же, стр. 186.
[341] Там же, стр. 190.
[342] *Н. И. Сокольский.* Раскопки в Кепах..., стр. 116, рис. 41, *2*.

В этом кургане есть одна конструктивная особенность — в отличие от других курганов первой группы здесь могила была засыпана камнями. Этот же признак — заваливать могилу камнями, сооружать над ней целый каменный курган — характерен для следующей, т. е. второй, группы курганов майкопской культуры. Таким образом, можно рассматривать данный памятник как промежуточный между курганами первой и второй групп, но ближе стоящий к майкопским курганам первой группы.

Таким же «промежуточным» курганом является, как нам представляется, и курган у с. Старый Урух в Кабардино-Балкарии. Здесь в большой подкурганной могиле (3,95×2,70×2,75×1,20 м), выложенной по дну гравием и булыжником, обнаружены разрозненные останки костяка, угольки, кусочки охры и тлен от дерева, а также обломок красно-охристого сосуда округлой формы и венчик серебряного сосуда. По многим признакам этот памятник тяготеет к майкопским курганам первой группы, но по отмеченному признаку — присутствию надмогильной каменной кладки — он сближается со следующей группой курганов.

В Анапском районе Краснодарского края, т. е. недалеко от Кеп, раскопан ряд курганов у хут. Рассвет. По инвентарю, включающему керамику, бронзовый нож-кинжал и каменный сосудик, они стоят несомненно ближе к курганам первой группы, но по наличию в кургане каменных надмогильных сооружений, устройству могилы, в том числе из плит песчаника, почти на уровне древнего горизонта, и другими чертами сближаются с курганами второй группы. Здесь уже больше крупных сосудов, как и в курганах второй группы, а найденный в одном из курганов бронзовый нож-кинжал занимает типологически как бы промежуточное положение между подобными металлическими предметами из курганов первой и второй групп.

В этой связи отметим еще и курган у ст. Раевской, где погребение находилось под каменной кладкой мощностью до 1 м, непосредственно под курганной насыпью; могильная яма здесь не прослежена. При останках умершего, ориентированного головой на юг, найдены бронзовый наконечник копья довольно архаического типа [343] и несколько обломков небольшого светло-коричневого горшка (высотой 7—8 см) со слабо выделенным днищем, т. е. типичной для курганов первой группы формы керамики. Отличие последнего заключается лишь в том, что он имеет две узкие вертикально поставленные просверленные ручки [344]. Кстати, это один из редчайших случаев наличия ручек на майкопской посуде. Другими словами, и в этом кургане наблюдается сочетание характерных признаков той и другой группы курганов майкопской культуры.

Еще более наглядно такое сочетание мы наблюдали в некоторых курганах в бассейне Чегема и Баксана. Присутствие в них больших и глубоких могильных ям сближает эти погребения с раннемайкопской группой погребальных памятников. В то же время такие детали, как галечная вымостка могил, каменные курганчики в насыпи, а также инвентарь позволяют связывать их с поздней группой майкопских курганов.

---

[343] *В. И. Сизов.* Указ. соч., табл. XVI, *2*.
[344] Там же, табл. XVI, *3—8*.

В чегемско-баксанских курганах найдены, кстати, и сосуды, аналогичные по форме обнаруженным в Майкопском кургане (курган 20 у с. Чегем I, рис. 40, *2*). Бóльшая часть представленных в этих комплексах керамики и другого инвентаря имеет аналогии в позднемайкопских памятниках [345].

Таким образом, сделанные наблюдения дают основания говорить о существовании среди майкопских курганов еще одной, промежуточной между первой и второй, группы курганов [346]. Правомерность ее выделения станет еще более убедительной после анализа следующей группы майкопских курганов.

Если курганы первой группы объединяются вокруг Майкопского кургана, то курганы второй группы — вокруг Новосвободненских дольменов и Нальчикской гробницы. Любопытно, что в той и другой группе «головные» памятники отличаются от остальных своеобразными погребальными сооружениями и исключительным богатством содержащегося в могилах погребального инвентаря. Это своеобразие объясняется, конечно, тем, что в них погребены видные представители родо-племенной знати.

Каковы же особенности курганов второй группы? По форме и размерам эти курганы ничем не отличаются от курганов первой группы. В конструкции самой насыпи наблюдается существенное различие. Оно заключается в том, что курганы первой группы, как правило, земляные, в то время как в насыпях подавляющего большинства других курганов содержатся каменные конструкции. Посмотрим в этой связи на Бамутский могильник, где исследовано большое количество курганов второй группы. Здесь из 18 курганов 14 имеют каменные конструкции, представляющие собой надмогильные сооружения в центральной части курганов, сложенные из речных булыжников. Каменные сооружения обычно округлой формы достигают в диаметре от 5—6 (курган 2) до 21 (курган 15) — 24 м (курган 14). В этих курганах центральная часть насыпи бывает сооружена от основания и почти до верхушки из камня. Довольно часто эти каменные курганы внутри насыпи оказываются окруженными одним или двумя рядами массивных колец-кромлехов. В некоторых курганах, например в Усть-Джегутинском могильнике, открыто по три кромлеха в одном кургане, причем удивительно тщательно сложенных: один ряд из круглых булыжников, второй — из песчаниковых плит и т. д.

Каменные конструкции открыты в насыпи курганов у станиц Новосвободной, Андрюковской, Псебайской, Келермесской, у с. Лескен, в Докшукино, у селений Чегем и Кишпек, у г. Пятигорска, близ с. Бачи-Юрт и др. В некоторых из этих курганов имеются кромлехи.

Таким образом, присутствие каменных конструкций можно считать

---

[345] Мы пока лишь предположительно можем относить чегемско-баксанские комплексы, да и то не все, к промежуточной группе погребальных памятников майкопской культуры. Несомненно, что до полной публикации всех материалов этих курганов затруднительно точно определить место их в общем ряду памятников раннебронзового века Северного Кавказа.

[346] На наличие промежуточного памятника между первым и вторым этапами майкопской культуры обратила внимание еще Т. Б. Попова. Таковым она считала Костромской курган, инвентарь которого близок к материалам Новосвободненских курганов, а погребальный обряд аналогичен обряду захоронения, зафиксированному в Майкопском кургане (см.: *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 44).

характерной чертой второй группы курганов, хотя и не все курганы содержат их. Для первой группы курганов они, как мы видели, совершенно не характерны. В курганах же северокавказской культуры (II тыс. до н. э.) мы наблюдаем в насыпи булыжные кладки и даже каменные сооружения, подобные описанным и окруженные кромлехами. Однако рассматривать их как устойчивый признак или характерную черту едва ли можно.

Столь же характерной чертой курганов второй группы является и то, что погребения в них совершены не в больших могильных ямах, как в курганах первой группы, а в подавляющем большинстве случаев непосредственно под каменным сооружением — на уровне древнего горизонта [347]. Так, почти во всех курганах Бамутского могильника могилы устроены на древней дневной поверхности. Они отличались, как правило, прямоугольной формой и большими размерами. Например, большие прямоугольные могилы, выложенные слоем мелкой гальки, укрепленные по краям речными булыжниками, открыты в курганах 14 и 15. В кургане 3 в Бамуте такая же могила с галечной подстилкой была по краям обложена бревнами. Галечные вымостки содержались и в могилах других курганов Бамута и Северного Кавказа.

Укажем для примера, что могилы в курганах в г. Нальчике, у станиц Новосвободной, Андрюковской, Псебайской, Келермесской, Воздвиженской и т. д. были устроены на уровне древнего горизонта и сверху завалены булыжником. Во всех этих курганах могилы имеют галечную вымостку.

Обратимся в этой связи и к Усть-Джегутинскому могильнику. Там, как известно, в курганах 7—13 и 43—46, относящихся к первой группе, насыпи исключительно земляные, а могилы вырыты в материковом слое. Остальные же Усть-Джегутинские курганы отличались тем, что могилы в них были устроены на уровне древнего горизонта, за одним исключением — в кургане 3 прослежена могильная яма неправильной вытянуто-округлой формы, слегка углубленная в слой погребенной почвы. Во всех случаях здесь имелись надмогильные сооружения в виде каменных курганчиков. Отметим, что ни в одной могиле в этих курганах галечная вымостка не обнаружена.

Следовательно, мы имеем достаточно оснований считать эту особенность — устройство могилы прямо на поверхности и засыпку ее булыжниками или сооружение над ней каменного курганчика — характерным и довольно устойчивым признаком второй группы курганов майкопской культуры. Это не значит, что в этих курганах не встречаются могильные ямы, вырытые под насыпью. Они в общем редки, да и ямы, в отличие от могил первой группы, редко имеют четкую и тем более прямоугольную форму и бывают слегка углублены в материк. Вспомним, например, что могила в кургане у ст. Костромской углублена в материковый слой всего на 35 см, настолько же и в Лескене.

---

[347] Исключение составляют в основном курганы у селений Чегем I и II и Кишпек. Собственно, один только признак — наличие больших могильных ям, засыпанных булыжниками, сближает их с раннемайкопскими курганами. Такой признак содержат выделяемые нами курганы промежуточной группы, в которую мы их предварительно и включаем.

Безусловно, надо признать особенностью курганов этой группы и присутствие во многих случаях галечной вымостки в могилах. В некоторых курганах этой группы (например, в Бамуте, у ст. Воздвиженской) погребения совершены как бы на платформах, аккуратно выложенных галькой.

Сооружение могил прямо на дневной поверхности — черта обряда захоронения, характерная лишь для курганов рассматриваемой группы. Ни в одном случае в курганах первой группы мы с этой чертой не сталкиваемся. Она, можно сказать, совершенно не характерна и для погребального обряда Северного Кавказа II тыс. до н. э.

С чем связано появление этой особенности в погребальном ритуале майкопских племен, или почему майкопские племена на определенном этапе перестали рыть большие могилы и перекрывать их бревнами, а начали сооружать могилы на поверхности и заваливать их булыжниками? Ответить на этот вопрос, разумеется, трудно.

Теперь о самих могилах, их форме и размерах. В подавляющем большинстве случаев могила представляла собой прямоугольную площадку обычно больших размеров, ориентированную чаще по оси северо-запад — юго-восток, выложенную галькой и укрепленную, как видно по Бамутскому могильнику, крупным булыжником или даже деревом. Благодаря этому могила под каменной насыпью четко очерчивается. В тех случаях, когда нет галечной вымостки, как, например, в Усть-Джегутинском могильнике, установить форму могилы и определить ее ориентировку не удается. Ясно только, что могила там занимала большую площадь.

Прямоугольная форма могилы, значительные ее размеры, вымостка дна могилы камнем, а в некоторых случаях и ориентировка — эти черты присущи курганам первой группы майкопской культуры. Для курганов той и другой групп характерно и присутствие в насыпи вокруг могилы каменных колец-кромлехов. Причем, судя по Усть-Джегутинским курганам, характер кромлехов, их размеры совершенно одинаковы как в курганах первой группы (7—13 и 43—46), так и в остальных насыпях. Совершенно одинаково укреплены и края курганов той и другой группы.

Еще одной отличительной особенностью курганов второй группы является то, что могилы в некоторых из них представляют собой разнообразные каменные гробницы. Правда, не все описаны и зафиксированы как следует. Так, в кургане у ст. Ярославской была открыта гробница из каменных плит в виде «комнаты объемом в 20 куб. арш.» [348] Неясно, что собой представляла «большая гробница, обнесенная каменной оградой и устланная по дну мелкими плитами», раскопанная в кургане к западу от ст. Варениковской. К числу таких гробниц следует отнести, вероятно, и каменный ящик, выявленный на поселении Скала.

Наиболее известными гробницами, привлекающими к себе внимание и вызывающими большой интерес, являются дольмены в ст. Новосвободной, а также недавно открытая подкурганная гробница в г. Нальчике. Все эти гробницы находились под насыпью на уровне древнего горизонта, причем

[348] ИАК, прибавление к вып. 37, стр. 155. Основная могила в кургане у ст. Костромской была в виде квадратной ямы, перекрытой сверху плитами известняка. В 1974 г. в Кабардино-Балкарии открыта каменная дольменообразная гробница майкопской культуры. Исследование ее не завершено.

иногда они были завалены булыжниками (Новосвободная и др). Некоторые из гробниц были окружены кромлехами и выложены слоем гальки.

Мы подробно описали как Нальчикскую гробницу, так и каменные могильные сооружения, открытые в курганах ст. Новосвободной. Среди последних имеются два дольмена и одна оригинальная гробница цилиндрической формы с конической крышей, сложенная из одиннадцати вертикально поставленных плит. Дольмены по существу друг от друга не отличаются. Оба двухкамерные, только один из них имел двускатную крышу, а другой — горизонтальное перекрытие. Кроме того, в поперечной плите, разделявшей гробницу на две камеры, имелось отверстие, в одном случае округлой формы, а в другом — четырехугольное.

В эпоху бронзы в западной части Кавказа широко были распространены погребальные сооружения типа дольменов. Последние обнаруживают много общего с дольменами ст. Новосвободной. Но и Эшерские дольмены, и многочисленные дольмены, расположенные в Краснодарском крае, судя по всему, моложе дольменов ст. Новосвободной. Новосвободненские дольмены, таким образом, можно поставить хронологически во главе всей группы кавказских дольменов и считать, что именно в эпоху бытования майкопской культуры или, точнее, той ее фазы, которую представляют курганы рассматриваемой группы (второй), на Кавказе впервые появляются каменные погребальные сооружения типа дольменов. Почему они появились здесь,— это вопрос сложный и специальный, рассмотрение которого не входит в нашу задачу [349]. Сейчас ясно, что дольмены появились на Кавказе и в частности на Северо-Западном Кавказе в эпоху ранней бронзы, но обычай погребать в дольменах не получил распространения среди племен майкопской культуры. Этот обычай начал широко практиковаться в северо-западной части ареала майкопской культуры в последующую эпоху — в течение, пожалуй, всего II и начала I тыс. до н. э.

Что же касается каменной одиннадцатигранной гробницы, открытой в Новосвободной, то это уникальное могильное сооружение не имеет аналогий на Кавказе. Уникальна, во всяком случае для изучаемой эпохи Кавказа в целом, и каменная гробница, открытая в Нальчикском кургане. Она сложена из 24-х вертикально поставленных плит.

Мы отметили уже несколько необычную форму могилы в самом Майкопском кургане, имевшей два основных отделения, одно из которых в свою очередь было разделено еще на две части. Необычна форма могильных сооружений и в курганах у ст. Новосвободной и в г. Нальчике. И во всех этих случаях могилы отличаются богатством погребального инвентаря. Поэтому мы полагаем, что необычность формы могильного сооружения, всегда тщательно сложенного из хорошо отесанных и пригнан-

---

[349] Изучением дольменной культуры Кавказа специально занимается В. И. Марковин. По его мнению, наиболее ранние дольмены Кавказа находят аналогии в Пиренеях и на о-ве Сардиния, но сейчас трудно определить, какая часть Пиренейского полуострова или какой из островов Средиземноморья явились исходными пунктами для продвижения строителей мегалитов в сторону Кавказа (см.: *В. И. Марковин.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974, стр. 43).

ных друг к другу каменных плит, связана с имущественным и особенно социальным положением погребенного в нем. Безусловно, что во всех этих курганах были погребены не рядовые члены общества, а возможно, как считают, вожди племен [350]. Ведь необычны только форма могильного сооружения и богатство самих этих могил. В остальном же эти курганы ничем не отличаются от других.

И здесь мы, наконец, должны сказать о самом способе захоронения в майкопских курганах второй группы. Отметим, что и в богатых курганах, как в Новосвободной и Нальчике, и в рядовых способ захоронения отличается в целом единством.

В подавляющем большинстве курганов, за исключением тех, разумеется, в которых погребения оказались разрушены и способ захоронения выяснить не удалось, мы наблюдаем в общем одинаковый обычай погребения. Умершие погребены в скорченном положении, на боку, головами преимущественно в южном направлении. Довольно полное представление об особенностях способа захоронения в рассматриваемых курганах дает Бамутский могильник. Здесь в 14 случаях удалось точно определить положение погребенного. При этом в 11 погребениях покойники были положены в скорченном положении на правом боку. На правом же боку находились погребенные в курганах у селений Лескен, Чегем I и II и Кишпек, в Кепах и в каменном ящике на поселении Скала. Таким образом, можно считать, что для погребений данных курганов характерно положение покойников в скорченном состоянии, главным образом на правом боку. В Бамутских курганах зафиксировано только два случая захоронения на левом боку (курганы 2 и 10), а для других курганов мы не имеем ни одного достоверного примера погребения на левом боку, за исключением погребений в курганах у ст. Мекенской. Последние отличаются от остальных и некоторыми другими особенностями (устройство могилы и т. д.). Хотя мы и включили их вслед за другими авторами в группу памятников майкопской культуры, тем не менее твердой уверенности в их действительной принадлежности к рассматриваемой культуре у нас нет.

Рассматривая способ погребения в майкопских курганах, мы должны специально сказать о двух погребениях, открытых в Бамутском могильнике. В первом из них (курган 3) захоронение было совершено на спине, с сильно подогнутыми ногами и головой на юго-запад-запад. Это пока единственный случай в майкопских курганах, когда покойник положен на спине, с подогнутыми ногами.

---

[350] *В. М. Массон.* Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации). «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 103—104. В. М. Массон обращает внимание на то, что в Майкопском кургане и Нальчикской гробнице наряду с предполагаемым основным захоронением имелись и по два других погребения, менее богатых. На этом основании он полагает, что «подобная повторяемость может свидетельствовать в пользу того, что сопровождающие погребения являются составной частью самого обряда, а в таком случае, если считать все погребения одновременными, речь должна идти о человеческих жертвоприношениях» (Там же, стр. 103). Это ответственный вывод. Думается, однако, что мы пока не располагаем достаточными данными для его обоснования.

Определенный интерес вызывает курган 12 Бамутского могильника, где были захоронены части тела (сохранились таз и бедренные кости) от двух умерших. Небольшие размеры могилы объясняются этим обстоятельством. Говорить в данном случае о разрушении могилы не приходится. Объяснить этот «странный факт» мы затрудняемся. Ни в одном майкопском погребении до сих пор ничего подобного не отмечено. Здесь допустимы самые различные предположения. Возможно, что это части тел убитых врагов, или мы наблюдаем в этом кургане какую-нибудь особенность погребального обряда населения Северного Кавказа эпохи ранней бронзы, до сих пор нам не известную. Можно говорить и о вторичном погребении, и о расчлененном захоронении и т. д.

Отметим также, что в центральной могиле одного из курганов (6) в Бамуте вообще не было никаких останков костяка. Вероятно, здесь была могила-кенотаф. Известно, что обычай устраивать могилу для умершего или погибшего «на стороне» сородича и класть в нее погребальный инвентарь был широко распространен в различное время на обширном пространстве. Он, как видим, не был чужд и племенам майкопской культуры.

Остановимся теперь на ориентировке погребенных. В Бамутском могильнике в одном случае (курган 2) погребенный был положен головой на северо-запад-запад; в трех случаях (курганы 3, 13 и 15) — на юго-запад-запад; в двух курганах (5 и 17) — на восток; в курганах 10 и 18 — на юг; в кургане 3 — на юго-юго-запад; в кургане 4 — на север и в кургане 9 — на северо-восток-восток. Что же касается других курганов, то в кургане у с. Лескен умерший лежал головой на северо-запад-запад; в Нальчикской гробнице, каменном ящике на Скале и кургане у ст. Разменной — на юго-восток; в Кепах — на юго-юго-восток; в курганах у станиц Воздвиженской и Новосвободной — на юг, а в кургане у ст. Келермесской один умерший был ориентирован головой на юг, а другой — на восток. Что же касается курганов в бассейне Чегема и Баксана, то в них погребенные ориентированы головами на юго-запад.

Таким образом, мы видим, что определенной, устойчивой ориентировки погребенных в этих курганах нет. В подавляющем большинстве случаев наблюдается южная ориентировка с отклонением как на восток, так и на запад.

Могилы в майкопских курганах отличаются значительными размерами. Умершие были положены в них, в частности в курганах 3, 10, 15 Бамутского могильника и Нальчикской гробнице, в юго-западной части могилы, а в курганах ст. Новосвободной они лежали вдоль западной стенки большого отделения дольменов.

Наконец, в некоторых погребениях рассматриваемых курганов отмечено по два и более погребенных. Так, в курганах у ст. Келермесской и Чегем II (18) в могиле было два костяка, а у ст. Воздвиженской — четыре; все они лежали в скорченном положении, на боку, головой на юг.

Следует отметить еще, что в некоторых курганах второй группы, например в Усть-Джегутинском могильнике, под каменной насыпью или вокруг нее на уровне древнего горизонта прослежены зольные пятна, обломки битой посуды и кости животных. Вероятно это остатки тризны.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что курганы второй группы майкопской культуры характеризуются в целом единством многих признаков, касающихся как конструкции насыпи, формы и размеров могилы, так и самого способа захоронения. И при этом мы видим много общего между ними и курганами первой группы. Это — крайне важное обстоятельство, указывающее на генетическую связь между рассмотренными группами погребальных памятников.

На самом деле, даже при самом строгом подходе мы не можем не констатировать, что между этими курганами общего больше, чем разного. Если говорить о характере насыпей или, точнее, об их конструкции, то разница заключается в том, что курганы первой группы целиком земляные, в то время как центральная часть курганов второй группы часто сложена из камней. В остальном же между ними по существу никакого различия нет. Возьмем для примера Усть-Джегутинские курганы. Мы видим, что способ укрепления краев курганов как первой, так и второй группы там один и тот же. Одинаковы по форме, размерам и другим особенностям кромлехи в этих курганах.

Что касается собственно могил, то в курганах первой группы они представляют собой большие прямоугольные ямы, вырытые в материковом слое. В курганах же второй группы они также большие по размерам и прямоугольной формы, но устроены прямо под насыпью на уровне древнего горизонта. Дно могилы здесь часто выложено галькой, но и в Майкопском кургане прослежена каменная кладка по дну могилы. Важно и то, что могилы имеют почти одинаковую ориентировку.

Способ же захоронения в тех и других курганах отличается по существу полным единством. Иногда в могилах той и другой группы курганов встречаются захоронения двух и более умерших.

Если же учесть, наконец, выделенный нами ряд курганов, занимающих как бы промежуточное положение между курганами первой и второй групп, то не остается никаких сомнений в генетической связи всех рассматриваемых памятников. Они характеризуют не две самостоятельные культуры раннебронзового века Северного Кавказа (майкопскую и новосвободненскую), как это представляется некоторым исследователям, а единую культуру на разных этапах ее развития [351]. По периодизации А. А. Иессена, первая группа курганов характеризует ранний (майкопский) этап изучаемой культуры, а вторая группа — поздний, или новосвободненский, этап. По всей вероятности, отмеченная нами промежуточная группа курганов, недостаточно пока четко представленная и потому

[351] В главе I мы упоминали, в частности, А. Д. Столяра, который считает, что майкопский и новосвободненский этапы отражают не два периода развития единой культуры, а являются самостоятельными, не связанными между собой культурами. Поскольку А. Д. Столяр ограничился лишь констатацией этого ответственного вывода, не приводя никаких доказательств, мы не станем вступать с ним в развернутый спор. Ведь надо при этом опровергнуть его аргументы, а их мы не знаем. Вообще серьезных аргументов и не может быть. Мы видим, что анализ погребального обряда убедительно доказывает генетическую связь памятников майкопской культуры раннего и позднего этапов, преемственность в развитии этой культуры. На это же указывает и погребальный инвентарь, в особенности керамика.

слабо исследованная, отражает средний этап в развитии майкопской культуры. Кстати, А. А. Формозов на основании изучения бытовых памятников также наметил три этапа в развитии майкопской культуры. И хотя при настоящем уровне накопления материалов и степени исследованности бытовых и погребальных комплексов раннебронзового века Северного Кавказа не представляется возможным в полном объеме изучить весь генезис рассматриваемой культуры, сопоставив данные бытовых и погребальных комплексов, тем не менее устанавливаемая сейчас трехэтапная периодизация майкопских памятников нам кажется правомерной.

Перейдем теперь к рассмотрению предметов погребального инвентаря. Остановимся лишь на основных, характерных категориях предметов, представленных в погребальных памятниках майкопской культуры, в частности на керамике и бронзе. Что же касается тех великолепных и безусловно импортных предметов из золота и серебра и разнообразных бус из полудрагоценных камней, в особенности из сердолика, которые обнаружены в Майкопском кургане, дольменах Новосвободной, Старомышастовском кладе, Нальчикской гробнице и некоторых других памятниках, то их в настоящей работе мы совершенно почти не касаемся. Дело в том, что все эти предметы весьма обстоятельно проанализированы в работе А. А. Иессена «К хронологии «больших кубанских курганов»». Позже были детально описаны и классифицированы отдельно по категориям материалы из дольменов ст. Новосвободной [352] и Нальчикской гробницы [353]. К их анализу мы не можем по существу ничего добавить. А главное, со времени выхода в свет упомянутого труда А. А. Иессена не получено каких-либо принципиально новых данных, могущих указать нам точно, каким именно путем эти предметы попали на Северный Кавказ. Дальше мы приводим новые факты и наблюдения, вытекающие из некоторых «рядовых» материалов и позволяющие установить связи Северного Кавказа с конкретной областью Передней Азии — Месопотамией.

Приступая к анализу погребального инвентаря [354], мы должны отметить, что в той и другой группе курганов основную часть погребального инвентаря составляет керамика. Правда, в отличие от курганов первой группы, в погребальных комплексах, объединяемых вокруг дольменов Новосвободной, представлено значительное количество металлических бронзовых предметов.

Прежде чем перейти к керамике и бронзовым предметам, остановимся на немногочисленных каменных и костяных предметах, обнаруженных в майкопских погребениях.

Среди предметов из камня, найденных, в частности, в самом Майкоп-

---

[352] *Т. Б. Попова.* Указ. соч.

[353] *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница.

[354] В двух погребениях у с. Кишпек (курганы 1 и 5) отмечены следы кострища в виде золы. Как видно из описания остальных погребальных памятников майкопской культуры, в них подобных следов зафиксировано не было. Следовательно, это особенность только кишпекских курганов. Не характерным для обряда захоронения племен майкопской культуры в целом следует признать и обычай класть в могилу мясо животных. Кости животных, в особенности мелкого рогатого скота, найдены лишь в нескольких погребениях, например в Кабардино-Балкарии (чегемско-баксанские курганы).

ском кургане, обращает на себя внимание серия кремневых микролитических геометрических орудий в виде сегмента. Это — весьма архаическая форма каменных орудий, восходящая к каменному веку. Майкопский курган — единственный погребальный памятник изучаемой культуры, где встречены такие орудия. В бытовых памятниках они представлены. Например, общее количество обнаруженных в Мешоко сегментов достигает 100 экз.

Микролитические орудия именно этой формы пользовались, видимо, у майкопцев популярностью. Поэтому не случайно, что они были положены в могилу родо-племенного вождя, погребенного в Майкопском кургане.

В этом же кургане найдена группа прекрасно сделанных кремневых наконечников стрел миндалевидной формы, покрытых с двух сторон тонкой ретушью (7 экз). Такой формы кремневые стрелы имеются в памятниках Северного Кавказа III тыс. до н. э., в частности они найдены на поселении у г. Кисловодска. Вообще в майкопских поселениях обнаружено немало наконечников стрел. Например, в Мешоко представлена значительная серия кремневых стрел, в том числе черешковых, с выемчатым и прямым основанием. Среди них имеются как крупные, так и весьма миниатюрные, часто тщательно обработанные двусторонней ретушью, но таких, как в Майкопе, там нет. Последние весьма близки по форме, размерам и технике обработки кремневым наконечникам стрел из памятников Месопотамии III тыс. до н. э., в частности Телль Биллы [355], Тепе-Гавры (слои VIII—VII) [356], Брака [357] и др.

В других раннемайкопских погребениях наконечников стрел не найдено, но они есть в курганах второй группы, например в одном из дольменов (курган 2) в Новосвободной и в погребении у ст. Костромской [358], а также в курганах в бассейне Чегема и Баксана [359]. По форме эти стрелы резко отличаются от найденных в Майкопе. Они имеют асимметричное основание и аналогичны по этому признаку наконечникам стрел, найденным в таких памятниках, как Мешоко, Долинское поселение и др. Эти так называемые флажковидные стрелы можно считать характерными для поздних памятников майкопской культуры, хотя они встречаются и в некоторых памятниках раннебронзового века Закавказья.

Отметим здесь же, что в том же дольмене у ст. Новосвободной найдено шесть двусторонне обработанных кремневых наконечников дротиков длиной 9—10 см и шириной 1,5—2,5 см, с пильчатыми краями [360]. В других погребениях аналогичных предметов мы не знаем. Неизвестны в других

---

[355] Национальный музей Ирака (Багдад), № 26015, 26037, 26041 и др.; Музей в Мосуле, № 26031, 26033, 26039 и т. д.

[356] *E. A. Speiser.* Excavations at Tepe Gawra, vol. I. Philadelphia, 1935, pl. XXXVIII, *12—16.*

[357] *M. Mallowan.* Excavations at Brak and Chagar Bazar. «Iraq», vol. IX. London, 1947, p. 180—181, pl. XXXVII.

[358] *Т. Б. Попова.* Указ. соч., табл. IV.

[359] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., рис. 6, *1—10.* Укажем здесь, что в некоторых курганах (Нальчикская гробница, курган 27 у с. Чегем II и др.) встречены и костяные круглые в сечении стрелы.

[360] *Т. Б. Попова.* Указ. соч., табл. IV.

майкопских погребениях и найденные в новосвободненских дольменах пращевые шары [361]. Их всего четыре, сделаны все из разных пород — из кораллового известняка, белого гранита, роговика и мела [362]. Любопытно, что совершенно аналогичные им пращевые шары, в том числе выточенные из алебастра, имеются в памятниках III тыс. до н. э. Месопотамии [363].

Следует отметить еще, что в кургане 36 у ст. Усть-Джегутинской найдена каменная шаровидная булава диаметром 4,6—5,5 см (диаметр отверстия 1,5 см). В собственно майкопских памятниках наконечники булав редки [364]. Как было отмечено, они относительно широко представлены в куро-аракской культуре.

Что же касается каменных орудий труда, то в Майкопском кургане и кургане 13 у ст. Усть-Джегутинской найдены каменные топоры, в первом случае в виде тесла [365], а во втором — долота [366]. Подобные орудия, характерные, как известно, больше для неолита и энеолита [367], были широко распространены на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы. Об этом свидетельствуют находки их в значительном количестве в поселениях майкопской культуры, например в Мешоко.

В курганах же второй группы лишь в одном случае (Бамут) обнаружен каменный диоритовый топор (рис. 72, *11*). Он в своем роде уникален, повторяет форму бронзовых проушных топоров архаического типа [368]. В верхней части его имеется проушина в виде поперечного круглого сквозного отверстия, выполненного односторонним сверлением (рис. 72, *11*). На обухе легкое, но заметное ребро. Поверхность топора прекрасно полирована.

Укажем, наконец, на каменные топоры (рис. 64) клювовидной формы в курганах у с. Чегем I и II. Все они тщательно отшлифованы. Размеры их: высота от 8 до 12 см, ширина от 3 до 4,5 см. Для майкопской культуры такие орудия не характерны. Находки единичных экземпляров совершенно аналогичных топоров отмечены в памятниках ямной культуры [369]. Каково их происхождение и назначение, остается неясным.

Отметим также, что в ряде курганов майкопской культуры найдены точильные камни. В частности, они представлены в Майкопском кургане, Новосвободненских дольменах и в курганах у ст. Усть-Джегутинской (13) и у с. Чегем I, в Бамутском могильнике (курган 6) и других памятниках. В Майкопе (рис. 39, *1*), в Усть-Джегутинской и Костромской на одном конце оселков имеются круглые отверстия для подвешива-

---

361 *Т. Б. Попова.* Указ. соч., табл. I, *1—3, 9.*

362 Там же, стр. 40.

363 Серия таких пращевых шаров, происходящих из памятников Двуречья III тыс. до н. э., выставлена, в частности, в экспозиции Багдадского и Мосульского музеев.

364 В Майкопском кургане найден каменный шарообразный предмет с отверстием (ОАК за 1897 г., стр. 6, рис. 19). А. А. Формозов предполагает, что это булава.

365 *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 71, рис. 32.

366 *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., стр. 142, рис. 8, *1.*

367 *В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев.* О двух типах каменных орудий на Северном Кавказе. КСИА, вып. 84, 1961.

368 *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура..., стр. 55, рис. 11.

369 *Н. Я. Мерперт.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, стр. 75, рис. 10, *6.*

ния. Несколько отличаются своей формой точильные бруски из Новосвободной, достигающие в длину от 10 до 27 см [370].

Что же касается каменных украшений, то в майкопских погребениях чаще всего встречаются сердоликовые бусины. Они импортного (считается, иранского) происхождения, и мы на них останавливаться не будем [371]. Из других же находок укажем на каплевидные подвески и каменные браслеты. Те и другие представлены в единичных комплексах: первые — в дольменах Новосвободной, а вторые — в кургане между ст. Тульской и ст. Севастопольской (один целый браслет) [372] и в кургане 3 у ст. Усть-Джегутинской (обломок браслета) [373]. Каплевидные подвески и каменные браслеты, представленные в значительных сериях в ряде прикубанских поселений (особенно в Мешоко), можно рассматривать как характерные для майкопской культуры предметы.

Костяные же предметы, за исключением упомянутых наконечников стрел, обнаружены по существу только в Усть-Джегутинском могильнике [374]. Здесь в кургане 13 найдена булавка с круглым стержнем и треугольным навершием, длиной 7,3 см (рис. 47, *9*), а в кургане 33 — пряслице полусферической формы. Подобных булавок в майкопских памятниках не встречено. Насколько нам известно, они отсутствуют и в синхронных комплексах сопредельных территорий. Роговые булавки, содержащиеся часто в погребениях ямной культуры и аналогичные по форме бронзовым булавкам из памятников северокавказской культуры, резко отличаются от усть-джегутинской. Последняя не может быть сопоставлена и с металлическими булавками посоховидной формы, представленными в дольменах Новосвободной и более поздних памятниках Северного Кавказа и Калмыкии. О пряслице же особенно распространяться не приходится. Таких костяных орудий в майкопских памятниках нет, но глиняные пряслица имеются. Аналогичные костяные полусферические пряслица в значительном количестве обнаружены в памятниках куро-аракской культуры.

Как видим, рассмотренный материал из погребальных памятников майкопской культуры немногочислен, хотя и весьма выразителен в отдельных случаях. Сам по себе он не может служить основанием для каких-либо широких обобщений и принципиальных заключений. Во всяком случае присутствие отмеченных предметов в соответствующих комплексах не только не нарушает намечаемой периодизации, но в известной степени подтверждает ее правильность.

Переходим к рассмотрению основной части инвентаря погребальных памятников майкопской культуры — керамике.

Наиболее значительная серия раннемайкопской керамики происходит из курганов Усть-Джегутинского могильника. Там найдено не менее 50 сосудов. Девять сосудов обнаружено в Майкопском кургане и несколь-

---

370 *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 40; табл. XVI.

371 Обзор находок сердоликовых бус в ряде памятников майкопской культуры дан в книге А. А. Формозова «Каменный век...», стр. 123.

372 *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 78, рис. 37.

373 *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 3, *6*.

374 В кургане 1 у хут. Рассвет найдена костяная муфта.

ко горшков — в других курганах. Все эти сосуды, за единичным исключением, отличаются поразительным однообразием. Для того чтобы составить полное представление о них, опишем сосуды, происходящие прежде всего из самого Майкопского кургана. До сих пор они по сути дела не описаны и не изданы. Все девять сосудов находились в южной половине могилы Майкопского кургана и хранятся сейчас в Эрмитаже.

Первый [375] из них — миниатюрный горшочек с округлым туловом и невысоким, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 39, *1*). Днище округло-уплощенное. Он темно-серого цвета, залощен с обеих сторон почти до блеска. На поверхности кое-где выступают заметно следы лощила (деревянного или костяного, шириной 0,2—0,3 см). Размеры: высота 8 см, диаметр тулова максимальный 9,5 см, диаметр по краю венчика 7,5 см и диаметр днища 4,5 см.

Второй горшок совершенно аналогичен первому по форме, но более крупный (рис. 39, *2*). Внешняя поверхность светло-охристого цвета. Местами сохранился тонкий ангоб коричневого и бледно-бурого цвета. Тщательно залощен с внешней стороны. Размеры соответственно: 17 см, 18 см, 12 см и 6 см (днище более округленное).

Точно такой же по форме и следующий горшок (рис. 39, *3*). Он охристого цвета, покрыт тонким слоем ангоба коричневого цвета и хорошо залощен. Размеры: 9 см, 10,6 см, 6,5 см и 4 см.

Четвертый горшок довольно крупный, но имеет подобную же форму (рис. 39, *5*). Отличается еще и тем, что край венчика его утолщен и почти округлен и имеет серую и светло-бурую лощеную поверхность. Размеры: 20 см, 22 см, 11 см и 5 (?) см.

Обычной формы и пятый сосуд. Он также сравнительно большой. Отличается от других несколько более высоким венчиком, наличием желобка на месте перегиба венчика и грубой выделкой (рис. 39, *4*). Поверхность плохо залощена, имеет серый, темно-серый, светло-коричневый и охристо-коричневый оттенки. Размеры: 19 см, 23 см, 21 см и 6—7 см.

Шестой сосуд имеет также шаровидное тулово и округло-плоское днище, но венчик его отогнут наружу не столь резко и край венчика не утончен (рис. 39, *6*). Он охристого цвета, с внешней стороны покрыт тонким слоем ангоба светло-коричневого цвета и залощен до блеска. Размеры: 20 см, 20,5 см, 11,8 см и 6—7 см.

Следующий сосуд обычной формы — имеет округлое тулово, невысокий (2 см), резко отогнутый наружу венчик и округленно-плоское днище (рис. 39, *7*). Наружная поверхность хорошо заглажена, светло-серого цвета. Размеры соответственно 17 см, 19 см, 12 см и 6 см.

Восьмой горшок также обычной формы (рис. 39, *8*). Внешняя поверхность светло-коричневого цвета (на ней сохранились следы ангоба коричневато-бурого цвета), залощена, местами до блеска, а изнутри хорошо заглажена. Размеры: 15,2 см, 19 см, 11 см и 3 см.

Заметно отличается от описанных как по форме, так и по размерам последний, девятый, сосуд, найденный в этом кургане. Он вытянуто-яйце-

[375] Описание дается в той же последовательности, в какой эти сосуды значатся в Эрмитаже, начиная с № 34/107 и до № 34/3414. Номер последнего, девятого сосуда — ?; он находится в экспозиции музея.

видной формы с почти прямым венчиком (высотой 4—5 см) и совершенно округлым дном. Он охристого цвета, покрыт тонким коричневым ангобом и залощен. Размеры: высота приблизительно 30—35 см, диаметр по краю венчика около 10—12 см [376].

Таков комплекс керамики из Майкопского кургана. Все сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины, лишенной каких-либо примесей, и неплохо обожжены. Ни один из них не имеет ручек и орнамента.

Что же представляют собой сосуды из Усть-Джегутинских курганов? Они также изготовлены из хорошо отмученной глины и отличаются ровным обжигом. Все сосуды лощеные, иногда до металлического блеска; цвет большинства из них охристо-желтый или красно-желтый, редко — серый или серо-желтый. Они однотипны по существу и отличаются той же самой формой, что и большинство сосудов из Майкопского кургана (рис. 44; 46; 47). Это преимущественно небольшие горшки с округлошаровидным туловом и, как правило, невысоким, резко отогнутым наружу венчиком. Самый большой из них имеет следующие размеры: высота 15 см, диаметр по внешнему краю венчика 11 см, диаметр днища 8 см; а наименьший — соответственно 8 см, 5,5 см и 4 см. У усть-джегутинских сосудов днище более уплощенное. Среди них выделяется несколько горшков с резко подчеркнутой нижней частью — она отделена как бы ребром (рис. 46, *6*, *9*). Отметим также найденный в кургане 13 обломок двусторонне лощеной чаши охристо-красного цвета высотой 5 см [377], аналогий которой нет. Любопытно, что в одном случае здесь на горшке имеется ручка в виде ушка [378]. Более интересен орнамент, которым украшено несколько горшков. Он в виде «глазка», расположен на лицевой стороне сосуда (рис. 47, *5*).

Укажем также, что совершенно аналогичный глиняный горшок кирпичного цвета высотой 10,3 см, покрытый тонким слоем светло-коричневого ангоба, найден в кургане на участке Зиссерманов [379]. Подобные же сосуды происходят из курганов у ст. Казанской и в «Садках» в Нальчике [380], а также из пос. Адагум (рис. 40, *3*). По их образцам изготовлялись и каменные сосуды. Так, в кургане 11 Усть-Джегутинского могильника найден миниатюрный алебастровый сосудик высотой 5,5 см (рис. 45, *3*), точно повторяющий форму описанных глиняных горшков. Почти аналогичный по форме и размерам глиняный сосудик из белого известняка высотой 6 см обнаружен в кургане 3 у хут. Рассвет. Наконец, в комплексе Майкопского кургана имеется абсолютно аналогичный серебряный сосуд (рис. 35, *5*).

Эта форма сосудов не сразу исчезла на Северном Кавказе. Она спорадически встречается и в относительно более поздних погребениях май-

[376] Поскольку этот сосуд находится в экспозиции Эрмитажа, нам не удалось его измерить, и поэтому размеры его мы указываем приблизительно. Кстати, рядом с ним в экспозиции стоит другой, совершенно аналогичный по форме яйцевидный сосуд высотой около 45 см при диаметре горловины примерно 15 см, охристо-кирпичного цвета. К сожалению, неизвестны место и условия находки этого сосуда.

[377] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 7, *2*.

[378] Там же, рис. 5, *1*.

[379] Хранится в ГИМ (Москва), инв. № 42419.

[380] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 18, рис. 2, *6*.

копской культуры. Так, аналогичные по форме горшки обнаружены в некоторых курганах второй группы Усть-Джегутинского могильника, у хут. Рассвет, в Кепах, в каменном ящике на Скале, в кургане 20 у с. Чегем I. Эти памятники по всем другим признакам обнаруживают больше связей с курганами второй группы майкопской культуры или, точнее, выделяются в промежуточную группу. Интересно, что многие сосуды в курганах у хут. Рассвет круглодонные, а один имеет такие же ручки в виде ушка, как на упомянутом горшке из Усть-Джегутинской.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на круглодонный сосуд с шарообразным туловом и прямым венчиком высотой 4 см (рис. 40, *5*), происходящий из раскопок Н. И. Веселовского в Армавире [381]. Он кирпичного цвета, изготовлен из прекрасно отмученной глины, покрыт с внешней стороны ангобом охристого цвета. Высота его 14,3 см, диаметр по венчику 9,4 см. По всей вероятности, он найден в основном погребении упомянутого кургана, хотя и не отмечен там. Принадлежность данного комплекса к майкопской культуре нами была подвергнута сомнению. Если этот сосуд действительно связан с указанным погребением, то последнее бесспорно относится к майкопской культуре и входит, возможно, в выделяемую нами промежуточную группу курганов.

Завершая анализ керамики из раннемайкопских погребений, следует отметить, что в нижних слоях Мешоко обнаружена тонкостенная, тщательно лощеная и почти всегда неорнаментированная керамика красновато-желтого и серого цветов. А. А. Формозов, на наш взгляд, справедливо сопоставляет ее с керамикой из Майкопского кургана [382] и тем самым, добавим, с керамикой из всех курганов первой группы, т. е. раннемайкопских погребальных памятников. К сожалению, в Мешоко керамика настолько измельчена, что восстановить формы ее не удается. Поэтому мы не можем говорить о том, что там представлена такая же форма, как в погребальных комплексах. В других поселениях она зафиксирована, например в поселении Хаджох I (рис. 40, *1*) [383]. Видимо, и в Мешоко наряду с другими имелись сосуды такой же формы.

Если обратиться к возможным аналогиям данной формы майкопской керамики, то мы их не обнаружим ни в комплексах куро-аракской культуры, ни в памятниках синхронной ямной культуры. Действительно, среди многочисленной керамики этих культур и в особенности куро-аракской нет ни одного сосуда, который можно типологически сопоставить с раннемайкопскими горшками. Вместе с тем последние находят соответствие по форме в керамике Месопотамии V—III тыс. до н. э. Так, например, на выставке «Сокровища Ирака», демонстрировавшейся весной 1968 г. в СССР, были выставлены два лощеных сосуда с шаровидным туловом, округленным дном и коротким отогнутым наружу венчиком, совершенно аналогичные по форме описанным майкопским горшкам. Один из них происходит из Тепе-Гавры, второй — из Телль-ат-Теллалат; оба датированы IV тыс. до н. э.

Целый ряд аналогичных сосудов, в том числе покрытых красновато-

[381] ГИМ, инв. № 48479.
[382] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 75.
[383] Там же, стр. 118, рис. 57.

коричневым ангобом и залощенных, происходящих из древнейших памятников Северной Месопотамии (особенно из Тепе-Гавры)[384], представлены в экспозиции Иракского национального музея в Багдаде. Правда, большинство из них отличается крупными размерами и расписной орнаментацией. В данном случае важно, что такая форма посуды была распространена в эпоху энеолита и ранней бронзы на севере Месопотамии. Сам по себе этот факт, вероятно, ничего бы не значил. Но если учесть, что в памятниках Месопотамии, в частности в той же Тепе-Гавре, мы находим аналогии и некоторым другим предметам, представленным в майкопских памятниках, то данный факт естественно приобретает определенный и важный смысл. Мы уже отметили, что кремневые наконечники стрел из Майкопского кургана и пращевые шары из Новосвободной удивительно похожи на предметы из Месопотамии. Забегая вперед, отметим, что близки месопотамским некоторые формы металлических предметов из памятников ранней бронзы Северного Кавказа, в особенности из Майкопского и Новосвободненских курганов. Возьмем для примера еще такие изделия, как золотые ленты из Нальчикской гробницы или серебряные булавки с ушком и посоховидные булавки из дольменов Новосвободной. Всем им аналогии мы находим только в Месопотамии. Подобные золотые ленты, украшавшие головные уборы и, возможно, одежду, найдены в значительном количестве в Уре, а также в Тепе-Гавре и Ниппуре. Совершенно почти аналогичные булавки, сделанные из золота, представлены в том же Уре. Любопытно, что золотые посоховидные булавки из Ура, как и северокавказские, заканчиваются круглой головкой. Таким образом, близость между отдельными предметами проявляется даже в деталях.

В свете отмеченных фактов нам представляется несомненным, что описанная форма керамики из раннемайкопских памятников имеет переднеазиатское или, точнее, месопотамское происхождение. Примечателен и тот факт, что гончарный круг, с помощью которого изготовлена часть позднемайкопской керамики, по своим конструктивным особенностям, как будет показано дальше, также месопотамского происхождения.

Обратимся теперь к керамике из второй группы курганов майкопской культуры. Она уже более или менее подробно описана в литературе. Поэтому мы ограничимся ее общей характеристикой.

По характеру глины, цвету, обработке поверхности, набору примесей и некоторым другим признакам вся позднемайкопская керамика отличается в целом большим единообразием и по многим из этих признаков совершенно аналогична керамике из курганов первой группы. В этом и проявляется их, можно уверенно сказать, генетическая преемственность, но между ними имеется и определенное различие.

Если в курганах первой группы представлен по существу один тип посуды в виде небольших горшков, то в курганах второй группы сосуды довольно разнообразны. Здесь преобладают крупные толстостенные сосуды. Горшков небольшого размера очень мало. Среди них имеются,

---

[384] *A. Tobler.* Excavations at Tepe Gavra, vol. II. Philadelphia, 1934, pl. CXXXVI, *300—305;* CXXXIX, *308—309.*

как уже отмечалось нами, и сосуды, подобные найденным в курганах первой группы. Укажем, кстати, что в кургане 33 у ст. Усть-Джегутинской найден чрезвычайно интересный плоскодонный лощеный сосудик с рифлеными стенками (рис. 46, *8*), а обломок такого же сосуда обнаружен на стоянке Хаджох III [385]. Возможно, А. А. Формозов прав, относя последний к группе импортной керамики [386].

Керамика изготовлена из тщательно отмученной глины, хорошо обожжена и имеет часто охристый или красно-охристый цвет. Многие сосуды покрыты тонким ангобом красновато-коричневого цвета и залощены иногда до блеска.

Наиболее распространенной формой керамики в курганах второй группы являются плоскодонные сосуды с округлым и реже уплощенно-шаровидным или яйцевидным туловом, короткой цилиндрической шейкой и резко отогнутым краем венчика. Они различны по размерам — от небольших, высотой 15—20 см, до весьма крупных, высотой до 50 см. Есть все основания считать, что они связаны по форме с горшками из курганов первой группы и представляют дальнейшее развитие формы последних.

Значительная серия сосудов этого типа происходит из чегемско-баксанских и особенно Бамутских курганов (рис. 65; 66). В Бамуте, в частности, найден яйцевидный сосуд (рис. 69, *3*), почти аналогичный по форме и размерам девятому из описанных сосудов Майкопского кургана.

Следует сказать особо о большом красно-охристом остродонном сосуде яйцевидной формы, найденном в кургане 24 у ст. Усть-Джегутинской. Он украшен по тулову ложноверевочным орнаментом [387].

Такой формы яйцевидных сосудов нет больше ни в одном майкопском памятнике, но они есть, как известно, и в значительном количестве в памятниках ямной культуры, причем и там украшены веревочным орнаментом. Поэтому нам думается, что население, соорудившее некоторые из Усть-Джегутинских курганов, в результате контактов с племенами ямной культуры Приазовья и Подонья переняло у последних данную форму керамики и орнамент. Кстати, один из обломков нижней части сосуда в том же кургане 33 также украшен веревочным узором [388].

В позднемайкопских курганах, кроме того, встречены сосуды типа кувшинов с высокой цилиндрической шейкой, как, например, чернолощеный сосуд из Новосвободной, а также миски, в том числе маленькие круглодонные [389]. Отметим, что такие миски найдены на полуострове Фонтан, у хут. Рассвет, в чегемско-баксанских и бамутских курганах и др. В курганах у ст. Усть-Джегутинской обнаружены двусторонне лощеные миски, иногда с загнутым внутрь или отогнутым наружу и утонченным к краю венчиком [390]. Там же имеется несколько обломков

---

[385] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 80—81, рис. 40, *2*.
[386] Там же, стр. 80.
[387] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 9, *2*.
[388] Там же, стр. 150.
[389] Как пережиток круглодонные сосуды сохранились и в позднемайкопское время.
[390] *Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло.* Указ. соч., рис. 3, *1—3*.

от глубоких чаш с округленным краем венчика, круглодонный горшок и обломок нижней части краснокрашенного сосуда из хорошо отмученной и прекрасно обожженной глины [391]. Если последний уникален (в памятниках майкопской культуры крашеной керамики нет)[392], то другие имеют аналогии в северокавказских памятниках III тыс. до н. э., в частности в Долинском поселении и др. Кстати, если говорить о керамике бытовых памятников майкопской культуры, то, судя по Мешоко, в ее развитии наблюдается такая же тенденция — от тонкостенных лощеных горшков до крупных толстостенных сосудов преимущественно без лощения [393].

Следует отметить, что и на керамике из позднейших памятников ручки имеются лишь на единичных сосудах [394].

Наконец, об орнаментации керамики из второй группы курганов майкопской культуры. Украшена орнаментом небольшая часть сосудов. Встречается налепной и елочный орнамент; резной — в виде вертикальных и горизонтальных пересекающихся линий (Чегем II); самый распространенный и характерный — жемчужный орнамент, причем им украшены не только отдельные образцы керамики из погребальных и бытовых памятников, но и медные котлы (рис. 68; 73), а в одном случае (ст. Новосвободная) даже обушная часть бронзового топора.

На раннемайкопской керамике жемчужного орнамента совершенно нет. Он отсутствует и на керамике тех курганов, которые мы выделяем в промежуточную группу, в частности на сосудах из погребений у хут. Рассвет и чегемско-баксанских курганов. Его нет и на сосудах из курганов второй группы у ст. Усть-Джегутинской. Этот орнамент, можно считать, широко распространяется здесь, особенно в Прикубанье, на позднем этапе развития майкопской культуры. Следовательно, и на этом основании выделение промежуточной группы майкопских курганов оправдано. Более того, это обстоятельство дает основание полагать, что курганы второй группы Усть-Джегутинского могильника, в особенности курганы 32 и 33, хронологически несколько старше новосвободненских комплексов, Бамутского могильника и других позднемайкопских погребальных памятников. Они как бы возглавляют всю позднюю группу майкопских курганов. Неудивительно, что в этих Усть-Джегутинских курганах встречены ранние формы керамики и там еще нет сложившейся формы позднемайкопских сосудов.

Таким образом, проведенный анализ керамики приводит нас к такому же заключению, к какому мы пришли, рассмотрев обряд погребения, фиксируемый в майкопских курганах. Другими словами, керамические комплексы подтверждают правильность выделения рассмотренных групп курганов, в том числе даже промежуточной группы. В первой, ранней

---

[391] Там же, рис. 3, *8, 9*; 9, *4*.

[392] По всей вероятности, этот сосуд относится к импортной керамике, но откуда он попал сюда,— сказать трудно.

[393] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 119.

[394] На некоторых позднемайкопских поселениях найдены обломки высококачественных желтоглиняных сосудов с пластинчатыми ручками. Считается, что они импортные (откуда?). См.: *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 120.

группе мы имеем по существу один тип сосудов. Во второй, поздней, наблюдается сравнительное многообразие форм керамики, причем основная часть сосудов по форме связана с раннемайкопской керамикой. Несмотря на различие, керамика из той и другой групп курганов оказывается тесно связанной между собой. То же самое наблюдается, как известно, в обряде захоронения — ранние и поздние погребения связаны между собой рядом существенных общих признаков и даже отдельными деталями. Выделяется группа курганов, занимающая как бы промежуточное положение между двумя основными группами майкопских курганов. Если рассмотреть, например, сосуды из курганов у хут. Рассвет, которые относятся, по нашему мнению, как раз к этой промежуточной группе, то мы увидим, что они сочетают в себе признаки как ранней, так и поздней майкопской керамики. Поэтому мы полагаем, что эти курганы, как и некоторые другие, характеризуют средний этап развития майкопской культуры, который, подчеркиваем, слабо пока документирован и изучен.

Посмотрим теперь, к какому же выводу приводит нас анализ металла — другой важной категории инвентаря, представленного в рассмотренных группах курганов.

Поскольку в заключительной главе работы специально рассматривается проблема древнейшей металлургии Кавказа и в частности развитие металлообработки у племен майкопской культуры, мы здесь ограничимся общими замечаниями, вытекающими из сравнительного изучения бронзовых предметов из майкопских курганов.

Укажем прежде всего, что в курганах всех групп найдены металлические бронзовые изделия в виде орудий труда и предметов вооружения. Металл, из которого они изготовлены, по составу подразделяется на две группы: медно-мышьяковистую (основная часть) и медно-никелевую бронзу. По составу бронзы металлические изделия в той и другой группе курганов не отличаются между собой.

В курганах первой группы представлены только ножи-кинжалы, а в Майкопском кургане еще проушные топоры. Как первые, так и вторые относятся к типу архаических металлических предметов. Ножи-кинжалы бесченковые (рис. 41, *1—3*). Они найдены в Майкопском кургане, в кургане в «Садках» (Нальчик) и других памятниках. Правда, в кургане 13 у ст. Усть-Джегутинской обнаружен бронзовый нож-кинжал с почти выделенным черенком (рис. 41, *6*). В этом собственно и единственное различие между ними. Почти такой же по форме и размерам бронзовый нож-кинжал найден в одном из курганов у хут. Рассвет (рис. 41, *4*). Два последних ножа занимают типологически промежуточное положение между ножами-кинжалами из Майкопа и Нальчика, с одной стороны, и подобными предметами, обнаруженными в майкопских курганах второй группы,— с другой.

Можно считать, что в позднемайкопских курганах наиболее часто представлены именно ножи-кинжалы (рис. 56). Они обнаружены во многих погребениях, в том числе на Северо-Западном Кавказе, в Кабардино-Пятигорье и Чечено-Ингушетии. В Бамутских курганах их найдено больше шести.

Еще более значительная и разнообразная серия представлена в чегемско-баксанских комплексах. Все они черенковые с округленным концом и на продольной части имеют, как правило, два заметных ребра. Группа ножей-кинжалов аналогичного типа, происходящая из курганов в бассейне Чегема и Баксана (курган 5 у с. Кишпек и др.) отличается несколько от остальных наличием на лезвии двух, трех и пяти узких продольных желобков (рис. 56, *5, 11*). Длина ножей колеблется от 5—7 до 20 и более см.

А. А. Иессен типологически выводил их от раннемайкопских ножей-кинжалов [395]. Теперь, когда мы имеем промежуточную между ними форму, представленную в курганах у ст. Усть-Джегутинской и хут. Рассвет, такая типологическая связь (и не только типологическая!) представляется совершенно бесспорной.

Наряду с ножами-кинжалами в курганах второй группы майкопской культуры представлены проушные топоры (рис. 53), плоские тесловидные топоры (рис. 50), долотовидные желобчатые орудия (рис. 49), четырехгранные шилья, специфические литые орудия с двумя крюками и круглой втулкой (рис. 52) [396], металлическая посуда, в особенности медные котлы. Перечисленные предметы, а также бронзовые псалии обнаружены как на северо-западе, так и на юго-востоке ареала майкопской культуры. Как видим, в этих курганах металлический инвентарь более значителен по количеству и несравненно разнообразнее по форме. Это объясняется тем, что на позднем этапе майкопской культуры значительного развития достигает на Северном Кавказе металлообработка. Продукция местной металлообработки обладает особыми формами и признаками, что резко отличает ее от металлического инвентаря куро-аракской культуры и других синхронных культур [397].

Металлический инвентарь из рассмотренных групп майкопских курганов обнаруживает, можно сказать, ту же особенность, что и керамика: в ранних курганах представлен по существу один тип, да и то в ограниченном количестве, а в поздних наблюдается разнообразие форм. Мы можем без всяких натяжек говорить о том, что вывод из анализа металла майкопских курганов такой же в общем, какой мы сделали, рассмотрев погребальный обряд и керамику.

Таким образом, изучение погребальных памятников позволяет установить особенности культуры раннебронзового века Северного Кавказа, проследить ее генезис и наметить по ряду существенных признаков генетическую преемственность в ее развитии. Мы видим, что ранние курганы, как и соответствующие им отдельные формы материальной куль-

---

[395] *А. А. Иессен.* К хронологии..., табл. I. Отметим здесь, что в слое VI Тепе Гавры (раннединастический период) найден близкий по форме к позднемайкопским ножам-кинжалам медный нож с округленным концом лезвия и четко выделенным черенком. См.: *E. A. Speiser.* Указ. соч., pl. XLIX, *1*. Оттуда же происходит часть бритвы.

[396] Среди данной группы предметов выделяются «вешалка» с двумя крюками из кургана у с. Чегем II (рис. 64, *26*), орудие с одним крюком из дольменов Новосвободной (рис. 51, *3*) и оттуда же орудие с двумя крюками, втулка которого украшена двумя антропоморфными фигурами (рис. 52, *1*).

[397] См. об этом подробно в главе VII настоящей книги, стр. 391 сл.

туры, сконцентрированы главным образом в центральной части Северо-Западного Кавказа. Что же касается курганов второй группы и характерных форм керамики и металла позднемайкопской культуры, то они распространены значительно шире, охватывают почти всю предгорную полосу Северного Кавказа — от Таманского полуострова до Дагестана. Любопытно и крайне важно то, что и ранние бытовые памятники майкопской культуры расположены в той же части Северного Кавказа. Отсюда, следовательно, эта культура начала распространяться в другие области Предкавказья. Судя по курганам у хут. Рассвет, в Кепах и другим, которые мы рассматриваем как промежуточные между двумя основными группами курганов майкопской культуры, первоначально она распространилась на крайний северо-запад и центральную часть Северного Кавказа, а затем уже в Чечено-Ингушетию, т. е. в юго-восточные районы.

Усиленное развитие этой культуры и ее распространение почти на всей территории Предкавказья были вызваны как внутренними, так и внешними причинами [398]. Безусловно, связи с Передней Азией сыграли в этом общем процессе культурно-исторического развития Северного Кавказа в изучаемую эпоху немаловажную роль. Именно формирование этого (второго) компонента майкопской культуры, который так ярко характеризуют погребальные памятники этой культуры, в значительной степени было стимулировано связями с Югом, главным образом, как нам представляется, месопотамскими влияниями.

В заключение остановимся кратко на проблеме хронологии майкопской культуры. История ее изучения хорошо известна, и поэтому едва ли есть необходимость ее рассматривать здесь.

В настоящее время совершенно ясно, что майкопская культура относится к эпохе ранней бронзы. Установленная А. А. Иессеном на основании анализа главным образом металлического инвентаря относительная периодизация основных групп погребальных памятников этой культуры полностью обосновывается и проведенным нами исследованием обряда захоронения и керамики из погребений майкопской культуры. Более того, нами выделяется ряд погребальных памятников, которые занимают в системе относительной периодизации промежуточное положение между двумя основными группами курганов майкопской культуры. В некоторых случаях удается даже наметить относительное положение отдельных памятников внутри каждой группы. Так, например, Усть-Джегутинские ранние курганы, по нашему мнению, несколько моложе Майкопского кургана, а поздние — старше Новосвободненских дольменов. В целом же, таким образом, Усть-Джегутинский могильник занимает в хронологическом отношении положение между Майкопским курганом и Новосвободненскими дольменами. Надо еще раз подчеркнуть тот факт, что и на основании бытовых памятников намечается трехэтапная периодизация майкопской культуры. Удалось выделить ряд поселений, которые занимают промежуточное положение между двумя большими группами памятников этой культуры.

---

[398] В главе VII, где рассматриваются вопросы экономического развития Кавказа в эпоху ранней бронзы, затрагивается и этот вопрос.

Что же касается абсолютной хронологии майкопской культуры, то предложенная А. А. Иессеном датировка ее от середины до конца III тыс. до н. э. является в настоящее время общепризнанной [399]. Этой датировки придерживаемся и мы. К сожалению, мы не имеем пока никаких надежных данных, которые могли бы конкретизировать в абсолютных цифрах хронологию майкопской культуры в целом и отдельных этапов в ее развитии — в частности. До сих пор нет ни одной радиокарбонной даты для памятников этой культуры. Естественно, что без таких дат решать сейчас проблему абсолютной хронологии целой культуры и тем более отдельных групп памятников, характеризующих различные этапы ее развития, крайне затруднительно. Для подтверждения принятой хронологии майкопской культуры мы привлекаем ряд сравнительных радиокарбонных дат. Речь идет о дате (2530±120 лет до н. э.), полученной для кургана в Мильской степи, который по ряду признаков сближается с погребальными памятниками майкопской культуры. Кроме того, три даты (2090±60 лет до н. э.; 2160±60 лет до н. э.; 1950±60 лет до н. э.) получены для погребений Усть-Джегутинского могильника, которым, судя по стратиграфии и другим данным, непосредственно предшествуют майкопские захоронения.

Таким образом, и эти косвенные данные подтверждают установленную хронологию майкопской культуры. В абсолютных цифрах это 2500—2000 лет до н. э. Не исключено, однако, что наиболее ранние майкопские памятники заходят и в первую половину III тыс. до н. э., так же как наиболее поздние — в самое начало II тыс. до н. э. Едва ли развитие этой культуры охватывает такой же значительный хронологический отрезок времени, как куро-аракская культура. Последняя, судя по многочисленным поселениям с мощными культурными слоями и другим данным, развивалась в течение почти целого тысячелетия. Как показывают материалы из бытовых памятников Чечено-Ингушетии, на определенном, причем не раннем, этапе своего развития майкопская и куро-аракская культуры пришли на этой территории в активное взаимодействие. Это привело к созданию в данной области Кавказа специфических памятников со смешанным характером культуры, таких как поселения I и II у с. Сержень-Юрт и особенно Луговое поселение. К характеристике этих памятников мы и переходим.

---

[399] *А. А. Формозов.* Каменный век..., стр. 144—145.

Глава VI

Древнейшие бытовые памятники Чечено-Ингушетии и проблема взаимосвязей культур раннебронзового века Кавказа

Кроме рассмотренных погребальных памятников, на территории Чечено-Ингушетии известны сейчас восемь бытовых памятников ранне-бронзового века. Это следующие памятники: Луговое поселение; поселение I у с. Сержень-Юрт; поселение II у с. Сержень-Юрт; поселение у с. Зандак; размытое поселение по дороге из с. Зандак в с. Гиляны [1]; поселение недалеко от с. Шалажи (в ореховой роще за пионерскими лагерями)[2]; поселение на правом берегу р. Фортанги, против с. Бамут [3]; поселение Харбузи-Дук II к юго-западу от с. Курчалой [4].

Первые три поселения подвергнуты стационарным исследованиям, причем поселения Луговое и Сержень-юрт I раскопаны почти полностью. На остальных же собран лишь подъемный материал, представленный обломками керамики.

Правда, на поселении Харбузи-Дук II М. Х. Ошаевым заложен небольшой раскоп площадью 16 кв. м. Керамика из всех поселений отличается красно-охристым цветом, изготовлена из тщательно отмученной глины; черепок пачкается. Много общего и в формах керамики.

Для того чтобы составить полное представление об этих памятниках Чечено-Ингушетии, характере и особенностях представленного в них материала и сделать соответствующие выводы, мы вынуждены рассмотреть подробно те из них, которые широко исследованы, т. е. Серженьюртовское и особенно Луговое поселения. В связи с этим отметим, что Луговое поселение расположено на территории собственно Ингушетии, т. е. в западной части данной области Кавказа, а Серженьюртовские поселения I и II — на территории самой Чечни, т. е. в восточной части края.

---

[1] Поселения у с. Зандак и между селениями Зандак и Гиляны открыты В. И. Марковиным. Пользуясь случаем, приношу благодарность ему за то, что он сообщил мне об этих памятниках.

[2] Поселение открыто М. П. Севастьяновым в 50-х годах, а в 1965 г. обследовано нами.

[3] Поскольку в насыпи нескольких раскопанных там в 1964 г. курганов отмечено значительное количество фрагментов характерной керамики, мы полагаем, что здесь находилось поселение.

[4] Открыто в 1969 г. М. Х. Ошаевым, которому и выражаю благодарность за информацию и ознакомление с керамикой из этого поселения. Кстати, М. Х. Ошаевым собраны обломки характерной красно-охристой керамики и каменный желобчатый топор на пашне у с. Танги-чу Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР.

Луговое поселение находилось в Ассинском ущелье, близ сел. Мужичи (бывш. с. Луговое [5]) Первомайского района Чечено-Ингушской АССР. Оно располагалось на второй древней террасе отлогого склона долины на левом берегу р. Ассы [6].

В течение 1952, 1955—1957 гг. на Луговом поселении вскрыта площадь около 6000 кв. м. Почти на всей этой площади отмечены находки характерной керамики эпохи ранней бронзы. Остатки бытовых сооружений, фрагменты керамики и другие находки оказались сконцентрированными в северной и восточной частях исследованной площади. Культурный слой на Луговом поселении шел не сплошной полосой, а встречался в основном отдельными островками, как и на Долинском поселении близ Нальчика [7]. Он был сильно разрушен дождевыми потоками и отчасти при сооружении могил в VI—V вв. до н. э.

Опишем теперь кратко и Серженьюртовские поселения.

Серженьюртовское поселение I находится на юго-западной окраине с. Сержень-Юрт Шалинского района, на высоком естественном холме с крутыми склонами. Холм овальной формы, вытянут по оси юго-запад—северо-восток. Высота его в среднем около 15 м. Вершина холма плоская, в виде ровной площадки размерами 125×63 м.

Это поселение открыто нами в 1958 г. Тогда же здесь заложен небольшой разведочный раскоп. В следующем, 1959 г., мы продолжили исследование этого памятника.

В результате двухлетних работ стало ясно, что это двуслойный памятник, причем нижний слой относится к эпохе ранней бронзы, а верхний — к кобанской культуре [8].

На более широкой площади здесь проведены раскопки в 1960 г. под руководством Н. Я. Мерперта [9]. Начиная с 1961 г. и до 1968 г. исследования данного памятника проводил специальный отряд Северокавказской экспедиции под руководством Е. И. Крупнова и В. И. Козенковой [10].

В результате работ удалось почти полностью раскопать это поселение и установить, что в эпоху ранней бронзы площадь поселения ограничивалась по существу небольшим участком на вершине западной (наиболее высокой) части холма. Культурный слой, связанный с ранним по-

---

[5] Отсюда и название Луговое поселение.

[6] *Р. М. Мунчаев.* Луговой могильник. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1964.

[7] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 148—174.

[8] *Р. М. Мунчаев.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 177—182.

[9] *Н. Я. Мерперт.* Раскопки Серженьюртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 33— 34.

[10] *А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Древнее поселение у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 94, 1963; *В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Исследование Серженьюртовского поселения в 1962 г. КСИА, вып. 98, 1964; *В. И. Козенкова.* Исследование Серженьюртовского поселения в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1964; *В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Древний Серженьюртовский поселок в Чечено-Ингушской АССР (по раскопкам 1964 г.). КСИА, вып. 106, 1966. С любезного разрешения Е. И. Крупнова, В. И. Козенковой и Н. Я. Мерперта нами использованы отчеты о раскопках Серженьюртовских поселений, хранящиеся в Архиве ИА АН СССР.

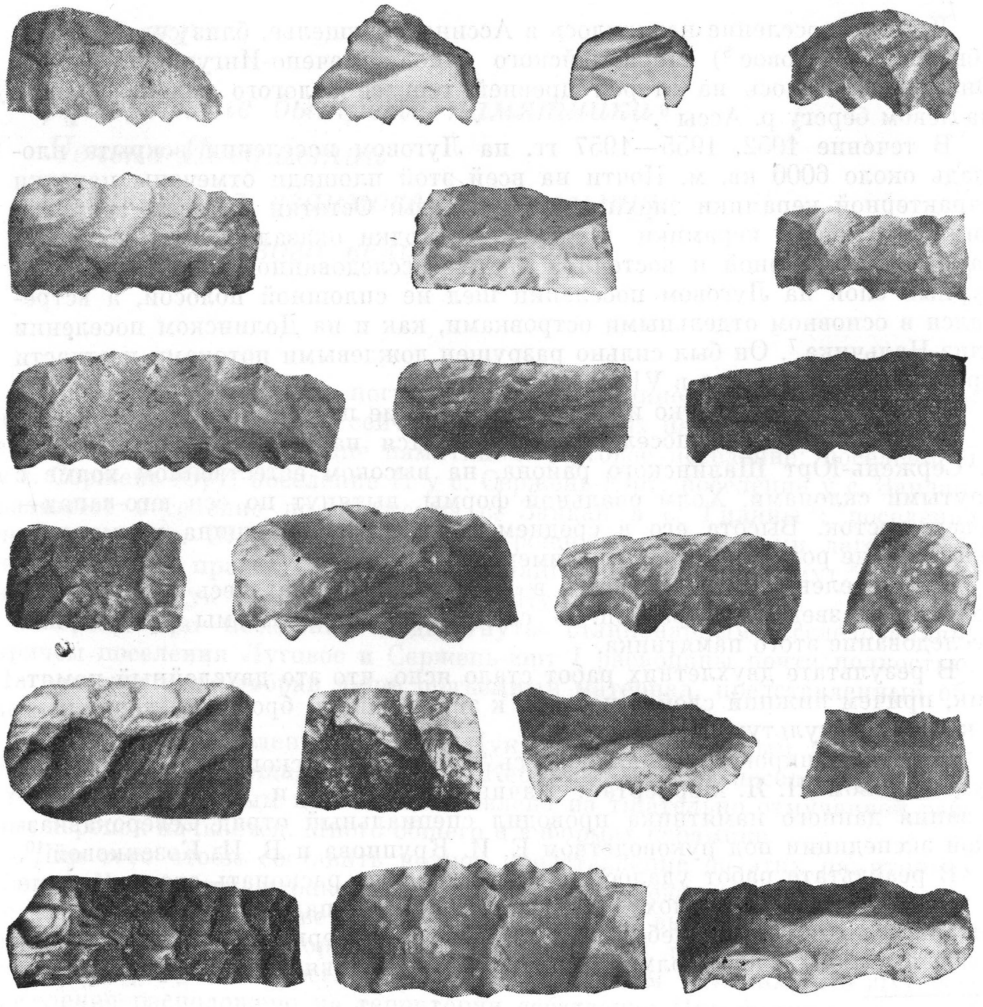

Рис. 74. Кремневые вкладыши серпов из Серженьюртовских поселений

селением, здесь не был мощным (едва ли достигал даже 30—40 см) и весь почти оказался разрушенным. Несмотря на это, в Серженьюртовском поселении I добыт значительный и разнообразный материал по эпохе ранней бронзы. Это каменные зернотерки и кремневые серповые вкладыши (рис. 74), каменные тесловидные орудия и топоры, булавы и наконечники стрел (рис. 75), костяные и роговые предметы, а также керамика (рис. 76), включая сосуды (рис. 77), очажные подставки различной формы (рис. 78), модели колес и пряслица. Кроме того, здесь открыты остатки построек, связанных с ранним слоем.

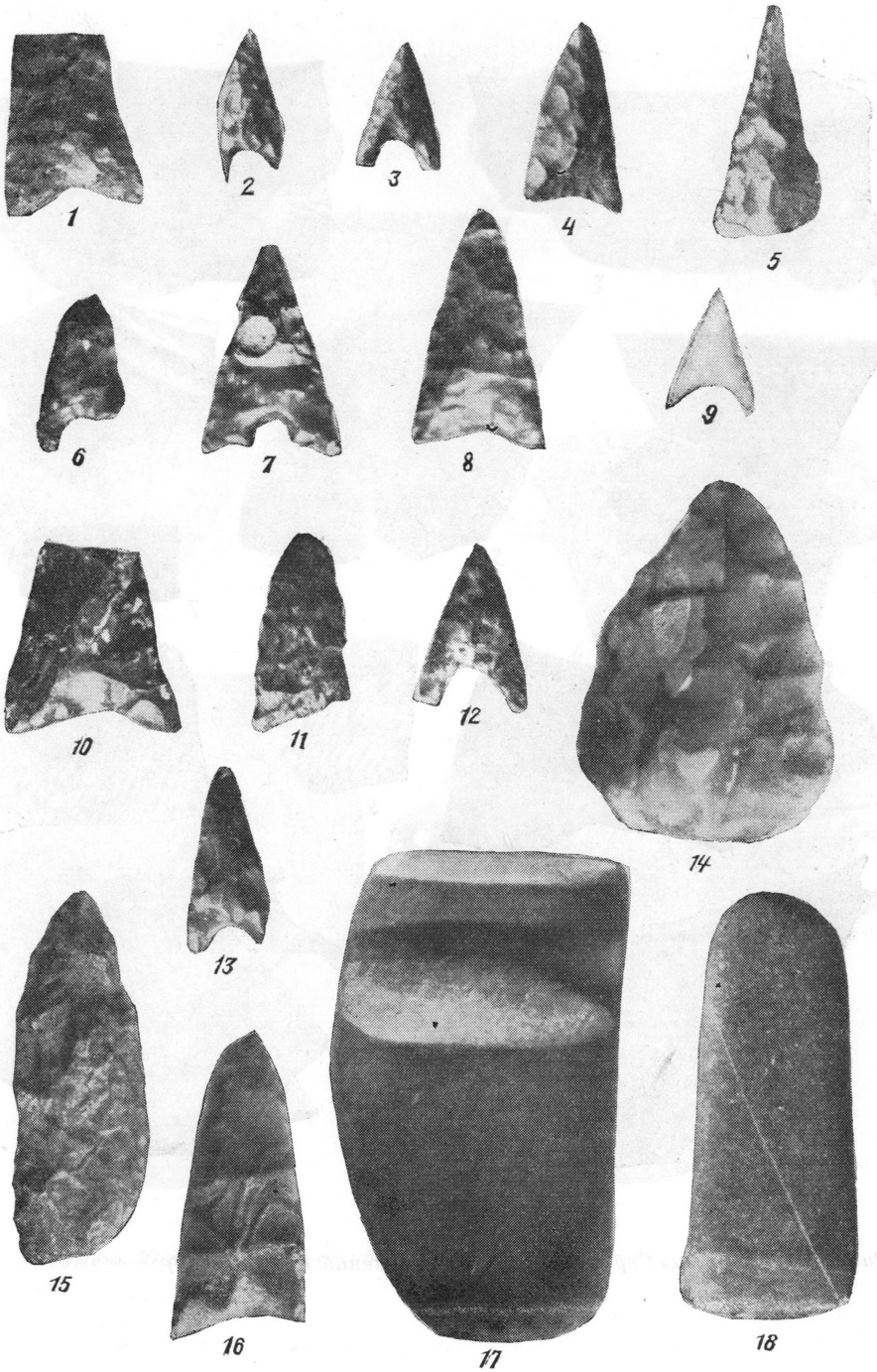

Рис. 75. Сержень-Юрт. Кремневые наконечники стрел и каменные топоры (1—18)

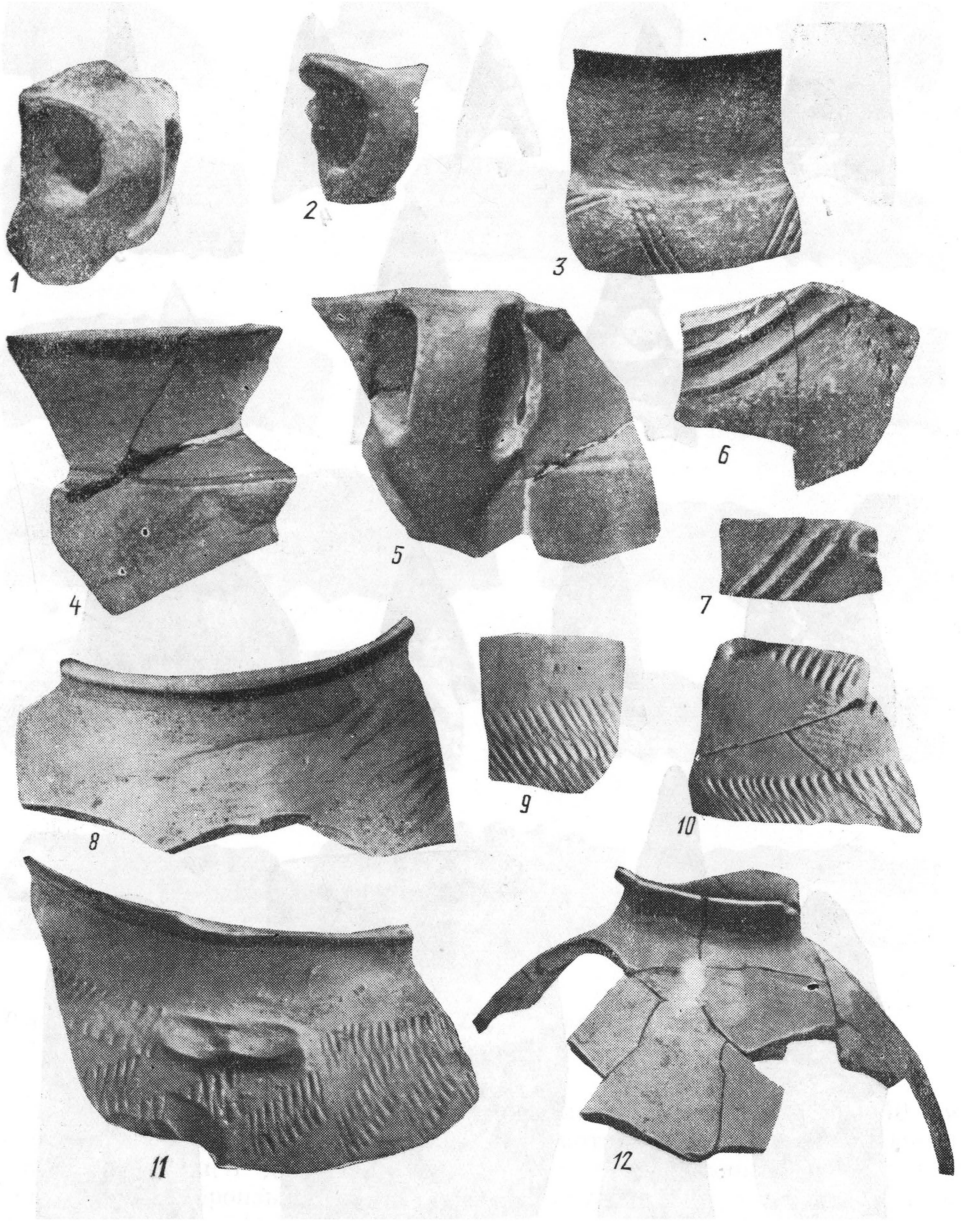

Рис. 76. Керамика из Серженьюртовских поселений I и II (1—12)

Рис. 77. Сержень-Юрт. Глиняные сосуды (1—7)

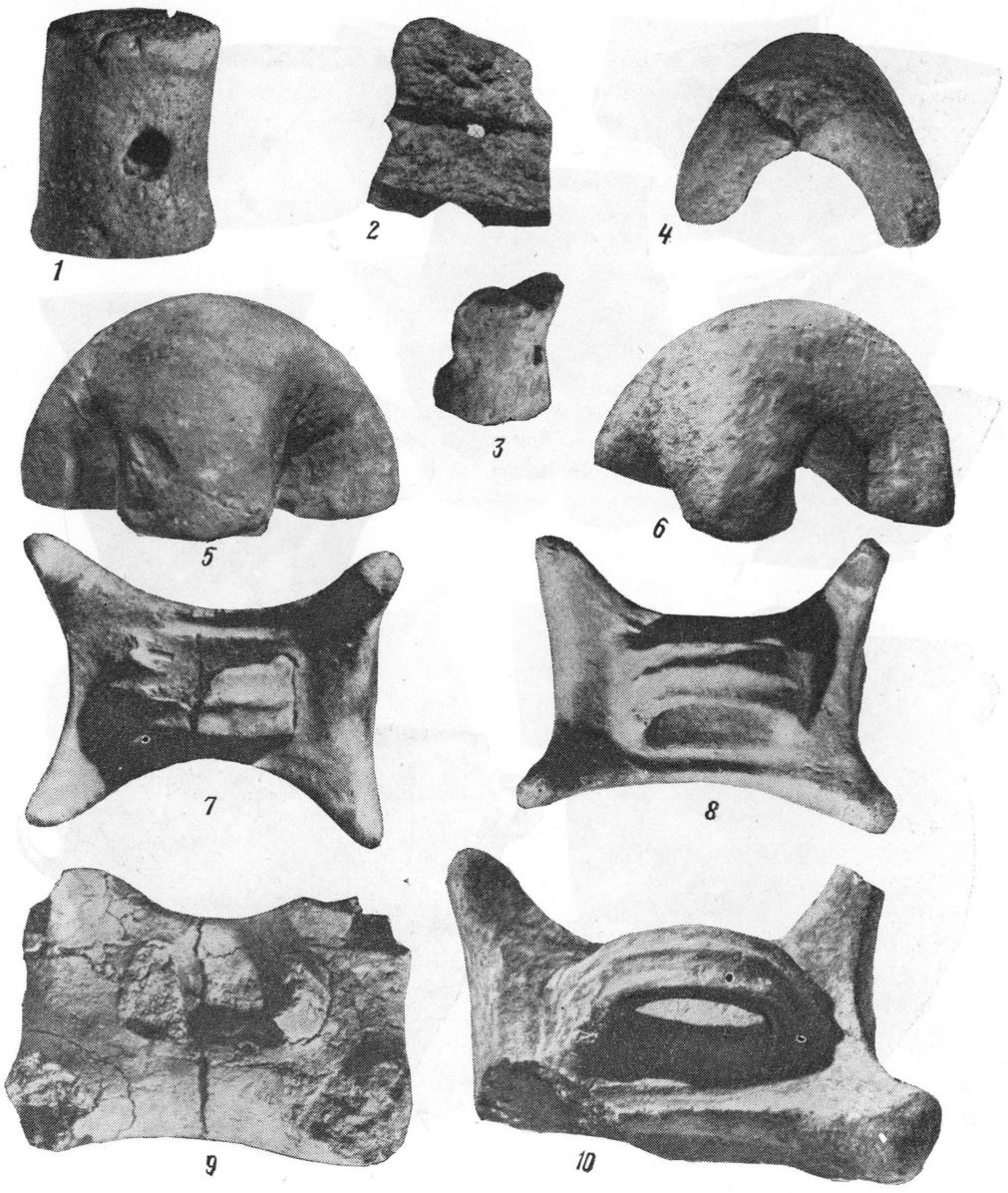

Рис. 78. Глиняные очажные подставки из Сержень-Юрта (1—10)

Поселение II у с. Сержень-Юрт находится рядом с поселением I, к северо-западу от него. Оно располагалось на плоской вершине такого же примерно по размерам и форме холма. В 1959 г. мы произвели здесь небольшую шурфовку. Однако только в 1961 г., когда в северо-восточной части холма был заложен раскоп площадью 315 кв. м, представилась возможность установить, что и это поселение двуслойное (нижний слой относится к III тыс. до н. э., а верхний — к эпохе поздней бронзы и раннего железа). И на этом холме мощность раннего слоя невелика, но он сохранился здесь лучше, чем на первом поселении. Поэтому в одном случае в нижнем слое удалось проследить два горизонта обмазки, соответствующие, по-видимому, двум строительным периодам в жизни поселения в ту эпоху [11].

На площади раскопа на глубине 0,75—1,0 м открыты остатки кремневой и гончарной мастерских, составлявших, вероятно, единый комплекс. Остатки первой занимали площадь около 30 кв. м, а второй — 20 кв. м и представляли собой глинобитную обожженную поверхность, на которой лежали куски глиняной обмазки толщиной до 15 см с отпечатками жердей и прутьев. Восточный край этого пола оказался сплошь усеянным крупными желваками, кусками, отщепами и осколками кремня [12]. На одном участке открыт большой толстостенный красноглиняный остродонный сосуд с шаровидным туловом, украшенный налепной полоской с нарезкой и прочерченными фестонами. Он был врыт в пол и заполнен кремнем, в том числе готовыми изделиями. На дне его лежали каменный пест и «наковаленка» [13].

Примерно в 2 м от этого сосуда найдены остатки глиняного составного (из блоков) очага с тремя внутренними выступами. Он был укреплен в полу помещения; высота его стенок 13 см.

К западу и к северу от очага прослежено скопление керамики в виде обломков и целых сосудов, включая ошлакованные и необожженные экземпляры, а также много керамического шлака. Здесь было собрано 255 обломков различных сосудов, преимущественно красно-охристого цвета и иногда орнаментированных.

Помимо скоплений керамики, здесь открыты остатки нескольких кострищ и очагов, в том числе в виде небольшой овальной формы ямы (0,50××0,35 м) с обожженными стенками. Рядом с последней найдены две глиняные очажные подставки на четырех ножках (рис. 78, *5*, *6*) и три обломка от других подставок, а также красноглиняный сосуд.

На этом же участке обнаружены еще две глиняные очажные подставки, крупные с роговидными выступами по углам и большой ручкой в центре (рис. 78, *7*, *8*). Отдельно здесь найдена ручка от подобной подстав-

---

[11] *А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Работы 2-го отряда СКАЭ в 1961 г. (исследования Серженьюртовских поселений и Чечено-Ингушской АССР). Архив ИА АН СССР, № 2320, стр. 124.

[12] *А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Работы 2-го отряда СКАЭ..., стр. 126, 127.

[13] Только на уровне третьего штыка на этом участке найдены 310 обломков и отщепов кремня, девять заготовок и один наконечник стрелы.

ки, целая миниатюрная подставка на четырех ножках и фрагмент такой же подставки.

Еще одна крупная подставка с обломанной ручкой (рис. 78, *9*) встречена на другом участке раскопа. Там же найдены и три целых глиняных сосуда.

Кроме перечисленных находок на Серженьюртовском поселении II обнаружены одна целая глиняная толстостенная жаровня и обломки нескольких других подобных предметов, кремневые наконечники стрел и дротика и серповые вкладыши. Здесь ниже уровня 1,0 м были открыты еще и две ямы с обгорелыми краями, относящиеся, видимо, к нижнему слою. Одна из них круглая в плане, глубиной 0,40 м, была заполнена кусками обожженной обмазки. Другая — маленькая, также круглая, глубиной 20 см, была забита кусками обмазки. По-видимому, это очажные ямы.

По месту расположения эти поселения значительно отличаются друг от друга. Луговое поселение, как и Долинское в Кабардино-Балкарии, располагалось на верхней речной террасе, а Серженьюртовское, подобно многим куро-аракским,— на вершине естественного холма. Отметим, кстати, что на холмообразной возвышенности находится и поселение Харбузи-Дук II к юго-западу от с. Курчалой. Другими словами, многие поселения в восточных районах Чечено-Ингушетии расположены на естественно укрепленных холмах, в то время как Луговое поселение в западной части края — на речной террасе. Следовательно, Луговое поселение в Ингушетии по характеру и месту расположения тяготеет к майкопским бытовым памятникам, а Серженьюртовские и Харбузи-Дук II в Чечне — к куро-аракским. Как мы знаем, поселения на холмах не характерны для майкопской культуры, зато типичны для куро-аракской.

Особенностью поселений Чечено-Ингушетии является то, что культурный слой в них не отличается мощностью. По-видимому, судя по Серженьюртовскому поселению II, максимальная толщина слоя на них не превышала 50 см, а в среднем она была еще меньше. Следовательно, эти поселки существовали недолго, в особенности по сравнению с куро-аракскими.

К сожалению, мы не располагаем сколько-нибудь существенными данными для суждения о планировке рассматриваемых поселений. По-видимому, на Серженьюртовских поселениях постройки располагались плотно друг к другу.

Что же касается характера расположения жилищ на Луговом поселении, то здесь картина иная. Это объясняется прежде всего местом расположения самого поселения — не на ограниченной площади холма, а на широкой территории речной террасы. Культурные остатки на площади Лугового поселения распределялись крайне неравномерно. Встречены участки на площади поселения, которые совершенно или в крайне незначительном количестве содержали следы деятельности людей. Места же наибольшего скопления находок, разбросанные на площади поселения как бы отдельными островками, обычно совпадали с участками, на которых были расположены остатки жилых сооружений. Таким образом установлено, что жилища здесь находились в отдалении друг от друга.

Кстати, совершенно аналогичная картина в отношении характера распределения культурных остатков на площади поселений прослежена в Долинском. Здесь отмечены участки, где культурные остатки или совершенно отсутствовали или встречались в незначительном количестве [14]. Места наибольшего скопления находок в Долинском поселении обычно совпадали с участками террасы, на которых расположены остатки жилищ. Жилища были отделены одно от другого широкими площадями, лишенными культурных остатков [15].

Остатки жилых построек в виде кусков глиняной обмазки от плетеных из прутьев и жердей стен в значительном количестве обнаружены на Луговом и Серженьюртовских поселениях.

На Луговом поселении расчищен глинобитный обожженный пол жилища. В центре его находился небольшой, углубленный в пол глиняный очаг. На полу жилища и за его пределами отмечено множество кусков глиняной обожженной обмазки со следами прутьев. В плане пол имел четкие округлые очертания. Диаметр его 3,5 м. Следовательно, это было круглоплановое легкое плетеное строение турлучного типа. Были ли здесь жилища другого типа, сказать трудно. Важен сам факт присутствия на Луговом поселении жилых сооружений, круглых в плане. Такие жилища, как известно, составляют одну из характерных особенностей куро-аракской культуры. В майкопских же поселениях круглоплановые дома не зафиксированы.

На Серженьюртовских поселениях форму жилища выяснить не удалось. Ясно только, что они представляли собой легкие плетеные постройки, обмазанные глиной. Мы упоминали об открытии на Серженьюртовском поселении II остатков помещений производственного характера — «кремневой и гончарной мастерских».

Несравненно более интересны открытые на Серженьюртовском поселении остатки постройки в виде пятиугольника со стороной около 4 м [16]. Основания стен были сложены из обожженных глиняных блоков, отличающихся необычной формой и конструкцией. Они изготовлены из хорошо отмученной глины со значительными растительными примесями и слабо обожжены. Блоки уложены в два ряда по толщине стены. Как считает Н. Я. Мерперт, основанием для них послужила полоса глины, обрамлявшая котлован или происходящая из котлована [17]. Блоки каждого ряда имеют свою форму. Размеры: $40 \times 30 \times 10 - 8$ см.

Основания стен по углам были дополнительно укреплены глиняными блоками и камнями, среди которых найдены и две зернотерки. Стены здания также сложены из глиняных блоков. Внутри помещения открыты остатки глинобитной перегородки. Пол здания был покрыт слоем мелкой гальки. В центре его и по краям выявлены остатки нескольких очагов, окруженных камнями, содержавшими зольно-угольный слой. Рядом с оча-

---

[14] *Л. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 170.

[15] Там же.

[16] *Н. Я. Мерперт.* Отчет о работах первого отряда СКАЭ в 1960 г. (раскопки Серженьюртовского поселения). Архив ИА АН СССР, № 2183, стр. 53; *он же.* Раскопки Серженьюртовского поселения в 1960 г.

[17] *Н. Я. Мерперт.* Раскопки Серженьюртовского поселения в 1960 г.

гами отмечены завалы керамики, среди которых много обломков хорошо обожженных красноглиняных сосудов с пачкающей поверхностью.

Поздние ямы разрушили стены, перегородки внутри помещения и юго-восточный угол помещения. Этот факт и другие стратиграфические наблюдения не оставляют сомнений в том, что весь комплекс связан с нижним слоем поселения. Кстати, восточнее этого здания открыт угол другого дома, также разрушенный ямами.

Это, можно сказать, уникальное по форме здание. Ничего подобного не встречалось в других поселениях ни этого, ни предшествующего и ни последующего времени. Мы не знаем также ни в майкопских, ни в куро-аракских поселениях построек, сооруженных из таких глиняных блоков. Таким образом, этот объект совершенно выпадает из круга изучаемых памятников. Каково назначение этого необычного здания, остается пока загадкой. Скорее всего это было какое-то культовое помещение.

Таковы скромные данные о характере и формах домостроительства на поселениях раннебронзового века Чечено-Ингушетии.

Отметим также, что на Луговом поселении открыты остатки и следы нескольких очагов, которые по форме и конструкции можно подразделить по крайней мере на три типа. Первый — это небольшой, углубленный в пол жилища, глиняный очаг [18].

Здесь открыто еще несколько очагов близкой формы. В частности, у одного из них кучно лежали две массивные глиняные очажные подставки (одна — цилиндрической, другая — неопределенной геометрической формы). В середине очажной ямы находились еще две глиняные подставки, отличающиеся массивностью и рогообразными выступами, а также половина небольшой круглодонной тонкостенной чаши.

Можно полагать, что в центре каждого жилища Лугового поселения находился небольшой очаг, углубленный в пол. Судя по некоторым данным, и в Серженьюртовских поселениях были, вероятно, очаги такого типа.

Подобные очаги до сих пор не встречены в памятниках Северного Кавказа. Они открыты в жилищах ряда куро-аракских поселений Закавказья. Характерно, что в центре почти каждого круглого жилища в Нахичеванском Кюль-тепе I находился именно такой очаг, отличающийся небольшими размерами — высота их от 16,6 до 17 см, диаметр дна 25—25,5 см, отверстия 38,2—43,7 см [19].

Такие же очаги открыты на поселениях в Амиранис-гора и в Тетро-Цкаро. Важно, что очаг, обнаруженный в Тетро-Цкаро, содержал два внутренних выступа-утолщения. Это сближает его с очагами куро-аракского типа.

Различие же между очагами данного типа Лугового поселения и закавказскими состоит в том, что последние были передвижными, в то время как очаги Лугового поселения были установлены неподвижно. Это не принципиальное различие, тем более, что есть основание считать,

---

[18] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, рис. 4.

[19] *О. А. Абибуллаев.* Раскопки холма Кюль-тепе в 1955 г. МИА, № 67, 1959, стр. 443.

что и в жилищах Закавказья такие очаги устанавливались неподвижно [20].

На Луговом и Серженьюртовских поселениях употреблялись также переносные очаги, близкие по характеру к закавказским. Это документируется находкой как на Луговом, так и на Серженьюртовском поселении II остатков такого очага. Обломок очага из Лугового представляет собой часть глиняной обожженной вертикальной стенки с плавно отходящим от нее внутрь выступом полуовальной формы [21].

Это, несомненно, фрагмент стенки передвижного очага, близкого куро-аракскому по типу. Данный очаг, правда, не был такой сложной конструкции и не отличался такими крупными размерами, как, например, очаги в Шенгавите [22].

Подобные очаги известны из многих куро-аракских памятников Закавказья. Наибольшее количество их происходит, пожалуй, из Внутренней Картли и Юго-Осетии. Они разнообразны по размерам, но всегда меньше, чем шенгавитские. В частности, этого типа очаги, содержащие от двух до пяти внутренних выступов, встречены на поселениях Хизанаант-гора, Цихиагора-Гудабертке, Хрисхеви, Свенети, Ташискари, Хашури и других пунктах Внутренней Картли [23], а также в Згудери, Кулбакеби и других памятниках Юго-Осетии [24]. Особенно много их открыто в Квацхелеби [25]. Там найдены такие же миниатюрные очаги в виде сосудов на поддоне.

Мы уже отмечали, что очаги подобного типа представлены и в восточноанатолийских памятниках, в частности в Каразе близ Эрзурума. Здесь представлены две разновидности такого очага. Первая — это обычные глиняные очаги с горизонтальными внутренними выступами, но с основанием в виде тщательно оформленного поддона [26]. Вторая — такие же округлые очаги, но с несколько иным направлением и оформлением выступов. Последние в виде остроконечников имеют не горизонтальное направление, а вогнуто-вертикальное, как бы по кругу [27].

Любопытна глиняная модель очага рассматриваемого типа с тремя внутренними выступами, найденная в Тбилиси [28].

К этому же типу передвижного мангала относится очаг из Серженьюртовского поселения II, составленный из трех глиняных обожженных

---

[20] Там же.

[21] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 40, рис. 5.

[22] *А. Е. Байбуртян.* Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения. ВДИ, 1939, № 2, стр. 256.

[23] Сведения о находках очагов подобного типа на указанных поселениях мне любезно сообщил С. И. Надимашвили.

[24] *О. М. Джапаридзе.* Ранний этап древней металлургии в Грузии (на грузинском языке). Тбилиси, 1955, табл. VII—VIII.

[25] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Урбниси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище в Квацхелеби (Твлепиа-кохи). Тбилиси, 1962, табл. VI—XV*A* и др.

[26] *H. Kosay, K. Turfan.* Erzerun-Karaz kazisi raporu. Turk Tarih kurumu. Belleten XXIII, 1959, sayi 91, стр. 398.

[27] Там же, табл. XIII.

[28] *О. М. Джапаридзе.* Указ. соч., табл. III, *1*; *Д. Л. Коридзе.* Археологические памятники Тбилиси (на грузинском языке). Тбилиси, 1955, стр. 49, рис. 12; табл. X, *1*.

блоков, каждый из которых имеет по одному внутреннему горизонтальному выступу (очаг «трехлепестковой» формы). Такие составные очаги открыты в куро-аракских памятниках Закавказья и Дагестана.

Как видим, глиняные передвижные очаги были широко распространены в быту племен куро-аракской культуры. Характерно в этой связи, что подобные очаги к югу и юго-западу от Шенгавита, например в Нахичеванском Кюль-тепе или Геой-тепе и тем более в культурах Передней Азии, не встречаются, в то время как к северу и северо-востоку от Шенгавита, т. е. в Грузии, особенно во Внутренней Картли и Юго-Осетии, они составляют непременную принадлежность каждого жилого комплекса.

Кроме упомянутых очагов, на Луговом поселении раскопан ряд глубоких ям, наполненных фрагментами керамики, угольками, золой и т. д. Некоторые ямы имеют в плане округлые очертания и постепенно суживаются книзу [29]. Другие, также круглые в плане, но с более широкой нижней частью, служили очажными сооружениями типа тондыра.

Примитивные очаги типа тондыра открыты и на Долинском поселении. Изучение последних свидетельствует о чрезвычайной близости их по форме и характеру заполнения к ямам, вскрытым на Луговом поселении. По форме они также разделяются на ямы с суживающимся основанием и на ямы с более широкой нижней частью [30]. Считают, что некоторые из них могли служить печами, а остальные могли быть местом хранения запасов [31].

Очажное сооружение в виде ямы с расширяющимся основанием вскрыто также в пещере Шау-Легет («Черная пещера») близ с. Дзивгис в Северной Осетии. Яма содержала большое количество камней и характерные предметы куро-аракской культуры: фрагменты керамики, зернотерки, глиняные очажные подставки с роговидными выступами и цилиндрической формы, обломки подковообразного очага [32]. Следы огня, отмеченные в ней, свидетельствуют о том, что она служила очажной ямой.

Таким образом, местоположение рассматриваемых поселений Чечено-Ингушетии и характер открытых в них жилых сооружений и очагов показывает, что эти памятники и в особенности Луговое поселение обнаруживают довольно отчетливые связи как с куро-аракской культурой, так и с майкопской (Долинское поселение).

Рассмотрим теперь орудия труда, оружие и керамику из этих памятников.

Наиболее частые находки здесь — кремневые вкладыши в составные серпы. Так, в Луговом поселении найдено около 10 таких вкладышей [33]. Кроме того, обнаружены и ножевидные пластинки с зазубренным рабочим краем, служившие также вкладышами в составные серпы или ножи.

---

[29] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., табл. I, III; рис. 6.
[30] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение у г. Нальчика, стр. 171; стр. 153, рис. 6; стр. 154, рис. 7.
[31] Там же, стр. 157.
[32] *В. П. Любин.* Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 49—54.
[33] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 8.

Значительно более обширна коллекция кремневых вкладышей из Серженьюртовских поселений, главным образом из поселения I. Здесь найдено около 50 вкладышей, в основном срединного типа, многие из которых имеют зазубренный рабочий край (рис. 74). Длина их колеблется от 2—3 до 5—6 см.

Определенный интерес вызывает и небольшая группа микролитических орудий, имеющаяся в каменном инвентаре Лугового поселения. Здесь представлены кремневые микролиты в виде трапеций, вытянутых треугольников и удлиненных прямоугольников из разноцветного кремня. Некоторые из них обработаны [34]. Типичные микролитические орудия геометрических форм, как отмечено, найдены в значительном количестве в бытовых памятниках майкопской культуры, особенно в Мешоко.

Что же касается орудий из ножевидных пластин, найденных в Луговом поселении, то они находят близкие аналогии в кремневом инвентаре Долинского поселения. В последнем имеются орудия, ретушированные как по одному краю пластины, так и по обоим [35]. Совершенно аналогичные жатвенные орудия обнаружены в абсолютном большинстве памятников раннебронзового века Кавказа, особенно в комплексах куро-аракской культуры.

Кроме жатвенных орудий в памятниках Чечено-Ингушетии обнаружены и каменные зернотерки. Так, в Луговом их найдено 12 экз. Они также имеют ладьевидную форму, вогнутость по продольной оси и следы сработанности в виде выщербли н на рабочей поверхности [36]. Такой же формой отличаются и зернотерки из поселения Сержень-Юрт I. Что же касается терочников и пестов, то их обнаружено в памятниках Чечено-Ингушетии сравнительно мало. Они изготовлены из плотной магматической породы.

Указанные орудия, особенно зернотерки, изготовленные из лавы, пористого базальта, вулканического туфа, кварцита и других горных пород, встречены в значительном количестве в куро-аракских поселениях Закавказья. По существу там нет ни одного поселения, где бы не были найдены зернотерки.

К числу других каменных орудий, обнаруженных на поселениях Чечено-Ингушетии, относятся топоры. Они двух типов. К первому относятся плоские клиновидные топоры с подшлифованным лезвием. Один такой топор происходит из Лугового поселения [37] и несколько из Серженьюртовского поселения I (рис. 75, *18*). Другой тип представляют клиновидные топоры с желобчатым перехватом, найденные в Сержень-Юрте (рис. 75, *17*), а также в Танги-чу и некоторых других пунктах края. Они изготовлены из серого кварцита или плотного песчаника и отличаются друг от друга лишь размерами.

Плоские тесловидные топоры редки в куро-аракских памятниках, в то время как в майкопских поселениях они встречаются часто и в боль-

---

[34] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 7, *10—15.*
[35] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 180—181, рис. 23, *12—14.*
[36] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., табл. II.
[37] Там же, рис. 10.

шом количестве. Обратная картина наблюдается в отношении топоров с желобчатым перехватом. В Закавказье и Дагестане они найдены многократно [38], а на Северном Кавказе известны единичные находки. Важно, что такие топоры найдены в Долинском поселении [39].

Помимо каменных орудий, в рассматриваемых поселениях представлены орудия из рога и кости. Среди последних преобладают, как и в остальных памятниках Кавказа, костяные проколки и шилья обычных форм и размеров. На Луговом поселении найдена роговая муфта, вероятно для насадки каменного топора [40].

Как видим, в памятниках Чечено-Ингушетии представлен характерный для изучаемого времени Кавказа набор орудий труда. Безусловно, что наличие в инвентаре Лугового поселения микролитических орудий подчеркивает определенную связь этого памятника с майкопской культурой. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Сержень-Юрте, как и в куро-аракских поселениях, много кремневых серповых вкладышей.

Эти факты доказывают, с одной стороны, связи между куро-аракской и майкопской культурами, а с другой — проливают свет на вопрос об отношении рассматриваемых памятников Чечено-Ингушетии к определенным культурным ареалам.

То же самое касается в известной степени и предметов оружия. В поселениях Чечено-Ингушетии найдены только кремневые наконечники стрел (в Луговом поселении всего два экземпляра их, а в Серженьюртовских — более 20). Они разделяются в основном на два типа. К первому — относится большинство наконечников стрел, имеющих треугольную форму и выемку в основании. Среди них встречаются миниатюрные, тщательно обработанные, и большие (длиной до 4,5 см), покрытые крупной ретушью. Ко второму типу относятся стрелы с прямым основанием (рис. 75, *14, 15*). Сюда же могут быть включены и единичные находки наконечников стрел и дротиков с полукруглым основанием из Сержень-Юрта.

Особо отметим находку одного миниатюрного наконечника стрелы из Лугового поселения. Он определенно асимметричен — выемка находится не в центре основания, а несколько сбоку, у опущенного пера [41]. Такие наконечники стрел, изготовленные из разноцветного обсидиана, найдены в эчмиадзинском Кюль-тапа, в окрестностях Гори, Цхинвали и других пунктах Закавказья [42]. Довольно близок экземпляру из Лугового поселения кремневый наконечник стрелы из поселения Згудрис-Гверда в Юго-Осетии [43]. И в Долинском поселении найдены два аналогичных асимметричных наконечника стрел [44]. Серия совершенно аналогичных

---

[38] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 58—59.
[39] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 181—182, рис. 25, *1, 4, 5.*
[40] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 61, рис. 13.
[41] Там же, стр. 64, рис. 16, *6.*
[42] Там же, стр. 65—66.
[43] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии. ВМГ, XIV-В. Тбилиси, табл. III, *3.*
[44] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 182, рис. 25, *3.*

кремневых стрел представлена и в дольмене у ст. Новосвободной, и в кургане 21 у с. Чегем II. Кстати, полное совпадение форм наконечников стрел, обнаруженных в Згудрис-Гверда, Долинском поселении и в дольмене у ст. Новосвободной, дало основание Б. А. Куфтину говорить не только о взаимодействии разделенных Главным хребтом южных и северных областей Центрального Кавказа, но и о некоем общем их древнейшем культурном субстрате, тесно связанном с переднеазиатским югом и севером [45].

Находка такого же наконечника стрелы в Луговом поселении может служить связующим звеном между наконечниками стрел из памятников куро-аракской и майкопской культур.

На Луговом и Серженьюртовских поселениях обнаружен большой разнообразный керамический материал. Он представлен в основном фрагментами сосудов главным образом ручной лепки. Среди сосудов Лугового поселения имеются горшки, сделанные на гончарном круге. Нельзя заметить хотя бы две резко различающиеся по степени обжига или характеру обработки поверхности группы сосудов, как это наблюдается в керамике из синхронных памятников Дагестана или, скажем, в керамике Долинского поселения [46].

Характерная особенность значительной части керамики как бытовых, так и погребальных памятников Чечено-Ингушетии эпохи ранней бронзы — это красно-оранжевый или красно-охристый цвет поверхности сосудов. Немало также сосудов серого и бурого тонов. Причем цвет сосудов не зависит от их формы. Только миски отличаются одноцветностью (красно-охристый цвет).

Поверхность сосудов тщательно заглажена, а в Луговом поселении часто покрыта тонким слоем ангоба коричневого или бурого цвета. Лощение мало характерно для керамики этих поселений. Здесь представлено незначительное количество фрагментов лощеных до блеска сосудов, в том числе обломки чернолощеных горшков на «розовой подкладке». Примеси в глине представляют почти исключительно шамот и пережженные черепки, а также белые известковые вещества.

Как видим, эта керамика по техническим признакам аналогична основной части майкопской керамики. Большую близость она обнаруживает, в частности, с керамикой из Нальчикского поселения [47] и особенно нижнего горизонта Долинского поселения, где найдены совершенно такие же кирпично-охристые или красно-оранжевые сосуды с пачкающей поверхностью [48].

Красноглиняная, или красно-охристая, керамика составляет важнейший атрибут майкопской культуры. Такая керамика найдена и в пещере Шау-Легет в Северной Осетии. Таким образом, она характерна для значительной территории Предкавказья эпохи ранней бронзы. Отметим, что образцы характерной красно-охристой керамики в немалом количе-

---

[45] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., стр. 77—78.
[46] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 101.
[47] *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, стр. 46—48.
[48] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 185.

стве встречены и севернее Кавказа, в частности на Константиновском поселении в Ростовской обл.[49]

До недавнего времени считалось, что в Закавказье такая керамика обычно не встречается. Действительно, лишь в единичных случаях сосуды с пачкающей поверхностью красно-охристого цвета были отмечены там, в частности в Тетри-Цкаро (Грузинская ССР) и Джарарате (Армянская ССР). Однако за последние годы в Восточной Грузии открыт ряд памятников раннебронзового века, содержащих почти исключительно такую керамику. Речь идет о памятниках Иоро-Алазанского района (поселения и могильник Илто, поселение Сиони и др.) [50]. Любопытно, что эти памятники расположены у подножия Большого Кавказа, т. е. в пограничном с Северным Кавказом районе. Неудивительно поэтому, что они обнаруживают связи с северокавказскими памятниками, в особенности в керамическом материале [51]. Эта красно-охристая керамика выявлена главным образом на поселении Сиони. Ш. Ш. Дедабришвили обнаружил такую керамику и в памятниках других районов Грузии, которые он рассматривает как характеризующие ранний этап куро-аракской культуры. На этом основании он делает заключение об относительно раннем возрасте не только поселения Сиони и других памятников, но и Лугового поселения [52]. Мы не будем вступать здесь в спор с Ш. Ш. Дедабришвили и оспаривать правомочность датировки Сиони и других памятников Грузии с красно-охристой керамикой ранним этапом куро-аракской культуры, ибо стратиграфия этих памятников в литературе еще не обоснована, а материалы не опубликованы до сих пор. Что же касается Лугового поселения, то вывод Ш. Ш. Дедабришвили едва ли можно признать правильным, ибо, как увидим, этот памятник по многим признакам обнаруживает тесную связь с позднемайкопскими комплексами, что совершенно исключает возможность его относительно ранней датировки. Более того, нам представляется, что и отмеченные поселения в Кахетии более поздние, чем считает их Ш. Ш. Дедабришвили, т. е. они соответствуют культурно-хронологическому положению Лугового поселения [53]. Безусловно, что с публикацией известных уже мате-

---

[49] *В. Я. Кияшко.* Раскопки Константиновского поселения. «АО 1968 г.». М., 1969, стр. 105. Эта типично майкопская керамика выделяется здесь в особую группу; она составляет около 10% (?) от большого количества керамики, обнаруженной на поселении.

[50] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Памятники эпохи ранней и средней бронзы. ТКАЭ, I. Тбилиси, 1969, стр. 35—75; *он же.* Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970.

[51] Эти поселения, как Луговое и Долинское, также расположены на речных террасах. Хотя жилища и здесь плохо изучены, можно считать, что они, подобно северокавказским, представляли легкие плетеные постройки, стены которых были обмазаны глиной.

[52] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Культура эпохи ранней бронзы..., стр. 20—21.

[53] Точку зрения Ш. Ш. Дедабришвили разделяет И. М. Чеченов. Без достаточно серьезных оснований он считает, что «керамика с пачкающей поверхностью проникла из Закавказья в Центральное Предкавказье...» (см.: *И. М. Чеченов.* Указ. соч., стр. 48). Ведь закавказские памятники с такой керамикой относят к раннему этапу куро-аракской культуры, который, по мнению, например, грузинских ученых, должен датироваться концом IV или — самое позднее — началом III тыс.

риалов и накоплением новых этот существенный вопрос будет решен правильно. Независимо от этого уже сейчас крайне важен сам факт того, что в пограничных районах Закавказья выявлены памятники эпохи ранней бронзы, содержащие совершенно аналогичную северокавказской керамику. Значение этого факта, убедительно указывающего на связи Закавказья и Северного Кавказа в изучаемую эпоху, трудно переоценить.

Вернемся, однако, к характеристике керамики из древнейших поселений Чечено-Ингушетии. Эта керамика в целом не отличается по технологическим признакам от майкопской керамики, так же как и керамика из погребальных памятников Чечено-Ингушетии полностью идентична майкопской керамике.

Керамический инвентарь из рассматриваемых поселений по своему назначению делится на три группы. Первую составляют различные сосуды. Ко второй группе относятся «жаровни», плоские плитки и небольшие колеса, сделанные из обломков стенок сосудов. Последнюю группу представляют разнообразные очажные подставки (рис. 78—79).

По форме сосуды довольно разнообразны. Они делятся на несколько типов. К первому типу мы относим различные по размерам сосуды с округлым или округло-выпуклым туловом, невысокой, почти вертикальной шейкой, с резко отогнутым иногда краем венчика и плоским днищем. Переход от тулова к горловине всегда подчеркнут. Край венчика большинства сосудов, как правило, утончен. Следовательно, это одна из наиболее характерных форм позднемайкопской керамики[54]. На Серженьюртовском поселении эта форма керамики представлена единичными фрагментами, в то время как в Луговом поселении ее довольно много. Она отмечена и в других поселениях Чечено-Ингушетии. Основную часть этой формы керамики составляют сравнительно небольшие сосуды, из которых отдельные экземпляры изготовлены с помощью гончарного круга[55]. Эта форма сосудов не имеет близких аналогий в памятниках Закавказья и Дагестана; в то же время она обнаруживает чрезвычайно близкие соответствия в керамике майкопской культуры.

до н. э. Северокавказские памятники, в которых такая керамика представлена, относятся ко второй половине III тыс. до н. э. Сам И. М. Чеченов датирует Нальчикское поселение в пределах XXIV—XXII вв. до н. э. (см.: *И. М. Чеченов.* Указ. соч., стр. 50). Нам не известен на Северном Кавказе памятник рубежа IV—III и первой половины III тыс. до н. э. с красно-охристой керамикой. Ссылка И. М. Чеченова на грот Шау-Легет крайне неубедительна, поскольку никем не доказана точная дата этого памятника. Неужели на Северном Кавказе начали производить такую керамику под влиянием Закавказья через много столетий после того как в Закавказье перестали ее лепить?! Почему же северокавказские гончары не начали изготовлять ту чернолощеную керамику, которая характерна для куро-аракской культуры и является по многим признакам более качественной, чем красно-охристая посуда майкопских племен? Ведь время бытования этой керамики и памятников майкопской культуры совпадает. Вопрос здесь значительно сложнее, чем это кажется некоторым авторам. Майкопская культура — яркое явление в древнейшей истории Кавказа. Ее носители создали свою традицию керамического производства.

[54] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., табл. IV, *2*.

[55] *А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 15, рис. 2, *1*.

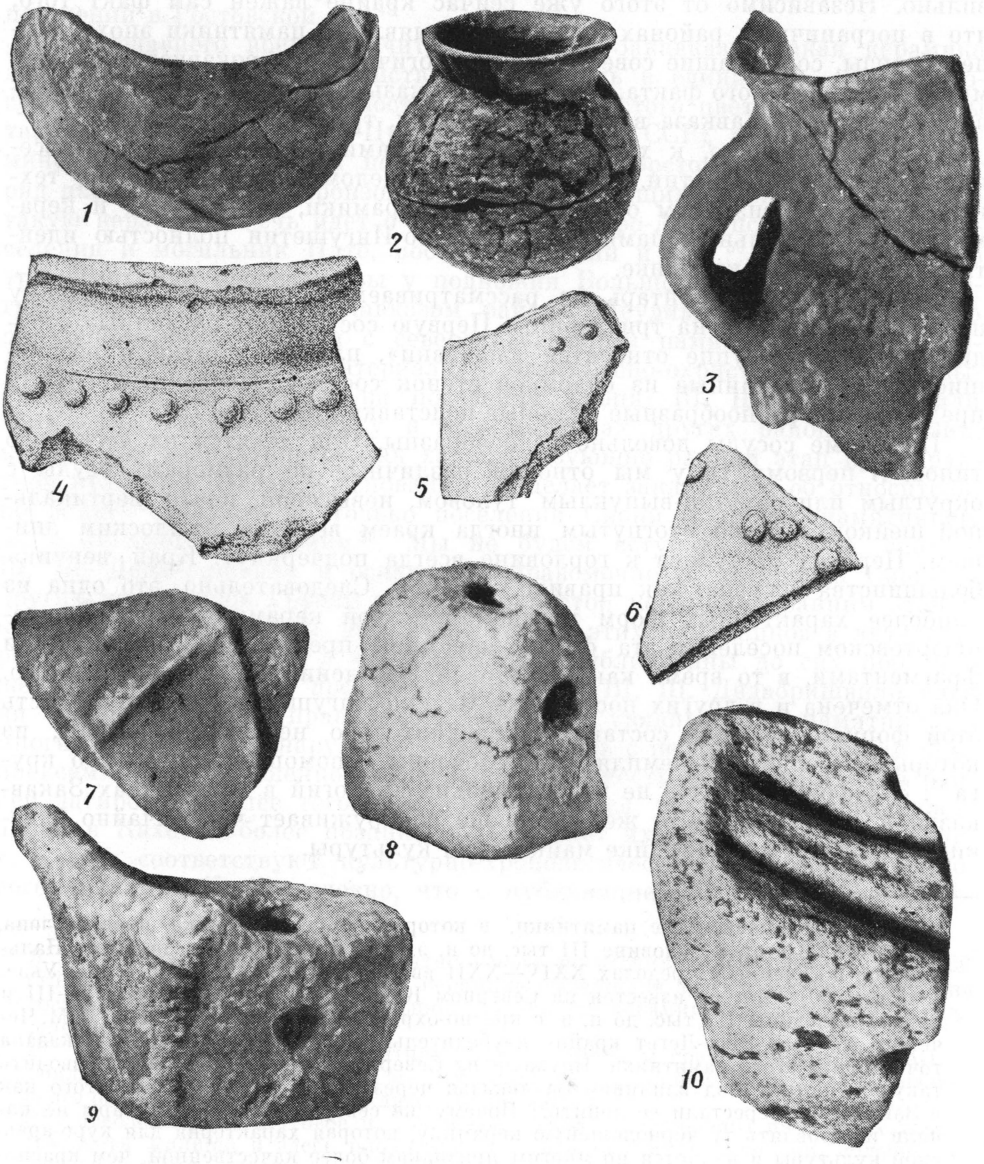

Рис. 79. Керамика Лугового поселения (1—10)

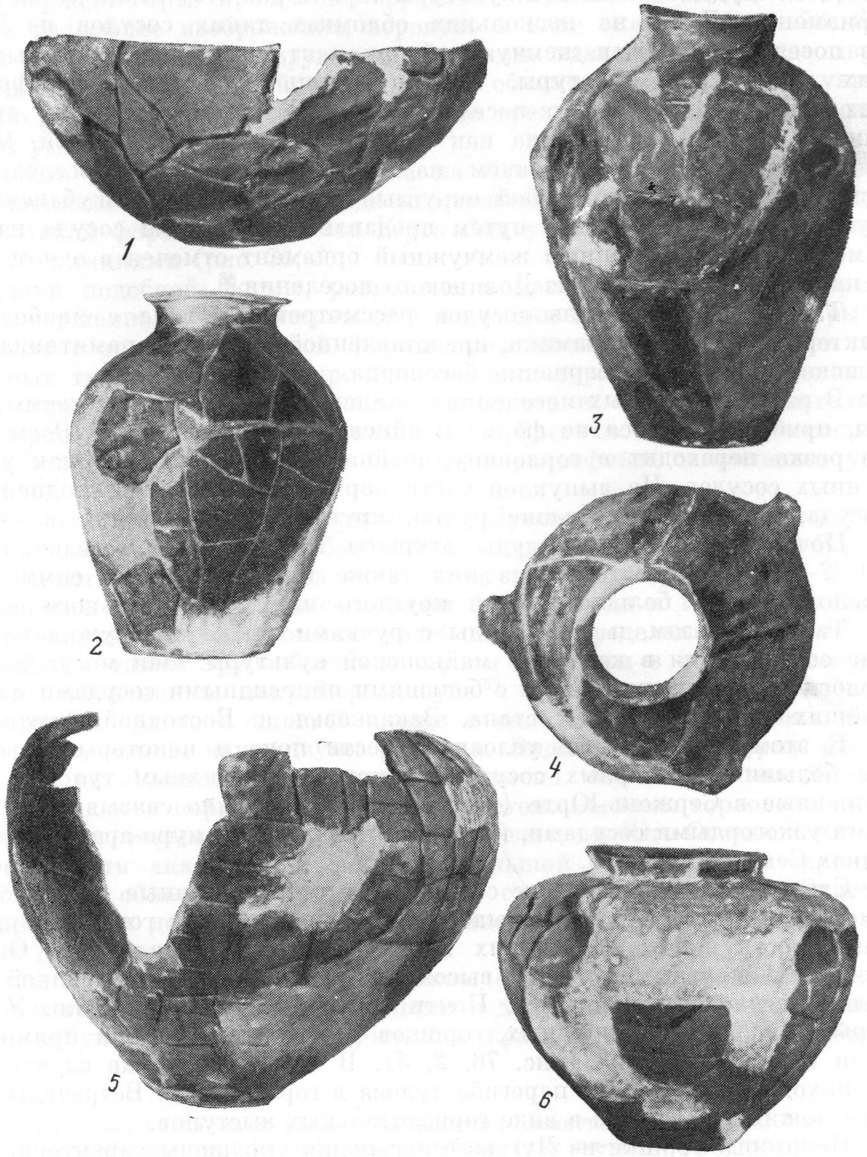

Рис. 80. Керамика Долинского поселения (1—6)

Для сосудов майкопской культуры характерно отсутствие ручек и часто орнамента. Лишь на нескольких обломках таких сосудов из Лугового поселения отмечен жемчужный орнамент, как и на некоторых сосудах майкопской культуры. Разница лишь в том, что на фрагментах сосудов из Лугового поселения мы наблюдаем один ряд «жемчужин» (рис. 80, *4, 5*), тогда как на сосудах из Новосвободной, Мешоко и др.— их несколько. Причем на керамике Лугового поселения выпуклины представляют собой округлые налепы, а на прикубанской, допустим, они образованы путем продавливания стенки сосуда изнутри. Именно так оформленный жемчужный орнамент отмечен в одном случае и на фрагменте горшка из Долинского поселения [56].

Таким образом, связь сосудов рассмотренного типа с наиболее характерной группой керамики, представленной в поздних памятниках майкопской культуры, совершенно бесспорна.

В рассматриваемых поселениях найдены крупные плоскодонные сосуды, приближающиеся по форме к яйцевидным, высотой до 50 см. Тулово резко переходит в горловину; шейка такой же формы, как у отмеченных сосудов. На выпуклой части корпуса, примерно в средней части сосуда, находились большие ручки, круглые или овальные в сечении.

Почти аналогичные сосуды открыты в Долинском поселении (рис. 80, *2—4*). На некоторых из них также имеется по три симметрично расположенные большие ручки круглого или реже овального сечения.

Таким образом, и эти сосуды с ручками также обнаруживают близкие соответствия в керамике майкопской культуры. Они могут быть типологически сопоставлены и с большими яйцевидными сосудами из древнейших памятников Дагестана, Закавказья и Восточной Анатолии.

К этому типу можно условно отнести пока и некоторые экземпляры больших узкогорлых сосудов с округло-яйцевидным туловом, обнаруженные в Сержень-Юрте (рис. 76, *12*). Их можно связывать только с теми узкогорлыми сосудами, которые встречаются в куро-аракских памятниках Северной Грузии.

Следующий тип сосудов составляют многочисленные и разнообразные горшки. Прежде всего выделяются широкогорлые горшки. Внешняя поверхность некоторых из них покрыта ангобом и залощена. Они отличаются округлым туловом, высокой цилиндрической горловиной и небольшим плоским днищем [57]. Почти все горшки имели ручки. У некоторых, как правило крупных, горшков ручки большие; они прямо отходили от края венчика (рис. 76, *2, 5*). В большинстве же случаев ручки находились на месте перегиба тулова в горловину [58]. Встречены горшки с ложными ручками в виде горизонтальных выступов.

Некоторые горшки из Лугового поселения украшены характерным для куро-аракской керамики рельефным спиральным орнаментом. Украшения на горшках представляли, возможно, две соединенные между собой рельефные спирали, как на куро-аракской керамике.

---

[56] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., табл. XII, *6*.
[57] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 105—107.
[58] Там же, рис. 29.

Из Сержень-Юрта происходит фрагмент горшка, на стенке которого имеется рельефное изображение, вероятно в виде спирали (рис. 76, *6*), причем оно сочетается с другим орнаментом, вдавленным в виде двух рядов насечек. Там же найден еще один обломок стенки сосуда, украшенный рельефным изображением в виде трех налепных косо расположенных узких полос (рис. 76, *7*).

Отметим также фрагмент горшка из Лугового поселения, украшенный налепным орнаментом в виде неправильного треугольника. А один горшок такой формы из Сержень-Юрта был украшен по тулову косыми нарезными линиями (рис. 76, *3*).

Горшки подобной формы, равно как и налепной спиральный орнамент, совершенно не характерны для керамики майкопской культуры [59].

Вместе с тем горшки этой формы представляют собой один из характерных типов керамики куро-аракской культуры. Они обнаружены в целом ряде памятников Закавказья, Дагестана и Восточной Анатолии. Характерно, что в керамике Закавказья и Восточной Анатолии сосуды именно этой формы чаще всего украшены рельефным спиральным узором [60].

Несколько иную форму горшков из Лугового поселения представляют сосуды с высоким трубообразным горлом коричневого и бурого тонов. Некоторые из горшков отличаются крупными размерами. Высота горловины таких горшков составляет 14, а иногда и 18 см. В остальных же случаях высота шейки колеблется в пределах 6—10 см [61].

Горшки с таким трубообразным горлом известны в некоторых куро-аракских памятниках, например Дидубе [62]. Эти сосуды имеют небольшое округлое тулово и плоское днище и снабжены у переходов плечиков в шейку одной, чаще двумя ручками. Видимо, такую форму имели и горшки из Лугового поселения. Любопытно, что сосуды из Дидубе также отличаются коричневым и бурым цветом. Высокая горловина свойственна и некоторым сосудам из Згудрис-Гверда в Юго-Осетии [63]. Отметим, что почти аналогичной формы небольшой высокогорлый чернолощеный сосуд обнаружен в кургане 2 у ст. Новосвободной [64]. Отдельные фрагменты довольно высоких венчиков отмечены и в верхнем горизонте Долинского поселения [65].

В Луговом поселении найдены также фрагменты горшков со слегка округлым туловом, плавно переходящим в довольно высокий венчик, отогнутый наружу и иногда утонченный к краю. Днище горшков неболь-

---

[59] В тех случаях, когда на керамике майкопских памятников отмечены выполненные в рельефе концентрические изображения (так же как и резные геометрические узоры), они связываются с Закавказьем. См.: *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, рис. 35.

[60] *О. М. Джапаридзе.* Ранний этап древней металлургии..., табл. I; *H. Kosay, K. Turfan.* Указ. соч., стр. 390а; 35; и др.

[61] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., табл. XVI.

[62] *Д. Л. Коридзе.* Указ. соч., табл. I—II.

[63] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., стр. 77, рис. 14.

[64] *Т. Б. Попова.* Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, табл. XII.

[65] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 189, рис. 28, *3*.

шое и плоское. На горшке имеется одна ручка овального или круглого сечения [66].

Горшки такой формы не встречены в майкопских комплексах, в то время как в куро-аракской керамике они присутствуют. Они отмечены там не повсеместно, а только в Шида Картли и Юго-Осетии, например, в Кулбакеби [67] и в Згудрис-Гверда [68].

Присутствие их именно в этих памятниках крайне важно, поскольку последние, с одной стороны, и Луговое поселение — с другой,— наиболее близко расположенные друг к другу объекты. Данная форма сосудов характерна, видимо, для памятников Северной Грузии и сопредельных с ней некоторых районов Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Еще одну форму горшков представляют плоскодонные сосуды баночной формы. В Луговом поселении они в большинстве случаев цилиндрические, а в Серженьюртовских — конусовидные (рис. 77, *1—4*). Некоторые из горшков имеют с одной стороны (реже с двух) небольшую кругло-овальную ручку.

Аналогичные горшки как цилиндрической, так и конусовидной формы широко представлены в комплексах куро-аракской культуры [69], в то время как в памятниках майкопской культуры их нет совсем. Таким образом, мы имеем еще одно яркое свидетельство связи изучаемых поселений с куро-аракской культурой.

В Луговом поселении обнаружены также фрагменты плоскодонных горшков-чаш с закругленным и заходящим внутрь краем [70]. Они обнаруживают близость к мискам. Прямых аналогий им в комплексах Закавказья или Северного Кавказа мы не знаем.

Несомненный интерес вызывают найденные в Луговом поселении небольшие круглодонные горшочки (рис. 79, *2*) [71]. Круглодонная керамика встречается редко и в памятниках Закавказья и Северного Кавказа [72].

Кроме того, в керамическом инвентаре Лугового и Серженьюртовских поселений имеется ряд фрагментов горшков и миниатюрных тонкостенных сосудов, форму которых восстановить не удается. По техническим признакам эта керамика ничем не отличается от остальной [73]. Некоторые сосуды содержат орнамент в виде удлиненных параллельно расположенных косых углублений, как на горшке из Сержень-Юрта (рис. 76, *3*).

Мы уже отмечали, что такой орнамент имеется на куро-аракской керамике; близкий по характеру орнамент отмечен и на нескольких майкопских сосудах, в частности из кургана у с. Соломенка [74], чегемско-

[66] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 31, *1—6*.
[67] *О. М. Джапаридзе.* Ранний этап древней металлургии..., табл. V, *6, 8*; *он же.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, табл. IV, *1;* VI, *3, 4*; и др.
[68] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., табл. II, *3, 6*.
[69] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. А.
[70] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 24, *1—3*.
[71] Там же, рис. 33; 34.
[72] Там же, стр. 110—112.
[73] Там же, стр. 113.
[74] *А. П. Круглов, Г. В Подгаецкий.* Указ. соч., табл. XI, *1*.

баксанских погребений[75] и других памятников[76]. Очевидно этот орнамент на керамике Чечено-Ингушетии следует связывать с Закавказьем, где он получил более широкое распространение.

В коллекции Лугового поселения имеются еще фрагменты миниатюрных тонкостенных сосудиков, в том числе чернолощеных. Некоторые из них повторяют формы описанных горшков и круглодонных сосудов.

Таким образом, рассмотренные группы сосудов обнаруживают близкие параллели прежде всего в керамике куро-аракской культуры. Определенные аналогии они находят и в керамике майкопской культуры.

Последний тип керамики из поселений Чечено-Ингушетии составляют миски. Здесь представлены как плоскодонные, так и (реже) круглодонные миски. Они в большинстве однотипны. Край их, обычно утонченный и закругленный, слегка загнут внутрь в верхней своей части.

Миски встречаются часто в памятниках Дагестана. Описанные же наиболее близки к мискам, найденным в Юго-Осетии[77], а в еще большей степени — аналогичному типу керамики из майкопских памятников, прежде всего Нальчикского и Долинского поселений. Там почти совершенно такие же по цвету, форме и размерам миски[78].

В Луговом поселении обнаружены фрагменты глиняного блюдца с приподнятым и слегка загнутым внутрь краем. Эти небольшие «блюдца» (диаметром 15 см и глубиной 1,5 см) аналогичны найденным в Дагестане (Гильярское поселение) и на территории Долинского поселения.

Из этого же памятника происходит фрагмент, по-видимому, небольшой, но глубокой миски с миниатюрной ручкой в виде выступа с узким проемом. Подобная валикообразная ручка с узким отверстием имеется на мисках из Згудрис-Гверда. Такие же ручки имеются на краях мисок из памятников Дагестана.

Таковы основные типы и формы сосудов, обнаруженных в поселениях Чечено-Ингушетии. К ним относятся несколько больших (высотой до 26 см) горшков конусовидной формы с расширяющейся верхней частью (диаметр по краю венчика 20 см, а диаметр днища 5—6 см), найденных в Сержень-Юрте. Они сероватого цвета, имеют ниже края венчика две обычные кругло-проемные ручки. Аналогии им есть в керамике Дагестана.

Насколько мы можем судить по сохранившимся фрагментам, здесь были, безусловно, и другие типы сосудов, форму которых, к сожалению, реконструировать не удается. Некоторые из них, найденные в Сержень-Юрте, украшены необычным зубчатым и гребенчатым орнаментом, насечками и т. д. (рис. 76, *9—11*).

Довольно интересны найденные в Луговом и Шалажинском поселениях фрагменты верхних частей сосудов, украшенные по краю узкой

---

[75] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, рис. 7.

[76] *И. М. Чеченов.* Указ. соч., рис. 35, 36.

[77] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., табл. II, *4, 5.*

[78] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 187, рис. 27, *7—12*; *И. М. Чеченов.* Указ. соч., рис. 34, *2.*

налепной полосой с защипами и в одном случае отдельными и несимметрично расположенными узкими горизонтальными валиками [79].

Эти сосуды по технологическим признакам не отличаются от остальной керамики из этих поселений. О форме их судить трудно. Можно только уверенно говорить о том, что упомянутые фрагменты принадлежат относительно большим сосудам с довольно высокой, почти цилиндрической шейкой. В одном случае венчик совершенно вертикальный, высота его 7 см. Диаметр этих сосудов по краю венчика составлял 10—16 см. Такой или очень близкий к нему орнамент зафиксирован на керамике Дагестана, а также на фрагментах сосудов Долинского [80] и Нальчикского [81] поселений.

Любопытно, что подобный орнамент совершенно не отмечен на керамике куро-аракской культуры. Вопрос о месте происхождения и путях распространения этого орнамента представляется весьма интересным, хотя в настоящее время он не может быть еще решен. В данном же случае существенно то обстоятельство, что присутствие почти аналогичного орнамента на керамике Дагестана, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии указывает на определенную культурно-историческую и хронологическую связь памятников этих областей Кавказа эпохи ранней бронзы.

Определенный интерес представляют найденные в Луговом поселении обломки других, также орнаментированных сосудов [82]. В частности, на фрагментах двух сосудов имеется орнамент в виде пояска из вдавленных узких клиньев. Близкий ему орнамент имеется на сосудах Великентского и Долинского поселений [83], особенно на двух горшках, найденных при раскопках Нальчикского могильника [84], и на обломках сосудов из поселения Мысхако у Новороссийска.

Отметим еще, что на некоторых сосудах Лугового поселения имеется орнамент в виде округлого овала. Такой орнамент в единичных случаях зафиксирован и на керамике прикубанских поселений майкопской культуры. Связан ли он с Закавказьем, являясь как бы разновидностью типичной для местной керамики рельефной орнаментации,— уверенно сказать трудно. Бесспорно, что одинаковый орнамент на керамике Лугового поселения и памятников майкопской культуры достаточно конкретно свидетельствует об их тесной связи.

Наконец, большой интерес представляет находка на Луговом поселении обломка днища сосуда с тканевой прослойкой внутри черепка [85]. Керамика с отпечатками ткани внутри черепка отмечена в ряде памятников Кавказа с эпохи энеолита. В частности, она найдена в Техуте и на древних селищах по черноморскому побережью Закавказья (Кистрик, Очемчири и др.). В значительных количествах она представлена

[79] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 37.
[80] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., табл. IX, *5—7.*
[81] *И. М. Чеченов.* Указ. соч., рис. 36, *17*, *20.*
[82] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 38.
[83] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., табл. X. *3.*
[84] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий.* Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 122.
[85] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 118—119.

и на керамике древних памятников Азербайджана. Такая керамика открыта и в Дагестане [86]. Важен тот факт, что единичные образцы керамики с оттисками ткани внутри черепка обнаружены, с одной стороны, в Шида Картли и Юго-Осетии [87], а с другой — в Долинском поселении [88].

В следующую группу керамики из бытовых памятников Чечено-Ингушетии входят фрагменты глиняных плиток, колесики и «жаровни», обнаруженные в основном в Луговом поселении [89]. Плоские глиняные плитки различной толщины (от 0,7 до 1,7 см) изготовлены из такой же глины, что и сосуды. Вероятно, это крышки сосудов. В куро-аракских памятниках часто встречаются плоские дисковидные глиняные крышки от сосудов.

Глиняные колесики, найденные в Сержень-Юрте, представляют обломки моделей колес с выступающей ступицей, а обнаруженные в Луговом поселении — изготовлены из стенок сосудов [90].

Аналогичные глиняные колесики, как с выступающей ступицей, так и сделанные из обломков сосудов, встречены во многих памятниках куро-аракской культуры. В единичных экземплярах они встречены и в памятниках майкопской культуры.

Интерес вызывают и глиняные «жаровни». Это довольно массивные плоские глиняные плиты круглой формы (диаметром более 40 см) [91]. Край у них вертикальный или конусообразный.

Аналогичные глиняные «жаровни» найдены в памятниках куро-аракской культуры, например в Нахичеванском Кюль-тепе [92] и Шенгавитском поселении [93]. Обломки таких же глиняных предметов найдены и в Долинском поселении [94].

Наконец, последнюю группу керамики составляют разнообразные очажные подставки из Лугового и Серженьюртовских поселений. Всего обнаружено здесь не менее 20 очажных подставок, в том числе 11 в Луговом поселении [95]. Многие из них найдены у очагов.

Выделяется несколько типов подставок. К первому относятся подставки почти прямоугольной формы с округленными углами, имеющие на верхнем крае два (Луговое) или четыре (Сержень-Юрт) роговидных выступа, отходящих в разные стороны (рис. 78, *7—10*). Подставок этого типа найдено 8: 4 — в Луговом [96] и столько же в Сержень-Юрте. Не

---

[86] *А. П. Круглов.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 39.
[87] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., стр. 74—75. Укажем, что в большинстве куро-аракских памятников ее нет.
[88] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 191.
[89] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 119—120.
[90] Там же, рис. 40, *4*.
[91] Там же, стр. 121, рис. 41.
[92] *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, рис. 7, *5*.
[93] *Э. В. Ханзадян.* Культура Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван, 1957, табл. XIII.
[94] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 188.
[95] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 121—125.
[96] Там же, рис. 42, *1*.

все они идентичны. Две из Лугового имеют упомянутую форму и отличаются массивностью. Особенностью двух других подставок является то, что они внутри полые и имеют в центре верхней плоскости, а также в середине боковой и тыльной сторон отверстия (рис. 79, *9*).

Подставки этого типа из Сержень-Юрта отличаются не только четырьмя роговидными выступами, но и тем, что все они снабжены большими желобчатыми ручками, расположенными на верхней плоскости.

Ко второму типу подставок относятся такие же массивные подставки призматической формы в виде высоких продолговатых кирпичей с округленными углами в основании и в верхней части из Лугового поселения. Основание их плоское. На верхней вогнутой поверхности имеются в одном случае два продольных желобчатых углубления (рис. 79, *10*), а в другом — три. Почти в центре боковых сторон каждой подставки находится поперечное кругло-овальное сквозное отверстие. На Луговом поселении найдены части двух таких подставок [97].

К следующему типу мы относим небольшие подставки почти цилиндрической формы, найденные как в Луговом (одна целая и несколько обломков), так и в Сержень-Юрте (одна целая и половинки от двух других). Основание у них плоское, верхняя часть также горизонтально срезана (рис. 78, *1—3*); в центре они имеют поперечное кругло-овальное отверстие.

Особый тип составляют найденные в Сержень-Юрте подставки на четырех массивных ножках. Они как бы неправильной полусферической формы (рис. 78, *5, 6*). Высота их 6 см, ширина от края одной ножки до другой 9 см. Здесь же обнаружена и часть подставки с двумя ножками, но как она выглядела в целом виде,— неясно (рис. 78, *4*).

В Луговом обнаружена одна подставка с плоским почти четырехугольным основанием, углы ее закруглены; она суживается кверху [98]. В середине передней стенки и почти в центре верхней части имеется по одному круглому неглубокому углублению. Ее также следует выделить в самостоятельный тип. Здесь же найден обломок подставки иного типа: подставка была плоской и имела круглую форму; край ее значительно приподнят, а борт несколько скошен книзу. По форме она напоминает «жаровни». Кроме того, у этой подставки в боковой стенке имеется глубокое отверстие [99].

Все упомянутые предметы не представляют собой изолированного комплекса. Напротив, большинство из них обнаруживает поразительно близкие аналогии в комплексах куро-аракской культуры, а также в памятниках майкопской культуры (Долинское поселение).

Очажные подставки с роговидными выступами найдены в Земо-Авчалах (Грузия) [100], Шенгавите и других памятниках Армении [101] и Нахичеванском Кюль-тепе (Азербайджан) [102]. Многие из них, как и

---

[97] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 43.
[98] Там же, стр. 123—124, рис. 44.
[99] Там же, табл. XIX, *3*.
[100] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., табл. I, *1*.
[101] *Э. В. Ханзадян.* Указ. соч., табл. VII.
[102] Хранятся в Институте истории АН Азербайджанской ССР.

серженьюртовские, имеют в центре верхней плоскости ручку обычной для керамики этих памятников формы. Правда, в куро-аракских памятниках не открыты до сих пор полые подставки с роговидными выступами, как в Луговом поселении.

Цилиндрические подставки — частые находки в куро-аракских памятниках. Они найдены, например, в Згудрис-Гверда [103], Тквиави [104] и других памятниках Внутренней Картли и Юго-Осетии [105], а также в Земо-Авчалах [106], Гарни [107], Шенгавите [108], Нахичеванском Кюль-тепе, Пулуре [109], пещере Шау-Легет [110], Мекегинском поселении в Дагестане [111] и других памятниках.

В куро-аракских памятниках встречены и подставки на четырех ножках [112]. Там же, например в с. Озни в Грузии [113], представлена подставка с почти четырехугольным основанием, как в Луговом.

Значительный интерес представляют подставки в виде высоких кирпичей с приподнятыми краями и желобками на верхней плоскости. Подобные подставки в куро-аракских памятниках не обнаружены, но они найдены в Долинском поселении [114]. Близость подставок Лугового поселения с «рогатыми кирпичами» Долинского поселения просто удивительна. Они совершенно аналогичной формы и почти одинаковых размеров. На верхней вогнутой поверхности у них имеются в трех случаях по два продольных желобка, а в одном — три, а почти в центре боковых широких сторон находится круглое или овальное поперечное отверстие [115].

Характерно, что в комплексе Лугового поселения представлены подставки, встречающиеся в памятниках как куро-аракской, так и майкопской культур, тогда как в Сержень-Юрте представлены подставки только куро-аракского типа. Значение этого факта в целом трудно переоценить. Он убедительно свидетельствует о тесной связи изучаемых поселений с куро-аракской, а также с майкопской культурами, а в широком смысле — между культурами Кавказа раннебронзового века.

Рассмотренные глиняные изделия представляют собой очажные подставки. Они использовались у очага при различных культовых церемониях. Вопрос о назначении глиняных очажных подставок подробно был

---

[103] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита внутренней Картли..., стр. 75, рис. 10, *2*.
[104] *С. И. Макалатия.* Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиави (на грузинском языке с русским резюме). Тбилиси, 1943, стр. 29, рис. 27.
[105] Хранятся в Горийском историко-этнографическом музее.
[106] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., табл. I, *2*.
[107] *Э. В. Ханзадян.* Указ. соч., табл. VII.
[108] Там же.
[109] *H. Kosay, H. Vary.* Pulur kazisi. Ankara, 1964, lev. XXVI.
[110] *В. П. Любин.* Указ. соч.
[111] Хранится в ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.
[112] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВМГ, XIII-В. Тбилиси, 1943, стр. 104, рис. 59; *Э. В. Ханзадян.* Указ. соч., табл. VII.
[113] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, табл. XXXI.
[114] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., табл. III, *1—5*.
[115] Там же, стр. 171—173.

рассмотрен Б. А. Куфтиным [116], который связывал подставки с роговидными выступами из Закавказья с находками подобных предметов в Малой Азии и через них с крито-микенскими «рогатыми алтарями» женской плодоносящей богини, относящимися и там к началу эпохи металла [117]. Имеющиеся на этих подставках выступы большинство исследователей рассматривают как схематизацию рогов быка, культ которого был широко распространен в древности. Учитывая большое количество находок роговидных подставок в памятниках Кавказа, особенно Закавказья, можно полагать, что здесь этот культ также получил широкое развитие. В этой связи важно и то, что в памятниках куро-аракской культуры встречены не только глиняные фигурки быков [118], но и глиняные подставки в виде стилизованных фигурок быков [119].

Следовательно, изучение глиняных очажных подставок дает нам возможность с уверенностью говорить о распространении среди населения раннебронзового века Чечено-Ингушетии таких же религиозных представлений, которые бытовали в ту эпоху у племен сопредельных областей Кавказа, в особенности Закавказья [120].

Подводя итоги изучению керамики из древнейших поселений Чечено-Ингушетии мы можем уверенно констатировать, что она обнаруживает удивительно близкие связи с керамикой куро-аракской и майкопской культур. Анализ ее показывает, что поселения Чечено-Ингушетии наиболее близко стоят к тем куро-аракским памятникам Закавказья, которые расположены в пограничных с Северным Кавказом районах, особенно в Шида Картли и Юго-Осетии. Следует еще раз подчеркнуть, что керамика из этих памятников по характеру глины, степени обжига, цвету сосудов и другим технологическим особенностям совершенно аналогична глиняной посуде из некоторых памятников Восточной Грузии — Кахетии. Вместе с тем, керамика из поселений Чечено-Ингушетии обнаруживает и близкие соответствия в керамике более южных куро-аракских памятников, таких как Шенгавит и Нахичеванский Кюль-тепе.

Таким образом, керамика не только убедительно подтверждает, но еще более полно раскрывает связи рассмотренных памятников с куро-аракской и майкопской культурами. При этом мы наблюдаем, что Луговое поселение тяготеет по ряду признаков больше к майкопской культуре, обнаруживая весьма тесные связи, в частности, с таким памятником этой культуры, как Долинское поселение. Это подтверждается и погребальными памятниками эпохи ранней бронзы, расположенными рядом (в 30 км) с Луговым поселением, в частности Бамутским могильником. Можно считать поэтому, что территория Ингушетии подверглась больше влиянию майкопской культуры. Что же касается Серженьюртов-

---

[116] *Б. А. Куфтин. Урартский* «колумбарий»..., стр. 80—82; *он же.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., стр. 69—72; *он же.* Археологические раскопки 1947 г., стр. 36.

[117] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли..., стр. 70—72.

[118] *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки в Кюль-тепе (на азербайджанском языке). Баку, 1959, табл. 32, *2—4.*

[119] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий»..., стр. 104, рис. 59.

[120] *Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., стр. 126—127.

ских поселений, то они проявляют близость прежде всего к куро-аракской культуре. По всей вероятности, восточная часть Чечено-Ингушетии подверглась сильному влиянию преимущественно куро-аракской культуры. В том и другом случаях мы отчетливо наблюдаем смешанный (куро-аракско-майкопский) характер представленной рассмотренными памятниками культуры. В свете приведенных фактов очевидно, что куро-аракский компонент появился на данной территории в результате сильнейшего влияния и даже проникновения сюда отдельных этнических групп из районов Внутренней Картли и особенно Юго-Осетии через полосу Главного Кавказского хребта. Майкопский же компонент соответственно явился результатом мощного этно-культурного влияния со стороны Центрального Предкавказья.

Таким образом, на территории Чечено-Ингушетии куро-аракская и майкопская культуры как бы столкнулись между собой и пришли в активное взаимодействие, чем и объясняется синкретический характер наблюдаемой здесь культуры. В установлении этого важного факта, доказывающего тесные связи и взаимоотношения между основными культурами раннебронзового века Кавказа, и заключается, пожалуй, главное значение рассмотренных бытовых памятников Чечено-Ингушетии.

Естественно, возникает вопрос о характере культуры раннебронзового века, представленной памятниками Кавказского и в частности Абхазского Причерноморья. Теперь, когда эти памятники детально изучены и обобщены В. В. Бжанией, мы можем уверенно говорить о том, что они характеризуют культуру, отличную как от куро-аракской, так и от майкопской [121].

Эта кальтура характеризуется такими памятниками, как известные Очамчирское [122] и Мачарское (слои 2 и 3) [123] поселения, а также Гумистинские поселение и курган и другие памятники. Ее можно называть очамчирской культурой. Границы этой культуры очерчиваются пока условно. На севере и северо-западе вдоль Большого Кавказского хребта она соседствует с майкопской культурой [124]. Ее определенная связь и соотношение с последней прослежены в Воронцовской пещере близ Сочи [125]. На юге граница очамчирской культуры проходит в Рионской низменности, а на северо-востоке — в районе Дабла Гоми [126].

Культура раннего металла Абхазии, по мнению В. В. Бжании, характеризуется следующими признаками: широким использованием орудий из гальки и валунов, обработанных техникой «скола» и «пунктуа-

---

[121] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии (эпоха энеолита и ранней бронзы). Автореф. канд. дисс. М., 1966; *он же.* Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 65—71.

[122] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. «Материалы по истории Абхазии», I. Сухуми, 1939.

[123] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966, № 1.

[124] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии, стр. 23.

[125] *Л. Н. Соловьев.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. «Труды Абхазского НИИ», т. XXIX. Сухуми, 1958.

[126] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии, стр. 23.

ции»; определенным набором этих орудий (мотыги, грузила для сетей, резаки, долота, зернотерки, терочники, серповые вкладыши и др.); деградацией производства кремневых орудий, употреблением разнообразных лепных сосудов, поверхность которых заглажена пучком травы или гребенкой и украшена линейно-геометрическим и штампованным орнаментом; использованием металлических (из медно-мышьяковистой бронзы.— *Р. М.*) топоров, ножей, наконечников стрел и других; широким распространением обряда вторичного захоронения [127].

Отмеченные признаки наглядно свидетельствуют о своеобразии этой культуры, ее резком отличии от майкопской и куро-аракской культур. Она отлична и от культуры, представленной жилыми холмами Колхиды (Наохваму и др.), хотя и имеет с ними много общего. Эта культура, так же как культура остальной части Кавказского Причерноморья, неразрывно, генетически связана с местной культурой предшествующего времени [128].

Вместе с тем памятники Кавказского Причерноморья свидетельствуют о том, что данная территория испытала определенное влияние куро-аракской и майкопской культур. Еще Б. А. Куфтин убедительно показал на материалах (керамике) поселения Дабла Гоми, как далеко на северо-запад проникало влияние куро-аракской культуры [129]. А о влиянии майкопской культуры наряду с другими может, по всей вероятности, свидетельствовать и Гумистинский курган. В последнем открыты четыре погребения эпохи ранней бронзы. Они были совершены в скорченном положении, головой на юго-запад и обложены камнями [130]. Инвентарь их состоял из небольших глиняных горшков, каменного топорика с начатым сверлением и овальной каменной подвески с отверстием, напоминающей каплевидные подвески из памятников Северного Кавказа. Этот курган выпадает из круга погребальных памятников эпохи ранней бронзы Абхазии и по некоторым деталям погребального обряда может быть сопоставлен с курганами майкопской культуры.

На основании имеющихся данных мы можем говорить о том, что территория Абхазии больше подверглась влиянию майкопской культуры, а области к югу от нее, например Колхидская низменность,— куро-аракской культуры. Но, подчеркиваем, ни в Абхазии, ни в Колхиде мы не знаем памятников, подобных Серженьюртовским и особенно Луговому поселениям, в которых бы так органически сочетались элементы куро-аракской и майкопской культур.

---

[127] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии, стр. 22—23.
[128] Там же, стр. 24.
[129] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950, табл. 43, *1—3.*
[130] *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии, стр. 20.

Глава VII

Вопросы развития земледелия, скотоводства, гончарного производства и металлургии на Кавказе в эпоху ранней бронзы

Мы рассмотрели обширный круг памятников раннебронзового века Кавказа вообще, отдельных его областей в частности, и проанализировали основные категории разнообразного материала, представленного в этих памятниках. Все это дало нам возможность определить характер и уровень развития культур Закавказья и Северного Кавказа на заре бронзового века, установить их особенности, наметить хронологию этих культур, выяснить их взаимосвязи и т. д. Один из важнейших выводов, который вытекает из анализа рассмотренного материала, заключается в том, что население Кавказа создало в эпоху ранней бронзы яркие и самобытные культуры, в частности куро-аракскую и майкопскую, резко отличные друг от друга по своему материальному выражению, но связанные между собой в значительно большей степени, чем с культурами сопредельных территорий. Вопросы происхождения, хронологии, периодизации и выделения локальных вариантов этих культур окончательно еще не решены. Но несомненно, что развитие и расцвет куро-аракской и майкопской культур определили не внешние факторы, т. е. связи с югом и различные влияния оттуда, хотя значение таких факторов, особенно применительно к Северному Кавказу, было немаловажным. Решающими здесь стали факторы, связанные с внутренним развитием Кавказа в целом и отдельных его областей в особенности. Бесспорно, что основным стимулом столь бурного развития культур Закавказья и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы следует признать усиленное развитие в это время важнейших отраслей производительной экономики — земледелия и скотоводства. Материальный облик культур раннебронзового века Кавказа определяется в значительной степени характером и своеобразием керамики и металлического инвентаря, производившихся населением Закавказья и Северного Кавказа в III тыс. до н. э. Однако совершенно очевидно, что не эти отрасли производства — гончарное дело, металлургия и металлообработка — вызвали значительный подъем в культурно-историческом развитии Кавказа в эпоху ранней бронзы, хотя значение их велико. Именно развитие земледелия и скотоводства, сопровождавшееся активным развитием других отраслей производства и прежде всего металлопроизводства, а также усилением связей как между отдельными областями Кавказа, так и с соседними странами привели к формированию и расцвету тех самобытных и ярких культур, которые

существовали в Закавказье и на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы.

Проблема экономического развития Кавказа в раннебронзовом веке охватывает целый ряд вопросов. Наиболее существенными среди них являются вопросы, связанные с изучением развития земледелия, скотоводства и металлургии, а также гончарного дела. Многочисленные и разнообразные факты доказывают, что основу хозяйства населения Кавказа составляли земледелие и скотоводство, причем в разных его областях преобладало то или другое. Важное значение уже в это время приобретает на Кавказе металлургия. Эти обстоятельства и побуждают нас рассмотреть вопросы, связанные с развитием в раннебронзовую эпоху на Кавказе именно земледелия, скотоводства, металлургии и гончарного производства. Разумеется, это никоим образом не умаляет значения текстильного производства и других ремесел в жизни и общем развитии населения Кавказа изучаемой эпохи. Поскольку одним из важнейших атрибутов рассмотренных культур является керамика, мы начнем с характеристики особенностей и уровня развития гончарного производства на Кавказе в эпоху ранней бронзы, хотя, подчеркнем, не эта отрасль производства определяла общий прогресс в культурно-историческом развитии населения Закавказья и Северного Кавказа на заре бронзового века.

Мы располагаем обширными и убедительными данными, свидетельствующими о том, какого высокого уровня достигли в развитии гончарного производства племена Закавказья и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы. Особенно нагляден этот прогресс в развитии гончарного дела, если сравнить керамические комплексы куро-аракской и майкопской культуры с продукцией закавказских и северокавказских гончаров предшествующей эпохи. Мы уже рассмотрели куро-аракскую и майкопскую керамику, охарактеризовав ее технологические особенности и т. д. Хотя пока не выявлены в достаточной степени необходимые данные, документирующие весь процесс гончарного производства, мы тем не менее имеем все основания судить как об общем уровне его развития, так и о многих особенностях. Керамика куро-аракской и майкопской культур качественно отличается от глиняной посуды эпохи энеолита. Это отличие касается в одинаковой степени как технологии производства, так и форм керамики.

Керамика куро-аракской культуры изготовлена из хорошо отмученной глины с примесями шамота или реже дресвы, но всегда без растительных примесей. Почти вся она покрыта снаружи тонким слоем ангоба и часто имеет на внутренней стороне «подкладку» красного цвета. Поверхность ее, как правило, залощена, причем нередко до металлического блеска. Именно одним из важнейших атрибутов этой культуры является чернолощеная посуда с блестящей полированной поверхностью. Немало серо-буроватой и особенно краснолощеной керамики. Отдельные образцы керамики украшены выпукло-вогнутыми и рельефными изображениями в виде спиралей, концентрических кругов и т. д. или резным геометрическим орнаментом. Кстати, именно в технике обработки поверхности сосудов значительных успехов достигли местные гончары. До сих

пор не выяснено, каким путем они добивались того, что сосуды имели, в частности, черный цвет. Это сложный вопрос, требующий специального исследования. Однако для нас в данном случае важен сам факт того, что закавказские гончары в эпоху ранней бронзы умели вырабатывать такую великолепную керамику, как чернополированная и краснолощеная посуда куро-аракской культуры. Формы этой посуды весьма разнообразны — от изящных миниатюрных кубков до крупных сосудов хозяйственного назначения. Вся керамика ручной лепки. Однако отдельные образцы ее отличаются таким совершенством лепки и такой поразительной симметричностью форм, что невольно наталкивают на мысль об их изготовлении если не на специальном гончарном круге, то на каком-то примитивном вращательном инструменте. Последний, можно предполагать, и появился в это время в Закавказье [1].

Таким образом, мы можем констатировать как сам факт большого прогресса в развитии гончарного дела у племен куро-аракской культуры, так и основные направления, по которым шел этот прогресс. Это прежде всего качественное улучшение всей технологии гончарного производства, начиная от выбора глины и приготовления теста до выработки совершенных и многообразных форм посуды и других видов керамики и их обжига. До совершенства, можно сказать, была доведена техника обработки поверхности сосудов. Способы изготовления керамики были во всем ареале куро-аракской культуры в общем едиными. Несомненно, что в это время в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе гончарное дело перестало быть домашним ремеслом, а выделилось в самостоятельную отрасль производства. Это один из основных выводов, вытекающих из общего анализа керамики куро-аракской культуры. В пользу такого вывода, в частности, свидетельствуют остатки гончарной мастерской, открытые на одном из памятников этой культуры — Великентском поселении в Дагестане. Следует указать, что подобные объекты в памятниках раннебронзового века Закавказья изучены крайне слабо, а в поселениях майкопской культуры, не считая плохо сохранившихся остатков гончарной печи в Нальчикском поселении, до сих пор вообще не выявлены. Поэтому мы вынуждены подробно остановиться на нем.

При описании Великентского поселения отмечалось, что рядом с поселением находится небольшой продолговатый холм длиной 45 м, шириной 5—6 м и высотой 3,5 м. На западной оконечности этого холма раскопана полуразрушенная гончарная печь [2]. Она была сооружена в яме диаметром около 3,5 м. Стенки печи сложены из речного булыжника на глиняном растворе и обмазаны с обеих сторон глиной. Диаметр ее в основании 3,2 м. Печь имела свод, сооруженный из булыжников на глиняном растворе и покоившийся на каркасе из прутьев [3]. В ней находились одиннадцать разнообразных сосудов. Это была уже готовая продукция, по каким-то причинам оставленная в печи.

---

[1] См. об этом в главе IV настоящей книги, стр. 161 сл.

[2] *В. Г. Котович.* Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I. Махачкала, 1959, стр. 123—126.

[3] Там же, стр. 124.

Описанный горн представляет собой в общем весьма несложную одноярусную круглоплановую печь со сводом, служившую для обжига глиняной посуды. Причем топочной и обжигательной камерой одновременно являлась внутренняя часть горна. Вопрос о вытяжном канале для воздушной тяги в горне остается неясным. В. Г. Котович предположил, что им мог быть канал, окружавший основание печи [4].

К сожалению, гончарные печи в поселениях раннебронзового века Кавказа изучены крайне слабо. Поэтому мы лишены возможности более полно и широко осветить один из важнейших процессов гончарного производства, связанный с обжигом посуды. Великентский горн, бесспорно, дает нам представление об этом, хотя далеко не полное. Было бы неправильно, ориентируясь на данный памятник, делать заключение о том, что во всем ареале куро-аракской культуры функционировали именно такие примитивные одноярусные гончарные обжигательные печи. Напротив, учитывая многочисленные образцы тщательно обожженной глиняной посуды, собранной в памятниках этой культуры, мы можем с большим основанием предполагать, что гончары Закавказья в III тыс. до н. э. сооружали более сложные обжигательные горны в виде двухъярусных печей. Нижний ярус служил топкой, а в верхнем производился непосредственно обжиг сосудов. Такие двухъярусные гончарные сооружения открыты в памятниках рассматриваемого и даже более раннего времени на смежных территориях. Так, например, довольно сложное двухъярусное сооружение подковообразной формы (длина 2,4 м, ширина 1,6 м) раскопано на раннетрипольском поселении Лука-Врублевецкая [5]. Крайне интересная двухкамерная печь открыта в поселении VI тыс. до н. э. на севере Месопотамии [6]. Едва ли есть надобность приводить все древнейшие памятники, в которых раскопаны такие гончарные сооружения. Ясно, что они появились раньше. В изучаемую же эпоху они использовались для обжига посуды населением как южных от Кавказа областей, так и северных. Это обстоятельство может служить косвенным свидетельством в пользу того, что такие сложные обжигательные печи сооружали и кавказские гончары в эпоху ранней бронзы. Во всяком случае они достигли значительных успехов в термообработке изготавливаемой посуды. При обжиге последней необходима высокая температура, и создавать такую температуру местные гончары, безусловно, умели в эпоху ранней бронзы. Ведь именно в это время широко развивается здесь металлургия. А плавка медных руд и т. п. требовала создания более высокой температуры, чем это было необходимо при обжиге глиняной посуды.

В связи с открытием гончарного горна в Великенте важно также другое обстоятельство. Он был сооружен не на самом поселении, а рядом с ним, на соседнем холме. Кстати, и открытая в Луке-Врублевецкой гончарная печь находилась на окраине поселения. С. Н. Бибиков

---

[4] *В. Г. Котович.* Новые археологические памятники..., стр. 124.

[5] *С. Н. Бибиков.* Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, № 38, 1953, стр. 127.

[6] *N. Y. Merpert* and *R. M. Munchaev.* Early agricultural settlements in the Sinjar Valley. «Iraq», vol. XXXV. London, 1973, pl. XL, *c.* Кстати, эта самая древнейшая двухъярусная печь, известная в настоящее время.

правильно отметил, чем было вызвано сооружение гончарных мастерских на окраине или даже за пределами поселения [7]. Ведь и в настоящее время сельские гончары строят свои мастерские не в самом селе, а на его окраине или в некотором удалении от него.

По-видимому, некоторые семьи на Великентском поселении лепили и обжигали для своих нужд посуду в пределах своего дома, но в основном глиняной посудой обеспечивала весь поселок та самая гончарная мастерская, которая находилась рядом с поселком, на отдельном холмике. Здесь, вероятно, обитали те жители Великентского поселения, которые специально занимались гончарным производством [8]. И на этом холмике, естественно, была целая серия печей, из которых удалось пока исследовать только одну. Не исключена возможность, что продукция этой мастерской «сбывалась» и в соседние поселения.

Вывод о том, что гончарное ремесло уже тогда выделилось в отдельную отрасль производства, применим безусловно и к Северному Кавказу. Есть основания считать, что и у племен майкопской культуры гончарное дело являлось важной и самостоятельной отраслью производства. На Северном Кавказе гончарное производство развивалось своим путем, что и определило резкое своеобразие керамики майкопской культуры. Последнее проявляется не только в формах ее и характере орнаментации, но и в технологических особенностях. В поселениях майкопской культуры Прикубанья и других районов мы видим в основном груболепную посуду, иногда залощенную, преимущественно серых тонов, с различными примесями в тесте, с неравномерным обжигом. Эта керамика, по всей вероятности, генетически связана с местной керамикой предшествующей эпохи. Она вместе с другими категориями бытового и производственного инвентаря, обнаруженного в этих поселениях, составляет один из двух компонентов майкопской культуры.

В целом ряде поселений и подавляющем большинстве погребальных памятников майкопской культуры представлена иная керамика, которая и известна широко как майкопская. Ее характерной особенностью является красно-оранжевый или красно-охристый цвет. Сосуды тщательно заглажены, часто покрыты тонким слоем ангоба коричневого или бурого цвета. Лощение мало характерно для сосудов майкопской культуры.

Такая красно-оранжевая или красно-охристая керамика с пачкающей поверхностью характерна как для ранней группы памятников майкопской культуры, так и для поздней. Причем она оказывается характерной не только для майкопской культуры и таких синкретических комплексов, как Луговое и Серженьюртовские поселения I и II, но и для памятников куро-аракской культуры Восточной Грузии, в частности Иоро-Алазанского бассейна. Она зафиксирована и в памятниках III тыс. до н. э. несколько более южных районов (Тетри-Цкаро и др.), так же

[7] *С. Н. Бибиков.* Указ. соч.

[8] То, что до сих пор слабо выявлены и не изучены гончарные печи в куро-аракских памятниках, объясняется, на наш взгляд, как раз тем, что гончарные мастерские располагались обычно на окраине поселения, а раскопкам подвергались, как правило, центральные участки поселений.

как и значительно более северных (Константиновское поселение в Ростовской области). Исследователь последнего вполне обоснованно считает наличие этой керамики в Константиновском поселении результатом влияния майкопской культуры. В то же время Ш. Ш. Дедабришвили, изучивший памятники Кахетии рассматриваемой эпохи, и вслед за ним И. М. Чеченов полагают, что прием изготовления данной керамики возник значительно раньше в Грузии и оттуда распространился на Северный Кавказ [9]. Этот вывод не может быть признан убедительным. Достаточно сказать, что красно-охристая керамика с пачкающей поверхностью не характерна для раннебронзового века Закавказья вообще и Грузии в частности. Присутствие ее в пограничных с Северным Кавказом районах Грузии следует объяснить скорее всего влиянием майкопской культуры. А откуда прием изготовления такой керамики проник на Северный Кавказ, или он возник на месте,— пока неясно. Сейчас можно утверждать, что, появившись здесь, по-видимому, в результате активизировавшихся на заре бронзового века связей с Передней Азией, он широко распространился по всему Северному Кавказу, от северо-западных областей его до Дагестана, и даже проник на южные склоны Кавказа.

В середине 30-х годов в Институте исторической технологии ГАИМК были изучены образцы красно-охристой керамики из Долинского поселения. Оказалось, что «температура обжига ее была ниже 850° С и была недостаточной для получения нормального черепка из подобного сорта охристой глины, не давая возможности силикатам закиси железа перейти в окисные.

Как показали опыты со вторичным обжигом черепков, нормальный обжиг их наступает при температуре 1060° С, когда черепок изменяет свой цвет из оранжевого в темно-красный, приобретая плотность и все качества нормально обожженного изделия. Цвет черепка делается равномерным по всей толще. Силикаты закиси также полностью переходят в силикаты окиси» [10].

Вся эта керамика изготовлена из тонко отмученной однородной глины, нередко лишенной всяких искусственных примесей. Несколько образцов ее, происходящих из трех пунктов Чечено-Ингушетии (селения Бамут, Сержень-Юрт и Шалаши) нами были переданы для изучения в кабинет петрографии при лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Среди них выделены две группы черепков — одна без видимых примесей, а другая — с относительно крупными примесями кварца и полевого шпата (плагиоклаза), а также шамота. Обе группы имеют одинаковую структуру глиняной основы и представляют собой материал из обожженной однородной тонкозернистой алевритной глины. Причем материал получен из одного сорта естественной гончарной глины.

Таким образом, северокавказские гончары эпохи ранней бронзы стали использовать для изготовления керамической посуды не любой

---

[9] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970, стр. 20—21; *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, стр. 48.

[10] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение. МИА, № 3, 1941, стр. 185.

материал, а один определенный сорт глины. Тщательно готовилось тесто. В ту часть его, которая шла на изготовление мелких форм посуды, никаких искусственных примесей обычно не добавляли. Крупные же сосуды изготавливались, как правило, из теста с примесями кварца и особенно мелких обломков шамота или пережженных черепков. Благодаря определенному режиму обжига керамика приобретала своеобразный красно-оранжевый или красно-охристый цвет.

О том, какого высокого уровня развития достигла техника гончарного производства на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы, свидетельствует установленный недавно совершенно неожиданный факт. Документально выяснено, что часть сосудов, происходящих как из погребений, так и с поселений Северного Кавказа раннебронзового века, изготовлена с помощью примитивного гончарного круга [11]. Значение этого факта трудно переоценить. Ведь до сих пор нигде в Юго-Восточной Европе, включая Закавказье, применение гончарного круга для этого времени не зафиксировано.

Учитывая исключительную важность этого факта, мы обязаны несколько подробнее остановиться на той группе керамики, которая изготовлена с помощью гончарного круга. Она была тщательно изучена А. А. Бобринским в лаборатории Института археологии АН СССР. Особое внимание при этом привлекла серия сосудов, на днищах которых с внешней стороны имеются углубленные оттиски. Это сосуды небольших и средних размеров, емкостью от 0,2 до 3 литров. Они найдены в Луговом поселении, в Бамутском могильнике и Лескенском кургане [12].

При осмотре отмеченных оттисков на этих сосудах было установлено, что на донном основании и боковых стенках некоторых из них сохранились следы от концентрического перемещения глиняных частиц в виде замкнутых концентрических бороздок. Эти следы могли возникнуть только при условии, если сосуд, сохраняя неподвижное положение по отношению к плоскости, на какой он был укреплен, совершал вращение вместе с этой плоскостью вокруг неподвижного стержня, который при трении с частицами глины и чертил эти бороздки на глине. Стало быть, ясно, что эти оттиски образованы в результате вращения сосуда вокруг неподвижного стержня. Об этом свидетельствует также другой признак, сохранившийся у всех оттисков, а именно — повышенный рельеф по краю оттисков [13]. Последний мог возникнуть лишь в случае вращения днища сосуда вокруг неподвижно закрепленного стержня. Это оттиски не статические, а динамические, возникшие при вращении сосуда, т. е. они имеют техническое происхождение. Как твердо установлено, такие динамические углубленные оттиски оставлены концом оси гончарного круга. Это удалось выяснить, благодаря детальному изучению подобных оттисков на круговой средневековой керамике Восточной Европы [14]. Следы от оси являются бесспорным свидетельством применения гончарного круга на

---

[11] *А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 14—22.
[12] Там же, стр. 14—16, рис. 2, *3*.
[13] Там же, рис. 2; 4, *1, 2*.
[14] *А. А. Бобринский.* Древнерусский гончарный круг. СА, 1963, № 3.

Северном Кавказе в раннебронзовом веке. Отсутствие таких следов на других сосудах, также бесспорно изготовленных на круге, связано с технологическими особенностями изготовления керамики майкопскими гончарами. Дело в том, что оттиски в виде углубления от конца оси имелись на всех круговых сосудах, но часто гончары замазывали их [15].

Другим классическим признаком, указывающим на изготовление позднемайкопской керамики на круге, являются концентрические параллельные бороздки, опоясывающие поверхность многих сосудов под венчиком, т. е. на месте, которое наиболее защищено от стирания и наложения других следов при дальнейшей ручной обработке поверхности: ангобировании, лощении и т. д.

Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что в памятниках майкопской культуры значительная часть керамики малых и средних размеров изготовлялась с помощью гончарного круга.

Возникает резонный вопрос: что представлял собой гончарный круг, как было устроено это самое древнее центрированное орудие формовки, зафиксированное на территории СССР? Разумеется, дать полный ответ на этот вопрос затруднительно, так как сам этот инструмент в майкопских памятниках пока не обнаружен. Тем не менее сейчас можно отметить некоторые общие особенности устройства древнейшего гончарного круга Северного Кавказа. Он имел ось, неподвижно укрепленную в каком-то основании, а также рабочий диск со сквозным отверстием в центре. Изучение донной части майкопских сосудов показывает, что имеющиеся там следы могли быть оставлены только ручными кругами с одним скользящим подшипником [16]. Это наиболее простое в техническом отношении орудие формовки, сохранившееся в некоторых сельских очагах гончарства до наших дней. Устроен этот круг был примерно так: диск с отверстием, ось с плечиками и опорная плита, на которой крепится ось. Судя по этнографическим наблюдениям, орудия этой конструкции в общем довольно однотипны. Они различаются в основном размерами и способом крепления оси в основании, тогда как диск и ось, их устройство остаются фактически неизменными. Это обстоятельство позволяет предполагать, что и у северокавказских гончаров в эпоху ранней бронзы круг не отличался от дошедших до нас орудий этой конструкции. Такое предположение подтверждается и другим важным фактом, на котором следует остановиться, тем более, что он проливает свет и на решение вопроса о происхождении гончарного круга у племен майкопской культуры.

Речь идет о том, что при раскопках в Уре был обнаружен гончарный диск именно от такого простого ручного круга. Он способен был оставлять на днищах точно такие же следы, какие зафиксированы на серии образцов позднемайкопской керамики. Следовательно, на Северном Кавказе в раннебронзовом веке использовался ручной гончарный круг типа урского. Правда, мы не знаем достоверно, из какого материала делались орудия гончаров майкопской культуры. На днищах круговых

---

[15] *А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев.* Указ. соч., рис. 5, *2*.
[16] Там же, стр. 18—21.

сосудов не обнаружены бесспорные следы дерева. Возможно, как и гончары Месопотамии, северокавказские гончары делали диски глиняными.

Чрезвычайная близость майкопского гончарного круга по своим конструктивным особенностям подобному орудию из Ура указывает на источник, откуда этот круг или идея его могли проникнуть в раннебронзовом веке на Северный Кавказ. Это — Месопотамия или Передняя Азия в широком смысле, где круговая керамика в III тыс. до н. э. уже прочно вошла в быт городских цивилизаций. Бесспорность этого вывода подкрепляется и всей суммой наличных данных, указывающих на связи Передней Азии и Северного Кавказа в рассматриваемую эпоху.

До настоящего времени, когда речь шла о связях Передней Азии и Северного Кавказа на заре бронзового века, в качестве доказательства приводили великолепные золотые и серебряные изделия и некоторые другие предметы, найденные в Майкопском и Новосвободненских курганах и ряде других памятников. При этом никогда не говорилось о керамике, как будто ее и не существовало, так же как и о некоторых «рядовых» предметах, встреченных в памятниках майкопской культуры. Мы упоминали уже о находках в ряде памятников Месопотамии кремневых миндалевидных наконечников стрел, аналогичных найденным в Майкопском кургане. А пращевые каменные шары из дольменов ст. Новосвободной находят ближайшие аналогии также в комплексах Месопотамии III тыс. до н. э. Отметим, кстати, что обнаруженные в значительном количестве в Нальчикском кургане, а также в чегемско-баксанских погребениях золотые узкие «ленты» до деталей повторяют аналогичные изделия, из которых сплетены головные уборы погребенных в Урском могильнике. Наконец, укажем еще раз на керамику и в особенности на два факта, связанных с ней в данном аспекте. Это, во-первых, тот факт, что раннемайкопская керамика, обнаруженная в погребальных комплексах и представленная в основном небольшими округлыми горшками с невысоким отогнутым венчиком, повторяет форму довольно распространенных в Северной Месопотамии с халафского периода (а может быть и несколько раньше) глиняных сосудов. Второй факт заключается в том, что на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы использовался примитивный гончарный круг, по устройству аналогичный месопотамскому [17]. В свете приведенных данных не остается сомнений в переднеазиатском или, можно сказать со значительной долей вероятия, месопотамском происхождении северокавказского гончарного круга.

[17] Следует признать, что до сих пор не изучена керамика из раннемайкопских комплексов. Ее, к сожалению, пока мало, и ни на одном сосуде нет четко различимых, как на позднемайкопских горшках и мисках, следов изготовления их на вращательном инструменте, в частности в виде динамических углубленных оттисков на донной части. Может быть, эти следы «погребены» под слоем ангоба. Некоторые экземпляры раннемайкопской керамики, например из Усть-Джегутинского могильника, имеют настолько симметричную форму, что невольно складывается впечатление, что они сделаны на круге. Исходя из всего изложенного, мы не можем точно определить, когда именно появился гончарный круг на Северном Кавказе в майкопскую эпоху. Для нас, однако, ясно, что на позднем этапе развития майкопской культуры он уже использовался на Северном Кавказе.

Исключительное значение приведенных данных, впервые введенных в научный оборот, едва ли можно переоценить. Поэтому мы акцентировали на них внимание. Теперь, располагая этими данными, гораздо более уверенно и более конкретно, чем это делали наши предшественники, можно говорить о связях Северного Кавказа с Месопотамией на заре бронзового века. Характер, динамика и пути этих связей еще во многом неясны. Именно из Месопотамии скорее всего и попало на Северный Кавказ большинство из тех поистине роскошных предметов, которые обнаружены в богатых погребениях майкопской культуры. В северокавказских памятниках раннебронзового века представлены и «рядовые» предметы месопотамского происхождения.

Несомненно, что в сложении «второго компонента» майкопской культуры, определяющего в значительной степени облик последней, месопотамские или в широком смысле переднеазиатские импульсы сыграли немаловажную роль.

Месопотамия с глубокой древности оказывала сильное влияние на соседние и даже более отдаленные области. Связи с сопредельными странами и влияние на них Месопотамия активизировала в III тыс. до н. э.— в пору развития здесь городской цивилизации. Одним из крупных очагов такого влияния в эту эпоху оказался Северный Кавказ. Чем это объяснить? Почему это влияние в такой степени миновало Закавказье? Возникает и ряд других вопросов, на которые мы еще не можем дать обоснованных фактами ответов. Не исключено, что на Северный Кавказ проникли в III тыс. до н. э. и, возможно, осели там отдельные группы людей из Месопотамии, которые и занесли сюда некоторые культурные достижения своей страны, в частности гончарный круг. Одним из основных путей, по которому шло это проникновение на Северный Кавказ, являлся, по-видимому, морской — по Черному морю. Данная точка зрения высказывалась неоднократно и совсем недавно ее повторил, например, Ф. Бетанкур [18]. Она основана по существу на логическом предположении. Во всяком случае, пока мы не располагаем никакими конкретными данными, которые могли бы подтвердить ее.

Остается без обоснованного ответа и вопрос о том, чем был вызван такой интерес Месопотамии к Северному Кавказу. В основе его лежали, конечно, серьезные причины. Может быть, «излишки» населения Месопотамии в виде отдельных групп в поисках слабо освоенных территорий достигли Причерноморья и оттуда проникли в Предкавказье. Возможно, шумеры или скорее всего хурриты «искали» там металл, в частности золото. Можно высказать и ряд других предположений, но едва ли есть в этом необходимость. Укажем только, что вряд ли эти связи были односторонними. Безусловно и то, что с Северного Кавказа по налаженным торговым путям поступали в Переднюю Азию какие-то товары, прежде всего золото. Месопотамия нуждалась, очевидно, в материальном сырье с Северного Кавказа. Здесь она сбывала и некоторую свою продукцию, в частности великолепные изделия своих ювелиров.

---

[18] *Philip P. Betancourt.* The Maikop copper tools and their relationship to Cretan Metallurgy. American Journal of Archaeology, vol. 74, № 4. October 1970, p. 356—558.

Высказанные нами предположения, возможно, и не убедительны из-за отсутствия соответствующей аргументации, но один важнейший вывод, подкрепленный приведенными новыми данными, бесспорен: связи Передней Азии, в частности Месопотамии, с Северным Кавказом в эпоху ранней бронзы были весьма значительны. Столь активных связей между этими областями мы не наблюдаем ни в предшествующую эпоху, ни тем более в последующую. В то же время переднеазиатско-закавказские связи прослеживаются довольно слабо. Во всяком случае Закавказье не оказалось в рассматриваемую эпоху в сфере столь активного влияния Передней Азии и в частности Месопотамии, как Северный Кавказ.

Это влияние послужило определенным и важным стимулом в общем культурно-историческом прогрессе, который мы наблюдаем на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы. Оно наложило несомненный отпечаток и на общий облик материальной культуры населения Предкавказья в III тыс. до н. э. Наконец, оно в известной степени и определило своеобразие майкопской культуры, ее резкое отличие в существенных атрибутах от куро-аракской культуры.

Однако, как ни велико было влияние на развитие и формирование майкопской культуры внешнего импульса, решающими, конечно, здесь были факторы, связанные с внутренним развитием. Ведь несмотря на некоторые «инородные» элементы культура Северного Кавказа раннебронзового века предстает перед нами как явление в целом весьма самобытное. Это в еще большей степени касается Закавказья, на территории которого развивается куро-аракская культура. Распространяясь одна — в южном направлении, другая — в северном, но обе — к предгорным и горным областям Большого Кавказа, эти культуры сталкиваются непосредственно друг с другом и приходят в активное взаимодействие. Результатом последнего явилось создание на пограничной между ареалами данных культур территории, в частности Чечено-Ингушетии, таких смешанных памятников, как Луговое, Серженьюртовские поселения I и II и др., что убедительно документируется всей совокупностью представленных в них материалов и в особенности керамики.

В основе бурного прогресса культур раннебронзового века Кавказа и их «экспансии» лежало, конечно, земледельческо-скотоводческое хозяйство, сопровождавшееся активным развитием металлургии.

Многочисленные и разнообразные факты убедительно свидетельствуют об этом. При исследовании культур Кавказа предшествующих эпох и главным образом древнейшей оседлоземледельческой культуры Закавказья V—IV тыс. до н. э. мы подробно рассмотрели все данные, указывающие на развитие в Закавказье, а также на Северном Кавказе, особенно в эпоху энеолита, земледелия и скотоводства. Уже тогда эти отрасли хозяйства составляли основу экономического развития населения Кавказа. Сравнительный анализ показывает, что при этом мы не можем говорить о Кавказе в целом как применительно к тому периоду, так и ко всей изучаемой эпохе. В экономическом развитии Закавказье опережало Северный Кавказ. Здесь в эпоху энеолита распространилась типичная раннеземледельческая культура. Это свидетельство неравномерности социально-экономического развития отдельных областей Кавказа —

факт, не вызывающий сомнения. Такая неравномерность сохранилась в известной степени в эпоху ранней бронзы. Достаточно при этом сравнить комплексы производственного инвентаря, представленного в бытовых памятниках куро-аракской и майкопской культур. Ведь просто поразительна архаичность многочисленных каменных орудий труда, найденных в майкопских поселениях Прикубанья. Многие, если не подавляющее большинство, из типов этих орудий не представлены даже в энеолитических памятниках Закавказья и Северо-Восточного Кавказа.

Вывод о том, что земледелие и скотоводство составляли в изучаемую эпоху основу хозяйства населения Кавказа, справедлив как для Предкавказья, так в особенности для Закавказья, но, подчеркиваем, это не значит, что уровень развития этих отраслей производительной экономики был одинаков в Закавказье и на Северном Кавказе, так же как не одинаково было их значение в хозяйстве племен куро-аракской и майкопской культур. В эпоху ранней бронзы уровень развития земледелия в Закавказье был, несомненно, выше, чем на Северном Кавказе. И в хозяйстве племен майкопской культуры земледелие не имело того значения, какое оно занимало в хозяйстве носителей куро-аракской культуры. Этим, конечно, в значительной степени и объясняется своеобразие данных культур.

В экономическом развитии племен куро-аракской культуры исключительно важную роль играло земледелие. В эпоху ранней бронзы осваиваются почти все пригодные для развития земледелия районы Закавказья и сопредельных областей. Отсюда и та концентрация памятников куро-аракской культуры, которая наблюдается в плодородных равнинах и долинах рек Закавказья — на Араратской равнине, в Шида Картли, в прикаспийской, равнинной части Дагестана и т. д. Даже там, где, казалось бы, заниматься земледелием трудно, как, например, в горных и высокогорных районах Северо-Восточного Кавказа, памятники куро-аракской культуры содержат значительные материалы, свидетельствующие о развитии земледельческого хозяйства. В этом смысле наиболее выразительным памятником является Галгалатлинское поселение в горах Дагестана. Поражает не только значительное количество обнаруженных земледельческих орудий в этом горном, труднодоступном поселении, но также обилие найденного там зерна. Достаточно сказать, что в одном из круглых помещений Галгалатлинского поселения оказалось около 20 кг обуглившегося зерна.

Словом, где бы ни располагалось куро-аракское поселение — на Араратской равнине, в Шида-Картлинской долине или в Горном Дагестане — в нем всегда находятся многочисленные свидетельства развития земледелия. Поэтому подавляющее большинство куро-аракских поселений носит ярко выраженный оседлоземледельческий характер. Разнообразные археологические материалы, а также палеоботанические данные убедительно подчеркивают земледельческий характер этих поселений.

Мы располагаем сейчас фактами, документирующими, можно сказать, весь земледельческий процесс, начиная с обработки земли и посева и кончая сбором урожая и хранением зерна. Правда, мы не знаем размеров земледельческих участков каждого поселения, какие урожаи с них со-

бирали, использовалось ли в необходимых случаях искусственное орошение [19] и т. д.

До последнего времени считалось, что земледелие в ту эпоху в Закавказье было исключительно мотыжным. Действительно, в памятниках куро-аракской культуры встречается немало каменных и роговых орудий, которые могли использовать в качестве мотыг. Интересно, что на одном из поселений куро-аракской культуры в Грузии (Квацхелеби) обнаружено пахотное орудие из оленьего рога [20]. Исследователи справедливо предполагают применение здесь тягловой силы [21]. Эта находка и ряд косвенных фактов дают основания считать, что в рассматриваемую эпоху в Закавказье происходил переход к плужному земледелию.

Отметим здесь, что процесс вспашки земли, боронования и т. д. древними земледельцами Закавказья подробно и довольно правильно восстанавливается и описывается Т. А. Бунятовым [22].

На многих куро-аракских поселениях (в Шенгавите, Эларе, Нахичеванском Кюль-тепе, Бабадервише, Хизанаант-гора, Квацхелеби, Амиранис-гора, Каякенте, Гильяре и др.) встречены палеоботанические находки в виде обугливших злаков разных видов пшеницы и ячменя, а также проса, льна и сорняков. Судя по ним, в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе культивировались тогда твердая круглозерная и мягкая голозерная и пленчатая пшеницы, различные сорта ячменя (пленчатый двурядный и шестирядный) и просо. Причем наиболее распространенным видом пшеницы в Закавказье в эпоху ранней бронзы и позже являлась мягкая пшеница [23]. Большие площади занимали посевы ячменя. Остатки зерен проса, а также полбы найдены в нескольких памятниках. На Гильярском поселении в Дагестане наряду с голозерным и пленчатым ячменем, мягкой пшеницей и сорняками обнаружены обугливши еся зерна льна. По всей вероятности, уже тогда племена куро-аракской культуры выращивали лен, использовавшийся для производства ткани. Любопытно, что отпечатки ткани на некоторых образцах керамики изучаемого времени имеют льняное переплетение.

Учитывая совместно найденные в ряде памятников Закавказья и Северо-Восточного Кавказа остатки пшеницы и ячменя (Шенгавит и др.— в Армении [24]. Нахичеванский Кюль-тепе — в Азербайджане [25], Квацхеле-

[19] Проводить каналы для искусственного орошения, как известно, начали значительно раньше (см., например: *Г. Н. Лисицына.* Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, стр. 107—146). Исследования Т. Н. Чубинишвили поселения Арухло также позволяют предполагать создание в отдельных случаях и в Закавказье в эпоху энеолита каналов и водоемов для искусственного орошения.

[20] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Урбниси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962, табл. XXXIII, *II.*

[21] Там же, стр. 61.

[22] *Т. А. Бунятов.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957; *он же.* К истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964 (на азерб. языке); *он же.* История земледелия и скотоводства в Азербайджане (с древнейших времен до XIII в.). Автореф. докт. дисс. Баку, 1968.

[23] *Т. А. Бунятов.* История земледелия и скотоводства в Азербайджане..., стр. 23.

[24] *Б. Б. Пиотровский.* Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 173

[25] *О. А. Абибуллаев.* Археологические раскопки холма Кюль-тепе (на азербайджанском языке). Баку, 1959.

би — в Грузии [26] и Гильяр — в Дагестане [27]), исследователи считают, что племена куро-аракской культуры практиковали в некоторых случаях и смешанные посевы ячменя, пшеницы и проса.

Как видим, по сравнению с предшествующей эпохой в раннебронзовом веке развитие земледелия в Закавказье достигло более высокого уровня.

Сбор урожая производился с помощью серпа в деревянной или костяной основе, составленного из кремневых (реже из других пород камня) вкладышей. Обсидиан почти не используется для изготовления жатвенных орудий. Повсеместно представлены кремневые срединные и концевые вкладыши длиной от 3 до 7 см и шириной 1—1,5 см. Они имеют заостренный мелкой насечкой или реже зубчатый рабочий край.

В это же время в Закавказье начали использовать наряду с каменными и металлические серпы. Бронзовые серпы найдены в куро-аракских памятниках Азербайджана (Нахичеванский Кюль-тепе), Армении (Гарни) и Грузии (Хизанаант-гора и Амиранис-гора), а также в Восточной Анатолии (Караз). Все они небольшие, имеют черенки для укрепления ручек.

Металлические серпы повышали производительность труда древнего земледельца, облегчая и ускоряя процесс жатвы. Поэтому их появление имело важное значение.

Как происходил обмолот зерна, сказать с определенностью трудно. Т. А. Бунятов считает, что в эпоху неолита и энеолита, помимо двух простейших способов молотьбы — растирания колосьев и поджаривания их, обмолот зерна производился на специально утрамбованном небольшом участке деревянными палками. При этом один человек мог намолотить за день 3—4 пуда зерна [28]. Вероятно, подобные способы молотьбы практиковались и в эпоху ранней бронзы. В это же время в Закавказье появился и более продуктивный способ молотьбы, связанный с использованием тягловой силы. Речь идет о молотильной доске. Надо признать, что данных об использовании молотильных досок племенами куро-аракской культуры у нас чрезвычайно мало. Собственно, мы располагаем остатками молотильной доски (камушки, укрепляемые в доску и обмолачивающие непосредственно зерно) с одного лишь памятника этой культуры (Хизанаант-гора в Урбниси).

К сожалению, эти важные находки С. И. Надимашвили остаются до сих пор не опубликованными [29].

Безусловно, что использование на различных стадиях земледельческого процесса (при вспашке земли и молотьбе зерновых) тягловой силы и металлических орудий (бронзового серпа) способствовало повышению продуктивности земледелия и являлось важным этапом в развитии этой ведущей отрасли экономики племен куро-аракской культуры.

---

[26] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Указ. соч., стр. 61.

[27] *В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. «Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. 8. Махачкала, 1960, стр. 337.

[28] *Т. А. Бунятов.* История земледелия и скотоводства в Азербайджане..., стр. 27.

[29] Эти «камушки», безусловно, от молотильной доски. Мы имели возможность с ними ознакомиться в Горийском историко-этнографическом музее.

На поселениях куро-аракской культуры открыты большие керамические сосуды высотой до 80 см и более и раскопаны многочисленные зерновые ямы. Те и другие служили зернохранилищами. Некоторые большие сосуды вкопаны в землю. Исключительно тщательно устроены ямы для хранения зерна на поселении Гудабертка-Цихиагора. Их там выявлено более десяти. Некоторые отличаются довольно крупными размерами и могли вместить не менее 300 кг зерна. Они имели конусовидную форму, стены тщательно обмазаны слоем глины и обожжены. В таких ямах, разумеется, можно было спокойно хранить зерно в течение продолжительного времени. Целые скопления зерновых ям выявлены также в куро-аракских памятниках Азербайджана (например, в Бабадервише и др.) и Армении (в Эларе и др.).

Есть все основания полагать, что племена куро-аракской культуры производили достаточно зерна и обитатели большинства поселков обеспечивали себя сами. Если же на каком-нибудь поселении зерна не хватало, то оно поступало туда в порядке обмена в необходимом количестве.

Таким образом, куро-аракские памятники содержат многочисленные данные, доказывающие важнейшее значение земледелия в хозяйстве местных племен и позволяющие проследить все основные стадии земледельческого процесса. С земледельческим же хозяйством, с переработкой его продукции, связана значительная группа орудий труда, обычно находимых в памятниках куро-аракской культуры. Это каменные зернотерки, терочники, реже ступки и песты. Нет почти ни одного поселения этой культуры, даже в высокогорных районах Дагестана, где бы ни были найдены зернотерки и терочники.

Посмотрим, каковы данные, характеризующие развитие земледельческого хозяйства у населения Северного Кавказа раннебронзового века. Их, особенно по сравнению с Закавказьем и Дагестаном, крайне мало. Это объясняется не столько слабой изученностью поселений майкопской культуры, сколько тем, что земледелие не имело в хозяйстве населения Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы столь важного значения, какое оно занимало в экономике куро-аракских племен.

Начнем с орудий для вспашки земли. В закавказских памятниках многочисленны находки каменных и особенно роговых мотыг. В майкопских же поселениях, как показал А. А. Формозов, найдено всего лишь одно орудие, которое можно считать мотыгой (каменное орудие из Мешоко [30]). Можно было бы согласиться с ним в том, что, как он полагает, мотыги у населения майкопской культуры были главным образом костяными. Их нет в памятниках этой культуры, в то время как кость вообще и другие костяные орудия в частности там присутствуют. Возможно, в качестве наконечников мотыг использовали каменные орудия типа клиновидных топоров, которых довольно много в бытовых майкопских памятниках.

Какие злаки культивировались на Северном Кавказе в рассматриваемую эпоху, мы, к сожалению, до сих пор не знаем. Можно только пред-

[30] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 86.

полагать, что майкопские племена выращивали различные виды пшеницы и ячменя.

Однако в ряде памятников майкопской культуры, включая погребальный комплекс (курган у с. Старый Лескен в Кабардино-Балкарии), найдены жатвенные орудия. Это кремневые серповые вкладыши срединного (прямоугольные) и концевого (треугольные) типа, аналогичные закавказским, с двусторонне обработанной поверхностью и прямым или зубчатым рабочим краем. Они обнаружены в ряде прикубанских поселений и в Кабардино-Балкарии. По мнению А. А. Формозова, на ранних этапах майкопской культуры вкладыши в составные серпы на Северном Кавказе имели прямые края, а на позднем этапе появились вкладыши с зазубренным краем [31]. Северокавказские материалы этот вывод в целом подтверждают, но к Закавказью он не применим. Там развитие жатвенных орудий, начиная с энеолита и более раннего времени, шло своим путем.

Наконец, последняя категория орудий, связанных с земледельческим хозяйством и найденных в майкопских поселениях,— это каменные зернотерки. Так, например, в Мешоко их найдено 20, в Ясеновой Поляне — 9, в Хаджохе — 20, в Скале — около 70, в Каменномостской пещере — 2 [32]. Несколько зернотерок найдено в Долинском поселении [33]. Там же в значительном количестве представлены терочники и песты [34].

Что же касается Чечено-Ингушетии с ее синкретической культурой, то, судя по материалам Лугового и Серженьюртовского I поселений, в хозяйстве обитателей этих поселков земледелие играло, по всей вероятности, немаловажную роль. На Серженьюртовском поселении, расположенном ближе к Закавказью и Дагестану и потому впитавшем в себя больше элементов куро-аракской культуры, найдены и роговые мотыги, и большая серия кремневых серповых вкладышей, и зернотерки, и терочники. Аналогичные находки, правда в значительно меньшем количестве, есть и в Луговом поселении. Палеоботанических данных не собрано ни на том, ни на другом поселении, и мы можем поэтому только предполагать, какие злаки культивировали там в эпоху ранней бронзы.

Таким образом, майкопские бытовые комплексы не содержат столь «внушительного» количества данных о развитии земледелия, какие дают обычно куро-аракские поселения. Да и сами известные майкопские поселения не имеют ярко выраженного земледельческого характера, присущего, как правило, поселкам куро-аракской культуры. Все это дает основание считать, что земледелие в хозяйстве населения Северного Кавказа эпохи ранней бронзы не играло такой роли, как у племен куро-аракской культуры. Здесь, по всей вероятности, ведущей отраслью хозяйства являлось скотоводство. Оно имело важное значение и в экономике куро-аракских племен. Многочисленные фаунистические данные, собранные на поселениях майкопской и куро-аракской культур, свидетельствуют о наличии на Кавказе в раннебронзовом веке всех видов домашних животных: быка, коровы, барана, свиньи, овцы, а также, можно в на-

[31] *А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 87.
[32] Там же, стр. 86.
[33] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 183.
[34] Там же.

стоящее время утверждать, и лошади. Доместикация их, за исключением, видимо, лошади, произошла еще в предшествующие эпохи, в неолите и энеолите.

Наряду с костями домашних животных повсеместно на поселениях собраны и кости диких животных, но их процент от общего числа невелик. Так, В. И. Цалкин, специально изучавший костные остатки из прикубанских поселений майкопской культуры, отмечает, что кости диких животных по шести исследованным поселениям составляют в среднем 4,4% общего количества костей (14,5% общего количества особей) [35]. Следовательно, совершенно очевидно, что роль охоты в хозяйстве майкопской культуры была крайне незначительна. На майкопских поселениях встречены кости 13 видов диких животных. Учитывая, что из общего числа костей всех диких животных $^2/_3$ принадлежат благородному оленю, косуле, кабану и кавказскому туру, можно считать, что основными объектами охоты обитателей некоторых прикубанских поселений были парнокопытные [36]. Охотились, кроме того, на медведя, лисицу, зайца и других животных. То же самое наблюдается и в Закавказье.

Как развивалось само животноводческое хозяйство на Кавказе в раннебронзовом веке? Если здесь и имелась какая-либо общая закономерность, то она заключалась в том, что на ранних этапах развития культуры рассматриваемой эпохи господствующим направлением в скотоводческом хозяйстве было разведение крупного рогатого скота, а на позднем — мелкого. Считать эту наблюдаемую на материалах некоторых памятников тенденцию общей закономерностью развития скотоводства на Кавказе в эпоху ранней бронзы едва ли можно. Во всяком случае этому противоречат материалы из ряда памятников. Так, если в поселениях Шенгавита (верхний слой) [37] и Квацхелеби [38] преобладал мелкий рогатый скот, то в других поселках, например Бабадервиш [39] и Кулбакеби [40],— крупный рогатый скот. Аналогичный пример и на территории Северо-Восточного Кавказа: если обитатели Каякентского поселения разводили преимущественно мелкий рогатый скот [41], то у жителей Серженьюртовского поселения в стадах преобладал крупный рогатый скот и свиньи [42].

К сожалению, пока мы не можем провести таких сопоставлений применительно к отдельным областям Северного Кавказа или отдельным группам памятников майкопской культуры. Дело в том, что остеологиче-

---

[35] *В. И. Цалкин.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 222—223.

[36] Там же, стр. 223.

[37] *С. К. Межлумян.* Палеофауна эпохи бронзы на территории Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1965, стр. 6. (Кости мелкого рогатого скота в Шенгавите более чем в два раза преобладают над костями крупного рогатого скота.)

[38] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Указ. соч., стр. 61.

[39] *Г. С. Исмайлов.* Из истории древнейшей культуры Западного Азербайджана. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1963.

[40] *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен на ранних стадиях медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 32 (в Кулбакеби кости крупного рогатого скота составляют почти 81% от общего числа костей).

[41] *А. П. Круглов.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 25, табл. I.

[42] Определение костей животных из Сержень-Юрта произведено В. И. Цалкиным.

ский материал изучен по существу только из поселений Прикубанья. В Долинском же поселении в Кабардино-Балкарии костных остатков оказалось чрезвычайно мало. Их изучение, произведенное В. И. Громовой, позволило лишь установить, что они принадлежали домашней корове очень мелкой породы [43].

Из приведенных данных следует один определенный вывод: мы не можем говорить о едином направлении животноводческого хозяйства Кавказа в рассматриваемую эпоху. На том или ином поселении, в той или другой области Кавказа, иногда в небольшом даже районе, в зависимости от физико-географических условий и других причин население отдавало предпочтение одному из трех видов скотоводства: овцеводству, разведению крупного рогатого скота и свиноводству.

Мы можем в настоящее время уверенно констатировать, что развитие скотоводства у племен майкопской и куро-аракской культур шло разными путями; оно развивалось здесь так еще с предшествующего времени.

В Прикубанье, как и в других районах Западного Кавказа, в скотоводческом хозяйстве основное значение имело свиноводство [44]. Не удивительно поэтому, что здесь в археологических памятниках до 50% костей домашних животных принадлежит свинье [45]. На втором месте — крупный рогатый скот, а затем мелкий рогатый скот. Правда, в некоторых поздних поселениях майкопской культуры наблюдается увеличение в составе стада мелкого рогатого скота, но из-за малочисленности данных по этим памятникам В. И. Цалкин справедливо считал невозможным делать какие-либо определенные выводы [46]. По его мнению, «данные о видовом составе стада домашних животных, разводившихся жителями майкопских поселений, убедительно свидетельствуют о преобладающей роли у них свиноводства» [47].

Судя по определению костей животных из нижнего слоя Серженьюртовского поселения I, обитатели и этого поселка большое внимание уделяли разведению свиней [48].

Таким образом, обобщив все данные, можно говорить о ведущей роли свиноводства в животноводческом хозяйстве населения не только западных районов Предкавказья, но и юго-восточных, т. е. почти всего Северного Кавказа, исключая Дагестан. Для племен куро-аракской культуры свиноводство совсем не характерно. Здесь преобладало овцеводство и разведение крупного рогатого скота. Исключение составляет только Иоро-Алазанский бассейн (Восточная Грузия). А. Л. Цицишвили, изучивший остеологический материал из поселения Илто, считает возмож-

---

[43] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Указ. соч., стр. 192.
[44] *А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 91.
[45] *В. И. Цалкин.* Указ. соч., стр. 245.
[46] Там же, стр. 245.
[47] Там же.
[48] Из этого поселения В. И. Цалкин определил как принадлежащие крупному рогатому скоту 187 костей (от 9 особей), свинье — 139 (от 16 особей) и мелкому рогатому скоту — 50 (от 6 особей). См.: *В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Отчет о раскопках Серженьюртовского поселения в 1962 г. Архив ИА АН СССР, № 2459, стр. 163; *они же.* Отчет о раскопках Серженьюртовского поселения в 1964 г. Архив ИА АН СССР, № 2915, стр. 153.

ным предположить, что свиноводство наряду с разведением крупного рогатого скота и овцеводством в III тыс. до н. э. было основной отраслью животноводства в этом районе [49]. Мы не знаем пока, случайно ли в этом районе, пограничном с Северным Кавказом, свиноводство в эпоху ранней бронзы играло такую роль.

Развитие скотоводства на Кавказе в эпоху ранней бронзы несомненно способствовало как экономическому подъему, так и общему культурно-историческому прогрессу Кавказа в III тыс. до н. э. Мы не будем останавливаться на формах животноводства и той продукции, которую давало скотоводческое хозяйство, какое оно имело значение, на социальных аспектах развития данной отрасли хозяйства и т. д. Укажем только, что развитие скотоводства, особенно овцеводства, послужило одной из важных причин начавшегося и активно развивавшегося в эту эпоху процесса хозяйственного освоения и заселения горных и высокогорных районов Кавказа. Именно с той поры в развитии животноводства на Кавказе в целом намечается общая тенденция к увеличению стада мелкого рогатого скота [50]. Это подтверждается соответствующими материалами как по Закавказью, так и по Северному Кавказу. В стадах во многих поселениях куро-аракской культуры преобладал мелкий рогатый скот. То же самое можно констатировать для некоторых поселений Прикубанья позднего этапа развития майкопской культуры [51]. Если для разведения крупного рогатого скота и свиней достаточно было пастбищ вокруг этих поселений, то развитие овцеводства было связано с необходимостью иметь яйлаги — летние пастбища. Поэтому начинает развиваться отгонная, или так называемая яйлажная, форма скотоводства [52], при которой мелкий рогатый скот перегоняли летом на горные пастбища [53]. Так начинается хозяйственное освоение и заселение горных районов края. В связи с этим нам представляется возможным утверждать, что если на первоначальных фазах развития куро-аракской культуры общий подъем земледельческого хозяйства способствовал освоению многих равнинных и предгорных райо-

[49] *А. Л. Цицишвили.* Костные остатки животных с поселения «Илто». ТКАЭ, I. Тбилиси, 1969, стр. 88. Кости свиньи встречаются в куро-аракских поселениях. Так, в Шенгавите их найдено 117, что составляет менее 5% от общего числа найденных там костей домашних животных. Это даже в четыре раза меньше, чем обнаруженных там костей лошади (см.: *С. К. Межлумян.* Указ. соч., стр. 6.)

[50] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 40; *он же.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6; *Т. А. Бунятов.* История земледелия и скотоводства в Азербайджане, стр. 30—31; и др.

[51] *В. И. Цалкин.* Указ. соч., стр. 245.

[52] Б. Б. Пиотровский и Е. И. Крупнов совершенно справедливо, на наш взгляд, ставят в прямую связь появление полукочевой, яйлажной формы скотоводства в III тыс. до н. э. с усиленным развитием овцеводства, увеличением поголовья мелкого рогатого скота. См.: *Б. Б. Пиотровский.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 306, 307.

[53] Развитие этой формы скотоводства в Закавказье подробно изучил и описал Т. А. Бунятов. Им же классифицирована и детально рассмотрена глиняная посуда, использовавшаяся, в частности, в эпоху ранней бронзы для приготовления молочных продуктов (сыра, масла и т. п.) и хранения их. Среди этой посуды особое место занимают маслобойки. См.: *Т. А. Бунятов.* История земледелия и скотоводства в Азербайджане, стр. 31—32.

нов, то активное развитие овцеводства на поздних этапах ее бытования послужило одной из причин, если не самой главной, приведшей к освоению горных и даже высокогорных зон.

Развитие скотоводства давало значительно больше прибавочного продукта, чем земледельческое хозяйство. Оно естественно приводило к росту и накоплению богатства в отдельных семьях и вело к возникновению и углублению имущественной дифференциации, а в конечном итоге — к социальному расслоению общества [54]. Некоторые погребальные комплексы майкопской культуры, например, убедительно показывают, какие богатства имелись у некоторых представителей родо-племенной знати. Безусловно, что в Майкопском кургане был погребен представитель такой знати; вероятно, он был и вождем племени. Наряду с богатыми погребениями, как мы видим, в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе были совершены в несравненно бо́льшем количестве обычные рядовые захоронения. Таким образом, перед нами факт не только имущественной, но и определенной социальной дифференциации среди северокавказского населения раннебронзового века. Надо полагать, что аналогичный процесс протекал в эту эпоху и в среде носителей куро-аракской культуры. Правда, в данном случае мы не располагаем столь красноречивыми свидетельствами. На самом деле, до сих пор в Закавказье не обнаружены богатые погребальные комплексы, подобные некоторым в курганах майкопской культуры. Единственное исключение составляет один из учтепинских курганов в Мильской степи (в Азербайджане), оказавшийся, к сожалению, ограбленным. Можно предполагать, что основное погребение в этом кургане, относящееся к эпохе ранней бронзы, было довольно богатым. Правда, оно, как мы упоминали, выпадает из общего ряда погребальных комплексов куро-аракской культуры, не обнаруживая с ними сходства, но вместе с тем сближается по ряду признаков с погребениями майкопской культуры. Поэтому возникает вопрос: не насыпан ли этот курган в Мильской степи этнической группой, связанной с майкопской культурой? Откуда там могли оказаться «майкопцы»? Возможно, через эту территорию Южного Кавказа пролегал один из путей, связывавших население Северного Кавказа с Передней Азией. Это предположение требует серьезных доказательств, которыми мы пока не располагаем. Мы знаем достоверно, что связи между Северным Кавказом и Передней Азией (и наоборот) в рассматриваемую эпоху существовали и весьма активные. Мы высказали раньше или, точнее, поддержали предположение о том, что основной путь этих связей проходил по Черному морю. Едва ли это был единственный путь. Несомненно, существовали и сухопутные пути, которые должны были проходить, конечно, через территорию Закавказья. По-видимому, один из таких путей и проходил по Мильской степи.

---

[54] Однако общий процесс культурно-исторического развития Кавказа в рассматриваемую эпоху, вызванный недостаточно высокими по сравнению с долиной Нила и Двуречьем темпами социально-экономического развития, не привел здесь к более активному расслоению общества, к образованию классов и созданию ранних форм государственности, как в Египте или Месопотамии.

В связи с этой проблемой исключительный интерес приобретают факты, свидетельствующие не только о доместикации лошади на Кавказе в эпоху ранней бронзы, но и об использовании ее для верховой езды. Следует сказать, что в настоящее время вопросы о начале и месте доместикации лошади и возникновении коневодства привлекают к себе большое внимание. Поэтому мы специально рассмотрим все имеющиеся на сегодня данные по этим вопросам, добытые раскопками памятников Кавказа раннебронзового века.

В целом ряде поселений куро-аракской культуры, например в Шенгавите, Каразе, Дидубе, Эларе, Квацхелеби, Илто, обнаружены кости лошади. Причем в Шенгавите кости лошади по количеству занимают третье место: если костей мелкого рогатого скота там 1573, а крупного — 720, то костей лошади 472 [55]. Специальное изучение последних показало, что они принадлежат домашним лошадям [56]. Кроме того, кости домашних лошадей отмечены, хотя и в крайне незначительном количестве (всего 0,4% от общего числа), в прикубанских поселениях майкопской культуры [57], а также в Серженьюртовском поселении I. Таким образом, можно считать установленным, что в III тыс. до н. э. на Кавказе уже была домашняя лошадь [58].

На это указывают и находки глиняных фигурок лошадей (во всех случаях сохранились головки) в Нахичеванском Кюль-тепе [59], Шенгавите и Эчмиадзинском Кюль-тепе [60]. Нельзя не отметить и удивительно реалистически выполненное изображение лошади, имеющееся на одном из серебряных сосудов Майкопского кургана.

Проблема доместикации лошади остается еще не выясненной до конца, но в ее решении со времени выхода в свет труда Ф. Ганчара [61], т. е. за последние 20 лет, достигнуты значительные результаты. Большая заслуга в этом принадлежит В. И. Бибиковой, изучившей остатки лошади из целой группы древнейших памятников Юго-Восточной Европы.

Наиболее древняя домашняя лошадь происходит из поселения Дереивка, расположенного на правом берегу Днепра, раскопанного Д. Я. Телегиным и датируемого им второй половиной IV тыс. до н. э. [62] Кости домашней лошади встречены во многих памятниках III тыс. до н. э. Юго-Восточной Европы. Так, в культурном слое у хут. Репина на Дону

---

[55] *С. К. Межлумян.* Указ. соч., стр. 6.

[56] Там же.

[57] *В. И. Цалкин.* Указ. соч., стр. 245.

[58] В 1973 г. кости лошади найдены в значительном количестве в энеолитическом поселении Аликемек-тепеси в Азербайджане. Они пока не изучены и поэтому делать какие-либо выводы на их основании мы воздерживаемся.

[59] *Т. А. Бунятов.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 94—95, рис. 16; *Ю. Липс.* Происхождение вещей. М., 1954, стр. 197.

[60] *Э. В. Ханзадян.* Культура племен Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван, 1967, табл. XXVII, *1, 3.*

[61] *F. Hančar.* Das Pferd in prahistorischer und früher historischer Zeit. Wien — München, 1956.

[62] *В. И. Бибикова.* К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отдел биологический, 3, 1967, стр. 113.

кости лошади составляют до 80% всей коллекции остеологических находок [63]. В Михайловке (в древнейшем слое костей лошади 7,3%, а в следующем — 17,9%) и на других близких к ней поселениях процент костей лошади составляет в среднем 18,2% [64]. Н. Я. Мерперт произвел подсчет процента костей лошади, встреченных в памятниках различных вариантов ямной культурно-исторической общности. В частности, в нижнеднепровском варианте они составляют 14%, в приазовском — 12% и в предкавказском — 7% [65]. Кости домашней лошади содержатся и в позднетрипольских памятниках. Так, например, в Усатове и Маяках, как и в Шенгавите, кости лошади по количеству занимают третье место [66].

В. И. Бибикова пришла к выводу, что на территории Юго-Восточной Европы намечаются два ареала памятников — западный и восточный [67]. Причем количество остатков лошади в восточном ареале значительно больше, чем в западном. Этот ареал включает энеолитические памятники левобережной Украины и Среднего Поволжья, а также, по-видимому, Заволжья. В этом ареале лошадь как домашнее животное была освоена очень рано. Отсюда, по мнению В. И. Бибиковой, она могла эпизодически проникать на смежные территории [68].

Можно ли считать, что именно из этого ареала лошадь попала на Кавказ? Или она попала сюда из южных областей? Хотя область к югу от Кавказа не была родиной дикой лошади, она, как считал Ф. Ганчар, сделалась важнейшим центром разведения лошадей [69]. В настоящее время существуют многочисленные доказательства того, что лошадь была известна в Двуречье в III тыс. и даже в IV тыс. до н. э., хотя основным транспортным животным там оставался осел [70]. Известно также, что в конце III тыс. до н. э. в Месопотамии была введена легкая двухколесная колесница, сделавшая возможным боевое применение коня [71]. В этой связи И. М. Дьяконов приводит такой любопытный факт: в гимне шумеро-аккадскому царю Шульге сообщается, что он якобы проскакал около

[63] *О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич.* Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 173.

[64] Там же, стр. 172—173.

[65] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — нач. II тыс. до н. э.). Рукопись докт. дисс. Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2010.

[66] *В. Г. Збенович.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья (памятники усатовского типа). Автореф. канд. дисс. Киев, 1967, стр. 14.

[67] *В. И. Бибикова.* Указ. соч., стр. 117.

[68] Там же.

[69] *F. Hančar.* Указ. соч., стр. 399—402.

[70] *И. М. Дьяконов.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 41; *Хорст Кленгель.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии. ВДИ, 1967, № 4, стр. 60; *P. R. S. Moorey.* Pictorial evidence for the history of horse-riding in Iraq before kassite period. «Iraq», vol. XXXII, p. I, 1970. London, p. 36—50. Отметим здесь же, что в 1968—1969 гг. в Тель-Тайя у г. Тель Афара в Северо-Западном Ираке английской экспедицией была обнаружена в комплексе аккадского периода (2500—2350 гг. до н. э.) терракотовая головка, изображающая лошадь с лежащей гривой и уздой. С. Бэкёни считает, что эта статуэтка доказывает существование домашней лошади в Северной Месопотамии в середине III тыс. до н. э. См.: *Sandor Bokonyi.* An Early Representation of Domesticated Horse in North Mesopotamia. «Sumer», vol. XXVIII, *I—II.* Baghdad, 1972, p. 35—38.

[71] ***И. М. Дьяконов.*** Указ. соч., стр. 41.

150 км в колеснице за день [72]. Конь в Месопотамии был редким и очень дорогим животным. Согласно одному документу из архива Мари, цена лошади в XIX—XVIII вв. до н. э. составляла 2,5 кг серебра, что соответствовало примерно цене за 5—6 рабов или 10 га поля [73].

Приведенные факты подтверждают существование одомашненной лошади в рассматриваемую эпоху на смежных с Кавказом с севера и юга территориях, но они не решают вопроса о том, откуда появилась лошадь на Кавказе. С. К. Межлумян, специально занимавшаяся изучением палеофауны Армении, склоняется на сторону тех, кто предполагает, что лошадь попала на Кавказ со стороны степей [74]. Так это или нет,— сказать с уверенностью трудно. Во всяком случае, исключать полностью возможность того, что лошадь могла быть доместицирована здесь, на самом Кавказе и в особенности в Закавказье, нельзя. Ведь дикие лошади, как известно, здесь имелись. Достаточно сказать, что основным объектом охоты обитателей Бармаксызской мезолитической стоянки на Цалкинском плоскогорье в Грузии являлась дикая лошадь. Обнаруженные здесь костные остатки принадлежат главным образом дикой лошади [75].

Однако, как бы этот вопрос в дальнейшем ни был решен, сейчас уже совершенно очевидно, что населению Кавказа, в особенности Закавказья, эпохи ранней бронзы была знакома домашняя лошадь. Тогда, видимо, и началось здесь развитие коневодства. Любопытно предположение, высказанное И. М. Дьяконовым. Он полагает, что основным источником для пополнения конского состава древневосточных армий являлись горные области, особенно Восточная Армения, бассейн Урмии и другие районы Северного Ирана, т. е. составная часть ареала куро-аракской культуры. Исходя из этого, он предполагает, что именно здесь впервые было развито коневодство двигавшимися индоиранскими племенами [76].

В памятниках майкопской культуры костей лошади крайне мало (0,4%). Они представлены в единичных экземплярах, да и то не во всех поселениях [77]. Ожидать, что в невыявленных майкопских бытовых памятниках костных остатков лошадей может оказаться больше, трудно. Если учесть также данные по предкавказскому варианту ямной культуры и Серженьюртовскому поселению, то ясно, что на Северном Кавказе в целом лошадей было довольно мало [78]. Они были здесь — ими, вероятно, вла-

---

[72] Там же, стр. 42.

[73] Там же.

[74] *С. К. Межлумян.* Указ. соч., стр. 21.

[75] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 123; *Н. И. Бурчак-Абрамович.* Фауна эпипалеолитической стоянки в Триалети. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. XII, № 2. Тбилиси, 1951, стр. 93—94.

[76] *И. М. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 42.

[77] В одном случае кости лошади (?) зафиксированы и в погребении майкопской культуры, открытом в кургане к западу от ст. Варенниковской. Хотя эти кости не были специально изучены, их принадлежность лошади и, вероятно, домашней не исключена.

[78] Поэтому, видимо, Северный Кавказ следует исключить из общего ареала доместикации лошади. Утверждение же В. Н. Даниленко о том, что Степное Предкавказье, являющееся частью Северного Кавказа, стало «мировым центром сложения всадничества еще в начале IV тысячелетия до н. э.» (см.: *В. Н. Даниленко.* Энеолит Украины. Киев, 1974, стр. 113), не подтверждается никакими данными.

дели богатые семьи, представители родо-племенной знати. Тем интереснее, что выясняется крайне важный факт: на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы, на позднем этапе развития майкопской культуры, судя по соответствующим комплексам, лошадь уже использовали для верховой езды. На это указывают отмеченные находки бронзовых псалий.

Из-за исключительности этих находок, представляющих собой древнейшие металлические псалии, остановимся на них специально. Напомним, что эти предметы изготовлены из бронзового стержня, круглого в сечении, и имеют довольно простую форму. Концы их округлены, особенно у трех экземпляров (рис. 42). В трех случаях они были найдены попарно: одна пара в разрушенном подкурганном захоронении недалеко от г. Майкопа, вторая — в Ульском кургане, т. е. в Прикубанье [79], а третья — в самом богатом майкопском погребении Бамутского курганного могильника, в Чечено-Ингушетии [80]. Хотя Н. И. Веселовский, раскопавший упомянутое погребение в районе Майкопа, писал об этих предметах именно как о псалиях, на это никто не обратил внимания. После того как в 1965 г. нами были обнаружены точно такие же предметы в типичном позднемайкопском погребении, наше внимание привлекли и забытые находки Н. И. Веселовского [81].

Наконец, один псалий найден в 1972 г. в кургане 27 у с. Чегем II в Кабардино-Балкарии [82].

Едва ли можно сомневаться в том, что эти предметы являются псалиями. Экземпляры из Бамута демонстрировались в Институте археологии АН СССР и с ними внимательно знакомились многие специалисты. И все, кто их видел, не усомнились в том, что они использовались как псалии [83]. В пользу того, что они действительно псалии, свидетельствует и результат специального просмотра их через бинокуляр, проведенного в лаборатории Института археологии АН СССР. Он показал, что на них имеются следы остатков кожи.

Подобные предметы нам не известны нигде за пределами Северного Кавказа. Ведь древнейший металл, обнаруженный в памятниках смежных областей Старого Света, в своем большинстве опубликован. Мы тщетно пытались найти им хоть какие-нибудь аналогии в коллекциях некоторых музеев Ирака и Египта, а также в Британском музее (Лондон) и Ашмолинском (Оксфорд). Эти древнейшие металлические псалии являются поистине уникальными предметами. Все это дает нам основания рассматривать их как продукцию местной металлообработки.

Перейдем теперь к рассмотрению металлургического производства на Кавказе в исследуемую эпоху. Его продукция представлена значительной

---

[79] ОАК за 1906 г., стр. 104; ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 154.

[80] *Р. М. Мунчаев.* Раскопки Бамутских курганов в 1965 г. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1968, стр. 135—136; рис. 1, *4*.

[81] *Р. М. Мунчаев.* Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 71—77.

[82] *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии, стр. 13—14.

[83] См., например: *И. М. Дьяконов.* Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (К методике исследования исчезнувших языков). ВДИ, 1970, № 4, стр. 41.

серией орудий труда, предметов вооружения и украшений как в кура-араксской культуре, так и в майкопской. Это и понятно, ибо именно с III тыс. до н. э. здесь начинают активно развиваться металлургия и металлообработка, и уже тогда Кавказ становится одним из важнейших центров металлопроизводства Старого Света и главнейшим на территории нашей страны. Интерес к изучению древнейшей металлургии и металлообработки Кавказа велик. Поэтому едва ли будет преувеличением, если мы скажем, что данная тема является одной из ключевых в археологии СССР вообще, в кавказоведении в особенности. Благодаря широко известным трудам А. А. Иессена, а также Б. А. Куфтина и продолжателей их дела (Е. И. Крупнова, Б. Б. Пиотровского, О. М. Джапаридзе, А. А. Мартиросяна, И. Р. Селимханова, Ц. Н. Абесадзе, Е. Н. Черных и других) изучение этой темы поставлено на прочную научную основу.

Значительные успехи в изучении древнейшей металлургии достигнуты за минувшее двадцатилетие, в частности накоплен большой новый материал, выполнены чрезвычайно важные по своему значению работы по химико-технологическому изучению металла, представленного в памятниках Кавказа изучаемой эпохи, открыты объекты, документирующие плавку руд и остальные процессы металлургического производства. В результате получена возможность с бóльшей определенностью и уверенностью делать многие выводы, касающиеся древности и значения кавказского металлургического очага. Этому в немалой степени способствует и то обстоятельство, что в настоящее время имеются уже обобщающие сводки о древнейшем металле, распространенном на смежных территориях. Мы имеем в виду, в частности, труд Ж. Дейе о медных и бронзовых изделиях, распространенных от Индии до Дуная в IV—III тыс. до н. э.[84], работу Д. Б. Стронаха о типах металлического оружия раннебронзового века Анатолии[85], исследование Е. Е. Кузьминой о древнейшем металле Средней Азии[86] и, наконец, монографию Н. В. Рындиной о металле трипольской культуры[87]. Кроме того, особо следует отметить труд Юфук Эсин, в котором приведены результаты спектрального анализа подавляющего большинства известных медных и бронзовых предметов из древнейших памятников Анатолии[88].

В настоящей работе, разумеется, нет необходимости подробно касаться и рассматривать все вопросы, связанные с такой большой и в значительной степени самостоятельной темой, как история древнейшей металлургии Кавказа. Мы остановимся на тех из них, которые нам представляются наиболее важными и интересными.

---

[84] *Jean Deshayes.* Les outils de bronze de l'Indus au Danube (IV ou II millenaire), I—II. Paris, 1960.

[85] *D. B. Stronach.* The development and diffusion of metal type in the early bronze age Anatolia. AS, VII. London, 1957, p. 89—125.

[86] *Е. Е. Кузьмина.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. В4-9. М., 1966.

[87] *Н. В. Рындина.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.

[88] *Ufuk Esin.* Kuantatif spektral analiz yardimiyla Anatolu'da Baslangicindan Asur kolonileri cagina kadar bakir vetune Madenciligi. Cilt I: Kisim I Metin, analiz ve tipoloji kataloglari; cilt II; Kisim II Resim ve Haritalar. Istambul, 1969.

Еще до недавнего времени, как выше отмечалось, памятники куро-аракской и майкопской культур рассматривались как характеризующие местный энеолит. Это основывалось главным образом на том, что металл в этих памятниках представлен почти исключительно изделиями из меди, иногда с естественными примесями мышьяка. В результате новейших исследований значительно увеличилась коллекция металла, а также добыты важные материалы, фиксирующие различные стадии металлургического производства и свидетельствующие о том, что уже в III тыс. до н. э. металлурги Кавказа были знакомы со свойствами сплавов и умело использовали их при изготовлении орудий труда, оружия и украшений.

Спектральные анализы почти всей серии древнейших металлических изделий Кавказа, выполненные И. Р. Селимхановым и Е. Н. Черных, позволили установить, что эти изделия из памятников куро-аракской и майкопской культур изготовлены не из чистой меди, а из искусственного сплава — медно-мышьяковистой бронзы [89]. Их же исследованиями в металлическом инвентаре культур раннебронзового века Кавказа выявлены отдельные предметы, особенно в памятниках Северного Кавказа, изготовленные из сплава с относительно высоким содержанием никеля.

Еще недавно древнейшими металлическими изделиями на Кавказе считались те, которые представлены в куро-аракской и майкопской культурах. Сейчас металл обнаружен в памятниках Закавказья IV тыс. до н. э. Речь идет о сравнительно небольшом числе медных и медно-мышьяковых предметов, происходящих в основном из нижнего слоя Нахичеванского Кюль-тепе I и Техутского поселения [90]. Правда, до сих пор вопрос об их происхождении, о том, где они изготовлены,— на месте или за пределами Закавказья, не выяснен. Остается неясным пока и более общий вопрос: является ли древнейшая кавказская металлургия меди результатом местного развития или она возникла под влиянием южных импульсов, был ли такой период, когда население Кавказа, в частности Закавказья, начало использовать для изготовления некоторых орудий и украшений самородную медь? Независимо от этого, совершенно очевидно, что знакомство племен Закавказья с металлом произошло до III тыс. до н. э. Можно предполагать поэтому, что тот высокий подъем металлургического производства, который наблюдается на Кавказе в эпоху ранней бронзы, был обусловлен, возможно, предшествующим развитием и, по всей вероятности, не без определенного влияния Передней Азии. Еще в 30-х годах А. А. Иессен отмечал, что толчком и ускори-

---

[89] В памятниках раннебронзового века Кавказа найдено всего несколько предметов, изготовленных из оловянистой бронзы. Так, изделие в виде колечка-крючка из Бабадервишского поселения содержит 1% олова. Значительно больше (8%) олова в составе сплава, из которого изготовлена найденная в Шенгавите бронзовая серьга. Из сплава с таким примерно содержанием олова (7%) сделан и нож-кинжал из Кировакана, который А. А. Мартиросян датирует второй половиной III тыс. до н. э. Из оловянистой бронзы изготовлен и кинжальный клинок, найденный в Хаченагетских курганах в Нагорном Карабахе. Все эти предметы, как видим, происходят из Закавказья. Они выпадают из общей серии металлических изделий Кавказа и должны, видимо, рассматриваться как импортные.

[90] См. главу III в настоящей книге, стр. 107, а также: *М. А. Кашкай, И. Р. Селимханов.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.

телем в развитии металлообработки на Кавказе служили, вероятно, сношения с югом и что началу собственной обработки меди здесь предшествовало в течение известного периода времени проникновение готовых изделий из более передовых стран [91].

Мы лишены пока возможности документировать на конкретных материалах все стадии металлургического производства на Кавказе в рассматриваемую эпоху, начиная от добычи руды и первичной ее обработки и кончая изготовлением металлических предметов. До недавнего времени у нас не было данных, которые доказывали бы наличие плавки медных руд на Кавказе в III тыс. до н. э. Именно поэтому несколько лет назад Т. Н. Чубинишвили правильно отмечал, что от этого периода (III тыс. до н. э.) мы имеем не все виды археологических источников — до сих пор здесь не зафиксированы остатки производства и клады [92]. Однако в последние годы в Закавказье открыты как медеплавильные горны, так и клад бронзовых предметов, относящиеся к III тыс. до н. э. Значение этих открытий трудно переоценить. Остановимся кратко на них.

С точки зрения изучения древнейшего металлургического производства исключительный интерес представляют остатки трех медеплавильных горнов, раскопанных в куро-аракском слое Бабадервишского поселения в Азербайджане. Они находились на окраине поселения и представляли собой различные в плане ямы, вырытые в грунте [93]. Наземные части печей не сохранились. В двух горнах установлено применение техники дутья или воздуходувного устройства посредством специальных канавок-отверстий. Стены и пол ям прокалены и имели красно-кирпичный цвет. В заполнении ям и около них обнаружены отходы производства в виде шлаков. Последние были подвергнуты спектральному анализу, результаты которого не оставляют сомнений в том, что эти отходы производства образовались при плавке руды [94].

Установлено, что на этом поселении был налажен весь процесс металлургического производства — от плавки руды до изготовления бронзовых предметов. На это указывают и обнаруженные здесь глиняное сопло (длиной 15,5 см) и части глиняного предмета, служившего, как полагают, для отливки заготовок металла и ряда бронзовых предметов [95].

Медеплавильное производство существовало, вероятно, и на многих других поселениях куро-аракской культуры. Отметим, что в куро-аракском слое Гарни раскопана цилиндрическая плавильня (с приспособлением для поддувала), в которой сохранились зола и куски шлака [96]. А в Нахичеванском Кюль-тепе I, помимо металлургического шлака, обнару-

---

[91] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.— Л., 1935, стр. 87.

[92] *Т. Н. Чубинишвили.* Амиранис-гора. Тбилиси, 1963, стр. 98.

[93] Подробно об этих горнах см.: *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, № 4, стр. 17—19, рис. 3.

[94] Там же, стр. 18—19, рис. 2.

[95] Там же, рис. 4.

[96] *Э. В. Ханзадян.* Гарни, IV. Результаты раскопок 1949—1966 гг. Ереван, 1969 (на армянском языке с русским резюме), стр. 169. Из Гарни происходят формочка для отливки топора, тигеля с остатками металла и шлака, а рядом с отмеченной плавильней найден бронзовый серп (см.: там же, стр. 168—169).

жены как сами металлические бронзовые предметы, так и формы для литья, в том числе для отливки проушного топора и заготовок [97]. То же самое можно сказать о таких поселениях, как Шенгавит, Амиранис-гора, Квацхелеби, Хизанаант-гора и др. Почти во всех этих поселениях найдены льячки, металлические предметы и формы для отливки некоторых изделий. На Амиранис-гора, кроме остатков «медеплавильной мастерской», найдено (включая и могильник) 19 бронзовых предметов, три серебряных и один свинцовый [98]. Сопла, кроме Бабадервиша и Амиранис-гора, зафиксированы в Мишарчае, Геой-тепе и Яник-тепе [99]. Каменные и глиняные литейные формы для отливки топоров (рис. 30) найдены, кроме Шенгавита, еще в ряде куро-аракских памятников: Нахичеванском Кюль-тепе, Гарни, Квацхелеби, Каракепек-тепе и др. [100] Аналогичная закавказская глиняная двустворчатая литейная форма обнаружена и на территории Дагестана — в Галгалатлинском поселении. Таким образом, можно констатировать широкое развитие металлопроизводства у племен куро-аракской культуры.

К предметам местной металлопродукции следует отнести прежде всего проушные (рис. 81) и плоские тесловидные [101] топоры (рис. 81, *1—3*), обнаруженные в Закавказье и отлитые, возможно, в упомянутых нами формах. Сюда же относятся четырехгранные шилья и ножи-кинжалы с выделенным черенком и часто продольным ребром (рис. 82, *6—8*). Они зафиксированы в Азербайджане, Армении и особенно в Грузии — в Сачхере. Между прочим, Сачхере, как показали убедительно О. М. Джапаридзе [102] и Ц. Н. Абесадзе [103], дает наибольшее в Закавказье количество древнейшего металла. Бесспорно, что в этом районе Грузии находился один из древнейших очагов металлопроизводства Кавказа.

Из бронзовых украшений местными можно считать спиралевидные браслеты, найденные, например, в погребениях Элара и Квацхелеби.

Нельзя не отметить и группу предметов переднеазиатского типа, обнаруженных на Кавказе и относящихся к III тыс. до н. э. Речь идет о черенковых наконечниках копий (рис. 82, *12—20*) и топорах-клевцах (рис. 81, *16*, *17*). Судя по сводке О. М. Джапаридзе, наконечники

---

[97] *О. А. Абибуллаев.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана (по материалам поселения Кюль-тепе). МИА, № 125, 1965, стр. 65—73; и др.

[98] *Т. Н. Чубинишвили.* Указ. соч.; и др.

[99] *T. Burton-Brown.* Excavations in Azerbailan, 1948. London, 1951, p. 48, fig. 13, № 1186; *C. A. Burhey.* Excavations at Janik-Tepe (North West Iran). «Iraq», XXIII, 2, 1961, pl. XXIV, *63*.

[100] *Э. В. Ханзадян.* О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 1964, № 2, стр. 93, рис. 1; *Г. С. Исмаилов.* Новые материалы по древней металлургии и металлообработке юго-восточных склонов Малого Кавказа. МСПИПАЭИ 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР, Баку, 1972, стр. 13—14; *Я. А. Киквидзе.* Раннебронзовое поселение Хизанаант-гора. Тбилиси, 1972, стр. 94—95 (на грузинском языке с русским резюме).

[101] *Ш. И. Чартолани.* К изучению древнейших «плоских» топоров Грузии. МАГК, вып. V. Тбилиси, 1973, стр. 121—125 (на грузинском языке с русским резюме).

[102] *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен...; *он же.* Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на грузинском языке с русским резюме).

[103] *Ц. Н. Абесадзе.* Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. Тбилиси, 1969 (на грузинском языке с русским резюме).

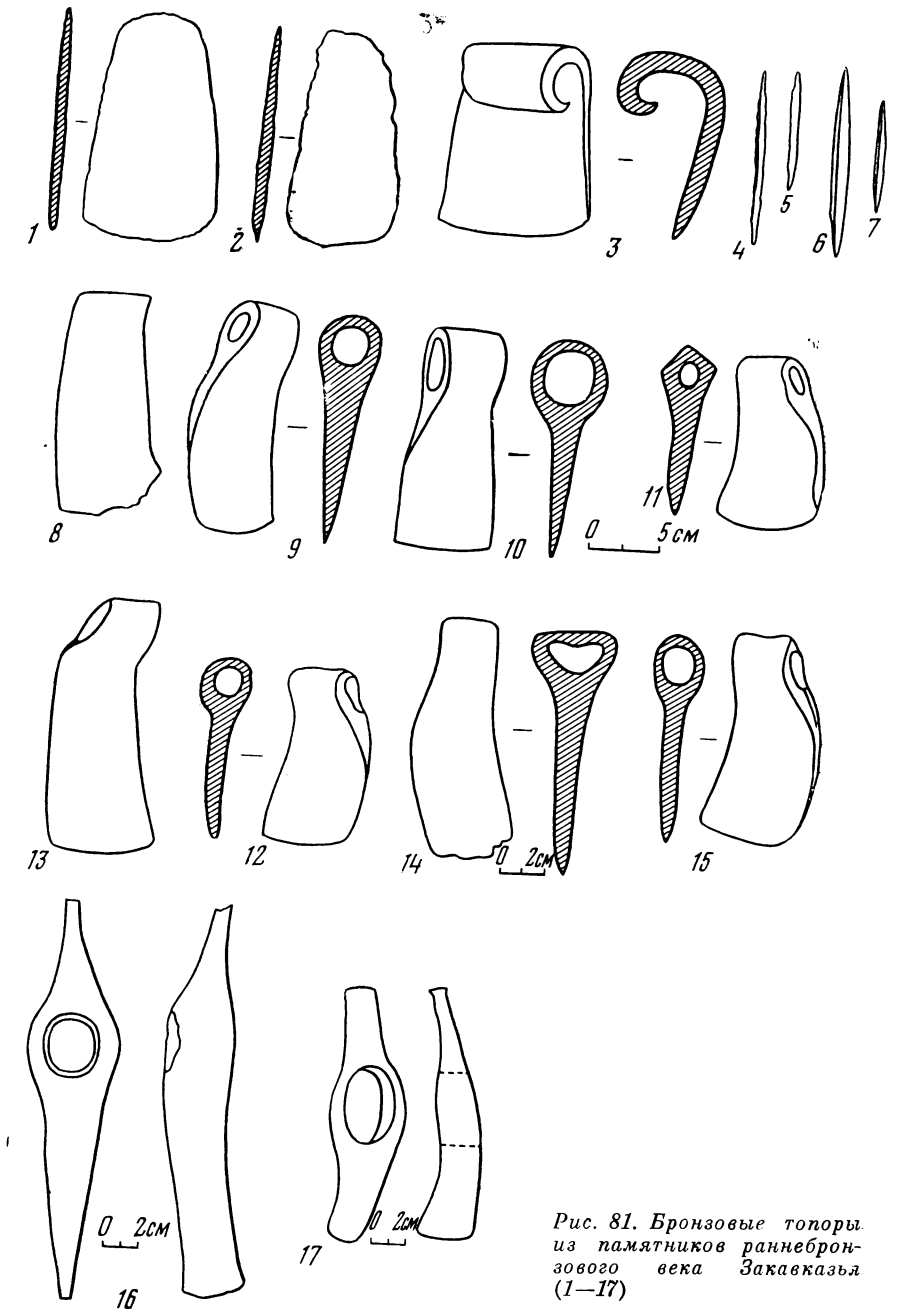

Рис. 81. Бронзовые топоры из памятников раннебронзового века Закавказья (1—17)

копий подобного типа представлены на Кавказе почти исключительно в Грузии [104]. Правда, два экземпляра известны из Прикубанья [105]. Надо сказать, что закавказские находки в своем большинстве не связаны с комплексами. В настоящее время такие наконечники копий известны в Азербайджане (например, 2 экз. в кургане 1 у с. Тельмана в Астаринском районе) [106], Армении (из Ленинакана) [107] и Дагестане (Чиркейское поселение) [108].

Следовательно, данный тип оружия был распространен по всему Кавказу, особенно в Закавказье. Такие наконечники представлены в большом количестве в переднеазиатских комплексах (Тепе-Гиссар [109], Сузы [110] и др.). Здесь они, например в Уре, изготовлены не только из бронзы, но и из серебра и золота. Их можно считать, несомненно, одной из древнейших форм металлического оружия Передней Азии.

С этим типом оружия связаны и копья-штыки, обычно четырехгранные в сечении, также аналогичные по форме переднеазиатским экземплярам. Их довольно мало. Не считая обнаруженных в Сачхере (Царцисгора) [111] и в памятниках III тыс. до н. э. Закавказья, нам известны еще два случая находок такого типа оружия: в Нахичеванском Кюльтепе I [112] и Квацхелеби [113]. На Северном Кавказе таких штыков пока не найдено. К этому типу находок там можно отнести лишь штыковидное четырехгранное оружие длиной 21 см, обнаруженное вместе с костяными наконечниками стрел в одном из погребений Бамутского могильника (рис. 73, *3*). В отличие от закавказских и переднеазиатских экземпляров штык из Бамута не имеет выделенного черенка.

Значительный интерес представляют топоры-клевцы. До последнего времени по всему Кавказу было известно менее десяти таких топоров [114]. В это число включены и находки из Северного Кавказа, а именно: комбинированный топор из Майкопского кургана [115], топор-клевец из кургана у ст. Воздвиженской [116], аналогичный топор, найденный случайно в 1955 или 1956 г. в бассейне р. Белой [117], и чисто медный проушный топор с

---

[104] *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен...
[105] *Т. Б. Попова.* Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, табл. XI.
[106] *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* Указ. соч., рис. 5, *7, 8.*
[107] *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 29—30, рис. 4*б.*
[108] История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 63, рис. 16.
[109] *E. E. Schmidt.* Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937, pl. L—LI.
[110] *R. de Mecquenen.* Fouilles de Suse 1929—1933. MDP, XXV. Paris, 1934, p. 192, fig. 25; *G. de Morgan.* Observations sur les Couches profondes de l'acropole a Suse. MDP, XIII. Paris, 1912, fig. 119.
[111] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 74.
[112] *О. А. Абибуллаев.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, стр. 162, рис. 4, *5.*
[113] *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Указ. соч., табл. XXXVI, *2.*
[114] *Д. Л. Коридзе.* Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. СА, 1958, № 1, стр. 135—140.
[115] ОАК за 1897 г.
[116] ОАК за 1899 г., стр. 46, рис. 80.
[117] С этой находкой меня любезно ознакомил А. Д. Столяр, за что приношу ему благодарность.

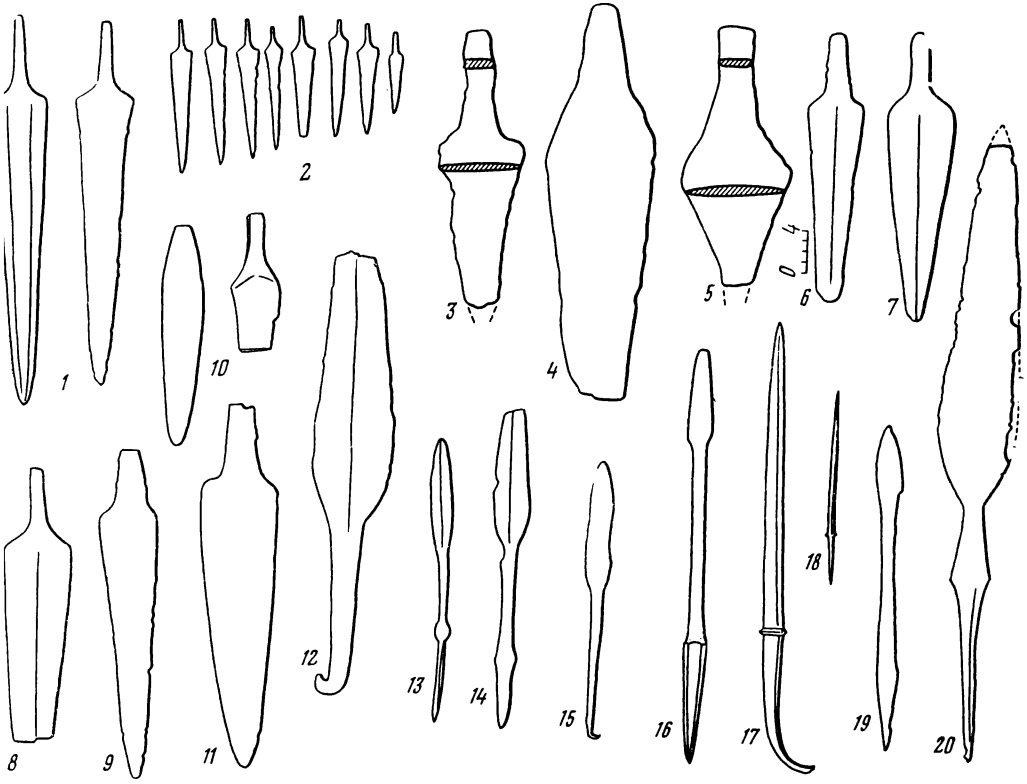

Рис. 82. Бронзовые ножи-кинжалы и наконечники копий из памятников Закавказья (1—20)

шиповидным клевцовым обухом из окрестностей с. Ругуджа в Дагестане [118].

Б. А. Куфтин считал, что топоры-клевцы попали на Кавказ из Передней Азии и отсюда — в области Восточной Европы [119]. Действительно, они встречаются в переднеазиатских памятниках III тыс. до н. э. [120] Пожалуй, больше всего их представлено в комплексах Ирана [121]. Они найдены и в Средней Азии [122].

---

[118] *В. Г. Котович.* Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, стр. 37—38, рис. 21, *4*.

[119] *Б. А. Куфтин.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМ, XII. Тбилиси, 1944, стр. 300.

[120] *Jean Deshayes.* Указ. соч., II, табл. X—LXI.

[121] *E. E. Schmidt.* Указ. соч. Значительная серия этих орудий имеется в коллекциях Тегеранского археологического музея.

[122] *Е. Е. Кузьмина.* Указ. соч. Кстати, большой интерес представляют обнаруженные недавно в Кызылкумах двустворчатые литейные формы для отливки таких комбинированных орудий. См.: *А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина.* Литейные формы из Лявлякана, СА, 1970, № 2.

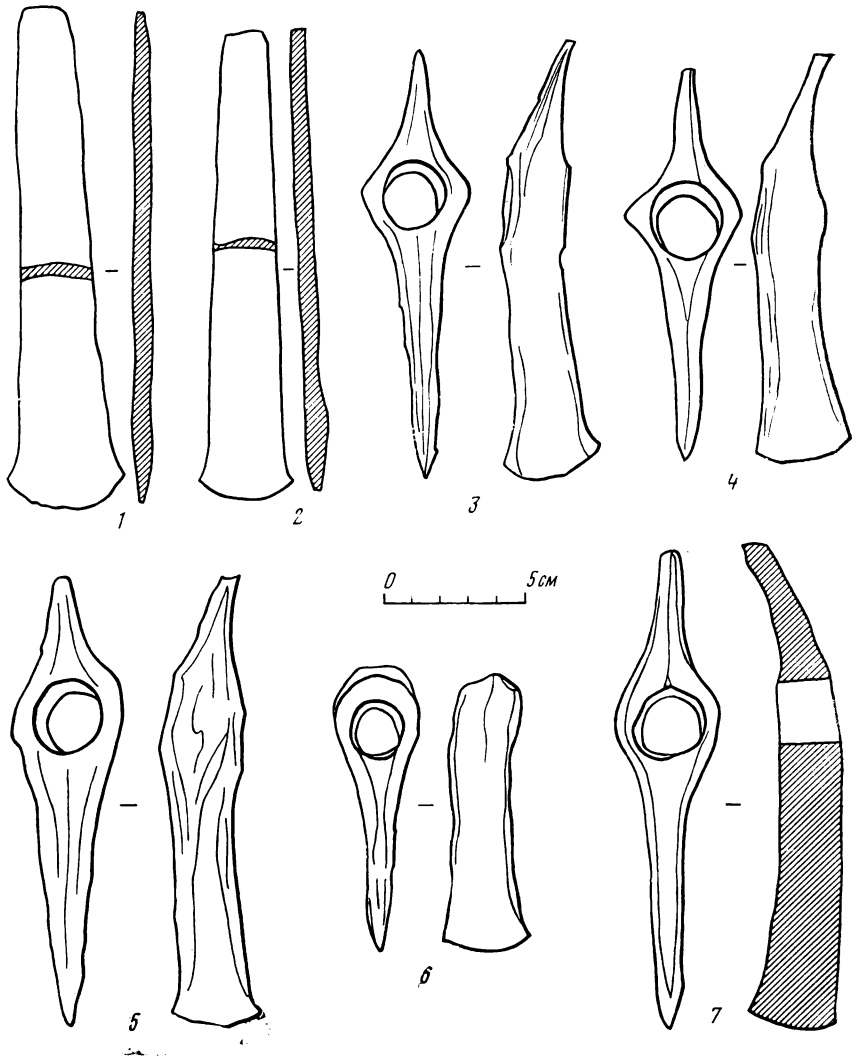

Рис. 83. Приереванский клад (1—7)

Не исключено, что эти орудия, так же как указанные наконечники копий и штыки, могли по переднеазиатским образцам изготовляться на месте. Ведь начали же здесь отливать проушные топоры и довольно широко, а они тоже переднеазиатского типа.

Исключительный интерес представляет великолепный клад неиспользованных бронзовых предметов (рис. 83), обнаруженный в 1967 г. в районе Еревана. Он состоял из восьми крупных топоров-клевцов, десяти плоских тесловидных топоров необычно крупных размеров (некоторые

достигают в длину 28 см), одного обушкового топора и обсидиановой пластинки с ретушью по краям [123]. С открытием этого клада — единственного пока на Кавказе клада бронзовых орудий III тыс. до н. э.— более чем в два раза увеличилось общее число находок как тесловидных топоров, так в особенности топоров-клевцов.

Еще А. А. Мартиросян обратил внимание на то, что находки топоров-клевцов в Закавказье концентрируются как бы вокруг Алавердского рудного бассейна, и предположил, что при дальнейших исследованиях алавердский меднорудный очаг может быть определен в качестве производственного центра, распространявшего предметы данного типа [124]. Думается, что это предположение А. А. Мартиросяна подкрепляется теперь открытием клада. Во всяком случае Армения являлась одним из важных районов, откуда распространялись металлические комбинированные орудия в виде топоров-клевцов по всему Кавказу. Неудивительно, что подавляющее большинство орудий этого типа, обнаруженных на Кавказе, падает на территорию Армении.

Бóльшая часть древнейшего металла Закавказья происходит из памятников поздних этапов развития куро-аракской культуры. Любопытно, что все отмеченные находки литейных форм для отливки проушных топоров встречены не в ранних куро-аракских памятниках, а в сравнительно поздних, датируемых серединой III тыс. до н. э. и позднее. Так, например, литейная форма для отливки топора в Шенгавите найдена в верхнем слое и то же самое — в Нахичеванском Кюль-тепе. А куро-аракский слой в Гарни, где также обнаружена форма для отливки топора, датируется временем не ранее середины III тыс. до н. э. И Эларский могильник в Армении, где есть бронзовые кинжалы и спиралевидные браслеты, и особенно сачхерские комплексы в Грузии, в которых так много металлических изделий (больше, чем во всех куро-аракских памятниках вместе взятых), и другие характеризуют позднюю фазу развития куро-аракской культуры, датируемую второй половиной III тыс. до н. э., вплоть до его конца.

Именно во второй половине III тыс. до н. э. и особенно в конце его наблюдается усиленное развитие металлопроизводства на Северном Кавказе. Связано ли это с тем, что происходило в это время в Закавказье с точки зрения развития металлургии и металлообработки? Или, другими словами, имеет ли это отношение к развитию металлургического производства в Закавказье? Безусловно, имеет. В этой связи мы должны обратить внимание на следующий факт, который ввел в научный оборот Е. Н. Черных и пренебрегать которым мы не имеем права.

Как известно, металлические предметы из памятников майкопской культуры являются в основном медно-мышьяковистыми. Это металл так называемой второй майкопской группы, по Е. Н. Черных [125]. Геохими-

[123] *А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян.* Приереванский клад древней бронзы. КСИА, вып. 134, 1973, стр. 122—127.

[124] *А. А. Мартиросян.* Указ. соч., стр. 33.

[125] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 36—39, 98—103; *он же.* О некоторых методах установления рудных источников для древнейшего металла. «Известия АН Армянской ССР», XVIII, № 3—4, 1965, стр. 111—126.

ческое изучение медных изделий Северного Кавказа показывает, кажется убедительно (по набору примесей), что металл второй майкопской группы не связан с этими рудами. Поэтому Е. Н. Черных считает, что медные месторождения Северного Кавказа должны быть отвергнуты в качестве источника этого металла.

В то же время он устанавливает чрезвычайную близость качественной и количественной химической характеристики Кафанского рудного поля в Армении и второй майкопской, или кубанской, объединенной группы металла [126]. Примерно то же констатируется применительно к таким месторождениям меди в Закавказье, как Кедабекское и особенно Белоканское (оба в Азербайджане). Связь месторождений меди Северного Кавказа с майкопской группой по этим показателям не наблюдается. На этом основании делается закономерный вывод о том, что основная часть майкопского металла закавказского происхождения [127].

Другая же часть — первая майкопская группа металла, или высоконикелевая,— происходит из южных областей в широком смысле. Дело в том, что ни в Закавказье, ни на Северном Кавказе нет медно-никелевых месторождений, с которыми этот металл можно было бы связать [128]. В то же время медно-никелевые предметы представлены в ранних памятниках от Индии до Малой Азии [129]. И. Р. Селимханов, например, предполагает, что все эти медно-никелевые предметы, включая и кавказские, имеют один источник, находящийся в Омане [130]. Хотя этот вопрос остается открытым, понятно, что кавказские медно-никелевые предметы не имеют местных источников, точнее, они изготовлены на месте, но не из местного металла. Следовательно, металлообработка на Северном Кавказе базировалась на импортном сырье, поступавшем сюда главным образом из Закавказья. Этот вывод в свете приведенных данных представляется нам обоснованным. Во всяком случае, до тех пор, пока не будут установлены факты выплавки меди из рудных месторождений Северного Кавказа или выявлены какие-нибудь иные обоснованные доказательства, данный вывод безусловно сохраняет свою силу.

Мы не располагаем сейчас никакими данными, указывающими на добычу на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы руды и ее выплавку.

---

[126] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 46, 49.

[127] Там же, стр. 49—50. Отметим здесь же, что сопоставление результатов спектрального анализа металла Кавказа III тыс. до н. э. и Анатолии показывает в целом их качественное различие, хотя и в Малой Азии есть близкие по составу медно-мышьяковые и медно-никелевые предметы (см.: *Ufuk Esin.* Указ. соч., т. I). Е. Н. Черных провел сравнение древнесирийских бронз из Амука с майкопскими и обнаружил, что некоторые бронзы оттуда находят близость по своим компонентам к бронзам первой майкопской группы. При этом особо показательны высокие концентрации никеля (см.: *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 45).

[128] Поиски рудных источников для первой майкопской (высоконикелевой) группы, отмечает Е. Н. Черных, привели к выводу об отсутствии таковых не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье, ибо медно-никелевое оруденение вообще не характерно для Кавказа (см.: *Е. Н. Черных.* О некоторых методах..., стр. 121).

[129] *Е. Н. Черных.* О некоторых методах..., стр. 121.

[130] *И. Р. Селимханов.* О никеле в древних медных сплавах. «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XVII, № 6, 1962, стр. 43—46.

В майкопских памятниках известны лишь находки льячек. Литейные же формы для отливки металлических изделий пока не найдены. Несмотря на это, в настоящее время есть полное основание говорить о высоком уровне металлообработки у племен майкопской культуры. В памятниках этой культуры, главным образом погребальных, представлена значительная серия металла.

Вопрос о происхождении раннемайкопского металла остается пока не решенным. Его очень мало количественно и происходит он в основном из самого Майкопского кургана. Бесспорно, что большинство представленных в этом комплексе как золотых и серебряных, так и бронзовых предметов — импортного происхождения. Попали сюда они из южных областей, но откуда конкретно,— до сих пор мы сказать не можем. Предполагаем, что скорее всего из Месопотамии. Недавно Ф. Бетанкур провел сравнительный анализ проушных топоров, ножа и топора-клевца с аналогичными орудиями, найденными в памятниках Крита, и обнаружил между ними определенную близость [131]. Действительно, критские экземпляры сходны с майкопскими типологически. Возможно поэтому, автор и прав в известной мере, говоря об одном — месопотамском — центре происхождения рассматриваемых им предметов из Крита и Северного Кавказа.

Что же касается большинства бронзовых предметов, представленных в позднемайкопских памятниках, то их местное производство не может вызывать сомнений. Это убедительно документируется серией специфических, распространенных почти исключительно в ареале майкопской культуры бронзовых предметов. Это прежде всего плоские черенковые двулезвийные ножи-кинжалы, обычно с округленным концом и двумя, как правило, продольными ребрами, длиной от 5—7 до 20 см. Они обнаружены и на Северо-Западном Кавказе, и в Кабардино-Пятигорье, и в Чечено-Ингушетии. Эти ножи-кинжалы резко отличаются от подобного типа предметов, представленных как в синхронных памятниках сопредельных территорий [132], так и в комплексах Северного Кавказа II тыс. до н. э.

К этой же группе относятся два небольших плоских черенковых ножа с совершенно округленным клинком, найденных в многогранном дольмене в Новосвободной и в кургане у ст. Костромской.

Крайне оригинален крупный бронзовый черенковый кинжал с одним резко выделенным продолговатым ребром, обнаруженный в Нальчикском кургане. Перекрестие его, так же как найденного вместе с ним обычного двулезвийного ножа-кинжала с округлым концом клинка, было окольцовано золотыми пластинками. Прямые аналогии этому кинжалу нам не

---

[131] *Philip P. Betancourt.* Указ. соч.

[132] Они отличаются от закавказских; не похожи совершенно на майкопские ножи-кинжалы и анатолийские образцы. На черенке подавляющего большинства последних имеются сквозные круглые отверстия (одно или два) для укрепления, в то время как ни на одном позднемайкопском экземпляре отверстий вообще нет (см.: *D. B. Stronach.* Указ. соч., рис. 1, *2*). Единственные образцы, с которыми типологически могут быть сопоставлены позднемайкопские ножи-кинжалы, происходят из Месопотамии. См.: *P. R. S. Moorey.* The Loftus Hoard of Old Babylonian tools from Tell Sifr in Iraq. «Iraq», vol. XXXIII, part II. London, 1971, pl. XXI, *27*; pl. XXIII, *26, 27*.

известны. И. М. Чеченов полагает, что он в какой-то степени напоминает кинжалы переднеазиатского типа досаргоновского периода[133]. О местном происхождении этого кинжала говорить с уверенностью нельзя.

Весьма специфическими являются также бронзовые вилообразные орудия с двумя крюками и круглой втулкой, найденные во всех областях Северного Кавказа. За пределами Предкавказья до сих пор известна всего лишь одна подобная находка — в Крыму. Отметим, кстати, что ни в переднеазиатских, ни в анатолийских памятниках такие орудия нам не известны вообще. Следовательно, это сугубо местная форма металлического инвентаря Северного Кавказа эпохи ранней бронзы.

Есть все основания утверждать, что к числу характерных местных образцов позднемайкопского металла относятся и медные котлы. Обломки от трех котлов и две чаши найдены в Новосвободненских дольменах, два котла — в Бамутских курганах, столько же — в кургане у ст. Ярославской, один котел — в Нальчике и обломки котла — в кургане между ст. Тульской и ст. Севастопольской и в кургане 5 у с. Чегем I. Таким образом, они представлены не только в Прикубанье, но и в Кабардино-Пятигорье и Чечено-Ингушетии, т. е. во всем ареале майкопской культуры. Все котлы кованые, изготовлены из листовой бронзы, имеют шаровидно-яйцевидное тулово, невысокий венчик и округлое или плоское, слегка вогнутое внутрь днище. Высота их колеблется от 21 до 57 см.

Местное производство этих котлов доказывается тем, что, во-первых, они повторяют форму глиняной посуды, и, во-вторых, некоторые из них (из Новосвободной и Бамута) украшены характерным для майкопской культуры жемчужным орнаментом. И, наконец, следует отметить, что подобных котлов нет нигде за пределами Северного Кавказа — ни в Закавказье, ни в Передней и Малой Азии. Судя по находке медного котла и других сосудов в самом Майкопском кургане, металлическая посуда появилась здесь на раннем этапе развития майкопской культуры, но распространилась она по всему Северному Кавказу позже. Эта посуда употреблялась в быту, поэтому иногда сильно закопчена. Отдельные экземпляры имеют несколько заклепок, что свидетельствует о неоднократном ремонте. Использование металлической посуды — одна из особенностей культуры населения Северного Кавказа раннебронзового века вообще и свидетельство высокого уровня развития металлообработки у позднемайкопских племен в частности.

К продукции местной металлообработки следует отнести также топоры-тесла, круглые в сечении желобчатые орудия, четырехгранные шилья и проушные топоры, отличающиеся архаичностью форм[134]. По образцам таких именно топоров изготовлен, несомненно, каменный топор с проушиной, обнаруженный в Бамутском могильнике. Из серии топоров, известных в позднемайкопских комплексах, выделяются три экземпляра: из ст. Воздвиженской (рис. 51, *8*), из Новосвободной, обушковая часть ко-

---

[133] *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. СА, 1970, № 2, стр. 120.

[134] *С. Н. Кореневский.* О металлических топорах майкопской культуры. СА, 1974, № 3, стр. 14—32.

торого покрыта «жемчужинами» (рис. 53, *2*), и наконец, вотивный топорик из Бамута (рис. 72, *1*). Последний проушный, но проушина не сквозная. На втулке с обеих сторон имеются круглые отверстия для крепления рукояти. Это уникальный топорик, аналогии ему мы не знаем ни в Закавказье, ни в Анатолии, ни в Месопотамии, ни в Иране.

Среди майкопского металла имеются еще несколько оригинальных предметов. Это рассмотренные нами пять бронзовых псалиев, происходящих из четырех позднемайкопских погребений. Характерно, что все уникальные предметы (но не только они.— *Р. М.*) относятся к первой, т. е. высоконикелевой группе майкопского металла.

Приведенные данные в целом убедительно свидетельствуют о том, какого высокого уровня развития достигла металлообработка на Северном Кавказе во второй половине III тыс. до н. э. Хотя некоторые важные вопросы, связанные с изучением древнейшей металлообработки Северного Кавказа, остаются не выясненными до сих пор, едва ли в свете накопленных данных может вызывать сомнение тот факт, что уже на заре бронзового века Северный Кавказ, так же как и Закавказье, являлся крупным очагом металлообработки.

Металлургическое производство Кавказа базировалось на собственных рудных источниках. И в Закавказье, и на Северном Кавказе имеется значительное количество месторождений меди, в том числе с мощной окисленной зоной. Бóльшая часть их сосредоточена в Закавказье. В Грузии и Азербайджане имеется по нескольку рудных районов. Надо признать, что до сих пор ни в одном из них следов горного дела, относящихся к III тыс. до н. э., не открыто. Это объясняется тем, что поиски древних выработок руды производились крайне слабо до сих пор [135] и обнаружить памятники древнего горного дела чрезвычайно трудно. Тем не менее, закавказские месторождения эксплуатировались в рассматриваемую эпоху. Е. Н. Черных предполагает возможным использование Кафанского месторождения меди в Армении в III тыс. до н. э. [136] На базе местных источников в Закавказье в начале III тыс. до н. э. возникает собственный металлургический очаг. Под влиянием последнего главным образом и базируясь в основном на закавказском сырье, как мы видим, усиленно развивается металлообработка на Северном Кавказе во второй половине III тыс. до н. э.

Продукцией кавказского металлургического центра в рассматриваемую эпоху являлись почти исключительно бронзовые орудия труда, пред-

---

[135] В последние годы в Армении были предприняты поиски древних медных рудников (см.: *А. Ц. Геворкян, Е. Н. Черных.* В поисках древних медных рудников в Армении. «АО 1970 г.». М., 1971, стр. 401). В частности, обследование Антоновского месторождения в Кировоканском районе показало, что геохимия руд этого объекта обнаруживает определенную взаимосвязь с химическим составом некоторых медно-бронзовых изделий из закавказских памятников III тыс. до н. э. (см.: *А. Ц. Геворкян.* Древняя разработка меди. «АО 1971 г.». М., 1972, стр. 493). В целом же, как считает А. Ц. Геворкян, возможности меднорудной базы Армении до сего времени сильно переоценивались (см.: *А. Ц. Геворкян.* Древнейшая металлургия и горное дело в Армении. Автореф. канд. дисс. М., 1972; *он же.* О древнейшей меднорудной базе Армении. СА, 1973, № 4, стр. 32—39).

[136] *Е. Н. Черных.* О некоторых методах..., стр. 122.

меты вооружения и различные украшения. Кроме того, изготовляли украшения и из драгоценных металлов, особенно золота. Так, в районе Степанакерта найдены три золотые оболочки от пастовых бусин (курган 119) и височная подвеска удлиненной формы [137]. Украшение из листового золота, свернутое в виде цилиндрика длиной 2,7 см, обнаружено в кургане 2 на берегу Хаченагета в Карабахе, а в другом кургане (3) там же — бочонкообразная золотая бусинка [138]. Золотые височные кольца найдены в погребениях Шенгавита [139], Царцис-гора [140], Хачбулака [141], а в кургане у Параванского озера в Грузии — три тонких цилиндрика [142].

Значительно больше золотых предметов в комплексах майкопской культуры, если даже не принимать во внимание великолепные изделия Майкопского кургана и Старомышастовского клада. Эти изделия и серебряные предметы, включая сосуды, а также многочисленные бусы из сердолика и лазурита в этих памятниках мы в настоящей работе не рассматриваем специально. Они довольно подробно и неоднократно описаны как в нашей, так и в зарубежной литературе, проанализированы с искусствоведческой точки зрения и т. д. Мы к этому ничего добавить не можем. Со времени публикации труда А. А. Иессена «К хронологии «больших кубанских курганов»», в котором детально рассмотрены все эти предметы, прошло уже более 20 лет, однако до сих пор мы точно не знаем, откуда они и из одного или нескольких источников попали на Северный Кавказ,— ведь в их импортном происхождении ни один исследователь не сомневается. Словом, определить точный источник происхождения этих великолепных произведений ювелирного искусства, открытых в некоторых памятниках Прикубанья эпохи ранней бронзы, пока не удается.

Со времени раскопок Н. И. Веселовского наиболее богатый погребальный комплекс открыт в Нальчикском кургане. Мы подробно рассмотрели этот памятник. Отметим еще раз некоторые из найденных там предметов. В гробнице Нальчикского кургана наряду с серебряным ножом-кинжалом (лезвие), на перекрестье которого находилась пластинчатая обкладка из электра, серебряными обкладками и серебряным шилом, обнаружены 263 золотые мелкие бусинки, аналогичные открытым в Майкопском кургане, три тонкие золотые пластинки удлиненно-листовидной формы, фольговидная золотая лента, свернутая в пятивитковую спираль, конусовидный наконечник из такой же пластинки, две золотые ленты длиной соответственно 50 и 100 см, также свернутые в спираль, 63 тончайшие золотые пластинки длиной от 2 до 12 см и шириной от 0,4 до 1,7 см, две биконические золотые бусинки, покрытые насечкой,

---

[137] *Я. И. Гуммель.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 18—20.

[138] *К. Х. Кушнарева.* Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, стр. 167, рис. 1, *5*.

[139] *Г. Азизян.* Черепа из энеолитических погребений в районе Шенгавита. «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», 1963, № 3, стр. 328—330.

[140] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция, 1945 г., стр. 79, табл. XV.

[141] *Г. П. Кесаманлы.* Результаты работ Хачбулакской археологической экспедиции 1960—1962 гг. СПАЭИ 1963. Тезисы докладов и сообщений. Баку, 1964, стр. 14—15.

[142] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 101, табл. CXV.

и два массивных золотых височных кольца [143]. Золотую обкладку имели не только серебряный нож-кинжал, крупный бронзовый кинжал с четко выделенным ребром по середине лезвия, но шило и костяной наконечник стрелы.

Среди этих предметов мы хотели бы особо обратить внимание на многочисленные золотые пластинки. И. М. Чеченов считает, что они украшали матерчатую основу какого-то шатрообразного сооружения, которая поддерживалась деревянными прутьями, обмотанными золотыми лентами [144]. Мы не уверены в том, что в этой гробнице, как в подкурганной могиле Майкопа, было устроено над погребенным специальное сооружение. Для нас в данном случае крайне важно то обстоятельство, что совершенно аналогичные тонкие золотые пластинки обнаружены в значительном количестве в могилах Ура. Как уже говорилось, из таких золотых пластинок там были сделаны головные уборы. Однако мы не утверждаем тем самым, что золотые ленты из Нальчикского кургана, а также из некоторых чегемско-баксанских комплексов, являются остатками или частями головных уборов, хотя это и не исключено. Важны в данном случае одинаковая форма и размеры золотых пластинок в памятниках III тыс. до н. э. Северного Кавказа и Месопотамии.

Небезынтересно в этой связи, что и золотые бусы, найденные в таком количестве в Нальчикской гробнице, похожи на аналогичные украшения из урских погребений. Наконец, серебряный нож с округленным концом клинка из этого же комплекса заставляет невольно вспомнить некоторые образцы оружия из золота и серебра, найденные в том же могильнике Ура. Эти наблюдения вместе с приведенными другими данными указывают на один из важнейших (если не самый основной) источников, откуда шли на Северный Кавказ в раннебронзовом веке импортные изделия и влияния.

В пользу месопотамского источника свидетельствует еще одна категория предметов из драгоценных металлов. Мы имеем в виду четыре серебряные посоховидные и одну золотую (прямую, в виде иглы) булавки, обнаруженные в Новосвободненских дольменах [145]. В других майкопских памятниках посоховидных булавок до сих пор не встречено. Они откры-

---

[143] *И. М. Чеченов*. Гробница эпохи ранней бронзы в Нальчике, стр. 118—119, рис. 10, *1, 3—6*; 11, *16*.

[144] Там же, стр. 119—120.

[145] Казалось бы, этому выводу противоречат находки в майкопских комплексах некоторых украшений, сделанных из полудрагоценных камней явно не месопотамского происхождения. Речь идет прежде всего о сердоликовых бусах довольно архаической формы с двусторонним сверлением, обнаруженных в значительном количестве в ряде памятников майкопской культуры, в том числе и Бамутском могильнике. (Напомним, что только в Старомышастовском кладе их было около 2500 шт.). Они, конечно, иранского происхождения. Кроме того, на Северном Кавказе в двух случаях найдены и бусы из бадахшанского (афганистанского) лазурита. Сердоликовые бусы могли попасть на Северный Кавказ из Ирана по прикаспийскому пути, а лазуритовые — по великому лазуритовому пути Древнего Востока (см.: *В. И. Сарианиди*. Великий лазуритовый путь Древнего Востока. КСИА, вып. 118, 1969). Если же вспомнить, в каких значительных сериях представлены бусы из сердолика и лазурита в памятниках Передней Азии и в частности в Месопотамии, то можно почти уверенно говорить о возможности проникновения их на Северный Кавказ именно из Двуречья.

ты сейчас, правда, в ряде памятников Северного Кавказа (Прикубанья и особенно Кабардино-Пятигорья) последующей эпохи. Там они все бронзовые и верхняя часть их заканчивается шарообразной головкой совершенно так, как оформлены концы псалий из Бамута и Чегема II. Что же касается золотой булавки в виде иглы, то она в своем роде уникальна для Кавказа. Единственной аналогией ей являются золотая игла с ушком из кургана 5 у с. Чегем I и серебряная булавка из того погребения в Бамуте, в котором обнаружены псалии. Последняя, например, такого же размера и имеет в верхней части отверстие, но в отличие от новосвободненских слегка изогнута. Любопытно, что обоим типам этих булавок наиболее близкие аналогии можно найти прежде всего в Месопотамии (например, в Кише) [146].

Если отмеченные нами золотые и серебряные изделия, не считая даже происходящих из Майкопа и Старомышастовского клада, являются крайне редкими в памятниках майкопской культуры [147], то имеется одна категория золотых украшений, которая часто и повсеместно встречается на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы. Это височные кольца. Интересно, что все украшения подобного типа в майкопских памятниках исключительно золотые. Их найдено довольно много — более 50. Достаточно сказать, что только в Старомышастовском кладе представлено около 30 височных колец. Они имеются в комплексах Северо-Западного Кавказа (Новосвободненские дольмены [148], Старомышастовский клад [149], курганы у ст. Костромской [150] и хут. Рассвет Анапского района [151] и др.), Кабардино-Балкарии (курганы в Нальчике и у селений Чегем I—II и Кишпек) [152] и Чечено-Ингушетии (курганы у с. Бамут [153] и ст. Мекенской [154]). В одном случае золотое спиральное кольцо найдено в бытовом памятнике — в Очажном гроте Воронцовской пещеры [155].

В майкопских памятниках представлено три типа золотых височных колец, причем иногда они встречаются все вместе, например в дольменах Новосвободной. Это кольца с привеской из камня в виде спиральных завитков и круглые с несомкнутыми концами. Колец первых двух типов относительно мало. Они, особенно с привеской из камня, являются, воз-

---

[146] *S. Langdon.* Excavations at Kish. Paris, 1924.

[147] Укажем также, что в одном из Бамутских курганов обнаружены две обоймицы, свернутые из золотых пластинок (рис. 72, *12, 13*).

[148] *Т. Б. Попова.* Указ. соч., табл. I—II.

[149] ОАК за 1897 г., стр. 64—65.

[150] Там же, стр. 15—16.

[151] *Ю. С. Крушкол.* Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. «Ученые записки Московского областного пединститута», т. CXV, 1963, серия всеобщая история, вып. четвертый.

[152] *И. М. Чеченов.* Указ. соч., рис. 10, *5*; *И. М. Мизиев, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев.* Указ. соч., рис. 9, *12—17*.

[153] *Р. М. Мунчаев.* Раскопки Бамутских курганов в 1965 г., стр. 134—135.

[154] *Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт.* Курганы у станицы Мекенской. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 24, рис. 9.

[155] *Л. Н. Соловьев.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. «Труды Абхазского ИЯЛИ», вып. XXIX. Сухуми, 1958, табл. III, *12*.

можно, импортными. Что же касается круглых, обычно массивных колец с незамкнутыми концами, распространенных во всем ареале майкопской культуры, то они, по всей вероятности, изготовлены на Северном Кавказе и к тому же из золота, добытого на месте. Месторождения его на Северном Кавказе имеются [156]. Может быть, золото и было одной из причин, привлекавших «внимание» Передней Азии, в частности Месопотамии, к этому краю. И хотя такое предположение лишено в настоящее время соответствующей аргументации, тем не менее оно нам представляется возможным.

Исходя из всего сказанного, мы можем констатировать, что в эпоху ранней бронзы на Кавказе и в особенности на Северном Кавказе было налажено, по всей вероятности, и производство изделий из драгоценных металлов, главным образом из золота [157].

И в заключение укажем, что в ряде древнейших памятников Закавказья (Нахичеванский Кюль-тепе, Амиранис-гора, Кистрик и др.) обнаружены свинцовые предметы [158]. Интересно среди них, например, свинцовое кольцо с надетой на него ракушкой из Гарни [159].

Таким образом, все данные, приведенные в совокупности, убедительно доказывают, что Кавказ в целом уже в эпоху ранней бронзы стал крупнейшим очагом металлопроизводства на территории нашей страны и всего Старого Света. Начиная примерно с середины III тыс. до н. э. Кавказ снабжает своей металлургической продукцией степные племена Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья, и эту роль он сохраняет на протяжении около 1000 лет. Поэтому первый период в истории металлургии Восточной Европы справедливо называют кавказским.

Учитывая связи населения Северного Кавказа со степными племенами, документируемые археологическими данными [160], вполне возможно предполагать, что именно племена майкопской культуры снабжали население Северного Причерноморья и Поволжья металлом (медно-мышьяковистой бронзой закавказского происхождения). Поскольку собственно майкопские формы металлического инвентаря в памятниках этих областей единичны, надо думать, что туда металл поступал в виде главным образом слитков. Активизация связей между Северным Кавказом и Закавказьем, с одной стороны, и майкопскими племенами с населением Северного Причерноморья (особенно с носителями кеми-обинской культуры в Крыму) и Поволжья — с другой, была вызвана в значительной степени необходимостью в металле. Население Северного Кавказа по налаженным путям получало металл из Закавказья; часть его шла на нужды своего металлообрабатывающего производства, а остальное сбывалось северным соседям.

---

[156] *В. Е. Пригода.* К вопросу о золотоносности Северного Кавказа. «Природные богатства Северо-Кавказского края». Ростов-на-Дону, 1935. Общая проблема золота Кавказа рассматривается в работе: *А. А. Иессен, Т. С. Пассек.* Золото Кавказа. Известия ГАИМК, вып. 110. М.— Л., 1935.

[157] *Е. Н. Черных.* О некоторых методах..., стр. 123.

[158] *М. Н. Рагимова, Ф. Т. Мамедова.* О свинце древнего мира. МСПИАЭИ 1970 г. в Азербайджане. Баку, 1971, стр. 7—8.

[159] *Э. В. Ханзадян.* Гарни, IV..., табл. I, *4.*

[160] *А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 140—142.

На этом мы заканчиваем рассмотрение вопросов развития гончарного дела, земледелия, скотоводства и металлургического производства на Кавказе в эпоху ранней бронзы [161]. Мы видим, что уровень развития ведущих отраслей экономики в эту эпоху был значительно выше, чем в предшествующий энеолитический период. Это особенно наглядно демонстрируют данные по Закавказью. Вместе с тем факты убедительно свидетельствуют об определенной неравномерности развития земледельческо-скотоводческого хозяйства в Закавказье и на Северном Кавказе. У куро-аракских племен исключительно широкое развитие получает земледелие. У них заметно совершенствуется техника земледельческого хозяйства и т. д. Вместе с этим в их хозяйстве немалую роль играет и животноводство. На Северном же Кавказе мы наблюдаем обратную картину. В эту эпоху на Кавказе появляется домашняя лошадь и есть основание полагать, что она используется уже и для верховой езды. Высокого уровня достигает гончарное дело как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, выделившись в самостоятельную отрасль производства. Исключительно оригинальна и самобытна продукция гончаров куро-аракской и майкопской культур. Крайне важно установление того факта, что гончары Северного Кавказа во второй половине III тыс. до н. э. начали применять при формовке глиняной посуды вращательный инструмент, по конструктивным особенностям близкий примитивному гончарному кругу Месопотамии. И, наконец, многочисленные и разнообразные данные ярко свидетельствуют не только о существовании на Кавказе в III тыс. до н. э. собственного металлургического производства, но и о широком его развитии. Кавказ в целом и Закавказье в особенности становятся уже в это время крупнейшим в Старом Свете и ведущим на территории Восточной Европы центром металлопроизводства.

---

[161] Широко развивается в эту эпоху на Кавказе и текстильное производство. Мы отмечали находки во многих поселениях куро-аракской культуры костяных и глиняных пряслиц от веретена. Ткань изготовляли, конечно, из шерсти овец и коз, а также из растительного волокна, в частности льна. Т. А. Бунятов полагает, что в III тыс. до н. э. в Закавказье началось крашение ткани (см.: *Т. А. Бунятов.* К истории крашения пряжи в древнем Азербайджане. «Материалы по истории Азербайджана», т. VI. Баку, 1963, стр. 10—15 (на азербайджанском языке с русским резюме). Следует отметить здесь, что в каменной подкурганной гробнице в Нальчике обнаружены остатки ткани. Они находились на верхней части найденного там медного котла. Исследование этой ткани было проведено специально в лаборатории исторического факультета Харьковского университета Б. А. Шрамко. Эта ткань весьма тонкой пряжи, отличается высокой техникой; она растительного происхождения (лен). Кстати, на дне этого же котла отмечены отпечатки и остатки циновки из какого-то волокнистого растения (см.: *Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов.* Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике. КСИА, вып. 113, 1969, стр. 55—56, рис. 21).

Заключение

Мы проследили культурно-историческое развитие Кавказа на протяжении значительного отрезка времени. В этот исторический период, охватывающий эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы, здесь развивались яркие и самобытные культуры земледельческо-скотоводческого типа. Это касается прежде всего Закавказья, которое, видимо, уже с эпохи позднего неолита начало опережать в общем развитии Северный Кавказ. Здесь в V—IV тыс. до н. э. мы видим сложившуюся культуру раннеземледельческого типа.

Своими путями шло культурно-историческое развитие Закавказья и Дагестана, Северного Кавказа и Кавказского Причерноморья в эпоху ранней бронзы. Развиваясь во взаимовлияниях между собой и с культурами смежных территорий, племена раннебронзового века Закавказья и Северного Кавказа создали оригинальные культуры, отличные по своему материальному облику друг от друга, а в еще большей степени от культур сопредельных с юга и севера областей. Хотя здесь социально-экономическое развитие не привело в III тыс. до н. э., как, например, в Месопотамии, к образованию классов и первых государственных образований, заметный прогресс в общем развитии на Кавказе в это время налицо. Здесь в эту эпоху уже были известны многие важные достижения древности, в частности развитое металлургическое производство, гончарный круг и т. д. Есть все основания ставить вопрос о появлении здесь коневодства.

Возникают, естественно, вопросы: кто же носители этих самобытных и оригинальных культур Кавказа изучаемой эпохи, на каком языке или на каких языках они говорили и, наконец, можно ли считать их хоть в какой-то степени отдаленными предками современных коренных народов Кавказа?

Применительно к куро-аракской культуре данные вопросы в весьма общей форме в археологической литературе впервые, пожалуй, были поставлены нами. В докладе об энеолитической культуре Дагестана и Чечено-Ингушетии, прочитанном в 1958 г. на Сессии по археологии Дагестана, мы высказали предположение, не отражает ли то поразительное единство культуры, которое мы наблюдаем в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе в III тыс. до н. э., подоснову кавказского этнического

субстрата, связанного с иберийско-кавказской семьей языков [1]. Это же предположение мы повторили в своей монографии «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа», изданной в 1961 г. Кстати, в том же году вышла работа О. М. Джапаридзе, в которой он доказывал связь картвельского этноса с куро-аракской культурой и считал, что выделение его из общекавказского субстрата произошло, по-видимому, в III тыс. до н. э.[2] Несколько позже писал о выделении в то время и дагестанского этнического массива В. Г. Котович.

Более подробно и специально изучением этой проблемы занимался Е. И. Крупнов [3]. Основной вывод его заключался в том, что истоки иберийско-кавказских языков и их носителей уходят в III тыс. до н. э., т. е. связаны с носителями культур раннебронзового века Кавказа. В системе доказательств Е. И. Крупнова и других, включая и меня, были и есть сильно уязвимые места. Они особенно обнажились в последнее время в связи с накоплением новых данных. Достаточно сказать, что им и остальными не использован антропологический материал III тыс. до н. э., по существу не привлечены древнейшие языковые материалы. К тому же сейчас в Закавказье и Северо-Восточном Кавказе выявлен мощный культурно-исторический пласт, оставленный древнейшими земледельцами и скотоводами Кавказа, предшественниками носителей куро-аракской и майкопской культур. Данное обстоятельство заставляет искать основы субстрата иберо-кавказской языковой семьи в более глубокой древности, чем III тыс. до н. э. Словом, в настоящее время вырисовываются новые аспекты изучения данной проблемы в целом и отдельных связанных с нею вопросов, в частности. Эти вопросы приобрели сейчас известную остроту и вызывают разносторонний интерес, который усугубляется тем, что в последнее время некоторые исследователи ставят в прямую связь с этими вопросами проблему появления в Малой Азии индоевропейских анатолийских языков, в частности хеттско-неситского и его носителей.

Всем хорошо известно, что до сих пор в науке ведется спор о том, откуда проникли хетты в Малую Азию. Большинство исследователей-лингвистов, а также некоторые археологи (Дж. Мелларт, С. Барней) считают, что хетты проникли в Анатолию через Кавказ. Однако эта популярная точка зрения вызывает ряд серьезных возражений и поэтому принята быть не может. В последнее время высказывается точка зрения о том, что древнейшее население Закавказья, в частности эпохи ранней бронзы, являлось индоевропейским по языку [4]. Недавно Г. А. Меликишвили выдвинута гипотеза об индоевропейском происхождении куро-

---

[1] *Р. М. Мунчаев.* Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа. Тезисы докладов на сессии по археологии Дагестана. Махачкала, 1958.

[2] *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961.

[3] *Е. И. Крупнов.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). СА, 1964, № 1.

[4] *Л. А. Барсегян.* Из истории древнейших племенных союзов Армянского нагорья в XV—XIII вв. до н. э. (Хайаса — Азэи). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1964, стр. 9; и др.

аракской культуры [5]. Она основывается на том, что в картвельских языках существуют древние, восходящие в основном еще к эпохам общекартвельского или грузинско-чанского языкового единства индоевропейские заимствования, источник которых невозможно искать на юге. Он должен находиться к северу от Грузии и Закавказья или на месте. Следовательно, носители куро-аракской культуры были индоевропейцами, впоследствии в значительной степени ассимилированными по языку носителями языков переднеазиатского типа, в частности картвельскими. Для последних, по мнению Г. А. Меликишвили, древнейшее индоевропейское население Закавказья сыграло роль субстрата, оказавшего значительное влияние как на структуру, так и на лексический состав картвельских языков.

Эта гипотеза Г. А. Меликишвили не поддерживается И. М. Дьяконовым, выпустившим в последнее время ряд весьма интересных работ, специально затрагивающих вопросы языковой принадлежности древнейшего населения Кавказа [6]. В них впервые, пожалуй, в науке сделана попытка восстановить языковую карту или, как он пишет, «языковую ситуацию» на Кавказе в рассматриваемую эпоху, в частности в III тыс. до н. э. [7] Как бы эта попытка ни была гипотетична, она представляет безусловный интерес. Поэтому рассмотрим ее и попытаемся сопоставить с ней археологическую карту Кавказа III тыс. до н. э. и посмотреть, насколько они между собой согласуются.

Какова же была «языковая ситуация» на Кавказе и в сопредельных областях Малой Азии и Северного Ирака в III тыс. до н. э.? Здесь обитали племена и народы, говорившие, по мнению И. М. Дьяконова, на языках четырех групп [8]. К первой из них он относит хаттский язык, называемый часто ошибочно протохеттским. И. М. Дьяконов считает хаттский язык либо очень древним ответвлением от абхазо-адыгской группы, либо промежуточным звеном между этими языками и языками грузинской группы. Ему представляется довольно вероятным, что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья до Восточного Причерноморья, Колхиды и Южного Причерноморья до р. Галис (Кызыл Ирмак) в III тыс. до н. э. обитали племена, либо непосредственно принадлежащие абхазо-адыгской языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказье), вероятно, и на картвельских [9].

Далее, носителями другого языка были хурриты. Их язык, как установлено, весьма близок урартскому. Хуррито-урартский этнический массив занимал в III и II тыс. до н. э. территорию от Северной Месопотамии до Центрального Закавказья. В пользу того, что хурриты обитали столь

---

[5] *Г. А. Меликишвили.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. ВДИ, 1965, № 1.

[6] *И. М. Дьяконов.* Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III—I тыс. до н. э. Тезисы. Баку, 1966; *он же.* Языки древней Передней Азии. М., 1967; *он же.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

[7] *И. М. Дьяконов.* Предыстория армянского народа, стр. 10.

[8] Там же, стр. 10.

[9] Там же, стр. 13.

далеко на востоке, свидетельствуют, по мнению И. М. Дьяконова, обнаруженные недавно тесные языковые связи хуррито-урартской группы с северовосточнокавказскими (нахско-дагестанскими) языками, особенно с их нахской подгруппой [10].

Третью группу племен, предположительно родственную хурритам и урартам и обитавшую в Центральном и Восточном Закавказье, он условно называет этивцами, считая их создателями триалетской культуры [11].

И к последней группе он относит языки народов и племен, обитавших к востоку от Армянского нагорья, от района южнее оз. Урмия до Большого Кавказа. Весьма скудный языковый материал, относящийся к тому же к более позднему времени, заметно отличен от хуррито-урартского. Южные из этих племен известны по вавилонским и ассирийским источникам как кутии. Остальные же И. М. Дьяконов совершенно предположительно относит к нахско-дагестанской языковой группе [12].

Действительно ли «языковая ситуация» была на Кавказе такой в III тыс. до н. э., как ее предположительно рисует И. М. Дьяконов, сказать чрезвычайно трудно. Ведь до сих пор мы не имеем ни одного убедительного свидетельства в пользу этого, в частности в памятниках III тыс. до н. э. Здесь нет ни единого источника, в котором был бы зафиксирован хотя бы один из этих языков. Вместе с тем тот факт, что коренные языки Кавказа обнаруживают тесные связи, с одной стороны (абхазо-адыгские и картвельские), с хаттским, а с другой (нахско-дагестанские) — с хуррито-урартским, крайне интересен. Если он не является свидетельством их генетического родства, то может служить доказательством того, что их носители в глубокой древности обитали в ближайшем соседстве друг с другом.

Таким образом, мы видим, что вопрос о том, на каких языках говорили народы, жившие на Кавказе в III тыс. до н. э. и в более раннее время, крайне сложен и остается до сих пор не решенным. К глубокому сожалению, как ни велик по объему и своеобразию тот археологический материал, который нам известен из памятников Кавказа энеолита и ранней бронзы, он не может пока серьезно помочь в решении этой сложной и важной проблемы.

Обширен, как мы видим, ареал куро-аракской культуры. На каких языках говорили ее носители: на хуррито-урартском, хаттском или на картвельских, нахско-дагестанских или абхазо-адыгских? Можно предполагать, что в разных областях ареала куро-аракской культуры говорили на каком-нибудь из этих языков. Причем в причерноморских районах Кавказа говорили на абхазо-адыгских языках, близких к хаттскому, в Центральном и Южном Закавказье — на хурритском и картвельском, а на Восточном Кавказе — на нахско-дагестанских языках. Следовательно, нам представляется, что общекавказского языкового единства, во всяком случае в III тыс. до н. э., здесь не было. Распад общекавказского языка-основы произошел значительно раньше. Любопытно, что по ряду особенностей нахско-дагестанские языки занимают, по мнению лингви-

[10] *И. М. Дьяконов.* Предыстория армянского народа, стр. 13—18.
[11] Там же, стр. 18.
[12] Там же, стр. 19—20.

стов, промежуточное положение между картвельскими и абхазо-адыгскими языками. Более того, в нахских языках, распространенных на той территории Кавказа, где и наблюдается поразительный симбиоз куро-аракской и майкопской культур, обнаруживаются наиболее тесные связи как с остальными кавказскими языками, так и с хуррито-урартским. Влияние последнего на нахские языки произошло, видимо, в изучаемую эпоху и едва ли в более позднее время.

В этой связи встает и вопрос об этнической принадлежности майкопской культуры. Последняя, как было отмечено, двуприродна. С одной стороны, мы видим сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам. Он, вероятно, отражает местный этнический массив, говоривший на западнокавказских языках. Вместе с тем здесь присутствует и другой элемент, по всей вероятности, и стимулировавший тот общий подъем, который здесь наблюдается во второй половине III тыс. до н. э. Что это за племена, откуда они сюда проникли и на каком языке говорили, остается неясным. Во всяком случае несомненно, что они расселились почти по всему Северному Кавказу. Можно ли их связывать с хаттскими племенами, в частности с кашками, обитавшими в конце III или в начале II тыс. до н. э. на северо-востоке Понта? Для ответа на этот вопрос и подобные ему, мы пока не располагаем сколько-нибудь надежными данными.

Более или менее уверенно мы можем говорить сейчас на основании археологических данных о следующем. Примерно в конце или во второй половине III тыс. до н. э. жизнь на большинстве куро-аракских поселений прекращается. Каковы истинные причины этого, пока неясно. На этот счет существует ряд противоречивых мнений. Одни считают, что это было вызвано развитием овцеводства [13], другие — катастрофой, связанной с продвижением через эту территорию каких-то племен [14], и, наконец, третьи — ухудшением климата, постоянными засухами [15]. Последнее нам представляется более убедительным. Во всяком случае куро-аракское население покидает долговременные места обитания и устремляется, с одной стороны, на запад, а с другой — главным образом в горные и даже высокогорные районы Кавказа. Любопытно, что все памятники куро-аракской культуры, которые мы знаем в горах, относятся к поздним фазам ее развития. В этой связи нам хотелось обратить внимание на ряд памятников с характерной жилой архитектурой и керамикой куро-аракской культуры, обнаруженных в Горном Дагестане. Последующее развитие культуры в этих районах, как устанавливается, генетически связано с данными памятниками. Другими словами, в отдельных районах горной полосы Кавказа, где обитают в первую очередь представители кавкасионского антропологического типа, с куро-аракской эпохи наблюдается определенная преемственность в развитии материальной культуры. А это дает, по нашему мнению, основание считать, что носители куро-аракской культуры в

[13] *Б. Б. Пиотровский.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955; и др.
[14] *Г. А. Меликишвили.* Указ. соч.; и др.
[15] *Н. А. Киквидзе.* Орошение в древней Грузии. (Историко-археологический очерк). Тбилиси, 1963, стр. 144—145.

какой-то своей части, вероятно, являются отдаленными предками многих коренных народов Кавказа. Это подтверждается и тем небольшим палеоантропологическим материалом, который происходит из памятников III тыс. до н. э. Закавказья. Он дает узколицый долихокранный антропологический тип, с которым генетически связываются соответствующие данные по II и I тыс. до н. э. и на основе которого, по мнению почти всех антропологов, в результате трансформации его в позднем средневековье происходит формирование современного кавкасионского антропологического типа [16].

Можно предполагать, что и майкопские племена в целом сыграли определенную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения Кавказа и в частности Северо-Западного Кавказа.

[16] *М. Г. Абдушелишвили.* К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966, стр. 13; *В. П. Алексеев.* Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения. Автореф. докт. дисс. М., 1967, стр. 60; *он же.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974; *А. Г. Гаджиев.* Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.

Оглавление

Введение 5

Глава I

История и состояние изучения древнейших культур Кавказа (эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы) 13

Глава II

К изучению неолита Кавказа 55

Глава III

Энеолит Кавказа 80

Глава IV

Куро-аракская культура 149

Глава V

Майкопская культура 197

Глава VI

Древнейшие бытовые памятники Чечено-Ингушетии и проблема взаимосвязей культур раннебронзового века Кавказа 336

Глава VII

Вопросы развития земледелия, скотоводства, гончарного производства и металлургии на Кавказе в эпоху ранней бронзы 367

Заключение 409

Отделение
[illegible] АН СССР
[illegible] археологии

Рауф Магомедович Мунчаев

КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор М. А. Карповская
Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художник Н. А. Седельников
Художественный редактор В. Н. Тикунов
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 14/I 1975 г.
Подписано к печати 16/V 1975 г.
Формат 70×90 $^{1}/_{16}$. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 30,42. Уч.-изд. л. 33,1 Тираж 2300.
Т-04298. Тип. зак. 1866.

Цена 2 р. 42 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10